Межрегиональные
Исследования

МИОН

в Общественных
Науках

Н. А. Троицкий

КРЕСТОНОСЦЫ СОЦИАЛИЗМА

Саратовский межрегиональный институт общественных наук
при Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского

Н. А. Троицкий

КРЕСТОНОСЦЫ СОЦИАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2002

УДК [9:323.4](470)
ББК 63.3(2)51
Т70

Рецензенты:

Доктор исторических наук *Г. В. Лобачева*
Доктор исторических наук *В. С. Парсамов*

Поддержка данного проекта была осуществлена НПО-Центром (Информация. Наука. Образование) совместно с Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) за счет средств, предоставленных корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) Институтом «Открытое общество» (Фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном документе может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы

Троицкий Н. А.

Т70 Крестоносцы социализма. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. — 372 с.: ил.
ISBN 5-292-02815-0

В монографии Н. А. Троицкого рассматриваются теория, стратегия и тактика, этапы и судьбы движения российских революционеров-народников 1860–1880-х годов – «крестоносцев социализма», как назвал их идеолог народничества П. Л. Лавров. Автор предлагает научно сбалансированную, свободную от крайностей оценку мировоззрения, личных качеств, всех форм деятельности народников с учетом новых данных и версий.

Для специалистов (историков, юристов, политологов) и всех интересующихся отечественной историей.

Ил. 59.

УДК [9:323.4](470)
ББК 63.3(2)51

Работа издана в авторской редакции

ISBN 5-292-02815-0

© Троицкий Н. А., 2002

Моим ученикам и коллегам
по кафедре истории России
Саратовского университета
им. Н. Г. Чернышевского
посвящаю

Если вы, господа судьи, взглянете в отчеты о политических процессах, в эту открытую книгу бытия, то вы увидите, что русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною.

Из речи А. И. Желябова на суде по делу о цареубийстве 1 марта 1881 г.

Живите и торжествуйте! Мы торжествуем и умираем!

Из предсмертного письма А. И. Баранникова

Глава I

ИСТОРИЯ ТЕМЫ

1.1. Тема

Народничество как идеология российского освободительного движения господствовало не только в 70-е, но и в 60-е и даже в 80-е годы XIX в. Однако временем исчерпывающего выражения и расцвета народничества была, несомненно, эпоха 70-х годов — точнее, с конца 60-х по начало 80-х, включая «старую» (1879—1882) «Народную волю». Эта «революционнейшая из эпох в жизни русской интеллигенции»[1] давно обрела и сохраняет доныне самостоятельный научный интерес — по совокупности разных причин.

Во-первых, идейные основы народничества, заложенные на рубеже 50—60-х годов А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским, оставались и в 70-е годы знаменем освободительной борьбы, причем они дополнялись и уточнялись, сообразно с требованиями времени. Поэтому изучать ТЕОРИЮ народничества всего удобнее на примере 70-х годов с экскурсом в 60-е годы к Герцену и Чернышевскому

Далее, именно в 70-е годы в рамках народнической теории полностью сложились и были изжиты все самые характерные для народничества ТАКТИЧЕСКИЕ направления — пропагандистское, бунтарское, заговорщическое.

Далее, 70-е годы — это время проверки на ПРАКТИКЕ, в горниле революционных действий, теории и тактики народничества, время непрерывного демократического подъема, главной силой которого были народники.

Наконец, вторая революционная ситуация 1879—1882 гг. — эта вершина нараставшего в течение десяти лет демократического подъема, обозначила собою момент наивысшего раскрытия, торжества и крушения народничества как единственной тогда в России революционной доктрины единственной же организованной силы, ПАРТИИ революционеров. В усло-

[1] Искра. № 1—52. Полн. текст под ред. и с предисл. П. Н. Лепешинского. Л., 1925. Вып. 1. С. 10.

виях 1879–1882 гг. «старое», классическое народничество от Герцена и Чернышевского до А. И. Желябова и Г. В. Плеханова всеобъемлюще проявило и почти исчерпало себя.

После второй революционной ситуации, примерно с 1883 г., начался постепенный упадок революционного народничества и подъем народничества либерального, а параллельно с этим – рост социал-демократии, т. е. наступила уже совсем иная эпоха, качественно отличная от революционно-народнической. Правда, в начале XX в. вновь появились революционные партии народнического (точнее неонароднического) типа – эсеры, энесы, эсеры-максималисты, – но они создавались и действовали в принципиально новых условиях развитого капитализма и противоборства многочисленных (помещичьих, буржуазных, крестьянских, пролетарских) партий[2].

Проблема народничества – одна из самых сложных, острых и спорных в нашей исторической науке, проблема поистине с многострадальной судьбой. Это не удивительно, ибо само понятие «народничества» разнолико и противоречиво, его отличают, как подметил Ф. Энгельс, «самые невероятные и причудливые сочетания идей»[3], из которых одни можно квалифицировать как сверхреволюционные, другие – как либеральные, а третьи – даже как реакционные. Поэтому так разноголосо оценивают народничество историки разных партий и направлений: одно и то же в нем либо осуждают, либо превозносят, черпают из него свое и отбрасывают «чужое». Эсеры находили в нем аргументы для оправдания терроризма; большевики, напротив, – для противопоставления террору повседневной работы в массах; меньшевики – для обвинений большевиков в «бланкизме» и «нечаевщине»; либералы – для обоснования конституционных реформ. Только царские каратели не находили в народничестве ничего «своего». Но именно они, как ни странно, явились первыми его исследователями.

1.2. Исследования

а) русские дореволюционные

Итак, каратели народничества – граф С. С. Татищев, князь Н. Н. Голицын, жандармский генерал Н. И. Шебеко, прокуроры В. К. Плеве и Н. В. Муравьев, агент III отделения А. П. Мальшинский – своими трудами положили начало первому по времени особому направлению, особой концепции в историографии революционного народничества. Это была офици-

[2] Подробно об этом см.: *Алексеева Г. Д.* Народничество в России в XX в. Идейная эволюция. М., 1990.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 344.

альная, правительственная, *охранительная* концепция. Вот как она формировалась.

Весной 1880 г. по заданию III отделения был смонтирован т.н. «Обзор социально-революционного движения в России». Сделал это жандармский публицист Аркадий Мальшинский. «Обзор» печатался мизерным тиражом (150 экземпляров) лишь для служебного пользования, в страшном секрете. По словам библиографа П. А. Ефремова, «во время набора и печатания этой книги в типографии присутствовал представитель полиции, гранки с набором тщательно запирались и по напечатании немедленно рассыпались». Мальшинский обозрел ход революционных событий в России с 60-х годов по 1879 г.

В том же 1880 г. составили подобные обзоры под одинаковым заголовком «Очерк развития и деятельности русской социально-революционной партии» Николай Муравьев и Вячеслав Плеве. У Муравьева речь идет о событиях с 1863 г. по 5 февраля 1880 г.[4], у Плеве — только о 70-х годах[5]. Эти два опуса не были напечатаны. Они сохранились в архиве царского министерства юстиции.

В 1882 г. тоже в закрытой печати появилась книга под названием «История социально-революционного движения в России 1861—1881 гг.» Ее написал главный придворный историк того времени граф Сергей Спиридонович Татищев (праправнук знаменитого историка XVIII в. В. Н. Татищева) по личному указанию Плеве, бывшего тогда директором Департамента полиции. Жанр этой книги (кстати, оставшейся незаконченной) сам автор определил очень точно: «судебно-полицейская хроника»[6]. Судебно-полицейски Татищев описывал революционное движение и в двухтомном труде «Император Александр II. Его жизнь и царствование», где он отвел народничеству пространную главу под характерным заголовком: «Крамола».

В русле охранительного направления подготовил свою хронику «15 лет крамолы. 4 апреля 1866 — 1 марта 1881» (М., 1883) публицист-катковец Ф. А. Гиляров, а князь Николай Голицын работал над широко задуманной (á la Татищев) «Историей социально-революционного движения в России 1861—1881 гг.» Эту работу Голицын (как и Татищев — свою) не закончил: опубликована лишь одна, 10-я глава (СПб., 1887).

Наконец, в 1890 г. на французском языке была издана «Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг.»[7], которую составлял кн. Н. Н. Голицын, а редактировал товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Н. Н. Шебеко. «Хроника» печаталась так же секретно, как

---

[4] РГИА. Ф. 1405. ОП. 539. Д. 185. Л. 1—18.

[5] Там же. Оп. 77. Д. 7779. Л. 247—262 об.

[6] Там же. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 362. Л. 2—5 (письмо С. С. Татищева к В. К. Плеве от 13 января 1882).

[7] Chronique du mouvement socialiste en Russie. 1878—1887. Rèdìgèe sous la direction de l' Adjoint du ministre de l'interieur, le lieutenant-general Schebeko. P., 1890. Русский перевод: М., 1906.

«Обзор» Мальшинского (100 экземпляров для служебного пользования), хронологически как раз продолжала «Обзор» и завершала собою оформление правительственной концепции в историографии народничества.

Каковы же отличительные черты этой концепции?

Во-первых, сознательное извращение правды о революционном движении, стремление очернить и дискредитировать его как вереницу злодеяний, против которых, дескать, вполне оправданы любые репрессии[8]. Народники (особенно народовольцы) изображались здесь как скопище невежд и «бандитов», «проникнутых идеей, что они призваны создать на земле благополучие при помощи крови и убийств[9].

Во-вторых, намеренное игнорирование причин и побудительных стимулов революционной борьбы, подмена их «злодейскими умыслами», «тлетворными влияниями Запада», «испорченностью нравов», и как итог — отрицание целесообразности, закономерности, неизбежности революций в России.

В-третьих, сугубо практическое назначение трудов, представляющих эту концепцию: все они вооружали царских карателей фактическими данными о крамоле, дабы каратели преследовали крамолу со знанием дела. Кстати, именно в обилии фактов, почерпнутых зачастую из тайников царского сыска, и заключается главное достоинство этих трудов. Научного значения (кроме раритетно-историографического) они не имеют.

Немногим позднее охранительной концепции, тоже с 80-х годов, начала складываться другая, *либеральная* концепция в историографии народничества. Родоначальником ее стал немецкий ученый, профессор Базельского университета в Швейцарии Альфонс Тун, что «само по себе свидетельствует о слабости в этом вопросе русской буржуазной исторической мысли»[10]. Впрочем, Тун окончил в 1876 г. Дерптский университет и до 1880 г. жил в России, он знал русские условия жизни, был лично знаком и консультировался, создавая свой труд, с некоторыми народниками, — например, с Л. Г. Дейчем. Тун назвал свою книгу: «История революционного движения в России». Впервые она вышла на немецком языке в 1883 г.[11] Ее русские издания появились в 1903 г. — сразу два: эсеровское под редакцией Л. Э. Шишко, и социал-демократическое, под редакцией Г. В. Плеханова. Затем книга Туна переиздавалась в России неоднократно, вплоть до 1920 г., как единственный цельный очерк русского освободительного движения от декабристов до «Народной воли» включительно.

Тун был стандартным либералом. Он отрицал революционные способы действий, но как противник деспотизма, произвола, реакции сочувствовал освободительным идеям народников и добросовестно исследовал их дея-

---

[8] Некоторый диссонанс внес в охранительную концепцию А. П. Мальшинский, заявивший на с. 322 своего «Обзора», что «нельзя искоренить крамолу одними только репрессивными мерами».

[9] Хроника... М., 1906. С. 347.

[10] *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 30. Это заключение справедливо лишь по отношению к 1880—1890-м годам.

[11] *Thun A.* Geschichte der revolutiondren Bewegungen in Russland. Leipzig, 1883.

тельность. Именно «достоинство добросовестности» ставил ему в заслугу Плеханов[12].

Книга Туна носит описательный характер. Поэтому в ней либеральная концепция лишь обозначена, но не развита. Развили ее, придали ей законченность русские историки в трудах, которые издавались один за другим после первой революции в России на небольшом отрезке времени с 1909 по 1913 гг.

Первым из них был труд видного историка и общественного деятеля, секретаря ЦК партии кадетов А. А. Корнилова «Общественное движение при Александре II. 1855–1881 гг.» (М., 1909). В том же году книгу под сходным названием – «Освободительное движение в царствование Александра II» – и аналогичной направленности опубликовал близкий кадетам Л. Е. Барриве (Гальперин). 1912 год в историографии народничества можно назвать годом Богучарского.

Василий Яковлевич Яковлев (1861–1915 гг.), более известный под псевдонимами «Б. Базилевский» и, особенно, «В. Богучарский», бывший народоволец, затем легальный марксист и, наконец, буржуазный либерал левокадетского толка, в 1912 г. издал две свои книги – лучшие из всех вообще исследований о революционном народничестве в досоветской России. Это – монография «Активное народничество семидесятых годов»[13] (в ней исследуется борьба народников до возникновения «Народной воли») и другая работа: «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель».

Наконец, в следующем, 1913 г. увидела свет книга либерального публициста, редактора журнала «Исторический вестник» Б. Б. Глинского «Революционный период русской истории (1861–1881 гг.)»

Концепция Богучарского, Корнилова, Барриве, Глинского, а также их менее проявивших себя единомышленников, в принципе одинакова, с различиями лишь в оттенках: от наиболее радикального среди них Богучарского к наиболее консервативному Глинскому. Вот смысл этой концепции. Народники – это благородные и честные люди, которые поначалу стремились к просвещению русского народа мирным путем и почти не отличались от либералов (все различие между ними сводилось к психологии: либералы-де представляли собой рассудительных, но безвольных Гамлетов, а народники – волевых, но безрассудных Дон Кихотов[14]). Царизм же, вместо того, чтобы пойти навстречу народникам (и либералам!) «по пути реформ *сверху*», подверг их жестоким репрессиям и тем самым лишь превратил добряков-народников в злостных революционеров. «В высокой степени безобидное и мечтательное, романтическое и утопическое, – писал о движении народников Богучарский, – оно в своем революционизме непременно сошло бы само собою на нет, если бы не привычка русских правящих сфер пу-

[12] *Плеханов Г. В.* Соч. М.;Л., 1927. Т. 24. С. 82.

[13] Сам Богучарский объяснял, что «активным» он назвал здесь революционное народничество – «по цензурным причинам» (РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 485. Л. 1.)

[14] Это подметил у Богучарского Плеханов (Соч. Т. 24. С. 131.)

гаться проявления в стране буквально всякого шороха»[15]. Либеральный демократ М. П. Драгоманов так конкретизировал эту точку зрения: «Если бы знаменитое «хождение в народ» русских социалистов 1874–1875 гг. совершалось при условиях западноевропейских, т. е. осталось безнаказанным, или было даже судимо и наказано по европейским законам, то значительная часть людей, которые погибли в России или перешли к террористическим теориям и действиям, сами собою обратились бы в «постепеновцев»[16]. Но царское правительство своими неоправданными репрессиями «как будто нарочно заботилось создать (...) обширные кадры революционных деятелей, непрестанно пополнявшиеся»[17].

Так на примере 1870-х годов либералы советовали царизму быть терпимым к «шороху» либерализма, доказывая, что карательные излишества даже либеральных мечтателей озлобляют и делают революционерами, опасными, в первую-то очередь, для самого царизма. Впрочем, одобряя политические (особенно, конституционные) стремления революционеров, либеральные историки осуждали их способ действия: для либералов «красный» террор был такой же «крайностью» слева, какой справа был «белый» террор. «Методы борьбы народовольчества — заговор и терроризм — как методы совершенно неверные, — заключал Богучарский, — оказались, конечно, и совершенно несостоятельными на практике»[18]. Эта мысль пронизывает труды всех либеральных историков от Туна до Глинского.

Охранительной и либеральной концепциям противоборствовала третья до 1917 г. концепция в историографии народничества — собственно *народническая*. Она начала формироваться почти одновременно с охранительной концепцией и в противовес ей. Первоначальную основу народнической концепции составили нелегальные издания «Народной воли» — программные статьи, прокламации, биографии деятелей партии, следственные показания, судебные речи. К ним добавились изданные в эмиграции сочинения П. А. Кропоткина, П. Л. Лаврова, С. М. Степняка-Кравчинского, Л. А. Тихомирова (до его ренегатства), — в первую очередь по значению книги «Подпольная Россия» Кравчинского (1882, Милан) и «Народники-пропагандисты 1873–1878 гг.» Лаврова (1895–1896, Женева)[19].

Сила и слабость народнической концепции заключались в ее революционности. Сами народники, естественно, считали свою идеологию единственно правильной, хотя расходились в тактических и даже программных вопросах. В большинстве своем они (включая Кропоткина, Лаврова, Кравчинского) признавали самой рациональной программу «Народной воли», но террор как способ борьбы считали бесперспективным, при всей его

---

[15] *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы. С. 2.

[16] *Драгоманов М. П.* Собр. полит. соч. Р., 1906. Т. 2. С. 719.

[17] *Корнилов А. А.* Указ. соч. С. 193, 259–260.

[18] *Богучарский В. Я.* Указ. соч. С. 468.

[19] Подробно о народнической историографии народничества 70-х годов см.: *Левин Ш. М.* Очерки по истории русской общественной мысли (вторая половина XIX — нач. XX вв.) Л., 1974. Ч. 2.

(для России 1870-х годов) исторической обусловленности. Главное же, они разоблачали антинародную сущность и обреченность царизма и, вопреки многоголосой клевете, доказывали, сколь привлекательны революционеры нравственно — с их любовью к народу, самоотверженностью, бескорыстием, искренностью. В этом отношении наибольшую роль сыграла «Подпольная Россия» Кравчинского — произведение выдающееся по информативности, психологизму и художественной выразительности[20]. Особенно впечатляют в ней т. н. «революционные профили», т. е. 8 ярких портретных характеристик: С. Л. Перовской, П. А. Кропоткина, В. А. Осинского, Д. А. Клеменца, Д. А. Лизогуба, Я. В. Стефановича, В. И. Засулич и Г. М. Гельфман. Лев Дейч, который лично знал каждого из них, свидетельствовал, что их «профили» у Кравчинского «как живые»[21].

С начала XX в. народническую тенденцию подхватили и панегирически развили эсеры, которые насаждали прямо-таки культ «Народной воли» в условиях, когда народовольчество уже становилось анахронизмом[22].

Либеральная концепция отрицала правительственную, им обеим противоборствовала народническая, а все эти три концепции оспаривала *марксистская* концепция народничества, которая начала складываться (как и либеральная) с 1883 г.

Своего рода фундамент для этой концепции заложили К. Маркс и Ф. Энгельс. Они специально не исследовали народничество, но, между прочим, в переписке и в трудах на смежные темы, оставили ряд принципиальных оценок его теории, тактики и практики. Критикуя социалистические иллюзии народников, утопизм их доктрины, Маркс и Энгельс приветствовали их революционную практику, особенно политическую борьбу Народной воли» против самодержавия. Основоположники марксизма прониклись к этой борьбе таким сочувствием, что, хотя они *в принципе* отвергали терроризм «как теорию» и «панацею», готовы были оправдать «красный террор» народовольцев как способ действия, «продиктованный им (...) действиями самих их противников», «по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе»[23].

Целостную марксистскую концепцию народничества на фундаменте, который оставили Маркс и Энгельс, первым начал строить Г. В. Плеханов — в двух своих книгах: «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1885). Сам бывший народник, он не хуже народников понимал историческую прогрессивность их доктрины. Но как марксист он понял, хотя и несколько утрировал, ограниченность народничества. Вот главное, что он сделал как историк и критик народничества.

---

[20] Подробно о ней см.: *Тарапута Е. А.* Подпольная Россия. Судьба книги С. М. Степняка-Кравчинского. М., 1967. 272 с.

[21] *Дейч Л. Г.* С. М. Кравчинский. Пг., 1919. С. 41.

[22] См.: *Григорович С. (Житловский Х. О.)* Социализм и борьба за политическую свободу. Лондон, 1898; *Макаров А. (Аргунов А. А.)* Наши предшественники. СПб., 1906.

[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 158; Т. 21. С. 197; Т. 35. С. 148.

Первое. Плеханов вскрыл иллюзорность, утопизм народнических расчетов на крестьянскую общину как зародыш социализма, на социалистическую революцию силами крестьянства, на возможность для России миновать капитализм. Он первым доказал, что в России налицо прогрессирующий капитализм и что сила, порождаемая капитализмом, — пролетариат, — это и есть решающая сила грядущего преобразования России, «тот динамит, который взорвет самодержавие»[24].

Второе. Плеханов видел социальную, т. е. мелкобуржуазную природу народничества, прямо называл его «мещанско-крестьянским социализмом», подчеркивал, что оно выражает собою «интересы нашей мелкой (конечно, не кулацкой) буржуазии»[25], хотя и не проявил здесь должной последовательности. Так, он преувеличил внешнее сходство народничества и славянофильства (по его словам, народники — это «славянофилы от революции»).

Третье. Плеханов первым попытался с марксистских позиций осветить весь ход революционно-народнического движения и при этом сделал много ценных наблюдений и выводов, хотя не избежал ошибок. Как бывший черноперелец он явно недооценил «Народную волю», посчитав, что «она была совершенно лишена способности к жизни»[26], и переоценил «Черный передел», заключив, будто «из него развилась социал-демократия»[27].

Итак, Плеханов начал возводить капитальное «многоэтажное» здание марксистской концепции народничества. Фигурально выражаясь, он воздвиг лишь первый этаж. Достроил и отделал это «здание» В. И. Ленин. Именно он явился создателем законченной марксистской (точнее сказать, даже ленинской) концепции народничества. Кроме множества высказываний, ему принадлежит ряд специальных трудов о народничестве: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» и др. Ленин дал классическое определение народничества как «идеологии крестьянской демократии»[28] и показал, что эта идеология господствовала в русском освободительном движении на разночинском этапе, т. е. с начала 60-х до середины 90-х годов. Он же по-марксистски выявил отличительные признаки народничества, его объективно-демократическое содержание и субъективно-социалистическое облачение, рассмотрел его эволюцию, соотношение между двумя тенденциями в народничестве — демократической и либеральной, между «старым» (революционным) и новым (либеральным) народничеством.

Сущность народничества (и «старого» и «нового») Ленин усматривал в протесте одновременно «против крепостничества и буржуазности в России с точки зрения крестьянина, мелкого производителя»[29]. Этот вывод Ленина

---

[24] *Плеханов Г. В.* Соч. М.;Пг., 1923. Т. 2. С. 72.
[25] Там же. Т. 2. С. 331; Т. 3. С. 16–17.
[26] Там же. Т. 24. С. 142.
[27] Там же. С. 152.
[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 304.
[29] Там же. Т. 1. С. 355.

остается научно неоспоримым. Но среди ленинских оценок народничества есть не столько научные, сколько политические, обусловленные конъюнктурой революционной борьбы или партийными пристрастиями. Если о народниках 70-х годов Ленин отзывался как о «блестящей плеяде революционеров» с «беззаветной решимостью и энергией» и «величайшим самопожертвованием»[30], то народников 80–90-х годов называл «отвратительнейшими реакционерами народничества», клеймил их «политическое лакейство» и «лакейское бесстыдство», а их позицию по отношению к царизму определял хлесткими словами Щедрина: «применительно к подлости»[31]. Советские историки канонизировали все сказанное Лениным о народничестве, но быстро научились использовать высказывания вождя и в научных и политических спорах, вырывая из ленинского контекста и, при случае, переадресовывая, подходящие цитаты с похвалами или ругательствами.

б) советские исследования

Итак, взяв труды Ленина за методологическое руководство и ориентируясь по ним, как по компасу, с 1917 г. начала развиваться советская историография народничества. В ней следует различать три этапа: с 1917 г. до середины 30-х годов; со второй половины 30-х до середины 50-х; со второй половины 50-х по начало 90-х годов, т. е. до распада СССР.

На первом этапе революционное народничество исследовалось интенсивно и плодотворно – по ряду причин. Во-первых, после победы Октября рос интерес к революционному прошлому, к национальным традициям освободительной борьбы. Во-вторых, подогревали этот интерес печатные и устные выступления живых свидетелей, иные из которых (Вера Фигнер, Николай Морозов, Михаил Фроленко) заслуженно пользовались славой чуть ли не сказочных героев. Вот характерный штрих. На торжественном вечере в Москве 5 февраля 1928 г. по случаю 50-летия процесса «193-х», где выступали Н. А. Морозов, А. В. Якимова, М. П. Сажин, «клуб (Общества политкаторжан. – *Н. Т.*) был переполнен рабочей и учащейся молодежью, воспоминания участников процесса затянулись по настоянию аудитории до глубокой ночи, причем молодежь требовала, чтобы сняли с программы вечера концерт и дали послушать «стариков»[32]. Наконец, в-третьих, был открыт доступ к государственным архивам, сохранившим для историков почти все документы старого режима. Не зря директор Национального архива Франции Ш. Ланглуа, досадуя на то, что Французская революция XVIII в. уничтожила архивы духовного ведомства как «достояние реакционных сил»,

[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 469; Т. 6. С. 25, 28, 106, 178; Т. 30. С. 315.
[31] Там же. Т. 1. С. 239, 268, 271; Т. 2. С. 464.
[32] 50-летие процесса «193-х» // Каторга и ссылка. 1928. № 3. С. 203.

сказал советскому академику Е. В. Тарле: «Ваша революция была умнее нашей»[33].

До недавних пор в ряду причин, которые способствовали успешному изучению народничества (как, впрочем, и всех вообще проблем истории) обязательно называлась еще одна — освоение советскими историками марксистско-ленинской методологии. Теперь выясняется, что эта причина не столько помогала, сколько мешала историкам.

Правда, до середины 30-х годов идейный контроль над историками СССР не был столь жестким, как в последующие годы. Хотя труды и высказывания классиков марксизма-ленинизма о народничестве усиленно пропагандировались и уже начали выходить в свет методологические руководства для историков народничества[34], все же советские ученые сохраняли отчасти творческую свободу и, дискутируя между собой, успели к середине 30-х годов создать много интересных монографических исследований[35]. Видное место отводилось народничеству в общих курсах российской истории — М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова, С. А. Пионтковского[36]. При этом резко обособились две крайности. Если И. А. Теодорович с большевистской горячностью идеализировал народников и стремился доказать, что народовольчество предвосхитило («в зародыше») большевизм[37], то М. Н. Покровский так же горячо доказывал: «большевизм своими положительными чертами ничем не обязан народничеству»[38]. Впрочем, Покровский противоречил себе, модернистски определяя бунтарей и пропагандистов первой половины 70-х годов как «большевистское» и «меньшевистское» крылья[39]. Само понятие «народничество» толковалось иногда то очень узко, то слишком широко: Ю. М. Стеклов отождествлял его с землевольчеством, а Н. А. Рожков распространял на художников-передвижников и композиторов «Могучей кучки»[40].

---

[33] *Тарле Е. В.* О советской историографии // Вестник АН СССР. 1943. № 1–2. С. 70–71.

[34] *Генкина Э. Б.* Ленин о революционном народничестве и народовольчестве // Пролетарская революция. 1930. № 2–3; Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной воле». Сб. статей. М., 1931; *Ярославский Е. М.* Карл Маркс и революционное народничество. М., 1933.

[35] *Левицкий В. О.* Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. М.;Л., 1928; *Поташ М. А.* Народнический социализм. М., 1930; *Невский В. И.* От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930; *Кузьмин Д. (Колосов Е. Е.)* Народовольческая журналистика. М., 1930; *Кункль А. А.* Долгушинцы. М., 1932; *Козьмин Б. П.* От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». М., 1933.

[36] *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен (с 1918 по 1934 гг. — 7 изданий). Т. 4; *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Л.; М., 1925. Т. 11; *Пионтковский С. А.* Очерки истории России XIX–XXвв. Харьков, 1928.

[37] *Теодорович И. А.* Историческое значение партии «Народная воля». М., 1930. С. 77–78.

[38] *Покровский М. Н.* Указ. соч. М., 1934. Т. 4. С. 313.

[39] *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. М., 1927. С. 54–55.

[40] *Рожков Н. А.* Указ. соч. М., 1934. Т. 11. С. 146; *Стеклов Ю. М.* Борцы за социализм. М.;Л., 1924. Ч. 2. С. 122.

Однако коллективными усилиями ленинская концепция народничества очищалась от вульгаризации и модернизации. Полезной в этом отношении была всесоюзная дискуссия о «Народной воле»[41]. К середине 30-х годов в нашей литературе уже преобладал восходящий к Ленину, но хорошо аргументированный взгляд на народничество как на идеологию крестьянской демократии, господствовавшую в русском освободительном движении с начала до конца его разночинского этапа. Движение 60—70-х годов рассматривалось в неразрывном единстве как *революционно-народническое* (в противовес либеральному народничеству 80—90-х годов). К тому времени был накоплен колоссальный фактический материал, активно разрабатывались все проблемы народнического движения. На очередь встала задача создания обобщающих монографий. Но вдруг — вся работа по изучению народничества пресеклась.

Дело в том, что к 1935 г., в обстановке воцарения культа личности Сталина, когда сталинская камарилья спекулировала на возможности террористических актов со стороны мнимых «врагов народа», какой бы то ни было интерес к народничеству с его терроризмом стал для «верхов» опасным. Вскоре после злодейского убийства С. М. Кирова Сталин в кругу приближенных заявил: «Если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов»[42]. Это заявление было воспринято как сигнал к запрету не только народовольческой, но и вообще народнической проблематики. 14 июня 1935 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О пропагандистской работе в ближайшее время», которое, в частности, гласило: «Необходимо особенно разъяснить, что марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчество и т. п.), как злейшим врагом марксизма, и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы»[43]. В том же 1935 г. было распущено Всесоюзное общество политкаторжан, которое являлось центром исследования народничества, закрыт его орган — журнал «Каторга и ссылка», а также его издательство, прерваны уже начатые издания многотомных собраний трудов П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева, задержан выпуск очередных томов биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России», выходившего с 1924 г. (эти тома — о народовольцах — уже подготовленные к выходу в свет, типографски набранные, были сданы в архив, где и лежат поныне).

С 1935 г. научная разработка истории народничества оказалась под запретом, Все деятели народничества — и либеральные, и революционные — были синтезированы под одним ярлыком «народники», объявлены «злейшими врагами марксизма» (хотя они боролись против самодержавия больше 20 лет до начала распространения марксизма в России) и окончательно развенчаны на страницах «Краткого курса истории ВКП(б)», который на-

[41] См.: Дискуссия о «Народной воле». М., 1930.

[42] История и историки. Историография истории СССР. М., 1965. С. 257.

[43] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 6. М., 1941. Ч. 2. С. 817.

долго стал высшей и окончательной инстанцией советской исторической науки. «Краткий курс» изображал все — и революционное и либеральное — народничество однотонно и негативно, В нем не было даже термина «революционное народничество», а были народники *вообще*, которые, мол, представляли собой «героев-неудачников», возомнивших себя «делателями истории» и начавших «переть (?! — *Н. Т.*) против исторических потребностей общества»[44].

Отныне народников можно было только клеймить, поносить (как «злейших врагов марксизма», вздумавших «переть» против истории), но не исследовать. Органическая часть разночинского этапа освободительной борьбы в России — революционное движение с середины 60-х по начало 80-х годов — была выброшена из отечественной историографии и почти четверть века оставалась как исследовательская проблема на положении залежи. Вся работа по исследованию разночинского этапа сосредоточилась на первой половине 60-х годов, а точнее — на взглядах (главным образом) и деятельности А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и узкого круга их соратников. При этом вошло в обычай антинаучное противопоставление народников 60-х годов во главе с Герценом и Чернышевским (которые-де вовсе не народники, а революционные демократы) народникам 70-х годов (которые будто бы отнюдь не революционные демократы, а только народники). Ленинский анализ народничества конъюнктурно извращался: похвалы революционным народникам замалчивались, а ругань по адресу народников либеральных (или даже — эсеров!) распространялась на все народничество вообще. Некоторые историки, «виновные», между прочим, и в том, что они одобрительно писали о народниках, были физически уничтожены. Среди них В. И. Невский (1876—1937) Б. И. Горев (1874—1937), Е. Е. Колосов (1879—1937), П. Н. Столпянский (1872—1938), И. А. Теодорович (1876—1940), В. О. Левицкий[45] (1883—1941), Ц. С. Фридлянд (1896—1941), А. К. Воронский (1884—1943).

Только после XX съезда КПСС (1956 г.), который декларировал необходимость *творческого* развития исторической науки без догматизма, конъюнктурщины и, тем более, без насилия над наукой, началось восстановление правды о народничестве и его доброй славы. Как «первая ласточка» новой поры в мае 1956 г. появилась и взбудоражила историков статья П. С. Ткаченко «О некоторых вопросах истории народничества»[46] с призывом восстановить разработку народнической проблематики, пойти вперед от того рубежа, который был достигнут в 1935 г. За статьей Ткаченко последовали другие, аналогичные по смыслу, статьи[47], а в 1957 г. вышла и пер-

[44] История ВКП (б). Краткий курс. М., 1938. С. 16.

[45] Родной брат Ю. О. Мартова. Левицкий — псевдоним, настоящая фамилия — Цедербаум.

[46] Вопросы истории. 1956. № 5.

[47] См. напр.: *Полевой Ю. З.* В. И. Ленин о домарксистском периоде революционного движения в России // Коммунист. 1958. № 6; *Козьмин Б. П.* Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Исторические записки.

вая после 20-летнего перерыва монография на революционно-народническую тему — «Русская секция I Интернационала» Б. П. Козьмина.

Разумеется, не все исследователи сразу отказались от установок «Краткого курса» по отношению к народничеству. Понадобились дискуссии о народничестве, которые и последовали, частые и жаркие, с 1957 г.: в институте истории Академии наук СССР (1957, 1959, 1963, 1966 г.), в журналах «Вопросы литературы» (1960 г.), «История СССР» (1961—1963 гг.) В январе 1961 г. при Институте истории была создана проблемная Группа по изучению общественного движения в пореформенной России, которая объединила и координировала усилия народниковедов фактически всей страны. Таким образом, после долгого запрета вновь открылись возможности для изучения народничества, и наши историки, а также философы, экономисты, литературоведы не замедлили использовать их. За короткое время с конца 50-х по начало 70-х годов были монографически разработаны почти все основные аспекты революционно-народнической проблематики.

Общий очерк движения революционных народников от Герцена и Чернышевского до «Народной воли» первым после XX съезда КПСС опубликовал Ш. М. Левин. Его труд (в целом весьма обстоятельный, как и все, что создано этим историком — может быть, крупнейшим после Б. П. Козьмина знатоком народничества) был написан большей частью еще в «запретное» для народнической проблематики время и местами несет на себе печать того времени. Так Левин доказывал, будто народничество «окончательно сложилось как доктрина» лишь к 70-м годам и что поэтому надо различать внутри разночинского этапа периоды «революционно-демократического просветительства» 60-х и «революционного народничества» 70-х годов[48].

Менее подробно, но более точно и современно изложил всю историю революционного народничества В. Ф. Антонов в научно популярном пособии для учителей «Революционное народничество» (М., 1965). Здесь хорошо показано принципиальное единство революционно-народнического движения 60—70-х годов.

О «хождении в народ» почти одновременно были подготовлены две монографии (кстати, обе защищенные в качестве докторских диссертаций) — Б. С. Итенберга и Р. В. Филиппова[49]. Б. С. Итенберг впервые комплексно рассмотрел все стороны «хождения в народ» как исследовательской проблемы. Опираясь на богатейший массив источников, он выявил предпосылки «хождения» и проследил его эволюцию (как процесс наращивания сил) от Герцена, который первым бросил лозунг «В народ!», до массового похода

1959. Т. 65; *Широкова В. В.* К вопросу об оценке деятельности «Народной воли» // Вопросы истории. 1959. № 8.

[48] *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958. С. 293, 308.

[49] *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. *Филиппов Р. В.* Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863—1874). Петрозаводск, 1967.

народников в деревню 1874 г. и далее, до начала «Земли и воли» 1876–1879 гг. Тем самым доказана идейная, деловая и даже организационная преемственность революционного народничества 60-х и 70-х годов. Несколько иначе подошел к проблеме Р. В. Филиппов. Не углубляясь в практический аспект «хождения», он попытался выяснить закономерности развития теории и тактики революционного народничества и выдвинул сенсационную версию о том, что главным тактическим направлением в народничестве 70-х годов было не бакунистское и не лавристское, как обычно считают, а «революционно-пропагандистское», воплощенное в тактике Большого общества пропаганды 1871–1874 гг. и свободное от крайностей бакунизма и лавризма.

Важным дополнением к трудам Б. С. Итенберга и Р. В. Филиппова служит книга В. Ф. Захариной «Голос революционной России. Литература революционного подполья 70-х годов XIX в. «Издания для народа» (М., 1971).

«Земля и воля» монографически исследована (правда, далеко не лучшим образом: узок круг источников, много пробелов и ошибок) в книге П. С. Ткаченко «Революционная народническая организация «Земля и воля»» (М., 1961).

Наибольший интерес у историков народничества всегда вызывала «Народная воля». О ней только за 5 лет с 1966 по 1971, кроме ряда диссертаций и множества статей, были изданы четыре монографии[50]. Три из них противостоят старому (времен «Краткого курса») уничижительно-негативному взгляду на «Народную волю», а книга С. С. Волка (о ней речь пойдет особо) представила собой опыт компромисса между старым и новым взглядами.

О «Черном переделе» монографий нет до сих пор, но еще в 60-е годы ему были посвящены обстоятельные статьи Ш. М. Левина и Е. Р. Ольховского[51], а также кандидатская диссертация Е. Р. Ольховского (защищена в 1968 г. и не опубликована).

Косвенно относятся к историографии революционного народничества труды П. А. Зайончковского и М. И. Хейфеца[52]. В них исследуется не столько освободительное движение, сколько внутренняя политика царизма, кризис самодержавия в условиях второй революционной ситуации. При этом Зайончковский и Хейфец решают вопрос о роли народников в разви-

---

[50] *Волк С. С.* «Народная воля» (1879–1882). М.;Л., 1966; *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966; *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1969; *Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1891). Саратов, 1971 (²1983).

[51] *Левин Ш. М.* «Черный передел» и проблема политической борьбы // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; *Ольховский Е. Р.* К истории «Черного передела» // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965.

[52] *Хейфец М. И.* Вторая революционная ситуация в России. Кризис правительственной политики. М., 1963; *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964.

тии революционной ситуации с противоположных позиций. Зайончковский, ссылаясь на документальные данные об относительно скромном размахе массового движения, пришел к выводу, что решающей силой второго демократического натиска в России было движение народников (народовольцев) как выразителей интересов масс. Хейфец же заключил, что народовольцы для такой роли были слабы, а сыграло тогда решающую роль именно массовое, крестьянское движение. Для вящей убедительности своего взгляда Хейфец сильно преувеличил данные о крестьянском движении, в чем его и уличил Зайончковский.

Ценный вклад в историографию народничества внесли за то же время, с конца 50-х по начало 70-х годов, философы, социологи, литературоведы, экономисты[53]. Словом, изучение народнических сюжетов шло тогда с нарастающей активностью — и вглубь, и вширь. Исследовались как общероссийские аспекты народничества, так и местные его проявления. Только по революционно-народнической проблематике защитили в СССР докторские диссертации: В. Ф. Антонов, Э. С. Виленская, Б. С. Итенберг, М. Г. Седов, П. С. Ткаченко (Москва), С. С. Волк, Н. В. Осьмаков (Ленинград), И. В. Порох, Н. А. Троицкий, В. В. Широкова (Саратов), Р. В. Филиппов (Петрозаводск), М. Д. Карпачев (Воронеж), В. А. Виноградов (Свердловск), Л. Г. Сухотина (Томск), Б. Г. Михайлов (Вологда), И. С. Вахрушев (Ижевск), Л. П. Рощевская (Сыктывкар), В. П. Крикунов (Грозный), А. И. Пашук (Киев), З. В. Першина (Одесса), З. Л. Швелидзе (Тбилиси), В. З. Галиев (Алма-Ата).

Однако за 30—50-е годы принижение народничества пустило столь глубокие корни, что изжить его полностью не удалось, оно сказывается до сих пор и в научной, и в учебной, и в художественной литературе. Иные исследователи и после 1956 г. по старинке воспринимали народничество как нечто зазорное, пытаясь если не принизить, то хотя бы сузить его значение. Выставлять народников не столько борцами против царизма, сколько врагами социал-демократии, как это делалось ранее, после XX съезда КПСС стало невозможным. С 1956 г. даже закоснелые хулители народничества были вынуждены признавать, что революционные народники — это борцы против царизма и предшественники социал-демократии в России. Но такие признания обычно сопровождались *оговорками* — двоякого рода.

Одни критики народничества старались оторвать от революционно-народнической почвы Герцена, Чернышевского и заодно весь круг их соратников, революционеров 60-х годов, ограничивали само понятие «революционное народничество» рамками 70-х годов, дабы порицать слабости и ошибки народников без риска скомпрометировать вместе с ними *великого* Герцена и *великого* Чернышевского, оскорбить память «великих». Эти ученые договаривались до того, что Чернышевский-де «еще в 60-е годы (?? — *Н. Т.*) (...)

---

[53] См.: *Малинин В. А. , Сидоров М. И.* Предшественники научного социализма в России. М., 1963; *Малинин В. А.* Философия революционного народничества. М., 1972; *Осьмаков Н. В.* Поэзия революционного народничества. М., 1961; *Булатов Г. П.* Экономические воззрения русского народничества. Дис. докт. эконом. наук. М., 1965.

подверг критике (...) народовольческие иллюзии о всесилии (? — *Н. Т.*) террора»[54]. Поскольку известно, что Ленин называл Чернышевского одним из «родоначальников народничества»[55], советские критики народников, не желая полемизировать с Лениным, попадали в неловкое положение, как это случилось, например, с Е. М. Филатовой, которая не нашла ничего лучше следующего тезиса: да, Чернышевский — «родоначальник народничества» («Magister dixit» — что делать?), но не народник[56].

Другие критики народничества признают, что революционно-народническая идеология господствовала в русском освободительном движении не только в 70-е, но и в 60-е годы, начиная с Герцена и Чернышевского. Они отмечают и прогрессивность идейных исканий, и последовательный демократизм, и боевитость программ, и невиданный прежде размах борьбы, и героизм революционных народников, т. е. как будто все признают и отмечают, но упор делают не на силе, а на слабости героев народничества, не на том, что они *дали,* по сравнению с предшественниками, а на том, чего они *не дали*, сравнительно с преемниками. Самый выразительный пример такой исследовательской позиции — книга С. С. Волка «Народная воля».

На первый взгляд, эта книга написана «во здравие» «Народной воли». В ней много слов о героизме народовольцев, много примеров их героизма. Но акцентирована она не столько на сильных сторонах народовольчества, сколько на его слабостях, причем автор муссирует эти слабости и винит народовольцев, вопреки принципу историзма, даже в том, что на деле было не виною их, а бедой (отрыв от масс, недооценка исторической роли пролетариата, тактика террора и пр.) В целом позиция Волка воспринимается как фамильярно-снисходительное похлопывание героев «Народной воли» по плечу: дескать, хорошие вы ребята, лихие, но... тупоумные, не додумались, что надо было оставить террор и заняться «организацией классовой борьбы пролетариата». Это выходит уже не «во здравие», а «за упокой» «Народной воли» как исторического явления.

Двойственность, межеумочность позиции С. С. Волка яснее всего проявилась в том, как он обошел принципиальный вопрос об историческом месте «Народной воли». Отметив, что одни исследователи (М. Г. Седов, В. А. Твардовская) считают ее вершиной народничества, а другие (Ш. М. Левин, Б. С. Итенберг) не соглашаются с этим, Волк заключил: «более правильно говорить, что народническое движение развивалось сложным, зигзагообразным путем», и на этом поставил точку[57], хотя такое заключение ничего не говорит о месте «Народной воли», ибо зигзаги бывают разные — и вверх, и вниз. Получилось, что сам Волк сделал зигзаг в сторо-

---

[54] Н. Г. Чернышевский и современность / Под ред. М. Т. Иовчука, А. Ф. Смирнова и др. М., 1980. С. 86.

[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 304; Т. 25. С. 94.

[56] Чернышевский и его эпоха / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1979. С.26. С таким же успехом Е. М. Филатова могла бы сказать, что К. Маркс был основоположником марксизма, но не марксистом.

[57] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 29.

ну от решения вопроса, не желая самоопределяться по отношению к «Народной воле» — ни по старому, ни по новому.

Итак, разгоревшиеся с конца 50-х годов споры о народничестве имели вполне очевидный источник — живучесть нигилистического отношения к народничеству, которое внедрялось в советскую историографию больше 20 лет. В чем же существо этих споров?

Все они как бы фокусировались в одном общем вопросе — о периодизации разночинского этапа освободительного движения в России. Одна группа историков (М. В. Нечкина, И. Д. Ковальченко, Ш. М. Левин, А. Ф. Смирнов, О. Д. Соколов и др.) судила так:

а) народничество — это лишь часть разночинского этапа: оно-де относится только к 70—80-м годам;

б) Герцен, Чернышевский и вся плеяда деятелей 60-х годов — это революционные демократы, а не народники. Зачатки народничества у них были, но как система взглядов народничество для них не характерно, поскольку оно сложилось лишь на рубеже 60—70-х годов;

в) отсюда разночинский этап подразделяется на *три* периода: революционно-демократический (60-е годы), революционно-народнический (70-е годы) и либерально-народнический (80-е годы).

Другая группа историков (Б. С. Итенберг, М. Г. Седов, В. Ф. Антонов, В. А. Твардовская, Р. В. Филиппов и др.) судит иначе:

а) весь разночинский этап освободительного движения был народническим;

б) Герцен и Чернышевский — основоположники народничества и его самые авторитетные идеологи;

в) отсюда разночинский этап подразделяется на *два* периода: революционно-народнический (60-е и 70-е годы) и либерально-народнический (с начала 80-х до середины 90-х годов).

При столь разном взгляде на такую общую проблему, как периодизация всего разночинского этапа, естественно, дискуссионным стал ряд более частных, но тоже принципиальных вопросов. Вот некоторые из них.

Были ли революционные демократы 60-х годов народниками, а народники 70-х революционными демократами?

Был ли революционный процесс на разночинском этапе поступательным или попятным? Этот вопрос, как ни странно, тоже дебатировался. Так, по мнению М. В. Нечкиной, «моментом наивысшего раскрытия» разночинского этапа была первая революционная ситуация 1859—1861 гг.[58], а дальше, стало быть, т.е. на протяжении всего этапа движение регрессировало.

Что было решающим фактором второй революционной ситуации в России — массовое (крестьянское) или народовольческое движение?

---

[58] *Нечкина М. В.* Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации (1859—1861) // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1954. Т. 13. Вып. 1. С. 56.

Был ли «красный» террор народовольцев исторически обусловленным, хотя бы относительно целесообразным и эффективным, или же оказался попросту оплошным и вредным?

Все эти вопросы были предметом острейшей всесоюзной дискуссии по народничеству в Институте истории АН СССР 16–18 марта 1966 г. Здесь, к неудовольствию официозных историков во главе с акад. М. В. Нечкиной и наблюдавших за дискуссией партийных функционеров[59], обнаружилось, что большинство ученых, *специально* занимающихся изучением народничества, рассматривает весь разночинский этап освободительного движения в России как народнический, а само движение на этом этапе как поступательный процесс от 60-х к 80-м годам. После дискуссии этих ученых начали критиковать (с каждым днем все целенаправленнее) как апологетов народничества. Крайним выражением такой критики стала инспирированная «сверху» статья А. Ф. Смирнова – претенциозная во всех отношениях: по существу, по тону и даже названию[60]. Скандальную репутацию этой статьи и ее автора усугубил плагиат: 9 абзацев подряд (два журнальных столбца) Смирнов списал из рецензии С. С. Волка, опубликованной в журнале «Коммунист» четырьмя годами ранее (1968. № 11)[61].

В 70–80-е годы изучение народничества вновь (не столь жестко, как при Сталине) искусственно задерживалось, наталкиваясь на цензурные ограничения. Издательства неохотно принимали к печати литературу по народнической тематике, причем требовали даже изымать самый термин «народничество» из названий книг, заменяя «народников» «разночинцами», «революционными демократами» и просто «революционерами»[62]. В отличие от 1929–1931 гг., когда научная общественность страны отмечала изобилием публикаций 50-летний юбилей «Народной воли», в 1979–1981 гг. 100-летие этой героической партии все учреждения из мира науки и прессы (кроме Саратовского университета)[63] обошли молчанием, хотя, например, в 1980 г. они шумно отметили 250 лет со дня рождения царского генералиссимуса А. В. Суворова. А ведь то было время Советской власти, когда, как нельзя более, почиталось все революционное!

---

[59] Один из них – заведующий отделом истории журнала ЦК КПСС «Коммунист» О. Д. Соколов – принял активное участие в дискуссии.

[60] *Смирнов А. Ф.* За строгую научность, достоверность и историческую правду // коммунист. 1972. № 16.

[61] Козьма Прутков говаривал: «Одного яйца два раза не высидишь». Анатолий Смирнов, списав чужой текст, присвоив его себе и получив за него гонорар, опроверг Пруткова.

[62] См.: *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978; *Карпачев М. Д.* Русские революционеры разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979; *Его же.* Очерки истории революционно-демократического движения в России. Воронеж, 1985; *Вахрушев И. С.* Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 гг. Саратов, 1980.

[63] СГУ выпустил два издания в честь 100-летия «Народной воли»: Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Вып. 10. Саратов, 1980; *Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом. 2-е изд. Саратов, 1983.

В оценке народничества 70-х годов и, особенно, «Народной воли» с ее пугающим все и всякие власти терроризмом укоренялся санкционированный «сверху» взгляд С. С. Волка. Согласована с этим взглядом даже творческая, претендующая на преодоление официозных стереотипов книга И. К. Пантина, Е. Г. Плимака и В. Г. Хороса. Идеология «Народной воли» здесь представлена «смутной», «примитивной», а деятельность ее — «тупиковой»[64].

Тем не менее, и в 70-80-х годах выходила литература с непредвзятыми, научно сбалансированными оценками революционного народничества, — главным образом биографическая. Таковы книги А. А. Демченко о Н. Г. Чернышевском, Н. М. Пирумовой о А. И. Герцене и М. А. Бакунине, Б. С. Итенберга и В. Ф. Антонова о П. Л. Лаврове, Б. М. Шахматова о П. Н. Ткачеве, Э. С. Виленской о Н. К. Михайловском. Увидели свет биографии П. А. Кропоткина, Н. А. Морозова, Г. А. Лопатина, А. Д. Михайлова, М. Ф. Фроленко, Н. И. Кибальчича, П. И. Войноральского, А. В. Якимовой, С. Н. Халтурина, А. И. Ульянова, Н. К. Судзиловского-Русселя, замечательный труд Е. А. Таратута о С. М. Степняке-Кравчинском[65]. Должное место уделено народничеству в коллективной монографии о второй революционной ситуации в России (отв. ред. Б. С. Итенберг)[66].

После распада СССР наши историки уже не проявляют былого интереса к народничеству, как и вообще к революционному движению. Приятных исключений — что называется, раз-два и обчелся[67]. Зато в посткоммунистической публицистике (даже на страницах солидных изданий) народники стали обиходной мишенью для нападок, похожих на те, которым они подвергались со стороны их карателей, царских палачей. Впрочем, сегодняшние критики народничества идут еще дальше прежних. Показателен вывод бывшего историка КПСС Л. Н. Краснопевцева «о фактическом прочном союзе и постоянной взаимной (?? — *Н. Т.*) поддержке отстаивавших в сущности единый путь развития России былого дворянского самодержавия Романовых и крепнувшего в этом союзе красного самодержавия Нечаева — Желябова — Ленина». Разницу между этими самодержавиями Краснопевцев усматривает лишь в том, что «царское самодержавие стояло на почве жизни,

---

[64] *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М., 1986. С. 251, 266, 269, 270.

[65] *Таратута Е. А.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. Весьма ценны исследования Е. А. Григорьевой, А. Я. Кипермана и, особенно, ряд трудов В. Я. Гросула о революционно- народнической эмиграции.

[66] Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983. См. также: *Троицкий Н. А.* Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.) Саратов, 1991.

[67] *Рудницкая Е. Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992; *Гинев В. Н.* Народовольческий террор в историографических оценках и мнениях // Проблемы соц.-экономич. и политич. истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. В книге В. Ф. Антонова «Н. Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста» (М., 2000) предпринят капитальный, но не бесспорный пересмотр традиционных представлений о Чернышевском, который, по мнению Василия Федоровича, выступал за мирный переход России к социализму «при содействии просвещенного самодержавия» (С. 2, 194).

имело в ней опору», а «рвущееся к власти самодержавие революционеров было совершенно нежизнеспособным»[68]. Дальше этого вывода идти некуда, ибо дальше, как любил говорить Г. В. Плеханов, «уже начинается комическое царство вполне очевидного абсурда».

в) зарубежные исследования

Дискуссионный характер носит и зарубежное народниковедение. В нем издавна и доныне противоборствуют, как это было у нас до 1917 г., различные концепции: условно говоря, – консервативная, умеренно-ли-беральная, радикально-демократическая, марксистская.

В первое время (с конца 1870-х годов) до 1917 г. иностранные авторы писали о русском народничестве более в публицистическом, чем в исследовательском плане. Консервативные публицисты, вроде англичанина Д. Гопкинса и немца К. Н. фон Гербель-Эрмбаха (псевдоним Николай Карлович)[69], подхватили и пытались развить традицию царских охранителей, т. е. идею национального отщепенства, социальной немочи, политической вздорности и нравственной ущербности русских революционеров. Напротив, радикалы возвеличивали героев «Народной воли» как передовых людей своего времени, выполнявших исторически назревшую и справедливую задачу свержения царизма, хотя не все в условиях и способах их действий понимали и одобряли. С таких позиций выступали, например, американцы Э. Нобль[70] и, особенно, Джордж Кеннан – автор знаменитой книги «Сибирь и ссылка»[71]. Однако преобладающим в зарубежной литературе о русском народничестве было до 1917 г. не консервативное и не радикальное, а либеральное (умеренного толка) направление.

Начало ему положили французские публицисты 1870–1880-х годов. Первым из них по времени и значению был Анатоль Леруа-Болье. Наблюдательный журналист и ученый-историк, четырежды с 1872 по 1881 гг.

---

[68] «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 111. Столь же дилетантски предвзято и желчно судят о народниках Ф. М. Лурье в книге «Созидатель разрушения» (СПб., 1994), А. А. Левандовский в статье «Бомбисты» (Родина. 1996. № 4), П.Н. Зырянов в тексте гл. 21 академического пособия для студентов «История России. С начала XVIII до конца XIX в.» (М., 2000). Автор книги «Народная воля»: идеология и лидеры» (М., 1997) Г. С. Кан открыто декларировал, что он «вполне понимает» и «в целом разделяет» «резко отрицательную оценку деятельности «Народной воли» царскими охранителями (С. 8).

[69] *Hopkins J.* Nihilism of the Terror Unmasked. London, 1881; *Karlowitsch N.* Die Entwicklung des Nihilismus. Berlin, 1879.

[70] *Noble E.* The Russian Revolt. Its Causes, Conditions and Prospects. Boston, 1885.

[71] «Сибирь и ссылка» Д. Кеннана впервые увидела свет в США (журнальный вариант 1888–1889 гг., отдельное издание 1891 г.) В России была издана (4 раза!) в 1906 г. и с тех пор до 1999 г. на русском языке не переиздавалась. Подробно о ней см.: *Мелихов Е. И.* Джордж Кеннан против царизма. М., 1981.

приезжавший в Россию для сбора материала (владел русским языком), он с 1881 г. начал публиковать трехтомник «Империя царей и русские». Здесь шестая книга второго тома под названием «Революционная агитация и политические реформы»[72] содержит обстоятельную характеристику целесообразных, но не последовательных (как полагал Леруа-Болье) реформ Александра II, неоправданно реакционных начинаний его преемника и чрезмерно революционных действий «Народной воли».

С тех же позиций рассматривали борьбу народников против царизма М. Уоллес (Англия), Э. Кастеляр (Испания), Г. Джордж (США). Каждый из них выступал против любых «крайностей» (и «белых» и «красных»), хотя и не без сочувствия к революционерам. Генри Джордж, например, процитировал несколько строк из официального отчета о казни землевольца В. А. Осинского и его товарищей 14 мая 1879 г. («Тела были похоронены у подножия эшафота, и нигилисты преданы вечному забвению...») и заключил: «Так говорится в отчете. А я этому не верю. Нет не забвению!»[73]. Ту же, умеренно-либеральную концепцию представляет книга Альфонса Туна «История революционного движения в России», которая (напомню читателю) была впервые опубликована на немецком языке в Лейпциге (1883 г.) и стала достоянием как русской, так и зарубежной историографии народничества.

После выхода в свет книги Туна до 1917 г. за рубежом время от времени появлялись общие, весьма поверхностные очерки истории освободительной борьбы в России[74], но специальных работ о народничестве не было. В 1909 г. их отсутствие частично восполнил второй том двухтомной монографии польского социалиста Людвика Кульчицкого[75], написанной сочуственно к революционерам-народникам, но на основе узкого круга источников и с большим числом ошибок.

После 1917 г. западные «эксперты по России» долго надеялись на скорое падение Советской власти и больше заполняли русскую тему политическими прогнозами, чем историческими исследованиями. Как бы то ни было, преобладающим в зарубежной историографии народничества оставалось либеральное (различных оттенков) направление, которое представляли не только публицисты, вроде француза Ж. Бьенштока[76], но и ученые-исследователи, как, например, Б. Пейрс, в годы первой мировой войны советник английского посольства в России, затем британский эмиссар у адмирала А. В. Колчака, а к 30-м годам авторитетный историк, удостоенный за свои опусы титула «сэр». Именно Пейрсу, может быть более, чем кому-либо, поныне обязана живучестью излюбленная идея западной историографии об альтернативности русской революции (дескать, либералы всегда отстаивали

---

[72] *Leroy-Beaulieu A.* L' Empire des Tsars et les Russes. T. 2. Les Institutions. Paris, 1882.

[73] *George H.* Progress and Poverty. London, 1880. P. 430.

[74] См., например, в рус. пер.: Циллиакус К. Революционная Россия. СПб., 1906.

[75] *Kulczicki L.* Rewolucja rosyjska. Cz. 1–2 (1870–1886). Lwow, 1909. Переиздано в России (1909) и Германии (1910–1911).

[76] *Bienstock J.* Histoire du mouvement revolutionnaire en Russie. V. 1 (1790–1894). P., 1920.

единственно разумный путь национального прогресса в России, встал на этот путь и царь Александр II, а революционеры своим безрассудным экстремизмом столкнули Россию с правильного пути в состояние хронической неустойчивости[77]).

В период между двумя мировыми войнами активно подключились к зарубежным изысканиям по русской истории отечественные белоэмигранты, которые переносили естественное неприятие *социалистической* революции на все революционное движение в России от Пестеля до Ленина. Самыми влиятельными из них на Западе оказались М. М. Карпович и Н. А. Бердяев — автор антикоммунистического бестселлера «Истоки и смысл русского коммунизма» (после распада СССР несколько раз переиздан в России). Тот и другой стали признанными классиками консервативного направления в зарубежном россиеведении. Оба они, а еще более их последователи сходятся в стремлении вывести «корни» большевизма из самых экстремистских проявлений народничества, преимущественно — из нечаевщины. Так, авторитетный за рубежом «нечаевед» М. Правдин прямо утверждал, что победа Октябрьской революции означала «господство нечаевщины над 1/6 частью земного шара»[78]. Этот же тезис развивают американские историки Р. Пайпс, А. Улам, английские — Р. Хингли, И. Берлин, немецкие — Г. Либер, К. Менерт.

Сущность народничества почти все они видят в психологии (даже не в идеологии, а именно в психологии) социально изолированной, оторванной от народа интеллигенции. Таким образом, народничество как порождение импульсивных стремлений узкого круга интеллигентов предстает из-под пера консервативных историков движением верхушечным и, следовательно, антидемократическим по свой сути, причем именно в этом смысле будто бы предваряющим большевизм. Такие историки не только считают, вслед за Б. Пейрсом, что русские революционеры «никогда не были способны ни на что, кроме вреда для России», но идут еще дальше — к обличению народников (народовольцев) как фанатиков и маньяков, политических инквизиторов a la Торквемада, «убийц», которые извели «самого любимого самодержца»[79]. На взгляд этих историков, герои «Народной воли» — потенциальные (и кровавые) деспоты. Р. Хингли прямо говорит о С. Л. Перовской и А. И. Желябове: «Если бы каким-то чудом они получили власть, то, несомненно (?! — *Н. Т.*), превзошли бы в жестокости любого царя XIX века»[80].

До второй мировой войны консервативное направление в зарубежной историографии народничества не отличалось высокой продуктивностью. За 1917—1939 гг. его самым приметным выражением стал семитомный труд

---

[77] *Pares B.* Russia: between Reform and Revolution. N. Y., 1962. P. 60.

[78] *Pravdin M.* The Unmentionable Nechaev: A Key to Bolshevism. L., 1961. P. 8.

[79] *Hingley R.* A concise History of Russia. N. Y., 1932. P. 125; *Tarsaidze A.* Czars and Presidents. The Story of a forgotten Friendship. N. Y., 1958. P. 248, 304; *Berlin I.* Russian Thinkers. L., 1979. P. 291.

[80] *Hingley R.* Nihilists: Russian Radicals and Revolutionaries in the Reign of Alexandre II (1855—1881). N. Y., 1969. P. 98.

Яна Кухаржевского (Польша) «От белого царизма к красному»[81], три тома которого (4–6) посвящены революционному народничеству, обрисованному так же враждебно, как это делали царские каратели. После 1945 г., когда СССР возглавил мировую систему социализма, на Западе резко возрос интерес к революционному прошлому нашей страны и к народничеству, в частности, к пресловутым «корням» большевизма. За время «холодной войны» консервативное направление в изучении народничества *количественно* возобладало и преобладает поныне. Но в *качественном* отношении более продуктивно другое направление, которое можно назвать демократическим с радикальным оттенком.

Представители этого направления изображают русское народничество сочувственно и обстоятельно, как важную часть мирового революционного процесса. Д. Футмен (Англия) в монографии о Желябове выразился так: «Александр Михайлов и Желябов – это Робеспьер и Дантон нового движения»[82]. Труд Футмена отличается богатством материала и добросовестностью его интерпретации. Таковы же многие работы иностранных авторов об идеологии народничества: М. Малиа и М. Партридж о Герцене, Ф. Рэнделла и У. Верлина о Чернышевском, Э. Карра и А. Келли о Бакунине, Ф. Помпера и Ф. Уолкера о Лаврове, Д. Харди о Ткачеве. Правда каждый из них, кроме Харди, преувеличивает (более или менее) роль своего героя как идеолога, ибо «считается, что без направляющей руки того или иного лидера массовое движение передовой молодежи не могло бы состояться»[83].

Вообще, идеология народничества больше интересует зарубежных исследователей, чем его практика. При этом они (и консерваторы, и либералы, и радикалы) отрицают классовые корни народничества, сводят его к движению чисто интеллигентскому, которое будто бы никого, кроме интеллигенции, не представляло. Здесь налицо – очевидная слабость демократической концепции, при всех ее несомненных достоинствах. Впрочем, сами ее представители это свое отличие от марксизма, злоупотребляющего классовым подходом, понимают как плюс, а не минус.

Среди работ зарубежных народниковедов демократического направления выделяются основательностью монография специалиста с мировым именем Евгения Ламперта (Англия) «Сыновья против отцов»[84] о раннем народничестве и его оппонентах и капитальный (в двух томах) обобщающий труд крупнейшего итальянского ученого Франко Вентури «Русское народничество», который издан в Италии, США, Англии и Франции[85].

Труд Вентури – самое выдающееся достижение всей зарубежной историографии народничества. Он охватывает время с середины 50-х до середины 80-х годов, т. е. фактически весь разночинский этап освободительного движения в России, аргументированно трактует революционную идеологию

---

[81] *Kucharzewski J.* Od bialego caratu do czerwonego. Warszawa, 1931.
[82] *Foutman D.* Red Prelude. The Life of the Russian Terrorist Zheljabov. L., 1944. P.99.
[83] *Карпачев М. Д.* Истоки российской революции. Легенды и реальность. М., 1991. С. 174.
[84] *Lampert E.* Sons against Fathers. L., 1965.
[85] Первое изд.: *Venturi F.* Il populismo russo. Torino, 1952. V. 1–2.

и 60-х и 70-х годов как народническую, раскрывает ее демократизм, прогрессивность, проникнут сочувствием к русским революционерам. Недостаток книги с точки зрения ее структуры — заостренное внимание к идеологии народников в ущерб анализу их деятельности. Что касается недостатков принципиального характера, то Вентури явно переоценил значение народничества: по его мнению, именно в народническом движении «были созданы идейные предпосылки, психология и типы людей, которые обусловили революцию 1917 г.»[86]

Проблемы истории русского революционного народничества с интересом изучаются даже в Японии. Здесь с начала 1970-х годов плодотворно работает в русле радикально-демократической концепции профессор Токийского университета Харуки Вада — автор содержательных монографий «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия» и «Народник Н. К. Русель» (в двух томах).

Качественно новым явлением для зарубежной историографии народничества стало после второй мировой войны развитие марксистского направления в странах социализма. Правда в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии народничество специально не исследовалось: о нем писали либо в плане выявления связей с ним (Румыния, Болгария), либо в плане изучения откликов на него (Венгрия, Чехословакия, ГДР). Зато в Польше русское народничество и, главным образом, «Народная воля» стали предметом очень серьезных монографических исследований. Три из них заслуживают особого внимания.

Профессор Варшавского университета Мария Ваврыкова в 1963 г. опубликовала монографию «Революционное народничество 70-х годов XIX в.»[87] В ней освещается борьба народников с конца 50-х до конца 70-х годов (конкретно — до покушения В. И. Засулич на жизнь Ф. Ф. Трепова 24 января 1878 г.). Книга основана на широком круге источников, включая документы из советских и европейских архивов, с учетом русской, польской, немецкой, итальянской и прочей литературы. Хорошо показано в ней принципиальное единство революционной идеологии 60-х и 70-х годов. К недостаткам ее можно отнести лишь переоценку бакунизма.

Книга профессора Варшавского университета Людвика Базылева «Деятельность русского народничества в 1878—1881 гг.»[88] хронологически продолжает исследование Ваврыковой, хотя она издана раньше, в 1960 г. Базылев исследует движение народников от выстрела Засулич до цареубийства 1 марта 1881 г. Его работа выполнена под тем же углом зрения, что и монография Ваврыковой, и отличается теми же достоинствами. Недостатком ее можно признать лишь некоторую идеализацию «Народной воли». Впрочем, Базылев справедливо усматривает в народовольчестве «апогей револю-

[86] *Venturi F.* Roots of Revolution. N. Y., 1960. P. XXXII.

[87] *Wawrykowa M.* Rewolucyjne narodnictwo w latach siedemdziesiatych XIX w. Warszawa, 1963. 543 s.

[88] *Bazylew L.* Dzialalność narodnictwa rosyjskiego w latach 1878—1881. Wroclaw, 1960. 268 s.

ционной борьбы народников» и «главный фактор» второй революционной ситуации в России[89].

Несколько иной характер носит книга сотрудника Института истории Польской Академии наук Леона Баумгартена «Мечтатели и цареубийцы»[90]. Это — научно-популярный, отчасти даже беллетризованный, но, как и монографии Ваврыковой и Базылева, отлично документированный очерк истории революционного народничества от покушения Д. В. Каракозова на Александра II до гибели «Народной воли» (186—1884 гг.)

Противоборство различных концепций в зарубежном народниковедении не менее остро, чем в отечественном: консервативные, либеральные и радикальные точки зрения сталкиваются друг с другом, и все они подверглись резкой критике со стороны марксистов.

Таково — по-своему *драматическое* состояние изучения темы «Революционное народничество 70-х годов». Зато состояние источников по этой теме — вполне *эпическое*.

1.3. Источники

Первые по времени документы о революционно-народническом движении печатались не в научных, а в практических, деловых целях. Это — пресса и публицистика как самого народничества, так и его современников. Здесь на первое место по значению надо поставить нелегальные, подпольные издания народников 70-х годов — их многочисленные прокламации, брошюры (например, переизданные в советское время: «Русскому народу» А. В. Долгушина, «Чтой-то, братцы...» Л. Э. Шишко, «Смерть за смерть!» С. М. Кравчинского, «Надгробное слово Александру II» В. С. Свитыча), газеты и журналы: «Начало» (1878), «Земля и воля» (1878—1879), «Народная воля» (1879—1885), «Рабочая газета» (1880—1881), «Черный передел» (1880—1881), «Зерно» (1880—1881). Все они издавались как оружие борьбы народников, а теперь служат исследователям народничества главными источниками, живыми приметами времени.

То же надо сказать и об изданиях революционно-народнической эмиграции, газетах и журналах: «Народное дело» (1868—1870), «Народная расправа» (1869—1870), «Вперед!» (1873—1877), «Работник» (1875—1876), «Набат» (1875—1881), «Общее дело» (1877—1890), «Община» (1878), Календарь «Народной воли» (1883), Вестник «Народной воли» (1883—1886). Правда, эти издания были менее оперативны и компетентны в собственно русских делах и потому менее значимы как источники, чем подпольные газеты и журналы, которые издавались в самой России.

---

[89] *Bazylew L.* Op. cit. S. 11, 215.

[90] *Baumgarten L.* Marzyciele i carobójcy. Warszawa, 1960. 405 s.

Отчасти поэтому из эмигрантской прессы 70–80-х годов в советское время перепечатан полный комплект только бакунистской газеты «Работник»[91], хотя другие эмигрантские издания тех лет (особенно «Вперед!» П. Л. Лаврова и «Набат» П. Н. Ткачева) заслуживают переиздания гораздо больше. Зато подпольные (не эмигрантские) периодические издания народников 70-х годов перепечатаны все. Еще в годы первой русской революции В. Я. Богучарский переиздал отдельным сборником журнал «Земля и воля» и газету «Начало»[92], журнал «Народная воля» и народовольческую «Рабочую газету»[93]. В советское время полные комплекты «Народной воли» и «Рабочей газеты» переизданы еще раз[94]. Кроме того, перепечатаны: журнал «Черный передел» отдельной книгой[95] и чернопередельческая газета «Зерно» в книге В. И. Невского[96]. Однако все эти переиздания выполнены еще до 1930 г., давно уже стали библиографической редкостью и нуждаются в новых переизданиях, которые сопровождались бы современными научными комментариями.

Итак, все источники жанра прессы и публицистики создавались на злобу дня для текущих дел. Специально же для истории публикация документов о революционно-народническом движении 70-х годов началась со следующего десятилетия — за границей. Первыми публикаторами были сами народники, политические эмигранты.

В 1882 г. в Женеве впервые были изданы биографические очерки о А. И. Желябове и С. Л. Перовской, написанные в форме воспоминаний[97]. Написал их видный революционер, соратник Желябова и Перовской, позднее ренегат Л. А. Тихомиров, а редактировал С. М. Кравчинский. В том же и следующем, 1883 г. в Женеве появились три выпуска альманаха «На родине» с документами и воспоминаниями, главным образом о «Народной воле»; в 1888 г. там же — материалы громкого судебного процесса «21-го» (Г. А. Лопатина и др.)[98], а в 1897 г. в Лондоне — книга В. Л. Бурцева «За 100 лет», своеобразная погодная хроника революционного движения от декабристов до социал-демократов с перечнем фактов и выборочной публикацией документов.

Тогда же, в 90-е годы, за границей стали выходить и первые книги мемуаров деятелей революционного народничества. Так, в 1894–1898 гг. в Париже были изданы «Воспоминания» В. К. Дебогория-Мокриевича пре-

---

[91] Газета «Работник» (1875–1876) / Под ред. В. И. Невского. М., 1933.

[92] Революционная журналистика семидесятых годов / Под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Ростов н/Д., 1907.

[93] Литература партии «Народная воля». Р., 1905 ([2]Ростов н/Д., 1907).

[94] Литература партии «Народная воля». М., 1930.

[95] Памятники агитационной литературы. Т. 1. «Черный передел», орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. Пг., 1923.

[96] *Невский В. И.* От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930.

[97] Андрей Иванович Желябов. [Женева], 1882; Софья Львовна Перовская. [Женева], 1882. На обложках обеих книг — вымышленное место изд.: Лондон.

[98] Процесс «21-го». Женева, 1888 (составил это изд. проф. В. Ф. Якубович — брат народовольца П. Ф. Якубовича, осужденного по делу «21-го» на 18 лет каторги).

имущественно о «хождении в народ» (позднее, в 1903, 1906 и 1930 гг., они переиздавались)[99], а в 1902 г. в Лондоне впервые появились на русском языке теперь всемирно известные «Записки революционера» П. А. Кропоткина. В «Записках» ярко отражена жизнь народнической эмиграции 70—80-х годов, а так же деятельность революционного общества т. н. «чайковцев» — самого крупного в России за время с начала 60-х до середины 70-х годов, есть много сведений и рассуждений о делах и людях всех сфер от подпольной «крамолы» до царского правительства, об авансцене и кулисах придворного мира, который так хорошо знал князь-рюрикович Кропоткин. «Записки» покоряют не только глубиной наблюдательности автора, мудростью и точностью его оценок, но и блеском его литературного таланта: они написаны живо, увлекательно, пером большого мастера. Лев Толстой, по свидетельству очевидцев, «восторгался этой книгой»[100].

По данным 1933 г. «Записки» Кропоткина были изданы на 16 языках, причем в Англии уже к 1922 г. вышло 6 изданий, в Германии — 7, во Франции — 19. Русское издание «Записок» 1933 г. было 11-м, теперь есть уже 14-е (М., 1990). После «Былого и дум» Герцена это — самый авторитетный памятник русской революционной мемуаристики.

В России публикация материалов по истории народничества 70-х стала возможной лишь в результате первой русской революции. Именно в 1906—1907 гг. (за два года!) издана подавляющая часть всех источников по нашей теме, опубликованных до Советской власти. Главным образом, это материалы политических процессов и воспоминания.

В 1905 г. в Париже и в 1907 г. в Ростове-на-Дону неутомимый В. Я. Богучарский дважды издал ценнейшей сборник «Государственные преступления в России в XIX веке». Три тома сборника включили в себя извлеченные из легальных изданий с некоторыми нелегальными прибавлениями документы политических процессов в России от декабристов до «хождения в народ» (обвинительные акты, судебные отчеты, приговоры). Больше половины первого тома, весь второй и весь третий тома отведены процессам народников 70-х годов, причем третий том занят материалами одного процесса — по делу «193-х» (1877—1878 гг.)

Кстати, еще в 1878 г. сразу по окончании процесса «193-х» группа выступавших на нем защитников отпечатала за собственный счет первую треть (примерно) стенографического отчета о процессе[101], но Комитет министров запретил это издание «вследствие имевших место на суде несовместимых с достоинством правительственной власти заносчивых и неприличных выходок некоторых подсудимых и защитников»[102]. Весь тираж книги

---

[99] Автор — террорист, эволюционировавший к либерализму кадетского толка, ретроспективно привнес в свои воспоминания полезную для революционеров идею необходимости сотрудничать с либералами.

[100] *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого (1891—1910). М., 1960. С. 437.

[101] Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия Правительствующего Сената. Т. 1. СПб., 1878. 634 с.

[102] Материалы по новейшей истории русской цензуры. Штутгарт, 1903. Кн. 1. С. 195.

был уничтожен. Уцелели не более 10 экземпляров, один из которых хранился у феноменального библиофила Н. П. Смирнова-Сокольского и описан в его «Рассказах о книгах».

Кроме сборника Богучарского «Государственные преступления в России», только за 1906 г. были изданы отдельными книгами отчеты еще о четырех процессах: Веры Засулич, «16-ти», «20-ти» (тоже под редакцией Богучарского), 1 марта 1881 г.[103], а также обвинительный акт и речи подсудимых по делу «17-ти»[104]. Для сравнения: за все 74 года Советской власти были изданы отчеты только о двух политических процессах народников — по делам Дмитрия Каракозова и Александра Ульянова[105]. Очень много (буквально десятками) печатались в 1906-1907 гг. на страницах журналов, сборников и отдельно воспоминания революционных народников. Этот жанр источников наиболее субъективен. В том, что он раскрывает перед читателем индивидуальность автора, есть, конечно, и сильная сторона, но есть и слабости: чрезмерно личное восприятие событий, преувеличение собственной роли, ретроспективность и ошибки памяти (особенно, если воспоминания пишутся много лет спустя после содеянного). Поэтому к воспоминаниям всегда наблюдается и повышенный интерес и сугубая настороженность. Герцен метко сказал однажды: «Кто имеет право писать воспоминания? Всякий, потому что никто не обязан читать их».

Воспоминания народников тоже требуют критического подхода, поскольку они (как вообще все мемуары), во-первых, субъективны и, во-вторых, ретроспективны, но едва ли больше, чем другие; во всяком случае не на столько, как полагает С. С. Волк, который свел подробную характеристику народовольческих мемуаров в своей книге о «Народной воле» к обличению их тенденциозности и уподобил их все (заимствуя полемический прием Г. В. Плеханова) средневековым житиям[106]. Иные мемуаристы-народники (О. В. Аптекман, Н. С. Тютчев, М. П. Шебалин, А. И. Бычков, С. Е. Лион, М. И. Дрей), не полагаясь на свою память, но, заботясь о точности, использовали в воспоминаниях даже архивные документы.

Из революционно-народнических воспоминаний, опубликованных в 1906—1907 гг., наиболее интересны и значимы «Повести моей жизни» героя «Народной воли», ученого-энциклопедиста, почетного академика Академии наук СССР Н. А. Морозова. Они были написаны после того как Морозов отсидел двадцать три года в одиночных казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, написаны о событиях четвертьвековой и

---

[103] Процесс Веры Засулич. Суд и после суда. СПб., 1906; Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906; Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906; Дело 1 марта 1881 г. СПб., 1906.

[104] Процесс 17-ти народовольцев в 1883 г. // Былое. 1906. № 10; Речи подсудимых в процессе «17-ти» // Былое. 1906. № 12.

[105] Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. 1. М., 1928; Т. 2. М.;Л., 1930; 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.;Л., 1927.

[106] *Волк С. С.* «Народная воля». С. 41.

большей давности и не лишены фактических ошибок. Однако эти ошибки касаются деталей, частностей и не портят общей картины, нарисованной Морозовым. Он отобразил почти весь период революционно-народнического движения 70-х годов до возникновения «Народной воли» включительно, отобразил в необычной для мемуаров беллетризованой форме, очень талантливо и колоритно. Лев Толстой писал Морозову 11 апреля 1907 г., что прочел его воспоминания «с величайшим интересом» и очень жалеет, что нет пока их продолжения[107].

Как выдающийся памятник отечественной мемуаристики «Повести» Морозова в советское время выдержали семь изданий (последнее, в двух томах: М., 1965). Лучшим, самым полным и оптимально комментированным остается трехтомное издание 1947 г. под редакцией Б. П. Козьмина.

В 1907 г. вышло первое издание книги О. В. Аптекмана «Общество «Земля и воля» 70-х годов по личным воспоминаниям» (написана еще в 1883–1884 гг. в Якутской ссылке) – главный источник мемуарного жанра по истории «Земли и воли». В 1924 г. книга переиздана.

Из прочих воспоминаний, опубликованных в 1906–1907 гг., особенно ценны записки М. Ф. Фроленко – корифея народнической практики, который все 70-е годы шел в первом ряду революционеров («чайковцев», землевольцев, народовольцев), всегда брал на себя самые рискованные поручения, часто оказывался в самых опасных ситуациях и ни разу не был арестован, хотя разыскивался долго и усердно по всей России. Только после 1 марта 1881 года Фроленко был, наконец, схвачен царскими ищейками, предан суду и, разумеется, получил смертный приговор, но и тут революционная фортуна улыбнулась ему. В Европе началась международная кампания протеста (между прочим, с участием Виктора Гюго) против намерения царизма казнить Фроленко и девять его товарищей. Царизм, уступая ей, заменил смертникам виселицу пожизненной каторгой.

Почти четверть века провел Фроленко в «каторжных норах» Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, пока революция 1905 г. не вызволила его (вместе с *Н. А. Морозовым*) оттуда. После этого он прожил еще тридцать три года, причем вел активную общественную и литературную деятельность. Жизнь его так богата необыкновенными деяниями, что И. А. Теодорович полушутя сравнивал его с Геркулесом, который, как известно, совершил 12 легендарных подвигов, – при том различии между ними, что на счету Фроленко оказалось 14 таких подвигов (то он увез из жандармских казарм в Одессе друга, ожидавшего неизбежную каторгу; то вывел из тюрьмы в Киеве сразу троих узников, которым грозила смертная казнь; то провел с товарищами подкоп под царское казначейство в Херсоне и экспроприировал на нужды революции 1,5 млн. рублей...)

Воспоминания Фроленко, написанные в простой, безыскусной, как бы разговорной манере, освещают последовательно весь ход революционно-народнического движения 70-х годов от нечаевщины до «Народной воли». В

[107] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 77. С. 78.

советское время они неоднократно переиздавались (последнее, самое полное издание в двух томах вышло в 1932 г.[108])

После революции 1905–1907 гг. публикация материалов по истории освободительного (в частности, и народнического) движения в России фактически прекратилась, и только с 1917 г. развернулась свободно и широко. За первые 15 лет Советской власти вышла в свет большая часть всех вообще опубликованных источников по нашей теме.

Печатались они главным образом в исторических и специальных *историко-революционных* журналах, которых тогда у нас было много. В первую очередь, это журналы «Каторга и ссылка» (1921–1935) и «Былое» (1906 – с перерывами – 1926)[109]. Например, № 4–5 (объединенный) «Былого» за 1918 г. целиком посвящен событию 1 марта 1881 г. Он содержит множество документов, воссоздающих подробности цареубийства, следствия и суда над первомартовцами, их казни. Печатали материалы о революционных народниках и такие журналы, как «Голос минувшего» (1913–1923), «Красная новь» (1921–1942), «Красный архив» (1922–1941), «Красная летопись» (1922–1934), «Летопись революции» (1922–1933), «Борьба классов» (1931–1936), даже «Историк-марксист» (1926–1941) и «Пролетарская революция» (1921–1941).

Из документов, которые публиковались тогда в журналах, наибольшую научную ценность представила собой записка П. А. Кропоткина для Большого общества пропаганды (т. н. «чайковцев») под названием «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» Впервые она была напечатана в № 17 журнала «Былое» за 1921 г., в 1922 и 1958 гг. переиздана, но каждый раз с большим пропуском в той ее части, которая считалась потерянной. Мне по ходу работы над кандидатской диссертацией о «чайковцах» посчастливилось отыскать полный текст записки и таким образом установить, что ее неопубликованная часть (30 стр. машинописного текста) содержит ценнейший материал – детально разработанную «чайковцами» программу социальных преобразований в России после победы революции. Все содержание записки анализировалось в первом издании моей книги о «чайковцах»[110]. Вскоре после этого записка Кропоткина была опубликована полностью[111].

Наряду с журнальными публикациями, выходили с 1917 до 1935 г. целые книги, сборники документов по истории революционного народничества. Так, в 1932 г. под редакцией С. Н. Валка был издан «Архив «Земли и воли» и «Народной воли». О научной ценности этого издания можно судить

---

[108] *Фроленко М. Ф.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1932.

[109] Лев Толстой писал о «Былом» 3 июня 1906 г.: «Былое» – самый революционный журнал. Если бы я был молод, то после чтения «Былого» взял бы в обе руки по револьверу...» (*Маковицкий Д. П.* У Толстого (1904–1910). Яснополянские записки. Кн. 2. С. 154).

[110] См.: *Троицкий Н. А.* Большое общество пропаганды 1871–1874 гг. (т. н. «чайковцы»). Саратов, 1963. С. 62–70.

[111] В сб.: Революционное народничество 70-х годов XIX в. Т. 1 (1870–1875). М., 1964. С. 55–118.

по тому, что в нем собраны программные и уставные документы двух самых крупных организаций народников. Там же впервые были опубликованы знаменитые «Тетради» Н. В. Клеточникова — уникального контрразведчика русской революции, больше двух лет прослужившего по заданию «Земли и воли», а затем «Народной воли» в святая святых царского сыска. Специально для этого издания было написано и опубликовано в нем письмо Н. А. Морозова — удивительная история о том, как был укрыт, потерян и много лет спустя неожиданно вновь обретен архив «Земли и воли» и «Народной воли».

Больше всего материалов печаталось тогда о «Народной воле» (особенно в годы ее 50-летнего юбилея: 1929—1931). Вышли три книги материалов (преимущественно воспоминаний) под названием «Народовольцы», сборник «Народная воля» в документах и воспоминаниях», два выпуска сборника «Народная воля» перед царским судом» (М., 1930—1931).

Последний сборник представляет собой цикл обзорных статей об 11-ти самых важных судебных процессах «Народной воли». Статьи писали люди, которые в свое время судились на этих процессах. Естественно, в основу статей положены личные воспоминания. Вместе с тем авторы использовали печатные источники и даже архивные документы. Все это придает сборнику полуисследовательский (отчасти справочный) характер.

Количественно и после 1917 г. преобладали среди публикаций источников по народничеству воспоминания. Они печатались и в журналах, и в сборниках, и отдельными книгами. С 1921 г. начали выходить в свет воспоминания одной из самых выдающихся женщин революционного народничества В. Н. Фигнер. Судьба Веры Николаевны похожа на судьбы ее товарищей — Морозова и Фроленко. Она тоже была осуждена в 1884 г. на смертную казнь, «помилована» вечной каторгой и 20 лет отбыла в одиночке Шлиссельбургской крепости, а вырвавшись на волю, еще почти четыре десятилетия вела кипучую общественную и литературную деятельность. Умерла Фигнер в 1942г. 90 лет отроду, как и Фроленко (Морозов прожил 92 года. Он умер 30 июля 1946г. *последним* из революционеров-народников).

В 1929 г. все воспоминания Фигнер, а также ее очерки, статьи и письма вышли отдельным изданием в шести томах, а в 1932 г. переизданы в семи томах. Центральное место в ее сочинениях занимают трехтомные записки под названием «Запечатленный труд». Его последнее сокращенное издание (в двух томах) появилось в 1964 г. Это — главный источник мемуарного жанра по истории «Народной воли», одно из самых значительных явлений русской революционной мемуаристики вообще. Лучшей похвалой их литературным достоинствам может служить отзыв И. А. Бунина: «Вот у кого нужно учиться писать!»[112]

В основу воспоминаний Фигнер положены ее автобиографические показания, которые она писала в тюрьме до суда, с 19 февраля по 3 апреля

[112] *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 314.

1884 г., в ответ на вопросы следствия,— писала как исповедь и завещание революционера, не склоняющего головы перед смертным приговором, выразительно, уверенным четким почерком[113].

Из других воспоминаний, опубликованных в СССР за время с 1917 до 1935 г., большой интерес представляют записки «чайковцев» Н. А. Чарушина (переизданы в 1973 г.), С. С. Синегуба, А. И. Корниловой-Мороз, В. Л. Перовского (родного брата Софьи Перовской), А. И. Ивангина-Писарева, С. Л. Чудновского; землевольцев Д. А. Клеменца, М. Р. Попова, Н. С. Тютчева; чернопередельцев Л. Г. Дейча, В. И. Засулич, Е. Н. Ковальской; народовольцев А. П. Прибылевой-Корба, А. В. Прибылева, М. Ю. Ашенбреннера, О. С. Любатович, М. П. Шебалина, М. В. Новорусского, А. Н. Баха, Н. К. Буха[114].

Особо следует говорить о воспоминаниях Льва Тихомирова, изданных в 1927 г. посмертно. Тихомиров писал их в 1894—1898 гг., когда он уже был ренегатом, перевернувшись идейно на 180° (бывший редактор «Народной воли» стал редактировать черносотенные «Московские ведомости»). Его воспоминания интересны обилием фактического материала о «чайковцах», землевольцах, народовольцах, но освещение событий и сама манера письма грешат у него скепсисом, иронией и плохо скрытым желанием принизить, а то и очернить своих бывших соратников — особенно С. Л. Перовскую и С. М. Кравчинского, которых он невзлюбил за то, что они никогда его не переоценивали[115].

В жанре воспоминаний написаны и подробные автобиографии деятелей революционного народничества, приложенные к словарю Гранат[116]. Всех автобиографий в этом приложении — 44. Они заняли 660 столбцов мелкого шрифта.

Кроме воспоминаний самих народников различную — от хвалы до хулы — информацию о революционно-народническом движении можно почерпнуть в мемуарах рабочих-революционеров (П. А. Моисеенко, В. Г. Герасимова, Д. Н. Смирнова), консервативных (В. П. Мещерского, Е. И. Козлининой) и либеральных юристов и публицистов (А. Ф. Кони, Г. К. Градовского, Д. В. Стасова, Н. П. Карабчевского), царских чиновников (С. Ю. Витте, К. Ф. Головина, Н. С. Таганцева, Е. М. Феоктистова), жандармов (П. А. Черевина, В. Д. Новицкого, А. И. Дворжицкого).

Наконец, обогащают наши представления о революционном народничестве мемуары ученых (Б. Н. Чичерина, А. А. Кизеветтера, Д. Н. Прянишникова) и писателей: В. И. Дмитриевой, П. П. Гнедича, С. Я. Елпатьевско-

---

[113] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 3. Д. 51. Ч. 1. Л. 15—44 (подлинник).

[114] Рядом с ними по значению можно поставить изданные в эмиграции воспоминания П. Б. Аксельрода «Пережитое и передуманное» (Берлин, 1923).

[115] Сегодня ренегатство Л. А. Тихомирова поднимают в России на щит (см. в особенности: *Кан Г. С.* «Народная воля». Идеология и лидеры. М., 1997. С. 114). Рекламно переиздан его верноподданнический труд «Монархическая государственность» (СПБ., 1992).

[116] Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 40. Приложение 2. Факсимильно переиздано с илл. в кн.: Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989.

го, И. И. Ясинского, а главным образом В. Г. Короленко. Его «История моего современника» (1906–1921) – это своеобразная художественная летопись революционного народничества, очень яркая и глубокая, хотя и субъективная, как творение художника, и как бы сторонняя (с точки зрения не столько участника, сколько наблюдателя), а потому недостаточно полная и точная летопись.

Наряду с воспоминаниями часто печатались после 1917 г. уцелевшие в архивах царского сыска и суда письма народников. По словам Герцена, «письма – больше, чем воспоминания, на них запеклась кровь событий, это – само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное[117]. На предсмертных письмах Софьи Перовской, Дмитрия Лизогуба, Валериана Осинского, Андрея Преснякова, Александра Квятковского «кровь событий» запеклась почти в буквальном смысле. «Само прошедшее, как оно было», запечатлели в себе и письма-завещания, тюремные письма очень многих героев народничества, опубликованные после свержения царизма. Иные из них (А. Д. Михайлова, А. И. Баранникова) изданы целыми книгами[118].

Вот заключительные строки из письма, которое написал перед казнью родным А. А. Квятковский. Они обращены к его шестилетнему сыну: «Мой милый, дорогой мальчик, целую тебя тысячу раз. Не могу сказать тебе – старайся походить на меня. Но скажу тебе: уважай то, что я уважал, и люби то, что я любил. Это тебе мое отцовское завещание. Мать тебе объяснит это»[119]. Жандармский цензор отчеркнул эти строки и схоронил письмо в архиве. Сын Квятковского прочел его лишь через 47 лет – уже при Советской власти.

Помогают понять революционно-народническое движение письма не только его участников, но и современников, – в частности, классиков русской литературы (И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. И. Тютчева, Н. С. Лескова, В. М. Гаршина, В. Г. Короленко), которые откликались на различные эпизоды движения.

То же относится и к дневникам современников. В дневниках, как и в письмах (в отличие от воспоминаний), современники реагировали на действия революционеров по свежим следам, как на злобу дня, «натуральнее» и откровеннее, чем это делается обычно в воспоминаниях, более зависимых от публики и цензуры, а главное, ретроспективных. Разумеется, граф П. А. Валуев, к примеру, и в дневнике местами писал на «публику», но чаще – для себя, сокровенно разоблачая «безуспешность борьбы с революционной крамолой» («все крушится и рушится»)[120]. Выразительно свидетельствуют о политических коллизиях в России 1870–1880-х годов также дневники других, кроме Валуева, царских министров (Д. А. Милютина,

---

[117] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. С. 290.

[118] Письма народовольца А. Д. Михайлова. М.,1933; Народоволец А. И. Баранников в его письмах. М., 1935.

[119] ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1880. Д. 705. Ч. 1. Л. 75□ об.

[120] *Валуев П. А.* Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 37 (запись от 26 мая 1879 г.), 58 (6 февраля 1880 г.)

А. А. Половцова, Е. А. Перетца) и прочих лиц всех направлений — реакционных (А. А. Бобринского, Я. Г. Есиповича, А. В. Богданович), консервативных (А. В. Никитенко, А. С. Суворина, А. Ф. Тютчевой), либеральных (В. П. Гаевского, Е. А. Штакеншнейдер, В. И. Вернадского).

С середины 1930-х годов публикация материалов о революционном народничестве почти на четверть века была пресечена и возобновилась лишь к концу 50-х годов. Тот огромный массив опубликованных источников по истории революционного народничества, который был накоплен к 1935 г., за последние 40 лет пополнился сравнительно мало.

Самое важное в этом пополнении — сборник документов «Революционное народничество 70-х годов XIX в.» в двух томах. Первый том сборника издан в 1964г. под редакцией Б. С. Итенберга, второй — в 1965г. под редакцией С. С. Волка. В них собраны наиболее ценные документы революционного народничества: программы, уставы, прокламации, избранные письма, судебные речи, следственные показания (в первом томе — за 1870—1875 гг., от нечаевщины до «Земли и воли», во втором — за 1876—1882 гг., т. е. за время «Земли и воли», «Черного передела» и «Народной воли»).

Бульшая часть документов опубликована здесь впервые, но это как раз документы менее значимые, хотя и среди них есть несколько очень важных: например, полный текст программной записки П. А. Кропоткина и рукописный очерк истории общества «чайковцев»[121] в первом томе, ответ С. М. Кравчинского на письмо комитета «Народной воли» во втором. Как правило же главные, наиболее ценные документы (программные, уставные) собраны и перепечатаны здесь из прежних изданий. Это делает сборник похожим на хрестоматию и определяет его значимость не только как научного, но и учебного пособия.

Кроме того, изданы за последние 40 лет еще два сборника документов народничества: в одном из них[122] собраны прокламации, агитационные стихи, притчи, сказки, которые создавались и распространялись по России в годы массового «хождения в народ»; другой[123] посвящен событию 1 марта 1881 г.

С 1980-х годов ленинградские историки предприняли издание «Библиотеки революционных мемуаров» (ответственный составитель — В. Н. Гинев). Две книги из этой библиотеки прямо относятся к нашей теме[124]; обе они хорошо составлены, оформлены, иллюстрированы и прокомментированы.

Колоссальное число революционно-народнических материалов остается пока в архивах. Любой исследователь народничества может воспользоваться об-

---

[121] Авторство очерка иногда приписывается Н. А. Морозову, который, однако, сам признавал его автором Н. В. Чайковского. См.: *Ляшенко К. Г., Троицкий Н. А.* Версия требует уточнений // История СССР. 1968. № 5. По версии Е. В. Чихачевой, очерк представляет собой «компиляцию» из воспоминаний Чайковского, И. И. Добровольского и С. М. Кравчинского, составленную Морозовым (Археографический ежегодник за 1992 г. М., 1994. С. 160).

[122] Агитационная литература русских революционных народников. Потаенные произведения 1873—1875гг. Л., 1970.

[123] 1 марта 1881 г. Казнь императора Александра II. Документы и воспоминания. Л., 1991.

[124] Революционеры 70-х годов. Л., 1986; «Народная воля» и «Черный передел». Л., 1989.

зором таких материалов по четырем главным историческим архивам России (РГИА, ГА РФ, РГВИА, РГАЛИ). Обзор, своего рода путеводитель по архивным документам о народничестве, приложен ко второму тому сборника «Революционное народничество 70-х годов XIX в.» и, кстати, заметно повышает ценность этого издания.

Коротко — об иностранных источниках. Многие из них переведены на русский язык: воспоминания французского радикального журналиста Анри Рошфора и посла Франции при царском дворе Мориса Палеолога[125], выступления Виктора Гюго в защиту народовольца Л. Н. Гартмана и жертв процесса 20-ти народовольцев[126], письма Марка Твена и Джузеппе Гарибальди с откликами на героику народничества[127]. Четыре капитальных тома документов П. Л. Лаврова и его окружения, хранящихся в Международном институте социальной истории (Амстердам), издал нидерландский историк, эмигрант из Советской России Б. М. Сапир[128].

Разнообразную информацию об откликах в Европе на борьбу народников против царизма содержит иностранная пресса 1870—1880-х гг. (особенно лондонский «Times», парижский «Figaro», берлинский «National Zeitung»). Как полуисточники-полуисследования можно использовать книги, в которых излагали свое представление о русском революционном народничестве («нигилизме», как называли его тогда на западе) наблюдательные современники: француз Э. Лавинь, итальянец Д. Арнаудо, поляк Я. Любомирский[129] и др.

1.4. Художественное отражение темы

а) литература

Революционная тема в отечественной литературе стала развиваться только после 1861 г. В дореформенной России некоторые поэты — именно поэты и никто более (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. И. Полежаев, особенно же декабристы: К. Ф. Рылеев, А. И. Одоевский, П. А. Катенин, В. К. Кюхельбекер) — писали отдельные произведения, в которых революционными были идеи, настроения, даже призывы, но все это представляло собой лишь пролог к революционной теме. Живая жизнь русских революционеров, их действия, конкретные образы в дореформенной литературе отсутствовали совершенно — по двум причинам: с одной стороны, мешала

---

[125] *Рошфор А.* Вера Засулич. О народовольцах // Голос минувшего. 1920—1921; *Палеолог М.* Роман императора. Александр II и княгиня Юрьевская. М., 1990.

[126] *Гюго В.* Против выдачи Гартмана. — Призыв // Собр. соч.: В 15 т. М., 1956. Т. 15.

[127] *Твен М.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 12; Былое. Лондон. [1900]. № 1.

[128] «Вперед!» 1873—1877 гг. Dordrecht. [1970]. Т. 1—2; Лавров. Годы эмиграции. Dordrecht; Boston. [1974]. Т. 1—2.

[129] *Lubomirski J.* Le nihilisme en Russie. Paris, 1879; Arnaudo J. Le nihilism et les nihilistes. Paris, [1879]; *Lavigne E.* Introduction a l' histoire du nihilisme russe. P., 1880.

литераторам жесткая, непроходимая, «осадная», как называл ее Герцен, цензура, а с другой стороны, и это главное, героика революционной борьбы тогда еще не стала типическим проявлением российской действительности, не обрела такого размаха и такой силы, чтобы вдохновить собою мастеров слова.

Функцию положительного героя выполняли тогда в нашей литературной классике так называемые «лишние люди» от Чацкого до Рудина, не находившие возможности применить свои силы, энергию, ум на пользу обществу. Только после падения крепостного права, в 60-е, а главным образом в 70-е годы, положительными героями русской литературы становятся *«народные заступники»*, борцы, включая и профессиональных революционеров, которые формируются как таковые впервые в России именно из народников 70-х годов.

Вообще революционер в пореформенной России быстро стал видной фигурой. Он привлекал к себе внимание художников не только как выразитель (действительный или предполагаемый, — это другой вопрос) исторического прогресса, обличитель старого и созидатель нового мира, но и как особый тип человеческой личности, сильной и праведной, свободной от социальных, политических и нравственных предрассудков. К нему обратились поэтому все писатели, верные жизненной правде, начиная с И. С. Тургенева.

Тургенев первым из русских писателей начал работать над созданием образа необходимой, по его мнению, для России «сознательно-героической натуры». Не находя таковой на родине, он сделал искомым героем своего романа «Накануне» (1860 г.) *иностранца*, болгарина Инсарова. Два года спустя в романе «Отцы и дети» Тургенев представил русский образец такой натуры — Базарова, «нигилиста», провозвестника революционеров-народников, но еще не революционера. Еще через год появился роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» с образом *революционера* Рахметова, который, однако, при всей его притягательной силе, в художественном отношении (не в пример живописным тургеневским образам) был схематичен. Ни Тургенев, ни Чернышевский тогда, в начале 60-х годов, еще не могли почерпнуть из жизни достаточного материала для создания такого образа революционера, который был бы и выразителен, и типичен. Народническое движение 70-х годов вооружило писателей таким материалом в избытке. Именно в 70-е годы революционная тема стала самостоятельной и одной из ведущих тем русской литературы. Наибольший вклад в нее из писателей XIX в. внес Тургенев (не считая тех, кто сам участвовал в движении, как С. М. Степняк-Кравчинский или П. Ф. Якубович).

Роман Тургенева «Новь» (1877) был первым отечественным романом, притом легально изданным, о революционерах-народниках. Вслед за ним Тургенев написал стихотворения в прозе «Чернорабочий и белоручка» (1878) и «Порог». Литературоведы обычно датируют «Порог» 1878 г. и считают его откликом на дело Веры Засулич, но ряд лиц, близких к Тургеневу (П. Л. Лавров, А. И. Зунделевич, Н. С. Русанов), свидетельствовали, что

«Порог» был написан как отклик на казнь Софьи Перовской в 1881 г.[130] «Новь», «Чернорабочий и белоручка», «Порог» запечатлели революционеров-народников трагически обреченными, хотя и благородными, самоотверженными людьми (героиня «Порога» названа святой). В рассказе 1881 г. «Отчаянный» Тургенев признал у народовольцев «содержание и идеал», а в последней своей повести «Natalia Kargovna» (1883 г., сделаны лишь наброски) пытался создать уже «новый в России тип, жизнерадостного революционера», «геркулесову силу», которая «все переваривает»[131].

Л. Н. Толстой в 60-е годы под свежим впечатлением разрыва с кругом Н. Г. Чернышевского отреагировал на революционное движение враждебно — двумя «антинигилистическими» пьесами: «Зараженное семейство» (1864) и «Нигилист» (1866). Но в 70-х годах Толстой сумел оценить народников как «лучших, высоконравственных, самоотверженных, добрых людей»[132] и стал изображать их таковыми: это — и персонажи романа «Воскресение», политические ссыльные Симонсон, Набатов, Щетинина, Крыльцов, и герой рассказа «Божеское и человеческое» (1906) Светлогуб, списанный с реального Дмитрия Лизогуба. Революционное народничество обязано Льву Толстому и таким многозначащим документам, как его мартовское 1881г. письмо к Александру III в защиту жизней Андрея Желябова, Софьи Перовской и товарищей их, цареубийц[133].

Третий гений русской литературы Ф. М. Достоевский слыл ярым врагом «нигилистов» и на рубеже 60—70-х годов изображал их в романе «Бесы» «руками, дрожащими от гнева» (по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина). Но даже он в последние годы жизни поддался обаянию героев народничества, усомнился в своем предубеждении против них, признал «свою логику» и «какое-то удивительное самопожертвование» революционеров[134]. Лучше всего говорит об этом его замысел второго романа дилогии «Братья Карамазовы». 20 февраля 1880 г. Достоевский рассказывал А. С. Суворину, что «напишет роман, где героем будет Алеша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно (! — *Н. Т.*), стал бы революционером»[135].

М. Е. Салтыков-Щедрин как сатирик тяготел к изображению не столько революционного, сколько реакционного лагеря. Его пером осрамлены столь характерные для 70—80-х годов типы царских карателей, как «бесшабашные советники» Удав и Дыба из книги «За рубежом» (1881) и, особенно, мастер «щипать людскую корпию» «надворный советник Сеничка» из деся-

---

[130] И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Л., 1930. С. 67—68, 285; Группа «Освобождение труда». М., 1925. Сб. 3. С. 211.

[131] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. М., 1967. С. 360.

[132] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 36. С. 151.

[133] Там же. Т. 63. С. 50—52.

[134] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. СПБ., 1896. Т. 20. С. 405; *Его же.* Письма. М., 1959. Т. 4 (1878—1881). С. 57.

[135] *Суворин А. С.* Дневник. М., 1992. С. 16.

того «Письма к тетеньке» (1882). Но у Щедрина в рассказе «Больное место» (1879) есть образ «народного заступника» Степана Разумова, идейно и нравственно очень значимый, хотя замаскированный перед цензурой.

Не без помощи эзоповского языка, но более откровенно, чем Щедрин («вполоткрыта», по излюбленному выражению И. А. Крылова), изображал народников, «людей, которые умирают за других, которые за чужое благо томятся в тюрьмах десятки лет»[136], Глеб Успенский в рассказах и очерках «Неизлечимый» (1877), «Три письма»(1878). В 1885 г. он написал очерк «Выпрямила», в котором воспел три высочайшие гармонии: наряду с красотой труда и красотой искусства, олицетворенной в образе Венеры Милосской, красоту революционного подвига, тоже символизированную в образе женщины. В этюдах к очерку назван прототип этой женщины: «В. Н.» и «Ф» (т. е. В. Н. Фигнер)[137].

Много работал над образом революционеров К. М. Станюкович — лучший в России писатель-маринист, «Айвазовский слова», как его называли, дядя народовольца М. Н. Тригони. В двух романах 1879 г. «Наши нравы» и «Два брата» он представил обаятельные, несмотря на подцензурный камуфляж, типы народников-пропагандистов и революционера рахметовского склада (даже с похожей фамилией) Мирзоева. Позднее, в сибирской ссылке Станюкович написал роман «В места не столь отдаленные» (1886), где контурно обозначил революционное прошлое самой привлекательной героини Степовой.

Иносказательно откликнулся на революционную тему В. М. Гаршин, который высоко чтил народовольцев («мне хотелось бы воплотить этих людей в художественные образы, но это выше сил моих»[138]). Его «Attalea princeps» (1880) и, особенно, «Красный цветок» (1883) — это и гимн и реквием «безумству храбрых» «Народной воли».

Революционная тема была одной из главных в раннем творчестве В. Г. Короленко, который сам пережил четыре ареста и долгую ссылку за связь с народниками. В 1880 г. Он написал рассказ «Чуднбя». Героиня рассказа — больная, умирающая, но гордая и непреклонная ссыльная революционерка, о которой ее товарищ говорит жандарму: «Сломать ее можно... Вы и то уж сломали... Ну а согнуть, — сам, чай, видел: не гнутся этакие»[139]. Прототипом «Чудной» была народоволка Э. Л. Улановская, трижды осужденная царским судом. Короленко встречался с ней в ссылке и хотел посвятить ей «Чудную».

Под стать героине Короленко революционеры-народники Кинтильян и Аня из рассказа Д. Н. Мамина-Сибиряка «В худых душах» (1882), Лиза Гарденина в романе А. И. Эртеля «Гарденины» (1889), Маня Карташова — персонаж двух романов Н. Г. Гарина-Михайловского «Студенты» (1895) и «Инженеры» (1907), героиня одного из ранних рассказов А. М. Горького

---

[136] *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 4. С. 315.
[137] Там же. Т. 10. Кн. 1. С. 595.
[138] *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. М.;Л., 1933. С. 45.
[139] *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1953. Т. 1. С. 17.

«Маленькая» (1895). Сочувственно обрисован народоволец Владимир Иванович в повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека» (1893). Чехов написал ее вскоре после своей поездки на Сахалин, где он, вопреки запрету властей, встречался с политическими каторжанами, народовольцами А. И. Александриным, В. И. Вольновым, И. П. Ювачевым, Н. Л. Перлашкевичем и др.[140]

До сих пор речь шла только о выдающихся писателях, классиках русской художественной прозы. Но революционно-народническую тему развивали и очень многие рядовые мастера, иные из которых были тогда популярны и любимы читателями: А. О. Осипович-Новодворский, П. В. Засодимский, Н. Н. Златовратский, И. А. Салов, А. Н. Луканина и др. Талантливую, со знанием дела и сочувствием к революционному подполью, повесть о народниках под названием «Нигилистка» (1890) написала С. В. Ковалевская — замечательный ученый, первая женщина в мире, ставшая профессором математики, и первая в России член-корреспондент Академии наук.

Об отражении революционно-народнической темы в поэзии надо говорить особо. Здесь первыми по времени и значению были произведения Н. А. Некрасова. Еще в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1866—1876) Некрасов создал образ Григория Добросклонова — один из самых ранних литературных образов революционера-народника. В хрестоматийных строках о Добросклонове:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь

слышится отголосок столь частых в 70-е годы репрессий царизма против народников-пропагандистов. Героям «хождения в народ» Некрасов посвятил знаменитое стихотворение «Сеятелям» (1876), а другой шедевр «Смолкли честные, доблестно павшие...», созданный, как полагают некрасоведы, к 1874 г. в память жертв Парижской Коммуны, но не публиковавшийся, поэт в 1877 г. переадресовал и лично переслал в тюремную камеру героям народнического процесса «50-ти» (впервые опубликовал его журнал народников «Земля и воля» в № 5 за 1879 г.).

Из стихотворений других поэтов, может быть, самой популярной в годы революционного народничества была «Узница» Я. П. Полонского. До недавних пор считалось, что она написана в 1878 г. как отклик на дело Веры Засулич. В 1977 г. мне посчастливилось установить, что Полонский написал «Узницу» годом ранее и откликнулся ею на процесс «50-ти»[141].

Одной из подсудимых на этом процессе Лидии Фигнер посвятил стихотворение «К судьям» А. Л. Боровиковский — адвокат, острослов и поэт, написавший ряд «антиправительственных» стихов, по поводу которых

[140] См.: *Семанова М. Л.* Общался ли Чехов на Сахалине с политическими ссыльными? // Вопросы литературы. 1972. № 1.

[141] *Троицкий Н. А.* Засулич или Фигнер? (о стихотворении Я. П. Полонского «Узница») // Русская литература. 1977. № 2.

написавший ряд «антиправительственных» стихов, по поводу которых он сам подтрунивал над собой:

За свои стихотворенья
Ты куда же мнишь попасть:
В олимпийские ль селенья?
В полицейскую ли часть?[142]

Очень популярной в радикальных кругах была драматическая поэма Минского (псевдоним Н. М. Виленкина) «Последняя исповедь», опубликованная в № 1 газеты «Народная воля» за 1879 г. Именно она вдохновила И. Е. Репина на создание картины «Отказ от исповеди».

Вообще в годы «Народной воли», пожалуй, наибольший успех из подцензурных и полулегальных стихотворений на революционную тему имели стихи талантливого поэта посленекрасовского десятилетия С. Я. Надсона «Мрачна моя тюрьма», «Ни звука в угрюмой тиши каземата», «По смутным признакам, доступным для немногих» и др., в которых запечатлелась вся бездна страданий и вся сила духа узников царизма. От их имени поэт обращался к собрату по убеждениям:

Из каменных гробов, и душных, и зловонных,
Из-под охраны волн, гранита и штыков
Прими, свободный брат, привет от осужденных,
Услышь, живущий брат, призывы мертвецов![143]

Страстными, полными сострадания к народовольцам, откликами на расправу с ними начал свой творческий путь К. М. Фофанов — едва ли не самый интересный в России поэт эпохи безвременья, примерно с 1887 г., когда умер Надсон, до середины 90-х годов[144]. Таковы его стихи 1881—1883 гг. «Вы что пали жертвой злобы», «Узник», «Рассказ могильщика о казни», которые мне удалось разыскать в архивах и опубликовать в 1970 г.[145] В августе 1882 г. Фофанов написал стихотворение «Погребена, оплакана, забыта» памяти Софьи Перовской.

Против карательной политики царизма 70-80-х годов были направлены распространявшиеся нелегально (в списках и подпольных изданиях) стихи «Сердце государево» Л. Н. Трефолева:

Мы между народами
Тем себя прославили,
Что громоотводами
Виселицы ставили.

---

[142] *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 254.

[143] *Надсон С. Я.* Полн. собр. стихотворений. М.;Л., 1962. С. 185.

[144] Лев Толстой и в 1907 г. говорил о Фофанове: «Лучше поэта нынче нет» (*Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891—1910. М., 1960. С. 584).

[145] *Троицкий Н. А.* Константин Фофанов и «Народная воля» // Русская литература. 1970. № 1.

а также сатирическая «Песнь торжествующей свиньи» с грифом «Посвящается М. Н. Каткову» А. П. Барыковой. Эта «песнь» дополняет сказку Щедрина «Торжествующая свинья или разговор свиньи с Правдою» из цикла «За рубежом» (свинья там «кобенится» перед Правдой и «чавкает» ее). Смысл «песни» — в обличении бездуховности, животной узости идеалов реакции, воплощением которой представлена «торжествующая свинья».

К. Д. Бальмонт, который, по словам В. Я. Брюсова, десять лет (1895-1904) «нераздельно царил над русской поэзией»[146], еще до начала литературной деятельности подвергался репрессиям за связи с народовольцами и отразил в первом сборнике своих стихотворений «Под северным небом» народнические идеи:

Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
Хочу я отереть хотя одну слезу[147].

Если зачинателем революционно-народнической темы в русской классической поэзии был Некрасов, то завершил ее А. А. Блок. В его поэме «Возмездие» (1911—1921, осталась неоконченной и расценивается специалистами как вершина творчества поэта) описана — в мажорном, призывном тоне — сходка землевольцев с участием Софьи Перовской и Сергея Кравчинского[148].

При столь всеобъемлющем воздействии революционного народничества на литературу даже консервативно настроенные писатели поднимались если не до оправдания революционеров, то до осуждения их карателей. Так, А. К. Толстой в сатире «Сон Попова» (1873) язвил карательную систему, глава которой — министр внутренних дел — изрекает, не обинуясь: «Законность есть народное стесненье, гнуснейшее меж всеми преступленье!» Н. С. Лесков, который в 60-х годах отдал дань охранительству романами «Некуда» и «На ножах», в 70-е годы эволюционировал далеко влево и создал ряд блестящих сатир на карательную политику царизма: «Административная грация», «Заячий ремиз» и др. В них осмеяны не только царские «ловитчики», алчущие «цапать потрясователей основ», но и карательные борзописцы, норовившие «такой клеветон [о революционерах] написать, чтоб во все страны фимиазм пошел»[149].

В один голос с русскими писателями развивали революционно-народническую тему мастера слова других народов России, особенно украинские[150]. И. Я. Франко в стихотворении «Гимн» (1880) народнически призывал:

Не сгибаться, а бороться,
Пусть потомкам, не себе
Счастье выковать в борьбе!

---

[146] *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 11.

[147] Там же. С. 81.

[148] *Блок А. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 3. С. 200—202.

[149] *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 9. С. 542, 548, 564—565.

[150] Подробнее см.: *Троицкий Н. А.* Культура народов России в эпоху второй революционной ситуации (1878—1882). Саратов, 1989.

Революционер, гибнущий за свои убеждения, но не изменяющий им, был любимым поэтическим образом М. П. Старицкого («Борцу», «Встреча», «Путь крутой» и другие стихи из двухтомника 1881—1883 гг. «Песни и думы»). Леся Украинка одно из первых стихотворений («Надежда», 1880) посвятила своей тетке Е. А. Косач, репрессированной за народническую пропаганду, а в стихотворении «Мать-невольница» (1895) воспела М. П. Воронцову (Ковалевскую), осужденную в 1879 г. на каторгу по делу народников-террористов. Еще один классик украинской литературы Панас Мирный сам был причастен к народнической «крамоле» и сочувственно изобразил ее деятелей в рассказе «Народолюбец» (1870—1875) и в повести «Лиходеи» (1875).

В Грузии иносказательно приветствовал героев 1 марта Акакий Церетели («Весна», 1881), открыто возвеличивал жертвы царских репрессий Важа Пшавела («Верю — и верил всегда я», 1888):

Жить на земле будет вечно
Тот, кто погиб, сострадая
Скорби людей бесконечной.

В Белоруссии стихи с обличением карателей народничества писал Франциск Богушевич («Худо будет», 1891), в Латвии — Ян Райнис («Любящие отечество», 1897).

С наибольшим знанием дела, хотя и с меньшим художественным талантом, чем литературные классики, изображали революционно-народническое движение те литераторы (прозаики и поэты), которые сами активно участвовали в движении. Первым из них по значению надо признать С. М. Кравчинского (Степняка), имя которого равно принадлежит и русскому, и украинскому народу, и народам Европы, поскольку он родился на Украине, революционную деятельность вел главным образом в России, а литературную — в Италии, Швейцарии, Англии.

Замечательный роман Кравчинского «Андрей Кожухов» (1889) правдиво рисует движение народников в самый драматический момент их поворота от пропаганды к террору, причем сцена, в которой герой романа покушается на жизнь Александра II, воспроизводит действительную картину покушения А. К. Соловьева 2 апреля 1879 г. Столь же исторически достоверна и художественно выразительна повесть Кравчинского «Домик на Волге» о «хождении в народ» (1889). И в романе, и в повести, а также в драме «Новообращенный» (1894) Кравчинский показал, как идейно убеждены, отважны и нравственно чисты, хотя и трагически обречены, герои народничества. Их credo: «Мы должны думать не только о пользе, но и о чести нашей партии»[151].

Книгу уникальной судьбы, роман «Булгаков» написал революционер-народник Ф. Н. Юрковский — в 1882 г. на Карийской каторге в Забайкалье. В 1883 г. он был переведен с Кары в Шлиссельбургскую крепость (разумеется, без романа, который был изъят у него и уничтожен), и с начала

[151] *Степняк-Кравчинский С. М.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 348.

90-х годов, когда узникам Шлиссельбурга разрешили письменные принадлежности, написал роман еще раз, но не до конца; на последней странице рукописи Юрковского приписано рукою Н. А. Морозова: «Здесь роман кончается по причине смерти автора, не вынесшего заключения»[152]. В «Булгакове» картинно представлены жизнь, быт, деятельность, типы людей народнического подполья 1874—1875 гг. на юге России.

Среди поэтов народничества первым по значению был, бесспорно, П. Ф. Якубович (Мельшин), «Арион революционной молодежи 80-х годов», как его называли, один из героев процесса «21-го», где он был осужден на 18 лет каторги. Смысл и дух музы Якубовича передан в стихотворном эпиграфе 1884 г. к будущему собранию его сочинений:

Я пою для тех, чьи души юны,
Кто болел, как за себя, за брата.
Музой был мне сумрак каземата,
Цепь с веревкой — лиры были струны[153].

Якубович был народовольцем. Но такова же по смыслу и духу — идейна, гражданственна, народна — муза другого мастера народнической и, кстати, украинской поэзии чернопередельца П. А. Грабовского, пережившего три ареста и 16 лет каторги и ссылки в Сибири. Вот строки из его стихотворения «Народнику» (1894):

Пусть палач душит край,—
Смело к цели шагай,
Не тужи.
Чтоб добиться свобод,
Жизнь свою за народ
Положи!

Вообще эпоху революционного народничества В. И. Ленин справедливо характеризовал как «время, когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом»[154]. Стихи писали десятки революционеров-народников (В. Н. Фигнер, Г. А. Лопатин, Н. А. Морозов, С. С. Синегуб, Д. А. Клеменц, Ф. В. Волховский, Н. А. Саблин, С. И. Бардина и многие-многие другие) — стихи, не всегда удачные в художественном отношении, но сильные правдой жизни, борьбы и даже психологии народничества[155]. Иные из них стали популярнейшими революционными песнями, которые прошли через три революции в России и живут поныне: «Отречемся от старого мира» П. Л. Лаврова, «Замучен тяжелой неволей» Г. А. Мачтета, «Слезами залит мир безбрежный» В. Г. Богораза-Тана, похоронный марш «Вы жертвою пали» И. М. Познера и А. И. Архангельского.

---

[152] *Юрковский Ф. Н.* Булгаков. Воспоминания и письма. М.;Л., 1933. С. 164. Юрковский умер 31 августа 1896 г.

[153] *Якубович П. Ф.* Стихотворения. Л., 1960. С. 104.

[154] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 271.

[155] См. их наиболее полн. изд.: Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968.

Итак, мастера всех жанров отечественной литературы 70–90-х годов XIX в., включая самых выдающихся ее корифеев, так или иначе (прямо, «вполоткрыта», иносказательно) выразили свое сочувствие к революционному народничеству, хотя и порицали «крайности» его теории (социализм) и тактики (террор). Только Ф. М. Достоевский в «Бесах» гневно осудил народническую «крамолу», а Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков от своей хулы против народников 60-х годов в 70-х годах отказались. Вместе с тем на обочине российской словесности подвизались литераторы, избравшие своей специальностью «антинигилистический роман», т. е. не отдельные нападки на «крамолу», как у Достоевского, Толстого, Лескова, а систематическое (и сверх всякой меры) ее поношение.

Эти романисты по своим творческим возможностям выглядели пигмеями рядом не только с такими гигантами, как Толстой и Тургенев, но и с писателями масштаба Гаршина и Надсона. «Классиком» среди них слыл бесталанный и беспринципный Б. М. Маркевич – тот самый, кого Тургенев сделал заглавным героем аллегорического стихотворения «Гад». Именно роман Маркевича «Бездна» (1883–1884) стал самым «антинигилистическим». Он не только карикатурил революционеров, но и уязвлял царскую власть за недостаточно жестокую расправу с ними, требуя еще более крутых мер. Роман был переполнен аляповатыми описаниями революционных ужасов. А. П. Чехов назвал его «длинной, толстой, скучной чернильной кляксой»[156].

По тому же рецепту были изготовлены романы «Перелом» Маркевича (1880–1881), «Злой дух» В. Г. Авсеенко (1881–1883), «Вне колеи» К. Ф. Головина (1882) и другие «темные пятна злорадного человеконенавистничества на светлом фоне русской литературы»[157]. «Антинигилистическая» словесность не знала цензурных препон, но не имела в обществе и малой доли того успеха, каким пользовались истинные художники, ни по литературным достоинствам, ни по идейному содержанию.

* * *

После 1917 г. революционно-народническая тема в нашей литературе стала свободной от цензуры. Советские писатели[158] часто обращались к ней, стараясь изобразить не столько идеалы и личности, сколько уже деятельность народников. Тем не менее, все созданное ими в этом отношении за семь десятилетий при количественном превосходстве качественно уступает дореволюционной литературе, главным образом по недостатку равновеликих (под стать классикам XIX в.) художественных талантов.

---

[156] *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1948. Т. 13. С. 439.

[157] *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 146.

[158] В посткоммунистической России писатели не интересуются народничеством.

В первые полтора десятилетия Советской власти литература о народниках издавалась регулярно, но художественных удач в ней было немного. Серьезный роман О. Д. Форш «Одеты камнем» (1924–1925) посвящен М. С. Бейдеману и другим революционерам 60-х годов. Слабее во всех отношениях роман А. А. Соколовского «Первые храбрые» (1929) о революционных событиях 1878–1881 гг. и его трилогия: «Бунтари» – о «хождении в народ», «Новое оружие» и «Осужденные на смерть» – о народовольцах. В 1933 г. увидели свет два интересных романа. Один из них – «Непобежденный пленник» (об Ипполите Мышкине) – написал большой мастер слова В. И. Язвицкий, автор двухтомного повествования «Иван III, государь всея Руси». Другой роман – «Бархатный диктатор» (о диктатуре М. Т. Лорис-Меликова в кульминационный момент единоборства «Народной воли» с царизмом) – написан ученым-литературоведом Л. П. Гроссманом. Роман Язвицкого художественно выразителен, но исторически поверхностен, а Гроссмана – строго документален, но недостаточно художествен.

В те же годы был издан ряд произведений о народниках для «легкого» чтения (среди них повести «Цареубийца» Зинаиды Ахтырской и «Дорога на эшафот» Елены Сегал – о Софье Перовской). Вся вообще советская художественная (как и научная) литература 20-х – начала 30-х годов изображала народников и, особенно, народовольцев самоотверженными героями, слабость которых заключалась в том, что они были далеки и от марксизма и от народа.

С середины 30-х годов четвертьвековая полоса забвения народничества в СССР захватила и художественную литературу. Тем временем за границей писатель-эмигрант, выдающийся мастер слова М. А. Алданов посвятил революционному народничеству самый крупный и, возможно, лучший из своих шестнадцати романов[159] – «Истоки» (1948). В нем объективно, как бы отстраненно, с учетом и сильных и слабых сторон народничества представлены революционеры 70-х годов и, кстати, точно воссоздана картина цареубийства 1 марта 1881 г. Алданов по-толстовски отрицал и «белый» и «красный» террор, но признал, что народовольцы были *вынуждены* прибегнуть к насилию. Зато П. Н. Краснов (царский генерал и атаман Войска Донского, казненный по приговору советского суда за сотрудничество в 1941–1945 гг. с гитлеровцами) в романе «Цареубийцы» (1938) изобразил народовольцев «безобразными», «косматыми», «дремучими обезьянами», которые ни за что убивают «дивно прекрасного» Александра II.

В СССР публикация художественных произведений о революционерах-народниках возобновилась только после XX съезда КПСС. Уже в 1956 г. появился роман И. Я. Бражнина «Голубые листки». Его центральная тема – жизнь и смерть главного техника «Народной воли» Николая Кибаль-

[159] В 1950 г. сам Алданов так написал И. А. Бунину об «Истоках»: «наименее плохая, по-моему, из всех моих книг» (*Алданов М. А.* Истоки. Избр. произв.: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 501. Это издание «Истоков» – первое на родине писателя).

чича. С 1959 г. начали выходить в свет «народнические» повести и романы Ю. В. Давыдова.

Юрий Давыдов как никто из писателей, интересующихся народничеством, заботится об исторической и чисто фактической достоверности своих произведений, больше многих историков работает в архивах. Его романы «Март» — о народовольцах-первомартовцах (1959), «Глухая пора листопада» — о т. н. «дегаевщине», грандиозной провокации царизма против «Народной воли» (1968), «Соломенная сторожка» — о Г. А. Лопатине и других народниках (1986) не просто художественно выразительны. Они всегда превосходно документированы, почти безупречны с точки зрения исторической достоверности[160].

Этого нельзя сказать о романах С. А. Заречной «Предшественник» (о Н. Г. Чернышевском) и, особенно, «Подвиг поколения» (1963) — о народниках 70-х годов. Второй роман написан с претензией на панорамное отображение всех сторон общественной жизни и освободительного движения в России за 10 лет (1874—1883), но не удался автору: с одной стороны, перегружен сюжетными линиями и персонажами, с другой — надостаточно историчен, страдает фактическими погрешностями, анахронизмами.

Из произведений, созданных в 1970-е годы, выделяется роман украинского писателя Н. М. Строковского «Жизнь во втором чтении» (1972) — о П. А. Грабовском. Роман интересный, глубокий, исторически правдивый. К сожалению, смерть помешала Строковскому написать задуманное продолжение романа.

В 1980-е годы написан живописный роман К. М. Белова «Палач», главный герой которого — реальное лицо, заплечных дел мастер Иван Фролов, повесивший только за 1879—1882 гг. в исполнение приговоров царского суда 26 революционеров-народников. Переизданный в 1993 г., когда наша журналистика и, отчасти, историография конъюнктурно повернули от восхваления революционеров к поношению их, роман Константина Белова показывает и чистоту идеалов народничества и правоту его революционного дела. Герой романа в конце концов прозревает, осознав, что «истинными виновниками преступлений были не жертвы, казнимые именем государя, а те, кто судил их и отправлял на виселицу»[161].

Вообще, советская художественная литература по нашей теме — преимущественно биографическая. Изданы романы и повести Германа Нагаева о Кибальчиче, Игоря Смольникова о Кравчинском и Лопатине, Михаила Хейфеца о Клеточникове, Зиновия Фазина о Вере Засулич. Два десятка книг о народниках вышли в популярной ранее серии «Пламенные революционеры». Лучшие из них — «Завещаю вам, братья...» (об Александре Михайлове), «На скаковом поле, около бойни...» (о Дмитрии Лизогубе) и «Две связки писем» (о Германе Лопатине) Ю. В. Давыдова, «Нетерпение» (об

---

[160] Ю. В. Давыдову принадлежит и настоящее исследование (с научным аппаратом), по форме не менее художественное, чем его романы: «Герман Лопатин. Его друзья и враги». М., 1984.

[161] *Белов К. М.* Палач. 2-е изд. М., 1993. С. 617.

Андрее Желябове) Ю. В. Трифонова, «Тайна клеенчатой тетради» (о Николае Клеточникове) В. И. Савченко[162].

Кстати, Владимир Савченко первым в художественной литературе представил нам Клеточникова во весь рост как феномен умственной, деловой и нравстиенной силы, причем открыл в архивах ряд неизвестных страниц биографии своего героя (например, его причастность к «Организации» Н. А. Ишутина – Д. В. Каракозова).

В постсоветское время некоторые беллетристы потянулись вслед за публицистами, к поруганию нашей революционной истории. Самый характерный пример – роман Олега Михайлова «Забытый император» (об Александре III. М., 1997), где народники представлены как «безумные фанатики», «злодеи», «дубины» и «дуры» с «нелепыми идеалами» (С. 15, 17, 334, 335, 339).

Поэтических произведений о революционерах-народниках в советской литературе немного. Драматическая поэма Саввы Голованивского «Первый гром» (1957), посвященная героям 1 марта 1881 г., грешит избытком вымысла. Более историчны главка «Фигнер» из поэмы Евгения Евтушенко «Казанский университет» (1971) и, особенно, поэма Николая Доризо «Андрей Желябов» (1970). Поэт Доризо лучше иных ученых разобрался в истории 1870–1880-х годов, показав идейную и нравственную обусловленность самопожертвования народовольца, будь то Желябов или Александр Ульянов:

Да, в это рабское бесправье
Мог поступить он только так:
Грохочет танк самодержавья,
И он с гранатою – под танк[163].

Стихи советских поэтов на революционно-народническую тему плюралистичны. Игорь Волгин в стихотворении «Софья Перовская» традиционно восславил подвиг своей героини, Борис Олейник рассуждает о народовольцах сдержанно (стихотворение «Микола Кибальчич»), а Владимир Корнилов («Екатерининский канал») категорически их осудил.

б) искусство

В истории освободительной борьбы всех времен и народов нет другого движения, которое нашло бы столь богатое по числу художественных шедевров, глубокое по содержанию и совершенное по форме отражение в **живописи**, как русское революциионное народничество 1870-х – начала 1880-х годов. В последней трети XIX в. русская живопись как никогда изобиловала великими талантами, и почти все они откликались в своих произведениях на героику народничества. Галерея картин, рисунков, портретов

---

[162] Подробно см.: *Трощкий Н. А.* Пламенные революционеры // Освободительное движение в России. Вып. 10. Саратов, 1981.

[163] *Доризо Н. К.* Меч победы. М., 1975. С. 319, 333–334.

И. Е. Репина, В. И. Сурикова, И. Н. Крамского, В. Г. Перова, В. В. Верещагина, Н. Я. Ярошенко, Н. Н. Ге, В. Е. и К. Е. Маковских, В. М. Васнецова, И. М Прянишникова, Г. Г. Мясоедова, С. В. Иванова, Н. В. Неврева, В. И. Якоби, К. А. Савицкого, С. А. Коровина, В. А. Серова, И. И. Левитана, отобразивших революционно-народнические сюжеты и мотивы, — это показатель не только высочайшего подъема русской живописи, но и величия народничества, его притягательной силы.

Больше других был увлечен героикой народничества, чаще всех обращался к ней в творчестве и лучше, чем кто- либо из художников, запечатлел ее «Илья Муромец» отечественной живописи И. Е. Репин. Под впечатлением революционной борьбы народников он написал (кроме ряда портретов[164] и рисунков) восемь прекрасных картин. Три из них («Под конвоем», «Экзамен в сельской школе», «Арест пропагандиста») отразили «хождение в народ», а все остальные — борьбу «Народной воли»: «Отказ от исповеди перед казнью», «Иван Грозный и сын его Иван», «Сходка», «В одиночном заключении», «Не ждали».

Вообще все произведения Репина на революционную тему проникнуты сочувствием и симпатией к борцам за свободу. Репин преклонялся перед Н. Г. Чернышевским, дружил с народовольцами Г. А. Лопатиным, Н. А. Морозовым, З. Г. Ге, поддерживал обоюдно уважительные отношения с П. Л. Лавровым, В. Н. Фигнер, Г. В. Плехановым. Царских же заправил он ненавидел и презирал. Александр III был в его представлении «осел во всю натуру», Николай II — «тупая скотина... скиф-варвар, держиморда», К. П. Победоносцев и М. Н. Катков — «паскудные нахальники», все вообще правительство Александра III — «царство идиотов, бездарностей, трусов, холуев и тому подобной сволочи»[165]. Его «Иван Грозный» был задуман в 1881 г. под впечатлением расправы царизма с народовольцами как иносказательное обличение «белого» террора[166]. В обстановке, когда царизм душил освободительное движение, уничтожая молодость нации, эта картина, изображающая, как бесноватый царь-деспот убивает собственного сына, походила на взрыв протеста против царского деспотизма.

Вторым по значению после Репина художественным изобразителем народничества был Н. А. Ярошенко. Именно он в 1878 г. выставил своего «Заключенного» — первое в отечественной живописи большое полотно, посвященное революционеру, — а в 1881 г. написал картину «У Литовского замка», где впервые была представлена русская женщина-революционерка. Позднее Ярошенко создал такие шедевры, как «Студент» и «Курсистка» — собирательные типы (мужской и женский!) народовольцев. Все перечисленные и некоторые другие его произведения («Старое и молодое», «Причины неизвестны») утверждали нравственное превосходство героев народниче-

---

[164] Портреты Н. А. Морозова (четыре), Г. М. Гельфман, З. Г. Ге, зарисовка с Д. В. Каракозова перед его казнью. Морозов и Г. А. Лопатин изображены также в картине Репина «Манифестация 19 октября 1905 г.»

[165] *Репин И. Е.* Избр. письма: В 2 т. М., 1969. Т. 1. С. 330, 333; Т. 2. С. 187, 191, 356.

[166] Подробно об этом см.: *Троицкий Н. А.* Репин и «Народная воля» // Искусство. 1971. № 9.

ства над царскими карателями. «Ведь какие картины он пишет! — возмущался вел. кн. Михаил Николаевич (брат Александра II).— Он просто социалист. Он не наш!»[167]

Таковы же по смыслу картины В. Е. Маковского «Вечеринка», «Осужденный», «Ожидание у острога», «Узник», его рисунок «Арест нигилистов», а также зарисовки К. Е. Маковского с натуры на судебном процессе по делу 1 марта 1881 г. (особенно выразителен портрет А. И. Желябова: лицо апостола и трибуна[168]). Сочувственный отклик И. М. Прянишникова на «хождение в народ» биографы художника усматривают в его картине «Порожняки».

Впечатляюще обличали карательный террор царизма против народников картины «Отпетый» В. Г. Перова, «Больная» Н. В. Неврева, «Из острога на допрос» С. В. Иванова, знаменитая «Владимирка» И. И. Левитана и, особенно, «Казнь заговорщиков в России» В. В. Верещагина (1884—1886 гг.), включенная в «Трилогию казней», другие части которой составили «Распятие на кресте у римлян» и «Подавление индийского восстания англичанами». Таким образом трилогия ставила расправу царизма с народниками «в один ряд с самыми отвратительными проявлениями деспотического варварства всех времен и народов»[169].

Очень часто художники, если не из творческих, то из цензурных соображений, развивали революционно-народническую тему иносказательно, используя для этого религиозные, исторические и бытовые сюжеты[170]. В живописи, как и в литературе, распространенной была христианско-народническая аллегория. Образ Христа стал, по выражению И. Н. Крамского, иносказательным «иероглифом» образа «народного заступника» 1870—1880-х годов, как это и представил Крамской в картинах «Христос в пустыне» и «Хохот». Иной смысл имели полотна о Христе Н. Н. Ге: «Что есть истина?», «Суд Синедриона. Повинен смерти», «Распятие». В этих полотнах главное — не подвиг героя, а расправа с ним, осуждение жестокости и бессмысленности этой расправы[171].

Чаще религиозных использовались для иносказательного суда над современностью исторические сюжеты. Еще в 1864 г. (год гражданской казни Н. Г. Чернышевского) В. И. Якоби написал картину «Умеренные и террористы», которая, несмотря на французский сюжет (термидорианцы глумятся над побежденным, умирающим Робеспьером), остро ставила злободневную для русской действительности тему гибели революционера, насилия над ним, тему вакханалии реакции. Возможно, как обличение «белого» террора была задумана (воспринималась именно так) и «Княжна Тараканова» К. Д. Флавицкого.

---

[167] Цит. по: *Секлюцкий В. В.* Н. А. Ярошенко. Ставрополь, 1963. С. 34.

[168] См.: *Л[еткова] Ек. [П.] К.* Маковский на процессе 1 марта 1881г. // Былое. 1924. № 25. Рисунки Маковского там же.

[169] *Лебедев А. К.* В. В. Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1972. С. 221.

[170] Подробно см.: *Трощий Н. А.* Языком иносказания // Искусство. 1972. № 10.

[171] Самих же корифеев народничества Ге увековечил в двух замечательных портретах — А. И. Герцена и М. А. Бакунина.

В 70-е же и 80-е годы русские художники создали много картин, иносказательно отразивших героику и трагедию народничества. Самая выдающаяся из них (наряду с «Иваном Грозным» Репина) — «Боярыня Морозова» В. И. Сурикова, задуманная в 1881 г. под впечатлением казни Софьи Перовской. Подвиг женщины — первой в России, казненной за борьбу против самодержавия, — поразил воображение художника, и он в поисках иносказательного отклика на это событие обратился к личности Феодосии Морозовой, ибо она расценивалась тогда в демократических кругах как пример благородного и самоотверженного характера, готового скорее погибнуть, чем изменить своим убеждениям[172].

Иносказательно осуждали героев народничества и другие произведения Сурикова 80-х годов с мотивами казни и заточения («Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове»), а также картина Н. В. Неврева «Смерть князя Гвоздева» (Иван Грозный убивает безвинно одного из своих подданных).

Драматизм тактических исканий народников перед выбором наиболее радикального пути борьбы за народ аллегорически изобразил В. М. Васнецов в картине «Витязь на распутье», а их силу духа и фанатическую преданность своим идеалам Г. Г. Мясоедов в картине «Самосожигатели».

Еще чаще, чем исторические сюжеты, использовался для иносказательного протеста против расправы царизма с народниками бытовой жанр. В 1870—1890-е годы художники сделали полицейские и судебные гонения (без политического акцента) одной из главных тем этого жанра, обличая таким образом жестокость царизма и пробуждая сострадание к его жертвам. Таковы картины «Всюду жизнь» Н. А. Ярошенко, «По этапу» В. Е. Маковского, «Этап» С. В. Иванова, «По этапам» А. Е. Архипова, «В ожидании приговора суда» К. А. Савицкого, «В коридоре окружного суда» Н. А. Касаткина, «Встреча. Приезд жены к ссыльному в Сибирь» В. А. Серова, «Конвой арестантов» С. А. Коровина, иллюстрации В. И. Сурикова к рассказу Л. Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет».

Так почти все корифеи русской живописи 1860—1890-х годов выразили в своих произведениях уважительное сочувствие к героям и мученикам народничества. «Антинигилистических» картин никто из художников, сколько-нибудь известных в то время, не писал. Только В. Г. Перов в третьем варианте «Суда Пугачева» иносказательно осудил «красный» террор: если первый вариант картины (1873 г.) трактовал расправу Е. И. Пугачева с дворянами, как справедливое возмездие, то третий (1879 г.), написанный под впечатлением поворота народников от пропаганды к террору, — как неправедную жестокость[173].

Как правило, живописцы, затронувшие тогда революционно-народническую тему, изображали не деятельность революционеров, а преследование их властями (арест, суд, заточение, ссылку, казнь). Это объяснялось и цензур-

---

[172] См. напр.: *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1953. Т. 1. С. 17.

[173] Подробно см.: *Дружинин Н. М.* В. Г. Перов и его картина «Суд Пугачева» // Музей революции. М., 1933. Сб. 5.

ными соображениями (революционер в неволе был более приемлем для цензуры, чем на свободе), и политической обстановкой тех лет, когда прежде всего бросался в глаза и больше всего возмущал современников именно разгул правительственных репрессий. Но и под арестом и судом, в заточении и перед казнью «народный заступник», каким рисовали его — прямо или иносказательно — Репин, Ярошенко, Крамской, Суриков и другие, бесконечно превосходил своих врагов идейно и нравственно, привлекая тем самым симпатии общества к людям освободительного движения и к его идеалам. Глядя, к примеру, на героя картины Репина «Отказ от исповеди», зритель легко мог рассудить, что дело, ради которого ТАКИЕ люди ТАК идут на смерть, бессмертно.

После 1917 г. советские художники, естественно, сделали революционную тему главной, но, возвеличивая пролетарских революционеров, мало интересовались их предшественниками. Хотя теперь стало возможным живописать революционную (народническую тоже) героику подчеркнуто, не прибегая к иносказаниям, художественные удачи при этом были редкими — по той же причине, что и в литературе. В 1930 г. последний из могикан русской классической живописи (он же первый *народный художник* Советской России) Н. А. Касаткин, продолжая традицию классиков, выставил картину «Карийская трагедия», где он запечатлел нашумевшую акцию царских карателей — телесное наказание политической каторжанки народоволки Н. К. Сигиды, повлекшее за собой массовое самоубийство узников каторжной тюрьмы на реке Кара в Забайкалье[174]. Из других произведений советской живописи на революционно-народническую тему до середины 30-х годов можно выделить картину Н. И. Шестопалова «Семидесятники» и два рисунка Д. Н. Кардовского: «Убийство шефа жандармов Мезенцова Сергеем Кравчинским» и «Покушение Александра Соловьева на Александра II».

Далее наступил четвертьвековой перерыв, связанный с запретом народнической темы. Лишь три картины, изображающие момент исторической речи рабочего-революционера Петра Алексеева на суде по делу «50-ти»[175], можно отнести к теме народничества (хотя сами художники едва ли об этом думали), поскольку Алексеев входил в народническую организацию и судился в числе 50-ти народников.

За 40 лет после того как XX съезд КПСС снял табу с темы народничества советские художники тоже не проявили к народникам большого интереса. Можно отметить три удачные картины: «О русской женщине» Г. А. Савинова (1959 г.) с поэтическим и трагическим образом героини «хождения в народ» и «Казнь народовольцев» Т. Г. Назаренко (1971 г.), где не без влияния В. В. Верещагина представлена расправа царизма над пер-

[174] Эта картина стала «лебединой песней» Касаткина. Едва закончив ее и давая пояснения к ней в Музее революции, он умер возле нее 17 декабря 1930 г.

[175] Все они написаны к 75-летнему юбилею речи Алексеева художниками Г. В. Ивановским, Ю. Н. Анохиным и Г. П. Гольдштейном.

вомартовцами. Ряд картин посвящен Александру Ульянову[176], но не как народовольцу, а как брату Ленина.

В скульптуре интерес к народникам проявился сразу после 1917 г.[177]. 30 июля 1918 г. Ленин подписал декрет об открытии в разных городах памятников крупнейшим революционерам всех времен и народов. Список, утвержденный Лениным, включал 31 имя, начиная с античного Спартака, в том числе 7 народников 1870-х годов[178] (для сравнения — только два декабриста).

До конца 1918 г. уже были воздвигнуты сразу два памятника Н. Г. Чернышевскому — 7 ноября в Саратове (скульптор П. Ф. Дундук) и 17 ноября на Сенатской площади в Петрограде (скульптор Т. Э. Залькалн). В том же 1918 г. были открыты и два памятника Софье Перовской: в Москве, на Миусской площади, и в Петрограде, перед зданием Московского вокзала. Оба они (московский — скульптора И. Ф. Рахманова, петроградский — О. Гризелли) были выполнены в модной тогда манере кубофутуризма и не имели ничего общего с действительным обликом революционерки. «Многих огорчило чрезвычайно нечеловеческое изображение Перовской», — вспоминал об открытии памятника работы Гризелпи А. В. Луначарский[179]. В условиях гражданской войны памятники Перовской не сохранились и уже не восстанавливались.

Еще более «нечеловеческим» оказался изготовленный в 1919 г. скульптором Б. Д. Королевым памятник М. А. Бакунину. Он был снят еще до его официального открытия по требованию поклонников Бакунина, опубликовавших в «Вечерних известиях Моссовета» 10 февраля 1920 г. гневное письмо под названием «Уберите чучело!»

Впрочем, Королев позднее реабилитировал себя, создав интересный скульптурный портрет А. И. Желябова. Дело в том, что в 1929 г. был образован Всесоюзный общественный комитет по сооружению памятника Желябову и объявлен конкурс на лучший проект. В конкурсе приняли участие крупные мастера, в том числе Н. А. Андреев — автор художественной ленинианы и памятника А. Н. Островскому перед Малым театром в Москве. Он подготовил пять вариантов своего проекта. Но победил проект Королева[180]. Уже было выбрано место для памятника — в сквере против Зимнего дворца в Ленинграде. Однако, прежде чем закончились работы над памятником, начались гонения на самую память о народничестве и с тех пор о памятнике Желябову не могло быть и речи.

---

[176] «Брат и сестра Ульяновы» О. Б. Богаевской, «Братья Ульяновы» Е. А. Романовой, «Мы пойдем другим путем» П. П. Белоусова.

[177] Подробно см.: Памятники революционной России. М., 1986.

[178] П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, С. Н. Халтурин, Г. В. Плеханов. Названы были здесь и основоположники народничества — А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский.

[179] *Луначарский А. В.* Ленин о монументальной пропаганде // Литературная газета. 1933. 29 января.

[180] Подробно см.: *Троицкий Н. А.* Памятник Желябову //Искусство. 1969. № 1; *Курбатов Ю. А.* Памятник Андрею Желябову // Освободительное движение в России. Саратов, 1997. Вып. 16.

К самым интересным из первых памятников революционной России можно отнести два памятника А. И. Герцену — в Петрограде у Литейного моста (1919 г., скульптор Л. В. Шервуд) и в Москве перед зданием МГУ на Моховой улице (1922 г., скульптор Н. А. Андреев), а также памятник Г. В. Плеханову в Ленинграде перед зданием Технологического института (1925 г., скульптор И. Я. Гинцбург).

Кроме памятников, создавались до середины 30-х годов скульптурные портреты народников. Так академик скульптуры И. Я. Гинцбург изваял превосходные бюсты П. А. Кропоткина (1920 г.) и Н. А. Морозова (1935 г.) Но, пожалуй, лучшим из портретов деятелей народничества, созданных в советское время, надо признать портрет Софьи Перовской, выполненный в мраморе Г. И. Кепиновым в 1927 г. Он не только передает внешнее сходство, но и как бы приоткрывает перед нами внутренний мир революционерки: одухотворенность, благородство и жертвенность ее облика.

В годы сталинского табу на память о народниках им, естественно, монументов не ставили, но Чернышевскому (которого тогда не считали народником) поставили еще два памятника — в 1947 г. в Ленинграде (скульптор В. В. Лишев) и в 1953 г. в Саратове (скульптор А. П. Кибальников).

За четыре десятилетия после XX съезда КПСС наши скульпторы вспоминали о народниках редко. Можно отметить лишь памятники народовольцам Г. А. Лопатину (как другу К. Маркса и первому переводчику на русский язык марксова «Капитала») в Ставрополе и Н. И. Кибальчичу (как ученому-изобретателю) на его родине в украинском городе Коропе, да портрет поэта-народовольца П. Ф. Якубовича (скульптор К. Н. Бобков).

Музыка и театр отдали дань революционно-народнической теме еще до 1917 г.[181]. С 1870-х годов зазвучали героические песни на стихи народников, не забытые до сих пор. Автор музыки к похоронному маршу И. М. Познера и А. И. Архангельского «Вы жертвою пали...» известен. Это — Н. Н. Иконников (1869—1957 гг.), девятилетним мальчиком сочинивший мелодию, которую тогда же отредактировал великий Ф. Лист[182]. Классик украинской культуры Н. В. Лысенко написал музыку к стихотворению Ивана Франко «Гимн». Такие песни были при царизме запрещены. Но вместе с ними появились в отечественной музыке и подцензурные, полуиносказательные или вовсе аллегорические отклики на героику народничества.

Так, А. Г. Рубинштейн, написавший в 1866 г. верноподданническую увертюру по случаю избавления Александра II от пули Д. В. Каракозова, к концу 70-х годов преодолел предубежденность против революционеров и стал желать «полной перемены нынешней формы правления». Он отказался (под предлогом занятости) принять заказ царского двора на торжественную кантату в честь коронации Александра III, но зато написал

[181] Подробно см.: *Троицкий Н. А.* Театр и революционное движение в России 1861—1895 гг. // Освободительное движение в России. Саратов, 1989. Вып. 12.

[182] См.: *Звоницкий Э.* История революционной песни// Смена. 1965. № 3.

романс на «крамольный» текст «Узницы» Я. П. Полонского[183]. Те же стихи в 1881 г. положил на музыку Д. А. Усатов — певец и вокальный педагог, первый исполнитель партии Ленского на профессиональной сцене, учитель Ф. И. Шаляпина. В 1882 г. Н. А. Римский-Корсаков написал романс на стихи Пушкина «Анчар», вложив в него «тот же обличительный смысл, что и автор стихотворения»[184].

П. И. Чайковский, хотя и грешил (как и Рубинштейн) верноподданническими иллюзиями, тоже осуждал карательный террор[185]. В деле Веры Засулич он клеймил «наглый и жестокий произвол» ее «жертвы» Ф. Ф. Трепова, а Засулич признавал личностью «недюжинной и невольно внушающей симпатию»[186]. В связи с этим А. А. Альшванг обоснованно предположил, что самоотверженная борьба народников 70-х годов увлекла композитора и подтолкнула его к героической, шиллеровской теме («Орлеанская дева», 1879 г.), в общем не свойственной его таланту и темпераменту[187].

Главным образом театр — и музыкальный, и, особенно, драматический — был связан тогда с революционной темой именно через посредство тенденциозных спектаклей. В музыкальном театре роль политических иносказаний играли, наряду с «Орлеанской девой» Чайковского, «Вильгельм Телль» Д. Россини, «Пророк» Д. Мейербера, «Фенелла» Д. Обера. «Артисты не всегда изображали только королей, герцогов, пашей и всякого рода властителей, — говорил об этом Л. В. Собинов на праздновании 100-летия Большого театра. — Они появлялись на сцене и в виде народных трибунов, героев народных восстаний, вождей-мстителей за попранное человеческое достоинство. В глухое политическое безвременье и это было заслугой»[188].

Драматический театр откликался на политическую злобу дня еще смелее и откровеннее. Так, 7 марта 1876 г. в Малом театре состоялась премьера драмы Лопе де Вега «Овечий источник», в которой М. Н. Ермолова — гениальнейшая из актрис, когда-либо игравших на русской сцене (тогда совсем юная) — потрясла зрителей исполнением роли Лауренсии, крестьянской девушки, возбуждающей народ к восстанию. В условиях, когда царизм, напуганный «хождением в народ», преследовал любой намек на угрозу крестьянской революции, такой спектакль уподобился политической демонстрации. Жандармские власти так и поняли это: «Да там прямо призыв к бунту!»[189]. На втором представлении «Овечьего источника» театр был пере-

---

[183] *Баренбойм Л. А.* А. Г. Рубинштейн. Жизнь, артистический путь, творчество. Л., 1962. Т. 2. С. 151, 233–235, 424.

[184] *Соловцов А. А.* Творчество Н. А. Римского-Корсакова. М., 1964. С. 202.

[185] *Чайковский П. И.* Переписка с Н. Ф. Фон-Мекк. М.;Л., 1935. Т. 1. С. 298; Т. 3. С. 5–53, 595.

[186] Там же. Т. 1. С. 298.

[187] *Альшванг А. А.* П. И. Чайковский. М., 1967. С. 511–513.

[188] *Собинов Л. В.* Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1970. Т. 2. С. 61.

[189] *Гиляровский В. А.* Люди театра // Избранное: В 3 т. М., 1960. Т. 1. С. 468.

полнен явными и тайными агентами полиции, а затем пьеса надолго (вплоть до революции 1905–1907 гг.) была запрещена.

С именем Ермоловой связан и другой – самый смелый, самый рискованный из всех иносказательно-тенденциозных спектаклей в отечественном театре. Вскоре после цареубийства 1 марта 1881 г. и казни народовольцев – «цареубийц» артистка, взволнованная гибелью Софьи Перовской, выбрала для своего бенефисного спектакля неизвестную до тех пор в России драму неведомого (итальянского) автора Луиджи Гуальтьери «Корсиканка» и вдохновенно сыграла в ней роль Гюльнары, убивающей деспота. Власти были так встревожены опасной тенденциозностью «Корсиканки», что после первого же представления сняли ее с репертуара навсегда[190].

Иной раз – крайне редко, почти случайно – проникали на театральную сцену пьесы, отразившие, хотя бы и косвенно, реальные факты народнического движения, – например, «Мертвая петля» Н. А. Потехина (1875 г.) и «На пороге к делу» Н. Я. Соловьева (1879 г.), в которых была затронута тема «хождения в народ». Исполнявшие в них главные роли М. Н. Ермолова и М. Г. Савина[191] усиливали тенденциозность пьес, придавали им героическое звучание.

После 1917 г. наши театры начали ставить пьесы специально о народниках и в первые десять лет Советской власти делали это часто. Вот несколько самых крупных примеров из репертуара одного театра – МГСПС (с 1938 г. – театр имени Моссовета). В 1924 г. здесь были представлены «исторические сцены» Ю. В. Тарича «Святые безумцы» о народовольцах. Оставшиеся к тому времени в живых народовольцы, увидев себя в этих сценах, подвергли их критике за ходульность и высокопарность, после чего Тарич переработал «Святых безумцев» в более серьезную пьесу «Первые из славных» (1928 г.). Между тем театр МГСПС в 1925 г. поставил пьесу Н. Н. Шаповаленко «1881 год» с участием молодых, впоследствии прославленных Бориса Бабочкина, Василия Ванина, Татьяны Пельтцер, а в 1926 г. – «В глухое царствование» В. В. Шкваркина о закате «Народной воли», где роль главы царского сыска Г. П. Судейкина сыграл знаменитый уже тогда Е. О. Любимов-Ланской.

С 30-х годов народники на четверть века исчезли с театральных сцен, и лишь в 1956 г. скромный театр украинского города Черновцы вновь показал их зрителям, поставив драму в стихах С. Е. Голованивского «Первый гром». Событием нашей театральной жизни стал спектакль «Народовольцы», поставленный московским театром «Современник» в 1967г., к 50-летию Октябрьской революции, как вторая часть историко-революционной трилогии, наряду с «Декабристами» и «Большевиками». Спектакль собрал бле-

---

[190] См.: *Дурылин С. Н.* М. Н. Ермолова. М., 1953. С.160–166.

[191] И Ермолова, и Савина выступали в ролях учительниц-демократок Веры Лониной («На пороге к делу») и Веры Запольевой («Мертвая петля»). Мало того, Ермолова в дни грандиозного процесса «193-х» по делу о «хождении в народ» демонстративно читала на концертах и студенческих вечерах «Реквием» Л. И. Пальмина («Не плачьте над трупами павших борцов...»)

стящий актерский ансамбль[192], имел зрительский успех, но сама пьеса (автор — популярный драматург А. П. Свободин), интересная в художественном отношении, малоисторична.

Последний всплеск интереса к народникам в нашем театре отмечен на рубеже 70—80-х годов. Так, в 1977 г. театр юного зрителя Латвийской ССР, а в 1981 г. Воронежский ТЮЗ осуществили постановку «героической хроники» С. Л. Лунгина и И. И. Нусинова «История одного покушения» о деле Веры Засулич. К сожалению, и здесь слишком много вымысла, который искажает и упрощает подлинную суть дела. Исторически более достоверны поставленные в 1881 г. спектакли Ленинградского тюза по роману Ю. В. Трифонова «Нетерпение» о Желябове и по мотивам повести Ю. В. Давыдова «На скаковом поле, около бойни» о Д. А. Лизогубе.

Интерес советского театра к народникам перешел даже на оперную сцену. В 1980 г. Александр Журбин написал оперу «Нетерпение» (по роману Трифонова)[193], а 1987 г. московский Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко поставил оперу Револя Бунина «Народовольцы», либретто которой составил А. Н. Медведев (бывший председатель Госкино Российской Федерации) по мотивам романа С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов»[194].

Сразу после свержения царизма к народнической теме обратился отечественный **кинематограф**. В моей (полагаю, не исчерпывающей) картотеке зафиксированы всего 12 художественных кинофильмов, снятых о героях народничества с 1917 г. и поныне. Из них почти половина — 5 фильмов были созданы между Февралем и Октябрем 1917 г.

Уже в апреле 1917 г. самый выдающийся в России того времени кинорежиссер Я. А. Протазанов[195] снял фильм «Андрей Кожухов» (по роману Степняка-Кравчинского) с «королем экрана» Иваном Мозжухиным в главной роли. Фильм строго следовал исторической правде, производил сильное впечатление и не сходил с экрана до 1925 г. А в мае 1917 г. вышел на экран другой фильм Протазанова. Назывался он «Не надо крови (Дело Ольги Перновской)», но рассказывал — тоже вполне достоверно — о борьбе и гибели Софьи Перовской, роль которой исполнила известная актриса МХАТ и Малого театра О. В. Гзовская (ей, кстати, тогда было, как и Перовской в 1881 г., 27 лет).

В августе того же 1917 г. второй по значению кинорежиссер дореволюционной России (считавший себя первым) П. И. Чардынин, не желая ус-

---

[192] Олег Ефремов — Желябов, Алина Покровская — Перовская, Евгений Евстигнеев — Александр II.

[193] Поставлена в том же году в Челябинске.

[194] Бунин умер в 1976 г., не успев закончить «Народовольцев». Доработали оперу его друзья — Б. А. Чайковский, В. Е. Баснер, А. Я. Эшпай и др. См.: *Эшпай А.* Вслушиваясь в голос истории // Известия. 1987. 5 августа.

[195] В советское время создатель таких выдающихся фильмов, как «Бесприданница», «Праздник св. Йоргена», «Закройщик из Торжка», первооткрыватель таланта Игоря Ильинского и Анатолия Кторова.

тупать Протазанову, выпустил свой фильм «Софья Перовская», который специалисты ставят вровень с фильмами Протазанова, лучшими в то время. Тем же летом режиссер Б. Н. Светлов поставил фильм «Бабушка русской революции» — кино биографию видной народницы, а затем эсерки Е. К. Брешко-Брешковской. Наконец, 2 октября 1917 г. вышел на российский экран «Домик на Волге» режиссера В. А. Старевича (между прочим, основоположника русского мультипликационного кино) — фильм по одноименной повести Степняка-Кравчинского.

После Октябрьской революции еще в 20-е годы замечательный кинорежиссер А. В. Ивановский[196] поставил два интересных фильма на революционно-народническую тему. Особенно значим первый из них — «Дворец и крепость» (1924 г.) по сценарию историка П. Е. Щеголева и писательницы О. Д. Форш[197] — лучший, в оценке специалистов, исторический фильм раннего советского кино[198]. Он стал первым советским фильмом, проданным за границу, и с успехом демонстрировался в Германии, Франции, скандинавских и прибалтийских странах. Фильм давал кинопанораму народнического движения от Герцена до Александра Ульянова. В нем действовали Каракозов и Нечаев, Желябов и Перовская, картинно представлено цареубийство 1 марта 1881 г., причем все подчинялось исторической достоверности. «Декораций ставить не надо было, — вспоминал Ивановский. — Мы могли работать в подлинных местах, указанных в сценарии»; а для сцены цареубийства «получили разрешение взять ту самую карету, в которой ехал царь в свой последний путь. Ее в свое время починили и хранили как реликвию в каретнике придворно-конюшенного ведомства»[199].

В 1925 г. Ивановский поставил фильм «Степан Халтурин», где главный герой показан выразительно, но односторонне, лишь как народоволец-террорист. Не удовлетворенный «Халтуриным», Ивановский задумал поставить фильм о Софье Перовской, но отказался от этого замысла «после того как из разговора с Верой Фигнер понял неуместность своей идеи — показать, как Перовская остается в Петербурге (после цареубийства 1 марта 1881г. — *Н. Т.*) из-за любви к Желябову», а не из чувства партийного долга[200].

Более историческим стал фильм «Софья Перовская» (1968 г.) — уже третий с 1917 г. об этой революционерке, — над которым работали выдающиеся мастера: режиссер Л. О. Арнштам[201], сценарист Е. И. Габрилович[202], композитор Д. Д. Шостакович, популярные актеры, как опытные, так и

---

[196] Постановщик доныне любимых у нас фильмов «Дубровский», «Музыкальная история», «Антон Иванович сердится», главные роли в которых играли Б. Н. Ливанов, С. Я. Лемешев, Л. В. Целиковская.

[197] Был показан по телевидению СССР 29 сентября 1973 г.

[198] Очерки истории советского кино. Т. 1 (1917–1934). М., 1956. С. 124–125.

[199] *Ивановский А. В.* Воспоминания кинорежиссера. М., 1967. С. 180, 183.

[200] Там же. С. 198.

[201] Постановщик фильмов «Подруги», «Зоя», «Глинка», «Урок истории» и др.

[202] Автор сценариев к фильмам «Машенька», «Два бойца», «Убийство на улице Данте», «Коммунист», «Твой современник» и многих др.

молодые (Владислав Стржельчик, Георгий Тараторкин и др.). К сожалению, и здесь историческая канва фильма представлена без должного ее понимания: планы, силы, масштаб деятельности «Народной воли» и самый образ Перовской обеднены.

Недостаток историзма присущ всем вообще советским фильмам о народниках с 60-х годов, включая последние по времени — «Домик на Волге» режиссера Андрея Булинского (1971 г.) и «Нас венчали не в церкви» режиссера Бориса Токарева (1982 г.), — хотя фильм Токарева получился очень зрелищным, благодаря сценарию А. П. Свободина и Н. Я. Эйдельмана и, главное, его первоисточнику — воспоминаниям народника С. С. Синегуба.

в) зарубежные отклики

Народники и, особенно, народовольцы остановили на себе, по выражению Г. В. Плеханова, «зрачок мира». Живой интерес к ним во многих странах проявляли не только политики, ученые, публицисты, но и художники чуть ли не всех жанров литературы и искусства. Именно с конца 1870-х годов русские революционеры стали популярными героями мировой художественной литературы, тогда как ранее они появлялись там лишь в исключительных случаях («Учитель фехтования» А. Дюма, «Ванда» А. Виньи, «Ангелли» Ю. Словацкого).

В первое время, пока за границей не разобрались в смысле народнического «нигилизма», иностранные газеты, журналы, издательства, гоняясь за сенсацией, печатали «самые несуразные» опусы о народниках, где «весь интерес заключался в замысловатой интриге, но сущность и причины движения, характеры лиц оставались непонятыми»[203]. Так были написаны и популярные драмы: «Вера или нигилисты» О. Уайльда (1881 г.) и «Федора» В. Сарду (1884 г.)

По мере того как мировая общественность узнавала правду о русском «нигилизме», писатели Запада проявляли к народникам все больше интереса и понимания. Кстати, сама «Народная воля» позаботилась об этом, распространяя за рубежом свои программные документы. К середине 80-х годов образы русских революционеров (почти исключительно народовольцев) появляются на Западе не только в скороспелой и «несуразной», но и в истинно художественной литературе, включая десятки сочинений признанных мастеров слова.

Пожалуй, больше, чем где-либо за пределами России, писатели тянулись к русскому революционеру в стране, самой богатой революционными традициями из всех стран мира, — во Франции. Здесь в 1881 г. общепризнанный патриарх европейской литературы того времени Виктор Гюго, неодно-

[203] *Лишпиази М. О.* Тургенев и террористы // Минувшие годы. 1908. № 8. С. 40.

кратно выступавший против расправы царизма с народовольцами[204], написал стихотворение в защиту осужденной на смертную казнь народоволки Г. М. Гельфман. Текст его приведен в брошюре П. А. Кропоткина «Правда о казнях в России» (Женева, 1881). Ранее, в 1876 г. тогда уже знаменитый Жюль Верн сделал одним из героев своего романа «Михаил Строгов» народника Василия Федорова, сосланного в Сибирь. Политический ссыльный Сергей Наркин, тоже побывавший в Сибири, сочувственно обрисован и в романе Ж. Верна «Цезарь Каскабель» (1890 г.). Более поздний его роман «Драма в Лифляндии» разоблачает полицейский и судебный произвол в России конца 70-х годов. Среди главных героев романа выделяется благородством Владимир Янов — бежавший с сибирской каторги «нигилист».

Очень выразительно представлен народоволец Суварин в одном из лучших романов Э. Золя «Жерминаль» (1885 г.). Это человек сильный и стойкий, честный, принципиальный, мало сказать преданный — буквально одержимый революционной идеей. В работе над образом Суварина Золя использовал тургеневскую «Новь» и «Подпольную Россию» Степняка-Кравчинского, из которой он, по его словам, «кое-чем позаимствовался»[205].

Четвертый классик французской литературы А. Доде в романе «Тартарен на Альпах» (1883—1885 гг.) вывел целую группу народовольцев. Все они — героические и самоотверженные натуры, хотя для европейского читателя не вполне понятны, загадочны. «Как необычны и милы ваши нигилисты!» — писал автору «Тартарена» Ги де Мопассан[206].

Сам Мопассан — писатель, далекий от революционной идеологии и вообще от политики, — тоже затронул народническую тему. Если в ранней его новелле «Открытое собрание» (1880 г.) образ «гражданки Евы Шуриной, русской нигилистки» шаржирован, то через три года Мопассан изобразил народовольца, преследуемого царскими карателями (рассказ «В пути»), так же сочувственно, как это делал Доде[207].

В Англии крупнейшие поэты славили народовольцев и прочили гибель царизму. Д. Томсон сделал это в стихотворении «Деспотизм, устрашенный динамитом». Д. Коннел, по его словам, создавал песню «Красный флаг» (1889 г.), вдохновляясь борьбой не только английского рабочего класса, но и русских народников. Подвиг Софьи Перовской воспел Г. Эллис[208], а Ч. Суинберн откликнулся на расправу царизма с народовольцами антицаристской одой «Россия»[209].

Что касается художественной английской прозы, то несколько романов из жизни русских «нигилистов» написал У. Уэстол, отдельные же образы

---

[204] Подробно см.: *Троицкий Н. А.* Виктор Гюго и революционная Россия 1870—1880-х годов // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1986. № 1.

[205] *Тарапута Е. А.* «Подпольная Россия». Судьба книги С. М. Степняка-Кравчинского. М., 1967. С. 180.

[206] *Мопассан Ги де.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 12. С. 201.

[207] Подробно об этом см.: *Троицкий Н. А.* Народоволец в рассказе Мопассана // Вопросы литературы. 1970. № 7.

[208] Ellis H. Sophia Perovskaia // To-day. 1884. № 4.

[209] Swinburne A. Ch. Russia: an ode // The Fortnightly Review. 1890. № 284.

народников сочувственно представлены в романах Д. Голсуорси («Вилла Рубейн»), Д. Конрада («На взгляд Запада»), А. Конан Дойля («Торговый дом Гердлстоун»).

Особо значимы для нас романы Э. Л. Войнич. Ее биограф Е. А. Таратута убедительно показала, что в работе над романом «Овод» (с 1889 г.) «наиболее сильные непосредственные впечатления дала писательнице именно русская действительность, и в образе Овода с наибольшей силой отразились черты *русских революционеров-народников*, соратником которых была сама создательница романа об Оводе»[210]. В романе «Оливия Лэтам» (1904 г.) Войнич изобразила Петербург 80-х годов с его вакханалией репрессий, а воплощением беззаветной борьбы против этого Петербурга сделала народовольца Дамарова.

Много откликов на страду народовольчества было в польской литературе: роман М. Ашкинази «Жертвы царя», рассказ С. Жеромского «Непреклонная» (идейно перекликающийся с «Чудной» В. Г. Короленко), поэма Ц. Войнаровской «Ульянов» о героях «Второго 1 марта», стихотворение М. Конопницкой «На пороге», а также сделанный Я. Каспровичем перевод стихотворения народника Е. И. Минакова «Последние минуты».

Такие же отклики звучали в литературе других стран. Классик чешской поэзии С. Чех в поэме «Славия» (1882 г.) предсказывал борющейся России роль «утренней звезды новой мировой истории», благодаря усилиям таких людей, как народоволец Владимир. Под влиянием встреч с народниками «наглотался их доктрин и даже написал много стихотворений в социалистическом духе» великий писатель Болгарин И. Вазов[211]. Румынский поэт-классик К. Милле посвятил свое «Красное стихотворение» (1882 г.) Софье Перовской. В Италии о Перовской написал стихотворение («Апрельские цветы») Ф. Турати, а в Германии о Вере Засулич — Ш. Вестфаль. Все эти произведения выражали солидарность с народниками и протест против их карателей.

Отзвук такого же настроения слышен в драме знаменитого Г. Гауптана «Одинокие» (1891 г.) Героиня драмы Анна Мар, обаятельная, с передовыми взглядами, родом «из русской Прибалтики», носит кольцо, «снятое с пальца женщины, которая умерла в Сибири», поет революционную песню народников «Замучен тяжелой неволей».

Не осталась в стороне от народнической темы литература стран Скандинавии. Шведский писатель с мировым именем А. Стриндберг сделал героем новеллы «Рецидив» (1884 г., в русском переводе — «Возврат к прошлому») благородного русского «нигилиста» Павла Петровича. Крупнейший писатель Дании, лауреат Нобелевской премии К. Гьеллеруп в романе «Ученик германцев» показал, каким толчком к формированию передовых взглядов героя романа послужил услышанный им рассказ о подвиге Веры Засулич. Учитывая интерес и симпатии к русским народникам со стороны Г. Ибсена, его

---

[210] *Таратута Е. А.* Э. Л. Войнич. Судьба писателя и судьба книги. М., 1964. С. 245.

[211] Автобиография И. Вазова. Цит. по: Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР 1953. Т. 7. С. 288.

биограф не без оснований отмечает воздействие народничества на создание таких ибсеновских персонажей, как Нора и доктор Стокман[212].

Даже литература Америки и Азии откликалась на подвиги и жертвы народников. Так, герой романа Марка Твена «Американский претендент» Селлерс строит фантастические планы освобождения России от царского гнета, замыслив, в частности, купить Сибирь и основать в ней образцово-показательную республику, ибо, мол, « в тамошних рудниках и тюрьмах собраны самые благородные, самые лучшие, самые наиспособнейшие представители рода человеческого, каких когда-либо создавал бог»[213]. Видный поэт США Д. Миллер написал тираноборческую балладу «Софья Перовская». В. М. Быков, основываясь на обширных изысканиях, предполагает, что «подвиги русских народовольцев» вдохновляли и Джека Лондона, когда он работал над некоторыми эпизодами романов «Железная пята» и «Бюро убийств»[214].

В Японии еще до середины 1880-х годов вышел ряд произведений о русских народниках (в частности, две книги о Засулич: «Повести о героинях Европы» и «Трагедия русской героини») и переведена «Подпольная Россия» Степняка-Кравчинского под заголовком «Они сюсю» («Демоны вопиют»)[215].

Вероятно, такие же сочинения и переводы выходили в Китае. Великий китаец Лу Синь так вспоминал о своей юности: «Кто из нашей революционной молодежи тех лет не знал о молодых русских революционерах? Китайская молодежь не забывала о Софье Перовской»[216].

Был в ходу на Западе и, может быть, на Востоке «антинигилистический» роман, но характерно, что за рубежом в отличие от России среди сочинителей этого жанра не оказалось ни одного сколько-нибудь крупного литературного имени.

Революционно-народническая тема нашла отражение и в мировом искусстве. Драма В. Сарду «Федора» шла в театрах Франции, Англии, Италии, США с участием знаменитейших актеров (Элеоноры Дузе, Сары Бернар)[217] и всюду способствовала пробуждению симпатий к борющейся России. Какая-то пьеса о процессе Веры Засулич, «обильно приправленном романтическими подробностями»[218] (возможно, «Вера Засулич» А. Дженерале[219]), была поставлена в Неаполе.

С драматической сцены образы народовольцев переходили на музыкальную. Итальянский композитор У. Джордано написал оперу «Федора» по драме Сарду. Партию народовольца Лориса Ипанова в этой опере пел Эн-

---

[212] *Адмони В. Г.* Генрик Ибсен. М., 1956. С. 159.

[213] *Твен М.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 7. С. 145.

[214] *Быков В. М.* Джек Лондон. Саратов, 1968. С. 43, 98, 239.

[215] См.: *Конрад Н. И.* Запад и восток. М., 1966. С. 445.

[216] *Лу Синь.* Собр. соч. М., 1955. Т. 2. С. 99.

[217] *Синьорелли О.* Элеонора Дузе. М., 1975. С. 40, 72, 79.

[218] *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 229.

[219] См.: *Тарапута Е. А.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 159.

рико Карузо[220]. Вслед за «Федорой» Джордано создал еще одну оперу на русскую тему — «Сибирь»[221] (может быть, под впечатлением книги Д. Кеннана «Сибирь и ссылка» о ссыльнокаторжных народниках 70—80-х годов). Такую же оперу хотел написать Д. Пуччини, но «пришел к мысли, что не сможет отобразить неизвестную ему русскую жизнь»[222].

Наконец, можно отметить сочувственный интерес к русским народникам со стороны венгерского художника Я. Васари, который скопировал на будапештской выставке 1886 г. картину В. В. Верещагина «Казнь заговорщиков в России»[223], и английского живописца Ф. Мошелеса, гордившегося тем, что он дружил с Д. Гарибальди и С. М. Степняком-Кравчинским и написал с них портреты[224].

Итак, художественная литература и, в меньшей степени, искусство стран Запада (отчасти и Востока) откликались на борьбу народников 70—80-х годов против самодержавия с большим интересом, хотя и зачастую без должного понимания. При этом писатели, музыканты, артисты, художники разных народов вслед за большинством российских мастеров культуры проявляли к народникам сочувствие и симпатии, оказывая им тем самым столь важную для них моральную поддержку. Так, складывалось в мире громкое и авторитетное общественное мнение, которое воодушевляло борцов за свободу России и тревожило их карателей. Сегодня же вполне правомерно рассматривать художественное отражение народнических сюжетов в России и за рубежом как самостоятельный, малоизученный, но многозначащий компонент ИСТОРИИ нашей ТЕМЫ.

---

[220] *Cellamare D.* Umberto Giordano. Milano, 1949. P. 68.
[221] Ibidem. P.79.
[222] *Данилевич Л. В.* Джакомо Пуччини. М., 1969. С. 286.
[223] См.: *Лебедев А. К.* В. В. Верещагин. С. 227.
[224] См.: *Таратута Е. А.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. С. 446.

Глава II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ТЕОРИЯ И ТАКТИКА НАРОДНИЧЕСТВА

2.1. Что такое народничество?

Понятие и самый термин «народничество» имеют сложную историю[1]. Термин «народник» иногда употреблялся еще в первой половине 1860-х годов (например, в дневнике В. Ф. Одоевского за 1862 г.), но тогда он не имел строго определенного смысла — так называли людей, демократически настроенных, просто сочувствующих народу. Конкретный смысл этот термин обрел в 1872—1873 гг., накануне массового «хождения в народ», когда сторонников пропаганды в народе (т. е. среди крестьян) стали называть «народниками» в отличие от «образованников», выступавших за пропаганду среди интеллигенции[2]. В революционном же смысле понятия «народник», «народничество» становятся распространенными в годы второй «Земли и воли» (1876—1879). Именно тогда, как это засвидетельствовали сами землевольцы[3], под «народниками» стали понимать революционеров и социалистов, программы которых строились на принципе «все для народа и посредством народа».

В дальнейшем, однако, смысл понятия «народник» становится менее радикальным и более отвлеченным. Уже в начале 80-х годов термин «народник» из революционного подполья приходит в легальную журналистику и применяется не только к тем, кто борется за народ или только сочувствует

---

[1] Подробно см.: *Козьмин Б. П.* «Народники» и «народничество» // Вопросы литературы. 1957. № 9.

[2] *Тихомиров Л. А.* Что такое народничество? // Русское обозрение. 1892. № 12. С. 914—915.

[3] *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1927. Т. 24 С. 100; *Серебряков Э. А.* Очерк по истории «Земли и воли». СПб., 1906. С. 8—9; *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 193; *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. Л., 1925. С. 107.

ему, но и к тем, кто всего лишь интересуется народным, как теперь говорят, менталитетом, бытом, творчеством. Редактор *народнического* журнала «Устои» С. А. Венгеров в 1882 г. восклицал: «Кого только в самом деле не награждают у нас титулом «народник»! [Иван] Аксаков, преклоняющийся перед народом Охотного ряда[4], — «народник»; Суворин, доподлинно знающий, что народ хочет Константинополя, — «народник» <...> Глеб Успенский и Златовратский, один скептически, другой восторженно относящиеся к народной психике и оба вместе от души презирающие и ненавидящие Аксакова и Суворина, — тоже «народники»[5]. В 1891 г. А. Н. Пыпин расплывчато «определил» народничество как «нечто весьма неясное»[6], а в 1897 г. тот же С. А. Венгеров попросту развел руками. «Термин этот, — написал он о народничестве, — не имеет вполне точного значения. Возникнув в 70-х годах, он употребляется в самых разнообразных смыслах»[7].

Разумеется, столь сложное и разноречивое толкование термина «народничество» лишь подчеркивает сложность и разноликость самого явления, которое обозначает этот термин. Тем не менее, именно в 90-е годы, когда А. Н. Пыпин и С. А. Венгеров отказывали понятию «народничество» в ясности и точности, трое выдающихся мыслителей — Г. В. Плеханов, П. Б. Струве и В. И. Ленин — отчасти независимо друг от друга, а частью в полемике между собой основательно разъяснили, что такое народничество[8]. Наиболее убедительной выглядит точка зрения Ленина, хотя в ней, может быть, чрезмерно акцентирован классовый подход.

Ленинское определение народничества, ставшее хрестоматийным, гласит: «народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России <...> Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества»[9]. Самый «источник» народничества Ленин усматривал в «преобладании класса мелких производителей», т. е. крестьянства, которое страдало в пореформенной России и от гнета пережитков феодализма и от капиталистического развития и поэтому одновременно выражало двойной протест как против крепостничества, так и против буржуазности[10]. Все это в принципе верно, но еще не объясняет происхождения народничества. С одной стороны, в крестьянском источнике народнической идеологии необходимо учитывать его специфическую особенность, а именно наличие общины, без которой не было бы

---

[4] Мясники Охотного ряда в Москве 3 апреля 1878 г. избили участников студенческих «беспорядков».

[5] *Венгеров С. А.* Литературные заметки // Устои. 1882. № 10. С. 85–86.

[6] *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 375.

[7] *Венгеров С. А.* Народничество // Энц.словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 40. С. 586–587.

[8] См. в особенности, «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» Струве (1894 г.), «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленина (1894–1895 гг.), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханова (1895 г.)

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 490.

[10] Там же. Т. 11. С. 322–323, 413.

и народничества. С другой стороны, нельзя забывать о *носителе* этой идеологии в лице разночинной интеллигенции, без которой тоже народничество не могло бы сложиться в столь внушительно разработанную систему взглядов.

Итак, преобладание крестьянства в социальной структуре царской России и бедственность его положения создавали предпосылки для возникновения идеологии крестьянской демократии, т. е. системы взглядов, которая представляла и защищала интересы крестьян, выражала их *осознанный* протест против крепостничества. Феномен сельской общины, воспринятый носителями этой идеологии как зародыш социализма, придавал их демократизму социалистическую окраску, в чем выражался подсознательный протест крестьян против буржуазности. Таким образом, демократизм был сущностью, ядром понятия «народничество», социализм — его внешним облачением, «цитоплазмой». Для всех народников были характерны два главных признака этого облачения, две определяющие черты народнических воззрений, которые и образуют народничество в узком, специфическом его смысле, т. е. в отличие от демократизма, в добавление к демократизму. Это, во-первых, — учение о возможности некапиталистической эволюции, о возможности для России миновать капитализм, «перепрыгнуть» через него из сущего полуфеодального бытия сразу в социализм, опираясь при этом, как на рычаг (или как на шест в руках прыгуна с шестом), на общину. Это, во-вторых, — идея радикального аграрного переустройства, т. е. такого решения аграрного (земельного главным образом) вопроса, при котором крестьяне перестали бы бедствовать и могли бы наладить обеспеченную во всех отношениях (материальном, политическом, духовном) жизнь. У народников революционных эта идея предполагала социалистическую революцию снизу, силами преимущественно крестьян, против существующего строя, у либеральных народников она сужалась и трансформировалась в идею демократических реформ сверху при сохранении существующего строя, но и те и другие основывали свои планы на коллективном, *псевдосоциалистическом* начале крестьянской общины.

Полемизируя с П. Б. Струве, который считал народничество «национальным социализмом», В. И. Ленин настаивал на таких определениях, как «крестьянский» (по отношению с революционному народничеству) и «мещанский» (народничество либеральное) социализм[11]. Думается, все эти три определения правомерны: русское народничество было и крестьянским (в 60-70-е годы почти исключительно), и мещанским (в 80-90-е годы по преимуществу), но, конечно же, и национальным социализмом, ибо выросло оно на отечественной почве и стало знаменем первых поколений отечественной разночинной интеллигенции.

Разночинная интеллигенция в России — явление уникальное, нигде более не возникавшее[12]. Само понятие «интеллигенция» обрело в России со-

---

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 413.

[12] Подробно см.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. Гл. 1.

циологический смысл, т. е. стало обозначать часть общества, с 60-х годов XIX в.[13]. Вопреки утверждению П. Д. Боборыкина, будто он «изобрел» его в 1866 г.[14], оно употреблялось именно в этом смысле ранее, – например, в дневниках А. В. Никитенко и П. А. Валуева за 1865 г.[15]. Тогда под «интеллигенцией» чаще всего подразумевался «высший образованный слой общества», включая таких «работников умственного труда», как чиновники, жандармы и прочие люди власти. Но со временем она все более подходила в глазах россиян под определение Д. Н. Овсянико-Куликовского: «Интеллигенция есть мыслящая среда, где вырабатываются умственные блага, так называемые «духовные ценности»[16]. При этом интеллигенты-разночинцы настаивали на обязательной совокупности трех критериев, которые образуют истинную интеллигенцию: образованность, гражданственность, демократизм. «Реакционные журналисты Булгарин, Греч, Погодин, Шевырев, Катков, князь Мещерский вполне подходили под рубрику «работники умственного труда», – справедливо замечал К. И. Чуковский, – но никому и в голову не пришло бы в 70-х годах назвать кого-нибудь из них интеллигентом»[17]. Народоволец Г. А. Лопатин метко назвал официальных и официозных «интеллигентов» «неинтеллигентной интеллигенцией»[18].

С 60-х годов разночинная интеллигенция в России росла, оттесняя дворян, тем быстрее, что составляли ее не только образованные «люди разного чина и звания» из духовенства, купцов, мещан, отчасти крестьян, но и выходцы из обедневшего, деклассированного дворянства. Если к началу 60-х годов Россия имела примерно 20 тыс. лиц с высшим образованием, то к концу века российские вузы подготовили еще до 85 тыс. специалистов[19]. С ростом числа студентов (за 1869–1882 гг. – на 67%)[20] удельный вес дворян среди них сокращался: за 1855–1875 гг. – с 65,3% до 43,1%[21]. В 1876–1877 учебном году только в двух из восьми российских университетов (В Петер-

---

[13] В философском смысле это понятие употребляли еще в 1820-х гг. т.н. «любомудры» (В. Ф. Одоевский, Д. В. Веневитинов и др.).

[14] *Боборыкин П. Д.* Подшившие «вехи»// В защиту интеллигенции. Сб. М., 1909. С. 128

[15] *Никитенко А. В.* Дневник в 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 533; *Валуев П. А.* Дневник в 2 т. М., 1961 Т. 2 С. 22.

[16] Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей. М., 1991. С. 385. К такому же определению склонялся В. О. Ключевский (его собр. соч. в 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 419–420).

[17] *Чуковский К. И.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 3. С. 66.

[18] Г. А. Лопатин (1845–1918). Автобиография. Показания и письма. Пг., 1922. С. 146.

[19] *Лейкина-Свирская В. Р.* Указ. соч. С. 70.

[20] К началу 70-х годов в России было свыше 40 вузов: 8 университетов (Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Киевский, Новороссийский в Одессе, Дерптский, Виленский), 15 институтов, 12 академий (Земледельческая, Художеств, Коммерческая, 5 военных и 4 духовных), консерватории, лицеи, высшие технические училища и курсы. Перечень 43 вузов того времени см. в кн.: *Ткаченко П. С.* Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. XIX в. М., 1978. С. 118–119.

[21] *Щепинина Г. И.* Студенчество и революционное движение в России (последняя четверть XIX в.). М., 1987. С. 27.

бургском и Киевском) дворяне составляли большинство студентов (зато в Казанском университете – лишь треть, в Новороссийском – четверть)[22].

Разночинная молодежь – эта, по словам современника, «поднимающаяся кверху часть народа, имеющая в нем свои корни»[23], – чутко реагировала на бедствия народных масс. Крестьяне страдали тогда от безземелья, поборов и повинностей. Земля в 70-е годы распределялась так, что на одно помещичье хозяйство приходилось в среднем по стране 4666 десятин, на крестьянское – 5,2 десятины, причем сумма налогов с крестьян больше чем вдвое превышала доходность крестьянских хозяйств[24]. Реформа 1861 г. не дала крестьянам хотя бы в минимальном достатке ни земли, ни воли[25]. Извечная социальная война между крестьянами и помещиками продолжалась.

Тем временем в условиях растущего капитализма началась новая социальная война – рабочих против капиталистов. Тяготы положения рабочих усугублялись тем, что над ними, как и над крестьянами, довлели (помимо капиталистических форм эксплуатации) нетерпимые пережитки феодализма: политическое бесправие, отсутствие трудового законодательства, самоуправство хозяев, повседневные издательства, вплоть до телесных наказаний, и пр. Достаточно сказать, что рабочий день в промышленности до 1897 г. не нормировался и, как правило, составлял 13–15 часов, но доходил до 18-ти[26].

Разночинцы знали всю глубину народных бедствий и по личным наблюдениям, и по впечатлениям из разоблачительной литературы – такой, как стихотворения Н. А. Некрасова, очерки Ф. П. Скалдина, статистические выкладки Ю. Э. Янсона и, особенно, «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви-Флеровского. Книга Флеровского, доказавшая фактами и цифрами, что эксплуатация трудящихся (и рабочих, и крестьян) в пореформенной России «производит смертность, какую не в состоянии производить ни чума, ни холера»[27], – эта книга была воспринята разночинцами как «зов на помощь» народу и подтолкнула их к революционным выводам[28].

Идея «долга народа», которая не было чуждой и радикалам 40-х годов[29], в 60-е и, особенно, в 70-е годы становится буквально idee fixe. На рубеже

---

[22] *Щетинина Г. И.* Указ. соч. С. 29.

[23] *Шелгунов Н. В.* Соч.: В 3 т. СПб., Б. г. Т.3. С. 1074.

[24] См.: *Янсон Ю. Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. С.32–33, 58, 111–113.

[25] «Что допрежде с нас брали кнутом, теперь берут голодом, – говорят крестьяне в одной из народнических прокламаций 70-х годов. – <...> Наделили нас песком да каменьями по три десятины на душу, да заставили оброк платить не хуже прежнего; выкупать ее, значит, родимую нашу-то землю-матушку, что отцами да дедами с испокон века возделана, с потом и кровью вспахана» (РН. Т. 1. С. 126).

[26] См.: *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 2. С. 104.

[27] *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. С.447.

[28] См. об этом: *Аптекман О. В.* Указ. соч. С.73; *Дейч Л. Г.* За полвека. М.; Л., 1926. С. 27; *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. М., 1973. С. 64

[29] Так, 14 февраля 1845 г. Н. П. Огарев писал А. И. Герцену: «Был ли у тебя когда-нибудь горек кусок, который ты кладешь в рот? Как глубоко чувствуешь ты, что только

60–70-х годов П. Л. Лавров в «Исторических письмах» и Н. К. Михайловский в трактате «Что такое прогресс?» выступили с теоретическим обоснованием этой идеи. «Каждое удобство жизни, которым я пользуюсь, каждая мысль, которую я имел досуг приобрести или выработать, – внушал своим читателям Лавров, – куплены кровью, страданиями или трудом миллионов»[30]. Михайловский вторил ему и заключал: «Мы пришли к мысли, что мы должники народа <...> Мы можем спорить о размерах долга, о способах его погашения, но долг лежит на нашей совести, и мы его отдать желаем»[31]. Разночинная молодежь, которая уже давно терзались сознанием своего «неоплатного долга» перед народом, встретила проповедь Лаврова и Михайловского с воодушевлением из-за того, что она «явилась теоретическим выражением ее практического стремления увлечь народ в начинающуюся борьбу ее с правительством»[32]. Поскольку же рабочий класс в 60–70-е годы только формировался, и громадное большинство (почти 9/10) населения страны составляли крестьяне (само понятие «народ» отожествлялось тогда в демократических кругах с понятием «крестьянство», а рабочий класс рассматривался как часть крестьянства), постольку народники не могли видеть в России более революционной силы, чем крестьянство. Вот почему превыше всего в своих взглядах и действиях они ставили интересы крестьянства. Хорошо сказал об этом П. Л. Лавров: «Русское крестьянство есть фокус, от которого исходят для нас лучи, освещающие все события»[33].

Отсюда видно, сколь неправы были либерально-буржуазные историки от В. Я. Богучарского до Н. А. Бердяева, а также сам бывший народник, отрекшийся затем от народничества, Г. В. Плеханов, когда они утверждали, что народничество отражало интересы не крестьян, а самой разночинной интеллигенции, что оно будто бы представляло собою всего лишь амальгаму чисто интеллигентных воззрений и настроений.

Те же Богучарский, Бердяев, в меньшей степени Плеханов неправомерно усматривали в народничестве «идейное родство» со славянофильством (Богучарский соглашался с И. С. Аксаковым в том, что «народничество – это сбившееся с пути славянофильство»[34]). Дело даже не в том, что, например, П. А. Кропоткин авторитетно свидетельствовал: «ни я сам, ни кто бы то ни было из них (народников, которых он знал. – *Н. Т.*) не были под влиянием славянофилов. Я лично не прочел ни одной славянофильской книги»[35]. Главное, при внешнем сходстве одной идеи у славянофилов и народников (о *самобытности* развития России с ее крестьянской общиной)

личный труд дает право на наслаждение? Друг! Уйдем в пролетарии. Иначе задохнешься» (Литературное наследство. М., 1953. Т. 61 С. 720.

[30] *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-полит. темы. М., 1934. Т. 1 С. 225.

[31] *Михайловский Н. К.* Соч. СПб., 1896. Т. 1 С. 868.

[32] Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1940. Сб. 8. Ч. 1. С. 116.

[33] Вперед! 1873. Т. 1. С. 3.

[34] *Богучарский В. Я.* Активное народничество 70-х годов. М., 1912. С. 16. Ср.: *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 129; *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 26.

[35] ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 299. Л. 4.

их взгляды были противоположны: славянофилы проповедовали исключительно реформы сверху, от щедрот самодержавия, и звали Россию назад, в допетровскую Русь; народники уповали на революцию, чтобы свергнуть самодержавие и вести страну вперед, к демократии и социализму.

Зато органически присущим народничеству, его, фигурально говоря, супервнешним, надсоциалистическим облачением было то умственное и нравственное течение, которое сначала русская, а потом и западная публицистика назвала (заимствуя самый термин из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») «нигилизмом». Родившийся вслед за падением крепостного права нигилизм отрицал тот «мир привычек, обычаев, способов мышления, предрассудков и нравственной трусости»[36], который вырос в крепостнической России на почве бесправия. Отличительной чертой нигилизма «была абсолютная искренность. И во имя ее нигилизм отказался сам — и требовал, чтобы то же делали другие, — от суеверий, предрассудков, привычек и обычаев, существования которых разум не мог оправдать». Его принципы: «Не склоняйся ни перед каким авторитетом, как бы уважаем он ни был; не принимай на веру никакого утверждения, если оно не установлено разумом»[37]. Д. Д. Минаев тонко подметил главный мотив ненависти реакции к самому типу «нигилиста» в том, что «нигилист»

Эгоистически гуманен
И отвратительно умен[38].

Нигилизм во многом раскрепостил творческие силы того поколения, которое вступало в жизнь после 1861 г. В частности, как заметил видный народник, «не подлежит сомнению, что только нигилизм обеспечил возможность участия женщин в революционном движении. Без него мужчины и женщины, подчиняясь устарелым приличиям, были слишком разобщены, чтобы работать рука об руку»[39].

Таковы в общих чертах понятие народничества, его происхождение, источник и носитель. Позднее выяснилось, что народничество — отнюдь не только российский феномен. Идейные течения народнического типа возникали с начала XX в. в Китае, Индии. Сегодня они живут в развивающихся странах «третьего мира», где по мере борьбы национально-самобытных форм жизни с капитализмом вырастает социально активная интеллигенция и оказывается налицо (как это было в пореформенной России XIX в.) «опережение национального сознания по отношению к «своему» общественному бытию»[40]. Но в 1860—1880-е годы национальная самобытность русского народничества была очевидной. Тем абсурднее выглядели попытки реакции (прокуроров Н. В. Муравьева и К. Н. Жукова, публицистов И. С. Ак-

---

[36] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966. С. 266.
[37] Там же. С. 267; *Кропоткин П. А.* Этика. М., 1991. С. 284.
[38] *Минаев Д. Д.* Собр. стихотворений. М., 1947. С. 311.
[39] *Ковалик С. Ф.* Революционное движение 70-х годов и процесс «193-х». М., 1928. С. 46.
[40] *Хорос В. Г.* Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 21.

сакова и М. Н. Каткова) представить его «попугайским повторением чужих, иностранных формул», которые, мол, «русской почве чужды», а занесены в нее «простыми эмиссарами из-за границы»[41]. Такой, полный ненависти, взгляд на «нигилистов» реакционные верхи переносили на всю вообще интеллигенцию, поскольку она в значительной степени бала разночинной, «нигилистической». Само понятие «интеллигенция» вызывало злобу у таких людей, как обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и директор Департамента полиции В. К. Плеве, а Николай II прямо говорил своему премьер-министру С. Ю. Витте: «Мне противно это слово»[42]

Обратимся теперь к подробностям развития народнической теории и тактики, начиная с А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского — признанных основоположников народничества.

2.2. Доктрина А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского

Первым русским социалистом и патриархом народничества справедливо считается Александр Иванович Герцен (1812—1870 гг.) — внебрачный сын русского барина И. А. Яковлева и его гувернантки немки Луизы Гааг (с фамилией, придуманной отцом от немецкого слова «Herz» — сердце). Имя Герцена — мудрого философа, оригинального историка, яркого беллетриста, непревзойденного доселе по глубине мысли и блеску слова публициста — стоит в ряду имен самых выдающихся властителей дум русского общества, которых царизм преследовал и запрещал не только изучать, но даже упоминать. Великий изгнанник, «Агасфер», как он себя называл, Герцен родился в Москве, умер в Париже и похоронен в Ницце. На чужбине, в эмиграции он и разработал теоретические основы народничества, но — в развитие идейных исканий, начатых еще на родине.

Дело в том, что с осени 1831 до лета 1834 г. Герцен и его alter ego Николай Платонович Огарев — тогда студенты (Герцен с 1833 г. выпускник) Московского университета — возглавляли вольнодумный кружок, который стал поистине колыбелью «русского социализма». Участники кружка первыми в России занялись изучением социалистических идей — по двоякой причине. С одной стороны, они осознали слабость декабристского заговора и, стало быть, всей заложенной декабристами отечественной революционной традиции (отрыв от народа). С другой стороны, они разочаровались в возможностях буржуазных революций Запада на свежем примере революции 1830 г. во Франции, которая ничего не дала простому народу. Герцен

---

[41] Государственные преступления в России в XIX в. СПб., 1906. Т. 2 С. 302; Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 291, 292; Московские ведомости. 1876. 10 декабря; Русь. 1881. 4 апреля

[42] *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 2 С. 328; *Любимов Л. Д.* На чужбине. М., 1963. С. 44

и Огарев со товарищи обратились к идеям французских социалистов-утопистов (в первую очередь, крупнейшего из них — А. Сен-Симона), чтобы с их помощью найти самый перспективный путь к преобразованию России. Они увлеклись этими идеями потому, что нашли их созвучными своему неприятию и российской, и европейской действительности. «Мы искали чего-то иного, чего не могли найти ни в несторовской летописи, ни в трансцендентальном идеализме Шеллинга», — писал Герцен[43]. Иначе говоря, не Сен-Симон привел Герцена и Огарева к социализму, а действительность России, толкавшая Герцена и Огарева к социализму, привела их к Сен-Симону.

Первые русские социалисты прежде всего восприняли главное в утопическом социализме Запада — идею всеобщего равенства и благополучия. Именно эта идея всегда была самой привлекательной у всех социалистов-утопистов, начиная с их родоначальников — канцлера Англии Томаса Мора[44] и сына итальянского сапожника Томмазо Кампанеллы. Не зря Вера Фигнер так вспоминала о своей юности: «Я сразу усвоила теорию, что целью человека должно быть наибольшее счастье наибольшего числа людей»[45]. Но восприняв с Запада идею социализма как «всеобщего счастья», Герцен и Огарев критически переработали ее применительно к России. «Мы, — разъяснял Герцен, — русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владенья и общинного управления, — и идет вместе с работничьей артелью навстречу той *экономической справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука» (19.193. Курсив мой. — *Н. Т.*) Далее, Герцен и Огарев, мыслившие диалектически (а диалектику Герцен называл «алгеброй революции»: 9.23), уже тогда, в начале 30-х годов, усомнились в том, что путь к социализму лежит через полюбовное сотрудничество народа и власти, как полагали А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн и др. Во взглядах Герцена и Огарева тогда же, пока еще недостаточно отчетливо, обозначилось сочетание идеи социализма с идеей революции, что так ярко проявится в народничестве 70-х годов и что, собственно, являет собой главное отличие русского утопического социализма от европейского. Во всяком случае «уже тогда, в 1833 г., — вспоминал Герцен, — либералы смотрели на нас исподлобья, как на сбившихся с дороги» (8.163).

В 1847 г. Герцен уехал навсегда за границу. Там он стал свидетелем европейской революции 1848 г. Расправа французской буржуазии с рабочими Парижа потрясла его. 1848 год («педагогический год», как назвал его Герцен) убил в нем всякую веру в прогрессивность буржуазного Запада. Этот кризис в мировоззрении Герцена был для него тем мучительнее, что он сов-

---

[43] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1965. Т. 12 С. 76 (далее ссылки на это издание с указанием тома и стр. см. в тексте)

[44] Т. Мор придумал и само слово «утопия», что в буквальном переводе с греческого на русский означает «нигдения» — место, которого нигде нет.

[45] Деятели СССР и революционного движения России. Энц. словарь Гранат. М., 1989. С. 245

пал по времени с семейной катастрофой. К 1848–1851 гг. относится «кружение сердца» его первой жены (с немецким поэтом Г. Гервегом), в ноябре 1851 г. трагически погибли мать и 8-летний сын Герцена, а 2 мая 1852 г. умерла жена вместе с последним ее ребенком, родившимся накануне. «Все рухнуло, – написал Герцен об этом, страшном для него времени, – общее и частное, европейская революция и домашний кров, свобода мира и личное счастье. Камня на камне не осталось от прежней жизни» (24.212).

Духовная драма Герцена разрешилась закладкой основ народничества. Присмотревшись к Европе, он невзлюбил ее хищный капитализм и «шулерски» – политические установления. «В тиранстве без тирана, – писал он о буржуазной республике, – есть что-то еще отвратительнейшее, нежели в царской власти. Там знаешь, кого ненавидеть, а тут – анонимное общество политических шулеров и биржевых торгашей, опертое на общественный разворот, на сочувствие мещан, опертое на полицейских пиратов и и на армейских кондотьеров, душит без увлечения, гнетет без веры, из-за денег, из-за страха – и остается неуловимым, анонимным» (5.196). Разочарованный в режиме «политических шулеров и биржевых торгашей», Герцен заключил, что социалисты не должны участвовать в политической борьбе, ибо плоды ее пожинает только буржуазия, и что вообще не нужно государства, поскольку оно в любой его форме (даже в наилучшей, республиканской) есть всего лишь орудие подавления большинства меньшинством: «социализм – это <...> общество без правительства» (12.168). Герцен стал проповедовать не политическую, а *социальную* революцию, которая дала бы трудящимся экономическую свободу, а неизбежным следствием экономической свободы оказалась бы и свобода политическая, гражданская, ибо «социализм, который пытался бы обойтись без политической свободы, без равенства в правах, быстро выродился бы в авторитарный коммунизм» (5.88, 89). Так, в отличие от политических революционеров, Герцен стал, по выражению Р. Н. Блюма, «социальщиком»[46], – кстати, первым из россиян. Более того, в горниле социальной революции люди, по Герцену, нравственно очистились бы от рабского сознания: «Грядущая революция должна начать не только с вечного вопроса собственности и гражданского устройства, а с нравственности человека» (23.188).

Отныне Герцен связал все свои надежды на общечеловеческий прогресс с Россией. «Я чую сердцем и умом, – писал он, – что история толкается именно в наши ворота» (12.433). Но для России Герцен начал искать особые, отличные от Запада, некапиталистические пути развития. Уже в 1849 г., в знаменитой статье «Россия» он первым сделал вывод о том, что Россия сможет перейти из крепостного состояния, минуя капитализм, сразу к социализму, – вывод, который он затем развивал долгие годы в различных трудах («О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм», «Старый мир и Россия» и др.), вплоть до статьи 1866 г. «Порядок торжествует».

---

[46] *Блюм Р. Н.* Поиски путей к свободе. Таллин, 1985. С.121

Такой, основополагающий для народнической доктрины вывод Герцена был продиктован отчасти *интернациональным* соображением о возможности для отставших стран учиться у передовых, используя их опыт: «история весьма несправедлива; *поздно приходящим* дает она не оглодки, а старшинство опытности» (12.263). Другим, *национальным* основанием для такого вывода послужило наличие в Росси сельской общины.

Считается, что Герцен идеализировал русскую общину. В принципе это верно, но требует существенной оговорки. Дело в том, что Герцен понимал: община архаична, как «промежуточное существование — между геологией и историей» (7.138, 168). Соглашаясь с Огаревым в том, что «община есть равенство рабства», он отмечал: «В общине слишком мало движения, она не получает толчка, который побуждал бы ее к развитию; в ней нет конкуренции, нет внутренней борьбы, создающей разнообразие и движение» (6.209). Однако при всем этом Герцен воспринял сохранившееся в русской общине и давно утраченное на Западе КОЛЛЕКТИВНОЕ начало как своего рода «громоотвод» против бедствий капитализма и как «зародыш» социализма. Главным здесь для Герцена было общинное землепользование[47], но ценил он и то, что в общине («на миру») свободно избирается крестьянское «начальство» — староста и его помощники, десятские, сотские, исполняющие внутри общины административные и полицейские (правда, крайне ограниченные) функции. Герцен считал даже, что «каждая сельская община представляет собой в России маленькую республику», и что «все это вместе является подлинно социалистическим самоуправлением» (6.199, 12.52).

Для того, чтобы «зародыш» развивался в социалистическое общество, достаточно было, по мысли Герцена, свергнуть самодержавие, отменить крепостное право, установить народовластие и раздать всю землю крестьянам, которые владели бы ею и обрабатывали бы ее общинно. При этом Герцен и Огарев впервые выдвинули еще одну кардинальную идею народничества — ликвидировать помещичье землевладение в России. До реформы 1861 г. их «Колокол» допускал выкуп с крестьян помещикам, хотя и весьма умеренный (не «насильный», а «посильный»)[48], но после реформы провозгласил, вслед за Чернышевским, передачу всей земли крестьянам без всякого выкупа: «земля чтоб вся осталась за миром, — разъяснял Огарев, — и помещик таким же мирским пайщиком (если пожелает иметь пай в крестьянском «мире». — *Н. Т.*), как и другие»[49].

Герцен понимал, что такая программа глубоко революционна, но считал возможным все же «переворот без кровавых средств» (19.191), «с отклонениями и уступками, с компромиссами и диагоналями» (18.363). «Без сомнения, — подчеркивал он, — восстание, открытая борьба — одно из самых могущественных средств революций, но отнюдь не единственное» (13. 21).

---

[47] Любопытно, что общинную систему земледелия («табунное ковыряние земли») и царские верхи рассматривали как оплот социализма (*Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 1 С. 9).

[48] Колокол. Л. 63. 15 февраля 1860. С. 525.

[49] *Огарев Н. П.* Избр. социально-полит. и филос. произведения. М., 1952. Т. 1 С. 577

В 50-е годы Герцен делал ставку на «среднее дворянство», как «умственный центр грядущей революции» (6.215), допускал даже революцию сверху: «если бы русский престол достался действительно энергическому человеку, он стал бы во главе освободительного движения» (12.195). Отсюда — надежды Герцена на Александра II и длинный ряд его обращений к царю, которые В. И. Ленин, шокированный их учтивым тоном, назвал «слащавыми», вызывающими «отвращение»[50]. Естественно, что на призыв «к топору» не выявленного доселе «Русского человека» Герцен в марте 1860 г. ответил со всей определенностью: «<...> Ваша односторонность понятна нам, она близка нашему сердцу <...> Но к топору, к этому ultima ratio (последнему доводу. — *Н. Т.*) притесненных, мы звать не будем *до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора*» (14.239).

Итак, революционер по образу мыслей и по целям борьбы Герцен считал возможным средством разрешения революционных задач реформу — даже во воле и руками самодержца Всея Руси. Более того, он никогда *не предпочитал* революцию реформе. Тем не менее, и в этом его принципиальное отличие от либералов, — он не исключал даже «пугачевщину» (т. е. самый разрушительный вариант революции) как крайнее средство достижения цели: «страшна пугачевщина, но скажем откровенно — если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, но и тогда оно не дорого куплено» (7.252). Главной же движущей силой революции в России Герцен уже в 1849 г. провозгласил крестьянство: «Я не верю ни в какую революцию в России, кроме крестьянской» (6.114). Поэтому «человек будущего в России — мужик» (6.450). Подготовить мужика к революции должна была, по мысли Герцена, разночинная интеллигенция. Именно ей Герцен осенью 1861 г. бросил исторический клич «В народ! К народу!»(15.175), который стал программным для нее на два десятилетия вперед.

Таковы основные идеи Герцена, составившие квинтэссенцию русского революционного народничества. Как и большинство народников, его последователей, Герцен сознавал, что желанная будущность Отечества далека. «Судьба России колоссальна, — писал он в 1849 г. своим московским друзьям, — но для нас виноград зелен» (6.291). Поразительно в доктрине Герцена то провидение, которое он огласил в том же 1849 г., как бы заглянув за 100 лет вперед в самую суть большевистского режима: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущею, неизвестною нам революцией» (6.110).

Вторым, после Герцена, основоположником народничества стал идейный вождь революционной демократии в России 1860-х годов, «русский Карл Маркс», как называли его западные эксперты[51], Николай Гаврилович Чер-

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 12

[51] *Leroy-Beaulieu A.* L empire des Tsars et les Russes. Paris, 1882. V. 2. P. 174.

нышевский (1828–1889 гг.). Он развивал (отчасти дополнил, а частью уточнил) народнические взгляды Герцена и придал законченность доктрине революционного народничества.

Сын, внук и правнук священнослужителей, выпускник Саратовской духовной семинарии и Петербургского университета Чернышевский был так же разносторонне одарен (хотя и не столь блестящ), как Герцен: философ, экономист, историк, публицист, литературный критик, беллетрист, он владел 10-ю иностранными языками и превосходно знал мировую литературу по гуманитарным наукам. В памятном («педагогическом», по выражению Герцена) 1848 году юный Чернышевский пришел к выводу о том, что революция в России необходима и неизбежна, стал, как он сам выразился, «решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев»[52].

В советской историографии[53] до недавних пор Чернышевский изображался (с опорой, в частности, на записи в его юношеском дневнике) как «самый последовательный», т. е. фактически *крайний* революционер. Ему приписали даже чужие произведения именно такого, крайнереволюционного характера, с призывами «к топору», — «Письмо из провинции» от «Русского человека» в «Колокол» Герцена и прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Лишь в последние годы некоторые исследователи (в особенности, В. Ф. Антонов и А. А. Демченко) аргументированно доказывают, сколь далек был Чернышевский от идеи «топора», т. е. скоропалительного крестьянского бунта[54].

Как мыслитель, социалист, Черньшевский вслед за Герценом разрабатывал — главным образом в сочинениях 1857–1861 гг. («О поземельной собственности», «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Суеверие и правила логики», «Апология сумасшедшего» и др.) — теоретические основы народничества. Для него, как и для Герцена, социализм означал прежде всего «экономическую справедливость», т. е. такое общество, где «отдельные классы наемных работников и нанимателей труда исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе» (9.487). При этом Чернышевский, подобно Герцену, считал необходимой для социализма демократию, которая «противоположна бюрократии и централизации», «требует самоуправления и доводит его до федерации»[55] (5.652–653).

---

[52] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1939–1953. Т. 1. С. 122 (далее ссылки на это издание с указанием тома и стр. см. в тексте).

[53] Особенно в трудах М. В. Нечкиной, В. Я. Зевина, В. Н. Шульгина, Н. Н. Новиковой, А. Ф. Смирнова.

[54] См.: *Антонов В. Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1; *Он же.* Н. Г. Черньшевский. Общественный идеал анархиста. М., 2000; *Демченко А. А.* Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1992. Ч. 3.

[55] В связи с этим в 1991 г. В. Ф. Антонов резонно подчеркнул: «Сейчас мы силимся демонтировать централизованную, придавившую народ партийно-административную диктатуру и на ее развалинах построить здание демократической федерации с органами народного

Чернышевский разделял и герценовский взгляд о парадоксальном, казалось бы, «преимуществе отсталости» для народов, поскольку она позволяет им учесть опыт ушедших вперед и «сэкономить» время на пути к социализму: «история, как бабушка, страшно любит младших внучат» (5.387). Краеутольно-народнический тезис о крестьянской общине в России как зародыше социализма Чернышевский тоже воспринял у Герцена, но уже критически. «Нечего нам считать общинное владение особенной прирожденной чертой нашей национальности, — писал он, — а надобно смотреть на него как на общую принадлежность известного периода в жизни каждого народа. Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития» (5.362, 363). Хотя Чернышевский, как и Герцен, усматривал в общине противовес капитализму и гаранта от «страшной язвы пролетариатства» (4.331), он, по крайней мере в двух отношениях, разошелся с Герценом.

С одной стороны, Чернышевский оспаривал герценовский скепсис относительно перспектив развития Европы[56]: «У Европы свой ум в голове, и ум гораздо более развитый, чем у нас, и учиться ей у нас нечему, и помощи нашей не нужно ей» (7.663). С другой стороны, если Герцен полагал, что для перехода к социализму достаточно освободить крестьян с землей при сохранении общины[57], то Чернышевский считал необходимым обеспечить крестьянам не только пользование землей, но и полный доход с нее (свободу от тяжелых налогов и выкупных платежей, кредитных обязательств). По Чернышевскому, община могла стать отправным пунктом на пути России к социализму лишь при условии, что общинное пользование будет сопряжено с общественным *производством* «земледельческих товариществ», которые полностью владели бы продуктом своего труда (7.59–60).

Чернышевский еще более отчетливо, чем Герцен, сознавал, что «светлое будущее» социализма в России «очень далеко, хотя, быть может, и не на тысячу лет от нас, но, вероятно, больше, нежели на сто или на полтораста» (5.610). Поэтому он, в отличие от Герцена, предусматривал и пытался даже обрисовать «переходное состояние» России между крушением феодального (после 1861 г. — полуфеодального) строя и торжеством социализма, когда «еще долго и долго» будут развиваться (параллельно и междоусобно) два уклада — общинный и капиталистический[58].

В 50-е годы, по наблюдению Р. Н. Блюма, Чернышевский «в целом еще стоял на социальных позициях и довольно отрицательно относился к политической революции»[59], о чем свидетельствует его статья 1858 г. «Кавень-

самоуправления на производстве и на местах, что и завещали нам теоретики-федералисты народничества» (*Антонов В. Ф.* Народничество в России. С. 17)

[56] «Мне кажется, — читаем у Герцена, — что роль *теперешней* Европы кончена; после 1848 года она разлагается с неимоверной быстротой» (*Герцен А. И.* 12. 167. Ср.: 6. 188; 12. 426).

[57] «Разве общинное владение и право на землю — *не социализм*?» (Герцен А. И. 7. 323).

[58] *Чернышевский Н. Г.* Избр. экономические произведения. М., 1948. Т. 1 С. 478

[59] *Блюм Р. Н.* Указ. соч. С. 138

як». Но перед самой реформой 1861 г. и после нее, т. е. в условиях революционной ситуации, Чернышевский (опять-таки в отличие от Герцена), оставаясь «социальщиком», все больше внимания уделял политике. Вот его тезис из статьи 1860 г. «Июльская монархия»: «Политическая власть, материальное благосостояние и образованность — все эти три вещи соединены неразрывно <...> Кто не пользуется политической властью, тот не может спастись от угнетения, то есть от нищеты, то есть от невежества» (7.97—98).

В самом подходе к революции как таковой (социальной ли, политической) Чернышевский тоже отличался от Герцена. Если Герцен принимал реформу как способ *коренного* общественного переустройства (на одном уровне с революцией), то Чернышевский считал ее лишь полумерой, подспорьем, которое облегчает, но само по себе не обеспечивает достижения цели. «Только сила отрицания от всего прошедшего есть сила, созидающая нечто новое и лучшее», — эзоповски писал он о революции в подцензурной печати (3.9); «все общество начинает высказывать потребность одеться с ног до головы в новое: *штопать оно не хочет*» (10.96. Курсив мой. — *Н. Т.*). Можно считать, что Чернышевский придал революционную законченность народнической доктрине, поскольку он первым в России стал доказывать, что необходима полная и *безвозмездная* ликвидация помещичьего землевладения, тогда как Герцен и Огарев допускали умеренный выкуп земли крестьянами, хотя и с помощью государства. В июньской книжке «Современника» за 1857 г. Чернышевский прибег к математическим расчетам вымышленного бухгалтера Зайчикова, которые дали искомый результат: выкуп = 0 (4.800)[60]. Подцензурно он отрицал и юридическое право помещиков на вознаграждение за землю (5.731).

И все-таки «к топору» Чернышевский Россию не призывал ни до, ни во время революционной ситуации, понимая, что народ не готов к такому призыву. «В истории, — разъяснял он, — слишком часто задача бывает не в том, какой путь самый лучший, а в том, какой путь *возможен* при данных обстоятельствах» (9. 434). При данных же обстоятельствах (рубеж 1850—1860-х годов) ставка на «топор» не получила бы народной поддержки: пока «только еще авангард народа — среднее сословие — уже действует на исторической арене, да и то почти лишь только начинает действовать, а главная масса еще и не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности» (7.666). Вот почему в 1857—1858 гг. Чернышевский держал курс на создание широкого антикрепостнического фронта, способного принудить царизм к радикальной реформе, а с 1859 г., когда выяснилось, что вырвать у царизма такую реформу не удастся, избрал новый курс — на мобилизацию революционных сил, которые смогли бы заняться подготовкой к «исторической деятельности», т. е. к решающему выступлению «густых колонн» народа[61]. В этом помогали

[60] Позднее, в сибирском романе «Пролог», Чернышевский выразит эту мысль со всей определенностью: «Вся земля мужицкая, выкупу никакого! Убирайся, помещики, пока живы!» (13.202).

[61] Подробно об этом см.: *Порох И. В.* Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963. Гл. 3.

Чернышевскому его соратники — Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, деятели первой революционно-народнической организации «Земля и воля» 1861—1863 гг. Что касается тактических совпадений позиции Чернышевского (как, впрочем, и Герцена) с позицией либералов, вроде Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина, то они были временными и не показательными ни для Чернышевского с Герценом, ни для либералов. Как говорится в хорошей русской басне:

Орлам случается и ниже кур спускаться,
Но курам никогда до облак не подняться.

Социализм Чернышевского, как и Герцена, считается (вполне справедливо) утопическим. Но еще Г. В. Плеханов заметил, что «выражение «утопический» не заключает в себе, применительно к социализму, ровно никакой укоризны, а только означает известную фазу в развитии социалистической мысли»[62]. Сам Чернышевский это понимал: «То, что представляется утопией в одной стране, существует в другой как факт» (4,742). Народническая доктрина Герцена и Чернышевского сочетала в себе утопию с реальностью, подтверждая собой известный афоризм Альфонса Ламартина: «Утопии часто оказываются лишь преждевременно высказанными истинами».

Итак Чернышевский, наряду с Герценом, — основоположник, родоначальник народничества. Его идейное влияние на современников и потомков было тем заметнее, что оно подкреплялось обаянием личности Чернышевского и мученическим ореолом, который «позаботились» придать ему царские каратели. В 70-х годах (до возникновения «Народной воли») народники идейно были ближе к Герцену с его специфическим «аполитизмом», но больший пиетет испытывали к личной судьбе Чернышевского, считая его своим «преимущественным учителем жизни»[63]. «Его именем клялись», — вспоминал народоволец М. Ю. Ашенбреннер[64]. Особое впечатление на молодых радикалов производили созданные Чернышевским в романе «Что делать?» образы *новых людей* — предвестников грядущего свободного общества, нравственно чистых, бескорыстных и самоотверженных, о которых сам Чернышевский писал: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех, без них она заглохла бы <...> Это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли» (11.210). «Новые люди» Чернышевского были восприняты народниками 60—70-х годов как пример, с которого надо «делать жизнь». «Не жить по идеалам Чернышевского, не подражать его героям считалось у нас отсталостью», — свидетельствовал землеволец Н. И. Сергеев[65].

Доктрина Герцена и Чернышевского была общим теоретическим руководством для народников 60—70-х и даже последующих лет. Единой же *тактики* народники никогда не имели. В 70-х годах они исповедовали

---

[62] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 6. С. 342

[63] *Чарушин Н. А.* Указ. соч. С. 63.

[64] *Ашенбреннер М. Ю.* Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860—1904). М., 1924. С. 5

[65] ИРЛИ РО. Ф. 266. Оп. 2. Д. 497. Л. 24

несколько тактических направлений, из которых главными принято считать бунтарское (бакунизм), пропагандистское (лавризм) и заговорщическое (русский бланкизм, он же ткачевизм).

2.3. Бакунизм

Наиболее распространенным в народничестве 70-х годов тактическим направлением было бунтарское или бакунизм, по имени идеолога этого направления Бакунина.

Михаил Александрович Бакунин (1814–1876 гг.) родился в многолюдной (11 детей) семье тверского губернского предводителя дворянства, отпрыска знатного дворянского рода. Впечатляют его родственные связи: троюродный брат по матери декабристов Никиты Муравьева и Сергея Муравьева-Апостола, а по отцу – штабс-капитана М. М. Бакунина, который первым начал артиллерийский расстрел декабристов на Сенатской площади; племянник генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-адъютанта и генерала от инфантерии гр. Н. Н. Муравьева-Амурского, женатый на двоюродной сестре народовольца А. А. Квятковского, М. А. Бакунин мог быть «своим» и для революционеров, и для их карателей. Он выбрал – смолоду и на всю жизнь – первых.

Все в личности и судьбе Бакунина было необычно (порой фантастично), крупно и разнолико. Гигантский торс, львиная голова, трубный голос, зажигательная речь сочетались у него с «дантовским темпераментом»[66]. Рафинированный философ и неистовый бунтарь, «гениальный забулдыга»[67], страдавший «чесоткой революционной деятельности» и даже «революционным запоем»[68], он заслужил репутацию «апостола всемирного разрушения»[69]. Покинув ненавистную ему николаевскую Россию в 1840 г.[70], он обрел замечательный круг знакомств (с К. Марксом и П. Прудоном, Д. Мадзини и Д. Гарибальди, И. Лелевелем и Л. Бланом, Ж. Санд и Р. Вагнером), а главное, заявил о себе как революционер на всю Европу: сражался на баррикадах в Праге (1848 г.), Дрездене (1849), Лионе (1870), был приговорен к смерти в Саксонии и Австрии, сидел в чешской, саксонской, прусской, австрийской тюрьмах, был выдан царизму и провел 6 лет в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, познал и сибирскую ссылку, откуда бежал в 1861 г. через Японию и Америку в Англию. В

---

[66] Выражение Е. В. Тарле (Былое. 1907. № 3. С. 310). «Все в нем, – вспоминал о Бакунине друживший с ним гений мировой музыки Рихард Вагнер, – было колоссально, все веяло первобытной свежестью» (Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары... М., 1911. Т. 2. С. 171.)

[67] *Блок А. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 5. С. 28.

[68] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Кн. 1. С. 371.

[69] *Лавеле Э.* Современный социализм. СПб., 1882. С. 242.

[70] Выпускник Артиллерийского училища 26-летний Бакунин был тогда отставным прапорщиком. Деньги на отъезд из России он занял у Герцена. Один Герцен и проводил его в путь.

1868 г. он создал «Альянс социалистической демократии» (международное товарищество анархистов), в начале 70-х годов пытался организовать народные восстания в Испании и Италии. Человек с такой репутацией и биографией, естественно, привлекал к себе симпатии радикально настроенной молодежи везде и, в особенности, на родине. К началу 70-х годов Бакунин, по уважительному признанию П. Л. Лаврова, представлял собой «самую значительную русскую революционную силу, самый подавляющий революционный авторитет»[71]. Из противоположного лагеря аналогичная оценка прозвучала в реплике М. Н. Каткова: «скипетр русской революционной партии перешел в руки к Бакунину»[72].

Летом 1873 г. Бакунин написал книгу «Государственность и анархия», в которой (особенно в «Прибавлении А» к ней) и была целостно изложена программа бакунизма как особого тактического направления в народничестве[73]. В отличие от лавризма и ткачевизма, бакунизм не имел своего центрального органа (газеты или журнала), хотя отдельные его документы печатались в 1-м номере журнала «Народное дело» (1868 г.) и в газете «Работник» (1875–1876 гг.).

С точки зрения бакунизма народ в России подготовлен к революции, поскольку «чрезмерная нищета» и «рабство примерное» довели его до столь отчаянного положения, что у него нет уже другого выхода, кроме как взяться за оружие. Иными словами, Бакунин выдавал стихийный протест крестьянства против помещичьего гнета за осознанную готовность его к «всеобщему бунту». Отсюда задача русских революционеров, по мысли Бакунина, заключалась в том, чтобы бросить в народ клич *«к восстанию»*. Бакунин считал, что в России «ничего не стоит поднять любую деревню», и нужно лишь хорошенько агитнуть крестьян сразу по всем деревням, чтобы «вдруг» поднялась вся Россия. Выходило, по Бакунину, что все готово само собой, и выступление революционеров необходимо, говоря словами одного из героев тургеневской «Нови», «как удар ланцета по нарыву», который уже назрел[74]. Поэтому Бакунин призывал народников оставить все прочее и дружно идти в народ – не пропагандировать крестьян, не убеждать их, «не учить, а бунтовать», хотя и «по строго обдуманному плану» и при «самой строгой дисциплине».

Это была, конечно же, скоропалительная тактика без трезвого расчета и взвешивания шансов. Многие из народников отнеслись к ней критически. Д. М. Рогачев определил ее смысл формулой «бунтуй от нуля до бесконеч-

---

[71] Материалы для истории русского социально-революционного движения. Женева, 1893. В 16. С. 155.

[72] Московские ведомости. 1870. 6 января.

[73] Изданная осенью 1873 г. в Цюрихе «Государственность и анархия» уже с октября т. г. начала распространяться в России (см.: *Сажин М. П.* Воспоминания 1860–1880 гг. М., 1925. С. 87, 97–98). Текст «прибавления А» см.: РН. Т. 1. С. 38–55

[74] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. Т. 12. М.; Л., 1966. С. 77.

ности», а Д. А. Клеменц назвал ее поборников «вспышкопускателями»[75]. Не зря Герцен еще в 1863 г. подметил, что Бакунин в оценке назревания русской революции «принял второй месяц беременности за девятый».

Итак, направление Бакунина было *бунтарским*. Вторая его особенность — оно было *анархистским*. Сам Бакунин к 70-м годам выдвинулся в ряд авторитетнейших вождей европейского анархизма. Вообще, анархизм раньше, чем в России, возрос на Западе. Его социальным источником был, по выражению В. И. Ленина, «взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа»[76]. В России 70-х годов социальная база для анархизма была меньшей, поскольку здесь «ужасы капитализма» еще не сказались с такой силой, чтобы российский мелкий буржуа мог «взбеситься» от них. Тем не менее, капитализм тогда уже вторгался во все сферы жизни россиян, проникая даже в крестьянскую общину. Поэтому анархистские идеи прорастали и в России на подготовленной (более или менее) почве.

Бакунин и бакунисты отвергали марксистский тезис о классовой природе государства и выступали против всякой государственности вообще. Государственная власть представлялась им первоисточником всех социальных бед. «Пока будет существовать политическая власть, — считал Бакунин, — будут всегда господствующие и подчиненные, господа и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые»[77]. В понимании Бакунина, государство — это не что иное, как палка, которая бьет по телу народа, и для народа в таком случае все равно, будет ли эта палка называться феодальной, буржуазной или социалистической. Если даже к власти придут «работники», они, «лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут стать работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем не знаком с природой человека»[78]. Русским народникам импонировала и мысль Бакунина о славянах как о народах, которые сами никогда государство не создавали; они «по всей природе и по всему существу своему решительно племя не политическое, т. е. не государственное»; российское же государство есть следствие татаро-монгольского ига, византийского влияния, немецкого засилья[79]. Поэтому Бакунин проповедовал «разрушение всех государств» и «создание нового общечеловеческого мира», т. е. переход к общественному, а точнее к общинному самоуправлению, «квазиабсолютной автономии» общин в масштабах «великой и вольной федерации Всеславянской», после

---

[75] См. об этом: *Трощкий Н. А.* Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.) Саратов, 1991. С. 278.

[76] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 14.

[77] *Бакунин М. А.* Избр. соч. М., 1920. Т. 3. С. 22.

[78] *Бакунин М. А.* Полн. собр. соч. СПб., б. г. Т. 2. С. 217. К несчастью для народов, исторический опыт, пережитый ими с тех пор и доныне, подтверждает этот прогноз Бакунина.

[79] *Бакунин М. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 45.

чего предполагалось объединение (по принципу «снизу вверх») всех федераций «в братский Интернационал»[80].

Третья особенность направления Бакунина: оно было *аполитичным* в специфически-народническом смысле этого понятия. Дело в том, что бакунисты (как и другие, — за малым исключением, — народники первой половины 70-х годов) считали лишней задачу борьбы за политические свободы, но не потому, что не понимали их ценности, а потому, что стремились действовать, как им казалось, радикальнее и выигрышнее для народа: вершить не политическую, а социальную революцию, одним из плодов которой явилась бы сама собой, «как дым при топке печи», и политическая свобода. Иначе говоря, бакунисты «*не отрицали* необходимости политической революции, но *растворяли* ее в революции социальной»[81].

Все это мы воспринимаем теперь критически, как химеру, но тогда, в 70-е годы прошлого века, бакунизм привлекал к себе умы и сердца людей, вдохновлял их, поднимал на борьбу. Сильной стороной бакунизма была его ставка на решающую роль народных масс в революционных коллизиях. Тактическая программа Бакунина (как, впрочем, и Лаврова) строилась по принципу «не только *для* народа, но и *посредством* народа»[82]. Революционный же авангард в лице молодых разночинцев, народников, призван был, по мысли Бакунина, сыграть в подготовке всенародного бунта роль «коллективного Стеньки Разина»[83]. Этот «коллективный Стенька» должен был стать «не учителем, не благодетелем и не диктатором — указателем для народа, а только повивальною бабкою самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий», ибо, в конце концов, «народная жизнь, народное развитие, народный прогресс принадлежат исключительно самому народу»[84]. Поэтому Бакунин настоятельно советовал революционерам не учить народ, а самим учиться у народа, «как служить народу и как лучше вести его дело»[85]. Непреходящий, злободневный поныне смысл заключает в себе завет Бакунина: «Народа никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует»[86].

---

[80] *Бакунин М. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 240; Т. 1. С. 231, 232.

[81] *Козьмин Б. П.* Предисловие к кн.: *Кункль А. А.* Долгушинцы. М., 1932. С. 9.

[82] *Бакунин М. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 249–250; *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-полит. темы. М., 1934. Т. 2. С. 31.

[83] *Бакунин М. А.* Речи и воззвания. СПб., 1906. С. 234. Г. В. Плеханов не без основания определил бакунизм как «смесь Фурье со Стенькой Разиным» (*Плеханов Г. В.* Соч. Т. 2. С. 320–321).

[84] *Бакунин М. А.* Речи и воззвания С. 234–235; РН. Т. 1. С. 45.

[85] *Бакунин М. А.* Речи и воззвания. С. 234.

[86] РН. Т. 1. С. 48.

2.4. Лавризм

Несколько менее распространенным в народничестве 70-х годов, чем бунтарское направление, было направление пропагандистское или лавризм, по имени его идеолога Лаврова.

Петр Лаврович Лавров (1823–1900 гг.), как и Бакунин, родился в семье богатого и влиятельного помещика, который дружил с А. А. Аракчеевым и у которого в 1824 г. гостил Александр I – он, по семейному преданию, «приласкал годовалого малыша (знал бы царь, кто из него вырастет!)»[87]. В 1837 г. юный Лавров поступил в Артиллерийское училище (которое четырьмя годами ранее окончил Бакунин), а с 1842 г. по окончании училища преподавал в нем математику. В 1858 г. Лавров – уже полковник (напомню, что Бакунин «дослужился» только до прапорщика) и профессор Артиллерийской академии, математик столь одаренный, что знаменитый академик М. В. Остроградский говорил о нем: «Он еще прытче меня». На рубеже 50–60-х годов Лавров приобщился к освободительному движению, участвовал в первой «Земле и воле», сблизился с Н. Г. Чернышевским. Арестованный в апреле 1866 г. за сочинение «крамольных» стихов и статьи, он отсидел девять месяцев в тюрьме и 16 февраля 1867 г. был выслан в северную глухомань (городишко Тотьма Вологодской губернии), а потом еще в большую глушь (г. Кадников), где, кстати, он написал свои знаменитые «Исторические письма». Ровно через три года, 15 февраля 1870 г., Лавров с помощью Г. А. Лопатина бежал из ссылки и приехал в Париж, где прожил почти всю свою оставшуюся жизнь.

В эмиграции Лавров обрел не менее значимый, чем у Бакунина, круг личных связей (кроме соотечественников И. С. Тургенева, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева, П. Л. Чебышева, С. В. Ковалевской, – с К. Марксом и Ф. Энгельсом, П. Лафаргом и Ж. Гедом, А. Бебелем и В. Либкнехтом, Ж. Клемансо и др.), вступил в I Интернационал, участвовал в Парижской Коммуне и первым из россиян стал ее историком. К началу 70-х годов его авторитет среди европейских и, особенно, российских демократов мало уступал бакунинскому.

Внешне столь же могучего склада, как Бакунин, Лавров был полной противоположностью ему по темпераменту, – уравновешенным, осмотрительным, благоразумным, – что отразилось и в его революционном творчестве.

Тактическая программа Лаврова четко сформулирована в передовой статье 1-го номера журнала «Вперед!» за 1873 г. Статья так и называлась: «Наша программа»[88]. Основанием журнала «Вперед!» Лавров оказал русскому освободительному движению великую услугу. «Вперед!» воспринял и продолжил традицию герценовского «Колокола», положив начало революционно-народнической печати 70-80-х годов. Первый номер журнала вы-

[87] *Володин А. И., Итенберг Б. С.* Лавров. М., 1981. С. 10.
[88] Перепечатана в кн.: РН. Т. 1. С. 20–38.

шел 13 августа 1873 г. и с той же осени начал распространяться в России[89]. «Вперед!» стал своего рода центральным органом лавризма как особого тактического направления.

С точки зрения лавризма народ в России еще не готов к революции и не сознает ни потребности в ней, ни ее возможности. Отсюда задача русских революционеров, по мнению Лаврова, заключается в том, чтобы пробудить в народных массах революционное сознание, т. е. разъяснить им, «на что они имеют *право* <...> к чему *обязаны* стремиться <...> [и] чего *могут* достигнуть»[90]. Лавров тоже, как Бакунин, звал народников идти в народ, но не сразу, а после теоретической подготовки: прежде чем пойти в народ, они должны «идти в науку», «должны учиться, должны усвоить вопросы, которые <...> необходимо встретятся и в проповеди, и в борьбе, и в создании нового строя», чтобы взяться за осуществление переворота уже готовыми ко всему и способными на все[91].

Итак, Лавров, в отличие от Бакунина, считал, что народники должны идти в народ лишь теоретически подготовленными и не для бунта, а для пропаганды. Многие воспринимали тактику Лаврова как более рациональную, чем бакунизм, но, с другой стороны, многих же она отталкивала своей умозрительностью, а именно тем, что в порядок дня ставилась самоподготовка революционеров, т. е. *подготовка подготовителей* революции. Между тем, народники (как правило, молодые, горячие) торопились уйти в народ, чтобы там, в толще народной, готовить саму революцию. Их не могло вполне удовлетворить даже учение Лаврова о «критически мыслящих личностях».

«Исторические письма» Лаврова, в которых изложено это учение, были в революционно-народнических кругах 70-х годов исключительно популярными, как «революционное евангелие», настольная и даже «подизголовная» книга[92]. Эта их популярность объяснялась прежде всего тем, как Лавров теоретически обосновал практическое стремление разночинной молодежи отдать народу свой «неоплатный долг» перед ним. Меньший успех имела идея Лаврова о «критически мыслящих личностях» как «двигателях» истории.

Критики Лаврова, начиная с его и кончая нашими современниками, представляли его идею так, что, мол, «критически мыслящая личность» — это все, архитектор, демиург исторического прогресса, а народные массы — ничто, или, точнее, нечто «вроде огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их снисходительно становится добрая «критически мыслящая единица»[93]. На самом же

---

[89] Подробно см.: *Вахрушев И. С.* Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 гг. Саратов, 1980. Гл. 1. § 1.

[90] РН. Т. 1. С. 33

[91] Вперед! 1873. Т. 1 С. 244–245

[92] См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1940. Сб. 8. Ч. 1 С. 116; *Русанов Н. С.* Социалисты Запада и России. СПб., 1909. С. 227; *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 122.

[93] *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1940. С. 79.

деле Лавров доказывал, что «критически мыслящие личности» «суть лишь *возможные* деятели прогресса. *Действительными* деятелями его они становятся лишь тогда, когда *сумеют* вести борьбу, сумеют сделаться из ничтожных единиц коллективною *силою*»[94]. Тем самым Лавров ориентировал «критически мыслящих личностей» на создание революционной партии, которая могла бы соединиться с народом, сплотить его и повести за собой. Лавров, как и Бакунин, держался принципа: «все для народа и посредством народа». В то же время его идея о «критически мыслящих личностях» развязывала и стимулировала инициативу революционной интеллигенции. Сама по себе эта идея импонировала молодым радикалам. Не нравилось им лишь скучное бремя теоретической самоподготовки: «люди, — вспоминал М. Ф. Фроленко, — рвались к делу, спрашивали, каким путем поднять народ, а Петр Лаврович советовал им, кончив один факультет, переходить на другой, третий»[95].

Вторым, по мнению большинства народников, недостатком лавризма бала абстрактность его программы. Лавров считал, что «революций искусственно вызвать нельзя»[96]. Следуя этому принципу и собственному анализу положения дел в России, он полагал, что еще не пришло время для выработки конкретных программ революционного переворота, а самый переворот отодвигал в неопределенно далекое будущее, «когда течение исторических событий укажет само минуту переворота»[97]. Такая неопределенность мысли, усугубленная тяжеловесностью изложения («как будто слон старается протанцевать перед вами на канате»[98]), шокировала молодых радикалов. Они прозвали Лаврова «кунктатором» (медлителем) и сочинили о нем эпиграмму:

Экс-профессор, экс-полковник,
Революции оплот,
Он засел верхом на рака
И кричит: «Вперед! Вперед!»[99]

Принципиально разойдясь с Бакуниным по коренному вопросу тактики (бунт или пропаганда?), Лавров недалеко ушел от него в отношении к анархизму. Он не стал столь последовательным анархистом, как Бакунин. На страницах «Вперед!» и в специальной работе «Государственный элемент в будущем обществе» (1876 г.) Лавров допускал возможность «целого ряда посредствующих форм» государственности между разрушением самодержав-

---

[94] *Лавров П. А.* Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С. 131.

[95] *Фроленко М. Ф.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1932. Т. 1. С. 176. Здесь надо учесть, что «между лавристами встречались люди, стремившиеся быть plus royalistes, que le roi meme (большими роялистами, чем сам король. — *Н. Т.*) Они доводили учение Лаврова до абсурда, требуя от каждого интеллигента изучения всех наук по классификации их в иерархическом порядке, сделанный Огюстом Контом, что сводилось в сущности к прохождению почти всех факультетов университета» (*Ковалик С. Ф.* Указ. соч. С. 58).

[96] РН. Т. 1. С. 31.

[97] РН. Т. 1. С. 29.

[98] Литературное наследство Г. В. Плеханова. Сб. 8. Ч. 1. С. 114.

[99] *Фроленко М. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 293–294

ного государства и торжеством анархистского «идеала будущего свободного общежития»[100]. Однако, высказав эту мысль, Лавров не развивал ее, возможно потому, что не считал ее важной. Что касается специфически народнического аполитизма, то он был присущ лавризму в той же мере, как и бакунизму. Таким образом, направление Лаврова было *пропагандистским*, *полуанархистским*, народнически *аполитичным*.

Лавров больше, чем Бакунин, ценил «нравственный фактор» освободительного движения. Явно в противовес моральному нигилизму нечаевщины он призывал народников заботиться о «нравственной чистоте социалистической борьбы»[101], внушал им, что «средством для распространения истины не может быть ложь»[102]. Вот главный нравственный завет Лаврова всем вообще политикам, — завет, сегодня, в начале XXI века, столь же злободневный, как и в XIX веке: «Тот, кто желает блага народу, должен стремиться не к тому, чтобы стать властию при пособии удачной революции и вести за собой народ к цели, ясной лишь для предводителей, но к тому, чтобы вызвать в народе сознательную постановку целей, сознательное стремление к этим целям и сделаться не более как исполнителем этих общественных стремлений, когда настанет минута общественного переворота»[103].

2.5. Русский бланкизм

Наименее распространенным из трех самых распространенных в народничестве 70-х годов тактических направлений был русский бланкизм. Идеологом этого направления стал Ткачев, но называется оно бланкистским отчасти, может быть, потому, что название «ткачевизм» неблагозвучно[104], а главным образом потому, что еще до Ткачева во Франции аналогичную тактику пропагандировал знаменитый Луи Огюст Бланки. Кстати, по аналогии с французскими якобинцами конца XVIII в. направление Ткачева называют еще (не вполне точно) якобинским[105].

Петр Никитич Ткачев (1844—1886 гг.), в отличие от Бакунина и Лаврова, вырос в семье бедного, мелкопоместного дворянина, к тому же рано осиротел и вел жизнь, характерную для его сверстников-разночинцев, — в трудах и заботах о хлебе насущном. Окончив в 1868 г. экстерном юридический факультет Петербургского университета, Ткачев один год прослужил в адвокатуре (помощником знаменитого присяжного поверенного В. И. Та-

---

[100] РН. Т. 1. С. 25.

[101] Вперед! 1875. № 13. С. 397.

[102] РН. Т. 1. С. 23.

[103] РН. Т. 1. С. 29

[104] Впрочем, иногда авторитетные специалисты от М. Н. Покровского до Е. Л. Рудницкой применяют термин «ткачевизм» (*Рудницкая Е. Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. С. 7, 208, 210).

[105] *Рудницкая Е. Л.* Указ. соч. С. 210.

неева), но втянулся в революционное движение и оставил перспективную карьеру юриста. Со студенческих лет он участвовал в антиправительственных акциях, сотрудничал с С. Г. Нечаевым. Пережив 5 арестов, 2 судебного процесса, 6 лет тюрьмы и 2 года ссылки, он в 1873 г. бежал за границу и там с осени 1875 г. начал издавать журнал «Набат», который стал своего рода центральным органом бланкизма.

Ткачев никогда не имел такого множества и разнообразия личных связей, как у Бакунина и Лаврова. Трудные условия, в которых он рос, сказались на экстремизме его убеждений и на отчужденности его характера, притом что он был личностью, не менее одаренной, чем Лавров и Бакунин. По мнению его новейшего биографа, Ткачев парадоксально «сочетал застенчивость, деликатность, веселый нрав, широту суждений и агрессивность, нетерпимость, замкнутость»[106].

Идейное влияние Ткачева на русских революционеров не было синхронным влиянию Бакунина и Лаврова. В 1873 и, особенно, в 1874 г., который стал годом массового «хождения в народ», бакунисты и лавристы доминировали среди народников, а бланкисты были едва заметны. Правда, как тактическое направление русский бланкизм обозначился еще в нашумевшей прокламации П. Г. Заичневского «Молодая Россия» 1862 г., но к середине 70-х годов, казалось, уже совершенно изжил себя и считался атавизмом. «Они ихтиозавры и плезиозавры давнишнего геологического периода, каким-то чудом сохранившиеся до нашего времени и для всех серьезных революционеров имеющие лишь значение курьезов», — иронизировал над русскими бланкистами Д. А. Клеменц в 1875 г.[107]. Но именно с 1875 г. начал выходить «Набат», а вокруг него оформляться и сплачиваться — бланкистское направление, авторитет которого в следующие годы очень возрос.

Тактическая программа Ткачева изложена в его брошюре «Задачи революционной пропаганды в России» (апрель 1874 г.) и в ряде его же статей на страницах «Набата» 1875–1879 г. В отличие от бакунизма и лавризма ткачевизм не был анархистским течением. Ткачев и его последователи считали, что русские революционеры должны захватить власть и создать «революционное государство», которое смогло бы разрушить старый и устроить новый общественный порядок[108]. Анархию Ткачев признавал лишь как отдаленнейший «идеал», для достижения которого мало революционных преобразований всего и вся, надо еще «изменить самую природу человека, перевоспитать его» (3.223–224). На первом этапе революции — от захвата власти до уничтожения старой государственности — он предполагал осуществить, наряду с экономическими и социальными, политические преобразования, в ходе которых революционое государство «должно окружить себя органами народного представительства — Народной Думой и санкциониро-

---

[106] *Рудницкая Е. Л.* Указ. соч. С. 17

[107] Цит. по: *Дейч Л. Г.* Социалистическое движение начала 70-х годов в России. Ростов н/Д., 1925. С. 59–60.

[108] *Ткачев П. Н.* Избр. соч. на социально-полит. темы. М., 1932–1937. Т. 3. С. 225–227, 444 (далее ссылки на это издание с указанием тома и стр. см. в тексте).

вать их волей свою реформаторскую деятельность» (3.226–227). Отсюда видно, что Ткачев был свободен от специфически народнического аполитизма. В том, что он преодолел свойственный народничеству того времени анархизм и аполитизм, заключалось его преимущество перед Бакуниным и Лавровым.

В остальном, однако, Ткачев был не меньшим «вспышкопускателем», чем Бакунин, хотя и другого толка. Лавров не без оснований диагностировал «революционный зуд» у Ткачева[109]. Дело в том, что Ткачев считал, будто русское самодержавное государство — это искусственный и шаткий феномен, не имеющий «никаких корней» ни в экономической, ни в социальной сфере, а как бы «висящий в воздухе» (3.91, 92). С другой стороны, русский народ, хотя он и «коммунист по инстинкту, по традиции», «инстинктивный революционер» (3.91), настолько забит и темен, что «ни в настоящем, ни в будущем сам себе предоставленный не в силах осуществить социальную революцию» (3.268). Революция — это дело сплоченного в партию заговорщиков «революционного меньшинства». Только оно может и должно, причем «как можно скорее», — не утруждая себя тем, чтобы пропагандировать или бунтовать народ, — осуществить «насильственный переворот» в интересах народа, захватить власть и декретировать сверху, опираясь уже на волю народных масс, выгодные для них преобразования. «Если не единственным, то во всяком случае главным и наиболее целесообразным средством к насильственному перевороту» Ткачев объявил «государственный заговор» (3.98, 267, 268).

Лавристскую тактику *подготовки* к революции Ткачев отрицал безусловно: «подготовлять революцию — это совсем не дело революционера. Ее подготавливают эксплуататоры, капиталисты, помещики, попы, полиция, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п. Революционер не подготавливает, а *делает* революцию» (3.221). В противоположность Лаврову, отодвигавшему «минуту переворота» в неопределенно-далекое будущее, Ткачев горячо доказывал: «Революция в России настоятельно необходима и необходима именно в *настоящее время*; мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления. *Теперь* или очень нескоро, — быть может, *никогда*!» (3.70). «Мы не хотим ждать, пока распятый мученик «поймет и ясно осознает», *почему* неудобно висеть на кресте, *почему* колются тернии, *из чего* сделаны те гвозди, которыми пробиты его руки и ноги, и *почему* они причиняют ему такие страдания. Нет, мы хотим только *во что бы то ни стало* и как *можно скорее* свалить крест и снять с него страдальца» (3.82).

Таким образом, Ткачев отказался от основополагающего тезиса народнической доктрины, которого держались и лавристы, и бакунисты, столь различавшиеся между собой: «все для народа и посредством народа». Не удивительно, что большинство народников выступило против бланкистской (якобинской) ставки Ткачева на «революционное меньшинство». С. М. Кравчинский выразился даже так, что «в революции все жанры хо-

[109] *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-полит. темы. Т. 3. С. 345.

роши, кроме якобинского и самодержавного»[110]. В полемику между Ткачевым и Лавровым вмешался Ф. Энгельс. «Нам начинает казаться, — съязвил он по адресу Ткачева, — что не русское государство, а скорее сам г-н Ткачев висит в воздухе»[111] со своей тактикой. Вообще, споры между бакунистами, лавристами и ткачевцами были острыми (однажды некий лаврист «в страстном желании уничтожить анархию съел, в буквальном смысле слова, анархистский листок»[112]), но всегда велись в русле идей, не переходя «на личности». При этом бакунисты, например, помогли Ткачеву издать его брошюру, направленную против Лаврова[113], а против общего врага, каковым для них была власть, «люди все трех кличек» поднимались, «как один человек»[114].

Итак, направление Ткачева было заговорщическим и политическим. Оно грешило революционным авантюризмом, уходившим корнями «в святое нетерпение» (как выразился Герцен) «Молодой России» П. Г. Заичневского. Но ряд вполне трезвых идей Ткачева стал ценным вкладом в идеологию народничества. Таковы его идеи о необходимости сплоченной организации революционеров, о создании демократического государства, о значении политической борьбы и, наконец, о нравственном контроле за властью.

В сравнении с Лавровым и даже Бакуниным Ткачев как революционер был менее строг нравственно. «Нравственное правило, — считал он, — имеет характер относительный, и важность его определяется важностью того интереса, для охраны которого оно создано» (1.194). Ткачев не соглашался с Бакуниным и Лавровым в том. что власть портит людей: «честных и хороших людей, — возражал он, — власть еще никогда не портила», и называл для примера М. Робеспьера, Ж. Дантона, Д. Вашингтона (3.146). Тем не менее, он признал необходимым, чтобы «честные и хорошие» революционеры, придя к власти, оберегали ее «от захвата разными интриганами и политическими честолюбцами» (3.382).

В зарубежной историографии народничества (от русских эмигрантов Н. А. Бердяева и М. М. Карповича до «коренных» американцев А. Уикса и Д. Харди) популярен тезис о преемственности и чуть ли не полном тождестве идей Ткачева и Ленина. У нас этот тезис *отчасти* поддержали в 20-е годы М. Н. Покровский[115], сегодня — Е. Л. Рудницкая. «Диктатура партии, — читаем у Е. Л. Рудницкой, — оттеснение народа как деятельной социальной и политической силы, насильственная ломка экономического строя народной жизни во имя абстрактной идеи, достижение высокой цели

---

[110] Цит. по: *Любатович О. С.* Далекое и недавнее. М., 1930. С. 57.

[111] *Маркс К.*, Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 540

[112] *Ковалик С. Ф.* Указ. соч. С. 58.

[113] Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала «Вперед!» П Н. Ткачева. [Лондон], 1874. 43 с.

[114] *Лавров П. Л.* Народники-пропагандисты 1873–1878 гг. Л., 1925. С. 166.

[115] *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. М.; Л., 1927. С. 50

любой ценой — все это шло вполне по Ткачеву»[116]. Эта мысль нуждается в двойной корректировке. С одной стороны, можно сказать, что «все это шло» и «по Макьявелли», «по Пестелю», «по Нечаеву», а с другой стороны, и это главное, здесь не учтено революционное творчество самого Ленина: разве идеи его книг «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции» изложены «вполне по Ткачеву»?

В заключение главы повторю, что бакунизм, лавризм и русский бланкизм (ткачевизм) были самыми распространенными в народничестве 70-х годов тактическими направлениями, но они не исчерпывали собой всего многообразия народнической тактики. Были среди народников того времени и большие бакунисты, чем сам Бакунин, и большие лавристы, чем сам Лавров, но были, как мы увидим далее, и отдельные деятели, группы и целые организации с оригинальными тактическими идеями, которые нельзя признать ни бакунистскими, ни лавристскими, ни бланкистскими.

[116] *Рудницкая Е. Л.* Указ. соч. С. 209.

Глава III

ПРЕДВЕСТИЕ

3. 1. Распростертая Россия

Все «великие реформы» 1860–1870-х годов фактически представляли собой уступки, продиктованные потребностями национального развития и вырванные у царизма волной демократического подъема, т. е. совокупными усилиями революционного, либерального и массового движения. Сила этой волны предопределила размеры уступок. Чем сильнее была бы волна, тем большими оказались бы уступки, и наоборот. Избежав революции, отделавшись в условиях революционной ситуации реформами, царизм сохранил свою прежнюю социальную базу в лице дворян и помещиков. Опираясь на эту базу, он старался придать реформам (коль уж нельзя было без них обойтись) сугубую умеренность, уступить новому как можно меньше, а сохранить из старого как можно больше. Собственно, крепостники в правительстве и при дворе считали, что затеянные реформы должны «лишь исправить кое-какие несовершенства теперешних законов», не более того, — так откровенничал весной 1862 г. министр юстиции В. Н. Панин[1]. Либеральные министры и сановники, вроде Д. А. Милютина, напротив, полагали необходимым изменить самые основы феодального законодательства. Даже консерватор П. А. Валуев в октябре 1863 г. предложил царю увенчать начатые реформы дарованием стране хотя бы самой умеренной конституции. По валуевскому проекту при Государственном совете образовалась бы своего рода «нижняя палата», а именно Съезд государственных гласных, на 4/5 *избранных* от земств и городов, а на 1/5 *назначенных* царем. Осуществление этого проекта превратило бы Государственный совет в подобие двухпалатного парламента[2].

---

[1] ГАРФ. Ф. 583. Д. 3. Л. 211

[2] Подробно об этом см.: *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. Л., 1978. С. 40–42.

В этой борьбе мнений Александр II, который избегал крайностей и, по выражению Валуева, держался «системы невозможных диагоналей», не захотел обратить цикл своих реформ в «революцию сверху». Он избрал средний путь *полуреформ*, с помощью которых можно было бы «откупиться от конституции»[3].

Полуреформы отвели угрозу революционного взрыва, но не удовлетворили «низы» и не доставили надлежащего успокоения «верхам». Положение царизма оставалось шатким. Сестра царя Мария Николаевна в октябре 1861 г. говорила Валуеву: «через год нас всех отсюда выгонят». Спустя полтора года сам Валуев записал в дневнике: «правительство — некоторым образом в осадном положении»[4], а 29 октября 1865 г. выразился еще энергичнее: «половина государства — в исключительном положении. Карательные меры преобладают»[5].

Действительно, реакционный курс самодержавия проявлялся не только в том, что заведомо ограничивалось прогрессивное содержание проводимых реформ. Стремясь упрочить свое положение, но и не желая углублять, радикализировать реформы, царизм все больше склонялся к застарелому способу — карательному террору. Он не только расправлялся с крестьянскими и рабочими «беспорядками», с постанцами Польши, Белоруссии, Литвы (входившими тогда в состав России) и с вожаками революционной демократии, засадив за решетку в 1861 г. П. Г. Заичневского, В. А. Обручева, М. И. Михайлова, а в 1862 г. — Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Н. А. Серно-Соловьевича. В то же время правительство занялось повсеместным «водворением порядка».

Пожалуй, главными жертвами этого «водворения» стали две сферы, каждая из которых всегда представляла собой для царизма предмет особого беспокойства и раздражения, — учащаяся (в первую очередь, студенческая) молодежь и пресса. Так, 31 мая 1861 г. были изданы «майские правила» для студентов России, запретившие все виды студенческих объединений и «сборищ» и учредившие над студентами повседневный, даже «всечасный» полицейский надзор[6]. 12 апреля 1862 г. т. н. «временные правила» запретили печатать какую-либо критику правительства, а 6 апреля 1865 г. появился и закон о печати (хотя он был назван тоже «временными правилами», просуществовал под таким названием до революции 1905 г.)[7]. По закону 1865 г. отменялась предварительная цензура для больших книг (в 10 печатных листов и более 20 листов для переводов), но только в столице, при сохранении ее для провинциальных и всех вообще *массовых* изданий. Главное же, все газеты и журналы были подставлены под дамоклов меч

---

[3] *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1 (1861–1864). М., 1961. С. 241.

[4] Там же. С. 119, 209.

[5] Там же. Т. 2 (1865–1876). С. 74–75.

[6] *Георгиевский А. И.* Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 4.

[7] См.: *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати (60–70-е годы XIX в.). Л., 1989. С. 65–67.

«предостережений» с приостановкой их до 8-ми месяцев после второго и закрытием навсегда после третьего предостережения. С тех пор началась та «эпидемия» предостережений, которую издатель Ф. Ф. Павленков назвал «цензурным тифом»[8].

Впрочем, правительственные репрессии 1861–1865 гг. еще чередовались с послаблениями. После *одиночного* (и в буквальном и в переносном смысле) выстрела Д. В. Каракозова в Александра II все послабления были отменены. Отныне царизм, в отмщение за выстрел революционера-одиночки всему народу, нагнетал реакцию неистово и безустанно. «Эпоха реформ, – справедливо рассудил А. А. Корнилов, – кончилась, прежде чем были осуществлены некоторые из задуманных преобразований, как городовое положение 1870 г. или реформа воинской повинности 1874 г. С апреля 1866 г. наступила упорная и длительная реакция, продержавшаяся с небольшими перерывами почти вплоть до 1905 г.»[9].

Дмитрий Владимирович Каракозов был выходцем из мелкопоместных дворян Сердобского уезда Саратовской губернии (ныне Пензенской области). Он учился в Саратовской гимназии, когда в ней преподавал Н. Г. Чернышевский, и в Пензенском дворянском институте, где преподавал тогда И. Н. Ульянов – отец В. И. Ленина, а затем в Казанском (с 1861 г.) и Московском (с 1864 г.) университетах. Осенью 1864 г. он примкнул к революционно-народнической «Организации», которую возглавлял его двоюродный брат Н. А. Ишутин. Каракозов, однако, не удовлетворился конспирациями ишутинцев. Он воспылал идеей самопожертвования и первым из русских революционеров пошел – сам по себе, без санкции ишутинцев – на цареубийство. Возненавидев царя за то, что он, полуосвободивший крестьян, начал топить в крови их стремление к полной воле, Каракозов решил: именно цареубийство всколыхнет Россию, притихшую после расправы с крестьянскими волнениями 1861–1863 гг. Среди бела дня 4 апреля 1866 г. у решетки Летнего сада в Петербурге он выстрелил из пистолета в Александра II, но промахнулся и был схвачен. На вопрос царя: «Почему ты стрелял в меня?» – Каракозов ответил: «Потому что ты обманул народ – обещал ему землю и не дал!»[10]

Вслед за арестом Каракозова вся ишутинская «Организация» была разгромлена. Царизм ответил на каракозовский выстрел невиданным даже в николаевской России шквалом репрессий, жертвами которых стали все слои русского общества. Искоренением крамолы занялась Чрезвычайная следственная комиссия. Ее возглавил первый инквизитор эпохи 70-летний граф Михаил Николаевич Муравьев.

Родной брат одного из первых декабристов, основателя Союза спасения Александра Муравьева и троюродный – повешенного Сергея Муравьева-Апостола, сам бывший декабрист, член Союза спасения и соавтор устава

---

[8] *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 43.

[9] *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 262.

[10] *Шилов А. А.* Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Пб., 1920. С. 11.

Союза благоденствия, Михаил Муравьев, отвергнув и прокляв собственное прошлое, любил говорить, что он «не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают». На вопрос, каких врагов он считает наименее опасными, он отвечал без околичностей: «Тех, которые повешены»[11]. За образцовое подавление польского восстания 1863 г. он и получил прозвище «Вешатель», оказавшееся настолько ему к лицу — по убеждениям, делам и даже внешне, что Герцен сказал о нем: «Такого художественного соответствия между зверем и его наружностью мы не видели ни в статуях Бонарроти, ни в бронзах Бенвенуто Челлини, ни в клетках зоологического сада»[12]. Всей своей жизнью этот исторический оборотень свидетельствовал в пользу народной мудрости, гласящей, что «нет худших чертей, чем падшие ангелы».

Инквизиция Муравьева прежде всего учинила расправу над «Организацией» ишутинцев, из которой вышел Каракозов. Муравьев клялся «скорее лечь костьми, чем оставить не открытым это зло»[13], не предполагая, конечно, что его клятва окажется пророческой. Арестованными из числа ишутинцев, прикосновенных к ним и заподозренных в прикосновенности заполнили тюрьмы обеих столиц (только за апрель в одном Петербурге были привлечены к следствию 1200 человек[14]). 36 из них предали суду. Каракозова повесили без церемоний. Кстати, его допрашивал перед казнью сам Муравьев, допрашивал и грозил: «Я тебя живого в землю закопаю!»[15] Но 31 августа 1866 г., не успев открыть все «зло», он скоропостижно умер, и его закопали на день раньше, чем Каракозова. «Задохнулся отвалившийся от груди России вампир», — облегченно сообщил об этом Герцен[16]. Над Ишутиным проделали церемонию повешения, но не повесили (продержали его на эшафоте в саване и с веревкой на шее 10 минут, а потом объявили о замене виселицы каторгой; палач, снимая с него веревку, ухмыльнулся: «Что, больше не будешь?»)[17] На каторгу, в сибирскую ссылку, за решетку в Петропавловскую крепость были упрятаны и десятки других «соумышленников» Каракозова. Вершилось, по словам Герцена, «уничтожение, гонение, срытие с лица земли, приравнивание к нулю Каракозовых»[18].

Покончив с «каракозовыми», реакция набросилась на тех, кто не имел к ним никакого отношения. В стране воцарился «белый» террор. Ради пущей его результативности царизм изощрил свою карательную политику: принял меры к законодательному оформлению репрессий, ужесточил систему карательных институтов и укрепил руководящий состав карателей.

Своеобразным profession de foi реакции надолго стал рескрипт Александра II председателю Комитета министров кн. П. П. Гагарину от 13 мая

---

[11] *Чуковский К. И.* Поэт и палач // *Чуковский К.* Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926. С. 12.

[12] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 18. С. 34.

[13] *Шилов А. А.* Указ. соч. С. 12–13.

[14] РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 6. Л. 68.

[15] *Половцов А. А.* Дневник. М., 1966. Т. 1. С. 445.

[16] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 19. С. 137.

[17] *Худяков И. А.* Опыт автобиографии. Женева, 1882. С. 171.

[18] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 19. С. 90.

1866 г., призвавший все власти «охранять русский народ от зародышей вредных лжеучений»[19], т. е. душить в зародыше оппозиционные, демократические идеи. Для этого царизм решил сильнее прежнего опереться на губернаторов. 22 июля 1866 г. Комитет министров принял особое «Положение» об усилении власти губернаторов. Им было дано право закрывать без объяснений любые собрания (обществ, артелей, клубов), если они покажутся — губернатору! — «вредными», не утверждать в должности любого чиновника, если он окажется — на взгляд губернатора! — недостаточно «благонадежным». Даже судьи, по закону 1864 г. независимые от администрации, теперь были подчинены губернаторам. Словом, идея рескрипта от 13 мая 1866 г. сводилась, по словам Герцена, к тому, чтобы «управлять круче, подтянуть поводья короче, теснить больше, давить крепче»[20].

Чтобы «управлять круче», царизм за два года, с апреля 1866 по апрель 1868 гг., заменил 29 из 53-х губернаторов более способными «теснить» и «давить», а главное, провел обдуманную перестановку фигур в правительственных «верхах». Уже 10 апреля 1866 г. новым шефом жандармов, а стало быть и главным инквизитором империи, вместо нерасторопного кн. В. А. Долгорукова, был назначен энергичный гр. Петр Андреевич Шувалов, который возглавлял при дворе альянс крайних реакционеров, крепостников.

Близкий сородич могущественных временщиков двух царствований (И. И. Шувалова при Елизавете Петровне и П. А. Зубова при Екатерине II), друг Александра II и «верховный наушник»[21] при нем, Шувалов стал фактически главой правительства. Самого царя он подчинил своей воле, эксплуатируя его страх перед «крамолой» после выстрелов Каракозова и Березовского[22]. Царские министры прямо свидетельствовали, что Шувалов «запугал государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство, и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало»[23]. Пользуясь этим, Шувалов прибрал к рукам почти всю внутреннюю политику, а ее сердцевиной сделал гонения на «крамолу» и вообще на всякое инакомыслие. Уже в 1867 г. Ф. И. Тютчев написал о нем:

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр по прозвищу ***четвертый,***
Аракчеев же ***второй***[24].

---

[19] ПСЗ. Собр. 2. Т. 46. Отд. 1. С. 547.

[20] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 19. С. 100.

[21] *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 5. С. 285.

[22] Польский эмигрант Антон Березовский, стрелявший в Александра II 6 июня 1867 г. в Париже, когда царь ехал в одной карете с Наполеоном III, так боялся попасть в Наполеона, что не попал и в Александра.

[23] *Милютин Д. А.* Дневник. М., 1947. Т. 1. С. 119; РГИА. Ф. 851. Оп.1. Д. 36. Л. 4–4 об. (отзыв А. В. Головнина).

[24] *Тютчев Ф. И.* Соч.: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 186. Как личность Шувалов был «грозен», но не жесток. Даже любвеобилен: любил власть и славу, лошадей и женщин, любил своих жандармов, хотя и знал им цену (с нежностью говорил о них: «мои скоты»).

Под стать Шувалову и, как правило, по его указаниям подбирались с 1866 г. все министры, так или иначе ответственные за борьбу с «крамолой». Министром внутренних дел, вместо слишком глубокомысленного П. А. Валуева, был назначен оборотливый, мудрено сочетавший в себе палача, холопа и сибарита, знаток разных искусств от амурного до сыскного, бывший управляющий III отделением Александр Егорович Тимашев. Пост министра юстиции в апреле 1867 г., вместо либерального Д. Н. Замятнина, занял более жесткий С. Н. Урусов, а еще через полгода — по-шуваловски «грозный», хотя и настолько тупой, что глупость его, по наблюдению сенатора А. А. Половцова, «ежедневно принимала поразительные размеры»[25], гр. Константин Иванович Пален, о котором «только и было известно, что он по министерству юстиции никогда не служил»[26], и который, тем не менее, с 1867 г. угнездился в министерском кресле на 11 лет. Министром просвещения, вместо истинно просвещенного А. В. Головнина, стал по совместительству обер-прокурор Синода гр. Дмитрий Андреевич Толстой — тоже весьма образованный, наделенный природным умом и силой характера, но патологически злобный, словно «вскормленный слюною бешеной собаки»[27], то и дело терявший в карательном рвении чувство реальности. Примыкал к этому альянсу и придворный флюгер Петр Александрович Валуев («Виляев», как прозвали его недруги), который умел быть одинаково полезным для царизма на высоких постах[28] до Шувалова, при Шувалове и после Шувалова. Все они, исключая Валуева, были «не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городового»[29], но для палаческого способа управления иной точки зрения и не требовалось. Шувалов ею довольствовался, царь ему верил, а министры, включая даже Валуева, следовали за Шуваловым, как оркестр за дирижером.

Встав «над Россией распростертой», Шувалов позаботился об укреплении карательного аппарата столицы. «Гуманный и деликатный»[30] генерал-губернатор Петербурга кн. А. А. Суворов (внук генералиссимуса) был уволен, и самая должность его, не подконтрольная шефу жандармов, упразднена. Петербургского обер-полицмейстера И. В. Анненкова («вялого и простодушного», как о нем говорили) заменил бывший генерал-полицмейстер Царства Польского Ф. Ф. Трепов, который «в своем произволе не стеснялся ничем»[31], а гражданским губернатором Петербурга, вместо Л. Н. Перовского (отца Софьи Перовской), был назначен орловский губернатор, тоже ничем не стеснявшийся генерал Н. В. Левашов.

---

[25] ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 8. Л. 106.

[26] Три века. М., 1913. Т. 6. С. 223.

[27] *Валуев П. А.* Дневник. Т. 2. С. 322 (отзыв о Д. А. Толстом барона М. А. Корфа).

[28] Министр внутренних дел 1861–1868 гг., министр государственных имуществ 1872–1879, председатель Особого совещания при царе 1878, председатель Комитета министров 1879–1881 гг.

[29] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3. С. 139.

[30] *Корнилов А. А.* Указ. соч. С. 269. А. А. Суворов терпеть не мог Муравьева-Вешателя, называл его «людоедом».

[31] Воспоминания Б. Н. Чичерина. Земство и Московская дума. М., 1934. С. 95.

Ставленники Шувалова заняли ключевые позиции даже в управлении экономикой: С. А. Грейг стал товарищем министра финансов (безликого М. Х. Рейтерна), В. А. Бобринский — министром путей сообщения. В общем, повсюду в правительстве на первый план вышли люди того типа, который в дневнике Валуева определен так: «государственные татары», «смесь Тохтамышей с герцогами Альба»[32]. «Страшно становится, — сокрушался Д. А. Милютин, — когда подумаешь, в чьих руках теперь власть и сила над судьбами целой России»[33].

Сам Шувалов и солидарные с ним «государственные татары» пуще всего заботились о карательном назначении своей власти. III отделение императорской канцелярии как центр политического сыска и расправы с инакомыслящими обрело при Шувалове невиданную ранее силу. Штат его чиновников был невелик: в 1871 г. — 38 человек, в 1878 — 52, в 1880 г. — 72. Но нельзя забывать, что ему подчинялась широко разветвленная агентура из осведомителей, шпионов, провокаторов и, главное, нагонявший страх на всю империю корпус жандармов, который в апреле 1866 г. насчитывал 7076 человек[34]. Царизм не скупился на расходы для своего любимого ведомства. По подсчетам И. В. Оржеховского, в 1866 г. III отделению были ассигнованы 250 тыс. руб., в 1867 г. — 320 тыс., а с 1869 до 1876 гг. эти ассигнования держались на уровне 400—500 тыс. руб. Что же касается корпуса жандармов, то он ежегодно поглощал 1,5 млн. руб.[35]

С 1866 г., по мнению осведомленных и наблюдательных современников, «тайная полиция начинает самодержавно царить над Россией»[36], норовя «обшуваловить»[37] страну. Обычными стали повальные обыски и аресты всех заподозренных (например, в том, что некто сказал что-то кому-то много лет назад). Шувалов, должно быть, знал сказанные Герценом в обращении к Александру II 31 мая 1866 г. о тех, кто уверял царя, будто Каракозов «был орудием огромного заговора»: «то, что они называют заговором, — это возбужденная мысль России, это развязанный язык ее, это умственное движение»[38]. Словно в благодарность за эту «наводку» шуваловские каратели принялись душить именно «умственное движение». Любое свободное слово, любая живая мысль преследовались. Были закрыты лучшие отечественные журналы — «Современник» и «Русское слово», вину которых цензурное ведомство определило так: «Да ведь это на бумаге напечатанные Каракозо-

---

[32] *Валуев П. А.* Дневник Т. 2. С. 155: *Его же.* Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919. С. 61.

[33] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 1. С. 116.

[34] *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 150.

[35] Там же. С. 111, 150. О реальном значении этих сумм можно судить по тому, что россиянин мог тогда пообедать в трактире за 20 коп.

[36] [*Венюков М. И.*] Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора (1855—1878). Прага, 1880. Т. 4. С. 22.

[37] *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. М., 1992. С. 289.

[38] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 19. С. 81.

вы своего рода, и их любит публика»[39]. Впрочем, всю вообще печать тогда, по признанию П. А. Валуева, «кроили, как вицмундир»[40].

Изобретательность реакции в борьбе против крамольного «нигилизма» не знала границ. Высочайше запрещено было носить мужчинам длинные волосы, а женщинам — короткие; нарушение этого запрета влекло на первый случай подписку в том, что виновные впредь «сих отличительных признаков нигилизма носить не будут», а в повторном случае — арест и ссылку[41]. Особо притеснялось студенчество как главный рассадник «крамолы». 26 мая 1867 г. Д. А. Толстой ввел в действие новые (опять «майские»!) «Правила», которые обязывали университетское начальство, наипаче всего, надзирать совместно с жандармскими властями за «политической благонадежностью» студентов. К университетскому начальству тоже были приставлены шуваловские соглядатаи. «Обвинялся всякий, — писал о том времени Щедрин. — Вся табель о рангах была заподозрена. Как бы ни тщился человек быть «благонамеренным», не было убежища, в котором бы не настигала его «благонамеренность», еще более «благонамеренная»[42]. То была вакханалия реакции, ее победное гульбище.

3.2. Нечаевщина

С 1866 по 1868 гг. освободительное движение в России переживало глубокий спад, но не было подавлено. «Оно только въелось глубже и дальше пустило корни», — писал о нем Герцен[43]. Передовая общественность и в то время («глухое, томительное и безжизненное», как воспринимали его П. Л. Лавров и А. Е. Пресняков[44]) находила возможность «вполоткрыто» пропагандировать демократические идеи, сделав своими рупорами лучшие отечественные журналы — «Дело», выходившее с конца 1866 г. во главе с бывшим редактором только что закрытого «Русского слова» Г. Е. Благосветловым, и, в особенности, «Отечественные записки», которые с конца 1867 г. возглавили Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин[45]. Больше

---

[39] Цит. по: *Оржеховский И. В.* Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878). Горький, 1973. С. 30.

[40] *Валуев П. А.* Дневник. Т. 2. С. 127. Вицмундир — форменная одежда чиновника.

[41] *Гуревич П. М.* К характеристике реакции 60-х годов // О минувшем. СПб., 1909. С. 109.

[42] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 10. С. 93.

[43] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 19. С. 128.

[44] *Лавров П. Л.* Парижская Коммуна. М., 1922. С. 261; *Пресняков А. Е.* Русское народничество// Московский еженедельник. 1906. № 27. С. 40.

[45] «Влияние их было огромно», — вспоминал об «Отечественных записках» О. В. Аптекман. — Целое поколение, поколение 70-х годов, энергичное и боевое, считало «Отечественные записки» почти что своим органом» (*Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924. С. 34).

того, уже в 1867–1868 гг. создавались в России нелегальные организации революционеров.

Так, с 1867 г. в Петербурге параллельно действовали два кружка революционной молодежи: радикальная «Сморгонская академия» во главе с будущим вождем русского бланкизма П. Н. Ткачевым и умеренно-просветительное «Рублевое общество» Г. А. Лопатина и Ф. В. Волховского. После того как в феврале 1868 г. «Рублевое общество» было разгромлено, Волховский отсидел 6 месяцев в тюрьме и с осени того же года начал группировать новый кружок в Москве. Все эти кружки, естественно, обдумывали пути и средства освободительной борьбы. Их участники в большинстве своем не желали следовать примеру Каракозова, выстрел которого осудили тогда и Герцен и даже Бакунин[46]. Но царизм продолжал терроризировать всех «неблагонадежных». В результате, как это часто бывает в истории, крайности реакции вызвали противоположную крайность. Придавленное и униженное русское общество после двух лет терпения взорвалось экстремистской акцией протеста, которая получила скандальную известность во всем мире как *нечаевщина*.

В 1868 г. Н. А. Некрасов восклицал:

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу народного горя
Всю расплещи!...[47]

Призыв поэта оказался как нельзя более кстати. Именно с осени 1868 г. начался в России новый революционный подъем, который и занял собой все следующее десятилетие.

Началом его стали студенческие волнения 1868–1869 учебного года. Они были порождены общим разгулом жандармских репрессий и спровоцированы обнародованием «Правил» 1867 г. по надзору за студентами. Во всех вузах Петербурга, а затем и Москвы забурлила волна самовольных сходок и митингов, на которых студенты открыто предъявляли властям свои требования: отменить жандармскую опеку над вузами, снять запрет со студенческих касс, кухмистерских, сходок. Это движение и попытался возглавить Сергей Геннадиевич Нечаев – одна из самых трагических и одиозных фигур в русском освободительном движении, экстремист, которого официальная церковь вскоре признала едва ли не самым отпетым безбожником в России и который, тем не менее, по иронии судьбы, был тогда учителем Закона Божьего в Сергиевском приходском училище Петербурга.

---

[46] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 19. С. 58; *Бакунин М. А.* Письма к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906. С. 291.

[47] *Некрасов Н. А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1979. Т. 2. С. 213

Этот малорослый, нервный, одержимый брюнет с резкими манерами и «с горящими глазами, взгляд которых мог выносить далеко не каждый»[48], сразу заявил о своих претензиях на роль революционного вождя. Простолюдин (его родители выкупились на волю из крепостных), рано осиротевший, испытавший всю безысходность доли бедняка, Нечаев сам был радикально настроен против существующего режима и чуток к таким же настроениям студенчества. Он и решил создать из студентов, настроенных ультрареволюционно, организацию под названием «Народная расправа» (или иначе, поскольку это название показалось ему мягким, «Общество топора»).

Тактические основы нечаевщины изложены в «Программе революционных действий», которую Нечаев составил с возможной (по предположению Б. П. Козьмина) помощью П. Н. Ткачева. Она представляла собой образчик программы *назначенного* восстания, «ноты, по которым должна быть разыграна революция»[49]. Считая вслед за Бакуниным, что русское крестьянство инстинктивно подготовлено к революции, Нечаев был убежден, что к 19 февраля 1870 г.[50] вспыхнут бунты, которые — при условии заблаговременного создания организации, способной объединить и возглавить их, — перерастут в победоносное общероссийское восстание. Отсюда Нечаев планировал до мая 1869 г. «создать возможно большее количество революционных типов» из студенчества обеих столиц и университетских городов, в мае перенести центр вербовки революционеров в губернские и уездные города, а с октября 1869 г. развернуть общими силами столичных и провинциальных неофитов пропаганду «в самой массе народа», чтобы к весне 1870 г. было все готово для массового восстания[51].

Зимой 1868–1869 гг. Нечаев приступил к осуществлению своей программы среди петербургского студенчества, но не имел успеха. Студенты в большинстве своем (среди них будущие «чайковцы» С. Л. Чудновский, Л. Б. Гольденберг и др.) за Нечаевым не пошли, склоняясь к тактике постепенного накопления сил. Тогда Нечаев в январе 1869 г. уехал в Москву и там попытался увлечь за собой местное студенчество, но встретил энергичное противодействие со стороны кружка еще одного будущего «чайковца» Ф. В. Волховского. Московские студенты почти все солидаризировались с Волховским и тоже отказали Нечаеву в поддержке.

Нечаев, обдумав причины своих неудач, рассудил, что недостает ему одного — революционного авторитета. Поэтому он задумал искусственно составить себе имя героя и мученика и придать своему имени легендарный

---

[48] *Кузнецов А. К.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энц. словарь Гранат. М., 1989. С. 126.

[49] *Козьмин Б. П.* П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922. С. 145.

[50] Т. е. к тому времени, когда истекал 9-летний срок, в продолжение которого крестьяне были обязаны удерживать в своем пользовании землю, отведенную им за крайне тяжелые повинности в пользу помещиков, после чего им предстоял выбор: либо возвратить землю помещикам, либо пользоваться ею и далее, но при сохранении тех же повинностей.

[51] Историко-революционная хрестоматия. М., 1923. Т. 1. С. 82–85.

ореол. Роль вождя он взял на себя легко, труднее было создать ореол, но Нечаев и с этим справился. Для начала он распустил слух о самом себе, будто ему удалось то, что никому из русских революционеров никогда не удавалось, — ни до, ни после Нечаева, а именно побег из Петропавловской крепости (прямо с допроса через уборную в генеральской шинели). Затем, в марте 1869 г., Нечаев с далеко идущими планами уехал за границу. В Женеве он явился к М. А. Бакунину, выдал себя за эмиссара мифического революционного комитета, якобы опирающегося на большие, почти готовые к восстанию силы, и убедив Бакунина в том, что эмиссару для пользы дела необходимы полномочия агента Интернационала, получил от него искомый мандат с соответствующим порядковым номером (2771) и печатью[52]. После этого Нечаев вернулся в Россию уже не только с претензиями вождя, но и с легендарным ореолом вокруг своей личности.

Мало того, за границей Нечаев изыскал и значительные средства для «Народной расправы» — изыскал по-нечаевски напористо и нечистоплотно. Дело в том, что еще в 1857 г. саратовский помещик П. А. Бахметев (ученик Н. Г. Чернышевского по саратовской гимназии, прототип Рахметова в романе «Что делать?»)[53] оставил у А. И. Герцена и Н. П. Огарева под их общую расписку 20 тыс. франков для революционной пропаганды. Герцен хранил этот «бахметевский фонд» с тех пор на крайний случай. Нечаев же, прослышав о фонде, решил, что его организация и есть этот «крайний случай». Он приехал к Герцену и затребовал «бахметевский фонд». Герцен сначала поддался было натиску Нечаева. Очевидец их встречи Н. И. Жуковский так рассказывал об этом Л. А. Тихомирову: «Нечаев рассудил, что на барина лучше всего подействовать демократической грубостью. Он явился в армяке, говорил по-мужицки, а больше всего сразил Герцена сморканием в его изящно убранных комнатах. Как приложит палец к ноздре, да шваркнет прямо на ковер, потом придавит другую ноздрю — да опять, на другую сторону... Так и ошалел Александр Иванович: народная сила идет в революцию, нельзя не поддержать!»[54].

Правда, Герцен вовремя спохватился, разглядел в Нечаеве авантюриста и денег не дал. Тогда Нечаев стал действовать с другого конца: он обольстил Огарева[55], выпросил у него одну, огаревскую половину фонда (10 тыс. франков) и заставил его просить у Герцена другую половину. Герцен все не давал, но в январе 1870 г. он умер, а его наследники не устояли перед Нечаевым и отдали ему оставшиеся 10 тыс. франков.

---

[52] Наиболее подробно о перипетиях нечаевщины см. в кн.: *Лурье Ф. М.* Созидатель разрушения. СПб., 1994.

[53] См. о нем.: *Рейсер С. А.* Особенный человек П. А. Бахметев //Русская литература. 1963. № 1; *Эйдельман Н. Я.* П. А. Бахметев: Одна из загадок русского революционного движения // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1965.

[54] Неизданные записки Л .А. Тихомирова // Красный архив. 1928. № 4. С. 146.

[55] Огарев посвятил Нечаеву стихотворение «Студент» (Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв. Л. , 1988. Т. 2. С. 133–134). Пародию на это стихотворение под названием «Светлая личность» см. в романе Достоевского «Бесы» (*Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1982. Т. 8. С. 339).

Наконец, уже располагая деньгами из «бахметевского фонда» и опираясь на поддержку Бакунина и Огарева, Нечаев сумел наладить в Женеве издание собственного архиреволюционного журнала «Народная расправа», а главное составил основополагающий документ нечаевщины, пресловутый «Катехизис революционера»[56]. «Катехизис» провозглашал задачей русских революционеров «наискорейшее и наивернейшее разрушение поганого строя» царской России (в № 1 «Народной расправы» было сказано еще энергичнее: «повсюдное всеразрушение») и даже физическое уничтожение значительной части современного «поганого общества». Во всяком случае, из шести категорий, на которые это общество «должно быть раздроблено», первая категория *«неотлагаемо»* осуждалась на смерть, а людям второй категории даровалось «только временно» жизнь «для того, чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта». Списки «осужденных на смерть» печатались в журнале «Народная расправа», причем туда попали не только царские сатрапы, вроде П. А. Шувалова и Ф. Ф. Трепова, и не только официозные идеологи, как М. П. Погодин и М. Н. Катков, но и умеренные либералы, вроде А. А. Краевского и А. Д. Градовского. Не зря Ф. Энгельс назвал Нечаева «форменным революционным людоедом»[57].

В составе революционной организации, по «Катехизису», предпочтительно должны были сплачиваться злобные отщепенцы, чуть ли не человеконенавистники («он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире <...> Все и вся должны быть ему равно ненавистны»), а наиболее желанен был «лихой разбойничий мир, этот истинный и единственный революционер в России». Народ рассматривался здесь, по выражению М. Н. Покровского, «как своего рода сырое тесто, из которого заговорщики лепят все, что им нужно»[58]. Впрочем, сам Нечаев называл народ «мясом для заговоров»[59].

«Катехизис» освобождал русского революционера от каких бы то ни было моральных ограничений: «нравственно для него все, что способствует торжеству революции; безнравственно и преступно все, что помешает ему», Отношения между самими революционерами иезуитски уродовались. Старший революционер должен был смотреть на младших соратников лишь «как на часть общего капитала, отданного в его распоряжение». Как гласят «Общие правила организации» (своеобразное добавление к «Катехизису»), требуется «полная откровенность от членов к организатору», тогда как организатор «для возбуждения энергии» новообращенных вправе «объяснять

---

[56] Текст его публиковался неоднократно. См., напр.: *Лурье Ф. М.* Указ. соч. С. 101–105. Атором «Катехизиса» до недавнего времени считался Бакунин, но, как явствует из переписки Бакунина с Нечаевым, впервые опубликованной в 1966 г. французским историком М. Конфино, сочинил «Катехизис» Нечаев, а Бакунин был даже шокирован им так, что назвал Нечаева «абреком», а его «Катехизис» – «катехизисом абреков» (см.: *Пирумова Н. М.* Бакунин или Нечаев? // Прометей. М., 1968. Т. 5).

[57] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 518.

[58] *Покровский М. Н.* Избр. произв.: В 4 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 449.

[59] *Лурье Ф. М.* Указ. соч. С. 230.

им сущность (любого дела — *Н. Т.*) в превратном виде», причем «устраняются всякие вопросы» к нему с их стороны[60].

Давно замечено, что нечаевский «Катехизис» «особенно охотно утилизировался черносотенной публицистикой, когда ей нужно было сделать из революционера страшилище. Недаром и опубликовал его в России впервые «Правительственный вестник»[61]. Сегодня он тоже утилизируется псевдодемократами, которые выдают его за визитную карточку всех вообще русских революционеров. «Катехизис» Нечаева, — пишет, например, Ф. М. Лурье, — важнейший, откровенный документ нечаевщины и последовавших за ней этапов российского освободительного движения»[62]. Между тем, общеизвестно, что «Катехизис» даже к т. н. «*начаевцам*», т. е. к людям, которых Нечаев жульнически вовлек в свою организацию, не имеет никакого отношения. Он характеризует только самого Нечаева, ибо Нечаев никому из нечаевцев его не читал[63]. Не читался же «Катехизис» потому (как это объяснил тогда же, на процессе нечаевцев В. Д. Спасович), что «если бы читался, то произвел бы самое гадкое впечатление»[64].

Итак, подкрепив свои вождистские претензии ореолом от Бакунина и деньгами от Герцена и Огарева, Нечаев к концу августа 1869 г. вернулся в Россию, чтобы сформировать уже разрекламированную им как реальность «Народную расправу». Главной базой своей вербовочной деятельности он выбрал Москву, но с той же целью наезжал неоднократно в Петербург, причем в Москве расхвалил зрелость и мощь петербургского филиала «Народной расправы», а в Петербурге — московского. Прилагал он к этому неимоверные усилия, пуская в ход ложь, шантаж, мистификацию, все ухищрения из своего «Катехизиса». Так, он собирал подписи желающих участвовать в политической демонстрации, а потом использовал подписной лист «чтобы держать опрометчивых молодых людей в кулаке, запугать их и заставить делать, что ему захочется»[65]. Структура рождавшейся в муках «Народной расправы» строилась на слепом, марионеточном послушании всех ее членов мифическому «Комитету», доверенным лицом которого на словах и единоличным олицетворением на деле был Нечаев. Чтобы поддержать реноме «Комитета» и свое собственное, Нечаев блефовал: то являлся к «нечаевцам» в офицерском мундире, «прямо со сходки» якобы завербованных офицеров, то приводил кого-нибудь из знакомых как «ревизора от Комитета» Он имел несколько псевдонимов, а настоящей его фамилии никто из «нечаевцев», кроме П. Г. Успенского, не знал[66].

---

[60] Государственные преступления в России в XIX в. Ростов н/Д., 1906. Т. 1. С. 182, 183.

[61] *Покровский М. Н.* Избр. произв. Кн. 2. С. 450

[62] *Лурье Ф. М.* Указ. соч. С. 101.

[63] Это признает и Ф. М. Лурье в его указ. соч. (С. 105–106). *Зашифрованный* текст «Катехизиса» был изъят при обыске у П. Г. Успенского, а ключ к нему — у А. К. Кузнецова. Расшифровали его чиновники Российского МИДа.

[64] *Спасович В. Д.* За много лет (1859–1871). СПб., 1872. С. 426.

[65] *Гольденберг Л. Б.* Воспоминания // Каторга и ссылка. 1924. № 3. С. 102.

[66] *Засулич В. И.* Нечаевское дело // Группа «Освобождение труда». М., 1924. Сб. 2. С. 48–50; *Кузнецов А. К.* Автобиография. С. 126.

Бесчинства реакции к тому времени ожесточили радикальную часть молодежи так, что она готова была, по словам С. М. Кравчинского, «броситься к первой бреши и даже щели, откуда блеснет луч света»[67]. Отдельные ее представители добровольно поддержали Нечаева. Колеблющихся Нечаев увлекал своей титанической энергией, потрясавшей, а то и буквально гипнотизировавшей юные головы. «Он из нас просто веревки вил!» — вспоминал А. К. Кузнецов о себе и подобных ему. Тем не менее, удалось Нечаеву завербовать в Москве лишь около 40 человек, а в Петербурге — до 20-ти[68]. Подавляющее большинство студенчества обеих столиц выступило против Нечаева. Возглавляли тогда антинечаевскую оппозицию М. А. Натансон, В. М. Александров, А. И. Сердюков, Н. В. Чайковский — все, будущие «чайковцы».

Таким образом вождь оказывался без армии. Когда же он *убил* первого рядового (студента Иванова Ивана Ивановича), отказавшегося повиноваться ему[69], то этим только повредил себе и своему делу. Убийство было раскрыто, а нечаевская организация, так и не успевшая оформиться, к весне 1870 г. разгромлена.

Сам Нечаев ускользнул от ареста и 15 декабря 1869 г. бежал за границу. Там он некоторое время пытался не без успеха мистифицировать Бакунина и Огарева, даже возобновил с их помощью издание герценовского «Колокола» (с 2 апреля по 9 мая 1870 г. вышли 6 номеров, рассчитанных на то, чтобы революционизировать либеральную оппозицию в России). Но когда за границей узнали об убийстве Иванова и других отметинах нечаевщины[70], вся русская революционная эмиграция отвернулась от Нечаева. «Прозрели», наконец, и Бакунин с Огаревым. «Ничего не скажешь, — написал Бакунин Огареву 2 августа 1870 г. — мы были глупцами, и если бы был жив Герцен, как он посмеялся бы над нами, и он был бы прав нас ругать!»[71].

После этого Нечаев, всеми отвергнутый, больше двух лет скитался по Европе, пока не был выслежен агентами III отделения и арестован (14 августа 1872 г.) швейцарской полицией. Швейцария выдала его России как *уголовного* преступника. Российский суд 8 января 1873 г. определил ему за убийство Иванова 20 лет каторги, но Александр II повелел заточить его *навсегда* в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, т. е. в глав-

---

[67] *Степняк-Кравчинский С. М.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 557.

[68] *Шишко Л. Э.* Общественное движение в 60-х и первой половине 70-х годов. М., 1920. С. 80. Версию А. К. Кузнецова о том, что Нечаев завербовал в «Народную волю» до 400 чел., никто не принимает всерьез. Власти, при всем их хватательном усердии, смогли притянуть к следствию 152 чел., а предать суду — 87, из которых не менее 30 чел. были участниками других организаций, случайными людьми и даже противниками нечаевщины, как, например, «чайковцы» Ф. В. Волховский и Л. И. Голиков. Подробно об этом см.: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976. С. 122, 129.

[69] Иванов был злодейски убит 21 ноября 1869 г. в гроте парка Земледельческой академии под Москвой. Убийцами, кроме самого Нечаева, были еще четверо «нечаевцев» (в том числе известный историк И. Г. Прыжов, которых Нечаев «скреплял кровью» совместного преступления.

[70] Решающую роль в этом сыграл Г. А. Лопатин. В мае 1870 г. он приехал в Женеву и там в присутствии Нечаева рассказал о нем все Бакунину.

[71] *Бакунин М. А.* Письма к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С. 402.

ную *политическую* тюрьму империи. То был первый в России (и не последний при Александре II) случай, когда монаршая прерогатива использовалась не для смягчения[72], а для отягчения наказания, вынесенного судом. Нечаев и в равелине не опустил рук: собственной кровью писал на стене заявления-протесты; шефу жандармов А. Л. Потапову, который пригрозил было ему телесным наказанием, дал пощечину; кончил же тем, что распропагандировал крепостную стражу. Лишь в последний момент, благодаря предательству нечаевского соузника Л. Ф. Мирского, власти помешали Нечаеву в самом деле осуществить то, что так и не удалось никому, — побег из Алексеевского равелина. В ноябре 1882 г. Нечаев был там загублен.

Феномен нечаевщины исследован капитально, но толкуется по-разному. Еще Н. К. Михайловский и В. Я. Богучарский доказывали, что нечаевщина — это «во всех отношениях монстр», исторический парадокс, не связанный ни с прошлым русского революционного движения, ни с его будущим[73]. Такой взгляд разделяли и некоторые советские историки: Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак, полагавшие, будто «нечаевщина и русское освободительное движение — явления не только глубоко различного, но и прямо противоположного (? — *Н. Т.*) порядка», и якобы «на народническое движение 70—80-х годов в России нечаевщина не оказала никакого влияния»[74], отчасти Б. С. Итенберг, Ш. М. Левин[75]. Другие исследователи (Б. П. Козьмин, Р. В. Филиппов) склонны были считать, что «нечаевское дело органически связано с революционным движением 60-х годов и теснейшим образом примыкает к революционному движению следующего десятилетия»[76].

Думается, вторая точка зрения ближе к истине. Еще в начале 60-х годов ишутинцы склонялись к принципу «цель оправдывает средства», замышляли террор и против «внешних врагов», и против собственных отступников. Это еще была «скорее платоническая нечаевщина»[77], но царизм своими репрессиями спровоцировал ее поворот от слов к делу. Молодые радикалы, вынужденные искать адекватные средства защиты от неистовств реакции 1866-1868 гг., ожесточились до крайности. В обстановке повсеместных гонений, о которых Щедрин писал: «Исчезнуть, провалиться сквозь землю, быть забытым — вот лучший удел, которого мог желать человек»[78], в такой обстановке призыв Нечаева к «повсюдному всеразрушению» увлек

---

[72] Даже Николай I смягчил приговор суда декабристам!

[73] *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 1. С. 851; *Богучарский В. Я.* Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 134.

[74] *Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Нечаевщина и ее современные буржуазные исследователи // История СССР. 1960. № 6. С. 176, 187

[75] *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965. С. 137—138; *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958. С. 270

[76] *Козьмин Б.П.* Предисловие к сб.: Нечаев и нечаевцы. М.; Л.; 1931. С. 3; *Филиппов Р. В.* Из истории революционно-демократического движения в России в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. Петрозаводск, 1962. С. 83.

[77] *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России (1783—1883 гг.). М., 1986. С. 213.

[78] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн.собр. соч. Т. 10. С. 93.

активные, но политически незрелые натуры (а именно они преобладали в студенческом движении 1868–1869 гг.). Иначе говоря, нечаевщина была крайностью революционного движения, обусловленной крайностями реакции. Г. А. Лопатин так и писал об этом П. Л. Лаврову в июле 1870 г.: «Крайности порождают противоположную крайность»[79].

Правда, здоровое начало быстро взяло верх в народническом движении над нечаевскими извращениями. Как только народники увидели авантюризм и безнравственность нечаевщины, они почти единодушно отвергли ее. Об этом свидетельствуют буквально все первоисточники[80]. Попытки современных публицистов доказать («с голоса» царских жандармов и западных советологов, вроде Ф. Помпера и М. Правдина), что «бесовщина» «сатаны» Нечаева есть «главнейшее свойство и атрибут» всех народнических организаций[81], вопиюще противоречат подлинным фактам и документам. Но это не значит, что на движение 70-х годов нечаевщина не оказала никакого влияния. С одной стороны, самый факт боевого, бескомпромиссного выступления Нечаева и «нечаевцев» против царизма[82] подтолкнул и ускорил нарастание нового революционного подъема. С другой стороны, на горьком примере нечаевщины народники убедились в том, сколь пагубны для дела революции личный произвол и пренебрежение к моральным нормам, и, отвергнув нечавщину, больше прежнего стали заботиться о нравственной чистоте революционного движения.

3.3. Шуваловщина

На вспышку нечаевщины царизм ответил разрастанием шуваловщины. П. А. Шувалов и К° подталкивали Александра II к судебной контрреформе, чтобы облегчить борьбу с «растущим злом» революционной пропаганды. Министр юстиции гр. К. И. Пален в декабрьском 1869 г. циркуляре прокурорам окружных судов требовал от них удвоенного рвения в этой борьбе, ссылаясь на то, что царь «высочайше повелел»: зло преследовать всеми средствами и уничтожить в самом его корне»[83]. Решить такую задачу в рам-

---

[79] Цит. по: *Антонов В. Ф.* Революционное народничество. М., 1965. С. 88.

[80] См., напр.: *Лавров П. Л.* Народники-пропагандисты 1873–1878 гг. Л., 1925. С. 31; *Фигнер В. Н.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 1. С. 91; *Антекман О. В.* Указ. соч. С. 59–60; *Тихомиров Л. А.* Воспоминания М.; Л., 1927. С. 46; *Дебогорий-Мокриевич В. К.* От бунтарства к терроризму М.; Л., 1930. Т. 1. С. 88; *Засулич В. И.* Воспоминания. М., 1931. С. 56–57; *Фроленко М. Ф.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1932. Т. 1. С. 168; *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. 2 изд. М., 1973. С. 101.

[81] *Лурье Ф. М.* Указ. соч. С. 106, 350, 351.

[82] Мужественное поведение Нечаева на суде и в тюрьме дало повод некоторым исследователям (П. Е.Щеголев, Р. М. Кантор, А. И. Гамбаров в СССР, Людвик Базылев в Польше) попытаться реабилитировать его как историческую личность. Такая реабилитация была бы неправомерной, ибо нечаевщина остается нечаевщиной, и ответственность за нее лежит на Нечаеве.

[83] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. 1871. Д. 2. Л. 1 об.

ках существующей законности Пален и стоявший за его спиной Шувалов сочли невозможным.

Дело в том, что по судебным уставам 1864 г. государственные преступления в России рассматривались в общем порядке уголовного судопроизводства — либо судебными палатами, либо (в исключительных случаях, по высочайшему повелению) Верховным уголовным судом. Дознание (т. е. первоначальное расследование с целью установить самый факт преступления) и предварительное следствие возлагались на членов судебных палат и специально назначенных следователей под присмотром лиц прокурорского надзора[84].

Такое положение не устраивало Шувалова, поскольку отстраняло жандармов от участия в первой, самой важной фазе раскрытия политических дел. 17 апреля 1870 г. «Петр IV» предложил министру юстиции совместно выработать новые «Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений». Сказано — сделано. 19 мая 1871 г. Александр II утвердил шуваловско-паленские «Правила», придав им силу закона. Отныне производство дознаний о политических делах вновь, как это было в крепостной России, передавалось жандармам, хотя формально и под наблюдением чинов прокуратуры[85].

Закон 19 мая 1871 г. стал ширмой для прикрытия жандармского беззакония, ибо, как писал о нем А. Ф. Кони, он обращал внимание «лишь на то, *что* открыто, а не *как* открыто», и «не приговор суда об основательности исследования, а мнение начальства о ловкости и усердии исследователей стали ставиться в оценку многих дознаний»; явился даже «особый род дознаний, производимых не о преступлении, а *на предмет отыскания признаков государственного преступления*, причем, конечно, рамки исследования могли расширяться до бесконечности»[86].

Такая, как выразился А. Ф. Кони, *прививка* жандармерии к юстиции позволила П. А. Шувалову впечатлять раскрытием заговоров не по недомыслию его «скотов», а по совокупности их усилий с трудами чинов судебного ведомства. Более того, чтобы придать жандармскому корпусу юридическую респектабельность, Шувалов выхлопотал у царя должность юрисконсульта при III отделении. «Да ведь это все равно, что сказать: «Протоиерей при доме терпимости!» — воскликнул по этому поводу известный криминалист А. Н. Яблонский (женатый на сестре И. И. Мечникова)[87]. В обществе о жандармских «юристах» слагались анекдоты, каламбуры, эпиграммы. Ходили по рукам в 70-е годы, например, такие стихи П. В. Шумахера:

У Цепного моста[88] видел я потеху:
Черт, держась за пузо, помирал со смеху.
«Батюшки! Нет мочи! — говорил лукавый. —

---

[84] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 2. С. 388–390, 394.

[85] ПСЗ. Собр. 2. Т. 46. Отд. 1. С. 591–594.

[86] *Кони А. Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 333, 334

[87] Там же. Т. 5. С. 281.

[88] Бывший пугалом для всего Петербурга «дом у Цепного моста» занимало III отделение.

В Третьем отделеньи изучают право.
Право на бесправье!... Этак скоро, братцы,
Мне за богомолье надо приниматься»[89].

Замаскировать жандармский произвол властям не удалось. Но чинить его никто им не возбранял. Жандармы намеренно попирали и законность, и процессуальный регламент, и элементарный такт. Впрочем, квалифицированно исследовать признаки и, тем более, мотивы государственных преступлений они, как правило, *не могли* — ни по разумению своему, ни по образованию. «Преследуется нечто неуловимое — направление ума, — писала об этом либеральная газета «Порядок», — а судьями и решителями подобных тонких психологических вопросов об образе мыслей являются низшие полицейские агенты, по образованию пригодные в деле наблюдения за чистотою улиц»[90], субъекты, о которых сам Шувалов не стеснялся говорить при людях: «мои скоты».

Закон 19 мая 1871 г. стал первым шагом судебной контрреформы, которая, таким образом, началась, когда уставы 1864 г. только получили ход и даже еще не были полностью проведены в жизнь. Усмотрев в них «излишек» ограничений карательного произвола, власти уже с 1871 г. «под предлогом ремонта предприняли их разрушение»[91].

Спустя три недели после обнародования закона 19 мая 1871 г. в Петрозаводске состоялся судебный процесс над четырьмя народниками (С. В. Зосимским, В. В. Рейнгардтом, Л. Б. Гольденбергом, В. П. Ружевским) по обвинению их в революционной пропаганде среди крестьян Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Олонецкая судебная палата вела его точно по уставам 1864 г. при открытых дверях. Это и был первый в России гласный политический процесс[92]. Он разгневал «верхи» неприлично гуманным приговором: все четверо обвиняемых за недостатком улик были оправданы. Прокурор опротестовал приговор суда, III отделение квалифицировало его как «неправильное, не сообразное с обстоятельствами дела, решение», и сам царь (вероятно, по наущению «Петра IV») «высочайше повелеть соизволил обратить на это дело особенное внимание» министра юстиции[93].

К вящему раздражению и министра, и шефа жандармов, и самого царя, приговор по следующему делу («нечаевцев») оказался, на взгляд «верхов», еще более несообразным. Раздражение было тем сильнее, что на дело «нечаевцев» «верхи» возлагали мажорные надежды. Обвинение («заговор с целью ниспровержения правительства во всем государстве и перемены образа правления в России»), хотя и дифференцированное между разными группами подсудимых (составление заговора, участие в нем, пособничество,

---

[89] Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв. Т. 2. С. 508
[90] Порядок. 1881. 2(14) февраля (передовая статья).
[91] *Кони А. Ф.* Собр. соч. Т. 5. С. 156.
[92] Материалы о нем в ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1870. Д. 124
[93] ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1870. Д. 124. Л. 116–116 об., 129.

недонесение)[94], придавало нечаевскому процессу большую политическую значимость. Это, в особенности, подчеркнули масштабы процесса. По числу обвиняемых (87 чел.) дело «нечаевцев» из всех 208 народнических процессов уступает только процессу «193-х» — вообще самому крупному политическому делу в царской России. За весь XIX век в России, кроме процесса «193-х», превзошел дело «нечаевцев» по масштабам лишь процесс декабристов.

Царизм устраивал столь крупный и громкий политический процесс с расчетом опорочить своих противников перед общественным мнениям. Процесс вела архинадежная Петербургская судебная палата. Владея такими козырями, как юридически доказанный факт убийства И. И. Иванова, одиозный текст «Катехизиса революционера», нечаевский (фальшивый) мандат члена Интернационала, власти надеялись обесславить русскую революцию. Их рупор М. Н. Катков зло пенял обществу: «Вы, господа, снимаете шляпу перед этою русской революцией. Но вот катехизис русского революционера. Послушаем, как русский революционер сам понимает себя. На высоте своего сознания он объявляет себя человеком без убеждений, без правил, без чести. Он должен быть готов на всякую мерзость, подлог, обман, грабеж, убийство и предательство <...> Жулики лучше и честнее вожаков нашего нигилизма <...> И вот этим-то людям прямо в руки отдаете вы нашу бедную учащуюся молодежь!»[95].

Больше того. Царизм рассчитывал скомпрометировать на «нечаевском» процессе и международное освободительное движение, в особенности Интернационал, именем которого прикрывался Нечаев. Ради этого официозная и даже либеральная (вроде петербургского «Голоса») пресса в дни суда над «нечаевцами» — с 1 июля по 11 сентября 1871 г. — перемежала материалы о нем с материалами о заседаниях Версальского военного суда над коммунарами Парижа, причем «Голос» прямо именовал «нечаевцев» «нашими коммуналистами и интернационалами»(?!), ибо, мол, «цель, которой они добивались», «средства» и «способы» их «совершенно те же», что и у Интернационала и «покойной Парижской коммуны»[96].

Подсудимые с помощью адвокатов[97] сорвали расчеты властей. В то время как суд пытался заострить общее внимание на убийстве И. И. Иванова и цинизме нечаевского «Катехизиса», «нечаевцы» выдвигали на первый план общенациональные проблемы, давая понять, что в России при существующих условиях революционная борьба неизбежна и неистребима. Они подчеркивали, что их толкает в революцию «любовь к народу» (П. М. Кошкин), что цель их борьбы — «улучшение народного благосостояния» (Д. А. Енкуватов), «возможное благосостояние всех и каждого» (В. И. Лунин), и что ради этого никто из них «никогда не задумался бы пожертвовать своей

---

[94] Государственные преступления... Т. 1. С. 182, 209, 220, 225.

[95] Московские ведомости. 1871. 25 июля (передовая статья).

[96] Голос. 1871. 4(16) июля. С. 1.

[97] Защищали «нечаевцев» В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, А. И. Урусов, К. К. Арсеньев, В. Н. Герард, В. И. Танеев, Е. И. Утин, А. М. Унковский и другие звезды российской адвокатуры.

жизнью» (П. Г. Успенский)[98]. С той же страстью они обличали жандармский произвол, усилия властей «задавить проблески мысли», неоправданные, наугад, репрессии, которые «только сильнее раздражают и сближают тех, против кого они направлены»[99]. «Почти все подсудимые, — обобщил в записке на имя П. А. Шувалова начальник секретной агентуры III отделения К. Ф. Филиппеус, — пользуются малейшим случаем, чтобы выразить свой взгляд на существующий порядок, на его ненормальность, на необходимость иного, лучшего устройства общества»[100].

Перепечатанные почти всеми русскими газетами судебные выступления «нечаевцев» сильно пошатнули тот взгляд на них (как на головорезов, для которых нет ничего святого), что вдалбливали в сознание общества власти и реакционная пресса. Что же касается дел и документов самого Нечаева, то в ходе процесса из объяснений подсудимых и адвокатов стала очевидной глубокая пропасть между Нечаевым и «нечаевцами». Выяснилось, что «нечаевцы» шли за Нечаевым единственно с целью посвятить себя делу освобождения народа, т. е. из «прекрасных, преблагородных» (как сказал на процессе В. Д. Спасович)[101] побуждений. О мистификации, иезуитстве, безнравственности нечаевщины они, как правило, даже не знали (в одном Нечаев их обманул, другое скрыл).

Суд принял во внимание и доводы защиты, и разъяснения подсудимых, учел, что Нечаев вербовал заговорщиков обманным путем и что заговор был раскрыт буквально в зародыше. Поэтому 42 подсудимых были оправданы. Управляющий министерством юстиции О. В. Эссен тут же уведомил министра К. И. Палена, что царь ему, Эссену, «изволил сказать: «Просто срам, как решено дело»[102]. От самого министра царь (по вероятной подсказке Шувалова) потребовал «принять меры для предупреждения повторения подобных, ни с чем не сообразных приговоров»[103]. Пален рассудил, что гарантировать «верхи» от таких приговоров может лишь специальное, на уровне высших органов власти, судилище по всем серьезным политическим делам (критерий серьезности дела усматривался в том, чтобы наказание, предусмотренное за него по закону, было сопряжено с лишением или ограничением гражданских прав). Такое судилище Пален предложил учредить в лице Особого присутствия Правительствующего Сената (ОППС). Проект Палена 7 июня 1872 г. был утвержден царем, получив силу закона[104].

Так был сделан второй и очень важный шаг в судебной контрреформе. Политические дела большей частью были изъяты из общего порядка судо-

---

[98] ГАРФ. Ф. ОППС. Оп. 1. Д. 490. Л. 130–130 об.; Д. 492. Л. 141;Д. 495. Л. 202 об.; Правительственный вестник. 1871. 4(16) июля. С. 2.

[99] ГАРФ. Ф. ОППС. Оп. 1. Д. 490. Л. 128; Д. 492. Л. 211; Правительственный вестник. 1871. 6 (18) июля. С. 4

[100] Нечаев и нечаевцы. М.; Л., 1931. С. 166–167.

[101] *Спасович В. Д.* Указ. соч. С. 431.

[102] РГИА. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 126 Л. 2 об.

[103] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. 1871. Д. 1. Л. 78.

[104] ПСЗ. Собр. 2. Т. 47. Отд. 1. С. 808–812.

производства. Только узкий круг дел, не чреватых лишением и ограничением прав, был оставлен в компетенции судебных палат. Все прочие дела, если не считать исключительных случаев, когда полагалось назначать Верховный уголовный суд, перешли в ведение ОППС. Здесь слушались 27 из 30 политических процессов 1874–1877 гг., в том числе самые крупные процессы эпохи – «50-ти» и «193-х». Здесь же в 1881 г. были осуждены на смертную казнь Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, в 1887 г. – Александр Ульянов, в 1905 г. – Иван Каляев.

Составляли ОППС первоприсутствующий и пять сенаторов, которых назначал ежегодно сам царь по своему усмотрению[105], разуемеется из числа наиболее одаренных карательными способностями, как, например, алчный и злобный П. А. Дейер, бесчувственный К. К. Петерс, палачески корректный Э. Я. Фукс, подхалим Б. Н. Хвостов, хамелеон Н. О. Тизенгаузен.

Под стать сенаторам были и сословные представители, которых присоединяли к ОППС как делегатов от общества в таком составе: один из губернских и один из уездных предводителей дворянства, городской голова одного из губернских городов Европейской России и один из волостных старшин Петербургской губернии. Все они тоже назначались на каждый год царем по спискам, которые с максимальной строгостью отбора готовили министр внутренних дел (по дворянским предводителям и городским головам) и петербургский губернатор (по волостным старшинам)[106]. Сословные представители были при судьях безгласными статистами, понятыми. Особенно жалкой среди остальных была роль волостного старшины: «она вовсе не дает ему возможности не только проводить какие-либо воззрения, но и просто пикнуть»[107].

Наряду с изменением подсудности и порядка судопроизводства царизм в годы диктатуры П. А. Шувалова пересматривал и лестницу наказаний за государственные преступления. Для этого с 1872 г. создавались комиссии Э. В. Фриша, Д. Н. Набокова и др. Они изучали карательный опыт европейских правительств, рассматривая иностранные уложения как своеобразный ориентир, по которому (но с обязательным превышением!) следовало определять наказания отечественным преступникам[108].

Росли количественно и укреплялись при Шувалове тюрьмы и «каторжные норы». Петропавловская крепость стала тесной для политических узников. Пришлось заводить в ней новую тюрьму. 19 июня 1870 г. начала строиться, а в 1872 г. открылась тюрьма Трубецкого бастиона, режим которой был настолько губителен, что С. М. Кравчинский, изучивший эту тюрьму по данным из писем узников, так определил ее место в Петропав-

---

[105] Учреждение Правительствующего Сената. СПб., 1886. Т. 1. Ч. 2. С. 5, 13.

[106] Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1883. Ст. 1061[4]

[107] *Куперник Л. А.* О судебном преобразовании. Одесса, 1894. С. 25.

[108] См.: «Извлечение из законоположений России и некоторых иностранных государств» в комиссии Фриша: РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 331. Здесь видно, что за «насильственное посягательство» на существующую форму правления в России полагалась смертная казнь, в Германии – заключение от 5 лет до пожизненного, в Англии – ссылка на 7 лет.

ловской крепости: «и в преисподней есть дно»[109]. Кроме Петропавловки, в Петербурге была еще одна политическая тюрьма — при III отделении. Государственные преступники заполняли и казематы Литовского замка, который считался уголовной тюрьмой. Но мест для них при Шувалове все не хватало. Начали строить и 1 августа 1875 г. открыли в Петербурге громадный, в 6 этажей, Дом предварительного заключения («задушения», как говорили его узники) — тоже большей частью для «политических». При Шувалове же впервые в России появилась специальная *каторжная* тюрьма для политических — в 1873 г. на р. Каре в Забайкалье.

Началом всех начал шуваловского режима оставался унаследованный от Николая I полицейский надзор — гласный и негласный. Современники считали его всеохватывающим, а официальные данные о нем — заниженными. Тем не менее, даже эти данные впечатляют: к 1 января 1875 г. — 15 829 поднадзорных, без учета Сибири, Кавказа и Закавказья[110]. По неофициальным же данным на 1874 г. число их, с учетом всей России, «простиралось до 35 000»[111]. Начальники губернских жандармских управлений каждый год получали из III отделения «алфавитные списки» всех лиц, состоящих под надзором полиции. «Эти списки — книги судеб современного русского поколения, — иронизировал М. И. Венюков. — <...> Кто в них не внесен, тот не имеет права на уважение честных людей»[112].

В своих попытках «обшуваловить» Россию царизм искал поддержки и у зарубежных правительств. С этой целью он за 10 лет (1867—1877) заключил 9 карательных конвенций с 8 державами, надеясь максимально стеснить право политического убежища для русских эмигрантов[113]. В тех случаях, когда иностранные правительства ссылались на принцип невыдачи политических преступников, царизм добивался выдачи своих врагов как преступников якобы уголовных. Именно так был вытребован у швейцарских властей С. Г. Нечаев.

Общее наступление реакции при Шувалове самый либеральный из министров Александра II Д. А. Милютин подытожил в дневниковой записи от 31 декабря 1873 г. так: «Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет тому назад! Тогда все стремилось вперед — теперь все тянет назад»[114]. В таких условиях создавались и множились по всей России, набирались сил кружки революционеров-народников.

---

[109] *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей. М., 1964. С. 156.

[110] См.: *Оржеховский И. В.* Указ. соч. С. 130—131.

[111] *Венюков М. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 28.

[112] Там же. С. 30.

[113] См. об этом: *Баум Я. Д.* Борьба царского правительства против права убежища // Каторга и ссылка. 1928. № 5.

[114] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 1. С. 120.

Глава IV

НАКОПЛЕНИЕ СИЛ

4.1. Феномен кружковщины

В первой половине 70-х годов для народнического движения были характерны две особенности, из которых одна разъединяла движение, а другая объединяла его, но в отрицательном смысле.

Особенностью, разъединявшей движение, была тактическая разноголосица. Бакунисты, лавристы, бланкисты, а также народники, пытавшиеся действовать независимо от рецептов Бакунина, Лаврова или Ткачева, тянули движение в разные стороны, тем самым ослабляя его. Объединяла же народническое движение тех лет (но — негативно) такая его особенность, как организационный анархизм.

Дело в том, что организационно движение народников первой половины 70-х годов строилось под впечатлением нечаевщины. Отвергнув (своим подавляющим большинством) макиавеллизм и авторитаризм С. Г. Нечаева, народники ударились в противоположную крайность: вместе с нечаевщиной они отвергли саму идею централизованной организации, которая так уродливо преломилась в нечаевщине. Деятели 1870—1875 гг., как правило, не признавали ни централизма, ни дисциплины. Они косо смотрели на любое проявление организаторской инициативы, считая это «генеральством», синдромом нечаевщины; анархически отрицали все и всякие авторитеты, поскольку, мол, власть вообще портит людей так, что если бы ею распоряжались ангелы, «у них довольно скоро выросли бы рога»; знать не хотели об уставах и вообще о какой-либо регламентации своих действий и стремились «к полной индивидуальной самостоятельности»[1].

---

[1] Ср.: *Дебогорий-Мокриевич В. К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Т. 1. С. 102; *Ковалик С. Ф.* Революционное движение 70-х годов и процесс «193-х». М., 1928. С. 19, 61; *Сажин М. П.* Воспоминания 1860—1880-х годов. М., 1925. С. 35.; *Кропоткин П. А.* Анархия и ее место в социалистической эволюции. М.,. 1917. С. 29.; *Тихомиров Л. А.* Несколь-

В результате, движение народников обрело и сохраняло до 1876 г. парадоксальный характер: возрастая количественно, развиваясь идейно и нравственно, оно дробилось, мельчало в организационном отношении. Вся первая половина 70-х годов в народническом движении — это время КРУЖКОВЩИНЫ. Народники после разгрома нечаевщины энергично занялись накоплением сил. Их кружки уже к 1874 г., т. е. к началу массового «хождения в народ», густой сетью покрыли всю европейскую Россию. До сих пор не подсчитано, хотя бы примерно, общее число этих кружков. Судя по тому, что на территории 51 губернии, охваченных «хождением» 1874 г., в каждом губернском и даже уездных городах[2] было по одному, чаще по два и более (в Одессе и Вятке — как минимум, по 4, в Орле — 5, в Харькове — 6, в Москве — до 10), а в Петербурге — почти 20 кружков[3], можно насчитать их больше 200.

Все они объединяли почти исключительно учащуюся молодежь. Самыми зрелыми и действенными из них были, естественно, студенческие кружки. Они создавались во всех 8-ми университетах империи и в большинстве институтов. Формы и одновременно прикрытия у них были разные: землячества, коммуны (т. е. общие студенческие квартиры), кассы, библиотеки, кухмистерские (столовые). «Тут сливалось все, — вспоминал о них Лев Тихомиров, — идея студенческого самоуправления, и идея ассоциации, а для крайних это было, наконец, средство пропаганды»[4].

Рост общественной активности студенчества в первой половине 70-х годов засвидетельствован жандармской статистикой: если в 1870 г. были привлечены к дознаниям по политическим делам 10 студентов, то в 1871 — 108, в 1872 — 248 и 1873 г. — 364[5].

Кроме студенческих кружков, и в вузовских городах, и там, где не было вузов, образовывались гимназические и семинаристские кружки. Они уступали студенческим в идейной и гражданской зрелости, но количественно в 1871—1875 гг. их было больше, чем студенческих кружков. Народническая пропаганда охватила тогда большинство гимназий (всего их в России к 1871 г. было 123), а из семинарий выделялись в этом отношении Архангельская, Вятская, Костромская, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Пензенская, Харьковская, Черниговская. Возникали народнические кружки в привилегированных учебных заведениях закрытого типа — например, в петербургском Морском училище 1871—1872 гг. (с участием будущих народовольцев

ко мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений / Каторга и ссылка. 1926, № 3. С. 115.

[2] Иваново-Вознесенск, Рыбинск, Козлов, Елец, Таганрог, Николаевск, Невьянск и др.

[3] Центральная группа Большого общества пропаганды (т. н. «чайковцев»), кружки С. Ф. Ковалика, Ф. Н. Лермонтова, И. И. Каблица, Л. С. Гинзбурга, В. С. Ивановского, П. С. Троицкого, О. В. Палицыной, И. Ф. Фесенко, И. Я. Чернышева, А. В. Низовкина, «артиллеристов», землячества «самарцев», «саратовцев», «оренбуржцев», «пермяков», «екатеринославцев», «полтавцев».

[4] *Тихомиров Л. А.* Воспоминания. М., Л., 1927. С. 47.

[5] См.: *Ткаченко П. С.* Учащаяся молодежь в революционном движении 60—70-х годов XIX в. М., 1978. С. 173

Н. Е. Суханова, Ф. Н. Юрковского, В. Н. Миклухо-Маклая)[6] и в ярославском Демидовском лицее. Вообще, среди участников народнических кружков того времени много было «кающихся дворян» из более чем благополучных семей: князь, прямой потомок в 30-м колене самого Рюрика П. А. Кропоткин, князья А. Л. Макаев, П. А. Микеладзе, А. К. Цицианов, К. Н. Чичуа, княжна О. А. Гурамова, дочь петербургского губернатора и праправнучка морганатического супруга императрицы Елизаветы Петровны генерал-фельдмаршала А. Г. Разумовского С. Л. Перовская, дальний родственник Петра Великого Н. А. Морозов[7], генеральские дети Н. А. Армфельд, В. Н. Батюшкова, А. С. Бутурлин, братья Л. К. и Н. К. Бух, Ф. О. Евецкий, С. Н. Кленовская, Г. Г. Кобиев, С. А. Ламони, С. А. Лешерн-фон-Герцфельд, О. Д. и П. Д. Мельниковы, М. П. Молоствов, Н. А. Назимова, С. М. Переяславцева, А. М. Поршняков, М. О. Пружанская, М. Н. Шрейдер, сын начальника Оренбургского ГЖУ С. С. Голоушев, племянница московского губернатора Е. П. Дурново.

Читатель видит в этом перечне много женщин. Ранее, до 60-х годов XIX в. женщины в русском революционном движении не участвовали. В лучшем случае, они были для революционеров утешительницами (как «декабристки»). Самая же революционная борьба считалась не женским делом. Лишь в 60-е годы русские женщины начали включаться в освободительное движение, но до конца десятилетия такие случаи были редки. Можно назвать лишь несколько имен женщин, которые тогда боролись или (главным-то образом) содействовали революционной борьбе в России Таковы имена Е. Л. Дмитриевой (Кушелевой), А. В. Корвин-Круковской, Е. Г. Бартеневой, О. С. Левашовой, Н. И. Утиной (Корсини), М. П. Михаэлис.

Не исключением из правила, а правилом участие женщин в русском освободительном движении стало со времени подготовки к массовому «хождению в народ», т. е. с начала 70-х годов. В Большом обществе пропаганды 1871–1874 гг. (т. н. «чайковцы») из 103 известных участников было 24 женщины (23,3% состава), в кружке «москвичей» 1875 г. — 17 из 50–55 чел. (больше 30%). Отныне русская женщина навсегда стала непременной и активной участницей всех революционных организаций и начинаний. «Хождение в народ» увлекло сотни женщин: 244 из них только за 1873–1876 гг. подверглись репрессиям[8]. В народнические кружки к началу «хождения» женщины шли целыми семьями: две сестры Любатович (Вера и Ольга), три сестры Засулич (Александра, Вера, Екатерина), три сестры Ивановских (Александра, Евдокия, Прасковья), три сестры Оловениковы (Елизавета, Мария, Наталья), три сестры Субботиных (Евгения, Мария,

---

[6] Об этом кружке см. в неопубликованных воспоминаниях М. Н. Миклухо-Маклая: РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–10. В. Н. и М. Н. — родные братья великого ученого-путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая.

[7] Прадед Н. А. Морозова П. Г. Щепочкин был женат на Е. А. Нарышкиной, род которой восходил к матери Петра Великого.

[8] См.: *Сидоров Н. И.* Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 29.

Надежда) и мать их Софья Александровна, три сестры Фигнер (Вера, Евгения, Лидия), четыре сестры Панютиных (Вера, Мария, Софья, Юлия).

Все кружки проявляли тогда жгучий интерес к событиям общественной и политической жизни не только в России, но и за ее пределами, рассматривая русское освободительное движение как часть мирового революционного процесса. В годы кружковщины (1871–1875) очень многие народники участвовали в деятельности I Интернационала и Парижской Коммуны, заводили и развивали интернациональные связи. Помимо особой Русской секции, членами Интернационала были также П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, А. А. Серно-Соловьевич, В. А. Зайцев, Н. А. Морозов, М. П. Сажин, В. М. Александров, Н. И. Жуковский, Н. А. Саблин, З. К. Ралли-Арборе, Л. Б. Гольденберг, М. К. Элпидин, Д. И. Рихтер, В. А. Озеров, Н. Е. Васильев, И. Г. Розанов, Н. А. Иванова (Бартенева), А. Г. Варзар (Рашевская). Г. Акимов, С. Барабач, И. Амчеславский, С. Барский и (по агентурным данным) С. И. Корабельников и Фейерштейн[9], а Г. А. Лопатин по рекомендации лидера французских социалистов О. Серрайе при поддержке К. Маркса 20 сентября 1870 г. стал членом Генерального совета[10], где был единственным россиянином. В делах Парижской Коммуны участвовали П. Л. Лавров, А. В. Корвин-Круковская, Е. Г. Бартенева; сражались за Коммуну на баррикадах Е. Л. Дмитриева, А. Т. Пустовойтова, М. П. Сажин, В. А. Потапенко, В. Б. Арендт, К. М. Турский, Н. А. Шевелев, Елецкий[11].

Интерес народников к социалистическому движению на Западе объясняет их тяготение лично к Марксу и, особенно, к его учению. Ряд русских социалистов (Лавров, Лопатин, Дмитриева, Н. И. Утин, В. И. Танеев, Н. Ф. Даниельсон) уже в начале 70-х годов вошел в круг друзей Маркса (а также Ф. Энгельса). С 1869 г. в России стали широко распространяться сочинения Маркса и Энгельса в русском переводе (Устав I Интернационала, «Манифест Коммунистической партии», «Гражданская война во Франции»), а в 1872 г. был издан начатый Лопатиным и законченный Даниельсоном перевод 1-го тома «Капитала». Однако народники, ценя разящую марксову критику капитализма, считали неприменимой к России ту генеральную идею Маркса, что именно капитализм создает материальные предпосылки для социалистической революции и сам порождает собственного могильщика в лице пролетариата. Самый интерес народников к «Капиталу»

---

[9] Часть их выявил Б. С. Итенберг по ББС (см.: Вопросы истории. 1962. № 10. С. 40). ББС удостоверяет членство в Интернационале и Серно-Соловьевича, Зайцева, Жуковского, Элпидина, Озерова, Розанова, Варзар, Барабача, Корабельникова, Фейерштейна, которых Итенберг не назвал. О членстве Гольденберга и Рихтера см. соответственно: *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. М., 1947. Т. 1. С. 440–442; История СССР. 1959. № 5. С. 200.

[10] Генеральный совет I Интернационала (1870–1871). Протоколы. М., 1965. С. 28, 30.

[11] См.: *Юров Ю.* Русские на баррикадах Парижа // Москва. 1971. № 3. Об участии в Коммуне Елецкого см.: Каторга и ссылка. 1924. № 5. С. 48; Турского – ББС, Т. 2. Вып. 4. С. 1767; Арендта – Бессмертная Коммуна. М., 1928. С. 34–35; Шевелева – ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 104. Л. 1–2.

(и к марксизму вообще) проистекал из их потребности уяснить как можно основательнее генезис, сущность и механизм капиталистического производства, чтобы не менее основательно противопоставить ему русский «особый уклад». Другими словами, народники пытались «по Марксу» <...> опровергнуть приложение к России теории Маркса»[12].

Интернациональные связи народников с начала 70-х годов развивались в разных направлениях. К середине десятилетия народники далеко раздвинули национальные границы русского освободительного движения, придав ему подчеркнуто общероссийский характер. Кроме собственно России и Украины, где действовала основная масса народнических кружков, народники создавали свои организации и шли «в народ» на землях Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Армении, Литвы, Латвии, Бессарабии. У народников национальных окраин России появились не только свои практики, но и теоретики народничества: Нико Николадзе и Антон Пурцеладзе в Грузии, Мирза Фатали Ахундов и Гасан-бек Зардаби в Азербайджане, Микаэл Налбандян в Армении[13]. Под влиянием ссыльных народников (Е. П Михаэлис, Н. И Долгополов, Н. Я. Коншин, А. А. Леонтьев) складывались в 70-е годы убеждения великого казахского просветителя Абая Кунанбаева[14].

В составе русских народнических кружков 70-х годов видную роль играли и украинцы (Ф. В. Волховский, Д. А. Лизогуб), и белорусы (С. Ф. Ковалик, И. И. Каблиц), и грузины (И. С. Джабадари, М. Н. Чекоидзе), и армяне (С. М. Кардашев, К. П. Мамиконян), и евреи (М. А. Натансон, А. И. Зунделевич), и молдаване (Н. П. Зубку-Кодряну, В. Е. Варзар). Все они были движимы интернациональным сознанием, которое сын поляка и грузинки Г. Ф. Зданович мотивировал так: «Новейшая постановка социального вопроса делит человечество не на национальности, а на притесняемых и притесняющих»[15].

Окреп наметившийся еще в 60-е годы (под лозунгом «За вашу и нашу свободу!») русско-польский революционный союз. Из биографических справок III отделения явствует, что к народническому движению 70-х годов в России были причастны свыше 1000 поляков[16]. Среди них были и крупные деятели «хождения в народ» (Л. А. Дмоховский, Г. Ф. Зданович, Е. К. Брешко-Брешковская, А. О. Лукашевич, Н. К и Е. К. Судзиловские). Громкими именами (Карл Иванайнен, Вильгельм Прейсман, Иоганн Пельконен,

---

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 162–163.Подробно см.: *Твардовская В. А., Итенберг Б. С.* Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? М., 1999.

[13] См.: *Швелидзе З. Л.* Очерки по истории революционно-народнического движения в Закавказье (60-е – начало 70-х гг. XIX в.). РДД. Тбилиси, 1965. Долгое время советские историки замалчивали народнические взгляды Ахундова, Зардаби и Налбандяна, дабы не бросить тень на их репутацию. Только после капитального исследования Швелидзе все трое предстали перед нами в своей истинной роли как основоположники революционного народничества в Закавказье.

[14] См.: *Бейсембиев К.* Мировоззрение Абая Кунанбаева. Алма-Ата, 1956. С. 36–37.

[15] РН. Т. 1. С. 359.

[16] См.: *Сыпко Т. Г.* Русское народничество и польское общественное движение 1865–1881 гг. М., 1969. С. 141.

Карл-Август Стольберг, Роман Зундштрем) представлены здесь и финны, тоже входившие тогда, как и поляки, в состав Российской империи.

В 1869 г. народники установили и далее развивали деловую связь с национально-освободительным движением в Болгарии, а именно с Центральным революционным комитетом, который возглавлял «болгарский Гарибальди» Васил Левский, с Христо Ботевым, Любеном Каравеловым, Захарием Стояновым и др.[17]. К 1872 г. наладились и русско-сербские революционные связи. Русские народники участвовали в конспирациях основоположника сербского социализма («сербского Герцена») Светозара Марковича, готовили в 1872 г. демократический переворот в Сербии, а в 1875 г. — освободительное антитурецкое восстание в Герцеговине (бывший студент Московского университета, примыкавший к «чайковцам», Георгий Филиппович стал верховным вождем восстания)[18]. Установились и крепли с начала 70-х годов также русско-чешские, русско-венгерские и, особенно, русско-румынские революционные связи[19]. В Румынии образовался один из центров русской революционной эмиграции, которая в 70-е годы вообще приобрела невиданные ранее масштабы и влияние. Только в Цюрихе к 1873 г. русская колония (включая тех, кто приехал учиться) насчитывала 300 человек[20]. Цюрих слыл тогда среди эмигрантов «второй Россией»...

Сами народники считали, что в начале революционного подъема, «пока люди не выказали себя на деле», система кружков «имела свое raison d' etre»[21]. В кружках била ключом политическая мысль, фильтруя различные взгляды, и ковались кадры профессиональных революционеров. В горниле этих кружков получали если не политическую, то, по крайней мере, гражданскую закалку будущие корифеи не только освободительного движения, но и литературы, науки, искусства: например, писатель-классик В. Г. Короленко, ученый-академик М. М. Ковалевский, великая актриса М. Н. Ермолова[22]. Кружковщина позволила народникам вооружиться идей-

---

[17] См.: *Поглубко К. А.* Очерки истории болгаро-российских революционных связей (60–70-е годы XIX в.). Кишинев, 1972. С. 143–146, 166.

[18] См.: *Карасев В. Г.* К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. // Учен. зап. ин-та славяноведения АН СССР. 1966. Т. 30.

[19] См.: *Фирсов Ф. И.* Революционные связи народов Чехословакии и Советского Союза / История СССР. 1958. № 6; *Дроздов П. И.* Вехи многовековой дружбы (К истории советско-венгерских связей). М., 1965. С. 277–284; *Спиваковский Е. И.* Румыно-русские революционные связи в новой румынской исторической литературе // История СССР 1957. № 2; *Виноградов В. Н.* Влияние народников России на румынское революционное движение 70-х годов XIX в // Новая и новейшая история. 1971. № 4.

[20] См.: *Киперман А. Я.* Русская эмигрантская колония в Цюрихе и ее связи с Россией в начале 70-х годов XIX в. // Учен. зап. Шуйского пед. ин-та. 1963. Вып. 10; *Meijer J.* Knowledge and revolution. The Russian in Zurich (1870–1873). Assen, 1955. Особо выделю обобщающий труд: *Гросул В. Я.* Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX в. М., 2001.

[21] Вопросы, разосланные перед съездом народников, и объяснительная записка с ним (1875 г.) // РН. Т. 1. С.402–403.

[22] См.: *Троицкий Н. А.* Эпизод из биографии М. Н. Ермоловой // Прометей. М., 1977, Т.11.

но, определиться тактически и накопить достаточно сил для «хождения в народ».

Мало того, в кружках 70-х годов народническая молодежь укреплялась (опять-таки в противовес нечаевщине) нравственно. Все кружки жили тогда страстными дискуссиями о судьбах России и путях ее преобразования, а в основе этих дискуссий «лежали вопросы нравственные»[23]. Народники дружно восстали против того, что П. Л. Лавров называл «овечьим подчинением кружков своим предводителям»[24], и почти все вооружились — отныне и навсегда — правилом, которое тот же Лавров формулировал (в № 1 журнала «Вперед!») так: «Есть необходимые условия борьбы, при которых приходится употреблять временно *противу врагов* и ложь, и принуждение, и захват орудий борьбы. Но без крайней и временной необходимости эти средства вредят самой цели, для которой их назначают. В кругу же единомышленников, товарищей, союзников по общему делу ложь есть преступление <...> Люди, утверждающие, что *цель оправдывает средства*, должны всегда сознавать ограничение своего права весьма простым трюизмом: *кроме тех средств, которые подрывают самую цель*»[25].

С другой стороны, кружковщина первой половины 70-х годов имела и много слабостей, которые вредили движению. Организационный анархизм мешал революционерам наладить четкую, слаженную работу и обеспечить должную конспирацию. Упиваясь «полной индивидуальной самостоятельностью», они теряли элементарно необходимый в нелегальных условиях инстинкт самосохранения. Именно отсюда проистекали образчики конспиративного простодушия, которыми отличались многие деятели «хождения в народ», попадая в руки полиции с длинными списками фамилий и адресов и прочей «канцелярией». Самый доступ в такие, организационно рыхлые кружки был открыт чуть ли не всем желающим: даже случайным лицам, временным попутчикам, просто любопытствующим, а то и провокаторам (Г. С. Трудницкий в кружке «сен-жебунистов», Ю. Н. Говоруха-Отрок в кружке С. Ф. Ковалика, Н. Е. Горинович в «Киевской коммуне»), которые при первом же удобном случае выдавали все и вся[26]. К тому же нравственная ущербность этих случайных людей давала повод властям изображать всех вообще революционеров моральными уродами. Например, «Киевскую коммуну», куда затесалась одна падшая женщина (Идалия Польгейм), жандармские и судебные власти клеймили как «вертеп разврата»[27].

---

[23] *Кропоткин П. А.* Справедливость и нравственность. М., 1921. С. 14. В. А. Малинин установил по данным царского сыска, что у народников при обысках нередко изымались тогда книги, статьи и выписки из работ по теории нравственности (см.: *Малинин В. А.* Философия революционного народничества. М., 1972. С. 156)

[24] *Лавров П. Л.* Избр. соч. на социально-политич. темы. М., 1934. Т. 3. С. 362.

[25] РН. Т. 1. С. 23

[26] Все сказанное касается, более или менее, почти всех кружков 1871—1875 гг., исключая кружки, которые объединялись в Большом обществе пропаганды и в организации «москвичей» (о них речь пойдет особо).

[27] Государственные преступления в России в XIX в. Ростов н/Д., 1906. Т. 3. С. 106—107; *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. Л., 1929. С. 93

Наконец, кружковщина мешала развитию идейных, деловых и прочих контактов между народниками, распыляла их возраставшие с каждым годом силы. «Каждый кружок, — констатировали сами народники, — действует так, как будто он только и есть единственный представитель социалистической деятельности; об остальных он не знает или знать не хочет <...> Дела кружка стали выше общего дела»[28]. Лишь в 1873 г., непосредственно перед началом массового «хождения», разрозненные кружки народников поспешно стали сговариваться друг с другом, обмениваясь при этом опытом, идеями, планами, средствами — от денежных пожертвований (которыми питали их состоятельные кружковцы или сочувствующие) до явочных квартир и «пунктов» пропаганды.

К тому времени несколько изменились задачи и самый характер деятельности кружков. В 1870—1872 гг. народники ориентировались главным образом на *культурно-просветительную* работу, на «развитие, расширение умственного горизонта» молодежи, чтобы подготовить «сознательные элементы для будущей широкой общественной деятельности — освободительной и революционной»[29]. Таков был, например, типичный для тех лет кружок самообразования в Харькове, который возглавляли выпускница местной гимназии Елизавета Николаевна Солнцева (незаконнорожденная дочь помещика-аристократа и его крепостной) и ассистент Харьковского университета Яков Игнатьевич Ковальский[30].

В большом «розовом доме» Солнцевой, который она унаследовала от отца, собирались гимназисты, семинаристы, студенты, учителя, врачи, работницы-модистки на занятия и за консультациями по всем областям знаний от грамматики до философии, включая историю социалистических учений. Именно в этом кружке выделился 20-летний студент-юрист, впоследствии крупнейший ученый-социолог академик М. М. Ковалевский. Он помогал кружковцам осваивать в оригиналах труды А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, «хотя сам не увлекался социализмом, был тем, что называлось тогда «радикалом», понятие в то время весьма растяжимое, но выражавшее недовольство, неприемлемость существующего политического строя, неприемлемость старых устоев вообще»[31]. Радикализм юного Ковалевского был подчеркнутым. Однажды он заподозрил кружковца Д. в шпионской связи с III отделением. Читая реферат об организации шпионажа во Франции при Наполеоне III, Ковалевский так уставился на Д., что довел того до истерики[32]. Кстати, из того же кружка вышли еще два выдающихся ученых — химик академик Д. П. Коновалов, автор всемирно известных «Законов Коно-

---

[28] РН. Т. 1. С. 402.

[29] *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924. С. 55.

[30] Будущий муж Е. Н. Солнцевой, которая, уже как Ковальская, станет видным деятелем революционного народничества 70-х годов.

[31] *Ковальская Е. Н.* По поводу письма В. Малютина // Каторга и ссылка. 1931. № 4. С. 139—140.

[32] *Ковальская Е. Н.* По поводу письма В. Малютина... С. 142.

валова», и юрист профессор, ректор Харьковского университета Н. О. Куплеваский[33].

Подобные же кружки самообразования возникали и действовали в 1870–1872 гг. почти повсеместно, но главным образом в Петербурге. Здесь самой авторитетной была центральная группа Большого общества пропаганды (т. н. «чайковцев»). Она еще до 1873 г. занялась, наряду с самообразованием, революционной пропагандой не только среди учащейся молодежи, но еще и в рабочей среде. В течение же 1873 г., по мере подготовки к массовому «хождению в народ», почти все кружки вслед за «чайковцами» выдвинули на первый план задачи освободительной борьбы с ярко выраженной революционной направленностью.

4.2. Кружки бакунистов, лавристов, бланкистов

Чаще, чем когда-либо раньше, народнические кружки создавались в последний год перед началом массового похода в деревню – особенно с осени 1873 г., когда стали широко распространяться по России № 1 журнала «Вперед!» с программой П. Л. Лаврова и книга М. А. Бакунина «Государственность и анархия». Все эти кружки сразу же пытались определиться: кто – за Бакунина, кто – за Лаврова, кто – сам за себя. По-бланкистски (т. е. в русле идей П. Н. Ткачева) пока ориентировались немногие, хотя и основательно. Кружки, возникшие ранее, до 1873 г., тоже озаботились выработкой тактических программ. В результате, сами народники увидели, что большая часть их предпочитает бакунистскую платформу, несколько меньшая, но тоже большая – лавристскую, и очевидное меньшинство, не принимая ни лавризма, ни бакунизма, тяготело к бланкизму, либо выбирало особые позиции, независимые от рекомендаций Бакунина, Лаврова, Ткачева.

Из кружков бакунистского направления первым по времени и самым крупным стал кружок долгушинцев. Его основатель и руководитель Александр Васильевич Долгушин – дворянин, сын губернского прокурора, вольнослушатель Петербургского технологического института, – ранее участвовал в конспирациях С. Г. Нечаева, был арестован, отсидел больше полутора лет в одиночке Петропавловской крепости, судился на знаменитом процессе нечаевцев, но был оправдан по недостатку улик. Кружок долгушинцев сложился в Петербурге осенью 1872 г. Его составили примерно 20 человек. Вторым по значению долгушинцем после самого Долгушина был Лев Адольфович Дмоховский – выпускник Технологического института (прокурор по делу долгушинцев назовет потом Долгушина «главой предприятия», а Дмоховского – «душой всего дела»[34]). Видную роль в кружке играли Вик-

[33] *См.: Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 52–56.

[34] Государственные преступления в России в XIX в. Т. 1. С. 305.

тор Тихоцкий, Николай Плотников, Иван Папин, Дмитрий Гамов, Лев Топорков. Кроме сравнительно обеспеченных Тихоцкого и Топоркова все долгушинцы (в основном, разночинцы и разорившиеся дворяне[35]) жили в нужде, перебиваясь случайными заработками, и по смыслу аксиомы К. Маркса «каков образ жизни людей, таков и образ их мыслей», были настроены радикально.

Четкой организации долгушинцы в духе того времени не имели. Их кружок был просто содружеством единомышленников, настолько свободным, что каждый мог присоединиться к нему или уйти из него, когда хотел. Ни устава, ни программы в кружке не было. Но по своему радикальному настроению долгушинцы предпочли бунтарскую, бакунистскую тактику. Они посмеивались над лавристами, называя их «кунктаторами», смеялись и над «книжниками-чайковцами» и «думали, что нужно начинать прямо с бунта»[36]. Поэтому с весны 1873 г. они начали готовиться идти в народ, чтобы призывать его к бунту. В ответ на вопрос «чайковца» Д. М. Рогачева: «А разве народ готов?» Долгушин убежденно заявил: «Готов, и, коли не верите, отправьтесь и походите среди народа!»[37].

Ранней весной 1873 г. долгушинцы переехали в Москву, полагая, что несколько в стороне от сыскных щупалец III отделения им будет легче подготовиться к «хождению в народ» и, прежде всего, устроить типографию. К тому времени среди них начался раскол. Менее радикальные кружковцы остались в Петербурге и отошли от кружка. В Москву приехали 10—12 долгушинцев, в том числе все их лидеры, кроме Топоркова. В мае 1873 г. под Москвой (в д. Сареево Звенигородского уезда) они устроили типографию и к середине августа напечатали в ней три своих прокламации. Одну из них («Как должно жить по закону природы и правды») написал по просьбе долгушинцев В. В. Берви-Флеровский, две другие («Русскому народу» и «К интеллигентным людям») — сам Долгушин. Все три прокламации совокупно отражают идейную платформу кружка с ее специфической особенностью.

Дело в том, что долгушинцы первыми среди народников 70-х годов занялись поисками новой религии, т. н. «религии равенства», которую можно было бы противопоставить официальной религии и царским иллюзиям крестьянских масс. В темных, невежественных массах иллюзии такого рода были тогда естественны и живучи. «Считали же бывало кита царем рыб, да и теперь еще некоторые считают, — писал об этом Н. А. Добролюбов, — а между тем он совсем даже и не рыба»[38]. Долгушинец Д. И. Гамов так разъяснял намерения своих товарищей по кружку: «На царя у нас смотрят, как на помазанника Божия, а потому идти против царя в России невозможно;

---

[35] В состав кружка входили также двое рабочих — Ананий Васильев и Кирилл Курдаев, что для народничества было новым явлением.

[36] *Тихомиров Л. А.* Воспоминания. С. 52.

[37] Цит по: *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. М., 1965. С. 164.

[38] *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.,Л., 1961. Т. 1. С. 107

для этого нужно выдумать такую религию, которая была бы против царя и правительства <...> Надо составить катехизис и молитвы в этом духе»[39].

До молитв дело не дошло, но своеобразный катехизис новой религии изложен в долгушинских прокламациях. Необходимость восстания обосновывалась здесь тем, что «по природе своей и по учению Иисуса Христа люди равны»; в России же «равноправности и в помине нет: дворяне освобождены от всех повинностей, а крестьяне отдуваются за все про все»; «всякий знает, что бедняков у нас миллионы, а людей состоятельных какие-нибудь тысячи только». Поскольку «в теперешних порядках нет справедливости» а власти «будут крепко за них держаться», «угнетенным людям» остается одно — восставать; «и праведно будет ваше восстание», ибо, только восстав, трудовой люд сможет добыть себе землю и волю и установить на Руси такой порядок, «чтобы управлял сам народ через своих выборных»[40]. Только в прокламации «Русскому народу» такие рассуждения подкрепляются более чем десятью ссылками на Евангелие с цитированием Христа.

В поисках «религии равенства» долгушинцы не были одиноки. До начала массового «хождения в народ» 1874 г. одновременно с долгушинцами пытались сочетать Евангелие с идеями П. Л. Лаврова некоторые участники петербургского кружка «артиллеристов» (Н. Н. Теплов, Д. А. Аитов), а к моменту разгрома «хождения» уже после гибели долгушинского кружка часть народников склонилась к новой религии *«богочеловечества»*. Основателем ее стал выпускник юридического факультета Московского университета А. К. Маликов, отбывший пятилетнюю ссылку на Севере за причастность к делу Д. В. Каракозова. Летом 1874 г. он неожиданно «открыл», что каждый человек есть Бог и, стало быть, все люди (господа и лакеи, богатеи и нищие, жандармы и революционеры) должны любить и почитать друг друга по-божески. Предназначение их состоит-де в том, чтобы выводить ближних с греховных путей на единственно непорочный путь непротивления злу; как только все уверуют в это, люди станут безгрешными агнцами, а мир, населенный ими, — раем[41].

Маликов привлек к себе ряд последователей, в числе которых оказался видный деятель Большого общества пропаганды Н. В. Чайковский[42]. Но громадное большинство народников не захотело «вскрывать «божественную сущность» в жандармах и биржевиках»[43]. Совратив лишь полтора-два десятка человек[44], Маликов и К° были извергнуты из народнического движения как чужеродное тело. Поэтому точка зрения некоторых зарубежных историков (Д. Биллингтона, М. Чернявского, Ф. Помпера), усматриваю-

---

[39] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 93.

[40] Агитационная литература русских народников. Л., 1970. С. 75–85.

[41] См. изложение «системы» Маликова им самим: ГАРФ. Ф. 112, Оп. 1. Д. 293. Л. 89–93.

[42] Уверовали в «систему» Маликова и его малолетние дети, которые «всякого гостя встречали возгласом: «А папка — Бог!»» (*Фроленко М. Ф.* Собр. соч.: В. 2 т. М., 1932. Т. 1. С. 212).

[43] *Лавров П. Л.* Народники-пропагандисты 1873–1878 гг. Л., 1925. С. 263.

[44] См.: *Итенберг Б. С.* Указ. соч. С. 356.

щих в маликовщине «душу народничества»[45], выглядит странной... Оставим здесь этот привходящий сюжет и возвратимся к долгушинцам.

Итак, вооружившись своими прокламациями, долгушинцы к концу августа 1873 г. пошли «в народ». Делали они это по-разному, но с непременной (большей или меньшей) наивностью: Папин и Плотников разносили прокламации по селам и фабрикам как «коробейники», сельский учитель Гамов вручал их своим ученикам под видом «книжек из школьной библиотеки», а рабочий Васильев, по его словам, «раздавал прокламации везде: и путникам, и где ночевал, и работавшим на дорогах; как мне было говорено, что Христос этим же занимался, так и я говорил это всем»[46].

Полиция очень быстро перехватила всех «раздатчиков» прокламаций и раскрыла их «преступную» деятельность. Помогли ей в этом своими откровенными показаниями две женщины из долгушинского окружения — сожительница Дмоховского Татьяна Сахарова и жена самого Долгушина Аграфена, выдавшие все, что знали, а знали они почти все.

Восемь долгушинцев (Долгушин, Дмоховский, Плотников, Папин, Гамов и др.) были преданы суду по обвинению в попытке возбудить крестьян к бунту против Верховной власти. Суд проходил с 9 по 15 июля 1874 г. — в разгар массового «хождения в народ». То был первый в России судебный процесс в стенах только что учрежденного специально для разбирательства политических дел карательного органа — ОППС.

Сенаторы вынесли долгушинцам приговор, адекватный по тяжести тому, который полагался за предумышленное убийство: 10 лет каторги — Долгушину и Дмоховскому, 8 лет — Гамову, по 5 лет — Плотникову и Папину. Из них только Папин в конце концов вышел на свободу. Долгушин, Дмоховский и Гамов погибли в каторжных тюрьмах, а Плотников сошел с ума.

Долгушинцы сыграли роль предвестников массового «хождения в народ», опередив его на год. Правда, отдельные, единичные опыты народнической пропаганды в деревне случались и до 1873 г., но в масштабе целой организации долгушинцы ушли в народ первыми. Их примеру, однако, народники последовали не сразу. Дело в том, что долгушинцы действовали обособленно, почти не имея связей с другими кружками, да и кружки другие в основном создавались с осени 1873 г., т. е. уже после гибели долгушинского кружка. «Долгушинцы были первыми колосьями на ниве народнической интеллигенции, которая продолжала созревать совершенно самостоятельно»[47].

Из бакунистских кружков 1873-1874 гг. самыми влиятельными считались три петербургских кружка — С. Ф. Ковалика, И. И. Каблица и Ф. Н. Лермонтова. Колоритны личности руководителей этих кружков. Сергей Филиппович Ковалик (дворянин, сын полковника, выпускник Киевско-

---

[45] *Billington J.* Mikhailovsky and Russian Populism. Oxford, 1958. P. 126; *Cherniavsky M.* Tsar and People. New-Haven—London, 1961. P.195; *Pomper Ph* The Russian Revolutionary Intelligentsia. N. Y., 1970. P. 123.

[46] *Кункль А. А.* Догушинцы. М., 1932. С. 102.

[47] *Ковалик С. Ф.* Указ. соч. С. 75.

го университета, мировой судья) и Феофан Никандрович Лермонтов (сын крепостного крестьянина, студент Петербургского технологического института) отличались предприимчивостью, организаторским дарованием и верой в идеи Бакунина, с которым они оба были лично знакомы. Талантливым организатором проявил себя и Иосиф Иванович Каблиц (дворянин, студент Киевского университета), идейная эволюция которого внушает сомнения в искренности его бакунинской веры. Если в 70-х годах он возглавлял крайних бакунистов, «вспышкопускателей» и даже первым из народников заговорил о динамите[48], то с 80-х годов, отрекшись от своего революционного прошлого, обосновался на крайне правом крыле либерально-народнической публицистики (под псевдонимом *Юзов*).

Кружки Ковалика, Лермонтова и Каблица были малочисленны (в первом из них 10 участников, в двух других — по 6), но зато, в отличие от долгушинцев, они поддерживали обширные связи с другими, причем не только петербургскими кружками. В том и заключалась особенность кружков, выступивших на смену долгушинцам, что они развивались, взаимодействуя между собой. Это относится и к т. н. «Киевской коммуне», которая вошла в историю «хождения в народ» как крайнее проявление распространенного тогда организационного анархизма.

«Киевская коммуна» возникла тоже осенью 1873 г. В кружке под таким названием объединилась бунтарски настроенная молодежь, которая в основном и жила вместе, коммуной. Состав коммуны то и дело менялся: одни приходили, другие уходили свободно. Вступить в коммуну мог любой, сколько-нибудь знакомый хотя бы с одним из ее участников. «В коммуне, — вспоминал В. К. Дебогорий-Мокриевич, — держались примерно такого приема: «Согласен немедленно идти в народ?» — «Согласен!» — «Значит, ты наш!»[49]. Не удивительно, что в коммуну проникли чужаки, оказавшиеся предателями: Николай Горинович, Петр Ларионов, Идалия Польгейм.

При всей аморфности состава «Киевской коммуны» у нее были свои лидеры: студенты Киевского университета Василий Федорович Фишер, Николай Константинович Судзиловский, Владимир Карпович Дебогорий-Мокриевич, жена мирового судьи Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (впоследствии одна из организаторов партии эсеров, «бабушка русской революции», как величали ее эсеры в 1917 г.)[50]

---

[48] «По преданию, Каблиц развивал идею, что можно *воз* динамита (или карету) подвезти в нужную минуту ко дворцу (разумеется, царскому — *Н. Т.*) и взорвать. Конечно, взрывающий должен был обречь себя на смерть» (*Тихомиров Л. А.* Воспоминания. С. 86).

[49] *Дебогорий-Мокриевич В. К.* Воспоминания. СПб., [1906]. С. 115.

[50] Экзотической особенностью «Киевской коммуны» было наличие в ней ряда лиц с двойными фамилиями: кроме названных, Г. Г. Божко-Божинский, А. А. Дробыш-Дробышевский. В 1877 г. вторую фамилию (Руссель) взял себе Судзиловский. Этот народник после эмиграции из России вел активную общественную и литературную деятельность в Болгарии, Румынии, США, на Филиппинах, в Китае, Японии, а на Гавайских островах был даже президентом Сената. В 1971 г. проф. Токийского ун-та Харуки Вада издал на японском языке его биографию в 2 томах под названием «Народник Руссель».

Из кружков лавристского направления старейшим (возник в 1872 г.) и самым влиятельным был петербургский кружок во главе со студентом Медико-хирургической академии Львом Савельевичем Гинзбургом, по имени которого его товарищей по кружку шутливо называли «гинзбурятами». Впрочем, у кружка было и полуофициальное название: «кружок лавристов». Он не имел своей программы, признав таковой программу журнала П. Л. Лаврова «Вперед!», и деятельность свою направлял главным образом на материальную и литературную поддержку этого журнала. Вместе с тем кружок вел революционную пропаганду среди интеллигенции (распространяя прежде всего журнал Лаврова) и одним из первых, наряду с «чайковцами», занялся пропагандой народнических идей среди рабочих.

Кружок «лавристов» был одним из крупнейших в то время (больше 30 участников: преимущественно студентов и земских служащих). Кроме Ганзбурга, наиболее авторитетны в кружке были Василий Егорович Варзар — автор популярной революционной книги «Хитрая механика», позднее выдающийся экономист, основоположник промышленной статистики в России[51]; Дмитрий Иванович Рихтер — впоследствии тоже видный статистик, автор «Географического словаря России»; братья Евгений и Александр Степановичи Семяновские — оба кандидаты прав. В Москве делами кружка ведал его главный «финансист» Александр Сергеевич Бутурлин, сидевший в тюрьме, по оправданный судом по делу нечаевцев (позднее он помогал Л. Н. Толстому в его евангельских изысканиях).

Другим типично-лавристским кружком был кружок В. С. Ивановского в Медико-хирургической академии. Кружок имел отличную библиотеку, которую студенты использовали и как политический клуб. Лидер кружка Василий Семенович Ивановский, прозванный за гигантский рост и за высокий авторитет среди кружковцев «Василием Великим», представлял одну из самых «народнических» семей в России: три брата и три сестры Ивановских участвовали в движении революционного народничества[52].

Эволюционировало в 1873—1874 гг. от бакунизма к лавризму одно из самых авторитетных студенческих землячеств в Петербурге — кружок «самарцев», лидерами которого были студент Технологического института Лев Сергеевич Городецкий и студенты-медики Павел Феоктистович Чернышев и Николай Константинович Бух (будущий член Исполнительного комитета «Народной воли»). Начитавшись всего и вся, включая сочинения и Бакунина, и Лаврова, участники этого кружка, по словам Л. С. Городецкого, «пришли к заключению, что в России должна произойти революция без всякого внешнего влияния, в силу просто исторического хода вещей. Но так как в народе представление о будущем (если таковое существует) было

[51] Дед жены композитора Д. Д. Шостаковича. Дед же самого композитора Б. П. Шостакович был сослан в Сибирь по делу о покушении Д. В. Каракозова на Александра II.

[52] Кроме В. С. Ивановского, из них наиболее известны: Прасковья Семеновна — агент Исполнительного комитета партии «Народная воля», Евдокия (Авдотья) Семеновна — с 1886 г. жена В. Г. Короленко.

грубо, необработано, то наше дело должно ограничиваться развитием народного идеала посредством устной и книжной пропаганды»[53].

На периферии, пожалуй, самым известным из лавристских кружков был кружок «сен-жебунистов», т. е. четырех братьев Жебуневых — Владимира[54], Николая, Сергея Александровичей и двоюродного их брата Леонида Николаевича в Одессе. Сыновья богатейшего помещика, владельца 7 тыс. десятин земли, Жебуневы, подобно другим «кающимся дворянам», сначала занялись благотворительностью, но очень скоро под влиянием нелегальной литературы перешли к пропаганде идей крестьянского социализма и с этой целью создали кружок примерно из 10 человек. Вера братьев в народнические идеалы была настолько пылкой, что сами народники прозвали их (по аналогии с «сен-симонистами») «сен-жебунистами».

Кружки лавристов и, особенно, бакунистов 1871—1874 гг. исчислялись десятками. Что же касается бланкистских кружков, то они большей частью создавались уже после разгрома «хождения в народ», с 1875 (когда начал выходить журнал П. Н. Ткачева «Набат»), а в 1871—1874 гг. их было едва ли больше трех-четырех на всю Россию. Самым ранним и действенным из них стал кружок старого (не по возрасту, а по революционному стажу, включая каторгу и ссылку) «шестидесятника», автора нашумевшей в 1862 г. прокламации «Молодая Россия» Петра Григорьевича Заичневского в Орле. Кружок возник в 1873 г. Его составили в основном гимназисты и гимназистки (7—8 человек), среди них — знаменитая впоследствии деятельница «Народной воли», член ее Исполнительного комитета Мария Николаевна Оловенникова и две ее сестры — Наталья и Елизавета, тоже будущие народоволки, еще один член народовольческого Исполнительного комитета Е. Д. Сергеева (с 1880 г. — жена одного из лидеров «Народной воли» Л. А. Тихомирова), а также будущий социал-демократ, большевик В. П. Арцыбушев. По местожительству и по молодости их называли «орлятами». Они сначала зачитывались литературой о якобинской диктатуре во Франции, а с осени 1875 г., получив «Набат», увлеклись им так, что не возражали, когда их стали называть «ткачевцами» и «набатчиками».

Возможно, еще до 1874 г. в Одессе действовал бланкистский кружок И. М. Ковальского и Е. Н. Южаковой, а в Киеве — поляка Кароля Яницкого[55]. После того как в Париже к концу 1876 г. возникло т. н. «Общество народного освобождения» (сам П. Н. Ткачев, Г. М. Турский, П. В. Григорьев и др., известны лишь 5—6 человек)[56], под его воздействием и с его помощью появились в России еще несколько бланкистских кружков, кото-

---

[53] РН. Т. 1. С. 302.

[54] В. А. Жебунев (1848—1915) впоследствии стал членом Исполнительного комитета «Народной воли».

[55] Ср.: *Кушева Е. Н.* Из истории «Общества народного освобождения» // Каторга и ссылка. 1931. № 4. С. 52—53; *Снытко Т. Г.* Указ. соч. С. 143.

[56] Подробно о нем, кроме указ. соч. Е. Н. Кушевой, см.: *Рудницкая Е. Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992. Гл. 6.

рые, однако, ни по количеству своему, ни по влиянию не могли сравниться с кружками бунтарей и пропагандистов.

Зато и до и после 1874 г. немало было в народническом движении кружков, которые старались занять позиции, свободные от крайностей бакунизма, лавризма, бланкизма. Таковы были кружки «кавказцев» (О. В. Палицыной и др.) и «артиллеристов» (Д. А. Аитова и др.) в Петербурге, А. И. Ливанова в Нижнем Новгороде, Д. М. Рогачева в Пензе, «Тайное юридическое общество» студентов и выпускников Московского университета с участием будущих знаменитостей адвокатуры и публицистики Ф. Н. Плевако, В. А. Гольцева, Н. С. Тростянского[57]. Все они вооружались оригинальными тактическими планами, которые нельзя считать ни бакунистскими, ни лавристскими, ни бланкистскими, но в которых заметно сочетание различных идей народничества и даже его разных оттенков от леворадикальных до праволиберальных.

Главное же, не была ни бакунистской, ни лавристской, ни бланкистской самая ранняя по времени возникновения, самая крупная по масштабам и самая выдающаяся по значению из всех революционно-народнических организаций первой половины 70-х годов — общество т. н. «чайковцев».

4.3. Большое общество пропаганды (т. н. «чайковцы»)

Возникновение этой организации[58] имеет долгую и сложную историю. Еще весной 1869 г. в Петербурге возник студенческий кружок самообразования во главе с М. А. Натансоном — тогда студентом Медико-хурургической академии. Этот кружок стал первым, но не единственным ядром центральной (петербургской) группы общества «чайковцев». Второе ядро группы представлял собой женский кружок (преимущественно из курсисток), в котором главную роль играла С. Л. Перовская. Он возник осенью 1869 г., а к весне 1871 г. объединился с кружком Натансона. Участники объединенного кружка вместе провели лето 1871 г. в Кушелевке под Петербургом (Кушелевский кружок), и здесь к осени 1871 г. после размежевания между умеренными и радикалами определился устойчиво-радикальный состав из 19 человек. Это и была центральная группа будущего общества в ее первоначальном виде. Той же осенью она стала именоваться «среди публики, с которой велись деловые сношения»[59], *«кружком чайковцев»*.

---

[57] См. об этом обществе: ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1872. Д. 198. Л. 2–3.

[58] Подробно о ней см. в моей кн.: Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов, 1991. 312 с. На с. 286–295 здесь перечислены все выявленные мною участники Общества (103 чел.) с анкетными данными о каждом.

[59] *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. 2-е изд. М., 1973. С. 114.

Дело в том, что один из участников кружка Натансона Николай Васильевич Чайковский (впоследствии эсер, член ЦК партии трудовиков, член «Верховного управления» 1918 г. в Архангельске, белоэмигрант) и у натансоновцев, и у кушелевцев, и у «чайковцев» ведал их, преимущественно «книжными» связями с посторонней «публикой». Она и нарекла условно людей, которых он представлял, «чайковцами»[60]. Сами «чайковцы» не придали этому большого значения, а их современники и последующие историки, хотя и оговаривали случайность и научную неправомерность термина «чайковцы»[61], продолжали называть их организацию (некоторые делают это доныне[62]) *по традиции* «кружком чайковцев» — даже без кавычек.

Итак, петербургская группа т. н. «чайковцев» сложилась летом 1871 г. Затем, вплоть до осени 1874 г., она пополнялась. За все время группа насчитывала 36 *членов* и 17 ближайших *сотрудников*. Отличал ее прежде всего блестящий состав. Здесь начали революционный путь люди, в дальнейшем завоевавшие мировую славу. Это и князь Петр Алексеевич Кропоткин — бывший камер-паж царя, крупнейший среди «чайковцев» мыслитель, литератор и трибун, уже в то время известный ученый-географ, а впоследствии всемирно знаменитый философ, социолог, историк, идейный вождь анархизма; это и мещанин, недоучившийся студент Марк Андреевич Натансон — прирожденный организатор, яркий, волевой, настойчивый и властный[63], основатель трех революционно-народнических организаций (Большого общества пропаганды[64], общества «Земля и воля», партии «Народного права»), позднее член ЦК эсеров и лидер партии «левых эсеров»; это и дочь петербургского губернатора Софья Львовна Перовская.

Юная (в 1871 г. ей исполнилось лишь 18 лет) Перовская играла в обществе «чайковцев», как и позднее у землевольцев и народовольцев, особую роль высшего морального авторитета, «нравственного диктатора»[65]. Умная и энергичная, веселая и отзывчивая, заботливая и строгая, редкостно обаятельная,

---

[60] Об этом, кроме «чайковцев» Н. А. Морозова, Н. А. Чарушина, М. Ф. Фроленко, прямо свидетельствовал сам Н. В. Чайковский: «Кружок начинает называться «кружком чайковцев» отнюдь не вследствие моего лидерства, а главным образом по деловым сношениям с книгопродавцами и издателями, для которых у меня имелись некоторые практические навыки» (Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 3. С. 182).

[61] Даже соратник Чайковского по эсеровской партии В. М. Чернов считал, что его имя «прилипло к кружку лишь по недоразумению» (*Чернов В. М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С. 47).

[62] *Ляшенко Л. М.* Революционные народники. М., 1989. С. 27.; *Руднцкая Е. Л.* Указ. соч. С. 94.; *Лурье Ф. М.* Созидатель разрушения. СПб., 1994. С. 61.

[63] В 1904 г. Натансон познакомился с В. И. Лениным. По воспоминаниям Н. К.Крупской, он «поразил [Ленина] своим организаторским талантом. Только и было разговору, что о Натансоне» (Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. М., 1968. Т. 1. С. 286, 610).

[64] В ноябре 1871 г. Натансон был арестован и уже не участвовал в дальнейшей, наиболее плодотворной деятельности «чайковцев». Поэтому их переименование в «натансоновцев» (см., напр.: *Филиппов Р. В.* Первый этап «хождения в народ» (1873–1874). Петрозаводск, 1960. С. 9) тоже неправомерно

[65] *Степняк Кравчинский. С. М.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 454.

ни в чем не уступавшая самым женственным из женщин и самым мужественным из мужчин, она была среди «чайковцев» «общей любимицей»[66].

Другим «общим любимцем» «чайковцев» был Сергей Михайлович Кравчинский, в котором пленяли окружающих «честный, открытый характер, юношеская энергия, здравый смысл, выдающийся ум и простота, верность, смелость и стойкость»[67]. Уже тогда проявил он себя как замечательный литератор, а позднее стал (под псевдонимом Степняк) всемирно известным писателем[68]. Отменные дарования и трудолюбие сочетались у него с цветущим здоровьем, необыкновенной физической силой. Для всех, кто знал Кравчинского, его безвременная трагическая гибель (в возрасте 44 лет он случайно попал под поезд) оказалась чудовищной неожиданностью.

Международную известность как революционеры и ученые заслужили в дальнейшем также Дмитрий Александрович Клеменц — один из лидеров общества «Земля и воля», эрудит, острослов и полиглот (владел почти всеми европейскими языками), географ, этнограф, археолог, геолог, и Леонид Александрович Шишко — эсер, публицист, переводчик, историк. Из тех же людей, жизнь и деятельность которых целиком связана с «чайковцами», самым выдающимся был Михаил Васильевич Купреянов — по мнению «чайковцев», «гениальный юноша»[69]. Его отличали умственная мощь, нравственная чистота, изобретательность, деловая энергия, невероятный дар физиономиста. Ранняя смерть на пятом году заточения в Петропавловской крепости, куда он был водворен 20 лет отроду и откуда уже не вышел, помешала ему встать в один ряд с крупнейшими революционерами своего века.

Все перечисленные были *членами* петербургской группы «чайковцев». В числе же ее *сотрудников* (т. е. фактически кандидатов в члены) выделялись три будущих народовольца Ю. Н. Богданович, М. Ф. Грачевский, А. И. Зунделевич (о них речь — впереди) и энтузиаст «хождения в народ», работавший для удобства пропаганды кочегаром, пильщиком, грузчиком, бурлаком на Волге, человек редкой душевной красоты и физической силы Дмитрий Михайлович Рогачев, загубленный на Нерчинской каторге в том же 1884 г., когда в Одессе был казнен его брат, народоволец Н. М. Рогачев.

Не удивительно, что таких людей все, кому довелось встречаться с ними, характеризовали как средоточие «самого талантливого, честного и умного», что только было в передовой молодежи 70-х годов, ее «авангард» и

---

[66] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966. С. 281. «Со всеми женщинами в кружке у нас были прекрасные отношения. Но Соню Перовскую мы все любили» (Там же). Все, кто знал Перовскую, относились «к ее чарующей личности с глубочайшим уважением и с какой-то необычайно душевной любовью» (*Чудновский С. Л.* Из давних лет. М., 1934. С. 136). «Любовь и энтузиазм к ней во всех кружках, где ей приходилось действовать достаточно долго, — в Харькове, Петербурге, Симферополе, — переходили в настоящий культ» (*Степняк-Кравчинский* С. М. Соч. Т. 1. С. 452).

[67] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 283, 284.

[68] См. его капитальную биографию: *Таратута Е. А.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. 540 с.

[69] *Степняк-Кравчинский С. М.* Соч. Т. 1. С. 403; *Шишко Л. Э.* Собр. соч. Пг.;М., 1918. Т. 4. С. 197.

«цвет»[70]. П. А. Кропоткин на склоне своей долгой жизни вспоминал о них: «Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей <...> До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью»[71]. Выдающийся состав «чайковцев» в значительной степени обеспечил жизненность оригинальной и не вполне практичной, единственной в своем роде организационной структуры их общества.

С одной стороны, петербургская группа «чайковцев» (о ней пока речь) страдала всеми слабостями организационного анархизма, свойственного кружковщине начала 70-х годов. В ней не было ни устава, ни каких-либо статутов, соблюдалась «индивидуальная самостоятельность» каждого из участников группы. Во избежание какого бы то ни было «генеральства» «чайковцы» упразднили даже председательство на своих собраниях. Среди них не было, по наблюдению очевидца, «ни главнейших, ни последних, ни бульших, ни меньших, ни активных, ни пассивных; следовательно, — ни головы, ни хвоста», а все были «равнозначащи»[72].

С другой стороны, в отличие от всех остальных кружков, у «чайковцев» организационный анархизм обрел специфический, полезный для революционного подполья, оттенок. Дело в том, что их выдающиеся деловые и чисто человеческие качества плодотворно сочетались с исключительной личной близостью между ними. Сами «чайковцы» свидетельствовали, что в их петербургской группе «все были братья», «все знали друг друга, как члены одной и той же семьи, если не больше»[73]. Показательно для их личной близости, что за четыре года существования группы в ней сложились 7 супружеских пар (почти столько же супругов было в провинциальных группах общества).

Кстати, именно у «чайковцев» впервые широко и активно проявили себя как участницы освободительного движения женщины. Только в петербургской группе, кроме Перовской, участвовали еще 12 молодых женщин, из которых, по убеждению П. А. Кропоткина, «ни одна не отступила бы перед смертью на эшафоте», как не отступила Перовская[74]. Всего же, включая провинциальные группы, среди выявленных 103-х «чайковцев» было, напомню, 24 женщины.

Идейное родство, высокая нравственность и личная близость «чайковцев» обеспечивали столь доверительные отношения между ними, что каждый из них не только не злоупотреблял предоставленной ему «индивидуальной самостоятельностью», но, напротив, всякий раз, когда этого требовали

---

[70] *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. Л., 1925. С. 99 (отзыв А. Д. Михайлова); *Фигнер В. Н.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 4. С. 146; *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 67, 69–70; Голос минувшего. 1914. № 2. С. 297 (отзыв И. И. Попова).

[71] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 273.

[72] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 215. Л. 24.

[73] *Шишко Л. Э.* Собр. соч. Т. 4. С. 160; *Степняк-Кравчинский С.* М. Соч. Т. 1. С. 439–440; *Синегуб С. С.* Записки чайковца. М.; Л., 1929. С. 206.

[74] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 282.

интересы организации, добровольно брался за самое трудное и ответственное дело. В случае разногласий по любому вопросу незыблемым, хотя и не писаным, законом для «чайковцев» было мнение большинства.

Прием в организацию новых членов был необычайно строгим: кандидаты тщательно отбирались и предварительно изучались, причем оценивались не только их умственные и деловые качества, но и чуть ли не в первую очередь нравственный облик. Выдвинутая кандидатура обсуждалась на общем собрании группы со всей откровенностью и утверждалась лишь при единогласном ее одобрении. Стоило, например, Купреянову указать при обсуждении кандидатуры А. В. Низовкина на болезненное самолюбие кандидата, несовместимое с требованиями «чайковцев», и тот не был принят[75].

С другой стороны, если обнаруживалось, что кто-то из членов организации ведет себя в деловом или нравственном отношении предосудительно, «чайковцы» порывали с ним. Примерно в начале 1872 г. был исключен из петербургской группы Ф. Н. Лермонтов, который грешил самомнением, рисовался и явно «хотел играть первую роль»[76]. Весной 1873 г. та же участь постигла лидера московской группы «чайковцев» С. Л. Клячко[77] и руководителя их заграничной типографии В. М. Александрова. Клячко был исключен за чрезмерный интерес к женскому полу (это его прегрешение осуждалось как «непроизводительная растрата революционных сил»), Александров же — за конкретную нравственно-финансовую аферу: он заставил наборщицу своей типографии Е. И. Гребницкую (родную сестру Д. И. Писарева) продаться какому-то богачу и передать вырученные таким образом деньги на типографские нужды[78].

Итак, выдающийся состав петербургской группы «чайковцев» и сложившиеся в ней особо доверительные взаимоотношения сделали возможным наличие в группе, несмотря на ее полуанархистский демократизм, твердой дисциплины. Все это позволило ей в течение четырех лет успешно вести многообразную революционную деятельность под недреманным оком III отделения.

На тех же организационных основах (правда, менее ярко выраженных) строились и периферийные группы «чайковцев»: в Москве, Киеве, Одессе, Херсоне. Самой организованной и активной из них была одесская группа, объединившаяся летом 1873 г. с херсонской группой. Здесь в числе 16 членов выделялись 25-летний «ветеран» народничества Феликс Вадимович Волховский, уже переживший 4 ареста и 3 года тюрьмы, и его юные со-

---

[75] Низовкин позднее стал предателем.

[76] РН. Т. 1. С. 238. Изгнанный «чайковцами» Лермонтов создал свой собственный кружок бакунистского толка.

[77] Первый переводчик на русский язык книги К. Маркса «Гражданская война во Франции». Осенью 1879 г. И. С. Тургенев писал о нем: «Более компетентного переводчика сыскать трудно, и доверие он заслуживает абсолютное» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Л., 1967. Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 162).

[78] Красный архив. 1924. Т. 5. С. 251. В июле 1875 г. Гребницкая, не выдержав нравственных мук, покончила с собой.

ратники: будущий вождь «Народной воли» Андрей Иванович Желябов, еще два будущих народовольца (ранее — члены херсонской группы «чайковцев») Андрей Афанасьевич Франжоли и Мартин-Вильгельм Ланганс, а также Анна Моисеевна Макаревич (урожденная Розенштейн, по второму мужу — Коста, по третьему — Турати, революционный псевдоним — Кулишова), впоследствии видная деятельница межлународного рабочего движения, возглавлявшая вместе с мужем Филиппо Турати Итальянскую социалистическую партию[79].

Киевская группа «чайковцев» насчитывала 12—14 человек. Среди них наиболее авторитетны были Павел Борисович Аксельрод (позднее выдающийся деятель «Земли и воли», «Черного передела», группы «Освобождение труда» и РСДРП), еще один известный землеволец, чернопередел ец, народоволец Яков Васильевич Стефанович и один из лидеров «Народной воли» ее «орлов и героев»[80] Николай Николаевич Колодкевич.

Самой многочисленной из периферийных групп «чайковцев» была московская группа (22—23 человека), которая, однако, уступала одесской в организованности и активности. Среди москвичей тоже выделялись будущие «орлы и герои» «Народной воли» — Николай Александрович Морозов, Лев Александрович Тихомиров, Михаил Федорович Фроленко.

Все группы «чайковцев», включая петербургскую, были равноправны и подотчетны *друг другу*[81]. Прием в ту или иную группу новых членов был делом всего общества и оформлялся лишь с согласия *всех* групп. Организационное единство пяти групп закреплялось общностью их кассы, в которой к лету 1874 г. числилось, если верить Н. А. Морозову, до 500 тыс. рублей[82] (главным образом из взносов целого ряда очень состоятельных «чайковцев»).

Структура общества не ограничивалась совокупностью пяти групп. В разных концах Европейской России (Орел, Казань, Тула, Вятка, Самара, Саратов, Ростов, Пермь, Харьков, Минск, Вильно и др.) «чайковцы» имели своих агентов. Иные из них считались членами общества. Так, в Орле членом-агентом общества был Александр Капитонович Маликов — незадачливый «апостол» религии «богочеловечества», а в Харькове — Дмитрий Андреевич Лизогуб, земельный магнат, один из самобытнейших героев народничества, речь о котором еще впереди.

Все члены, сотрудники и агенты общества содействовали возникновению множества нелегальных кружков, а нередко и создавали их. Так было,

---

[79] См. о ней: *Schiavi A.* Anna Kuliscioff. Roma, 1955; *Turati F., Kuliscioff A.* Carteggio. Torino, 1949—1959 V. 1—6

[80] *Фигнер В. Н.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 240; Т. 4. С. 150; Т. 5. С. 128.

[81] Подробно об этом с необходимыми ссылками на первоисточники см.: *Троицкий Н. А.* Первые из блестящей плеяды. С. 98—99.

[82] *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. М., 1947. Т. 1. С. 164. Цифра Морозова, должно быть, сильно преувеличена. Начальник Московского ГЖУ И. Л. Слезкин 15 марта 1875 г. доносил шефу жандармов А. Л. Потапову, что «петербургские пропагандисты» хранят в столичном банке «до 50 тыс. руб.» (ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 11. Л. 25 об.).

например, с кружками воспитанников Морского училища[83] и студентов-сибиряков[84] в Петербурге, Н. К. Буха в Самаре[85], Г. Г. Божко-Божинского в Чернигове[86] и др. К началу 1874 г., по авторитетному свидетельству Кропоткина, который ведал тогда связями «чайковцев», они успели создать «сеть кружков и колоний в 40 губерниях» и поддерживали с ней «правильную переписку»[87].

Итак, организация т. н. «чайковцев» представляла собой отнюдь не кружок, а широко разветвленное *общество* — федеративное объединение ряда кружков. Называть это общество уместнее всего так, как называл его в воспоминаниях один из выдающихся членов общества Н. А. Морозов (собиравшийся писать историю «чайковцев»), т. е. Большим обществом пропаганды[88]. Такое название соответствует характеру деятельности «чайковцев», которая на всех этапах развития общества сводилась главным образом к пропаганде. К тому же оно менее условно, чем всякое другое, ибо пущено в обиход из первых рук — не исследователем, а участником организации, к которой оно относится. С 1963 г. название «Большое общество пропаганды» живет в десятках изданий, включая труды авторитетнейших специалистов[89]. Даже за границей отмечают его как «прививщееся» в нашей литературе[90].

Идеология Большого общества пропаганды целиком вмещалась в доктрину народничества 70-х годов, поскольку была ориентирована на крестьянскую социалистическую революцию. Однако тактически «чайковцы» заняли оригинальную позицию. В отличие от авантюрной установки Бакунина, они планировали не скоропалительный бунт, а методически подготовленное народное восстание, не предаваясь иллюзиям о близкой революции: «мы убеждены даже, — гласила их программа, — что для осуществления равенства, какое мы себе рисуем, потребуется еще много лет, много частных, может быть даже общих взрывов»[91].

---

[83] ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1872. Д. 63. Ч. 1 Л. 46, 74, 98, 149.

[84] ГАРФ. Ф. III отд. Секр. архив. Оп. 1. Д. 544. Л. 23.

[85] *Бух Н. К.* Воспоминания. М., 1928. С. 40–42.

[86] ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 154. Л. 28.

[87] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 291–292.

[88] *Морозов Н. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 343, 430, 497; Т. 3. С. 275, 278; Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 32

[89] См., напр.: *Троицкий Н. А.* Большое общество пропаганды 1871–1874 гг. (т. н. «чайковцы»). Саратов, 1963; *Филиппов Р. В.* Идеология Большого общества пропаганды (1869–1874). Петрозаводск, 1963; *Антонов В. Ф.* Революционное народничество. М., 1965. Гл. 4. § 2; *Малишн В. А.* Философия революционного народничества. М., 1972. Гл. 11. § 1; *Базанов В. Г.* Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. Гл. 10; *Карпачев М. Д.* Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е — нач. 80-х гг. XIX в.) Воронеж, 1985. С. 123; История СССР. XIX — нач. XX вв. / Под ред. И. А. Федосова. М., 1987. С. 217; Отечественная история с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 268.

[90] «Вперед!» (1873–1877). Мат-лы из архива В. Н. Смирнова / Под ред. Б. М. Сапира. Dordrecht, 1970. Т. 1. С. 182.

[91] РН. Т. 1. С. 78, 84. Это положение характерно для «чайковцев». Софья Перовская говорила тогда: «Мы затеяли большое дело. Быть может, двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо» (*Кропоткин П. А.* Записки революционера. С. 282).

С другой стороны, в отличие от Лаврова с его ставкой на *подготовку подготовителей* революции, «чайковцы» ставили в порядок дня наряду с пропагандой и агитацией мобилизацию и организацию «народных сил». Их программа предписывала готовить «из лучших людей этой (рабоче-крестьянской. — *Н. Т.*) среды преданных делу народных агитаторов» и «сплачивать [их] <...> в одну общую организацию»[92].

Таким образом, по принципиальным вопросам тактики (в чем, собственно, и заключалось различие между лавризмом и бакунизмом) «чайковцы» разошлись как с Бакуниным, так и с Лавровым, не говоря уже о Ткачеве, заняв позицию, более реалистическую, свободную от крайностей лавризма и бакунизма. Здесь важно подчеркнуть, что они занялись выработкой проекта своей программы (поручив составить проект Кропоткину) осенью 1873 г., явно в противовес только что появившимся тогда программным документам Бакунина и Лаврова.

Учитывая, что, во-первых, Большое общество пропаганды объединяло лучшие, наиболее зрелые силы народнического движения первой половины 70-х годов, его «авангард» и «цвет», и во-вторых, позицию Общества разделяли тогда многие другие кружки (часть которых сами «чайковцы» создавали), Р. В. Филиппов и выдвинул версию, согласно которой главным тактическим направлением в народничестве того времени надо считать не бакунистское и не лавристское, а т. н. *«революционно-пропагандистское»*, воплощенное в программе Большого общества[93]. Эта версия не встретила у специалистов должной поддержки, но имеет право на существование.

Практическая деятельность Большого общества пропаганды прошла три этапа: «книжное дело», «рабочее дело», «хождение в народ». «Книжное дело» было главным в практике Общества 1871—1872 гг. Цель его заключалась в том, чтобы подготовить кадры будущих пропагандистов и организаторов «народных сил», а средством достижения цели было избрано распространение среди интеллигенции (учащейся молодежи, в первую очередь) демократической и социалистической литературы, как легальной, так и запрещенной. При этом «чайковцы» даже наладили своими силами издание такой литературы, иногда — в собственных переводах: кроме «Гражданской войны во Франции» Маркса, перевели «Историю Февральской революции 1848 г.» Л. Блана и еще более «крамольную» «Историю революции 18 марта» (т. е. Парижской Коммуны 1871 г.) П. Ланжоле и П. Корье, издав их большими по тому времени тиражами — Блана в 3500, а Ланжоле и Корье в 2500 экземпляров[94]. Власти запрещали и уничтожали тиражи этих и некоторых других книг (например «Азбуки социальных наук» В. В. Берви-Флеровского[95]), но не могли пресечь «книжное дело» «чайковцев». Часть даже запрещенных тиражей «чайковцы» успевали спасти и распространить,

---

[92] РН. Т. 1. С. 88, 94—97.

[93] *Филиппов Р. В.* Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863—1874). Петрозаводск, 1967. С. 121—122, 187.

[94] РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 43. Л. 2, 13—13 об., 28—29, 49.

[95] Там же. Д. 155. Л. 66

а главное, они распространяли литературу, легально изданную в России или тайно доставленную из-за границы: сочинения А. Н. Радищева, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, П. Л. Лаврова, а также Ф. Минье, Д. Мотли, А. Карреля, Ф. Лассаля, П. Прудона, «Капитал» К. Маркса, уставы I Интепрнационала и его Русской секции. Используя свои провинциальные связи, «чайковцы» придали «книжному делу» всероссийский размах, распространяя столько книг, что им «позавидовала бы любая издательская фирма»[96] (на несколько десятков тысяч рублей в год[97]).

Столь широкий и, казалось бы, непоследовательный (наряду с Марксом — Прудон!) выбор литературы говорит о том, что «чайковцы» стремились приобщить радикальную молодежь к многообразию демократических идей и, кстати, объединить ее совместным участием в «книжном деле». Так посредством «книжного дела» Большое общество пропаганды вооружало идейно и сближало организационно, фактически во всероссийском масштабе, революционные кружки первой половины 70-х годов, став, по выражению А. Д. Михайлова, «руководителем и направителем пропагандистского движения» в России вплоть до возникновения «Земли и воли»[98].

С начала 1873 г., не оставляя «книжного дела», Общество сосредоточило основные усилия на «рабочем деле», т. е. на пропаганде среди фабрично-заводских рабочих. Два обстоятельства побудили «чайковцев» заняться «рабочим делом» как главным. Во-первых, они накануне «хождения в народ» старались не допустить затягивания подготовительной работы, помня о печальной судьбе революционных организаций прошлого (петрашевцев, ишутинцев, нечаевцев), которые гибли, как правило, еще в подготовительный период, не успев приступить к главной, непосредственной работе «в народе». Во-вторых, «чайковцы» обратили внимание на небывалый ранее подъем рабочего движения. Такие стачки, как на Невской бумагопрядильне в Петербурге весной 1870 г. и на Кренгольмской мануфактуре в Нарве летом 1872 г. показали, что рабочие всерьез поднимаются на борьбу и могут быть восприимчивы к революционным идеям.

Подход «чайковцев» к рабочему классу (тогда в России только еще формировавшемуся) был типично народническим: рабочие рассматривались лишь как вспомогательная сила грядущей *крестьянской* революции, ее второй эшелон. Пока их можно было использовать в качестве *посредников* между интеллигенцией и крестьянством. С таким расчетом «чайковцы» повели пропаганду среди рабочих и в Петербурге, и в Москве, и в других городах. Следуя своей программе, которая содержала особый раздел по «рабочему вопросу»[99], они заводили связи с рабочими, выбирая более «смышленых», учили их грамоте, а затем и политике: читали и разъясняли литературу (от народных брошюр, вроде «Стеньки Разина», до «Капитала» Маркса и документов I Интернационала), вели беседы, возбуждали дискус-

[96] *Тихомиров Л. А.* Начала и концы. М., 1890. С. 54.
[97] РН. Т. 1. С. 228.
[98] *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. С. 98.
[99] РН. Т. 1. С. 102–113.

сии, помогали готовить стачки. При этом «чайковцы», по данным царского сыска, внушали рабочим идею революционной солидарности, подчеркивая, что «когда один человек встает, то всегда погибает, а ежели бы встали все, то с ними бы ничто не поделали»[100].

В рабочих кружках Большого общества пропаганды начали революционный путь многие вожаки российского пролетариата, тогда еще юные, неопытные, малограмотные. Так, из рабочих-учеников Софьи Перовской быстро выделились Иван Смирнов и знаменитый впоследствии Петр Алексеев, запросы которых поначалу были очень скромными: «уже читать умеем и даже пишем, хоть и не бойко, но хотели бы еще поучиться науке «географии» и «геометрии»[101]. У других «чайковцев» прошли школу освободительной борьбы фабричные Григорий Крылов, Вильгельм Прейсман, Степан Зарубаев, Иван Союзов и большая группа заводских рабочих, составивших ядро будущего «Северного союза русских рабочих» 1878-1880 гг. (Виктор Обнорский, Алексей Петерсон, Василий Мясников, Карл Иванайнен, Дмитрий Смирнов, Игнатий Бачин, Антон Городничий, Сергей Виноградов). Осенью 1874 г. III отделение доложило царю о стольких доказательствах «влияния пропагандистов, успевших поселить в рабочей среде ненависть к хозяевам и убеждение в эксплуатировании ими рабочей силы», что у царя вырвалось характерное замечание: «Весьма грустно»[102].

С конца 1873 года наряду с «книжным» и «рабочим» делом Большое общество пропаганды занялось главным образом подготовкой к массовому «хождению в народ» (т. е. в деревню, к крестьянам), выступив как инициатор, организатор и ведущая сила «хождения». Речь об этом пойдет в следующей главе. Здесь же уместно подчеркнуть, что опыт и кадры Общества стали ценным достоянием последующих этапов народнического движения. Очень многие «чайковцы» (М. А. Натансон, О. А. Шлейснер, Д. А. Клеменц, С. М. Кравчинский, Н. А. Морозов, Д. А. Лизогуб, А. И. Зунделевич и др.) играли столь выдающуюся роль в создании и деятельности «Земли и воли» 1876–1879 гг., что один из вождей землевольцев А. Д. Михайлов считал Большое общество пропаганды фактическим прародителем «Земли и воли»[103]. Во главе «Народной воли» тоже стояли «чайковцы»: А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Фроленко, Н. Н. Колодкевич, М. Ф. Грачевский и др. «Черный передел» возглавляли, наряду с Г. В. Плехановым, «чайковцы» П. Б. Аксельрод и Я. В. Стефанович. Этот (далеко не исчерпывающий) перечень имен сам по себе ха-

---

[100] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 209 Л. 94.

[101] *Сипягин С. С.* Указ. соч. С. 117. И. Т. Смирнов на склоне лет вспоминал о Перовской: «Ведь какой человек! Всю душу отдавала делу. А умница, а смелость какая! Когда-нибудь напишут ее биографию – все будут преклоняться перед такой душевной красотой и героизмом, а теперь пока будем помнить и рассказывать другим» (Каторга и ссылка. 1930. № 7. С. 172).

[102] Рабочее движение в России в XIX в. М., 1950. Т. 2. Ч. 1. С. 478.

[103] *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. С. 98.

рактеризует общество «чайковцев» как своеобразную кузницу руководящих кадров революционного народничества.

Таким образом, Большое общество пропаганды надо признать организацией *базовой* в народническом движении 70-х годов: возникнув у истоков движения, Общество послужило отправным пунктом его развития на много лет вперед и выдвинуло из своей среды вожаков для всех последующих его организаций.

Глава V

«ХОЖДЕНИЕ В НАРОД» 1874 г.

5.1. Подготовка

Массовое «хождение в народ» 1874 г.[1] — закономерный этап в развитии народнического движения, выросший из потребностей народничества. *Теоретическая* концепция народников 70-х годов была отражением интересов крестьянства. Их *тактические* расчеты строились главным образом на крестьянстве как решающей, по их мнению, революционной силе. Наконец, вся их *практическая* деятельность до 1874 г. была нацелена на создание условий и подготовку кадров для социальной пропаганды в деревне, среди крестьянства. Пропаганда среди интеллигенции («книжное дело») имела целью подготовить кадры будущих просветителей и организаторов крестьянских масс, а пропаганда среди рабочих («рабочее дело») — посредников между интеллигенцией и крестьянством. «Рабочее дело», которым в 1872—1873 гг. занимались не только «чайковцы», но и многие другие кружки, было предварительной пробой сил перед массовым походом в деревню, своеобразным трамплином к «хождению в народ».

Мало того, наряду с «книжным» и «рабочим» делами некоторые организации народников, включая общество «чайковцев», уже в 1872—1873 гг. затевали пробные, рекогносцировочные опыты пропаганды среди крестьян: в 1872 г. — С. Л. Перовская и А. Я. Ободовская в качестве учителей, в 1873 г. — С. С. Синегуб и Л. В. Чемоданова (тоже как учителя), С. М. Кравчинский и Д. М. Рогачев под видом пильщиков. Летом 1873 г. ушел «в народ» и там погиб кружок долгушинцев...

---

[1] «Хождение в народ» как понятие имеет троякий смысл. В самом широком смысле это — все вообще народническое движение с 1861 г., когда А. И. Герцен впервые бросил клич «В народ! К народу!», до «Народной воли». Более узко под «хождением в народ» понимают совокупность опытов народнической пропаганды среди крестьян 1870-х годов. Чаще же всего говорят о «хождении в народ» (т. е. массовом походе народников в деревню) 1874 г.

Непосредственная и повсеместная подготовка к общему походу народников в деревню началась с осени 1873 г. и заняла всю зиму 1873—1874 гг. Началась она и развернулась именно в это время — ни раньше, ни позже, — по совокупности ряда причин. К тому времени количество народнических кружков перешло в нужное для «хождения в народ» качество: они взаимодействовали и согласовывали между собой задачи, сроки, способы «хождения»; завершился процесс должного накопления сил. Далее, народники встревожились, узнав о страшном голоде, который летом 1873 г. поразил больше десяти губерний (особенно Самарскую), усугубив бедствия крестьян. Наконец, осенью 1873 г. народнические кружки получили стимулирующий толчок от Бакунина и Лаврова, программы которых, при всем различии между ними, звали народников к «хождению в народ».

Поскольку же Лавров и Бакунин толкали народников в народ с разными тактическими установками, в народнической среде разгорелись бурные споры по вопросам тактики. Горячие головы (а именно они составляли тогда среди народников чуть ли не большинство) поддались влиянию страстной, бесшабашной агитации Бакунина, все больше проникаясь убеждением в том, что «стоит только зажечь спичку, как всенародный пожар будет готов»[2].

Меньшая, но тоже значительная часть народников склонялась к осмотрительной тактике Лаврова, ориентируясь не на бунт, а на пропаганду. Были и еще более осторожные индивидуумы, которые готовились сначала посмотреть, «что за сфинкс народ»[3], «потолкаться» в нем, а уж потом решить, что целесообразнее — бунт или пропаганда. Но все споры сводились лишь к частным вопросам, к тому, *как* действовать. В главном же, в том, что действовать надо *в народе*, и бакунисты и лавристы проявляли абсолютное единодушие. «В народ! К народу!» — тут инакомыслящих не было. Кружки, не принадлежавшие ни к лавристам, ни к бакунистам, тоже заражались общим энтузиазмом.

Все сходились и в том, что, прежде чем идти в народ, нужно приобрести навыки к крестьянскому, физическому труду и овладеть каким-нибудь ремеслом, уметь обратиться в рабочего человека, мастерового. Отсюда родилось повальное увлечение организацией всякого рода (столярных, сапожных, кузнечных, слесарных) мастерских. С осени 1873 г. они, как грибы после дождя, стали расти по всей России. В них народники обучались всевозможным ремеслам. «Увлечение это, — вспоминал М. Ф. Фроленко, — доходило до того, что тех, кто хотел кончать свое образование, даже будучи на 3-4 курсе, прямо обзывали изменниками народа, подлецами. Школа покидалась, а на месте ее росли мастерские»[4].

Во главе движения шел Петербург — признанный революционный центр страны. «В эту зиму, — рассказывал Н. А. Чарушин о зиме 1873—1874 гг., —

---

[2] *Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. Изд. 2. М., 1973. С. 201.

[3] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 136.

[4] *Фроленко М. Ф.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1932. Т. 1. С. 200. На одной из сходок кто-то из бакунистов так и заявил (правда, под смех большинства слушателей): «Ну, если хотите, достаточно четырех правил арифметики, и баста!» (Антекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924. С. 131.)

молодой Петербург кипел в буквальном смысле этого слова <...> Всех охватила нетерпеливая жажда отрешиться от старого мира и раствориться в народной стихии во имя ее освобождения. Люди безгранично верили в свою великую миссию, и оспаривать эту веру было бесполезно. Это был в своем роде чисто религиозный экстаз, где рассудку и трезвой мысли уже не было места»[5].

Такое же настроение, выраженное, правда, с меньшею силой, царило повсюду. Удивляясь «всепоглощающему характеру» этого движения, С. М. Кравчинский назвал его «каким-то крестовым походом»[6], а П. Л. Лавров участников похода — «КРЕСТОНОСЦАМИ СОЦИАЛИЗМА»[7].

Деятели Большого общества пропаганды относились к такому экстазу сдержанно. В принципе они тоже были за «хождение в народ». Но, обладая бóльшим пропагандистским опытом, чем любой из кружков того времени, они рассуждали более трезво о возможных итогах «хождения». На многочисленных сходках народников в страду подготовки к «хождению» «чайковцы» говорили, что надежды на скоропалительный «всенародный пожар» в деревне неосновательны. Бакунистов они высмеивали как «вспышкопускателей», старались осадить их. С. Ф. Ковалик утверждал, что общество «чайковцев» выступало в роли «сдерживающего начала для молодежи»[8] (читай: для бакунистов). Вместе с тем «чайковцы» подталкивали умеренных народников (включая и лавристов) к большей активности, призывая их не довольствоваться пропагандой, заботиться и о просвещении, и об организации крестьян.

Включившись в стихийно начавшуюся подготовку к «хождению», чтобы надлежаще влиять на нее, «чайковцы» раньше всех начали устраивать народнические мастерские. Первая из них была открыта в ноябре 1873 г. в Петербурге на Малой Невке. Она стала своего рода клубом, где собирались и дискутировали полемисты из разных кружков. Той же зимой в разных концах столицы начали создавать свои мастерские другие кружки: Ковалика, Лермонтова, Каблица. Все мастерские были однотипны и повсюду в них с ноября 1873 до марта 1874 г., ежедневно от зари до зари, шла напряженная работа. Вот как описывает одну из таких мастерских очевидец: «Небольшой деревянный флигель из трех комнат с кухней на Выборгской стороне. Скудная мебель. Спартанские постели. Запах кожи, вара бьет в нос. Это — сапожная мастерская. Трое студентов сосредоточенно работают. Один особенно занят прилаживанием двойной толстой подметки к ботфортам. Под подошву надо спрятать паспорт и деньги — на всякий случай. У окна, согнувшись, вся ушла в работу девушка. Она шьет сорочки, шаровары, кисеты для своих товарищей, собирающихся на днях идти в народ. Надо торопиться — и иголка так и мелькает в воздухе. Лица — молодые, серьезные, бодрые и ясные. Говорят мало, потому что некогда. Да и о чем разговаривать? Все уже решено, все ясно как день»[9].

---

[5] *Чарушин Н. А.* Указ. соч. С. 202.
[6] *Степняк-Кравчинский С. М.* Соч. В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 381.
[7] *Лавров П. Л.* Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С. 7.
[8] *Ковалик С. Ф.* Революционное движение 70-х годов и процесс «193-х». М., 1928. С. 70.
[9] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 133.

Так как практической подготовкой «хождения в народ» занялись *все* кружки, независимо от их тактической окраски, они решили оставить на время споры по вопросам тактики и объединить усилия в организации общего дела. С этой целью перед весной 1874 г. в штаб-квартире кружка Ф. Н. Лермонтова было проведено собрание с участием 25 делегатов от всех петербургских кружков[10]. Делегаты учредили общую кассу для нужд всех участников «хождения» (из Петербурга) без различия их кружковой принадлежности. Фонд кассы составили членские взносы всех кружков в размере 10% от их капиталов. Возглавила кассу избранная здесь же комиссия: А. Я. Ободовская от «чайковцев», М. А. Рабинович от кружка Лермонтова и Н. И. Паевский от кружка Ковалика. Эти же лица, а также специально выделенные представители кружков (по одному от каждого кружка) составили центральную группу, которая должна была, оставаясь в Петербурге, поддерживать связь с кружковцами, уходившими «в народ». На октябрь 1874 г.[11] был назначен съезд участников «хождения» в Петербурге для того, чтобы обсудить итоги и согласовать программу дальнейших действий. Съезд рассматривался как важная веха на пути к созданию всероссийской революционной партии. По свидетельству Ковалика, «во всех кружках, даже наиболее далеких от петербургских деятелей, идея съезда была весьма популярной и о нем много толковали»[12].

После Петербурга наибольший размах приняла подготовка к «хождению в народ» в Москве, где руководителем всех приготовлений стала местная группа «чайковцев». С декабря 1873 г. ее усилиями в различных районах города (Девичье поле, Пресня, Спиридоновка, Бутырки, Плющиха) была устроена сеть мастерских. Башмачными мастерскими в Бутырках и на Плющихе руководил распропагандированный «чайковцами» финн-сапожник И. И. Пельконен, который вскоре окажется в Саратове.

В марте-апреле 1874 г. явочная квартира московских «чайковцев» на Тверском бульваре стала центральным сборным пунктом для участников массового похода в деревню. Хозяйкой квартиры была Олимпиада Григорьевна Алексеева — энергичная и яркая женщина, которой посвящены восторженные страницы в мемуарах Н. А. Морозова[13]. Люди из самых разных кружков, отправлявшиеся «в народ», преимущественно из Петербурга в губернии центральной России, съезжались сюда, чтобы в последний раз уточнить маршрут следования. «С каждым поездом из Петербурга, — вспоминал Морозов, — приезжало по нескольку лиц, и на вопрос: «Куда вы едете?» получался всегда один и тот же ответ: «В народ! Пора!» <...> Один за другим, и отдельными лицами, и целыми группами, являлись все новые и новые посетители, неизвестно какими путями получавшие всегда один и тот

---

[10] См. о нем: *Ковалик С. Ф.* Указ. соч. С. 128. *Булгаков Н. К.* Воспоминания. М., 1928. С. 58.

[11] В показаниях ряда лиц по делу «193-х» названа точная дата этого съезда: 4 октября 1874 г. (Государственные преступления в России в XIX в. Ростов н/Д., 1906. Т. 3 С. 112.)

[12] *Ковалик С. Ф.* Указ. соч. С. 129.

[13] *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. М., 1947. Т. 1. С. 80—85.

же адрес — Алексеевой[14]. Пробыв сутки или более, они уезжали дальше, провожаемые поцелуями, объятиями и всякими пожеланиями, как старые друзья и товарищи, идущие на опасный подвиг <...> Настроение всех окружающих становилось все более и более лихорадочным»[15].

Пункты, подобные квартире Алексеевой, и всевозможные мастерские создавались зимой 1873—1874 гг. в разных концах европейской России от крайнего Севера до Кавказа, и везде кипела лихорадочная подготовительная работа. Уже в феврале-марте 1874 г. почти все народнические кружки были готовы к выступлению. Большая часть их настраивалась крайне оптимистично, воображая, как вспоминал Г. В. Плеханов, «что «социальную революцию» сделать очень легко, и что она очень скоро совершится: иные надеялись, что года через два-три»[16]; «никак не позднее, чем через три года», — подтверждал М. Ф. Фроленко[17]. Поэтому среди народников тогда «были и такие, что даже шли уже выбирать позиции для будущей артиллерии»[18].

Многим казалось символическим то совпадение, что их отделяли от Емельяна Пугачева, как Пугачева отделяли от Степана Разина, 100 лет. Такая символика уже настраивала крайних бунтарей, «вспышкопускателей» на ожидание в 1874 г. (теперь — с их помощью) новой пугачевщины или разинщины.

Под стать бунтарям были и некоторые фанатики пропаганды. «Арифметически вычисляли, что через самое короткое время совершенно легко распропагандировать всю Россию, — вспоминал о них современник, известный общественный деятель, либерал И. П. Белоконский. — Пусть каждый пропагандист распропагандирует в месяц троих лиц, что вовсе, казалось, не трудно. В год получится головокружительная цифра. Лично у меня составлена была такая табличка: январь — я сам + 3 распропагандированных мною = 4; февраль — каждый из 4-х пропагандистов по 3 = 12; март (12 х 3) = 36; апрель (36 х 3) = 108; май (108 х 3) = 324; июнь (324 х 3) = 972; июль (972 х 3) = 2916; август (2916 х 3) = 8748; сентябрь (8748 х 3) = 26 244; октябрь (26 244 х 3) = 78 732; ноябрь (78 732 х 3) = 236 196; декабрь (236 196 х 3) = 708 588. Таким образом, работа одного пропагандиста даст в год 708 588 последователей. В России во всяком случае найдется 100 пропагандистов, — получится в год 70 858 800 распропагандированных! И дело кончено!»[19].

Разумеется, звучали в кружках народников и отрезвляющие голоса, более осторожные даже, чем у петербургских «чайковцев», — например, как у одного из героев Ф. Н. Юрковского дяди Павы: «Мы стоим перед хорошо вооруженной крепостью с голыми руками<...> Вот вы говорите мне: «Впе-

---

[14] Одно бесспорно: все эти «неизвестно какие пути» шли из Петербургской группы Большого общества пропаганды, которая была связана практически со всеми народническими кружками столицы и губернских центров империи.

[15] *Морозов Н. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 94.

[16] *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1927. Т. 24. С. 97.

[17] *Фроленко М. Ф.* Собр. соч. Т. 1. С. 202.

[18] Там же.

[19] *Белоконский И. П.* Дань времени. М., 1928. С. 72—73.

ред! За нами стомиллионная армия народа!» А я вижу, что этот стомиллионный арьергард отстал на целое столетие от своего авангарда, и пока мы будем штурмовать крепость лбами, нас будут бить на выбор, как поросят к Рождеству, и приготовят из нас бифштекс гораздо ранее, чем подоспеют главные силы»[20]. Но такие пессимистические, очень редкие соло тонули в многотысячном оптимистическом хоре.

С начала 1874 г. повсюду, как в Петербурге и в Москве, царило в кружках приподнятое, до предела возбужденное настроение. Все ждали лишь наступления весны.

5.2. В народ!

С наступлением весны 1874 г. народническая молодежь повсеместно («как по команде», — заметил А. А. Корнилов) устремилась в народ. Бакунисты, лавристы, бланкисты, их единомышленники и оппоненты группами и в одиночку отправлялись «по железным дорогам из центров в провинцию. У каждого молодого человека можно было найти в кармане или за голенищем фальшивый паспорт на имя какого-нибудь крестьянина или мещанина, а в узелке — поддевку или, вообще, крестьянскую одежду, ели она уже не была на плечах пассажира, и несколько революционных книг и брошюр»[21].

Паспорт, котомка,
Дюжина с лишним «изданий»...
Крепкие ноги ...
Множество планов, мечтаний, —

так описывал пропагандиста 1874 г. участник движения М. Д. Муравский[22].

Петербургские, т. е. наиболее многолюдные и сильные кружки пошли «в народ» преимущественно четырьмя путями: одни (включая Большое общество пропаганды) — на родину или в те места, где у них были какие-нибудь связи; другие (кружки Ковалика, Лермонтова) — в Поволжье, где предполагалась благоприятная почва для социальной агитации; третьи (например, кружок Каблица) — на Юг, в украинские губернии, вплоть до Крыма, тоже богатые освободительными, бунтарскими традициями; наконец, четвертые — в различные губернские города, чтобы предварительно вовлечь в движение местные силы народников. Что же касается провинциальных кружков, то они рассредоточились по своим или соседним губерниям.

В свое время Г. В. Плеханов объявил характерной чертой организации «хождения в народ» 1874 г. «отсутствие организации»[23]. Такой взгляд, бы-

[20] *Юрковский Ф. Н.* Булгаков. Воспоминания и письма. М., 1933. С. 157—158.
[21] *Ковалик С. Ф.* Указ. соч. С. 133.
[22] Вольная русская поэзия XVIII—XIX вв. Л., 1988. Т. 2. С. 269.
[23] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 126.

тующий в научной литературе[24], опровергнут усилиями ряда исследователей (в первую очередь, Б. С. Итенберга и Р. В. Филиппова). «Хождение» не было централизованным, но считать его неорганизованным нельзя. За четыре года (1869–1873), которые отделяют массовое «хождение в народ» от начала революционного подъема, сложились сотни народнических кружков. Все они готовили «хождение» теоретически, тактически, организационно — в тесном взаимодействии. Но так было до начала «хождения», а как только оно началось, его организация сразу и существенно ослабела. Мало того, что различные кружки, уходя «в народ», теряли друг друга из виду, но и члены отдельных кружков разбрелись по губерниям и уездам, действовали на собственный страх и риск, лишь эпизодически общаясь с другими участниками «хождения». Даже центральная группа представителей петербургских кружков самоликвидировалась вскоре после начала «хождения», ибо ее люди почувствовали себя не у дел и фактически сбежали из столицы «в народ»[25]. Функции группы были переданы члену Большого общества пропаганды А. Я. Ободовской , которая, естественно, не смогла координировать действия всех кружков, тем более что она была привлечена к дознанию по делу долгушинцев и в июле 1874 г. предана суду.

Все, кто шел «в народ», устраивались, как правило, по одному — по двое у родных и знакомых (чаще всего — в помещичьих усадьбах и в квартирах учителей, врачей и пр.), или же в специальных *«пунктах»* пропаганды, которые создавались повсюду, обычно под видом мастерских. Устроившись в том или ином пункте, народники либо вели пропаганду на месте (т. н. «оседлая» пропаганда), либо совершали отсюда пропагандистские рейды по соседним селам, волостям, уездам и даже губерниям (т. н. «летучая» или «кочевая» пропаганда). Почти в каждом кружке были энтузиасты и той и другой разновидности пропаганды, но «летучие» («бродячие») пропагандисты явно преобладали.

Разношерстный состав участников «хождения в народ» не помешал принципиальному единству их деятельности. Бакунисты, лавристы и прочие шли «в народ» без конкретных программ, но с различными тактическими идеями и с уверенностью в том, что народ, воображаемый ими, воспримет именно их идеи. Однако реальный, живой народ оказался гораздо менее восприимчив к социализму, чем того ожидали не только бакунисты, но и довольно многие их противники, что поневоле заставляло народников считаться с реальностью и на ходу менять способы действий. К тому же сказывалась и недостаточная организованность деятелей «хождения в народ». «Каждый действовал совершенно в одиночку, — вспоминал С. М. Кравчинский. — Ну а в одиночку возможно либо ничего не делать, либо вести *только пропаганду*. Поэтому даже т. н. «вспышечники», в сущности, вовсе не бунтовали, а вели пропаганду»[26]. Таким образом лаврист и бакунист,

[24] *Ткаченко П. С.* Революционная народническая организация «Земля и воля». М., 1961. С. 45; *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М., 1986. С. 242–243.

[25] *Бух Н. К.* Указ. соч. С. 62.

[26] Письмо С. М. Кравчинского к П. Л. Лаврову // Былое (Paris). 1912. № 14. С. 60.

которые перед началом «хождения в народ» различались, словно лед и пламень, «в народе» «походили друг на друга, как одно куриное яйцо на другое»[27]. Тем не менее, Большое общество пропаганды и на этот раз выгодно отличалось от других кружков наличием обстоятельной *программы* действий, которой следовали «в народе» почти все участники Общества.

Вопрос о характере пропаганды среди крестьян был решен в программной Записке П. А. Кропоткина вполне определенно. «Ходить по деревням, сеять на ходу мысль о необходимости восстания, производить мимолетное впечатление <...> мы считаем бесполезным. Всякое кратковременное впечатление в этом направлении не будет прочно: оно очень скоро изгладится, если та же мысль впоследствии не будет постоянно поддерживаться местными народными агитаторами <...> Поэтому мы считали бы более полезным оседлое влияние»[28].

Конкретно Записка рекомендовала создавать в каждой деревне кружки распропагандированных «лучших личностей», связывать их между собой и побуждать к тому, чтобы они, в свою очередь, вели пропаганду среди односельчан. Но здесь же предписано использовать «всякий способ» и для влияния на «общее расположение умов во всей массе»: «влияние на личности и влияние на массу должны идти одновременно, рука об руку»[29].

Наконец, в Записке особо подчеркнуто, что пропагандист должен уметь в любом случае правильно подойти к народу, что необходима гибкая и разнообразная пропаганда: «как вести дело с *каждым* человеком, какую струну затронуть, насколько откровенно высказывать свои конечные мысли, — все будет обуславливаться подготовкою того человека, того общества, с которым имеешь дело, и осторожностью, нужною в том или другом случае»[30]. В частности, как явствует из дополнения к Записке Кропоткина, «чайковцы» считали необходимым строить пропаганду среди крестьян каждой местности прежде всего на их конкретных нуждах. «Неразвитый крестьянин или рабочий не поймет общественных идей о социализме, равенстве и солидарности. Его не тронут за живое (особенно, в первое время) нужды и страдания его же собратьев, не тождественные с его собственными <...> Революционер может рассчитывать на успех только тогда, если будет выдвигать на *первый* план *местные* интересы»[31].

Судя по дополнению к Записке Кропоткина, «чайковцы» считали, что «непрактично в высшей степени задевать религиозные верования» крестьян и, «кроме того, непрактично задевание царя. Надо всячески обходить вопрос, обрушиваясь всей тяжестью на *правительство* и *господ*, — слова, которые на всей Руси каждому известны»[32].

Практическая деятельность «чайковцев» «в народе» развивалась, за редким исключением, в согласии с требованиями их программы. Они стара-

---

[27] Воспоминания М. В. Ланганса (публ. Н. П. Рудько) // Архіви України. 1969. № 5. С. 70.
[28] РН. Т. 1. С. 97–98.
[29] Там же. С. 98, 100, 102.
[30] Там же. С. 101.
[31] Программа революционной пропаганды // Былое. 1922. № 17. С. 4.
[32] Там же. С. 4–5.

лись доходить до каждого крестьянина, завоевывать доверие каждого, а со временем отбирали из числа своих слушателей наиболее отзывчивых и надежных крестьян, объединяли их в особые кружки и побуждали к самостоятельным опытам пропаганды. Так, В. Н. Батюшкова организовала крестьянский кружок в с. Измалково Елецкого уезда Орловской губернии, М. В. Ланганс — в одном из сел Екатеринославской губернии, А. А. Франжоли создавал такие кружки в деревнях Херсонщины и Черниговщины. Видный земец 70-х годов, впоследствии председатель ЦК партии кадетов И. И Петрункевич вспоминал о Франжоли: «После его неожиданного ареста в с. Фастовцы (Борзенского уезда Черниговской губернии. — *Н. Т.*) произошло среди населения возбуждение, и горячие головы предлагали идти отбивать своего учителя из рук жандармов»[33].

Первой же по значению и пропагандистской, и организаторской акцией «чайковцев» «в народе» стало т. н. Даниловское дело, т. е. деятельность среди крестьян, которую вела в апреле-мае 1874 г. группа петербургских и московских членов Общества (А. И. Иванчин-Писарев, Д. А. Клеменц, Н. А. Морозов, О. Г. Алексеева и др., всего — 9 человек) в с. Потапово Даниловского уезда Ярославской губернии. Морозов обоснованно считал это «дело» «самым крупным и самым успешным из всех бывших когда-либо предприятий революционной пропаганды среди крестьян за все время движения 70-х годов»[34].

Опорными пунктами пропаганды в Даниловском уезде были столярная мастерская и школа в Потапове, открытые еще в ноябре 1873 г. Иванчиным-Писаревым, и кузница в с. Коптеве, где обосновался Морозов. Здесь проводились чтения и беседы с крестьянами, устраивались народные гулянья (с участием до 500 человек и более), на которых «чайковцы» закрепляли старые и заводили новые связи, распространялись запрещенные книги и брошюры. Для продажи таких книг Иванчин-Писарев открыл лавки в с.Вятском и в г. Середе. «Книги раздавались, смотря по голове, кому даром, а кому не продавались и за деньги», — докладывал следователь Ф. Ф. Крахт прокурору[35]. Кроме того, «чайковцы» подготовили из крестьян десятки книгонош, которые разносили нелегальную литературу по всем деревням уезда. Главной же опорой пропагандистов в Даниловском уезде был созданный ими кружок из «десятка молодых парней», работавших в столярной мастерской и посвященных во все революционные тайны.

Пропаганда в Даниловском уезде шла в буквальном смысле слова весело. По данным следствия, в квартирах пропагандистов, на гуляньях и в школе

---

[33] *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания. Прага, 1934. С. 79. Были и другие примеры успешной пропаганды «чайковцев» летом 1874 г. среди крестьян. «Везде наших слушают и принимают с большим сочувствием, — писал А. О. Лукашевич товарищам из Подмосковья, — книги расходятся с успехом и производят хорошее впечатление» (РН. Т. 1. С. 262).

[34] *Морозов Н. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 104. Документы царского сыска о Даниловском деле см.: ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 1.

[35] РН. Т. 1. С. 346.

разучивались и пелись антиправительственные, «возмутительного содержания», песни, в том числе «Тятька, эвон что народу собралось у кабака ...»[36]

Стремясь закрепить и развить успех Даниловского дела, «чайковцы» занялись устройством типографии в Потапове, но местный поп, проведав о революционерах, донес на них полицейским властям. В результате Даниловское дело было ликвидировано.

Острым оружием пропаганды среди крестьян служила для «чайковцев», как и для других народников, нелегальная литература. «Чайковцы» использовали в деревне главным образом народные («ряженые», как их называли тогда) брошюры — и свои собственные («Чтой-то, братцы», «Сказку о четырех братьях», «Сказку о копейке»[37]), и других авторов («Хитрую механику» В. Е. Варзара, «Стеньку Разина» А. А. Навроцкого, «Дедушку Егора» М. К. Цебриковой). Такая литература, «ряженая» под сказки, притчи, легенды, вполне удовлетворяла запросы крестьянского люда и, как нельзя лучше, соответствовала форме пропаганды среди крестьян — максимально (до упрощенчества) непритязательной и доходчивой. Она указывала на безысходность крестьянской доли («Встанет солнце — мужик думает: где бы мне добыть копейку? Заходит солнце — мужик думает: где бы мне добыть копейку?»); призывала обездоленных сплачиваться воедино для борьбы с «лиходеями»-барами («Тогда всей землей, как один человек, поднимется вся Русь-матушка, и никакая сила вражья не устоит против нас!»); рисовала идеал будущего строя жизни («Народ может устроиться только сам, по своему разуму и по своей воле, без всякого начальства. Как умен ни будь человек, а нет того человека, чтобы он был умнее всего народа»[38])[39].

Итак, деятельность Большого общества пропаганды среди крестьян в страдное время массового «хождения в народ» имела целью лишь заложить основы социалистического воспитания и революционной организации крестьянства. Тактика Общества в деревне не была уникальной. Примерно так же (но менее последовательно из-за отсутствия конкретной программы взаимоотношений с крестьянами) действовали кружки лавристов. Правда,

---

[36] РН. Т. 1. С. 346, 348. Там же, на с. 428, следует примечание: «Песнь «Тятька» обнаружить не удалось». Между тем, эта «песнь» неоднократно публиковалась (напр.: Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л., 1968. С. 306–307). Автор ее П. В. Шумахер.

[37] Авторы их соответственно — Л. Э. Шишко, Л. А. Тихомиров, С. М. Кравчинский.

[38] Эту же мысль оригинально выразил В. О. Ключевский: «Чтобы править людьми, нужно считать себя умнее всех, т. е. часть признавать больше целого, а так как это глупость, то править людьми могут только дураки» (Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 350).

[39] Агитационная литература русских революционных народников Л., 1970. С. 241, 266; Е. И. Пугачев или бунт 1773 г. [Женева, 1874]. С. 141–142. Агитационная литература ввозилась тогда большими тиражами из-за границы. Так, в январе 1874 г. жандармы арестовали на границе транспорт, в котором оказались 523 экз. «Истории французского крестьянина» Э. Эркмана — А.Шатриана, 390 экз. прокламации Л. Э. Шишко «Чтой-то, братцы» и сотни прочих книг, а в июле того же года — другой транспорт (533 экз. нелегального «Сборника новых песен и стихов» и множество столь же «преступных» изданий). См.: Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. С. 86, 138).

лавристы, в отличие от «чайковцев», не ставили вровень с пропагандой организацию крестьян.

Бакунисты же, составлявшие большинство участников «хождения», вели себя по-иному. Они устремились в деревню с намерением разжечь там пожар всенародного бунта и даже после того, как столкнулись с реальным настроением крестьянства и были вынуждены не бунтовать, а пропагандировать, их деятельность сохраняла более острый и менее рациональный характер по сравнению с «чайковцами». Бакунисты явно предпочитали «летучую» пропаганду и стремились, в отличие от «чайковцев», не к последовательному революционизированию крестьянской массы, а к тому, чтобы вызвать в ней «революционное брожение»[40]. Они делали именно то, что было осуждено в Записке Кропоткина: ходили по деревням, сеяли на ходу мысль о необходимости восстания, производили мимолетное впечатление и т. д., причем такой пропагандист «считал себя вполне удовлетворенным, если ему говорили: «начинайте, мы поддержим»[41]. Естественно, что сторонники «летучей» пропаганды действовали больше устным, нежели печатным словом; им попросту негде и некогда было возиться с книгами.

Бунтарский ажиотаж и неуемную энергию бакунистов метко шаржировал И. С. Тургенев на страницах романа «Новь» в образе молодого пропагандиста Кислякова, который так описывал свою деятельность: «по его словам, он в последний месяц обскакал 11 уездов, был в 9 городах, 29 селах, 53 деревнях, 1 хуторе и 8 заводах; 16 ночей провел в сенных сараях, одну в конюшне, одну даже в коровьем хлеве (тут он заметил в скобках с *нота-бене*, что блоха его не берет); лазил по землянкам, по казармам рабочих, везде поучал, наставлял, книжки раздавал и на лету собирал сведения; иные записывал на месте, другие заносил себе в память по новейшим приемам мнемоники; написал 14 больших писем, 28 малых и 18 записок (из коих 4 карандашом, одну кровью, одну сажей, разведенной на воде); и все это он успевал сделать, потому что научился распределять время, принимая в руководство Квинтина Джонсона, Сверлицкого, Каррелиуса и других публицистов и статистиков <...> В одном из его писем находилось и социалистическое стихотворение, обращенное к одной девушке и начинавшееся словами:

Люби не меня — но идею!»[42].

Большинство участников «хождения в народ» совершенно не заботилось о тактической гибкости и разнообразии форм пропаганды, что так отличало «чайковцев». Многие народники просто не умели подойти к народу. Поэтому «хождение в народ» 1874 г. изобиловало курьезами, вроде того, который случился с Д. М. Рогачевым и С. М. Кравчинским во время их пробного рейда в деревню осенью 1873 г., еще до начала массового «хождения». «Раз идем мы с товарищем по дороге, — рассказывал Кравчинский. — Нагоняет

---

[40] *Ковалик С. Ф.* Указ. соч. С. 136.

[41] Там же.

[42] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. М., Л., 1966. Т. 12. С. 115—116.

нас мужик на дровнях. Я стал толковать ему, что податей платить не следует, что чиновники грабят народ и что по писанию выходит, что надо бунтовать. Мужик стегнул коня, но и мы прибавили шагу. Он погнал лошадь трусцой, но и мы побежали вслед, и все время продолжал я ему втолковывать насчет податей и бунта. Наконец, мужик пустил коня вскачь, но лошаденка была дрянная, так что мы не отставали от саней и пропагандировали крестьянина, покуда совсем перехватило дыхание»[43].

При первых же попытках распропагандировать крестьян народники наталкивались на два непреодолимых препятствия в крестьянском сознании — на частнособственнический индивидуализм и царистские иллюзии. Характерный пример приводил О. В. Аптекман. Однажды, находясь, по его собственному признанию, «в ударе», он с воодушевлением развернул перед слушателями «картину будущего социального строя после народного восстания, когда сам народ сделается хозяином всех земель, лесов и вод». Оратор уже вообразил, что крестьяне, наэлектризованные его речью, готовы хоть сейчас к беззаветной революционной борьбе, как вдруг один из них торжествующе воскликнул: «Вот будет хорошо, когда землю-то поделим! Тогда я принайму двух работников, да как заживу-то!» «Весь мой социалистический пыл, — вспоминал Аптекман, — разлетелся, словно меня ушатом холодной воды окатили»[44].

Любые рассуждения народников о возможности всеобщего равенства крестьяне воспринимали либо как занимательную сказку о «царствии небесном», либо как пустословие. Рабочему-пропагандисту А. В. Васильеву, который начал разговор об этом, один из крестьян заявил: «Не ладно, брат, ты говоришь. Взгляни-ка на свою руку: на ней пять пальцев, и все неравные!» Против такого аргумента Васильев не знал, что возразить[45].

Что же касается царистских иллюзий, то они были столь же распространены, сколь живучи. Например, повсюду, где ходили толки о грядущем переделе земли (а толки эти шли по всем губерниям Центра и Юга России), крестьяне были убеждены, что «передел должен совершиться по воле царя»: «прикажет царь, приедут землемеры и поделят между всеми»[46]. Разубедить их в этом было почти невозможно.

Примеров взаимного непонимания между народниками и крестьянами было много. Надежды народников на возможность скорого крестьянского бунта рушились буквально с первых шагов «хождения в народ». Но революционный энтузиазм участников «хождения» был настолько велик, что они до последнего дня своего rendes-vous с народом не опускали рук и настойчиво продолжали начатую пропаганду. Более того, после самороспуска центральной группы петербургских кружков они пытались наладить координацию своих действий «в народе», устроив нечто вроде явочной квартиры всероссийского значения.

---

[43] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966. С. 284.
[44] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 172.
[45] *Кункль А. А.* Долгушинцы. М., 1932. С. 108.
[46] *Дебогорий-Мокриевич В. К.* Воспоминания. СПб., [1906]. С. 137.

Такой квартирой-явкой стала башмачная мастерская в Саратове на Царицынской улице (ныне ул. Первомайская, 88), открытая 21 мая 1874 г.[47]. Для технического руководства мастерской был вызван И. И. Пельконен, возглавлявший ранее такие же мастерские Большого общества пропаганды в Москве. Материальные средства для нее представил один из главных деятелей «хождения в народ» и его, как мы теперь сказали бы *спонсор*, бывший мировой судья Порфирий Иванович Войнаральский.

Это был незаконнорожденный сын княгини В. М. Кугушевой, принявший фамилию своего отца, надворного советника В. С. Ларионова, прочтенную наоборот и с прибавлением «ский» (Воноиралский, подправлено для благозвучия: Войнаральский)[48]. Ветеран народничества, друг и одноклассник по Пензенской гимназии Н. А. Ишутина и Д. В. Каракозова, он участвовал еще в студенческом движении 1861 г. и до 1868 г. был в ссылке, на Севере. В 1873–1874 гг. Войнаральский установил деловую связь с рядом самых крупных народнических кружков и, формально не входя ни в один из них, действовал вместе с ними: создавал новые кружки, мастерские, явки, снабжал народников деньгами, паспортами, литературой, налаживал между ними шифрованную переписку. На это он отдал все свое состояние, завещанное ему отцом и полученное от матери.

Саратовская мастерская Пельконена была не только явочной квартирой, где встречались и обменивались информацией участники различных кружков (кроме Войнаральского, «чайковцы» Д. М. Рогачев, И. Ф. Селиванов, И. Ф. Рашевский, а также С. Ф. Ковалик, А. И. Фаресов, С. А. Лешерн-фон-Герцфельдт, Р. А. Ширмер, Н. И. Паевский, П. А. Ломоносов и др.). Здесь же размещался крупнейший в России передаточный склад нелегальной литературы. Именно сюда пересылалась из Москвы для распространения через Саратов, Самару и Пензу литература, отпечатанная в типографии Мышкина.

Ипполит Никитич Мышкин — этот, как назвал его В. Г. Короленко, «страстотерпец революции»[49] и ее трибун, сын солдата и крепостной крестьянки, выбившийся «в люди» к высотам образования, правительственный стенограф, — устроил с помощью «чайковцев» свою типографию в доме № 5 по Арбату. Открыв ее 4 мая, он успел в течение месяца напечатать тиражами по несколько тысяч экземпляров и распространить народническую переделку «Истории французского крестьянина» Э. Эркмана — А. Шатриана, двухтомник сочинений Ф. Лассаля, выдержки из журнала «Вперед!» и прокламацию «чайковца» Л. Э. Шишко «Чтой-то, братцы». Работа типографии была пресечена в связи с разгромом саратовской мастерской Пельконена.

Мастерская (она же явочная квартира и склад нелегальной литературы) действовала меньше двух недель. Ее хозяева и клиенты вели себя, как гла-

---

[47] Подробно о ней см.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 267–268; ГАСО. Ф. 53. 1874. Д. 14. Т. 1–4.

[48] См. о нем: *Богина С. Л., Кириченко Т. М.* Революционер — народник П. И. Войнаральский. М.,, 1987.

[49] *Короленко В. Г.* История моего современника. М., 1965. С. 715.

сит обвинительный акт по делу «193-х», «странно и подозрительно» — никто из них никогда не был замечен пьян. *Непьющих сапожников* местные жандармы восприняли как нонсенс и 31 мая 1874 г. учинили в мастерской обыск. Их добычей, кроме пары дамских туфель — «единственного изделия мастерской», стали десятки книг «преступного содержания», фальшивые паспорта, конспиративные записки, адреса и т. д. — всего до 170 вещественных доказательств «крамолы». Именно разгром мастерской Пельконена убедил жандармские власти в существовании «революционного сообщества, имевшего разветвления в разных местностях империи», после чего и было начато «повсеместное расследование преступной деятельности обнаруженного сообщества»[50], т. е. фактически всероссийская облава против участников «хождения в народ».

Размах «хождения в народ» 1874 г. был для России беспрецедентным. По данным министерства юстиции, «хождение» захватило 37 губерний[51]. К ним надо прибавить 4 губернии, которые дополнительно названы в документах царского сыска, а также еще 10 губерний, где факт «хождения в народ», не раскрытый карателями, установили советские историки[52]. Итого, «хождением» 1874 г. были охвачены 51 губерния Российской империи! Общее число его активных участников простиралось «по меньшей мере <...> от двух до трех тысяч человек, причем вдвое или втрое больше этого сочувствовало и всячески помогало боевому авангарду»[53]. «Целый легион социалистов, — читаем в жандармском обзоре движения, — принялся за дело с такой энергией и самоотвержением, подобных которым не знает ни одна история тайного общества в Европе»[54].

Мы видели, что единственным оружием этого легиона было слово — устное и печатное. Оно не просто возбуждало, а главным образом *просвещало* крестьян. При всей «революционности» программы народников их «хождение» к крестьянам было мирным, пропагандистски-просветительным движением. Крестьяне же реагировали на него не опасно для самодержавия. Охотно слушая беседы народников о «хитрой механике» помещечье-буржуазной эксплуатации народа, они, в массе своей, оставались глухими к проповедям социализма и к призывам подниматься на борьбу. Были даже случаи, когда крестьяне выдавали слишком рьяных пропагандистов властям[55].

---

[50] Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3, С. 4 (обвинительный акт по делу «193-х»).

[51] Записка министра юстиции гр. [К. И.] Палена. Успехи революционной пропаганды в России. Женева, 1875. С. 10—12 (все 37 губерний здесь перечислены).

[52] Перечень этих 14 губерний и ссылки на источники см.: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976. С. 42.

[53] *Кропоткин П. А.* Указ. соч. С. 286.

[54] Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 8.

[55] *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПБ., 1911. Т. 2. С. 590. Вероятно, такие случаи были единичны. В обвинительном акте по делу «193-х» приведен лишь *один* пример, когда крестьяне выдали своему старосте П. И. Войпоральского и Н. А. Юргенсон, были приставлены к народникам в качестве караульных, но — «разошлись» (Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. С. 231).

Цивилизованное правительство в такой ситуации сумело бы оценить и просветительный энтузиазм народников и крестьянский иммунитет к самой идее революции, а наказало бы, причем умеренно, лишь необузданных бунтарей, которых сами народники прозвали «вспышкопускателями». Вместо этого царизм обрушился на всех «ходебщиков в народ» (жандармская терминология) с жесточайшими репрессиями.

Разгром саратовской мастерской Пельконена навел карателей на след большого числа кружков, рассеянных по разным губерниям. Из Саратова началось систематическое вылавливание пропагандистов на всем пространстве Европейской России. Каратели хорошо воспользовались конспиративным простодушием народников, действовавших «самым наивным образом, без принятия каких бы то ни было предохранительных мер против обнаружения их полицией, как бы игнорируя существование полиции в России»[56]. 4 июля 1874 г. дознание «О пропаганде в империи», уже начатое повсеместно, Александр II повелел централизовать в руках начальника Московского ГЖУ И. Л. Слезкина и прокурора Саратовской судебной палаты С. С. Жихарева. Юридически ответственным распорядителем дознания стал именно Жихарев — этот, по мнению кн. В. П. Мещерского, «настоящий Баярд без страха и упрека» и «гениальный обличитель», а в оценке А. Ф. Кони, палач, «для которого десять Сахалинов, вместе взятых, не были бы достаточным наказанием за совершенное им в середине 70-х годов злодейство по отношению к молодому поколению»[57].

Действительно, под руководством Жихарева, Россию захлестнула такая волна арестов («следственный потоп», как выразился знаменитый криминалист Н. С. Таганцев[58]), какой история русского освободительного движения еще не знала. «Слушая названия городов и местечек, в которых хватают, я повергаюсь просто в изумление, — писал в октябре 1874 г. А. А. Кропоткин П. Л. Лаврову. — Буквально: надо знать географию России, чтобы понять, как велика масса арестов»[59]. Жандармский генерал В. Д. Новицкий, который осуществлял «проверку числа арестованных лиц», насчитал таковых за 1874 г. только по 26 губерниям больше 4 тыс.[60] (М. И. Венюков по всей стране — до 8 тыс.[61]). Отметив, что «неразысканными оказались всего 53 из числа тех, кого полиция желала иметь», М. Н. Покровский справедливо заключал: «Такого полного провала революционное движение в России ни разу не испытывало ни раньше, ни после»[62].

---

[56] *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 352

[57] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2. С. 401, 402; *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 317.

[58] *Таганцев Н. С.* Пережитое. Пг., 1919. Вып. 2. С. 40.

[59] Цит. по: *Филиппов Р. В.* Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1873–1874). Петрозаводск, 1967. С. 288.

[60] *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. Л., 1929. С. 77.

[61] [*Венюков М. И.*] Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора. Прага, 1880. Т. 4. С. 88

[62] *Покровский М. Н.* Избр. произв.: В 4 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 456.

Царизм провел 30 судебных процессов над «ходебщиками в народ» 1874 г. Венцом царской расправы с ними стал процесс «193-х» — самый крупный из политических процессов за всю историю России.

5.3. Процесс «193-х»

Разгромив «хождение в народ», царизм замыслил устроить грандиозный показательный судебный процесс против «крамолы», чтобы выставить русских революционеров в одиозном и устрашающем виде как закоренелых злодеев, ополчить против них российскую и мировую общественность, вырвать с корнем всякое доброе чувство к ним со стороны россиян и, таким образом, излечить страну от заразной болезни под названием «революционная пропаганда». На специальных заседаниях по этому поводу 18 и 26 марта 1875 г. Комитет министров империи выражал уверенность в том, что ни революционные теории, которые, мол, суть не что иное, как «бред фанатического воображения», ни нравственной облик революционеров, проникнутый будто бы «неимоверным цинизмом», «не могут возбудить к себе сочувствия». Поэтому, заключали царские министры, большой показательный суд над «ходебщиками в народ» весьма желателен, и его должно устроить так, чтобы на нем была вскрыта «вся тлетворность изъясненных теорий и степень угрожающей от них опасности»[63].

Начали готовить суд, и тут выяснилось, что жандармские власти, к негодованию даже К. П. Победоносцева, «нахватали по невежеству, по самовластию, по низкому усердию множество людей совершенно даром»[64]. Пришлось наспех отделять овец от козлищ. Из многотысячной массы арестованных были привлечены к дознанию 770, а к следствию (после нового отбора) — 265 человек[65]. Для вящей тяжести обвинения следственные власти усердно подтасовывали факты, шельмовали обвиняемых и науськивали на них свидетелей. В результате следствие затянулось на 3,5 года. А тем временем подследственные томились в жутких условиях тюремных казематов, теряли здоровье и умирали (к началу процесса 43 скончались, 12 — покончили с собой и 38 — сошли с ума[66]).

Только осенью 1877 г. заключенным вручили обвинительный акт: суду предавались 197 наиболее опасных «крамольников». Из них еще четверо умерли, не дождавшись суда. Процесс был учинен над 193 лицами. По масштабам дела и числу обвиняемых столь крупного процесса в России не было ни раньше, ни позже. «Процесс-монстр», — называли его современники.

---

[63] *Татищев С. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 550–551.

[64] *Победоносцев К. П.* Письма к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 86

[65] Записка министра юстиции гр. [К. И.] Палена. С. 12.

[66] РН. Т. 1. С. 46 (все умершие и покончившие с собой перечислены). О том же: *Татищев С. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 549.

Обвинительный акт по делу «193-х» монтировался сообразно установке Комитета министров. Дабы устрашить общество «размерами пропаганды», он наклеивал на две сотни участников 35-ти кружков ярлык единого «преступного сообщества», сложившегося в исполнение всероссийского злодейского заговора. Все «сообщество» обвинялось в том, что оно готовило «ниспровержение порядка государственного устройства», а сами народники изображались прямо-таки чудовищами: обвинительный акт клеймил их «готовность к совершению всяких преступлений», инкриминировал им намерение «перерезать всех чиновников и зажиточных людей» и поносил их «учение, сулящее в виде ближайше осуществимого блага житье на чужой счет»[67]. Устроители процесса надеялись, что такое обвинение (если суд поддержит его, в чем власти не сомневались) ужаснет общество и побудит его из страха и отвращения перед «крамолой» пасть в объятия к правительству.

Суд по делу «193-х» открылся 18 октября 1877 г в ОППС. Председательствовал умудренный карательным опытом сенатор К. К. Петерс, обвинял скандально знаменитый в 70–80-х годах прокурор В. А. Желеховский — «судебный наездник», «воплощенная желчь»[68].

Подсудимые, в большинстве своем, к началу процесса уже договорились, как вести себя, в зависимости от характера суда. В том случае, если суд будет гласным, открытым, они намеревались использовать его как трибуну для пропаганды своих идей (62 из них отказались от услуг адвокатов, чтобы самим выступить с защитительными речами[69]). Если же суд будет закрытым, они решили бойкотировать его.

Власти, со своей стороны, нашли возможным сделать процесс ни закрытым, ни открытым. Он был объявлен публичным, но для него выбрали такое помещение, где едва уместились судьи и подсудимые. На обычные места для подсудимых (возвышение за барьером, которое обвиняемые тут же назвали «Голгофой») были усажены мнимые организаторы «сообщества»: Мышкин, Рогачев, Войноральский, Ковалик, а все остальные подсудимые заняли места для публики. На оставшиеся 15–20 мест, отгороженные в уголке зала, допускалась по именным билетам лишь проверенная «публика», которую для пущей надежности «цементировали» агентами III отделения. Сановные зеваки заполняли проход за судейскими креслами. «В зале суда, — вспоминал А. Ф. Кони, — были во множестве расставлены жандармы, и ворота здания, как двери храма Януса, заперты накрепко, будто самый суд находился в осаде»[70]. Все это позволяло властям и соблюсти юридический декорум, и гарантировать себя от излишней огласки возможных на суде эксцессов. Больше того, чтобы облегчить расправу над подсу-

---

[67] Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. С. 9–10, 104, 241. Организаторами «сообщества» обвинительный акт назвал И. Н. Мышкина, П. И. Войноральского, Д. М. Рогачева и С. Ф. Ковалика, из которых на деле Ковалик был руководителем отдельного бакунистского кружка, Рогачев — сотрудником Большого общества пропаганды, а Мышкин и Войноральский вообще не входили ни в какие кружки.

[68] *Кони А. Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 59, 64.

[69] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 161 Л. 60–60 об.

[70] *Кони А. Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 63.

димыми, суд поделил их на 17 групп для раздельного разбирательства дела с мотивировкой: «ввиду недостаточности помещения»[71].

Подсудимые ответили на это юридическое шулерство самым энергичным протестом. 120 из них бойкотировали суд, т. е. отказались являться на его заседания (их назвали «протестантами»), и только 73 человека, прозванные в отличие от них «католиками», согласились участвовать в суде. Бойкот суда «протестанты» мотивировали так: «Останемся чисты в глазах России. Она видит, что не мы дрогнули перед гласностью, а враг наш; она видит, что, убедившись в невозможности употребить суд как средство дать ей отчет в наших действиях и разоблачить перед нею действия нашего и ее врага, мы прямо и открыто плюнули на этот суд»[72].

При этом каждый из 120 «протестантов» не только заявил о непризнании суда, но и сопроводил свое заявление смелыми обличительными репликами, как бы удостоверяя афоризм Фридриха Шиллера: «Тот, кто ничего не боится, не менее могуч, чем тот, перед кем все трепещут». Мария Гейштор воскликнула: «Я должна заявить, что настоящий строй в России мне ненавистен, потому что в нем всем живется очень гадко не исключая и вас, господа судьи!»[73]. Александр Артамонов высказал догадку, что «приговоры Особого присутствия составляются в III отделении, и по этой причине Особое присутствие скрывается от лица всего мира»[74], а Феофан Лермонтов насмешливо предложил сенаторам «вместо всего другого лучше прочитать сегодня же окончательный приговор, который, вероятно, уже давно заготовлен у суда»[75].

Почти полторы сотни «протестантов» держались правила «один — за всех, все — за одного». Когда судья К. К. Петерс прервал вызывающе дерзкое заявление подсудимого Ивана Чернявского окриком «Довольно!», обвиняемые с мест потребовали: «Слушайте, когда вам говорят!» Петерс дослушал Чернявского до конца и только потом распорядился вывести его из зала. Тогда все «протестанты» дружно поддержали своего товарища возгласами: « Всех уводите! Мы все не признаем суда! К черту суд!»[76]. Петерс вынужден был удалить всех подсудимых и закрыть заседание. Такие сцены продолжались до тех пор, пока «протестантов» вообще не перестали водить в суд. Ничего подобного в истории царского суда не было ни до, ни после этого процесса. А дальше его устроителей ждали еще худшие сюрпризы...

«Протестанты» с первых же дней процесса поставили суд в затруднительное положение. Расчет царизма дискредитировать народников перед всей Россией и Европой был сорван. Наступательная тактика активного бойкота, избранная подсудимыми, выбивала из рук судей их главное ору-

---

[71] Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия Правительствующего Сената. СПб., 1878. Т. 1. С. 11.

[72] РГБ РО. Ф. 473. Д. 14. Л. 2 об. («Объяснение протеста на суде, написанное одним из подсудимых»).

[73] Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. С. 256.

[74] Там же. С. 251.

[75] Там же. С. 254.

[76] Там же С. 3.

жие — инициативу обвинения. Перед бойкотом они оказались беспомощны. «Каждое заседание суда преисполнено скандалов <...> Судьи не знают, что им делать», — писал об этом наследнику престола К. П. Победоносцев[77].

Ход суда над «католиками» тоже не оправдал надежд властей. Почти все подсудимые держались гордо и смело[78]. Представить их монстрами (в согласии с обвинительным актом) не было никакой возможности. Разоблачительных улик недоставало. В лучшем для суда случае выяснялось, что тот или иной подсудимый вел «предосудительные беседы» и распространял «запрещенные книжки». Даже свидетели, бывшие главным козырем для обвинения, в большинстве своем (исключая лишь платных агентов) отказались чернить подсудимых, ссылаясь на то, что за долгие годы дознания и следствия они «все забыли»[79], или же объявляя свои прежние показания «ложными», данными под диктовку запугавшего их прокурора[80]. «Забывчивых» свидетелей сенаторы попытались наводить на ответы, желательные для суда, но тщетно, ибо одни свидетели стояли на своем («забыл и все тут»)[81], а других мастерски обезвреживали защитники.

Никогда в России, — ни раньше, ни позднее, — состав защиты на политическом процессе не был таким блестящим, как по делу «193-х». Здесь был представлен почти весь цвет российской адвокатуры, связанный к тому же в значительной степени идейными, личными и даже родственными узами с революционным лагерем: «король адвокатуры» В. Д. Спасович — ближайший друг Сигизмунда Сераковского; «совесть адвокатского сословия» Д. В. Стасов — добрый знакомый А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского; первый боец сословия, оратор-громовержец П. А. Александров, зарегистрированный III отделением в списке «неблагонадежных»; Е. И. Утин — брат основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н. И. Утина; Г. В. Бардовский — брат одного из вождей польской социалистической партии «Пролетариат» П. В. Бардовского, повешенного царскими палачами; В. О. Люстиг — брат народовольца Ф. О. Люстига, осужденного на 20 лет каторги; близкий друг М. Е. Салтыкова-Щедрина, автор революционных стихов А. Л. Боровиковский; тогда еще молодой, впоследствии первый адвокат России Н. П. Карабчевский, женатый на сестре народовольца С. А. Никонова; друг юности П. И. Чайковского, тоже бывший на подозрении у жандармов, В. Н. Герард и др., всего — 35 адвокатов.

Поведение защиты на процессе «193-х» было выше всех похвал. Защита разоблачала предвзятость царской Фемиды, уличала в невежестве, доносительстве и прочих грехах подкупленных свидетелей обвинения и вообще

---

[77] *Победоносцев К. П.* Письма к Александру III. Т. 1. С. 97

[78] Среди «католиков» были такие незаурядные личности (по разным причинам не примкнувшие к бойкоту суда), как И. Н. Мышкин, А. Я. Ободовская, В. А. Жебунев, О. Г. Алексеева, Е. К. Судзиловская.

[79] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 788. Л. 66, 71, 109 и др.

[80] Там же. Л. 139.; Д. 771. Л. 16, 36 об.

[81] Наблюдавший за ходом суда агент III отделения доносил начальству: «Большинство свидетелей, будучи вызвано со стороны обвинительной власти, стоит на стороне подсудимых» (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 383. Л. 11).

«шла с подсудимыми рука об руку»[82], веруя в закономерность и неодолимость освободительного движения. «Никакие политические процессы, никакие заключения, — говорил Д. В. Стасов, — не остановят того хода мысли, который есть неотъемлемое достояние жизни общества в данный момент его исторического развития»[83]. Не зря III отделение за два дня до окончания процесса жаловалось царю: «Защитники, вместо того, чтобы сдерживать подсудимых, подстрекали их»[84]. На одном из последних заседаний суда П. А. Александров имел смелость заявить по адресу устроителей процесса: «Вспомнит их история русской мысли и свободы и в назидание потомству почтит бессмертием, пригвоздив имена их к позорному столбу!»[85].

Но, разумеется, главными героями процесса были не адвокаты, а подсудимые. Центральным, кульминационным его событием стала речь Ипполита Мышкина 15 ноября 1877 г. — одна из самых замечательных в истории политических процессов и «наиболее революционная речь, которую когда-либо слышали стены русских судов»[86].

Мышкин к тому времени был уже знаменит героической, обросшей легендами, попыткой освободить из Вилюйского острога Н. Г. Чернышевского (летом 1875 г.), но свой звездный час он пережил на процессе «193-х». По отзывам современников, он «обладал всем, что делает великим оратора»: силой убеждения, даром слова, воодушевлением, проникновенным голосом, который звучал, «как священный гром»[87]. Когда он говорил, то магнетизировал слушателей, и даже враги не могли не поддаться его обаянию[88].

Речь Мышкина по делу «193-х» была предварительно согласована с другими подсудимыми и выражала их общую точку зрения[89]. Мышкин для того и не присоединился к бойкоту суда (по договоренности с товарищами), чтобы выступить перед судьями и публикой с такой речью. В ней он провозгласил идеалы народнического социализма (« союз производительных, независимых общин», «право безусловного пользования продуктами труда» для каждого работника, «полнейшая веротерпимость» и пр.), но не в этом ее сила, а в обличительном пафосе и прогнозе. Разоблачив антинародную политику царизма после «мнимого освобождения» крестьян, Мышкин доказывал, что именно «невыносимо тяжелое положение народа» грозит революционным взрывом: «Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть неизбежность восстания».

---

[82] *Чарушин Н. А.* Указ. соч. С. 263

[83] ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 379. Л. 48 об.

[84] ГАРФ. Ф. III отд. Секр. архив. Оп.1. Д. 714. Л. 13.

[85] РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 382. Л. 58 об.

[86] С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (публ. В. С. Антонова) // Русская литература. 1963. № 2. С. 161.

[87] С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине (публ. В. С. Антонова). С. 162; *Тихомиров Л. А.* Заговорщики и полиция. М., 1930. С. 89–90.

[88] На процессе «193-х» корифеи адвокатуры «прибегали в волнении к другим подсудимым, чтобы поделиться с ними потрясающими впечатлениями от красноречия Мышкина» (*Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 172.)

[89] См.: *Базанов В. Г.* Ипполит Мышкин и его речь на процессе «193-х» // Русская литература. 1963. № 2. С. 150–151. Полный текст речи см.: РП. Т. 1. С. 371–391.

Председатель суда то и дело (60 раз!) прерывал Мышкина, одергивал его, грозил лишить слова. Тогда Мышкин бросил в лицо судьям убийственное обвинение: «Теперь я вижу, что у нас нет публичности, нет гласности, нет <...> даже возможности выяснить истинный характер дела, и где же? В зале суда! <...> Здесь не может раздаваться правдивая речь, за каждое откровенное слово здесь зажимают рот подсудимому. Теперь я имею полное право сказать, что это не суд, а пустая комедия, или ...нечто худшее, более отвратительное, позорное...

При словах «пустая комедия» председатель суда закричал: «Уведите его!» Жандармский офицер волком рванулся к Мышкину. Подсудимый Моисей Рабинович задержал его. Офицер оттолкнул Рабиновича, набросился на Мышкина и пытался зажать ему рот, но Мышкин, вырываясь из рук офицера, продолжал все громче и громче начатую фразу: «...более позорное, чем дом терпимости: там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и окладов торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества!»

Друзья, защищая Мышкина от жандармов, дали ему возможность досказать речь до конца. В агентурном донесении сообщалось, что уже после того как Мышкин умолк, вокруг него «более пяти минут происходила борьба с ужасным шумом, криком и бряцанием оружия. Наконец, Мышкин был вытащен со скамьи через головы других подсудимых, причем жандармы тащили его за волосы, руки и туловище несколько человек разом»[90]. Когда Мышкина поволокли из зала, подсудимый Сергей Стопане бросился к судьям и в упор кричал на них: «Это не суд! Мерзавцы! Я вас презираю, негодяи, холопы!»[91]. Богатырь Дмитрий Рогачев, который мог связать в узел железную кочергу, «подбежал к решетке, отделявшей сенаторов от подсудимых, и привел судей в ужас, с огромной силой сотрясая эту решетку»[92].

Очевидцы вспоминали, что в тот момент в зале царило величайшее смятение. Председатель суда сбежал, забыв объявить о закрытии заседания. Все сенаторы последовали за ним. Подсудимые выкрикивали проклятия, публика металась по залу, несколько женщин упали в обморок. Наконец, многочисленная свора жандармов с саблями наголо выпроводила и подсудимых и публику из зала. Прокурор Желеховский, который в замешательстве сновал между покинутыми судейскими креслами с лицом, как говорят французы, «puce evanonie» («цвета блохи, упавшей в обморок») мог только сказать: «Это настоящая революция!»[93].

Речь Мышкина, сразу обошедшая мировую прессу[94], сильно ударила по авторитету суда и всего царского режима. Сергей Кравчинский передавал

---

[90] Цит. по: *Антонов В. С.* И. Мышкин – один из блестящей плеяды революционеров 70-х годов. М., 1959, С. 56.

[91] РН. Т. 1. С. 391.

[92] *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 708

[93] РН. Т. 1. С. 392.

[94] См. об этом: *Lavigne E.* Jntroduction a l'histoire du nihilisme russe. Paris. 1880. P. 352–371; Arnaudo J. Le nihilisme et les nihilistes. Paris. [s. d.] P., 212.

очень характерный отзыв о ней из уст царского генерала: «Сотни нигилистов за целый год не могли сделать нам столько вреда, сколько нанес этот человек за один-единственный день»[95].

Последующие дни на процессе «193-х» тоже не принесли лавров царизму. 23 января 1878 г. процесс закончился так же бесславно для властей, как и начался. Нацеленный на посрамление «крамолы», он дал прямо противоположные результаты. «Едва ли наше правительство когда-нибудь и чем-нибудь оскандалилось так, как настоящим процессом»[96], — читаем в перлюстрированном письме из Москвы в Архангельск от 10 января 1878 г.

Дабы хоть как-то сгладить невыгодное впечатление от суда, Особое присутствие смягчило приговор по сравнению с тем, на что рассчитывали правящие «верхи», и дерзнуло оправдать 90 обвиняемых, отсидевших, кстати, по 3-4 года в предварительном заключении (теперь им было объявлено, что они *невиновны*). Александр II, однако, вновь — уже во второй раз после суда над С. Г. Нечаевым в 1873 г. — использовал прерогативу монарха не для смягчения, а для отягчения судебной кары. Своей властью он отправил в административную ссылку 80 человек из 90 оправданных судом[97]. «Это, — вспоминал В. Г. Короленко, — произвело самое отрицательное впечатление даже на нейтральное общество и, может быть, решило участь Александра II»[98].

39 обвиняемых суд приговорил к ссылке, 32 — к тюрьме, а 28 (в том числе 11 «чайковцев») — к каторге на срок от 3,5 до 10 лет. «Таким образом, — отметил С. М. Кравчинский, имея в виду не только этот, но и другие процессы народников-пропагандистов (долгушинцев, Н. А. Шевелева, Е. С. Семяновского, «50-ти»), — то самое, что делается совершенно свободно в любом западноевропейском государстве, у нас наказывается наравне с убийством»[99]. Самый большой каторжный срок (10 лет) получили пятеро: Мышкин, Войноральский, Рогачев, Ковалик и Муравский. Ипполит Мышкин 19 апреля 1882 г. бежал с Нерчинских рудников, добрался до Владивостока, но там был схвачен и доставлен в Шлиссельбургскую крепость, где заточен навечно в одиночный склеп. Он и в Шлиссельбурге не опустил рук, боролся, протестовал, запустил арестантскую тарелку в физиономию смотрителю-изуверу М. Е. Соколову[100] и за это 26 января 1885 г. был расстрелян.

Никто из осужденных по делу «193-х» не просил о помиловании. Напротив, 24 «протестанта» (из них 14 — «чайковцы») 25 мая 1878 г. перед отправкой на каторгу и в ссылку, рискуя еще более ухудшить свою участь, обратились к «товарищам по убеждениям», оставшимся на воле, с завеща-

---

[95] С. Степняк-Кравчинский об Ипполите Мышкине. С. 162.

[96] ГАРФ. Ф. III отд. Секр. архив. Оп. 1. Д. 711. Л. 2.

[97] См.: *Левин Ш. М.* Финал процесса «193-х» // Красный архив. 1928. Т. 5.

[98] *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 712.

[99] *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. М., 1972. С. 401. Предумышленное убийство без отягчающих вину обстоятельств каралось тогда в России каторгой от 8 до 12 лет (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 7 изд. СПб., 1892. Ст. 1455).

[100] «Мы не знаем ни одного другого тюремщика, «слава» которого могла бы сравниться со «славой» Соколова, или «Ирода», как его прозвали заключенные» (*Гернет М. Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1961. Т. 3. С. 209.)

нием: «идти с прежней энергией и удвоенною бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха»[101].

Процесс «193-х» — этот трехмесячный «поединок между правительством и революционной партией»[102], — произвел громадное впечатление на современников. «Внимание всей Европы приковано к этому чудовищному процессу» — писала французская газета «Равенство»[103]. Такого, чтобы людей за слово их веры судили, как за убийство, и чтобы при этом подсудимые обратили в бегство весь судебный синклит и вступили врукопашную с жандармами, на Западе еще не видели. В самой России под впечатлением процесса революционные силы резко активизировались, а «кредит социалистов <...> поднялся до небывалой прежде высоты»[104]. Откликаясь на завещание осужденных по делу «193-х», редактор журнала «Община» член Большого общества пропаганды Д. А. Клеменц в сентябре 1878 г. пророчески утверждал: «Суждено ли нашим товарищам погибнуть в тюрьме среди пыток и мучений, удастся ли им снова попасть на вольный свет, все равно: они будут жить между нами, будут жить, пока останутся на Руси живые люди, способные понимать живое слово <...> Ни казни, ни осадные положения не остановят нас на пути исполнения завещания наших товарищей — и оно будет исполнено!»[105]

5.4. Итоги

Итоги «хождения в народ» 1874 г. были с достаточной ясностью оценены самими его участниками. Несмотря на ряд случаев, удовлетворивших народников, движение в целом не оправдало «тех радужных, можно сказать почти ребяческих надежд, которые на него возлагались»[106]. Практический результат пропаганды в народе по всей России был «почти неуловим»[107].

Весьма критически оценивали итоги «хождения в народ» «чайковцы», которые еще до начала движения призывали его участников более трезво смотреть на революционные возможности масс. Видный организатор «хождения» А. Я. Ободовская в августе 1874 г. разочарованно констатировала, что народники лишь «пропорхнули по Руси» и что они вообще не смогут добиться «чего-нибудь путного», поскольку «народ не знают и a priori решают»[108]. Еще более резко высказался С. М. Кравчинский. По его мнению,

---

[101] Фотокопия с рукописного оригинала завещания хранится в ГИМ ОПИ (Ф. 282. Д. 327. Л. 290). Текст его см.: РН. Т. 1. С. 399–400.

[102] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 3. С. 166.

[103] L'Egalité. Paris, 1879. 24 fevrier.

[104] «Вперед!». 1877. Т. 5. Отд. 2. С. 163.

[105] Община. [Женева], 1878. № 8–9. С. 2, 4.

[106] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 97.

[107] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 178.

[108] Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. С. 232.

1874 г. показал «с одной стороны, громадность сил, бесконечное самоотвержение, героизм в деятелях; с другой стороны — совершенную ничтожность результатов». «В конце концов, — заключал Кравчинский, — необходимо было признать, что лбом стены не прошибешь»[109].

Главная причина неудачи «хождения в народ» известна: народники ошибочно рассматривали крестьянство как силу, способную осуществить социалистическую революцию, держались «совершенно иллюзорного представления о «перманентной революционности» народа»[110]. Ошибочность, иллюзорность народнических представлений о крестьянстве в значительной степени объяснялась тем, что они строились абстрактно, не из жизни, а из теоретических умозаключений, плохо связанных с жизнью. В результате, народники, естественно, разочаровались в настроении народа, а народ, со своей стороны, не понял их.

Итак, с точки зрения реализации народнических замыслов «хождение в народ» потерпело крах. Но, оказавшись неудачным, оно не стало бесплодным. Напротив, опыт «хождения в народ» был во многих отношениях плодотворным. Во-первых, он неизмеримо расширил круг борцов за свободу и приумножил их активность. «Движение не только не уменьшается, но идет crescendo, — писал Д. А. Клеменц П. Л. Лаврову после арестов 1874 г. — Вместо паники вы встречаете энтузиазм, люди вырастают словно из земли»[111]. С 1875 г. начался новый этап движения, приведший к созданию гораздо более крупных, чем в 1871—1874 гг., революционно-народнических организаций всероссийского значения.

Во-вторых, практическая безрезультатность «хождения» ударила по иллюзиям народников, заставила их усомниться в «перманентной революционности» народа. «Все почувствовали, — вспоминал Кравчинский, — что таким путем, каким шли до сих пор, идти дальше нельзя»[112]. В итоге народники занялись поисками других, более рациональных путей борьбы и сумели поднять освободительное движение на новый этап. Началось их высвобождение из-под груза специфически народнического аполитизма. Выдающуюся роль в этом сыграл процесс «193-х». Он резко ускорил переход народников от аполитичной пропаганды в деревне к политической борьбе непосредственно против самодержавия, поскольку столкнул их лицом к лицу с царским правительством и помог им убедиться в необходимости поставить борьбу против деспотизма такого правительства во главу угла. Именно с 1878 г., сразу вслед за процессом «193-х», начался новый террористический (нацеленный уже против царизма) фазис движения: 23 января был объявлен приговор по делу «193-х», а 24 января Вера Засулич стреляла в царского сатрапа Ф. Ф. Трепова.

В-третьих, «хождение в народ» 1874 г. сильно обеспокоило «верхи»: правительство, по выражению Кравчинского, хоть и «сдуру», но «перепуга-

---

[109] *Степняк-Кравчинский С. М.* Соч. Т. 1. С. 382; Былое (Paris). 1912. № 14. С. 60.

[110] *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 427.

[111] Цит. по: *Филиппов Р. В.* Указ. соч. С. 294—295. О том же в декабре 1874 г. писал А. А. Кропоткин (Там же. С. 295).

[112] Красный архив. 1926. Т. 6. С. 196.

лось» (В. Г. Короленко отметил даже: «перепугалось насмерть»)[113]. Власти считали тогда народ «гранитным пьедесталом престола» и недоумевали, «отчего агитаторы пошли в гранит»[114]. Сочувствие крестьян в ряде мест и случаев к пропаганде народников вызвало переполох в «верхах». С конца 1874 г. царизм начал собирать одно за другим представительные совещания, чтобы исследовать причины «быстрого распространения разрушительных учений» и «обсудить, не представляется ли необходимым принять какие-либо другие (помимо репрессий. — *Н. Т.*) меры с целью уменьшения влияния обнаружившейся деятельной пропаганды»[115]. Документы этих совещаний, а также майский 1875 г. циркуляр обер-прокурора Синода Д. А. Толстого и записка министра юстиции К. И. Палена под выразительным названием «Успехи революционной пропаганды в России» (1875 г.) требовали мобилизовать «все благомыслящие элементы общества» на борьбу с пропагандой[116].

Важным (хотя и побочным) результатом «хождения в народ» явилось падение П. А. Шувалова. В самый разгар «хождения», когда стала очевидной тщетность восьми лет диктатуры «Петра IV», царь разжаловал его из диктаторов в дипломаты, сказав ему однажды за карточным столом, будто бы между прочим: «А знаешь, я тебя назначил послом в Лондон»[117]. 22 июля 1874 г. пост шефа жандармов занял Александр Львович Потапов — не столь грозный, как Шувалов, совсем не умный (современники находили в нем лишь «канареечный ум»[118]), но во всем, даже в собственном неразумии, последовательный и злопамятный: он, например, всегда останавливался проездом в Майнце, чтобы «показать язык статуе Гутенберга»[119]. Царь заменил Шувалова именно Потаповым скорее всего потому, что Потапов из-за ничтожества своего лучше других позволял царю отдохнуть от тяжелой опеки со стороны Шувалова, но на жандармском поприще все-таки проявил отменную сноровку, подтасовав в свое время т. н. «дело Чернышевского». Можно было надеяться, что теперь, когда требовалось не только давить a'la Шувалов, но и лавировать, ловчить, сноровистый Потапов окажется удобным шефом жандармов.

---

[113] *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 427.

[114] *Валуев П. А.* Дневник. М., 1961. Т. 2. (1865–1876). С. 314.

[115] РГИА. Ф. 1405. Оп. 75. Д. 7208. Л. 3; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3772а. Л. 4.

[116] Записка министра юстиции гр. Палена. С. 17.

[117] *Кони А. Ф.* Собр. соч. Т. 5. С. 285. Версию Т. А. Филипповой, будто «лишила власти» Шувалова из ревности к нему фаворитка царя Е. М. Долгорукова (Родина. 1994. № 8. С. 56), трудно принять всерьез. Что же касается конституционных замыслов Шувалова (см.: *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 113–115), то они , скорее всего, разочаровали Александра II не сами по себе, а как подтверждение все той же тщетности репрессивно-шуваловского курса.

[118] *Валуев П. А.* Дневник. Т. 2. С. 312.

[119] *Кони А. Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 37. Потапов возглавил карательную службу империи, будучи уже не вполне нормальным. Вскоре у него открылось «разжижение мозга», которое перешло в «буйное помешательство» (*Валуев П. А.* Дневник. Т. 2. С. 387, 388) . 30 декабря 1876 г. новым шефом жандармов был назначен Николай Владимирович Мезенцов — каратель шуваловского склада.

Наконец «хождение в народ» отчасти все-таки пошевелило крестьянскую массу, положив начало не бывалым ранее сдвигам в ее сознании, вплоть до антицаристской настроенности. В. А. Виноградов по данным только верхневолжских губерний выявил сотни крестьян, привлеченных в 70-е годы к следствию *за участие* в народнической пропаганде[120]. Другие губернии не были исключением. Даже если эти сотни слагались в тысячи, в многомиллионной массе они были тогда мало заметны, но многое значили как провозвестники новой, революционной эпохи. Г. В. Плеханов, вопреки мнению Д. Н. Овсянико-Куликовского[121], соглашался с той оценкой итогов «хождения в народ», которую дал по свежим следам событий Альфонс Тун: «Жертвы были многочисленны и тяжелы, результаты весьма незначительны. Но не следует думать, что пропаганда прошла без всяких следов. Во многих случаях социалистические идеи запали в головы крестьян <...> Пропагандистское движение пустило в народе более глубокие корни, чем все прежние заговоры, и заложило основы для будущей революционной партии»[122]. В наше время хорошо сказал о «трагедии одиноких борцов» 1874 г. В. Г. Базанов: «Это была оптимистическая трагедия»[123].

---

[120] *Виноградов В. А.* Крестьянское движение на Верхней Волге в пореформенный период (1861–1881). АДД. Свердловск, 1990. С. 35.

[121] В «очной ставке между передовой интеллигенцией и народом» народ сказал: «Не суйся!» (Овсянико-Куликовский Д. Н. Собр. соч. 5 изд. СПб., 1914. Т. 8. С. 210).

[122] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 100.

[123] *Базанов В. Г.* Д. М. Рогачев – особенный человек» // Русская литература. 1978. № 4. С. 134.

Глава VI

ПЕРЕПУТЬЕ

6.1. Уроки 1874 года

1874 годом «хождение в народ» не закончилось. Некоторые народники, довольные результатами своей пропаганды, настраивались на продолжение начатого. М. Д. Муравский так писал об этом:

Добрая почва:
Семя тут ладно упало...
Ну-ка, что дальше?
Пашни еще ведь немало[1]

Рецидивы «хождения» возобновлялись и в 1875 и даже в 1876 гг. Так, летом 1875 г. продолжали свое «хождение» Д. М. Рогачев и О. В. Аптекман, впервые отправились «в народ» С. И. Сергеев, Ф. С. Покрышкин и будущий народоволец Н. И. Кибальчич (все трое были тогда же арестованы и после долгого тюремного заточения предстали перед судом: Сергеев и Покрышкин в 1877, а Кибальчич – в 1878 г.). Из опытов «хождения в народ» 1876 г. известен ознакомительный рейд еще одного будущего народовольца А. И. Баранникова по уездам Земли Войска Донского. Но все эти опыты предпринимались уже спорадически, крайне малым числом участников, как бы по инерции массового «хождения» 1874 г. Главным же образом в 1875–1876 гг. народники были заняты пересмотром своей тактики «хождения в народ», пытаясь извлечь надлежащие уроки из неудачи 1874 г.

Уяснить себе коренную причину неудачи (то есть переоценку революционности крестьянства) народники – именно потому, что они были народниками, – не могли. С позиций народнического мировоззрения они нашли ряд других (тоже существенных) причин, которые и вознамерились устранить. Главной причиной неудачи «хождения» они сочли *абстрактный*, отвлечен-

[1] Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв. Л., 1988. Т. 2. С.269.

ный характер своей пропаганды, не связанный с конкретными нуждами крестьян. Народники упрекали себя в том, что они толковали крестьянам о такой высокой и далекой от них невидали, как *социализм* (по разумению крестьян, «царствие небесное»), вместо того, чтобы будить в крестьянах социалистический образ мыслей путем обсуждения их собственных нужд и запросов. «Непродолжительный период нахождения нашего в народе, — свидетельствовал в 1881 г. А. И. Желябов, — показал всю книжность, все доктринерство наших стремлений, а с другой стороны, убедил, что в народном сознании есть много такого, за что следует держаться»[2]. Именно абстрактность, «книжность» пропаганды и была, как решили теперь народники, той первопричиной, из-за которой народ не понял их и остался равнодушным к их зажигательным проповедям.

Вторую причину неудачи «хождения в народ» народники усмотрели в *кратковременности* своей пропаганды. «В громадном большинстве случаев, — сожалел Александр Михайлов, — пропагандисты только проходили через народ, получали от него то или иное впечатление, наблюдали его жизнь, а передавать ему свои мысли приходилось только мимоходом»[3]. Между тем, «поголовная безграмотность массы» (по выражению того же Михайлова) требовала от пропагандистов долгой, кропотливой и терпеливой работы в каждом месте. Иначе говоря, народники пришли к выводу, что за кратковременностью своего пребывания в народе они просто *не успели* должным образом распропагандировать крестьян.

Третья причина неудачи «хождения» заключалась, по разумению самих народников, в организационной слабости, в отсутствии руководящего центра, который обеспечивал бы координацию, планомерность и результативность революционной пропаганды. В этом смысле «организации не было и следа», — с горечью констатировал С. М. Кравчинский[4].

Наконец, сразу же после разгрома «хождения в народ» 1874 г. народники начали ссылаться как на одну из причин своей неудачи (тогда они считали: не главную) на репрессии со стороны правительства. Не только в своем кругу, но и в обращениях к власти и к обществу со скамьи подсудимых на различных процессах народники возмущались тем, что мирная пропаганда их идей чрезвычайно затруднена, «когда всякая честная попытка убивается грубой силой»[5], «когда за всякое желание, не согласное с требованиями правительства, люди награждаются каторгою»[6].

Таковы были, по мнению самих участников «хождения в народ» 1874 г., причины их неудачи. Анализируя причины, народники отказывались признать свою неудачу фатальной. Напротив, они рассудили, что все поправимо, если устранить допущенные в 1874 г., теперь очевидные для них, ошибки. Во-первых, чтобы «достучаться» до сознания крестьян, решено бы-

---

[2] Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 338–339.
[3] *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. М., 1925. С. 102.
[4] Былое (Paris). 1912. № 14. С. 60.
[5] РН. Т. 1. С. 361 (речь Г. Ф. Здановича на процессе «50-ти»).
[6] Там же. С. 372 (речь И. Н. Мышкина на процессе «193-х»).

ло изменить характер пропаганды, а именно конкретизировать ее, приблизить к насущным запросам крестьянства, идти не от программы к народу, а от народа к программе, «выставить на своем знамени уже самим народом сознанные идеалы»[7]. Отныне народники решили воздействовать на крестьян не абстрактными рассуждениями о социализме, а призывами к удовлетворению их конкретных требований, прежде всего — *земли и воли*, всей земли и полной воли.

Во-вторых, практически все народники сошлись на том, что «надо раз навсегда оставить кочевую форму» пропаганды[8], и впредь вести ее не «с налету», а оседло, путем устройства *поселений* революционеров в деревне (под видом учителей, писарей, фельдшеров и пр.) Это, с одной стороны, обеспечивало большую основательность и действенность пропаганды, поскольку она становилась в каждом избранном месте длительной и позволяла доводить сознание местных крестьян до нужного градуса революционности, а с другой стороны, все это предохраняло народников от полицейских репрессий, ибо оседлый пропагандист, замаскированный под учителя или фельдшера, вызывал меньшее подозрение, чем «летучий», бродячий.

В-третьих, было решено, ради большей эффективности пропаганды и опять-таки ради лучшей защиты пропагандистов от возможных репрессий, создать крепкую всеобъемлющую организацию, которая смогла бы координировать любые действия революционеров в масштабе всей страны из единого центра. «Мы должны во что бы то ни стало сплотиться в одно целое и стройное тело, — призывала летом 1876 г. газета П. Л. Лаврова «Вперед!» — Нам пора узнать свои силы, сосчитать свои ряды, обеспечить их от нападения врагов, создав организацию, которая удесятерит наш союз»[9]. При этом, однако, редакция газеты предостерегала народников от возникновения внутри организации «безответственной диктатуры» отдельных лиц[10].

Все это обсуждалось повсеместно и одновременно с поразительным единодушием. Народники попытались даже (но, по-видимому, не смогли) созвать в Москве до конца 1875 г. объединительный съезд[11]. Во всяком случае, «не сговариваясь, — вспоминал О. В. Аптекман, — люди пришли к одним и тем же выводам, а это уже одно говорило за их жизненность, реальность и осуществимость»[12].

Эти выводы говорят о том, что пересмотр тактики народников в 1875—1876 гг. был *частичным*. Исходный тактический принцип остался незыблемым: пропаганда народнических идей в деревне, среди крестьян. Новая тактика выразилась лишь в изменении *способов* пропаганды и в усовер-

---

[7] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 139.

[8] *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924. С. 181.

[9] Вперед! 1876 г. № 34 (1 июня).

[10] Там же. 1876. № 29 (15 марта).

[11] Ср.: *Лифшиц Г. М.* К истории московского съезда народников 1875 г // История СССР. 1965. № 4; *Итенберг Б. С.* П. Л. Лавров в русском освободительном движении. М., 1988. С. 163—164.

[12] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 183.

шенствовании ее *организации*. С новых тактических позиций и была начата подготовка к созданию общероссийской организации народников. Такой организацией стало общество «Земля и воля», сложившееся к концу 1876 г.

Однако в период между разгромом «хождения в народ» 1874 г. и возникновением «Земли и воли», т. е. в то время, когда народники были заняты мучительным пересмотром своей тактики, в России успела оформиться, развернуть активную деятельность и погибнуть еще одна замечательная народническая организация — т. н. «москвичей».

6.2. «Всероссийская социально-революционная организация» 1874–1875 гг. («Кружок москвичей»)

Этот кружок сформировался вскоре после «хождения в народ» 1874 г. под впечатлением расправы с участниками «хождения». Он стал первой организацией, строившей свою революционную деятельность с учетом печального опыта «хождения в народ». Отсюда — те новые стороны, которые проявились и в организационной структуре и в тактике «кружка москвичей», по сравнению с прежними народническими кружками.

Возникновение организации «москвичей» — процесс сложный, но для того времени обычный. Ее родоначальниками стали (как это было и в истории возникновения петербургской группы «чайковцев») два кружка — мужской и женский: кружки студентов-грузин во главе с И. С. Джабадари и девушек-студенток, которых возглавляла С. И. Бардина. Оба эти кружка возникли в Швейцарии, где в 70-х годах гнездилась многолюдная русская политическая эмиграция. Ее деятели активно участвовали тогда и в российском, и в европейском освободительном движении. Среди них выделялись М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев. С 1870 по 1872 гг. в Швейцарии действовала Русская секция I Интернационала[13], представителем которой в Генеральном совете Интернационала был, по ее просьбе, сам Карл Маркс. Все это повлияло на организацию кружков Бардиной и Джабадари, хотя формировались они не из эмигрантов.

Кружок Бардиной составили девушки из обеспеченных (дворянских и разночинских) семей, приехавшие из России на учебу в Цюрихский университет. В России тогда двери университетов, по выражению В. Н. Фигнер, «были закрыты для женщин, как двери алтарей». Женская молодежь поэтому стремилась получить высшее образование за границей. Впрочем, — не только высшее образование, но и теоретическую подготовку, навыки политической борьбы, что могло бы пригодиться со временем дома. «Чтобы

[13] О ней есть несколько монографий. Лучшая из них: *Козьмин Б. П.* Русская секция Первого Интернационала. М., 1957.

«Чтобы решить мучившие нас вопросы, поехали учиться в Цюрих», — вспоминала Е. Д. Суботина[14].

Вокруг Бардиной к осени 1872 г. объединились 12–15 студенток Цюрихского университета: две сестры Фигнер — Вера и Лидия, две сестры Любатович — Вера и Ольга[15], три сестры Субботины — Евгения, Мария, Надежда; Варвара Александрова, Бетя Каминская, Анна Топоркова, Дора Аптекман, Александра Хоржевская и, возможно, другие. Состав кружка был таким, что, по мнению И. С. Джабадари, «в смысле идейного и нравственного закала лучшего ничего нельзя было искать»; девушки из кружка Бардиной «только на вид казались очень юными, в действительности же они были самыми развитыми, самыми подготовленными для революционной деятельности, каких я встречал не только среди женской, но и мужской молодежи»[16].

Такая оценка участниц кружка Бардиной в принципе (с необходимой скидкой на чисто кавказское увлечение женщинами со стороны Джабадари) справедлива. К 1874 г., когда с ними познакомился Джабадари, они после гимназий и пансионов проучились по 2–3 года в Цюрихском университете, основательно проштудировали общедоступные в Швейцарии сокровища мировой социалистической литературы от Т. Мора и Т. Кампанеллы до К. Маркса и А. И. Герцена, ознакомились с практикой европейского освободительного движения: присутствовали на съездах разных секций I Интернационала, слушали Бакунина, общались с Лавровым. «Петр Лаврович, — вспоминала Е. Д. Субботина, — несмотря на свою ученость, относился к нам очень дружески, и мы шли к нему со всякими вопросами»[17]. Разумеется, особое внимание кружковцы проявляли к тому, что происходило тогда в России: напряженно следили по швейцарским, французским и прочим газетам, а также по рассказам эмигрировавших очевидцев, за расправой царизма с массовым «хождением в народ». Что же касается их «нравственного закала», то все они были безупречно воспитаны, интеллигентны, отзывчивы и по-народнически самоотверженны.

Первую роль в кружке играла выпускница Тамбовского института благородных девиц Софья Илларионовна Бардина. Остальные кружковцы группировались вокруг нее, уважительно называя ее «тетушкой». Бардина была старшей в кружке по возрасту (весной 1873 г. ей «стукнул» уже 21 год, тогда как подругам ее было по 18–20), а главное, она выделялась более строгим отношением к себе и другим[18]. Кружок ее представлял собой

---

[14] *Субботина Е. Д.* На революционном пути. М., 1928. С. 15.

[15] У них были еще три сестры, не связанные с революционным движением: Татьяна — выдающаяся оперная певица (ее портреты рисовали М. А. Врубель, К. А. Коровин, М. В. Нестеров); Клавдия — по мужу Винтер, антрепренер Русской частной оперы С. И. Мамонтова; Анна — мать Героя Советского Союза летчицы Марины Расковой.

[16] *Джабадари И. С.* Процесс «50-ти» // Былое. 1907. № 9. С. 183, 186.

[17] *Субботина Е. Д.* Указ. соч. С. 15.

[18] Отчасти из конспиративных, а частью из озорных соображений прозвища имели в кружке почти все девушки: так, Ольгу Любатович за угрюмый взгляд исподлобья звали

оформленную организацию с уставом (который, правда, «был почти полной копией с устава любой секции Интернационала»[19]) и немалыми денежными средствами. Почти весь свой капитал девушки вкладывали в революционное дело, а сами жили по-спартански скромно, коммуной. Их коммуна тогда же получила широкую известность под названием «*кружок фричей*» (по имени хозяйки дома, в котором жили кружковцы).

Летом 1873 г. «фричи» приняли собственную программу, проект которой составила О. С. Любатович — впоследствии член Исполнительного комитета «Народной воли». Программа эклектично сочетала в себе идеи Бакунина, Лаврова (преимущественно) и даже Маркса, что, впрочем, можно расценить и как свидетельство широты взглядов «фричей». Главным образом в духе того времени она предписывала кружковцам «проводить в народе социалистические идеи», для чего им, «конечно, надо было жить среди народа»[20], т. е. ориентировала их на «хождение в народ».

Другой кружок — студента-медика из грузинских дворян Ивана Спиридоновича Джабадари — возник в Женеве летом 1874 г., после того как Джабадари и его товарищи (М. Н. Чекоидзе, князь А. К. Цицианов и др.) вышли из националистического общества кавказцев «Ярмо». Это общество образовалось в Швейцарии и выступало за отделение Кавказа от России, чтобы создать независимую «федеративную кавказскую республику». Кружок Джабадари занял иную позицию: «мы решили работать в России рука об руку с русскими, глубоко убежденные, что если нам когда-нибудь суждено победить в России, тем самым мы победим и на Кавказе; завоевав свободу народу русскому, тем самым завоюем ее и для народов Кавказа. В нашем лице мы вносили в общее дело русской свободы и скромную лепту Кавказа. Не сепаратизм, а совместная работа — вот был наш лозунг»[21]. Когда кружок Джабадари узнал о разгроме «хождения в народ», у него, так же, как и в кружке Бардиной, возникла «нравственная потребность идти на смену погибшим за всенародное дело»[22].

В ноябре 1874 г. Джабадари и Чекоидзе встретились в Берне с участницами кружка Бардиной и договорились об объединении обоих кружков для совместной революционной борьбы на родине. Чтобы надлежаще оформить единую организацию, был назначен съезд ее учредителей в Москве.

Этот съезд состоялся в феврале 1875 г. с участием 17 человек[23]. На нем был принят устав организации с программными требованиями (автор проекта — Джабадари). Принятое здесь же официальное название «Всероссийская социально-революционная организация» в литературе не прижилось, историки вслед за мемуаристами обычно называют ее «кружком москви-

«волчонком», а Дору Аптекман за мужественный вид «гусаром» (*Фигнер В. Н.* Студенческие годы // Голос минувшего. 1922. № 2. С. 175).

[19] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 124.

[20] Там же. С. 126 (текст программы «фричей» до нас не дошел).

[21] *Джабадари И. С.* Указ. соч. С. 186.

[22] Там же. С. 181.

[23] Все они перечислены в кн.: *Панкина Н. Б.* «Москвичи». М., 1974. С. 49.

чей». Это была первая в России 1870-х годов народническая организация, вооруженная уставом.

Устав «москвичей»[24] закреплял антинечаевские принципы революционной организации. Главными из них были три следующих: «1) Абсолютное равенство всех членов во всех делах. 2) Полная солидарность. 3) Полное доверие и откровенность в делах». Предметом особых забот «москвичей» была их нравственная репутация. «Мы, — подчеркивал Джабадари, — стремились осуществлять на деле самые строгие нравственные начала <...>, хорошо понимая, что только нравственный идеал может освещать нам путь и привлекать сердца, ищущие правды»[25]. Подобно «чайковцам», «москвичи» были очень требовательны к приему новых членов в свою организацию: тщательно изучали умственные, деловые и нравственные качества намеченного кандидата (устав «москвичей» гласил: «Личность, прежде чем быть принятою в члены организации, должна быть испытана на деле») и принимали его только при единогласии всех членов. Устав приобщал «москвичей» и к революционной дисциплине: каждый из них был «обязан выполнять возложенные на него поручения».

Как и «чайковцы», «москвичи» построили свою организацию на федеративной основе. Она разделялась на 5 равноправных отделений («общин») в Москве, Туле, Иваново-Вознесенске, Киеве и Одессе. Всеми делами общин управляла и координировала их т. н. «администрация», члены которой назначались — «не по выбору, а по очереди», — ежемесячно, чтобы в «администрации» могли «перебывать» все «москвичи».

Итак, под впечатлением гибели хаотичного, неуправляемого «хождения в народ» 1874 г. «москвичи» позаботились о создании прочной и дисциплинированной революционной организации с жесткими уставными нормами. Далее, учитывая, что народникам в 1874 г. не удавалось заручиться доверием простонародья, «москвичи» расширили социальный состав своей организации. Прежде народнические кружки были сплошь интеллигентскими (только у долгушинцев членами кружка были двое рабочих, да у «чайковцев» тоже двое — не членами, а сотрудниками). «Москвичи» принимали рабочих в свои общины на равных основаниях с интеллигентами. Третьей составной частью их организации, наряду с кружками Бардиной и Джабадари, стал рабочий кружок во главе с Петром Алексеевым (Семен Агапов, Филат Егоров, Василий Грязнов, Николай Васильев и др., всего — 17). Общее число участников «Всероссийской социально-революционной организации» Н. Б. Панухина определила в 55 человек[26].

Программные требования в уставе «москвичей» утилитарны: они сводятся к перечню средств, необходимых для того, чтобы будить революционное сознание народа. Это — пропаганда, агитация и т. н. «чистая агитация», цель которой — «наводить страх на правительство и на привилегированные

---

[24] Полный текст его см.: РН. Т. 1. С. 118–123.

[25] *Джабадари И. С.* Указ. соч. // Былое. 1907. № 10. С. 174.

[26] *Панухина Н. Б.* Указ. соч. С. 62 (все 55 «москвичей» здесь перечислены).

классы», т. е. террористическая борьба. На деле «москвичи» ничего похожего на террор не затевали (во всяком случае, не успели затеять). Вся их революционная практика, по существу, ограничилась пропагандой. Тем не менее, засвидетельствованный в их программе интерес к террору показателен для того времени, когда все народники пересматривали тактику «хождения в народ». Ольга Любатович не без оснований заметила, что организация «москвичей» «в зародыше предначертала в своей программе дальнейший ход революционного движения от мирной пропаганды до дезорганизации правительства террором»[27].

Свою практическую деятельность «москвичи» сосредоточили не в крестьянской, а в рабочей среде. Это не значило, что они отводили рабочему классу главную роль в грядущей революции. Для них, как вообще для народников, решающей революционной силой было крестьянство, а рабочие — лишь силой вспомогательной. Но разгром «хождения в народ» 1874 г. озадачил «москвичей»: они отступили перед трудностями непосредственной пропаганды в деревне и вернулись к тому, чем занимались народники перед «хождением», т. е. к подготовке *посредников* между интеллигенцией и крестьянством в лице рабочих. Непосредственная же деятельность среди крестьян отодвигалась в будущее.

Отсюда — преимущественный интерес «москвичей» не к заводским, а к фабричным рабочим, которые и по образу жизни и по образу мыслей, даже по своему психическому складу были гораздо ближе к деревне, чем заводские. «Заводской рабочий представлял собой что-то среднее между «интеллигентом» и фабричным, фабричный — что-то среднее между заводским рабочим и крестьянином», — писал о том времени Г. В. Плеханов[28].

Центром приложения своей пропаганды среди рабочих «москвичи» избрали Московский промышленный район, особенно богатый именно фабричными предприятиями. В самой Москве они охватили пропагандой до 20 фабрик. Активнее других действовали Джабадари и Чекоидзе, а также женщины: Бардина, Л. Фигнер, О. Любатович, Каминская. Несмотря на возражения кружковцев-мужчин, эти юные «барышни» устроились на фабрики простыми работницами и делили с настоящими фабричными все тяготы их труда и быта, чтобы поддерживать с ними повседневное общение и таким образом сделать пропаганду более продуктивной. Сами рабочие из организации «москвичей» (Алексеев, Егоров, Агапов, Баринов, Васильев), не ограничиваясь пропагандой, стремились «собирать недовольных настоящим порядком» и образовывать из них «кружки одномыслящих»[29]. Точно так же, хотя и меньшими силами, вели пропаганду среди рабочих местные общины «москвичей» — в Иваново-Вознесенске, Туле, Киеве, Одессе.

Вместе с тем «москвичи» занимались и «книжным делом»: контрабандно доставляли из-за границы нелегальную литературу, устроили несколько

---

[27] *Любатович О. С.* Далекое и недавнее. М., 1930. С. 98.
[28] *Плеханов Г. В.* Соч. М.;Л., 1928. Т. 3. С. 137.
[29] Материалы жандармского дознания цит. по: *Панкратова Н. Б.* Указ. соч. С. 67.

складов ее хранения, решили было открыть собственную типографию на Кавказе с помощью народников-грузин, чтобы самим печатать в ней нужные книги и прокламации, но не успели это сделать. В то же время они заботились об основании новых общин в Шуе, Серпухове, Орле и Тифлисе. Планы у них были грандиозные: «мы мечтали о том, как в недалеком будущем покроем Россию сетью нашей социально-революционной организации»[30]. А пока с весны 1875 г. «москвичи» предполагали разъехаться по губерниям для пропаганды не только среди рабочих, но и (вместе с рабочими) в крестьянской среде. Однако через два месяца после оформления организации ей был нанесен такой удар, от которого она уже не смогла оправиться.

29 марта 1875 г. были арестованы рабочие — «москвичи» Иван Баринов и Николай Васильев, а 3 апреля в жандармское управление Москвы явилась некая Дарья Скворцова, служившая экономкой в штаб-квартире администрации «москвичей». «Объявив себя любовницей Николая Васильева, она заявила, что ввиду ареста Васильева желает указать тех лиц, которые его погубили»[31]. На следующее утро, 4 апреля, по доносу Скворцовой полиция ворвалась в штаб-квартиру «тех лиц» и арестовала оказавшихся там 9 человек из руководящего ядра организации, в том числе Джабадари, Бардину и Алексеева. После этого деятельность всех общин «москвичей» была дезорганизована. В августе 1875 г. последовал разгром иваново-вознесенской общины, в сентябре — тульской, киевской и одесской.

Характерно, что местные отделения «москвичей», так же как и центральное, погибли из-за предательства лиц, примыкавших к организации. «Москвичи», хотя и многое сделали организационно, были все же плохими конспираторами. Прежде всего, они не проявили должной осмотрительности в сношениях с внешней средой, а в этой среде оказались доносчики и предатели. Внутри же собственной организации они злоупотребляли канцелярщиной, перепиской, да и не обеспечили хранения секретных бумаг, адресов, шифров, которые в изобилии находили у многих из них при аресте. Г. Ф. Зданович, к примеру, был арестован с подложным паспортом, револьвером и с текстом устава организации, который стал главной уликой для обвинения. Все это, разумеется, облегчило властям дознание по делу «Всероссийской социально-революционной организации», раскрытие и разгром системы всех ее связей.

---

[30] *Джабадари И. С.* Указ. соч. //Былое. 1907. № 10. С. 183.

[31] Государственные преступления в России в XIX в. Ростов н/Д., 1906. Т. 2. С. 129. (обвинительный акт по делу «50-ти»).

6.3. Процесс «50-ти»

Почти все члены организации «москвичей» (43 человека) и семеро близких к ним лиц (в том числе двое «чайковцев»: супруги В. Н. Батюшкова и Н. Ф. Цвиленев) предстали перед царским судом на громком процессе «50-ти», который известен также под названием «Процесс москвичей»[32]. Он слушался в ОППС с 21 февраля по 14 марта 1877 г. После суда над декабристами в 1826 г. и над нечаевцами в 1871 г. это был самый крупный в России политический процесс. Превзошедший его по масштабам и значению процесс «193-х», который власти начали готовить с 1874 г., в 1877 г. все еще подготовлялся и начал слушаться лишь через семь месяцев после процесса «50-ти». Кстати, оба эти процесса вели одни и те же сенаторы с одним и тем же председателем (К. К. Петерсом) во главе. Прокурором на процессе «50-ти» был К. Н. Жуков, ранее отличившийся как обвинитель на процессе Сергея Нечаева в 1873 г.

Царизм отводил процессу «50-ти» важную роль в посрамлении «крамолы», считая его чем-то вроде генеральной репетиции более грандиозного процесса «193-х». Прокурор Жуков изощрялся возможно больше скомпрометировать подсудимых — как раз в духе мартовской 1875 г. установки Комитета министров по делу «193-х». Два дня он муссировал в своей обвинительной речи «кровожадность» подсудимых (они-де намеревались «уничтожить правительство, дворян и произвести резню»), а закончил речь таким резюме: «Отрицание религии, семьи, частной собственности, уничтожение всех классов общества путем *поголовного избиения* всего, что выше простого и притом бедного крестьянина — вот те идеи», которые пропагандировали «москвичи»[33].

Почти все подсудимые были очень молоды (только шесть из них перешагнули 30-летний рубеж, а больше 30-ти человек не достигли и 25 лет). При этом бросалась в глаза такая особенность процесса, как наличие среди обвиняемых 16-ти молодых женщин[34]. И. С. Тургенев, как только узнал об этом (он тогда был в Париже), подчеркнул: «Факт знаменательный и ни в какой другой земле, *решительно ни в какой* — невозможный»[35]. Эти две особенности процесса (молодежный и, отчасти, женский состав подсудимых) были расценены властями как выигрышный для них шанс сделать процесс открытым и, утрируя юношеское недомыслие подсудимых («мальчишек» и «девчонок», как говорили в кулуарах суда), запугать, сломить, развенчать на нем революционеров в глазах общественности.

---

[32] Собственно, к следствию были привлечены 101 человек, но по отношению к половине обвиняемых дело было решено в ноябре 1876 г. без суда, в административном порядке. Б. Л. Каминская покончила с собой в заключении до суда.

[33] Государственные преступления в России в XIX в. Т. 2. С. 129, 130, 303. (Курсив мой — *Н. Т.*)

[34] Кроме двух 27-летних, все остальные были в возрасте 20—24 лет.

[35] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М., 1968. Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 103.

Однако первые же заседания суда показали, что царизм явно недооценил силу революционной молодежи. Перед ним на скамье подсудимых в «мальчишеских» и «девчоночьих» образах оказались стойкие политические борцы, которых не удалось ни сломить, ни запугать. Буквально все подсудимые вели себя на процессе мужественно, с достоинством, привлекая к себе сочувственное внимание публики. Особое впечатление на публику производили подсудимые-женщины[36] с их молодым задором, не по-женски твердой уверенностью в себе и чисто женским обаянием.

Ни один из подсудимых не оговорил никого из своих товарищей. Сильные увлекали тех, кто был послабее. Даже те из них, у кого на следствии жандармы сумели вырвать «откровенное сознание», здесь, на суде, воодушевившись поддержкой товарищей, «все, — как это признал прокурор, — отказались от прежних объяснений»[37]. Неграмотный рабочий Василий Ковалев при этом сообщил, что на следствии он «находился во время всех допросов всегда пьяным, и поили его те, кто допрашивал, т. е. жандармы»[38]. Героизм товарищей по скамье подсудимых так взволновал Ковалева, что в последнем слове он сказал: «Я не был пропагандистом. Теперь, здесь на суде, я сделался пропагандистом. И теперь, господа судьи, если вы меня взяли, то держите крепко, не выпускайте, потому что, если выпустите, я буду знать, что делать!»[39].

Очень помогла обвиняемым выстоять на процессе «50-ти» защита. Состав ее здесь был почти столь же ярким, как на процессе «193-х»: В. Д. Спасович, В. Н. Герард, Г. В. Бардовский, В. О. Люстиг, А. Л. Боровиковский, А. А. Ольхин, К. Ф. Хартулари, Е. В. Корш и др., всего — 15 адвокатов. «Все речи защитников были проникнуты глубоким сочувствием к подсудимым», — вспоминала Вера Фигнер, бывшая тогда в зале суда, среди публики (на правах родственницы подсудимой Лидии Фигнер)[40]. «Адвокаты неприличны», — раздраженно отметил 15 марта 1877 г. царский министр П. А. Валуев[41]. Действительно, принятые в царских судах «приличия» были явно нарушены, когда Герард обратился к судьям с такими словами о подсудимых: «вы, которые преследуете их, не скажете, что они руководились какими-нибудь своекорыстными побуждениями. Нет. Отчего так спокойно ждут они вашего приговора? А потому, что, что бы ни сказали вы, перед собственною совестью они не виноваты»[42]. Все адвокаты доказывали юридическую несостоятельность той ругани по адресу подсудимых, которой были переполнены 100-страничный обвинительный акт и многочасовая обвинительная речь прокурора. Как бы подытоживая их выступле-

---

[36] «Они были рассажены рядком на передних скамейках <...> и представляли настоящий цветник» (*Фигнер В. Н.* Процесс «50-ти» М., 1927. С. 19).

[37] Государственные преступления в России в XIX в. Т. 2. С. 272.

[38] ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 127. Т. 2. Л. 142 об.

[39] Еще к процессу «50-ти» // Вперед! 1877. Т. 5. Отд. 2. С. 161.

[40] *Фигнер В. Н.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 5. С. 184.

[41] *Валуев П. А.* Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 8.

[42] ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 377. Л. 20.

ния, Ольхин заявил: «Мы видим в обвинительной речи желание забросать грязью подсудимых. Я возвращаю это обвинение обратно прокурору»[43].

Подсудимые, ознакомившись с обвинительным актом, поняли, что суд над ними будет сугубо предвзятым и применили против суда тактику бойкота и разоблачения. 11 подсудимых из самых авторитетных (Бардина, Джабадари, Алексеев, Зданович, Чекоидзе и др.) отказались от защиты, чтобы самим высказать свои революционные убеждения. Алексеев при этом первым объявил, что он отказывается «и от дачи каких бы то ни было показаний настоящему суду, который заранее составляет свой приговор»[44]. Председатель суда вскипел: «Молчать! Я прикажу вас вывести вон!», но не испугал этим ни Алексеева, ни его товарищей. Наблюдавший за ходом суда агент и в следующие дни доносил, что «обвиняемые в числе 50 человек ведут себя несдержанно, и некоторые из них позволяют себе высказывать, что они не нуждаются в защите, ввиду того, что суд уже предрешил их участь»; так, Семен Агапов и Григорий Александров «заявили, <...> что они считают самый суд одной комедией, так как приговор уже давно заранее готов»[45].

Еще до начала процесса «москвичи» договорились о том, кто из них выступит на суде с программно-революционными речами. Честь таких выступлений была доверена Софье Бардиной, Петру Алексееву и Георгию Зановичу. Двое первых, при всей их внешней контрастности, действительно лучше других соответствовали тому, что от них требовалось: она — прирожденная интеллигентка, собранная и хладнокровная, с острым складом ума и стойким характером; он — простолюдин до мозга костей, бывший первым кулачным бойцом Москвы, «по виду больше крестьянин, чем рабочий, настоящая черноземная сила»[46], огромный, порывистый, с пламенным темпераментом и трубным голосом, — оба они отличались фанатичной верой в идею социализма и дарованиями трибуна.

9 марта 1877 г. после речей защитников слово на процессе «50-ти» получили обвиняемые, отказавшиеся от защиты. Первой выступила Софья Бардина[47]. Она провозглашала со скамьи подсудимых революционную программу, очищая пункт за пунктом от клеветы обвинения. Никто из русских революционеров не считает ни целесообразным, ни возможным «вырезать поголовно всех помещиков, дворян, чиновников, купцов» (как утверждал обвинитель) и вообще не имеет «тех кровожадных и свирепых наклонностей, которые всякое обвинение так охотно приписывает всем пропагандистам»: «мы стремимся уничтожить привилегии, обуславливающие деление людей на классы — на имущих и неимущих, но не самые личности, составляющие эти классы». «Мы не хотим также основать какое-то царство рабочего сословия, которое, в свою очередь, стало бы угнетать другие сословия, как то предполагает обвинение. Мы стремимся ко всеобщему счастью и

[43] РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 1129. Л. 2.
[44] ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 127. Т. 2. Л. 129–129об.
[45] Там же. Л. 137, 173–173об.
[46] *Короленко В. Г.* История моего современника. М., 1965. С. 717.
[47] Текст ее речи см.: РН. Т. 1. С. 352–357.

равенству <...> Это может показаться утопичным, но, во всяком случае, уж кровожадного-то и безнравственного здесь ничего нет».

Вся речь Бардиной была проникнута верой в правоту и неодолимость русского освободительного движения. «Преследуйте нас, как хотите, но я глубоко убеждена, что такое широкое движение <...> не может быть остановлено никакими репрессивными мерами... *Председатель суда сенатор Петерс*: Нам совсем не нужно знать, в чем вы так убеждены! *Бардина:* Оно может быть, пожалуй, подавлено на некоторое время, но тем с большей силой оно возродится снова, как это всегда бывает после всякой реакции, и так будет продолжаться до тех пор, пока наши идеи не восторжествуют <...> Преследуйте нас — за вами пока материальная сила, господа, но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи — увы! — на штыки не улавливаются!»

То была первая в стенах царского суда программная революционная речь. Знаменательно, что произнесла ее женщина — произнесла так, что показала себя в этой речи «гениальной пропагандисткой»[48].

Вслед за Бардиной выступил Г. Ф. Зданович[49]. Он тоже провозгласил народническую программу «полнейшей самостоятельности и автономии общин, владеющих землею и всеми орудиями производства сообща, при свободе труда и обязательности его для каждого индивидуума»; защитил от наветов обвинения политический и нравственный облик русского революционера («из пустого ребячества, господа судьи, из самолюбия, а тем паче из грязных побуждений редко люди жертвуют собой и идут на добровольные страдания», тогда как у революционеров «самоотверженность сделалась явлением обыкновенным»). В заключение речи Зданович по примеру Бардиной заявил, что революционная партия «одна имеет будущее, как потому, что представляет интересы большинства, так и потому, что одна стоит на высоте развития передовых идей нашего времени <...> Победа ее несомненна!»

С короткими речами выступили 9 марта и другие подсудимые, отказавшиеся от защиты: Джабадари, Александров, Гамкрелидзе, Агапов. Рабочий Филат Егоров пропагандировал революцию даже «от священного писания», пригрозив сенаторам отмщением за их неправедный суд «на страшном суде господнем»[50]. Чекоидзе и Цицианов не досказали своих речей «из-за кровохарканья»[51].

Последним в памятный для русского освободительного движения день 9 марта 1877 г. выступил на процессе «50-ти» Петр Алексеев. Его историческая, хорошо известная, неоднократно бывшая предметом специального изучения[52], речь по содержанию не являлась программной. Алексеев гово-

---

[48] *Покровский М. Н.* Избр. произв.: В 4 кн. М., 1965, Кн. 2. С. 446.

[49] См. текст его речи: РН. Т. 1. С. 357–363.

[50] *Фигнер В. Н.* Процесс «50-ти». С. 25; *Джабадари И. С.* Указ. соч. // Былое. 1907. № 10. С. 195.

[51] *Панухина Н. Б.* Указ. соч. С. 115.

[52] См.: *Уроева А. В.* Великое пророчество рабочего-революционера Петра Алексеева. М., 1977

рил о тяготах «первобытного положения» экономически закабаленной и политически бесправной, «всеми забитой, от всякой цивилизации изолированной» рабочей массы, несколько раз подчеркнув: «Мы крепостные!» Но революционный пафос всей речи и, в особенности, ее заключительное предсказание: «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» — придавали ей агитационно-программный характер.

Как идейный памятник эпохи речь Алексеева показательна в двояком отношении. С одной стороны, в ней выражен народнический взгляд на рабочий класс лишь как на часть «крестьянского народа» и оттенена роль народнической интеллигенции как наставника и организатора рабочих («она одна, не опуская рук, ведет нас, <...> пока не сделает самостоятельными проводниками к общему благу народа»). Для 70-х годов такой взгляд был в порядке вещей.

С другой стороны, речь Алексеева как публичное политическое выступление представителя нарождавшегося российского пролетариата вместе с выступлениями на том же процессе Агапова и Егорова уже свидетельствовала, что передовые рабочие начинают сознавать историческое предназначение своего класса. Прямо говорят об этом заключительные слова Алексеева, которые В. И. Ленин потом оценил как «великое пророчество»[53].

По воспоминаниям очевидцев, речь Алексеева потрясла присутствующих. К ужасу судей, она была закончена под бурные рукоплескания подсудимых, адвокатов и части публики на хорах. «Даже часовые-жандармы точно окаменели, — рассказывал один из адвокатов. — Я уверен: если бы Алексеев после речи повернулся и вышел, его бы в первую минуту никто не остановил — до того все растерялись»[54]. Вера Фигнер вспоминала: «Как хорош был он в своей белой рубахе, со смелым жестом поднятой кверху полуобнаженной, мускулистой руки! Казалось, в лице его говорит весь пролетариат»[55]. «Это народный трибун!» — взволнованно воскликнул «король адвокатуры» В. Д. Спасович[56].

Итак, на процессе «50-ти» впервые в России революционеры превратили скамью подсудимых в трибуну для провозглашения и обоснования своей программы, хотя и выступали при этом не от конкретной *организации*, а от имени «пропагандистов» вообще (Бардина), «народной партии», под которой явно подразумевались все борцы за интересы народа (Зданович), от имени всего «рабочего люда» (Алексеев). Никто из них не признал себя членом организации, чтобы не дать карателям лишнего шанса проникнуть в ее тайны и тем самым обнаружить ее слабость. Такая тактика вполне отвечала характерному для 70-х годов организационному анархизму.

Все речи героев процесса «50-ти» несли на себе также печать типичного для тех лет народнического аполитизма. Бардина и Зданович прямо говори-

---

[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т.4. С. 377.

[54] Русский ткач [I. А. Алексеев. [Лондон], 1900. С. 17.

[55] *Фигнер В. Н.* Процесс «50-ти». С. 48.

[56] Былое. 1907. № 10. С. 194.

ли, что русские революционеры отнюдь не стремятся к «политическому coup d'etat» (государственному перевороту), а другие ораторы, хотя и не афишировали свой аполитизм, политических требований тоже не выдвигали, делая упор на необходимости «социальной революции». Тем не менее, безусловное осуждение и отрицание существующего режима каждым из них и в особенности «великое пророчество» Петра Алексеева (как и речь И. Н. Мышкина на процессе «193-х») придавали всем выступлениям героев процесса «50-ти» объективно политическую направленность.

До конца процесса все 50 обвиняемых держались с точки зрения революционной этики безупречно. Жестокий приговор (15 человек, включая 6 женщин, были осуждены на каторгу[57]) никого из них не сломил. Вера Фигнер справедливо заметила, что из всех многолюдных политических процессов в царской России «ни один процесс не был таким стройным, ни в одном не было такой идеалистической цельности, как в этом»[58]. Поданное через 2,5 месяца после суда *единственное* прошение о помиловании (рабочего Николая Васильева)[59], конечно, диссонирует с этой цельностью, но вполне объяснимо, поскольку Васильев в то время был поражен тяжелым душевным расстройством, которое уже на следующий год свело его в могилу.

Все, что происходило на суде, тотчас получало широкую огласку. Правда, власти, памятуя об уроках прежних процессов[60], ограничивали доступ публики (не больше 50 человек на судебное заседание по именным билетам) и цензурировали официальный отчет о процессе так, что ни одна из речей подсудимых в отчет не попала. Однако народники сумели изготовить поддельные билеты и тем самым открыть доступ в суд своим людям, а главное, отпечатали в нелегальной типографии А. Н. Аверкиева речи подсудимых. Аверкиев за это в июне 1878 г. был осужден на поселение в Сибирь[61], но свое дело он сделал: тексты речей Бардиной, Алексеева, Зданович разошлись по России (где только ни находили их жандармы при обысках!)[62], а после того как П. Л. Лавров перепечатал их в 5-м томе «Вперед!», они получили громкую известность и за границей[63].

В результате, впечатление от процесса «оказалось совсем не то, какое желали произвести наши социалистоеды»[64]. Это признали даже царские

---

[57] 10 лет каторги получил П. А. Алексеев, по 9 — С. И. Бардина и О. С. Любатович, 8 — А. К. Цицианов, 6 лет 8 месяцев — Г. Ф. Зданович и т. д.

[58] *Фигнер В. Н.* Процесс «50-ти». С. 25.

[59] См.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 4. Ч. 2. Л. 489—490об.

[60] К примеру, на процессе нечаевцев 1871 г., где публичность суда не ограничивалась, в зал хотели попасть буквально все. «Зал набивался публикой до невозможности», а преобладала учащаяся молодежь, которая сочувствовала подсудимым (*Фроленко М. Ф.* Соч. М., 1932. Т. 1. С. 169; Нечаев и нечаевцы. М.; Л., 1931. С. 161).

[61] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 448 (судебное дело А. Н. Аверкиева).

[62] См.: РГИА. Ф. 1410. Оп. 3. Д. 58—83.

[63] Подробно об откликах на процесс «50-ти» (с публикацией речей Бардиной и Алексеева) в Англии, Франции, Германии, Италии, Австрии, Швейцарии, США см.: *Уроева А. В.* Указ. соч. С. 58—77.

[64] Вперед! 1877. Т. 5. Отд. 1. С. 144.

сановники. П. А. Валуев возмущался тем, как неудачно для правительства «разыграна трагикомедия политического процесса»[65], сенатор М. Н. Похвиснев в докладной записке министру юстиции К. И. Палену усомнился в способности ОППС успешно решать такие дела[66], а государственный канцлер кн. А. М. Горчаков будто бы (по свидетельству В. Д. Спасовича, переданному И. С. Джабадари) заявил Палену: «Вы думали убедить наше общество и Европу, что это дело кучки недоучившихся мечтателей, мальчишек и девчонок, и с ними нескольких пьяных мужиков, а между тем вы убедили всех, что это не дети и не пьяные мужики, а люди с вполне зрелым умом и крупным самоотверженным характером, люди, которые знают, за что борются и куда идут»[67]. С. М. Кравчинский свидетельствовал, что «даже те, которые враждебно относились к революционерам, были поражены их изумительной способностью к самопожертвованию»[68]. Очень выразительно передал настроение этих «пораженных» адвокат и поэт А. Л. Боровиковский в стихотворении «Deo ignoto» («Неведомому Богу»):

Чужой мне Бог! В твой храм я не войду:
Тебя понять, увы, я недостоин ...
Но я свой меч к ногам твоим кладу,
Против тебя — отныне я не воин![69]

На демократические круги русского общества процесс «50-ти» оказал революционизирующее воздействие. Материалы процесса (даже неполные газетные отчеты о нем) использовались как оружие антиправительственной пропаганды. Агентура III отделения в дни процесса доносила наверх: «Студенты говорят, что газетные отчеты о политических судебных процессах имеют для успеха революционной пропаганды гораздо большее значение и более осязательную пользу, чем какие-либо революционные воззвания»[70]. Наибольший пропагандистский успех имели речи Бардиной и Алексеева. Ими «с восторгом зачитывались» не только студенты и рабочие Петербурга[71]. Так, в Харькове эти речи «читались прямо в сборной зале университета, их переписывали друг у друга»[72]. В целом, процесс «50-ти», вопреки намерениям властей развенчать революционеров, вылился в триумф революционного народничества, представив собой, по выражению редакции журнала «Вперед!», «может быть, еще никогда не виданную, поразительную, двадцатидвухдневную манифестацию в пользу социалистического движения»[73].

---

[65] *Валуев П. А.* Дневник 1877–1884 гг. С. 8.
[66] ГИМ ОПИ. Ф. 381. Д. 28. Л. 38–39.
[67] Былое. 1907. № 10. С. 193.
[68] *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. М., 1972. С. 397.
[69] Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л., 1968. С. 497.
[70] ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1876. Д. 253. Ч. 2. Л. 66об.
[71] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 146.
[72] РН. Т. 2. С. 128.
[73] Вперед! 1877. Т. 5. Отд. 1. С. 144–145.

Глава VII

ОБЩЕСТВО «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

7.1. Начало

Я сознательно остановился на процессах «50-ти» и «193-х» прежде, чем приступить к истории общества «Земля и воля». Хотя оба процесса слушались уже после того, как возникла и развернула свою деятельность «Земля и воля», они неразрывно связаны с организациями и событиями, предшествовавшими «Земле и воле» (с «хождением в народ», Большим обществом пропаганды, «кружком москвичей»), что и было предметом обвинения на процессах. Вернемся теперь на несколько лет назад, к итогам и урокам «хождения в народ» 1874 г.

Напомню читателю: народники занялись тогда пересмотром своей тактики и пришли к выводам о том, что надо, во-первых, конкретизировать содержание пропаганды; во-вторых, перейти от поверхностной «кочевой» к более выигрышной «оседлой» пропаганде; в-третьих, наладить координацию действий пропагандистов из общего центра. Разумеется, все эти выводы могли быть реализованы лишь при наличии централизованной общероссийской революционной организации. Создавать такую организацию народники принялись сразу после разгрома «хождения в народ». К концу 1876 г. она была создана в лице общества «Земля и воля».

Основателем «Земли и воли» стал один из тех революционеров, которые на рубеже 60–70-х годов основывали Большое общество пропаганды, великолепный организатор Марк Андреевич Натансон. В 1875 г. он вернулся из четырехлетней ссылки и немедленно приступил к соединению революционных сил, рассеянных карателями. «Человек неутомимой энергии, обладавший необыкновенной способностью привлекать людей, организовывать их и сплачиватьть на общей работе, человек широкого размаха, у которого в плане был крупный, всероссийский масштаб деятельности»[1], Натансон ис-

[1] *Фигнер В. Н.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 5. С. 206.

колесил полстраны, включая Петербург, Москву, Киев, Харьков, Одессу, всюду — как «глашатай и зодчий» централизма[2], — агитируя и побуждая народников к сплочению. Потом он устремился за границу, объехал Париж, Берн, Женеву, убеждая политических эмигрантов вернуться на родину. За эту свою кипучую деятельность Марк Андреевич получил в народнических кругах прозвище «Иван Калита», «собиратель Земли Русской». Замечу здесь, что в 1904 г. уже состарившийся Натансон познакомился с В. И Лениным и Н. К. Крупской. «Он знал массу людей, — вспоминала о Натансоне Крупская, — знал прекрасно цену каждому человеку, понимал, кто на что способен, к какому делу кого можно приставить»; Ленина он «поразил своим организаторским талантом. Только и было разговору, что о Натансоне»[3].

Поскольку народники после «хождения в народ» 1874 г. не только не пали духом, но, напротив, стремились к еще более активной борьбе с учетом допущенных ими ошибок, организаторская инициатива Натансона повсюду встречала понимание и очень скоро дала результат. К началу 1876 г. Натансон создал в Петербурге многолюдный кружок, который стал «центром тяготения для всех разбросанных по России революционных сил»[4]. Первые роли в кружке, наряду с Натансоном, играли его жена Ольга Шлейснер, Арон Зунделевич, Юрий Богданович, Дмитрий Лизогуб — все бывшие «чайковцы». Летом 1876 г. этот кружок заявил о себе акцией, исключительной по технике исполнения и замечательной по тому впечатлению, которое она произвела как в революционных, так и в правительственных кругах. Речь идет об организации побега кн. П. А. Кропоткина из Николаевского военного госпиталя[5] в центре Петербурга среди белого дня 30 июня 1876 г.

Все организаторы побега во главе с Натансоном действовали артистически. С Кропоткиным была установлена надежная связь посредством звуковых сигналов. В день побега по заранее избранным улицам на две версты от госпиталя расставили сигнальщиков, которые в назначенный момент дали знать, что путь свободен. На версту кругом были наняты все извозчики и отвлечены (разными способами, от какой-нибудь длиннейшей справки до брудершафта в пивной) все городовые. Часового у ворот госпиталя Ю. Н. Богданович занял жаркой полемикой на тему о том, есть ли хвост у вши или нет. Получив сигнал, Кропоткин, гулявший под охраной часового во дворе госпиталя, сбросил с себя арестантский халат, выбежал из ворот, вскочил в заранее приготовленную пролетку и умчался[6].

---

[2] *Аптекман О. В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924. С. 205.

[3] Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. М., 1968. Т. 1. С. 286, 610.

[4] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 187.

[5] Кропоткин содержался в тюрьме госпиталя после ареста по делу «193-х». Ему грозил суд и неизбежно тяжкий (по всей вероятности, каторжный) приговор как автору программы «чайковцев».

[6] Кроме опубликованных воспоминаний П. А. Кропоткина, А. И. Иванчина-Писарева, Н. И. Драго, М. П. Лешерн-фон-Герцфельд, см. материалы дознания «О бегстве князя Петра Кропоткина»: ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 135. Любопытно, что увозил Кропоткина тот самый призовой рысак «Варвар», который 1 января 1877 г. умчал от погони

Осенью 1876 г. кружок Натансона и др. значительно вырос, подготовил собственную программу и принял наименование «Северная революционно-народническая группа» (иначе «Общество северных народников»). Эта группа стала основным ядром общества «Земля и воля» и его началом. Возникновение общества датируют поэтому именно осенью (А. Д. Михайлов конкретно называл октябрь[7]) 1876 г., хотя оформилось оно лишь в январе 1877 г. на учредительном собрании в Петербурге членов «Северной революционно-народнической группы» и южной организации народников, т. н. «Харьковско-ростовского кружка» (В. А. Осинский, О. В. Аптекман, Ю. М. Тищенко и др.) На этом собрании народники приняли в первой редакции программу и устав общества, позднее (в апреле-мае 1878 г.) пересмотренные. Название же «Земля и воля» официально было принято обществом в память о первой «Земле и воле» 1861–1863 гг. осенью 1878 г.[8], когда начал выходить (с 25 октября) центральный орган общества – журнал «Земля и воля».

Устав второй «Земли и воли», составленный коллективно при инициативном участии А. Д. Михайлова, провозглашал «основными принципами» не только «согласие каждого члена с программой и обязательство действовать в ее духе», но и «соблюдение полнейшей тайны относительно всех внутренних дел», «подчинение меньшинства большинству», «безусловное принесение каждым членом на пользу организации всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже своей жизни»[9]. Таким образом «Земля и воля» 70-х годов строилась на жесткой основе централизма, дисциплины и конспирации. Это отличало ее от первой «Земли и води» и придавало ей *внешнее* сходство с нечаевской «Народной расправой». В § 9 ее устава записан даже «нечаевский» принцип «цель оправдывает средства», но с многозначащей оговоркой: «исключая те случаи, когда употребленные средства могут подрывать авторитет организации». Далее устав «Земли и воли» уже антинечаевски декларировал: «все члены Основного кружка (т. е. центральной организации землевольцев. – *Н. Т.*) совершенно полноправны»;

В. С. Ивановского, бежавшего из Бутырской тюрьмы в Москве; 16 апреля 1878 г. спас от преследователей А. К. Преснякова, освобожденного товарищами по дороге с допроса в тюрьму; 4 августа 1878 г. увез С. М. Кравчинского после убийства им шефа жандармов Н. В. Мезенцова, а 1 марта 1881 г., мобилизованный к тому времени в полицию, доставил в Зимний дворец убитого Александра II. В истории русского освободительного движения эта лошадь – бесспорно, самая знаменитая из всех лошадей. См. о ней: *Буланова-Трубникова О. К.* «Варвар» (РНБ РО. Ф. 110. Д. 28. Л. 5–6); *Данилевский Г.* Знаменитый рысак // Собеседник. Воронеж, 1971; *Каменский Ф.* Повесть о легендарном «Варваре» // Неделя. 1976. № 36.

[7] *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. Л.;М., 1925. С. 111.

[8] Название первой «Земле и воле» дал А. И. Герцен. В «Записках землевольца» М. Р. Попова (М., 1933. С. 151), вопреки обиходному мнению, говорится, что название «Земля и воля» бытовало с 1876 г., т. е. с момента возникновения общества, но до осени 1878 г. не было ходовым, общеупотребительным. Так полагала и В. Н. Фигнер (Деятели СССР и революционного движения России. Энц. словарь Гранат. М., 1989. С. 19). По свидетельству же А. Д. Михайлова, в 1876–1878 гг. будущая «Земля и воля» называлась «Обществом народников» (Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933. С. 227.)

[9] Текст устава см.: РН. Т. 2. С. 34–42.

каждый из них «обязан всеми силами поддерживать честь и влияние как всей организации, так и отдельных членов ее», между ними «должны существовать полнейшая искренность и откровенность в деловых отношениях».

Организационная структура «Земли и воли» была стройной и рациональной. Ее Основной кружок составили члены-учредители общества. Их было 26: М. А. Натансон, О. А. Натансон (Шлейснер), А. Д. Михайлов, Д. А. Лизогуб, В. А. Осинский, Г. В. Плеханов, А. Д. Оболешев, А. И. Зунделевич, А. А. Квятковский, М. Р. Попов, А. И. Баранников, О. В. Аптекман и др.[10] Позднее в кружок были кооптированы еще 35 человек: среди них в 1877 г. — Н. С. Тютчев, в 1878 — С. М. Кравчинский, С. Л. Перовская, Д. А. Клеменц, Л. А. Тихомиров, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, О. С. Любатович; в 1879 г. — В. Н. Фигнер, А. И. Желябов, Н. Н. Колодкевич, П. Б. Аксельрод, С. Г. Ширяев, М. Н. Ошанина, Я. В. Стефанович, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч. Таким образом, общая численность Основного кружка «Земли и воли» — 61 человек.

Основной кружок был отлично законспирирован. Его участники скрывали от посторонних свои настоящие имена, маскируясь кличками (неожиданными и разнообразными): так, Квятковского звали «Александром I», Плеханова — «Оратором», Баранникова — «Порфирием», Тихомирова — «Тигрычем». С легкой руки острослова Клеменца[11] землевольцев стали звать «троглодитами», т. е. пещерными людьми, поскольку никто, кроме их самих, не знал, где они живут, откуда появляются и куда исчезают.

Среди ведущих деятелей «Земли и воли» вначале самыми авторитетными были супруги Марк и Ольга Натансон. О. В. Аптекман называл их обоих «строителями общества», уточняя, что Марк Андреевич был «головой этого общества», а Ольга Александровна — «сердцем его»[12]. Затем, после того как Марк Натансон в июне 1877 г. был арестован, на первое место в «Земле и воле» выдвинулся Александр Дмитриевич Михайлов — сын уездного землемера из древнерусского города Путивля, один из лучших организаторов среди всех вообще народников (в этом отношении рядом с ним можно поставить только Натансона и Желябова) и самый выдающийся из них (здесь ему не было равных) конспиратор, первый классик революционной конспирации в России.

В «Земле и воле» Михайлов очень скоро стал как бы главным администратором, «хозяином организации»[13]. Он вникал буквально в каждое дело общества, успевал всему давать ход, все направлять и оберегать, причем

---

[10] Все они перечислены в кн.: *Ткаченко П. С.* Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). М., 1961. С. 74–78.

[11] Именно он назвал бакунистов «вспышкопускателями», архинароднический журнал «Община» — «Овчиной», эмигрантский ежемесячник «Общее дело (с французским подзаголовком « La Cause Jenerale») — «Генеральской козой», внефракционную газету «Начало» — «Мочалой».

[12] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 215.

[13] *Фигнер В. Н.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 252.

был «неутомим, неистощим, вездесущ и всеведущ»[14]. Ему, этому «Катону-цензору», как говорили о нем землевольцы, больше, чем кому-либо, «Земля и воля» была обязана своей жизне — и дееспособностью. Лев Тихомиров, уже отрекшийся от своего революционного прошлого, считал, что «Михайлов мог бы, при иной обстановке, быть великим министром»[15]. Землевольцы и метили его после победы революции (если бы удалось до нее дожить) в премьер-министры, а пока за неусыпные заботы о порядке в революционном подполье дали ему кличку *«Дворник»*.

«Неутомимый» и «вездесущий» Михайлов часто оказывался в поле зрения жандармских ищеек, но до рокового дня 28 ноября 1880 г, благодаря своему конспиративному артистизму, всегда уходил от любого «хвоста»[16]. Однажды он даже попал в засаду на явочной квартире и был арестован. Когда его вывели на улицу, Михайлов вырвался из рук жандармов (он был очень силен) и бросился бежать. Жандармы, естественно, устремились за ним. Тогда Михайлов стал громко кричать, показывая рукой вперед: «Лови! Держи его!» — и увлек за собой много прохожих, которые побежали вместе с ним ловить воображаемого злоумышленника. Михайлов отчасти затерялся среди них, а потом юркнул в проходной двор и был таков[17].

Основной кружок «Земли и воли» имел свою четкую структуру. Он подразделялся на 7 специальных групп. Главной из них была *Администрация*. Она ведала всеми делами не только Основного кружка, но и всего общества. Члены ее (от 3 до 5 человек) выбирались большинством голосов в 2/3 членов Основного кружка и периодически сменялись. Обязательным их местопребыванием был Петербург. Члены Администрации совместно с теми членами Основного кружка, которые в данный момент находились в Петербурге, образовывали Совет «Земли и воли». Он решал наиболее важные из текущих дел. Высшим же органом «Земли и воли» был «конгресс», т. е. съезд всех (по крайней мере, не меньше 2/3) членов Основного кружка вместе с представителями от местных групп общества. На съезде предполагалось решать вопросы программные и уставные, а также связанные с «поверкой средств и дел организации»[18].

Вторая группа Основного кружка, *интеллигентская*, специализировалась на пропаганде, агитации и организации учащейся (главным образом студенческой) молодежи; третья, *рабочая*, — на том же среди рабочих; четвертая, *деревенская*, самая многочисленная из всех групп, — на пропаганде и агитации среди крестьян в постоянных деревенских поселениях.

---

[14] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 216.

[15] *Тихомиров Л. А.* Воспоминания. М.;Л., 1927. С. 94.

[16] Лев Тихомиров вспоминал о нем: «В знакомом большом городе, как Москва или Петербург, он был буквально неуловим, как зверь в лесу. Он всегда умел куда-то мгновенно исчезнуть, как сквозь землю провалиться» (*Тихомиров Л. А.* Указ. соч. С. 95.)

[17] См. об этом: Революционная журналистика 70-х годов. Paris, 1905. С. 168; *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. М., 1972. С. 504; *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 50 (здесь же, на с. 50—51 — см. о других аналогичных случаях из жизни А. Д. Михайлова).

[18] РН. Т. 2. С. 41.

Особое положение занимала *дезорганизаторская* группа. Ей были поручены силовые функции: освобождение из-под ареста товарищей, «обезвреживание», т. е. уничтожение изменников и шпионов и собственно дезорганизация правительства, как она трактовалась в программе общества. Группа была более строго, чем все остальные, законспирирована и лучше всех обеспечена материальными средствами, поскольку ее операции требовали наибольших затрат. Состав группы, тщательно подобранный, не превышал 6 человек: В. А. Осинский, А. А. Квятковский, М. Р. Попов, А. И. Баранников, А. К. Пресняков (вскоре прославший «истребителем шпионов»), Н. С. Тютчев[19].

Последние две группы — *редакционная* и *типографская* — занимались делами сообразно с их названиями.

Организационное единство Основного кружка закреплялось правом его членов на переход из одной группы в другую при желании и по наклонностям каждого.

Кроме Основного кружка, в состав «Земли и воли» входили местные группы — не менее чем в 15 городах (Москва, Нижний Новгород, Казань, Самара, Саратов, Астрахань, Тамбов, Воронеж, Ростов, Киев, Харьков, Одесса, ряд мест в Прибалтике, Белоруссии, Молдавии). Местные группы общества создавались либо членами Основного кружка, либо *членами-сепаратистами.*

Члены-сепаратисты представляли собой вспомогательное подразделение «Земли и воли». Это были люди (даже из известных революционеров), которые почему-либо не могли или не хотели вступать ни в Основной кружок, ни в местные группы общества, а договаривались с представителями Основного кружка о совместной деятельности в какой-нибудь специальной области, кроме дезорганизаторской. В числе членов-сепаратистов одно время были Вера Фигнер, Николай Морозов, Юрий Богданович, Татьяна Лебедева — будущие герои «Народной воли», Александр Соловьев.

«Земля и воля» располагала большими денежными средствами, которые позволяли ей ставить революционное дело. что называется, «на широкую ногу». Главным источником ее «капитала» было состояние Дмитрия Андреевича Лизогуба — украинского помещика, который владел имениями в Черниговской и Каменец-Подольской губерниях с земельным массивом в 5,5 тыс. десятин[20]. Брат Дмитрия Андреевича Илья определял стоимость его имений в 187 250 руб.[21].

Дмитрий Лизогуб был уникальной личностью. По-детски добрый и отзывчивый, но принципиальный, необыкновенно чуткий ко всему хорошему в людях и нетерпимый к дурному, безукоризненно честный и преисполненный благородства в убеждениях, в отношении к делу и в обхождении с людьми, он воздействовал на окружающих, прежде всего, своим нравствен-

---

[19] *Тютчев Н. С.* Революционное движение 70—80-х годов. Л.; М., 1925. Ч. 1. Кн. 2. С. 18.

[20] ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 3. Л. 365об. (справка Черниговского ГЖУ о состоянии Д. А. Лизогуба).

[21] Процесс 16-ти террористов (1880 г.). СПб., 1906. С. 66.

ным обаянием. «Было бы слишком мало назвать Лизогуба чистейшим из людей, каких я когда-либо встречал, — вспоминал С. М. Кравчинский. — Скажу смело, что во всей партии (русских революционеров 70-х годов. — *Н. Т.*) не было и не могло быть человека, равного ему по идеальной нравственной красоте»[22]. Лизогуб был самозабвенно предан идее освобождения России и считал своим долгом и счастьем жертвовать собой во имя этой идеи. Поскольку же самым сильным его оружием были деньги, ему приходилось главным образом материально обеспечивать борцов за свободу (сначала «чайковцев», а потом землевольцев), в то время как сам он «жил беднее последнего из своих приказчиков»[23], не желая тратить ни одной лишней копейки на себя лично. Этот исключительный, граничащий с фанатизмом, пафос самоотречения даже в ту эпоху, когда ригоризм у народников был массовым явлением, доходившим «иногда до комизма, иногда до трагизма»[24], резко выделял Лизогуба и ставил его на совершенно особое место среди революционеров эпохи. «В нашей партии, — читаем у Кравчинского, — Стефанович был организатор, Клеменц — мыслитель, Осинский — воин, Кропоткин — агитатор, Дмитрий же Лизогуб был святой»[25].

Возможно, у землевольцев был и другой, кроме Лизогуба, капиталистый, выражаясь по-современному, *спонсор*. После смерти Н. А. Некрасова в обществе ходили упорные слухи, что поэт тайно завещал «Земле и воле» 500 тыс. руб.[26]. Современные исследователи не исключают этого, учитывая, что Некрасов, бывший к концу жизни очень состоятельным человеком, вовсе не оставил, к удивлению родственников и друзей, денежных бумаг, между тем как сам говорил незадолго до смерти, что у него «не одна сотня тысяч в процентных бумагах»[27]. Впрочем, никаких подтверждений этим слухам со стороны землевольцев никогда не было.

Состав «Земли и воли» часто менялся, ибо она действовала буквально под огнем правительственных репрессий, которые вырывали из ее рядов одного бойца за другим. Особенно тяжкий удар был нанесен в ночь на 12 октября 1878 г., когда по анонимному доносу жандармы устроили засаду у явочной квартиры землевольцев (хозяйка — А. Н. Малиновская) и одновременно схватили, вместе с хозяйкой, еще 7 членов Основного кружка, в том числе Ольгу Натансон. Г. В. Плеханов спасся тогда по чистой случайности: у него не хватило денег на извозчика до квартиры Малиновской и он поехал на другую явку, где и был предупрежден[28].

Однако частые аресты землевольцев не могли разрушить их организацию. Она быстро пополнялась новыми членами и в целом из года в год не только не сокращалась численно, а напротив, росла. Всего, по воспомина-

---

[22] *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. С. 437.
[23] Там же.
[24] Памяти Л. Э. Шишко. Б. м. 1910. С. 10–11.
[25] *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное С. 440
[26] *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). М., 1934. С. 435.
[27] *Жданов В. В.* Некрасов. М., 1971. С. 473, 474.
[28] *Плеханов Г. В.* Соч. М.;Л., 1927. Т. 24. С. 303.

ниям О. В. Аптекмана, к Основному кружку (61 чел.) примыкало «не менее 150 человек» из местных групп общества[29]. Автор специальной монографии о «Земле и воле» П. С. Ткаченко обоснованно заключил, что в действительности землевольцев было гораздо больше[30].

В любом случае для организации всероссийского значения, каковой являлась «Земля и воля», сил у нее даже по тому времени было все-таки немного. К тому же, и это главное, она не имела должной социальной базы. Мало того, что она не могла опереться на сколько-нибудь широкие массы народа. В ней самой группировались почти исключительно революционеры-интеллигенты плюс несколько рабочих.

Тем не менее, именно землевольцы 70-х годов впервые в истории русского освободительного движения создали по-настоящему боевую централизованную революционную организацию столь широкого, фактически общероссийского масштаба. Первые исследователи народничества, да и некоторые мемуаристы, приписывали эту заслугу народовольцам. Возражая им, Г. В. Плеханов в 1901 г. и В. И. Ленин в 1902 г. резонно указывали на «Землю и волю»: «Та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*»[31].

«Земля и воля» сделала шаг вперед по сравнению со своими предшественниками не только в организационном, но и в идеологическом отношении. Ее программа, хотя она и уступала зрелостью и основательностью будущей программе «Народной воли», была все же более рациональной, чем все предыдущие программы народников. Первая редакция землевольческой программы (январь 1877 г.) разрабатывалась коллективно при руководящем участии супругов Натансон и С. А. Харизоменова[32]. Вторая же, окончательная редакция (май 1878 г.), по свидетельству Г. В. Плеханова, «была формулирована» им[33].

«Конечным политическим и экономическим идеалом» русских народников «Земля и воля» провозглашала «анархию и коллективизм»[34]. В этом отношении землевольцы оставались на старых позициях как социалисты-утописты и анархисты. Но, в отличие от большинства народников первой половины 70-х годов, они уже не считали возможным установление анархии сразу или вскоре после революции, для них анархия — лишь «конечный идеал». «Мы, — гласит программа «Земли и воли», — суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем, т. е до народных

---

[29] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 200.

[30] *Ткаченко П. С.* Указ. соч. С. 82.

[31] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 135. О том же: *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 12. С. 121.

[32] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 192. Сергей Андреевич Харизоменов (1854–1917) — выпускник Московского университета, землеволец и чернопередел, позднее видный земский статистик и экономист.

[33] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 1. С. 162; Т. 24. С. 103.

[34] Текст программы «Земли и воли» в окончательной редакции см.: РН. Т. 2. С. 30–33 (первая редакция — там же. С. 27–30.)

требований, каковы они есть в данную минуту». Необходимость такого сужения мотивировалась тем, что, во-первых, «партия может быть влиятельною и сильною только тогда, когда она опирается на народные требования», и, во-вторых, тем, что стремления народа в России настолько «социалистичны», что их удовлетворение значительно приблизило бы конечную цель общества. Все программные требования были сведены «к четырем главнейшим пунктам».

1. «Переход всей земли в руки крестьянства» и распределение ее главным образом по общинам («мы убеждены, что две трети России будут владеть землею на общинном начале»).

2. «Полное мирское самоуправление», т. е. организация на территории России союзов общин, из которых «каждый определит сам, какую долю общественных функций он отдаст» своему правительству.

3. «Полнейшая свобода исповеданий».

4. Обязательство «содействовать разделению теперешней Российской империи на части соответственно местным желаниям», поскольку в состав ее входят «такие местности и даже национальности, которые при первой возможности готовы отделиться, каковы, например, Малороссия, Польша, Кавказ и пр.».

В первой редакции программы этот пункт формулировался осторожнее: «Земля и воля» «не должна препятствовать», теперь же — «обязана содействовать» разделению империи. Р. В. Филиппов усмотрел в этом пункте демократический интернационализм[35], В. М. Хевролина — бакунистский федерализм[36]. Думается, налицо здесь и то и другое.

Политических требований землевольцы не выдвигали, оставаясь на позициях специфически народнического аполитизма, т. е. полагая, что вершить следует не политическую, а более глубокую, всеохватывающую *социальную* революцию, побочным результатом которой, — «как дым при топке печи», — явится и политическая свобода[37].

В целом программа «Земли и воли» была глубоко демократической. Она отвечала самым насущным требованиям народов России. Афористически определил ее смысл Александр Михайлов: «В России одна теория, одна практика — добиться Воли, чтобы иметь Землю, иметь Землю и Волю, чтобы быть счастливым»[38]. Правда, *социалистический* (особенно ценимый самими землевольцами) акцент в программе на «общинном начале» и «мирском самоуправлении» был утопичен, но фактически он представлял собой лишь *облачение* вполне реального существа программы.

В самой программе было подчеркнуто, что она «может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота, и притом возможно ско-

---

[35] *Филиппов Р. В.* К оценке программных основ «Земли и воли» 70-х годов XIX в. // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 26.

[36] *Хевролина В. М.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. М., 1986. С. 79.

[37] Революционная журналистика 70-х годов. С. 197.

[38] Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 202.

рейшего», пока развитие капитализма не разрушило общину и не исказило «народное миросозерцание». Решающей силой революции землевольцы считали народные (главным образом, конечно же, крестьянские) массы. «Революции, — разъяснял центральный орган «Земли и воли», — дело народных масс. Подготовляет их история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только орудиями истории, выразителями народных стремлений. Роль их заключается в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который по непреложным законам природы совершается в данный период. Вне этой роли они — ничто; в пределах ее они — один из могущественных факторов истории»[39].

Готовиться к революции землевольцы предполагали двояко — посредством *организаторской* и *дезорганизаторской* деятельности. «Часть организаторская» их программы включала в себя пропаганду и агитацию среди крестьян, интеллигенции и рабочих как словом, так и делом, «начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным восстанием, т. е. бунтом», а также собственно «организацию уже готовых революционеров». Для агитации среди крестьян предписывалось устраивать постоянные, хорошо законспирированные поселения революционеров в деревне. «Бродячая» пропаганда à la 1874 год отвергалась.

«Часть дезорганизаторская» включала средства, призванные «дезорганизовать силу государства», а именно «заведение связей в войсках», привлечение на сторону революции правительственных чиновников и, наконец, «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства», т. е. уже индивидуальный террор. Появление этого пункта в программе «Земли и воли» было уступкой зарождавшемуся внутри народничества политическому направлению. Но в 1877—1878 гг., когда вырабатывалась и пересматривалась программа «Земли и воли», «красный» террор еще не был признан орудием политической борьбы и вообще отвергался как система. Он допускался лишь как совокупность отдельных актов самозащиты и мести «наиболее вредным» врагам. «С борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего, — гласит передовая статья № 1 «Земли и воли». — Против класса может восстать только класс, разрушить систему может только сам народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать в среде народа. Террористы — это не более как охранительный отряд, назначение которого — оберегать этих работников от предательских ударов врагов»[40].

«Земля и воля» громко заявила о себе первым же своим практическим шагом, хотя этот шаг не только не был предусмотрен ее программой, но, пожалуй, даже противоречил ей. Речь идет об участии землевольцев в ис-

[39] Революционная журналистика 70-х годов. С. 120.
[40] Там же. С. 124.

торической Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. в Петербурге, на площади перед Казанским собором.

Инициатором демонстрации выступили рабочие. Тогда у всех петербуржцев в памяти была демонстрация, организованная народниками 30 марта 1876 г. на похоронах умершего в тюрьме студента Павла Чернышева — того, кому Г. А. Мачтет посвятил свое стихотворение «Замучен тяжелой неволей» (оно стало популярнейшей вплоть до 1917 г. революционной песней). «И вот, — вспоминал Г. В. Плеханов, — рабочим захотелось сделать свою демонстрацию, и притом такую, которая своим революционным характером совершенно затмила бы демонстрацию «интеллигентов»[41]. Землевольцы поддержали инициативу рабочих и активно включились в подготовку демонстрации, чтобы ознаменовать ею рождение своего общества В результате большинство демонстрантов составили «интеллигенты»[42]. Рабочих собралось примерно 50 из общего числа в 300—400 человек[43]. Демонстрация имела студенческий вид, и непременные шпики маскировались под студентов, да так удачно, что городовые, разгоняя демонстрацию, избивали их в первую очередь.

С речью на демонстрации выступил Георгий Валентинович Плеханов — в то время 20-летний студент Горного института в Петербурге. Восьмой ребенок из четырнадцати детей (от двух жен) гусарского штаб-ротмистра Валентина Петровича Плеханова и воспитанницы Института благородных девиц Марии Федоровны Белинской (внучатой племянницы В. Г. Белинского), Георгий Валентинович унаследовал от вспыльчивого, но трудолюбивого отца прямоту, смелость и жизненное правило «надо всегда работать, умрем — отдохнем», а от доброй и заботливой матери — душевную чуткость, неприятие зла, сострадание к простому люду. В 20 лет он уже сформировался как личность, хотя и без того европейского лоска и наружного барства, которые стали присущи ему позднее, с годами эмиграции, и бросились в глаза А. В. Луначарскому («должно быть, и Герцен был такой»[44]). Творческая мощь ума, колоссальная эрудиция, блеск остроумия, артистизм полемики отличали его уже в годы «Земли и воли», напоминая именно Герцена. Портила его смолоду лишь «феноменальная нетерпимость» к инакомыслящим[45].

В речи на Казанской демонстрации Плеханов восславил всех «мучеников за народное дело», помянув Разина, Пугачева, Антона Петрова, особо — Чернышевского, а также декабристов, петрашевцев, каракозовцев, нечаевцев, долгушинцев и от имени собравшихся объявил: «Мы собрались, чтобы заявить здесь пред всем Петербургом, пред всей Россией нашу полную со-

---

[41] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 3. С. 150.

[42] В разных источниках среди них названы М. А. Натансон, А. Д. Михайлов, Г. В. Плеханов, В. А. Осинский, В. Н. и Е. Н. Фигнер, П. Г. Заичневский, С. Н. Халтурин, П. А. Моисеенко, И. И. Каблиц, В. Н. Игнатов.

[43] Первая рабочая демонстрация в России. М.,Л., 1927. С. 13.

[44] *Луначарский А. В.* Силуэты. М., 1965. С. 111.

[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 338.

лидарность с этими людьми. Их знамя — наше знамя!»[46]. Выслушав оратора, демонстранты восклицали: «Да здравствует социальная революция!» Рабочий Яков Потапов держал приготовленное к демонстрации красное знамя с вышитой на нем надписью «Земля и воля». Вместе со знаменем он был поднят на руки. Так впервые в России революция открыто развернула свое *красное знамя*.

Демонстрация закончилась столкновением с полицией. Первый немногочисленный отряд городовых был смят и обращен в бегство. Лишь многолюдному подкреплению стражей порядка удалось рассеять толпу демонстрантов и арестовать некоторых из них, в том числе знаменосца Потапова. Плеханов (как, впрочем, и все вожаки «Земли и воли») скрылся и перешел на нелегальное положение[47].

Арестованные участники демонстрации («декабристы 1876 года», по выражению А. Д. Михайлова[48]) судились на процессе в ОППС с 18 по 25 января 1877 г. Трое из них были приговорены к 15-ти и еще один к 10-ти годам каторги. Потапова по несовершеннолетию (18 лет) сослали было на 5 лет в тюрьму Соловецкого монастыря «для исправления», но он оказался неисправим: на заупокойной обедне в память об Александре II, дал по уху настоятелю и за это был пересослан в Сибирь[49].

Событие 6 декабря 1876 г. вошло в историю русского освободительного движения как яркая веха, первая антиправительственная уличная демонстрация. В практике же «Земли и воли» оно стоит особняком именно как *политическая* акция, затеянная к тому же в рабочей среде по инициативе самих рабочих. После Казанской демонстрации «Земля и воля» развернула многообразную практическую деятельность в согласии со своей программой, по двум направлениям — организаторскому и дезорганизаторскому.

7.2. Организаторская деятельность

По народнической традиции землевольцы избрали главным объектом своей организаторской деятельности крестьян. Уже с весны 1877 г., с первой своей весны, «Земля и воля» «форсированным маршем», как выразился О. В. Аптекман, двинула свои основные силы в деревню. Организаторами деревенских *поселений* землевольцев стали члены Основного кружка, а в помощь им были мобилизованы местные группы общества и члены-сепаратисты. Настроение «поселенцев» было почти столь же приподнятым,

---

[46] Революционеры 1870-годов. Л., 1986. С. 417–418.

[47] С того дня жандармы начали искать его по всей России, причем в первых досье фамилия его варьировалась: Плоханов, Плохов, Плоганов (Первая рабочая демонстрация в России. С. 72).

[48] *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 151.

[49] См.: *Дурье Г. И.* Как в монастыре рабочего исправляли // Каторга и ссылка. 1931. № 11–12.

как в 1873–1874 гг. Теперь народники вдохновлялись надеждой на то, что их *конкретная* и *оседлая*, т. е. более доходчивая как по содержанию, так и по форме, пропаганда встретит понимание у народа. «Не глух народ, не безголосые и мы, – писал об этом С. М. Кравчинский. – Мы только говорили с народом до сих пор на не понятном народу языке <...> Пять лет тому назад мы сбросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь мы видим, что этого мало, – пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и тоже одеть в народную сермягу»[50].

Главными очагами землевольческих поселений, их операционным базисом были избраны, как и в 1874 г., Поволжье, Дон и Кубань. Эти места, богатые стародавними традициями крестьянского протеста, казалось, сулили землевольцам непременный успех. «Мы верили и надеялись, – вспоминал О. В. Аптекман, – что там, где 200 и 100 лет тому назад разыгрались величайшие исторические драмы народной жизни, бунты Стеньки Разина и Пугачева, <...> нам удастся создать в народе рать, призванную осуществить народную революцию»[51].

Все поселения устраивались примерно по одному плану. В каждой избранной местности оседала группа агитаторов под видом учителей, писарей, фельдшеров, а то и деревенских кулаков, ряженых под кулацкие манеры, говор и внешний вид: «в смазных сапогах и «спенджаках», как называли тогда крестьяне появившиеся впервые у них пиджаки, в красных рубахах, с волосами, подстриженными в скобку и смазанными постным маслом»[52]. Тогда кулак в деревне не был одиозной фигурой, какой он стал много позднее; напротив, кулак 1870-х годов (другими словами, «крепкий крестьянин») считался среди земляков авторитетным и уважаемым лицом. Вся эта группа «поселенцев» должна была в повседневном общении с крестьянами избранного региона (уезда или губернии) доводить их сознание до нужного градуса революционности.

Руководил каждой такой группой местный центр из состава участников группы, который размещался в ближайшем городе, а над всеми группами «в качестве согласующего и направляющего центра главенствовал петербургский Основной кружок»[53].

Самыми крупными из деревенских поселений «Земли и воли» стали два саратовских. Весной 1877 г. в Саратов для организации поселения были направлены Ольга Натансон и Василий Трощанский. К тому времени землевольцы уже имели в общественных кругах Саратова деловые связи – с нотариусом В. С. Праотцевым, адвокатом Г. Г. Борщовым, отставным чиновником А. П. Гофштеттером. Благодаря им, Натансон и Трощанский оновали саратовское поселение. Правда, через три месяца оба они были срочно вызваны в Петербург по случаю ареста Марка Натансона, но им на

[50] Революционная журналистика 70-х годов. С. 128, 129.
[51] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 260.
[52] *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. М., 1947. Т. 2. С. 307.
[53] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 259.

смену приехали в Саратов А. Д. Михайлов, Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, С. А. Харизоменов. Они и составили местный центр саратовского поселения, в котором первую роль играл Михайлов. Члены центра жили в самом Саратове (их «штаб-квартирой» стала коммуна в доме № 76 по Камышинской улице, ныне — улица Рахова) и не только координировали отсюда деятельность «рядовых» землевольцев, расселившихся по деревням, но и сами вели пропаганду и агитацию среди горожан — преимущественно гимназистов, семинаристов и рабочих. Здесь самым активным был Плеханов.

В Саратове тогда уже зарождались конспиративные ячейки рабочих, и слово Плеханова, блестящего пропагандиста и агитатора, встречало у них живой отклик. По свидетельству Аптекмана, Плеханов агитировал среди саратовских рабочих «очень удачно; рабочие были прямо в восхищении от него, высоко ценили, гордились им»[54]. Сам Плеханов, однако, рвался в деревню. С разрешения центра он уехал в Аткарск и там подал в училищный совет прошение назначить его учителем в одно из сел уезда, но получил отказ.

Александр Михайлов, не довольствуясь заботами центра, колесил по губернии. Он отыскивал места для поселений, заводил связи с крестьянами, а к осени 1877 г. поселился у раскольников в с.Синенькие Саратовского уезда, вошел в их среду (что стоило колоссального труда, ибо, по словам самого Михайлова, «для интеллигентного человека это значит исполнять 10 000 китайских церемоний и притом исполнять естественно»[55]) и повел среди них революционную пропаганду, пока не убедился, что «ничего у них нет, кроме всеобщего перепуга перед воображаемым ими скорым страшным судом»[56].

Общее число работников саратовского поселения «Земли и воли» превысило тогда 20 человек. Поселение действовало до осени 1877 г. меньше восьми месяцев. В октябре 1877 г. местная полиция, слывшая чуть ли не самой зоркой на периферии, выследила членов центра и разгромила их «штаб-квартиру». Михайлов и Аптекман успели скрыться. Плеханов был арестован в числе хозяев и «гостей» квартиры, но уже из-под ареста сумел вырваться на свободу и уехать в Петербург. Гибель центра повлекла за собой распад всего поселения, которое оказалось в положении войска без штаба. Той же осенью почти все землевольцы разъехались из саратовских деревень.

Саратовское поселение 1877 г. было первым, но не единственным. Землевольцы продолжали считать Саратовскую губернию одной из самых перспективных для агитации среди крестьян. Поэтому с весны 1878 г. в Саратове организуется центр нового землевольческого поселения, которое просуществовало до мая 1879 г., т. е. почти до конца «Земли и воли».

На этот раз в Саратов приехали В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов (вскоре вернувшийся в Петербург), Ю. Н. Богданович, А. И. Иванчин-Писарев, А. К. Соловьев, Н. А. Армфельд и сестра Веры Фигнер Евгения. Кроме них

---

[54] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 219.
[55] *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 49.
[56] *Морозов Н. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 309.

в саратовских деревнях уже «оседло» действовали тогда еще 8—10 землевольцев. Всего таким образом второе саратовское поселение насчитывало не менее 16 агитаторов[57].

С помощью нотариуса В. С. Праотцева, который имел обширнейшие связи по всей губернии, вплоть до близкого знакомства с начальником ГЖУ, Богданович Иванчин-Писарев и Соловьев устроились писарями в селах Вольского уезда[58], а сестры Фигнер — фельдшерицами в Петровском уезде (с. Вязьмино). Для саратовской деревни 1870-х годов приезд из столицы интеллигентных барышень в качестве фельдшериц был диковинкой. Вера Фигнер вспоминала, что мужики гурьбой шли к попам за разъяснением, для всех ли приставлены «лекарки» или только «для баб». После разъяснения к фельдшерицам хлынули и больные и здоровые, желая не только полечиться, но и поглазеть на новых людей, добровольно приехавших «аж из самого Питера» в такую несусветную глушь. «Бедный народ, — читаем у В. Н. Фигнер, — стекался ко мне, как к чудотворной иконе, целыми десятками и сотнями. Около фельдшерского домика стоял с утра до позднего вечера целый обоз»[59].

В первый же месяц работы сестры Фигнер приняли 800 больных, а за 10 месяцев — 5 тыс. Не только врачебная помощь, но и чуткое, сердечное отношение к простым людям со стороны барышень-фельдшериц, отношение, которого прежде крестьяне не знали, снискало сестрам широчайшую популярность среди крестьян. «Скоро моя слава, — вспоминала В. Н. Фигнер, — перешла за пределы трех волостей, которыми я заведовала, а потом и за пределы уезда». Еще более популярными сестры Фигнер стали после того как им удалось открыть школу, и Евгения Николаевна взялась бесплатно учить крестьянских детей. Крестьяне отзывались о Евгении Николаевне не иначе, как «наша золотая учительша» (впрочем, Веру Николаевну звали даже «богородицей»).

Доверие и признательность крестьян, естественно, облегчали сестрам Фигнер революционную пропаганду. Сестры использовали для этого и приемы больных, и уроки в школе, и, в особенности, беседы и чтения в крестьянских дворах.

Однако местные власти, боясь растущего влияния пропагандисток, чинили им всяческие препятствия в их благотворительности и, наконец, заподозрив «крамолу», стали бдительно следить за ними. В Саратов полетели доносы, что Евгения Фигнер внушает ученикам: «Бога нет, а царя не надо», и что обе сестры «ходят из избы в избу и читают прокламации»[60]. Вести

---

[57] См.: *Воронихин А. В.* Один год из жизни Веры Фигнер (Новое о саратовском поселении землевольцев 1878—1879 гг.) // Освободительное движение в России. Саратов, 1992. Вып. 15. С. 107—110.

[58] «Эти три лица поставили себя так, что потом могли бы заместить по своей рекомендации все места писарей в Вольском уезде» (*Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 160.)

[59] Там же. С. 162.

[60] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. С. 167.

пропаганду становилось все труднее. В таком же положении оказывались и другие землевольцы. Джордж Кеннан, изучавший тогда Россию, свидетельствовал, что народников, которые устраивались, например, писарями, «скоро арестовывали, заключая об их революционности по тому, что они не пьянствовали и не брали взяток»[61] (сразу было видно, что писари — не настоящие). Богданович, Иванчин-Писарев и Соловьев вынуждены были, спасаясь от ареста, уже в конце 1878 г. уехать из Саратовской губернии.

После того как Соловьев совершил 2 апреля 1879 г. в Петербурге покушение на царя и выяснилось на следствии, что он до приезда в столицу вел революционную пропаганду на саратовщине, землевольцы уже не могли более оставаться в саратовских деревнях и, один за другим, разъехались оттуда. Последней скрылась из с. Вязьмино Вера Фигнер — 20 апреля 1879 г., за день до того, как жандармы явились арестовать ее.

Мне еще придется часто называть имя Веры Николаевны Фигнер, но не будет повода говорить о ней так подробно, как теперь. Поэтому здесь уместнее всего — несколько штрихов к ее портрету. Как личность она отличалась всеми достоинствами, о которых каждый революционер и каждая женщина могут только мечтать. Умница и красавица, слывшая «мадонной» и даже «Венерой» русской революции»[62], высший авторитет в партии после гибели Желябова и Перовской, «мать-командирша» как называли ее (не достигшую и 30-ти лет!) товарищи по делу, Вера Фигнер производила на всех, кто с ней сталкивался, неотразимое впечатление. Писатель В. В. Вересаев так вспоминал о первом знакомстве с нею: «<...> ей было за 60 лет, но и теперь она поражала сдержанно-гордой, властной красотой и каким-то прирожденным изяществом. Что же было, когда она была молода!»[63].

У этой сильной и властной натуры была одна чисто женская слабость, за которую друзья прозвали ее «Топни-Ножкой». Вересаев, узнав об этом, был поражен, так не ладилось с величественным и строгим обликом Фигнер столь легкомысленное прозвище. Вот что написал он об этом Максиму Горькому: «Истинно-соколиная душа, одна из самых трагических фигур русской революции (что она должна была пережить после 1 марта до своего ареста, когда весь мир изумлялся могуществу Исполнительного комитета, а весь Исполнительный комитет была она одна! И ничего уже не могла сделать!) и извольте видеть — «Топни-Ножкой!»[64]

Жители с. Вязьмино хранят благодарную память о Вере Фигнер из поколения в поколение, сохранили поныне и дом, где она жила. В 1974 г. на этом доме была открыта мемориальная доска.

Одновременно с двумя саратовскими поселениями и однотипно с ними действовали другие (все — меньшие по масштабам) поселения землевольцев. Сравнительно крупными были Самарское, Нижегородское, Царицын-

---

[61] *Кеннан Д.* Сибирь и ссылка. СПб., 1906. С. 143.

[62] Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 215.

[63] *Вересаев В. В.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 384.

[64] Там же. С. 530.

ское, Астраханское, Тамбовское, Воронежское, Торопецкое в Псковской губернии; малолюдными и менее действенными (вопреки ожиданиям самих народников) — поселения на Дону, на Кубани и на Урале. Впрочем, и в малых и в крупных поселениях землевольцы чувствовали себя «небольшим авангардом, не имеющим за собой армии»[65]. Силы «поселенцев» были незначительны, а репрессии со стороны властей стесняли и пресекали деятельность даже этих немногих сил. К тому же трудно было приноровиться к различиям в интеллектуальном уровне крестьян. Сами народники озадаченно констатировали, что «в одном, например, селе было несколько таких крестьян, которые читали, с претензией понять, такие туманные сочинения, как Милля, Спенсера, Смита и т. п.», но «были и такие села, где ни одного грамотного»[66]. В результате, поселения рушились одно за другим, и нигде землевольцы не добивались большего, чем *расположение* крестьян к ним самим и *внимание* к их беседам, без революционного настроя. Фактически 1878 год стал последним годом землевольческих поселений. «Они еще жили, эти поселения, — вспоминал О. В. Аптекман о 1879 годе, — но ангел смерти уже витал над ними». Землевольцы постепенно разочаровываются в деревенских поселениях и тяготеют к новому пересмотру тактики, к изысканию более действенных способов борьбы. В связи с этим легко понять их отношение к т. н. Чигиринскому заговору 1877 г.

Дело в том, что группа народников, действовавших в 1876—1877 гг. на Украине и формально не входивших тогда в «Землю и волю», решила *практически* приступить к организации крестьянского восстания. Это был кружок «южных бунтарей»: В. К. Дебогорий-Мокриевич, Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, М. Ф. Фроленко, А. М. Макаревич, В. И. Засулич и др., всего — до 25 человек.

В то время Киевская губерния (особенно ее Чигиринский уезд) была очагом сильных крестьянских волнений, охвативших 19 волостей с населением в 40 тыс. человек[67]. Крестьяне требовали душевого передела земли и отказывались подчиняться помещикам. Защиту от помещиков они искали у царя. Один из них, Фома Прядко, вызвался быть «ходоком» к царю и добрался до Петербурга, но там был арестован и отконвоирован на родину. Теперь Прядко больше прежнего уверовал в то, что царь — за народ (потому дворяне и не допускают к нему крестьян!) и развернул среди земляков пламенную агитацию за передел земли, категорически им внушая: «царь скоро сам прикажет сделать это». Власти учинили массовые аресты, вызвали войска, подвергли крестьян дикой экзекуции с поркой, тюрьмой и высылкой, но долго не могли подавить волнения. Этим и решили воспользоваться «южные бунтари».

По их мнению, просвещать крестьян, распространять среди них книжки — значило попросту терять время; нужно вооружиться, возглавить крестьян-

---

[65] *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958. С. 388—389.

[66] РН. Т. 2. С. 93.

[67] Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг. Сб. документов. М., 1968. С. 153.

ский люд и повести его в бой. С этой целью «бунтари» начали приобретать револьверы и казацкие седла, учились стрелять и ориентироваться по картам, готовясь поднять новую «гайдаматчину» à la «Колиивщина» 1768 г. Но первые контакты с крестьянами убедили их в том, что крестьяне повсеместно верят в царя и только от него ждут передела земли. Тогда «бунтари» задумали поднять крестьян на восстание от имени и во имя царя. Вся группа не успела осуществить этот замысел, поскольку она к концу 1876 г. распалась, но трое ее участников во главе с Яковом Стефановичем довели задуманное до конца.

Стефанович и его помощники Лев Дейч и Иван Бохановский завели сношения с чигиринскими крестьянами и вызвались хлопотать об их деле перед царем. Стефанович взял на себя роль ходока к царю, на время исчез, якобы в Петербург, а на деле по соседству, в Киев, сочинил с помощью Дейча и сам себе вручил тайные «царские» манифесты, а к началу 1877 г. вновь объявился перед крестьянами и рассказал им, с каким трудом он изловчился проникнуть к царю, какую имел с царем беседу и как царь назначил его — *Дмитрия Найду* — своим комиссаром с полномочиями действовать среди крестьян от царского имени. При этом Стефанович показывал крестьянам напечатанные в подпольной типографии подложные документы: «Высочайшую тайную грамоту» Александра II и «Устав Тайной дружины», высочайше утвержденный царем. В грамоте мнимый царь доверительно признавался крестьянам, что он 19 февраля 1861 г. даровал им «всю землю без всякого за нее платежа», но дворяне «хитростью и обманом» отрезали себе лучшие угодья; что царь вот уже 20 лет безуспешно ведет борьбу с дворянами за крестьян и, наконец, осознал: «только вы сами можете свергнуть с себя дворянское иго <...> и завладеть всею землею». Поэтому грамота призывала народ к восстанию и заканчивалась вдохновляюще: «Итак, осени себя крестным знамением, православный народ, и призови благословение Божие на святое дело твое <...> Александр II»[68]. «Такой бессовестной мистификации и такого могущественного орудия для того, чтобы волновать умы русской крестьянской массы, не придумывала ни одна забубенная воровская головушка из разинской или пугачевской ватаги», — вспоминал об этом С. М. Кравчинский[69].

Фигурируя поддельно-царскими документами, Стефанович с помощью Дейча и Бохановского начал вербовать крестьян в повстанческую «Тайную дружину» и за каких-нибудь семь-восемь месяцев вовлек в нее до 2000 человек. Возглавил «Дружину» ее атаман — отставной унтер-офицер Ефим Олейник, подчиненный «царскому» комиссару Дмитрию Найде, т. е. Стефановичу. На 1 октября 1877 г. уже намечалось восстание[70]. Но в августе,

---

[68] Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. С. 141–143.

[69] *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. С. 410.

[70] Подробно о Чигиринском заговоре см.: Документы к Чигиринскому делу // Былое. 1906. № 12; *Стефанович Я. В.* Чигиринское дело // Памятники агитационной литературы. Т. 1. Черный передел. М.;Пг., 1923; *Дейч Л. Г.* Чигиринська справа. Харків, 1929.

вследствие доноса священника, который выдал сыскным властям тайну исповеди заболевшего «дружинника», Чигиринский заговор был раскрыт.

Расправа с участниками заговора была короткой. Власти залпом арестовали до 1000 крестьян, но почти все они отделались административными взысканиями. Царизму выгодно было изобразить перед общественным мнением людей из народа обманутыми жертвами революционных совратителей. Так он и сделал. Суду были преданы лишь 47 крестьян-чигиринцев[71]. Стефанович, Дейч и Бохановский еще до суда, где им грозил смертный приговор, бежали из тюрьмы, благодаря фантастической изобретательности М. Ф. Фроленко (об этом речь – впереди). Что касается крестьян, то суд принял во внимание их политическую безотчетность и снисходительно приговорил шестерых из 47-ми к недолгим срокам тюрьмы, а всех остальных оправдал. Сенат пересмотрел приговор и определил Олейнику, Прядко и еще двоим чигиринцам по 12 лет каторги, но царь заменил для всех четырех каторгу ссылкой[72].

Часть землевольцев отнеслась к чигиринскому начинанию Стефановича сочувственно, их оно «совершенно ослепило»[73]. Самый факт создания (впервые в России) массовой революционной организации из крестьян настолько магнетизировал их, что они готовы были если не забыть, то простить неблаговидный способ достижения цели. На Совете «Земли и воли» в Петербурге 1878 г. «чуть ли не большинство»[74] во главе с Валерианом Осинским выступило за использование чигиринских методов борьбы. Плеханов и Аптекман возглавили противников чигиринщины, ссылаясь, в частности, на авторитетное предостережение М. А. Бакунина: «народа никогда и ни под каким предлогом и для какой бы то ни было цели обманывать не следует»[75]. В результате, чигиринский способ действий народники раз и навсегда отвергли.

Чигиринское дело осталось беспрецедентным в практике народников, но не случайным эпизодом. Оно отразило в уродливой форме (как ранее нечаевщина – по отношению к самим народникам) революционный порыв народников по отношению к крестьянству. Непоколебимо веруя в революционность крестьянских масс и не осязая ее, народники ради того, чтобы поднять крестьянство на выступление, готовы были эксплуатировать существующее крестьянское мировоззрение, наивную веру крестьян в царя. К чести народников, они в большинстве своем отвергли чигиринщину, как в свое время нечаевщину, и сберегли нравственную основу русского освободительного движения.

---

[71] Полный список их см.: ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157.

[72] Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. С. 432–433.

[73] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 281.

[74] Там же. С. 295. Г. В. Плеханов утверждал, что именно «*значительное большинство* землевольцев относилось к нему (Чигиринскому заговору – *Н. Т.*) вполне одобрительно» (Соч. Т. 24. С. 123). Думается, Аптекман и, особенно, Плеханов преувеличили здесь число своих оппонентов, чтобы акцентировать весомость собственной победы.

[75] РН. Т. 1. С. 48.

Агитация среди крестьян занимала главное место в практике землевольцев. М. Ф. Фроленко даже называл «Землю и волю» «народнически-поселенческой партией»[76]. Вместе с тем «Земля и воля» активно действовала среди интеллигенции и рабочих. Эта ее деятельность развивалась главным образом в Петербурге. Особый размах она приняла с весны 1878 г., когда «конгресс» «Земли и воли» обновил программу и устав общества.

В то время общественная атмосфера в столице была наэлектризована только что закончившимся процессом «193-х» и покушением Веры Засулич на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Общество становилось все более оппозиционным к правительству. Наиболее решительно вела себя учащаяся молодежь, которая «буквально рвалась в бой, куда бы ее ни повели»[77]. В такой обстановке землевольцы мобилизуют значительную часть сил на пропаганду и агитацию среди петербургского студенчества. Именно студенческую среду — молодую, энергичную, просвещенную — народники всегда считали самой благоприятной для вербовки революционных кадров. Землевольцы в своей пропагандистско-агитационной деятельности среди студентов тоже рассчитывали прежде всего на подготовку кадров для своего общества.

Формы пропаганды и агитации в студенческой среде у землевольцев не изменились по сравнению с первой половиной 70-х годов: подбирались надежные помощники, организовывались кружки, в них обсуждались рефераты, проводились беседы и дискуссии на злобу дня, выдвигались требования к властям. Только теперь содержание пропаганды стало конкретнее, ближе к народным потребностям и к корпоративным интересам самих студентов.

Положение российского студенчества и в политическом, и чисто в материальном положении было тогда крайне бедственным. Например, в Московском университете, где к началу 80-х годов было больше 2 тыс. студентов, преобладали разночинцы — в массе своей необеспеченный, остро нуждающийся люд. По общему мнению, тогда в Москве прожить меньше, чем на 25 рублей в месяц, было почти невозможно. А между тем, очень многие студенты имели всего 15 руб. в месяц. Питались они кое-как: чаем, сыром и черным хлебом, на обеды денег не хватало. По подсчетам П. И. Иванова, 11% московских студентов не имели на месяц и 15 руб. Они пользовались бесплатными обедами в кухмистерских — для самых бедных. О таких обедах студенты говорили: «Не успеешь дойти до дому, как опять есть хочется»[78]. Сверх всего надо было еще платить за учебу. Немудрено, что когда наступал срок вносить плату, до трех четвертей студентов Московского университета оказывались в списках подлежавших исключению и лихорадочно, но зачастую тщетно, изыскивали возможность продолжить учебу.

---

[76] *Фроленко М. Ф.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1932, Т. 2. С. 58.
[77] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 290.
[78] *Иванов П. И.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. М., 1903. С. 6–7, 56, 63.

Прибавив к этому произвол властей, мелочный надзор, полицейскую опеку над вузами, бесконечные запреты, преследования всякого инакомыслия (не в одной Москве, а по всей России), легко понять тот дух недовольства и брожения, которым было проникнуто российское студенчество 1870-х годов. Землевольцы использовали этот дух, идейно вооружали студентов, придавали их брожению организованность. Не довольствуясь пропагандой, они развернули среди петербургских студентов агитацию: устраивали самочинные сходки, обструкции властям, попытались даже организовать уличную демонстрацию, которая, правда, не состоялась, но, тем не менее, вошла в историю под названием «паленская демонстрация».

Дело в том, что Г. В. Плеханов в декабре 1877 г. составил адрес на имя министра юстиции гр. К. И. Палена с обличением карательного беспредела властей. Землевольцы напечатали адрес в своей типографии и провели по всем вузам Петербурга сходки, призывая студентов выйти на демонстрацию и завершить ее вручением адреса Палену. Организовать демонстрацию не удалось (большинство студентов боялось, что власти закроют университет), но подготовка к ней усилила брожение студенческой массы. Слухи о «паленской демонстрации» дошли до Москвы. В Петербург прибыли делегаты от московского студенчества с целью согласовать действия студентов обеих столиц, и землевольцы снабдили их прокламацией «Адрес Палену от московской учащейся молодежи». Такие же адреса были составлены в Киеве и Харькове, причем под харьковским адресом подписалось до 400 человек[79].

В конце декабря того же 1877 г. землевольцам удалась демонстрация с участием студентов на кладбище Новодевичьего монастыря в Петербурге, когда хоронили Н. А. Некрасова (их организатором здесь, как и на Казанской демонстрации 1876 г., выступил — кстати, вслед за Ф. М. Достоевским — Плеханов). Довольные собой землевольцы провели тогда в ближайшем к кладбищу трактире еще и революционную сходку. «А что, — вспоминал очевидец, — если бы начальство окружило трактир солдатами и арестовало находившихся там! Ведь в его руках оказался бы чуть не весь штаб русской революции»[80]. 25 февраля 1878 г. замлевольцы все-таки организовали и уличную антиправительственную демонстрацию на похоронах студента-народника Антона Подлевского, умершего в тюрьме[81]. Примерно 300 молодых людей (почти исключительно студентов) пронесли в тот день гроб с телом своего товарища по центральным улицам столицы с вызывающими остановками у зданий Окружного суда и Дома предварительного заключения. Наконец, 31 марта 1878 г. землевольцы приняли инициативное участие в самой крупной за 70-е годы демонстрации 1,5—2 тыс. «лиц всех званий» (по жандармской терминологии), но преимущественно учащейся молодежи, перед зданием Петербургского окружного суда по случаю оправдания Веры Засулич[82].

---

[79] РН. Т. 2. С. 130.

[80] Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1938. Сб. 6. С. 237.

[81] См. о ней: ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1878. Д. 133.

[82] Подробно о ней см.: *Левин Ш. М.* Две демонстрации // Исторические записки. 1955. Т. 54.

«Земля и воля» не оставляла без внимания и стихийно возникавшие студенческие акции. После того как в Москве 3 апреля 1878 г. мясники и лабазники Охотного ряда, провоцированные полицией, зверски избили студентов, которые собрались проводить в ссылку своих товарищей, — после этого газета М. Н. Каткова «Московские ведомости» напечатала, а «Правительственный вестник» перепечатал такое заключение: «Это — ответ русского простого народа на скандал «избранной» публики 31 марта в Петербурге». Землевольцы в специальной прокламации по этому поводу[83] разоблачили и высмеяли попытку властей отождествить «русский простой народ» с «толпой разъяренных мясников».

Поддержать и повести за собой студентов землевольцы стремились не только в столицах, но и в провинциальных центрах: в Казани, Вильно, Риге, Киеве, Харькове, Одессе — практически везде, где были вузы. Например, в Харькове 14 декабря 1878 г. местный губернатор кн. Д. Н. Кропоткин явился на студенческую сходку с двумя сотнями казаков и приказал им бить студентов нагайками. «Земля и воля» откликнулась на это гневными прокламациями[84], а кн. Кропоткин вскоре поплатился за свое карательное усердие жизнью.

Во многом благодаря «Земле и воле» волнения студентов в течение 1878 г. неуклонно росли и к концу года приняли *всероссийский* характер. Центральный орган землевольцев систематически освещал ход студенческого движения, призывая студентов быть стойкими и последовательными. «Наш совет студентам, как и всегда, — писал Д. А. Клеменц в № 3 «Земли и воли», — продолжайте раз начатое дело, не останавливайтесь на полдороге!»[85] Царизм подверг студентов беспощадным репрессиям. Всю зиму 1878—1879 гг. в Петербурге шли аресты (преимущественно студентов), общее число которых «Земля и воля» определила более чем в 2 тыс.[86]. Однако студенческое движение продолжало нарастать, составив один из факторов сложившейся в 1879 г. в России второй революционной ситуации.

В обстановке нараставшего демократического подъема землевольцы пытаются расшевелить осмотрительных, а то и просто трусливых российских либералов, пассивность которых была предметом насмешек в революционно-народнической печати. «Что делают либералы для завоевания политической свободы? — вопрошали, например, землевольцы в декабрьской прокламации 1876 г. и сами отвечали. — Самое страшное — показывают правительству угрожающий кукиш в кармане»[87]. Но уже с конца 1877 г. революционеры вступают в деловые сношения с либералами, проводят ряд совещаний о возможности совместных действий[88]. Еще до начала 1878 г. в Киеве В. А. Осинский и В. К. Дебогорий-Мокриевич вели переговоры с либералами

[83] Текст ее см.: РН. Т. 2. С. 62—64.
[84] См. там же: С. 71—78.
[85] Революционная журналистика 70-х годов. С. 308.
[86] Там же. С. 456.
[87] Историко-революционный сб. Пг., 1926. Т. 3. С. 111.
[88] См. о них в кн.: Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 39—40, 45.

И. П. Ювенальевым и В. В. Лесевичем (известным философом), а весной 1878 г. в Петербурге Л. К. Бух — с тверскими гласными А. М. Унковским и А. А. Головачевым, издателем журнала «Слово» А. А. Жемчужниковым и др. Самое представительное из таких совещаний состоялось 3 декабря 1878 г. в Киеве на квартире преподавателя местной Военной гимназии В. Л. Берендштама[89]. Здесь революционеров представляли В. А. Осинский, В. К. Дебогорий-Мокриевич, С. А. Лешерн-фон-Герцфельд, Л. А. Волкенштейн и др., либералов — земцы И. И. Петрункевич[90] и А. Ф. Линдфорс, романист и поэт М. П. Старицкий, возможно гр. А. С. Панина. Всякий раз переговоры срывались из-за неуступчивости сторон в одном пункте: либералы предлагали «соединиться для добытия конституции» исключительно легальными средствами, революционеры же настаивали на сочетании легальных средств с нелегальными.

Тем временем землевольцы энергично действовали и в рабочей среде. Для них, как и для народников первой половины 70-х годов, рабочие представляли собой вспомогательную силу революции, *посредников* между народнической интеллигенцией и крестьянством. Из рабочих землевольцы рассчитывали подготовить надежные кадры для последующей, совместной с интеллигентами, революционной деятельности в деревне.

Главным центром «рабочего дела» «Земли и воли» стал, естественно, Петербург, а первым лицом в этом «деле» — Г. В. Плеханов. Общение землевольцев с рабочими было строго упорядоченным. Те члены общества во главе с Плехановым, кому было поручено «рабочее дело», составляли кружки из интеллигентной (в первую очередь студенческой) молодежи, примыкавшей к «Земле и воле», и через них заводили связи с рабочими. Поскольку тогда среди петербургских рабочих встречались уже подготовленные ученики Большого общества пропаганды 1871—1874 гг., землевольцы прежде всего разыскали этих людей и создали из них Центральную рабочую группу. Далее сами землевольцы, участники их молодежных кружков и рабочие из Центральной группы всячески содействовали возникновению в фабрично-заводских районах Петербурга местных рабочих кружков. Руководить такими кружками поручалось Центральной рабочей группе.

Пропагандистские беседы и чтения землевольцы проводили и в Центральной группе, и в местных кружках, соблюдая при этом сугубую конспиративность: даже проверенные рабочие не знали имен и адресов пропагандистов. Если бы на такие чтения и пробрался некий шпион, «он мог бы донести только, что какой-то Федорыч, или Антон, или «Дедушка» в том-то месте и в таком-то часу *потрясал основы*, а где искать этого Федорыча, или Антона, или «Дедушку», оставалось покрыто мраком неизвестности»[91].

---

[89] Двое его сыновей — Вильям и Михаил — стали позднее выдающимися адвокатами.

[90] Петрункевич Иван Ильич (1844—1928) — будущий лидер партии кадетов, председатель ее ЦК; он «стоял над всеми нами, как «патриарх» направления и как живая совесть партии» (*Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1 (1859—1917). М., 1990. С. 366.

[91] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 3. С. 149.

Содержание землевольческой пропаганды среди рабочих было многообразным. Наряду с общедоступными брошюрами (типа «Хитрой механики» В. Е. Варзара) землевольцы читали в рабочих кружках серьезные книги по истории, социологии, политэкономии, излагали основные идеи Адама Смита, Карла Маркса, I Интернационала[92].

Вместе с пропагандой землевольцы вели среди рабочих Петербурга революционную агитацию. Так, в декабре 1877 г. по случаю взрыва пороха в мастерской на Василеостровском патронном заводе, когда шестеро рабочих погибли, многие были искалечены, «Земля и воля» выступила с двумя прокламациями. Они связывали аварию с общим положением рабочего класса и будили в рабочих чувство протеста: «Долго ли еще будешь терпеть ты, рабочий народ?![93]» Мало того, шесть землевольцев (Плеханов, Осинский, Михаил Попов и др.) пришли на похороны жертв аварии с намерением устроить антиправительственную демонстрацию. Оказалось — нельзя: многолюдная полиция буквально конвоировала похоронное шествие, а потом встала вокруг могил. Едва один рабочий сказал: «Мы хороним сегодня шесть жертв, убитых не турками, а попечительным начальством...», как раздались полицейские свистки и околоточный опустил кулак на плечо оратора со словами: «Я тебя арестую!» Толпа рабочих негодующе зашумела. Плеханов первым бросился на околоточного. Арестованного освободили и ушли с кладбища так организованно, что полиция не посмела задержать никого[94].

Новым и большим шагом вперед в практике «Земли и воли» стала ее связь с рабочим *стачечным* движением. Землевольцы выступали на собраниях стачечников, разъясняли в своих прокламациях требования рабочих, собирали средства в фонд помощи стачечникам. Так было во время стачек на Новой Бумагопрядильне в феврале-марте 1878 и январе 1879 г., на прядильной фабрике Кенига в ноябре 1878 г., на ткацкой фабрике Шау в феврале 1879 г. В дни февральско-мартовской 1878 г. стачки на Новой Бумагопрядильне Плеханов, Попов и другие землевольцы попытались было организовать уличную демонстрацию стачечников под видом шествия с прошением к наследнику престола (текст прошения составил Попов). Удалось собрать лишь около 200 человек, которые 2 марта 1878 г. пришли к Аничкову дворцу, где жил наследник. Их встретил градоначальник А. Е. Зуров, который рассеял демонстрацию легко и остроумно, одной фразой, заявив, что наследник охотно примет прошения и все их удовлетворит, НО «подача прошений на имя наследника и государя разрешается только поодиночке и не лично, а через канцелярию». Рабочие поверили и разошлись[95].

«Рабочим делом» занимались и местные группы «Земли и воли». В Саратове, например, руководили рабочим кружком И. И. Майнов и А. В. Кирхнер; в Одессе вели пропаганду среди рабочих А. И. Желябов,

---

[92] См.: *Итенберг Б. С.* Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964. Гл. 4.
[93] РН. Т. 2. С. 44.
[94] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 318–319.
[95] *Ткаченко П. С.* Указ. соч. С. 255–257.

М. Ф. Фроленко, Н. Н. Колодкевич; в Харькове организовала два рабочих кружка (на заводах Вестберга и Рыжова) Е. Н. Ковальская. В Ростове-на-Дону действовало целое «противозаконное сообщество» рабочих, устроителями которого были В. А. Осинский, М. Р. Попов, Ю. М. Тищенко. Как явствует из материалов дознания, землевольцы здесь внушали рабочим «мысли о том, что царь, его двор и правительство грабят рабочий класс, что все они живут за счет рабочего класса; что необходимо, чтобы все сравнялись, надо переменить правительство; что рабочих больше, чем других, и потому они могут все сделать; что революция во Франции все изменила и что им следует сделать так, как во Франции; что для начала улучшения быта рабочих следует устраивать стачки с целью увеличения заработной платы и уменьшения числа рабочих часов»[96].

В целом «рабочее дело» «Земли и воли» развивалось успешно, но в главном пункте, в том, что должно было, по мысли землевольцев, все дело венчать, а именно в привлечении рабочих к пропаганде среди крестьян, — рабочие с народниками не соглашались. К концу 70-х годов первенцы рабочей демократии в России уже не мирились с той ролью посредников между интеллигенцией и крестьянством, которую отводили им народники. Они начали осознавать историческое предназначение своего класса как самостоятельной и даже главной революционной силы и занялись созданием собственных организаций.

Первая такая организация возникла еще в 1875 г. под названием «Южнороссийский союз рабочих» во главе с народником Е. О. Заславским и в конце того же года была разгромлена. Петербургские рабочие, с которыми общались землевольцы, создали к концу 1878 г. более крупный и зрелый «Северный союз русских рабочих» под руководством слесаря В. П. Обнорского и столяра С. Н. Халтурина. Землевольцы приветствовали создание «Северного союза» как «самостоятельной социалистической организации русских рабочих, гласно вступивших на борьбу с эксплуататорами»[97] и оказывали «Союзу» помощь в устройстве касс, библиотек, кружков, сходок, стачек, в тонкостях конспирации, печатали в своей типографии и на страницах своего центрального органа документы «Союза». Однако «Союз» в двух принципиальных вопросах ушел с народнических позиций и вступил в полемику с землевольцами, после того как те попытались отечески одернуть рабочих. Члены «Союза» отстаивали самостоятельность рабочего движения и рассуждали о необходимости политических свобод[98], а землевольцы считали такие рассуждения «буржуазными». Так «Земля и воля» оказывалась по отношению к рабочим в роли курицы, которая высидела утят.

Это вовсе не значит, что «рабочее дело» «Земли и воли» было бесплодным. Землевольцы, при всей их недооценке рабочего класса, сумели во многом стимулировать рабочее движение, пробудить революционное созна-

---

[96] РН. Т. 2. С. 104–105.

[97] Революционная журналистика 70-х годов. С. 333.

[98] См.: Письмо в редакцию от рабочих «Северного союза» в № 5 «Земли и воли» // Там же. С. 434–440.

ние рабочих, расширить их общественный кругозор. Агитатор-народник воздействовал на рабочих те только словом, но и делом, личным примером, всем своим обликом: «он шевелил, будил и увлекал вперед рабочих своей подвижностью, своим самоотвержением, своей удалью и своей безграничной склонностью ко всякому «отрицанию»[99]. В общении с землевольцами набирались ума-разума, политически просвещались и росли даже самые «темные» поначалу, невежественные рабочие, вроде того смазчика по кличке «серый», который при первой встрече с Плехановым в дни герцеговинского восстания умозаключил в ответ на рассказ Плеханова (с пропагандистским расчетом, конечно) об одном из «славных защитников Герцеговины»: «Он, должно быть, любовник ейный». — «Кто? Чей?» — удивился Плеханов. — «Да, герцогинин-то защитник. С чего же бы стал он защищать ее, кабы промеж них ничего не было?»[100]. Подобно тому, как из рабочих кружков Большого общества пропаганды вышли Петр Алексеев и Виктор Обнорский, в землевольческих кружках выросли такие рабочие-революционеры, как, например, знаменитый Петр Моисеенко и малоизвестный Андрей Карпенко, который «успел прочесть и Адама Смита, и Дарвина, и Луи Блана, и кое-что из Маркса, да и чего, чего он только не читал»[101].

Наши представления об *организаторской* деятельности «Земли и воли» были бы неполными без данных о работе землевольческой типографии и о функционировании центрального органа землевольцев — журнала «Земля и воля». Вторая «Земля и воля» стала первой в России революционной организацией, которая издавала на родине собственный литературный орган (все прежние организации не шли дальше издания отдельных прокламаций)[102].

Решение издать центральный орган под названием «Земля и воля» было принято на Совете общества весной 1878 г. Тогда же первым редактором органа был намечен С. М. Кравчинский, которого землевольцы с этой целью вызвали из-за границы. Кравчинский в то время странствовал по восстаниям в Европе: сражался против турок в Герцеговине и Боснии, потом в Италии примкнул к повстанцам против короля, был арестован и ждал суда, но тут один король умер, а другой Кравчинского амнистировал[103]. К лету 1878 г. Кравчинский вернулся в Россию и с увлечением стал редактировать журнал «Земля и воля», однако 4 августа он, как бы между прочим, убил шефа жандармов, что заставило товарищей Кравчинского вновь отправить его в эмиграцию. Он отредактировал только 1-й номер журнала, который увидел свет 25 октября 1878 г.

Вместо Кравчинского главным редактором «Земли и воли» стал Д. А. Клеменц, но и он успел отредактировать только один (2-й) номер,

---

[99] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 3. С. 143.

[100] Там же. С. 135.

[101] *Панкратов В. С.* Воспоминания. М., 1923. С. 110.

[102] Журнал «Народная расправа» был органом нечаевского (т. е. в значительной степени фиктивного) общества и выходил (всего — два номера) за границей.

[103] См.: *Тарапута Е. А.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 144—145.

после чего был арестован. Тогда, в феврале 1879 г., землевольцы учредили постоянно действующую редколлегию своего центрального органа в составе Н. А. Морозова, Л. А. Тихомирова и Г. В. Плеханова. Любопытно, что Плеханов — бесспорно, лучший литературный талант из всех народников, вообще один из лучших русских публицистов и, после Герцена, самый яркий, — считал себя тогда не подготовленным для литературной работы и отказывался войти в редакцию, ссылаясь на то, что ему нужно еще «поработать над собой». На это Александр Михайлов резко возразил Плеханову: «Если ты откажешься, то я начну писать в «Земле и воле», но знай, что я буду писать *хуже тебя*!» Против такого аргумента Плеханов не устоял. Позднее он вспоминал, что если бы не Михайлов, то он, Плеханов, может быть, и не стал бы литератором[104]. Плеханов, Тихомиров, Морозов вместе отредактировали три номера «Земли и воли». Последний, 5-й, номер вышел 16 апреля 1879 г.

Журнал отличался богатством и разнообразием публикаций. В нем печатались программные статьи землевольцев, хроника революционной борьбы и правительственных репрессий, секретные документы властей, политические фельетоны, даже стихи (в № 5 впервые было опубликовано стихотворение Н. А. Некрасова «Смолкли честные, доблестно павшие»), а главное, материалы о положении крестьянских в первую очередь и рабочих масс. Плеханов был автором передовых статей для № 3 и 4 и еще трех материалов в тех же номерах о народных волнениях[105].

Подпольная типография землевольцев работала с осени 1877 г. До учреждения журнала «Земля и воля» в ней печатались листовки, брошюры с отчетами о ходе процесса «193-х», разнообразные документы (среди них — записка министра юстиции гр. К. И. Палена об итогах «хождения в народ» и программа «Северного союза русских рабочих»). «Петербургская вольная типография» (таково было ее официальное название) содержалась в исключительной секретности. Даже редакторы и сотрудники ЦО «Земли и воли» не знали, где она находится. Только один из них (первым был Кравчинский) посвящался в тайну типографии и был связан с ней, но никогда не бывал в самой типографии, а встречался с ее работниками в нейтральных местах, где сдавал рукописи, получал корректуры и назначал время и место очередной встречи.

Агенты царского сыска сбились с ног в поисках типографии, которая печатала в столице империи революционный журнал — чуть ли не лучшим шрифтом, чем «Правительственный вестник». Шеф жандармов Н. В. Мезенцов истратил последний год своей жизни на эти поиски, но ничего не достиг. Сменивший его Н. Д. Селиверстов после месяца новых изощренных поисков 8 сентября 1878 г. докладывал царю: «Дерзаю доложить, что безуспешно производящиеся розыски подпольной типографии составляли предмет

---

[104] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 302.

[105] Перечень всех публикаций в № 1–5 «Земли и воли» с указанием выявленных авторов см. в кн.: *Кузьмин Д. [Колосов Е. Е.]* Народовольческая журналистика. М., 1930. С. 220–224.

глубочайшего прискорбия покойного Мезенцова и его сотрудников. Сии последние, поистине говоря, с 4 августа (день убийства Мезенцова. — *Н. Т.*) не щадят себя, работают все, до самых мелких чиновников, сверх сил и все, что, по крайнему разумению, возможно сделать для достижения цели, то делается с полнейшим рвением». Царь здесь пометил: «Желал бы видеть успех»[106].

«Где типография? Почему ее не могут отыскать? На эту тему фантазия публики разыгрывалась до белого каления, — вспоминал Л. А. Тихомиров. — Предполагали даже иные, что типография помещается в каком-нибудь дворце, и т. п.»[107].

Организатором типографии и душой всего типографского дела землевольцев был Аарон Исаевич Зунделевич. Именно он купил за границей, доставил в Петербург и установил в надежном месте типографское оборудование экстра-класса, а затем возглавил издательскую деятельность «Земли и воли». Впрочем, Зунделевич был своего рода «министром иностранных дел» землевольцев, поскольку он ведал их сношениями с эмигрантами, доставлял из-за границы литературу, переправлял через границу туда и обратно революционеров. «Он был царем на границе, — вспоминал о нем А. Д. Михайлов. — Он перевозил сотни пудов всяких книг <...>, переводил, как через лужу, через границу десятки людей, — и ни одной неудачи, ни одного несчастного случая»[108]. По роду своей деятельности Зунделевич был вечно в разъездах. На вопрос, где он живет, Аарон Исаевич отвечал: «В вагоне 3 класса».

Итак, мы рассмотрели в общих чертах пропагандистскую и агитационную работу землевольцев среди крестьянства, интеллигенции и рабочих, т. е. все то, что в программе «Земли и воли» квалифицировалось как «организаторская часть». Вместе с тем, напомню, программа землевольцев предписывала вести и т. н. *дезорганизаторскую* деятельность. Обратимся теперь к этой, второй стороне революционной практики «Земли и воли».

7.3. Дезорганизаторская деятельность

Вопреки распространенному мнению, дезорганизаторская деятельность «Земли и воли» отнюдь не ограничивалась терактами (против властей, шпионов и предателей). Она строилась в согласии с программой общества, а «часть дезорганизаторская» программы в первых двух пунктах (из трех) предписывала «заведение связей» в войсках и правительственных учреждениях.

Военные связи «Земли и воли» еще не изучены, но, судя по совокупности имеющихся ныне данных, они были слабыми — особенно, в сравнении с будущей Военной организацией «Народной воли». Во всяком случае, некоторые землевольцы и лица, близкие к ним, в 1877—1879 гг. заводили

---

[106] Голос минувшего. 1917. № 7—8. С. 151.
[107] *Тихомиров Л. А.* Воспоминания. С. 134.
[108] Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 231.

революционные связи и в офицерской, и в солдатской среде. Так, одесский землеволец Г. И. Фомичев вел пропаганду среди солдат 60-го Замосцского полка, за что был судим дважды: 9 марта 1878 г. Одесский военно-окружной суд оправдал Фомичева по недостатку улик[109], а 5 августа 1879 г. тот же суд приговорил его к вечной каторге[110]. За пропаганду среди солдат одесского гарнизона 18 июля 1879 г. был казнен землеволец Арон Янкель Гобет — казнен неопознанным, под именем Анисима Федорова. На суде он заявил: «Я скрываю мою фамилию, потому что не хочу причинить огорчения моим родным и знакомым»[111]. В той же Одессе за пропаганду среди матросов были осуждены по делу «28-ми» боцман И. И. Логовенко (казнен), мичман А. А. Калюжный (10 лет каторги), матросы П. А. Никитин и М. Г. Скорняков (по 8 лет каторги) — все из кружка С. Я. Виттенберга, примыкавшего к «Земле и воле»[112].

С землевольцами был связан (переписывался с хозяйкой землевольческой явки в Петербурге А. Н. Малиновской) также подпоручик 86-го Вильманстрандского полка В. Д. Дубровин, который пытался создать офицерский кружок в г. Старая Русса. По агентурным данным, Дубровин «пользовался особенным расположением нижних чинов»[113], а петербургские офицеры выразили «сильное неудовольствие» его казнью[114] (13 апреля 1879 г. в Петропавловской крепости). То, что не удалось Дубровину, смогли осуществить морские офицеры во главе с мичманом В. П. Дружининым, которые в 1878 г. под влиянием «Земли и воли» создали офицерский кружок в Кронштадте[115].

Интерес «Земли и воли» к военной стороне ее революционного дела своеобразно отразился в том, что десятки народников (преимущественно землевольцев) отправились добровольцами на Балканы не только помочь братьям-славянам освободиться от турецкого ига, но и «познакомиться поближе с условиями борьбы мелких партизанских отрядов с регулярными войсками и приобретенные там познания употребить с пользою в минуту народного восстания на родине»[116]. В Сербии вместе с многими другими народниками сражались Д. А. Клеменц, Н. А. Грибоедов, А. А. Хотинский, И. Ф. Волошенко, С. Л. Геллер; в Герцеговине — С. М. Кравчинский, П. А. Енкуватов, И. М. Ходько, В. П. Лепешинский, О. М. Габель; в Черногории — А. И. Баранников[117]. С той же целью приобрести боевой опыт для грядущей революции более 200 (по подсчетам В. Я. Гросула) активных

---

[109] Дело о нем см.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 75. Д. 7246.

[110] Ведомости Одесского градоначальства. 1879. 9 августа. С. 1.

[111] ГАРФ. Ф. ОППС. Оп. 1. Д. 506. Л. 60–61.

[112] См.: *Дрезен А. К.* Матросы в революционном движении //Каторга и ссылка. 1927. № 2. С. 71–80.

[113] ГАРФ. Ф. III отд. 3 эксп. 1878. Д. 479. Л. 6об.

[114] Там же. Ф. III отд. Секр. архив. Оп. 1. Д. 904.

[115] *Селиванов В. И.* Моряки-народовольцы. М., 1931. С. 18.

[116] *Народоволец А. И.* Баранников в его письмах. М., 1935. С. 145.

[117] Подробно об этом.: *Гросул В. Я.* Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980. С. 80–91, 132–145.

народников и примыкавших к ним молодых радикалов в качестве военнослужащих, врачей, медсестер приняли участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.[118].

Что касается связей в правительственном лагере, то они у землевольцев были количественно минимальны (подкупленный писец Московской полицейской части в Петербурге А. И. Жданов[119] и засланный в III отделение с. Е. И. В. к. агент Н. В. Клеточников), но в качественном отношении случай с Клеточниковым принадлежит к числу самых выдающихся в истории не только российской, но и мировой контрразведки.

Засылкой своего агента в святая святых царского сыска «Земля и воля» всецело обязана конспиративному гению Александра Михайлова. Именно он разглядел в Клеточникове идеальный набор качеств, бесценных для любого чиновника (прилежание, сообразительность, феноменальная память, каллиграфический почерк), расположил его к себе и хитроумно, через посредство жандармских осведомителей, внедрил в III отделение, где Клеточников продержался как щит и громоотвод для революционного подполья 734 дня (с 25 января 1879 по 28 января 1881 г.), ежедневно обезвреживая всякого рода жандармские козни[120]. Так, в первый же месяц своей агентурной службы Клеточников узнал и сообщил Михайлову имя провокатора, который уже погубил «Северный союз русских рабочих» и выходил на след неуловимой типографии «Земли и воли»: Николай Рейнштейн! Михайлов тут же «составил смертный приговор Рейнштейну»[121]. Службу и само имя Клеточникова Михайлов окружил непроницаемой тайной, даже в Основном кружке «Земли и воли» «никому его не открывал, а вел все сношения с ним самолично и вообще берег его как зеницу ока, готовый лучше погибнуть сам, нежели допустить гибель драгоценного агента»[122]. Впрочем, большую часть (17 из 24-х месяцев) своей службы в III отделении и затем в Департаменте полиции Клеточников выполнял уже после раскола «Земли и воли» как член партии «Народная воля», где его продолжал опекать А. Д. Михайлов.

На практике главным из трех пунктов «части дезорганизаторской» землевольцев стал 3-й пункт: «систематическое истребление» деятелей и агентов правительства, «наиболее вредных» для оппозиции, т. е. индивидуальный террор. Вначале он не имел у «Земли и воли» ни системы, ни плана. Каждый террористический акт вытекал (иногда внезапно) из конкретной необходимости: либо освободить заключенных товарищей, либо обезвредить предателя, либо покарать кого-то из царских сатрапов. Большинство землевольцев в 1877–1878 гг. отвергало террор как систему, как особую форму политической борьбы, допуская его лишь в исключительных случаях как

---

[118] *Гросул В. Я.* Революционная Россия и Балканы. С. 190.

[119] См. о нем воспоминания О. К. Булановой-Трубниковой: РНБ РО. Ф. 110. Д. 23.

[120] Подробно см.: *Троицкий Н. А.* Подвиг Николая Клеточникова // Прометей. 1972. Т. 9. См. также превосходную документально-историческую (с архивными находками) повесть В. И. Савченко «Тайна клеенчатой тетради» (М., 1976).

[121] Письма народовольца А. Д. Михайлова. С. 223.

[122] *Тихомиров Л. А.* Указ. соч. С. 130.

вынужденную меру самозащиты и возмездия, как своего рода «министерство юстиции революции»[123].

За весь 1877 г. «Земля и воля» совершила только один террористический акт: 19 июля в Петербурге А. К. Пресняков казнил предателя Николая Шарашкина (он же Финогенов), выдавшего жандармам М. А. Натансона. 1878 год начался с выстрела, который прозвучал на всю страну и повлек за собой неисчислимые последствия.

24 января 1878 г. 28-летняя учительница Вера Ивановна Засулич, формально еще не входившая тогда в состав «Земли и воли», проникла под видом просительницы в приемную к могущественному петербургскому градоначальнику Ф. Ф. Трепову[124] и в тот миг, когда Трепов, подойдя к ней, осведомился, о чем она просит, Засулич выхватила из-под мантильи вместо прошения револьвер и выстрелом в упор тяжело ранила Трепова. Градоначальник, как сказано в агентурном донесении, «с криком почти опрокинулся на пол»[125].

Засулич мстила Трепову за то, что по его приказу в петербургском Доме предварительного заключения был высечен розгами политический арестант, землеволец Алексей Степанович Емельянов (осужденный под фамилией *Боголюбов*, как участник Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г.) — он всего лишь не успел, или не захотел, снять шапку перед градоначальником. То был первый в России случай телесного наказания политического узника и немудрено, что именно он спровоцировал первый в 70-е годы террористический акт против властей предержащих. «История с Треповым — новая иллюстрация старой поговорки: «Как аукнется, так и откликнется», — сразу подметил И. С. Тургенев[126].

Вера Засулич предстала перед судом присяжных. Ее процесс стал событием мирового значения[127]. Председательствовал на суде самый выдающийся деятель русской дореволюционной прокуратуры А. Ф. Кони, а защищал подсудимую один из лучших адвокатов России П. А. Александров. На суде открылись столь вопиющие злоупотребления властью со стороны Трепова, что Александрову не составило труда внушить присяжным сакраментальную мысль: осудить Засулич — значит оправдать Трепова, а при потворстве треповым любой из них, присяжных, со временем может оказаться на месте «Боголюбова». В результате на все пункты обвинения Засулич присяжные ответили: «Нет, не виновна». Публика встретила аплодисментами слова За-

---

[123] *Чашлов В. А.* Из воспоминаний // Былое. 1907. № 8. С. 236.

[124] Могущество этого сановного башибузука заключалось не в должности, а в личной дружбе его с царем. Двое из четырех сыновей Ф. Ф. Трепова — известные временщики при Николае II: Дмитрий — петербургский генерал-губернатор в 1905 г. и Александр — председатель Совета министров в 1916 г.

[125] ГАРФ. Ф. III отд. Секр. архив. Оп. 1. Д. 717. Л. 3. Трепов скоро поправился и дожил до 1889 г.

[126] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 26 т. Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 275.

[127] «В течение 48 часов Европа забыла о войне и мире, о Бисмарке, Биконсфилде и Горчакове, чтобы заняться только Верой Засулич и ее удивительным процессом», — констатировал французский ежемесячник «Revue des deux Mondes» (Paris, 1878. T. 27. P. 216.)

сулич: «Страшно поднять руку на человека, но я должна была это сделать»[128]. Присутствовал в суде Ф. М. Достоевский, уже заклеймивший революционеров в романе «Бесы», но «и тот признал, что наказание этой девушки неуместно, излишне. Следовало бы выразить, сказал он: «Иди, ты свободна, но не делай этого в другой раз...»[129]

Для властей оправдание Засулич стало шокирующей неожиданностью. Вопреки приговору суда, Александр II повелел вновь арестовать подсудимую, сразу после того как она вышла *оправданною* из судебного здания, но землевольцы сумели буквально вырвать ее из рук жандармов, укрыть в надежном месте, а затем переправить за границу. Реакция злобствовала против оправдания террористки. Кн. В. П. Мещерский воспринял его «будто в ужасном кошмарическом сне» как «наглое торжество крамолы»[130]. М. Н. Катков саркастически именовал процесс Засулич «делом петербургского градоначальника Трепова, судившегося по обвинению в наказании арестанта Боголюбова»[131], а К. П. Победоносцев без всякого сарказма втолковывал наследнику-цесаревичу (будущему Александру III): «Дело Трепова было делом самого правительства, и потому оно должно было отстоять Трепова во что бы то ни стало»[132].

Зато широчайшие круги русского общества приветствовали оправдание Засулич. Поначалу многие восприняли его как первоапрельскую шутку, поскольку суд заседал 31 марта и газеты сообщили о нем 1 апреля 1878 г., а затем почти вся Россия впала в «либеральное опьянение»[133]. «Казалось, — вспоминал В. Г. Короленко, — начинается какое-то слияние революционных течений с широкими стремлениями общества»[134]. Тот факт, что Трепов не был убит, смягчал естественное предубеждение людей против террора. Повсеместно нарастал подъем революционного духа, бил ключом боевой задор[135]. «Мы ликовали: начинается!» — свидетельствовал рабочий-революционер Петр Моисеенко[136].

Действительно, в течение следующих за выстрелом Засулич шести месяцев 1878 г. народники совершают террористические акты один за другим — в таком числе, какого не насчитать за все прежние *годы* революционной борьбы в России. Уже 30 января в Одессе Иван Ковальский с группой то-

---

[128] Процесс Веры Засулич. СПб., 1906. С. 48. О «необыкновенном сочувствии» публики в зале суда к Засулич с недоумением и растерянностью писал очевидец процесса член Государственного совета М. Н. Островский брату Александру Николаевичу (драматургу): ЦТМ. Ф. 200. № 1698 (67188). Л. 1.

[129] *Градовский Г. К.* Итоги (1862–1907). Киев, 1908. С. 8–9.

[130] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. Ч. 2. (1865–1881). СПб, 1898, С. 404–405.

[131] *Катков М. Н.* Собр. передовых статей «Московских ведомостей» (1878 г.) М., 1897. С. 161.

[132] Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 119.

[133] *Лавров П. Л.* Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С. 7.

[134] *Короленко В. Г.* История моего современника. М., 1965. С. 437.

[135] Даже финские «вейки» (извозчики), если их притесняла полиция, грозились тогда наслать на нее «самого Сасулиса с пуской» (*Русанов Н. С.* На родине. М., 1931. С. 153.)

[136] *Моисеенко П. А.* Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 28.

варищей оказал вооруженное сопротивление отряду жандармов, который явился арестовать их. То был первый в истории русского освободительного движения случай *коллективного* вооруженного сопротивления при аресте[137]. 1 февраля в Ростове-на-Дону Иван Ивичевич и Людвиг Брандтнер убили шпиона Акима Никонова. 23 февраля в Киеве Валериан Осинский с двумя товарищами (Ивичевичем и Алексеем Медведевым) стреляли в местного прокурора М. М. Котляревского. Все пули застряли в роскошной шубе прокурора, Котляревский не был даже ранен, но от страха упал, и революционеры сочли, что дело сделано. Узнав истину, они расклеили по Киеву прокламацию, в которой говорилось: «Случай помешал гибели Котляревского. Но пусть помнит этот негодяй, что каждую минуту его ждет смерть, если он не оставит своей мерзкой деятельности»[138]. Один экземпляр прокламации был послан почтой самому Котляревскому[139].

Сразу после покушения на Котляревского дезорганизаторская группа «Земли и воли» обособилась от общества в самостоятельную организацию под названием «Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии» (ИК РСРП). Вдохновителем, организатором и вождем этого первого из четырех знаменитых в истории народничества Исполнительных комитетов был Валериан Андреевич Осинский — сын генерала, яркая во всех отношениях личность, «Аполлон русской революции»[140], любимец «Земли и воли» и провозвестник «Народной воли», энтузиаст и корифей зарождавшегося в землевольчестве политического направления. Вокруг него объединились землевольцы и близкие к ним народники, в основном южане: Д. А. Лизогуб, М. Ф. Фроленко, Г. А. Попко, В. К. Дебогорий-Мокриевич, И. Ф. Волошенко, А. Ф. Медведев, В. А. Свириденко, Л. К. Брандтнер, А. Е. Сентянин, А. Я. Гобет, братья Иван и Игнат Ивичевичи, Владислав и Генрих Избицкие. Комитет изготовил даже свою печать — овал, в середине которого были вырезаны револьвер, кинжал и топор, скрестившиеся между собой.

По сути дела, первый ИК был совершенно фиктивной организацией, поскольку никакая РСРП его не избирала и ничьих решений, кроме своих собственных, он не исполнял. Его именем действовала узкая группа народников, которые *стихийно* занялись политическим террором, еще не выдвигая программного требования политических свобод. Валериан Осинский так определил смысл деятельности Комитета: «И естественное чувство самозащиты, и честь товарищей, и интересы революции — все зовет нас отвечать

---

[137] Ранее были зафиксированы только две такие *индивидуальные* акции, обе в 1875 г.: в июле отстреливался И. Н. Мышкин и в августе пытался применить оружие А. К. Ципианов (В. Г. Короленко назвал его попытку «символом сопротивления»).

[138] ЦГИА Украины. Ф. 316. 1879. Д. 35. Л. 52.

[139] Там же. Д. 34. Л. 4 об.

[140] «Он был прекрасен, как солнце: стройный, пропорционально сложенный, крепкий и гибкий, как дамасский клинок <...> Чудное лицо освещалось парой больших голубых глаз, полных огня и юношеской отваги» (*Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. С. 426.)

на насилие насилием»[141]. Кроме этой идеи всех членов ИК «объединял сам Осинский, не как член Комитета, а просто как личность. Ему верили, его слушались до известной степени»[142].

ИК Осинского продержался до середины 1879 г. и за это время осуществил ряд громких актов «красного» террора. 25 мая 1878 г. в Киеве Григорий Попко заколол кинжалом главаря местной жандармерии барона Г. Э. Гейкинга и благополучно скрылся. Через сутки, в ночь на 27 мая, Михаил Фроленко, устроившийся в Киевский тюремный замок надзирателем под фамилией Тихонов, вывел оттуда творцов «Чигиринского заговора» Я. В. Стефановича, Л. Г. Дейча, И. В. Бохановского, ожидавших суда с неизбежно смертным приговором, и сам ушел вместе с ними. Все это было сделано технически так искусно, что властям показалось, будто политические узники бежали сами, а надзирателя Тихонова убили (и спрятали его труп) скорее всего уголовники[143]. 24 июля в Одессе революционеры вступили в перестрелку с войсками, оцепившими здание военного суда, где в тот день был вынесен смертный приговор Ивану Ковальскому. Перестрелка всполошила судей. «Слышите, судьи, слышите? — обратился к ним Ковальский. — Это голос общественной совести. Я теперь спокойно могу умереть. За меня отомстят!»[144].

1879 год принес с собой новые акты «красного» террора. Самый громкий из них совершил Григорий Гольденберг — трагическая личность в народническом движении. 9 февраля в Харькове он подстерег местного генерал-губернатора кн. Д. Н. Кропоткина[145], вскочил на подножку кареты, в которой князь возвращался к себе с бала, у самого губернаторского дома и в упор застрелил его. После этого Гольденберг скрылся и только в ноябре 1879 г. был арестован. На дознании он проявил исключительную стойкость: наотрез отказавшись назвать кого-либо из «соучастников», смело мотивировал свое покушение («Ты имел несчастье родиться в монархической стране, где слово преследуется так, как нигде в мире, бей же их же оружием, иди и убей Кропоткина!»)[146].

Прокурор А. Ф. Добржинский, понаторевший на вымогательстве показаний у заключенных, понял, что такой узник не уступит силе, но может раскрыться перед коварством. В камеру к Гольденбергу был посажен провокатор Федор Курицын. Он повел с Гольденбергом «задушевные» беседы и помог Добржинскому подкупить твердокаменного террориста химерической идеей: открыть правительству истинные цели и кадры революционной партии, после чего, мол, правительство, увидев, сколь благородны и цели партии, и ее люди, перестанет преследовать такую партию. 9 марта 1880 г.

---

[141] *Русанов Н. С.* Указ. соч. С. 120.

[142] *Тихомиров Л. А.* Указ. соч. С. 106.

[143] Подробнейшее описание этой акции см.: *Фроленко М. Ф.* Как я был тюремным надзирателем / Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 241–275.

[144] Революционная журналистика 70-х годов. С. 206

[145] Двоюродный брат выдающегося революционера-анархиста П. А. Кропоткина.

[146] РГИА. Ф. 1405. Оп. 77. Д. 7935. Л. 79 об., 80.

Гольденберг написал обширное (80 страниц убористой рукописи) показание, а 6 апреля составил к нему приложение на 74 страницах с *восторженной* характеристикой всех упомянутых в показании (143-х!) здравствовавших к тому времени революционеров. Тут были и Александр Михайлов, и Желябов, и Перовская, и Плеханов, и Морозов — словом, вся революционная элита, и о каждом из 143-х сообщались биографические данные, обрисовывались их взгляды, личные качества, даже внешние приметы[147].

Вскоре после этого из разговора с арестованным А. И. Зунделевичем Гольденберг понял, что он натворил, и впал в отчаяние. Не выдержав мук совести, он 15 июля 1880 г. повесился в тюремной камере на полотенце. Что касается Курицына, то он на четверть века исчез с политического горизонта. О нем напоминало лишь новое ругательство: «Ах ты, Курицын сын!» Но в 1906 г. Л. Г. Дейч рассказал на страницах журнала «Былое», что Курицын живздоров и служит мелким чиновником в Ташкенте. Прочел об этом юный эсер Юлий Грюнберг, поехал в Ташкент и там убил Курицына[148].

Вернемся теперь в 1879 год. Еще до покушения Гольденберга на Кропоткина, 25 января, был арестован Валериан Осинский. Военный суд приговорил его к расстрелу, но Александр II потребовал заменить ему расстрел повешением (царь имел личные счеты с Осинским, поскольку еще в 1872 г. Валериан Андреевич был арестован за то, что не уступил дороги «Его Величеству» в петербургском Летнем саду). Казнили Осинского и двух его товарищей (Свириденко и Брандтнера) 14 мая 1879 г. в Киеве[149]. Казнь была проделана варварски. Троих вешали поочередно на одной веревке. Глаза, вопреки обычаю, им не завязывали, и Осинский в ожидании своей очереди вынужден был смотреть на предсмертные судороги близких ему людей. Очевидцы заметили, что голова его при этом за какие-то полчаса побелела, как снег. Но морально он остался тверд до последней минуты: гордо поднялся к виселице и, когда к нему подступил священник с распятием, энергичным жестом отстранил его, дав понять, что «так же мало признает небесного царя, как и царей земных»[150]. Когда палач накинул петлю на шею Осинскому, военный оркестр по знаку прокурора В. С. Стрельникова заиграл ... «Камаринскую». С той поры в радикальной среде надолго получила хождение песня под названием «Казнь». Начиналась она словами:

Загремела труба,
Повалила толпа
В поле чистое,
В степь широкую,

---

[147] Показания Гольденберга см.: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 2. Д. 525. Ч. 5-а. Л. 1—40. Приложение: там же. Л. 75—111.

[148] Красная летопись. 1930. № 1. С. 252; Каторга и ссылка. 1933. № 9. С. 134.

[149] См.: *Баум Я. Д.* Суд и казнь Л. К. Брандтнера, В. А. Свириденко и В. А. Осинского //Каторга и ссылка. 1929. № 7.

[150] *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. С. 428.

а кончалась:

Вдруг в толпе раздалось:
«Валерьян! Валерьян» —
Голос матери,
Громко плачущей[151].

Казнь Осинского стала невосполнимой потерей для южного ИК. Его деятели заметно сникли и, один за другим, становились жертвами карательного террора. К середине 1879 г. ИК был почти поголовно уничтожен. Только за лето того года на Юге были казнены 11 революционеров-народников[152].

Тем временем вслед за южанами, хотя и менее активно, прибегали к террористическим актам «северяне», т. е. члены петербургского центра «Земли и воли». Весной 1878 г. по инициативе С. Л. Перовской группа землевольцев начала готовить освобождение героев процесса «193-х», осужденных на каторгу. Выяснилось, что их повезут не в Сибирь, а в центральные каторжные тюрьмы под Харьковом. Землевольцы решили напасть на конвой и отбить каторжан у жандармов. С этой целью в Харьков приехали Александр и Адриан Михайловы, А. А. Квятковский, А. И. Баранников, М. Ф. Фроленко и др., а из женщин — Софья Перовская (душа предприятия) и Мария Ошанина, всего — около 15 человек. В первую очередь попытались освободить И. Н. Мышкина, но жандармы успели провезти его незамеченным. Вслед за Мышкиным землевольцы просмотрели и С. Ф. Ковалика. Только в третий раз, когда жандармы везли в каторжный централ П. И. Войнаральского, землевольцам удалось осуществить нападение.

Утром 1 июля Фроленко и Баранников в жандармских мундирах на линейке с Адрианом Михайловым в роли кучера и Квятковский верхом перехватили жандармскую тройку с Войнаральским, но освободить Войнаральского не удалось, главным образом потому, что жандармские лошади оказались более резвыми. Боясь попасть в Войнаральского, революционеры стреляли не в жандармов, а в лошадей, но их револьверы («бульдоги») были так плохи, заряды так слабы, что пули только подхлестывали жандармскую тройку. Догнать ее было невозможно[153]. Тем не менее, этот дерзкий налет революционеров на жандармский конвой (впервые в России!) вызвал тревогу у царских властей — тревогу, которая перешла в смятение после нового и самого крупного из всех террористических актов «Земли и воли».

---

[151] Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв. Л., 1988. Т. 2. С. 535–536. Личность Осинского оставалась популярной в революционных кругах последующих десятилетий. Видный деятель Советского государства, первый председатель ВСНХ академик В. В. Оболенский (1887–1938, расстрелян при Сталине) взял себе партийный и литературный псевдоним «Осинский» в память о Валериане Осинском.

[152] Вот их имена: В. А. Осинский, Л. К. Брандтнер, В. А. Свириденко, О. И. Бильчанский, П. Г. Горский, А. Я. Гобет, И. Я. Давиденко, Д. А. Лизогуб, С. Я. Виттенберг, И. И. Логовенко, С. Ф. Чубаров.

[153] Подробно об этом см.: *Фроленко М. Ф.* Собр. соч. Т. 1. С. 276–287.

Дело в том, что Сергей Кравчинский вызвался казнить шефа жандармов Н. В. Мезенцова, который нес персональную ответственность за все репрессии против народников и, в частности, настоял перед царем на административной ссылке 80-ти человек из 90 *оправданных* судом по делу «193-х». Предложение Кравчинского было принято, и он начал готовиться к покушению. Трижды выходил он с кинжалом навстречу Мезенцову и каждый раз медлил: рука не поднималась на безоружного. 2 августа 1878 г. случилось событие, которое заставило Кравчинского действовать без промедления: в Одессе по приговору военного суда был расстрелян Иван Ковальский. То была первая после казни Д. В. Каракозова 12 лет назад политическая казнь в России. Среди народников она вызвала не столько скорбь, сколько гнев. «Действие ее, — вспоминал Н. А. Морозов, — было как неожиданный удар бича по моему лицу»[154]. Все землевольцы, а Кравчинский, наверное, больше других, испытали такое же чувство. У всех на устах были последние слова Ковальского: «За меня отомстят!» Месть не замедлила последовать. В роли мстителя выступил Кравчинский.

3 августа Петербург узнал о казни Ковальского, а 4-го, среди бела дня, на многолюдной Михайловской площади в центре столицы (перед царским Михайловским дворцом) Кравчинский преградил путь Мезенцову, который прогуливался вдоль площади в сопровождении жандармского полковника. Сразив шефа жандармов ударом кинжала, Кравчинский сел в пролетку, запряженную знаменитым рысаком «Варваром» и умчался[155]. Все это произошло так неожиданно и быстро, что полковник успел только хватить Кравчинского по плечу ... зонтиком.

Убийство Мазенцова «повергло в ужас правительственные сферы»[156]. Военный министр Д. А. Милютин усмотрел в нем «сатанинский план тайного общества навести террор на всю администрацию. И план этот начинает удаваться!»[157].В чиновничьих кругах Петербурга надолго водворилась паника. По городу ползли слухи о том, что к 15 ноября революционеры готовят «Варфоломеевскую ночь» своим противникам[158]. Когда и. о. шефа жандармов Н. Д. Селиверстов доложил царю (20 августа), что он рассчитывает «устранить панику в столице» лишь «в течение нескольких месяцев», да и то «при помощи Божией», царь ответил: «Дай Бог!»[159].

Впечатление от убийства главного карателя империи было тем сильнее, что убийца не только бесследно исчез[160], но и подготовил за несколько дней

---

[154] *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. Т. 2. С. 400.

[155] Кучером здесь, как и месяцем ранее при попытке освобождения Войноральского, был Адриан Михайлов. Прикрывал Кравчинского А. И. Баранников.

[156] *Мещерский В. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 408.

[157] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3 (1878–1880). М., 1950. С. 85.

[158] ГАРФ. Ф. III отд. Секр. архив. Оп. 1. Д. 836.

[159] Красный архив. 1931. Т. 6. С. 115.

[160] 30 сентября 1878 г. новый шеф жандармов А. Р. Дрентельн докладывал царю: «Розыски продолжаются деятельно, все струны жандармского ведомства натянуты донельзя» (Голос минувшего. 1917. № 7–8. С. 160). Царизм долго разыскивал Кравчинского сначала в России, а потом и в Европе. Весной 1884 г. он заручился согласием Швейцарии выдать

брошюру с объяснением своего теракта, которая уже к 17 августа вышла в свет и распространилась по всей стране: жандармы находили ее в 32 губерниях от Архангельска до Симферополя и от Варшавы до Перми[161].

Кравчинский назвал свою брошюру «Смерть за смерть!», посвятил ее «святой памяти мученика Ивана Мартыновича Ковальского», перечислил в ней «свирепости» Мезенцова и провозгласил: «Мы создали над виновными и распорядителями тех свирепостей, которые совершаются над нами, свой суд, суд справедливый, как те идеи, которые мы защищаем, и страшный, как те условия, в которые нас поставило само правительство»[162]. И в брошюре, а затем и в программной статье 1-го номера центрального органа «Земли и воли» Кравчинский рассматривал террор как *подсобное* средство революционной борьбы: « террористы — это не более как охранительный отряд, назначение которого — оберегать работников (т. е. пропагандистов, агитаторов, организаторов. — *Н. Т.*) от предательских ударов врагов»[163]. Тогда, в середине 1878 г., большинство землевольцев разделяло такую точку зрения. Но с каждым новым террористическим актом внутри «Земли и воли» множилось число тех, для кого террор приобретал *самостоятельное* значение как способ расшатывания правящего режима, как средство политической борьбы с царизмом.

«Земля и воля» вступила в полосу кризиса.

убийцу Мезенцова, «чтобы при этом не было упомянуто о революционной деятельности сего лица» (т. е. как уголовника), но Кравчинский успел перебраться в Англию (АВПР. Ф. МИД, II Департамент. Секр. дела. Оп. 441. 1884. Д. 13. Л. 11—32, 34, 52, 76).

[161] ГАРФ.Ф. III отд. 3 эксп. 1878. Д. 329. Л. 1 и сл.

[162] В советское время брошюра была переиздана: *Кравчинский С. М.* Смерть за смерть! Пг., 1920.

[163] Революционная журналистика 70-х годов. С. 124.

Глава VIII

КРИЗИС И РАСКОЛ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ»

8.1. Россия в осадном положении

Уже к началу 1878 г. внутреннее положение в России стало напряженным. Война с Турцией 1877–1878 гг. усугубила бедствия и недовольство трудящихся масс. Участились крестьянские волнения, слухи о переделе земли, рабочие забастовки (с конца февраля до 20 марта в Петербурге продолжалась небывало крупная стачка на Новой Бумагопрядильне с участием 2000 рабочих) В такой обстановке переход народников от пропаганды к террору крайне обеспокоил «верхи».

31 марта 1878 г., в тот день, когда суд присяжных неожиданно для правительства оправдал Веру Засулич, Александр II повелел созвать чрезвычайное Совещательное присутствие или, как оно стало именоваться позднее, «Особое совещание для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи». Этот орган был создан, как гласил журнал его заседаний, «ввиду постоянно усиливающегося социально-революционного движения, некоторые участники коего в последнее время обнаружили даже попытки к осуществлению крайних положений своей программы»[1]. Состоял он из министров, так или иначе ответственных за карательную политику (внутренних дел, юстиции, просвещения и военного), а также шефа жандармов и главноуправляющего II отделением[2] под председательством министра государственных имуществ П. А. Валуева и созывался лишь в экстренных случаях — как правило, после наиболее «устрашающих» актов «красного» террора. Второй раз это было 28 июля 1878 г., в ответ на действия ИК В. А. Осинского; третий — 15 марта 1879 г., сразу после покушения на

[1] Цит по: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 59.

[2] II отделение с. Е. И. В. к. занималось кодификацией законов.

шефа жандармов А. Р. Дрентельна; четвертый — 27 апреля т. г., вскоре после покушения А. К. Соловьева на царя.

Деятельность Особых совещаний подробно исследована П. А. Зайончковским[3]. Здесь важно подчеркнуть, что все они созывались для того, чтобы найти способ пресечения «красного» террора народников, именно в народническом движении усматривали главную опасность и все, как одно, заключали, что пресечь это движение обычными мерами невозможно, — нужны особые, экстраординарные меры. Исключительность самого института Особых совещаний (купно с его бесплодностью) побудила П. А. Валуева иронически величать его (в дневнике) «Comité du quasi-salut public»[4].

«Красный» террор народников воспринимался тогда в России как чуть ли не самая острая национальная проблема. «Дай Бог, чтобы я ошибался, — писал о нем 6 апреля 1878 г. Лев Толстой, — но мне кажется, что все вопросы восточные и все славяне и Константинополи — пустяки в сравнении с этим»[5]. Первоочередность проблемы «красного» террора отмечали и либеральные журналисты, уверявшие, что «пока не вырезана эта болячка, Россия не может двинуться вперед»[6], и наиболее здравомыслящие царские министры П. А. Валуев и Д. А. Милютин, которые уже к середине 1879 г. независимо друг от друга сочли, что под натиском революционного лагеря в правительстве «по частям все крушится и рушится»[7], и вообще «все государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху»[8].

В таких условиях силы крайней реакции, которые и не помышляли о каких бы то ни было уступках крамоле, естественно, ждали, а то и требовали от правительства именно экстраординарных мер против «красного» террора. «Правительство должно проснуться и встать, или оно погибнет», — внушал наследнику-цесаревичу 8 апреля 1878 г. его ментор К. П. Победоносцев[9]. «Еще ли государственный меч будет коснеть в своих ножнах?» — вопрошал со страниц «Московских ведомостей» и требовал (2 и 5 апреля 1879 г.) ни много, ни мало военной диктатуры («сосредоточения власти в одной сильной руке при полном согласии правительственных ведомств») М. Н. Катков[10].

Однако высшие власти, хотя и планировали много исключительных мер, не сразу и не все эти меры решались осуществить. Опыт 1878—1879 гг. показывал, что «красный» террор не только не пасует перед «белым» терро-

---

[3] См.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. Гл. 1.

[4] «Комитет общественного квази-спасения» (*Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919. С. 36).

[5] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Письма. М., 1953. Т. 62. С. 409.

[6] Голос. 1879. 6(18) мая (передовая статья).

[7] *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг. С. 37. (запись от 26 мая 1879 г.)

[8] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3 (1878—1880). М., 1950. С. 139 (запись от 20 апреля 1879 г.)

[9] Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 117.

[10] *Катков М. Н.* Собр. передовых статей «Московских ведомостей» (!879 г.). М., 1898. С. 161, 165.

ром, но, напротив, усиливается в ответ на репрессии. Такой оборот дела вызывал в правящих сферах растерянность. Они не были вполне уверены в надежности исключительно палаческого способа правления и при случае воздерживались от крайних мер. Так, на Особом совещании 17 апреля 1878 г. (где, кстати, царь мрачно заметил: «Вот как приходится мне проводить день моего рождения») была отклонена идея А. Е. Тимашева объявить Петербург на военном положении[11], 15 марта 1879 г. — предложенная П. А. Шуваловым «высылка разом из столицы всех подозрительных людей»[12], а 2 апреля т. г. — проект П. А. Валуева устроить в ночь перед объявлением чрезвычайных мер одновременные аресты по всей стране, «чтобы по возможности разбить существующую организацию»[13].

При дворе и в правительстве заговорили о новых реформах. «Даже в высших сферах, — констатировал Д. А. Милютин, — толкуют о необходимости радикальных реформ, произносится даже слово «конституция»»[14]. Сам царь в июне 1879 г. не раз заговаривал с Валуевым о «конституционных толках», а затем передал «для прочтения и доклада» анонимное письмо, «в котором проводится мысль о необходимости и неизбежности конституции»[15]. Сочетать репрессии с послаблениями предлагали в своих проектах борьбы против крамолы министр путей сообщения К. Н. Посьет (1 июля 1878 г.)[16] и даже начальник сыскной полиции Г. Г. Кириллов (12 февраля т. г.)[17], а генерал Е. В. Богданович прямо утверждал, что «теория устрашения бессильна. Соловьев знал участь Каракозова и многих ему подобных, но страх казни не остановил святотатственную руку»[18].

Все это не могло не сказаться на позиции и решениях правительства. Вскоре после убийства Н. В. Мезенцова царизм позволил себе даже такой, уничижительный для него, шаг, как обращение за «единодушным содействием» ко «всем сословиям русского народа»[19]. Но, хотя в ответ на этот призыв изъявили готовность «вырвать с корнем зло» 14 губернских и 12 уездных земств[20], в целом ничего похожего на «единодушное содействие» со стороны «всех сословий» царизм не получил. В докладе об итогах Особого совещания 24 мая 1879 г. Валуев обратил *«особое внимание»* царя на «безучастие почти всей более или менее образованной части населения в нынешней борьбе правительственной власти» с крамолой[21]. Что же касается «необразованной части», то ее отношение к власти демонстрировали уча-

---

[11] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3. С. 47, 48.
[12] Там же. С. 129.
[13] Цит. по: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 86, 88.
[14] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3. С. 148.
[15] *Валуев П. А.* Дневник 1877–1884 гг. С. 38.
[16] ГАРФ. Ф. III отд. Секр. архив. Оп. 1. Д. 773. Л. 3–14.
[17] Там же. Д. 725. Л. 1–47.
[18] Там же. Д. 1013. С. 10 об.
[19] Правительственный вестник. 1878. 20 августа.
[20] *Веселовский Б. Б.* История земства. СПб., 1911. Т. 3. С. 231.
[21] Цит. по: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 99.

стившиеся именно в 1878 и, особенно, в 1879 г. волнения как рабочих, так и крестьян[22].

Таким образом царизм мог рассчитывать лишь на свою единственно надежную социальную опору, т. е. на помещиков, а помещики (за редким исключением) после 1861 г. больше не хотели идти ни на какие уступки. Поэтому при всех колебаниях в частностях карательной политики и несмотря на «конституционные толки» в устах отдельных министров и даже членов царской семьи (вроде вел. кн. Константина Николаевича), верх в правительстве неизменно брала партия крайней реакции, которая признавала только одно средство борьбы с крамолой — подавление.

Воротилы, либо ставленники, именно этой партии занимали в правительстве ключевые по отношению к внутренним делам посты, невзирая на все, нередкие в 70-е годы перемещения. Должность шефа жандармов после Мезенцова исправлял сначала генерал-лейтенант Н. Д. Селиверстов, бездушный и безжалостный сатрап, которого даже такой самодур, как начальник Киевского ГЖУ В. Д. Новицкий считал «полнейшим самодуром»[23], а с 15 сентября 1878 г. ее занял генерал-адъютант Александр Романович Дрентельн — личность заурядная умственно, но недюжинная чисто полицейски, хотя и сомнительная нравственно, судя по тому, что кн. В. П. Мещерский, — подхалим, доносчик, склочник, вконец лишенный чести и совести, — почитал Дрентельна как «идеал честного человека»[24]. Министром внутренних дел 19 февраля 1879 г., вместо А. Е. Тимашева, стал Лев Саввич Маков, столь же реакционный, как и его предшественник, но более молодой, напористый и добродетельный, что он и доказал, покончив с собой от угрызения совести после того, как обнаружились учиненные им хищения казенных денег. На посту министра юстиции 30 мая 1878 г. гр. К. И. Палена сменил Дмитрий Николаевич Набоков (дед писателя В. В. Набокова). Он был не воротилой, а ставленником реакции, ибо не имел ни черносотенной крайности убеждений, ни силы характера, но, в отличие от Палена, который плохо знал свое дело и вообще считал, что «есть только одна хорошая сторона в положении министра юстиции, это — очаровательный дом»[25], Набоков обладал необходимыми для министра юридическими познаниями. К тому же слабохарактерность Набокова позволяла воротилам реакции легко помыкать им как своим ставленником.

Гр. Д. А. Толстой, с 1866 до 1880 г. бессменно соединявший в своем лице министра просвещения и обер-прокурора Синода, и бессменный же председатель Особых совещаний, министр государственных имуществ, а с 25 декабря 1879 г. председатель Комитета министров (с 19 февраля 1880 г. — граф) П. А. Валуев в карательной политике были заодно с Дрентельном, Маковым и Набоковым. Лишь военный министр (с 30 августа 1878 г. —

---

[22] См.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 10—15.

[23] *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. Л., 1929. С. 197.

[24] *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. СПб., 1898. Т. 2. С. 459.

[25] Из дневника А. А. Половцова (1877—1878 гг.) // Красный архив. 1929. Т. 2. С. 186.

граф) Д. А. Милютин[26] в данном случае, что называется, выпадал из ансамбля по своей склонности не столько к репрессиям, сколько к реформам, однако и он тоже поддавался общеправительственному репрессивному курсу, хотя наедине с собой (в дневнике) и фрондировал против правительства.

Революционная борьба народников устрашила «верхи» не сама по себе, а на фоне тяжких народных бедствий, усугубленных последствиями войны, на фоне рабочих и крестьянских волнений и массовых слухов о переделе земли, что создавало в стране крайне напряженную обстановку. Поскольку же главным, самым опасным своим врагом, потенциальным застрельщиком возможной революции царизм считал «социально-революционную партию» народников, то именно против нее, в первую очередь, он нацеливал свою карательную политику. Более того, так как правящие верхи знали, что составляет эту партию «небольшое сравнительно число злоумышленников»[27], расчет подавить ее путем непрерывного усиления репрессий казался реальным. Поэтому в 1878—1879 гг. «белый» террор свирепел от месяца к месяцу.

За эти два года царизм, как никогда прежде, расширил и усилил свою низовую опору — полицию, и политическую и общую. 9 июня 1878 г. была организована целая армия конно-полицейских урядников (5 тыс. человек), между прочим и для «охранения общественной безопасности»[28], а 19 ноября того же года при общей полиции в каждой губернии учреждена специально для ловли «политических» сыскная часть с выделением на ее нужды 138 тыс. рублей ежегодно[29]. На усиление жандармского корпуса 8 августа 1878 г. Совет министров ассигновал дополнительно (сверх «высочайше разрешенного» перед тем кредита в 100 тыс. рублей) еще 300 тыс. рублей[30]. Кроме того, в девяти городах, которые власть признала «особо важными центрами деятельности агитаторов» (Одесса, Киев, Харьков, Казань, Саратов, Нижний Новгород, Самара, Ростов-на-Дону, Николаев), 19 ноября 1878 г. полиция была подкреплена субсидией в 9795 рублей единовременно и по 267 400 рублей ежегодно[31].

Сильная по тому времени численно и материально полиция к тому же имела и большую юридическую силу. « Исчисляют, — сообщала 5 мая 1881 г. либеральная газета «Порядок», — что в наших кодексах существуют, по крайней мере, *пять тысяч статей*, возлагающих на полицию самые

---

[26] Военный министр России с 1861 по 1881 гг., умный, широкообразованный теоретик, практик и организатор военного дела, член-корреспондент, а затем почетный член Академии наук, близкий знакомый И. С. Тургенева и Т. Н. Грановского, друг К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина. Дмитрий Алексеевич Милютин был самым выдающимся из военных министров за всю историю России

[27] П. А. Валуев — Александру II 24 мая 1879 г. (цит. по: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 99)

[28] ПСЗ. Собр. 2 Т. 53. Отд. 1. С. 398.

[29] Там же. Отд. 2. С. 240—241. Напомню, что месячный прожиточный минимум россиянина составлял тогда 25 руб.

[30] *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 74, 76.

[31] ПСЗ. Собр. 2. Т. 53. Отд. 2. С. 239.

разносторонние обязанности». Если это и преувеличение, то не удивительное для тогдашней России.

Тьма тех обязанностей, которые возлагались на полицию, открывала простор для злоупотреблений обысками и арестами. В конце 70-х годов, когда полиция обыскивала подозрительных с такой целеустремленностью, как будто «"потрясение основ" спрятано у кого-нибудь в кармане»[32], подобные злоупотребления были настолько обыденными, что самый факт обыденности как бы придавал им законную силу. Во всяком случае, правительству и в голову не приходило наказывать любые злоупотребления и, тем более, пресекать их. «Полицейские, — писал об этом ЦО «Земли и воли», — получили от его величества безденежно индульгенцию на все грехи, которые им заблагорассудится совершить против публики»[33].

Досадуя на уклонение «публики» от содействия карателям, царизм подозревал в неблагонадежности и карал «все русское общество «без различия званий и состояний»»[34]. Поэтому никто в России (если он сам не был карателем) тогда не чувствовал себя в безопасности от неожиданного обыска или ареста. «Едва ли, — свидетельствовал С. М. Кравчинский, — хоть одна семья из среды интеллигенции, отправляясь на покой, не дрожит при мысли, что еще до утра ее могут поднять с постели царские каратели»[35]. Полицейский произвол особенно усиливался, когда царизм мстил за какое-нибудь покушение. Так, после апрельских 1879 г. выстрелов А. К. Соловьева в царя Литовский замок в Петербурге был переполнен арестованными не столько на основании каких-то улик, сколько по одному подозрению. Ложась спать на тюремном полу, эти люди мрачно шутили: «Сегодня мы хоть поспим спокойно — здесь мы в полной безопасности!»[36]

Этот град арестов тем более терроризировал (главным же образом возмущал и озлоблял[37]) людей, что за арестом часто следовала административная ссылка, причем в иных случаях, как это было, например, с народником М. Ф. Грачевским[38], адвокатом А. А. Ольхиным[39], будущим писателем В. Г. Короленко[40], *без объяснения причин*. Усугубили административный произвол высочайше утвержденные 1 сентября 1878 г. Временные правила. Они дали чинам Корпуса жандармов, а в их отсутствие — полицмейстерам

---

[32] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч. Л., 1936. Т. 24. С. 317.

[33] Революционная журналистика 70-х годов. Paris, 1905. С. 134.

[34] *Короленко В. Г.* История моего современника. М., 1965. С. 470–471.

[35] *Степняк-Кравчинский С. М.* Россия под властью царей. М., 1964. С. 88.

[36] Там же.

[37] Так, соузник В. Г. Короленко по Литовскому замку, студент консерватории говорил, «сверкая глазами»: « Я не революционер, я артист <...> Я был до сих пор на стороне правительства <...> Теперь я первый радуюсь, когда в них стреляют, потому что они сами величайшие преступники против всего общества». «Такое настроение, — добавлял от себя Короленко, — разливалось тогда даже в равнодушных к политике кругах» (*Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 473.)

[38] ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 382. Л. 1–2.

[39] ГИАЛО. Ф. 2073. Оп. 2. 1879. Д. 50. Л. 250.

[40] *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 477, 618.

и уездным исправникам, право не только арестовывать всех «подозреваемых в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним» (*подозреваемых в прикосновенности*!). но и определять любому из них в качестве исправительной меры административную ссылку — все это «без участия чинов прокурорского надзора» (этим последним надо лишь сообщать о том или ином аресте «для сведения»)[41]. Мало того, чтобы отягчить ссылку, 8 августа 1878 г. на заседании Совета министров под председательством царя всех, подлежащих административной ссылке, было «высочайше повелено ссылать преимущественно в Восточную Сибирь»[42]. В общем, страну захлестнула «какая-то оргия доносов, сыска, обысков, арестов и высылок»[43]. Царский министр адм. И. А. Шестаков, и тот признавал: «Явно, осязательно все убедились, что новые судебные уставы — просто фарс, что полиция может довести каждого до отчаяния»[44].

Столь необузданный разгул преследований, конечно, затруднял деятельность «сообщества» революционеров, но сбивал с толку и самих карателей, ибо они изо дня в день убеждались в том, что бесчисленные обыски и аресты, как правило, чинятся вслепую и не только не приводят к раскрытию «сообщества», но и редко ведут к захвату его отдельных членов. Более того, по мнению карательных верхов, такие облавы давали даже «повод предполагать, что повели к *сокрытию* следов преступности заподозренных лиц преждевременным возбуждением осторожности в их соучастниках»[45]. Поэтому царизм все настойчивее применял, наряду с мерами общего устрашения и подавления, средства особые, специально предназначенные для того, чтобы выявить и обезвредить революционный центр. Главными из этих средств были шпионаж и провокация.

Никогда прежде царизм не отряжал против революционного подполья столько шпионов, сколько их роилось вокруг «Земли и воли» 70-х годов. Судя по разоблачениям, которые печатали органы «Земли и воли» и затем «Народной воли», царизм вовлекал тогда в агентурную службу широкий круг лиц от малограмотных филеров до таких персон, как, например, гофмаршал двора Борис Александровский-Черкасский и чиновник особых поручений при правительстве Болеслав Гильхен, редактор «Петербургской газеты» Иван Баталин и судебный следователь Петр Рачковский (будущее светило царского сыска)[46]. Иные провокаторы-семидесятники причинили революционерам большой урон. Это, в первую очередь, — упомянутые ранее Федор Курицын, выдавший ряд лиц из Южного ИК во главе с В. А. Осинским, и Николай Рейнштейн, который провалил явки «Север-

---

[41] Циркуляры по Корпусу жандармов за 1876—1884 гг. Библиотека РГИА.

[42] *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1911. Т. 2. С. 554.

[43] *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 470.

[44] РНБ РО. Ф. 856. Д. 6. Л.. 425.

[45] РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 410. Л. 11 об.

[46] Революционная журналистика 70- годов. С. 468, 482, 497, 508; Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 1—2, 52.

ного союза русских рабочих» и напал на след неуловимой типографии «Земли и воли».

Однако в целом до начала 80-х годов правительственный шпионаж не был особенно удачливым. Явно отставала его организация. Царизм не имел в достатке ни опыта, ни людей с талантами шпионов и провокаторов. Поэтому он полагался больше на число и усердие агентов, чем на их способности, что нередко оборачивалось ему же во вред, ибо усердные, но бесталанные шпионы дезориентировали его ложными сведениями. Провокатор В. А. Швецов, к примеру (из самых «толковых»), 22 июля 1879 г. сообщил в III отделение, что русский революционный центр состоит из 17 лиц, среди которых — М. Е. Салтыков-Щедрин, адвокат Г. В. Бардовский, редактор журнала «Домашняя библиотека» Эм. Хан, жена главного военного прокурора империи А. П. Философова, а также «Петров, поручик» и «некто Илья». Донос был курьезным, а доверие к нему начальника сыскной части III отделения генерала Г. Г. Кириллова — тем более. Получив донос Швецова, Кириллов «с сияющим лицом объявил, что теперь он не только шефу (жандармов. — *Н. Т.*), но и самому государю императору готов подтвердить, что революционный центр пробит, и что не пройдет и двух месяцев, как все революционеры будут переловлены»[47].

За границей до начала 80-х годов царизм вообще не имел постоянной агентуры и проявлял абсолютную неразборчивость в выборе агентов, радуясь любому случаю заполучить лишнего осведомителя, как бы сомнителен он ни был. В мае 1879 г. шеф жандармов А. Р. Дрентельн жаловался царю на «шантаж, столь часто употребляемый различными предлагателями агентурных услуг»[48], после чего царь велел принять услуги очередного «предлагателя» — бельгийца Майна. Этот аферист обязался раскрыть связи революционного подполья «как в Петербурге, так и в провинции», выманил у III отделения 40 тыс. франков и с ними как в воду канул[49].

Были у царизма за границей и удачливые агенты. Один из них (парижский), по кличке «Жозеф», в октябре 1878 г. в Берне проник в дом, где жили тогда Вера Засулич и Анна Макаревич, и скопировал, а частью выкрал их корреспонденцию. В последующие месяцы, по май 1879 г., он присылал в III отделение копии или даже оригиналы писем с важными сведениями[50]. 10 мая 1879 г. Дрентельн доложил царю, что из переписки эмигрантов, перехваченной «Жозефом», удалось, наконец, выяснить, кто убил Н. В. Мезенцова (Сергей Кравчинский)[51].

Но отдельные удачи как внутренней, так и заграничной агентуры только оттеняли общую слабость разведывательной службы царизма в конце 70-х

---

[47] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 215 (цит. сообщение агента «Земли и воли» Н. В. Клеточникова).

[48] Доклады А. Р. Дрентельна Александру II // Красный архив. 1930. Т. 3. С. 139.

[49] Там же. С. 138; Новицкий В. Д. Указ. соч. С. 173; Корреспонденция из России // Общее дело. Женева, 1882. № 48. С. 6.

[50] ГАРФ. Ф. III отд. Секр. архив. Оп. 1. Д. 863-а. Л. 8, 26, 72, 104.

[51] Доклады А. Р. Дрентельна Александру II. С. 137.

годов. Слабость же эта лишний раз объясняет, почему «белый» террор был тогда «слепым» и терзал не столько организацию революционеров, сколько нейтральную «публику». То была, по выражению В. Г. Короленко, «изуверская реакция»[52]. Ответом не нее стали выстрелы А. К. Соловьева в Александра II, а вслед за этими выстрелами наступил апогей «белого» террора 70-х годов.

Царизм был разъярен и обескуражен дерзким покушением Соловьева[53], мстил за него и в то же время боялся его повторения, даже восстания. «Как будто самый воздух пропитан зловещими ожиданиями чего-то тревожного», — записывал в те дни гр. Д. А. Милютин. Петербургский гарнизон был поставлен под ружье: «в разных местах города секретно расположены части войск, полки удержаны в казармах»[54].

Из Петербурга военно-карательный психоз перекинулся на всю страну. 5 апреля 1879 г., спустя три дня после выстрелов Соловьева, Россия была расчленена на шесть сатрапий (временных военных генерал-губернаторств), во главе которых встали временщики с диктаторскими полномочиями, сразу «шесть Аракчеевых». В дополнение к самодержцу всея Руси воцарились еще петербургский, московский, киевский, харьковский, одесский и варшавский самодержцы, которые соперничали друг с другом в деспотизме и жестокости. О петербургском «аракчееве» И. В. Гурко Ф. М. Достоевский рассказывал, что ему «ничего не значит сказать: «я сошлю, повешу сотню студентов»»[55]. Киевский «аракчеев» М. И. Чертков в апреле-августе 1879 г. ежемесячно подписывал по нескольку смертных приговоров, а когда (27 июня т. г.) знаменитый адвокат Л. А. Куперник обратился к нему с письмом об опасности злоупотреблений казнями, Чертков велел ответить через полицмейстера: «Я у него, Куперника, советов не спрашиваю и в них не нуждаюсь»[56]. Еще большей жестокостью отличался одесский «аракчеев» Э. И. Тотлебен (герой обороны Севастополя 1854—1855 гг. и осады Плевны в 1877 г.). Осенью 1879 г. он представил царю «Записку о положении края», в которой хвастался «значительным уничтожением» крамолы, перечислив при этом действительно крупные цифры повешенных, осужденных на каторгу, высланных[57]. За это 5 октября т. г. Тотлебену был высочайше пожалован титул графа.

Впрочем, московский (кн. В. А. Долгоруков) и варшавский (гр. П. Е. Коцебу) «аракчеевы» были под стать Гурко, Черткову и Тотлебену. Лишь харьковский генерал-губернатор гр. М. Т. Лорис-Меликов не столько из гуманных, сколько из политических соображений довольствовался сравнительно умеренными репрессиями.

---

[52] *Короленко В. Г.* Указ. соч. С. 473.

[53] Речь о самом покушении пойдет особо.

[54] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3. С. 136.

[55] Голос минувшего. 1914. № 4. С. 124.

[56] ЦГИА Украины. Ф. 442. Оп. 829. Д. 210. Л. 3—6.

[57] *Шильдер Н. К.* Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. СПб., 1886. Т. 2. С. 985.

В целом масштабы репрессий против крамолы при «шести Аракчеевых» превзошли все, что Россия испытала в этом отношении прежде, даже при Муравьеве-Вешателе. Еще более массовыми стали и без того частые обыски, аресты и высылка (вплоть до Восточной Сибири) всех подозрительных. По официальным данным, с апреля 1879 по июнь 1880 г. генерал-губернаторы выслали за «неблагонадежность» без суда 575 человек[58]. Эта цифра явно занижена. С. М. Кравчинский, ссылаясь на документы, им добытые, утверждал, что с апреля 1879 до марта 1881 г. только из трех южных сатрапий (Киев, Харьков, Одесса) были административно высланы 1767 «неблагонадежных»[59]. Больше всех высылал Тотлебен: «подозрительных» тогда «вагонами отправляли из Одессы»[60]. Газета «Порядок» 2 февраля 1881 г. сообщила, что в целом по стране только в Сибирь ежегодно ссылаются до 10 тыс. человек — и политических, и главным образом уголовных.

Повсеместно царил лютый жандармский произвол, который «аракчеевы» Александра II не только санкционировали, но и поощряли карательными инструкциями самого различного свойства (Тотлебен, например, повелел каждого приезжающего в Ялту и Симферополь — морем или сухим путем — обыскивать). Вообще, чрезвычайные узаконения все новых и новых функций полиции — крупные и мелкие, гласные и секретные — следовали тогда изо дня в день. Всего за 1879 г. царизм, по подсчетам М. И. Хейфеца, сочинил, преимущественно стараниями шести «аракчеевых», 445 законодательных актов административно-полицейского назначения[61]. Это — своего рода всероссийский рекорд.

С середины 1878 г., когда народники все более решительно стали отвечать на «белый» террор правительства «красным» террором, царизм взялся за радикальное «исправление» судебных уставов 1864 г. Все еще рассчитывая одолеть крамолу одними репрессиями, он придумал военизировать свою карательную систему. 9 августа 1878 г. был принят закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени»[62]. Смысл этого закона — не столько устрашить самих революционеров, сколько облегчить карателям нещадную расправу с ними. С. М. Кравчинский имел все основания заявить, что военные суды «являются лишь узаконенными поставщиками палача; их обязанности строго ограничены обеспечением жертв для эшафота и каторги»[63].

Закон 9 августа 1878 г. передавал военным судам не все политические дела, а лишь тех из них, которые были связаны с «вооруженным сопротивлением властям». Но 5 апреля 1879 г. Александр II специальным указом

---

[58] *Татищев С. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 568.

[59] *Степняк-Кравчинский С. М.* Указ. соч. С. 235.

[60] *Фроленко М. Ф.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1932. Т. 1. С. 195.

[61] *Хейфец М. И.* Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х — начало 80-х годов XIX в.), М., 1963. С. 83.

[62] ПСЗ. Собр. 2 Т. 53. Отд. 2. С. 89—90.

[63] *Степняк-Кравчинский С. М.* Указ. соч. С. 131.

дал право своим «шести Аракчеевым» предавать военному суду, «когда они признают это необходимым», обвиняемых в *любом* государственном преступлении[64]. Теперь военные суды стали решать даже такие дела, в которых не было и намека на насилие (например, о распространении или даже «имении у себя» запрещенных изданий).

Порядок прохождения политических дел через военные суды был устрашающе прост. Любой генерал-губернатор мог предавать обвиняемых суду *без предварительного следствия*; военный прокурор был обязан изготовить обвинительный акт *в течение суток*», а суд — начать разбирательство дела *«немедленно и не позже как на следующий день»*; приговор надлежало объявить *в течение 24 часов* от начала суда[65].

Таким образом, главной чертой военно-судебного разбирательства оказывалась чисто воинская оперативность, неминуемо сопряженная здесь с крайней бесцеремонностью. Вся карательная политика царизма, включая судопроизводство, переводилась с нормального на чрезвычайный лад.

О том, как накалена была в 1879 г. обстановка в России, красноречиво свидетельствуют компетентные современники. «Вся Россия, можно сказать, объявлена в осадном положении», — записывает в дневник 3 декабря 1879 г. военный министр гр. Д. А. Милютин[66]. «Все мечутся в страхе», — вторит ему морской министр адм. И. А. Шестаков[67]. «Почва зыблется, зданию угрожает падение», — заключает председатель Комитета министров П. А. Валуев[68]. Наследник престола, будущий Александр III, и тот признал на заседании Государственного совета, что в 1879 г. империя оказалась «в положении, почти невозможном»[69].

Действительно, режим «шести Аракчеевых» со всей очевидностью засвидетельствовал кризис самодержавия, подспудно нараставший с весны 1878 г. И в 1878, и в 1879 гг. налицо была, собственно, одна сторона кризиса — невиданный ранее шквал репрессий. Что же касается уступок, реформ, то эта, другая сторона всякого кризиса «верхов» пока исчерпывалась лишь конституционными *толками* и неофициальными *проектами* (К. Н. Посьета, Г. Г. Кириллова, Е. В. Богдановича), да разногласиями в действиях правительства, которые кн. Д. И. Святополк-Мирский определил как «административные прыжки в разные стороны»[70]. Иначе говоря, царизм в 1878-1879 гг. считал себя еще достаточно сильным и способным искоренить крамолу путем наращивания репрессий, не прибегая к реформам.

В такой ситуации «Земля и воля» оказалась перед выбором: либо самоликвидироваться по примеру «Земли и воли» 60-х годов, либо вступить в открытую политическую борьбу с правительством. К лету 1879 г. выбор

---

[64] ПСЗ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 1. С. 298.
[65] Правительственный вестник. 1879. 10(22) апреля. Курсив мой. — *Н. Т.*
[66] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3. С. 187.
[67] РНБ РО. Ф. 856. Д. 6. Л. 583.
[68] *Валуев П. А.* Дневник 1877–1884 гг. С. 38.
[69] ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 134. Л. 17 об.
[70] ФЦГИА Украины. Ф. 791. Оп. 1. Д. 189. Л. 4–4 об.

был сделан. Еще не выйдя из недр «Земли и воли», инициаторы ее политического крыла в ответ на карательный шабаш военных генерал-губернаторов объявили: «Мы принимаем брошенную нам перчатку, мы не боимся борьбы и в конце концов взорвем правительство, сколько бы жертв ни погибло с нашей стороны»[71].

8.2. «Деревенщики» и «политики»

До конца 70-х годов революционные народники (землевольцы, в частности) почти все были анархистами. Правда, *объективно* борьба народников против существующего строя всегда, даже в зените аполитизма (1871–1874 гг.) имела политический характер, ибо отрицать «всякое вообще государство» в российских условиях значило отрицать именно «нынешнее полицейско-сословное государство», царский режим[72]. Больше того народники 70-х годов, хотя и «считали всякого рода политические задачи не более как буржуазными выдумками, на деле все-таки занимались (и *субъективно*. – *Н. Т.*) политической борьбой, потому что невозможно было не заниматься ею»[73]. Об этом говорят многочисленные прокламации тех лет с обличением «безграничного произвола царя» и всего «царского да боярского отродья»[74], пропаганда идей I Интернационала в рабочих кружках, знаменитая Казанская демонстрация 6 декабря 1876 г., демонстрации на похоронах П. Ф. Чернышева (1876 г.), Н. А. Некрасова (1877 г.), А. А. Подлевского (1878 г.), по случаю оправдания Веры Засулич и осуждения Ивана Ковальского (обе – в 1878 г.). Но борьба за политические свободы как *самостоятельная* задача в программах всех революционно-народнических организаций от Большого общества пропаганды до «Земли и воли» отрицалась.

Анархизм народников был естествен. Он коренился в самой идеологии народничества. Его питала вера народников в возможность для России миновать капиталистическую стадию развития, «выскочить из капитализма или перескочить через него»[75]. Гарантированным средством для такого скачка народники как идеологи крестьянства считали крестьянскую революцию. Отсюда – и «хождение в народ» 1873–1874 гг., и землевольческие поселения 1877–1878 гг. Ориентируясь на революцию не политическую, а социальную, народники направляли острие своей революционности как бы мимо правительства. Неудача всех форм пропаганды и агитации среди крестьян вызвала кризис народнической идеологии, отход большинства народников от анархизма.

---

[71] Революционная журналистика 70-х годов. С. 452.
[72] *Плеханов Г. В.* Соч. М., 1923. Т. 9. С. 17.
[73] Там же. Т. 3. С. 84.
[74] РН. Т. 1. С. 125, 133, 134, 137 и др.
[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 37.

Мы видели, что после разгрома 1874 г. народники предприняли лишь частичный пересмотр своей тактики. Они продолжали верить в возможность крестьянской революции и считать главной для себя деятельность в деревне, изменив только отчасти формы этой деятельности: от пропаганды социализма перешли к агитации за насущные крестьянские требования, от самотека — к организации, от кочевой страды — к постоянным поселениям.

Когда же землевольческие поселения потерпели крах, народники вообще разочаровались в работе среди крестьян: она «перестала казаться им вернейшим и скорейшим средством повалить существующий порядок»[76]. Землевольцы усомнились в самой возможности крестьянской революции — не в принципе, а пока, в современных условиях. Отсюда — их поиски новых путей борьбы, уже не связанных с деревней.

Кардинальной причины своего фиаско в деревне народники и на этот раз, как в 1874 г., не поняли. Тогда они объяснили все главным образом недостатками в организации и способах пропаганды и лишь отчасти репрессиями правительства. Теперь же, после того как они устранили очевидные недостатки в организации и способах пропаганды и все-таки опять потерпели неудачу, было решено, что все виной — репрессии. А. И. Желябов на процессе первомартовцев заявил без обиняков, что «хождение в народ» «разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок»[77]. Отсюда напрашивался вывод: надо сосредоточить усилия на борьбе с правительством, т. е. уже на *политической* борьбе.

Итак, первая, главная причина зарождения в народничестве 70-х годов (т. е. уже в землевольчестве) политического направления — неудача революционной практики землевольцев в деревне и, как следствие этой неудачи, новый после 1874 г. и более глубокий пересмотр народнической тактики.

Ускорили этот пересмотр грандиозные политические процессы 1877—1878 гг. (участников Казанской демонстрации, «50-ти» и «193-х»), которые столкнули народников лицом к лицу с царским правительством и помогли им убедиться в необходимости поставить борьбу против деспотизма такого правительства во главу угла. Воздействие процессов на политическую жизнь страны было столь сильным, что сами народники переоценили его, считая, что именно процессы (особенно — «193-х») «раскрыли глаза обществу» и «резко изменили настроение революционной партии от пропаганды к терроризму»[78].

Наконец, способствовала возникновению политической направленности в народничестве и сама обстановка назревшей к 1879 г. революционной ситуации. В связи с разорительными последствиями русско-турецкой войны 1877—1878 гг. обострились бедствия «низов», росло число рабочих и крестьянских протестов, к ним добавились студенческие волнения, обозначился

---

[76] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 97.

[77] Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 337.

[78] Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг., 1924. С. 285; *Попов М. Р.* Записки землевольца. М., 1933. С. 106; *Шишко Л. Э.* Собр. соч. Пг., 1918. Т. 4. С. 164; *Степняк-Кравчинский С. М.* Соч. М., 1958. Т. 1. С. 382, 386—387.

кризис «верхов». Либералы роптали и превращались, по выражению К. Н. Леонтьева, «из оппозиции Его Величества в оппозицию Его Величеству»[79].

Землевольцев всегда раздражала пассивность российского либерализма. «Не надобно забывать, — внушали они соотечественникам-либералам, — что в Западной Европе не ждали пожалования конституции, там ее добивались. Там приходилось вышибать ее прикладом из челюстей абсолютизма. Мы говорим: «Ваше Величество, дайте нам конституцию — мы Ваши рабы по гроб!», На Западе говорили: «Ваше Величество, извольте дать конституцию, а то худо будет!»[80]. Попытки землевольцев-южан во главе с В. А. Осинским радикализировать либералов на переговорах с ними в 1877-1878 гг. не дали результата. Но в обстановке нарастания демократического подъема и, конечно же, не без воздействия революционной активности землевольцев либералы так осмелели, что отважились даже на дело, неслыханное ранее, — нелегальное организационное оформление своей оппозиции. 1—2 апреля 1879 г. в Москве состоялся первый т. н. земский съезд. Здесь 30—40 левых либералов, среди которых были М. М. Ковалевский, В. А. Гольцев, И. И. Петрункевич, А. И. Чупров, обсуждали идею создания собственного тайного общества для борьбы за конституцию. Правда, хорошенько поразмыслив, они единогласно... отвергли эту идею[81].

Как бы то ни было, либеральная оппозиция становилась все более важным показателем антагонизма между властью и обществом в России. Землевольцы не могли учитывать этого. Революционная ситуация, словно политический индикатор, выявляла несоответствие между анархистской программой «Земли и воли» и теми задачами, которые ставила перед землевольцами жизнь, выдвигая на первый план борьбу с самодержавием. В обстановке революционной ситуации землевольцы начали стягивать свои силы из деревенских поселений в города. Показателен написанный Львом Тихомировым 15 января 1879 г. вызов землевольцев с мест на помощь центру. Тихомиров констатировал «сильное брожение» среди различных слоев общества, молодежи и рабочих столицы. «Оставаться только зрителями этого движения, — заключал он, — значит признать свою полную ненужность для народа и неспособность дать ему что бы то ни было. При таком способе действий мы, как партия, уничтожаемся, выходим в тираж»[82].

Двоякая причина, характерная для самодержавной и полукрепостнической России, втесняла политическое направление в форму террора. С одной стороны, крайняя отсталость и задавленность масс, так и не поднявшихся на борьбу вопреки всем стараниям народников (пропагандистов и агитаторов) поднять их, вынуждала революционное меньшинство к поискам такого — более радикального, чем пропаганда и агитация, — средства, которое могло бы активизировать, возбудить массы. С другой стороны, правительственный террор, поскольку он мешал революционерам идти «в народ» и губил их

---

[79] *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство. М., 1886. Т. 2. С. 129.
[80] Революционная журналистика 70-х годов. С. 138.
[81] См.: *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. М., 1977. С. 184—185.
[82] Архив «Земли и воли» и «Народной воли» С. 99.

собственные силы, постольку заставлял их искать средство (тоже наиболее радикальное) отпора и самозащиты. В самодержавной и полукрепостной стране, при полном отсутствии гражданских свобод и крайней неразвитости массового движения, единственным «радикальным» средством, которое могло быть использовано и для отпора правительству, и, в меньшей степени, для стимулирующего воздействия на массы, оказывался в руках народников именно террор, «красный» террор. «Скрепя сердце, — гласит одна из прокламаций ИК В. А. Осинского, — мы решились прибегнуть к средству, против которого во всякое другое время протестовали бы всеми силами души»[83]. Мирные пропагандисты взялись за оружие потому, что рабски молчать они не хотели, а за свободное слово их карали. «Когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки», — так объяснил переход от пропаганды к террору Александр Михайлов[84].

«Красный» террор 1878—1879 гг. был главным показателем формирования политического направления внутри «Земли и воли». Менялись не только идеи, но даже экипировка революционеров: вместо слова — дело, вместо книги — кинжал или револьвер, вместо крестьянского армяка — «барский» сюртук. Однако до середины 1879 г. политическая борьба землевольцев оставалась стихийной. Она представляла собой тогда лишь совокупность *отдельных актов* антиправительственного террора без программного требования политических свобод. Вспомним, что программа «Земли и воли» допускала террор, но только как орудие *самозащиты* революционеров от репрессий правительства, а вовсе не средство политической борьбы. Таким образом, в самой программе землевольцев скрывалось противоречие, ибо самозащита граждан в условиях политического бесправия есть не что иное как борьба за политические права. Выходило, что землевольцы совершали акты политического террора 1878—1879 гг., следуя своей аполитичной программе, но смысл этих актов противоречил духу и букве их программы.

Долго так продолжаться не могло. С начала 1879 г. политический террор землевольцев становится все более осознанным. Тем временем их теракты следуют один за другим — то в дальнем краю империи, то в ближнем, а то и в самой столице. 26 февраля 1879 г. в Москве, в одном из номеров гостиницы Мамонтова, М. Р. Попов, Н. В. Шмеман и третье лицо, которым был либо А. А. Квятковский, либо Н. П. Мощенко[85], казнили провокатора-виртуоза, гордость царского сыска Николая Рейнштейна, когда этот виртуоз уже подкапывался под центр «Земли и воли» и мог погубить ее бесценного контрразведчика Н. В. Клеточникова, если бы Клеточников не узнал о Рейнштейне раньше, чем он о Клеточникове. На трупе Рейнштейна землевольцы оставили записку: «Изменник, шпион Николай Васильевич Рейнштейн осужден и казнен нами, русскими социалистами-революционерами. Смерть иудам-предателям!». Через неделю в Киеве О. И. Бильчан-

[83] ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 13608. Ч. 2. Л. 1.

[84] *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. Л.; М.; 1925. С. 157.

[85] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 146.

ский и П. Г. Горский убили шпиона Тараса Курилова. Еще через неделю очередной жертвой «красного» террора едва не стал новый шеф жандармов А. Р. Дрентельн.

13 марта 1879 г. в Петербурге на набережной Фонтанки 20-летний Леон Мирский (один из активных сотрудников «Земли и воли») верхом на коне погнался за каретой, в которой ехал к царю Дрентельн. Поравнявшись с Дрентельном, Мирский выстрелил в него через окно кареты. Только непостижимый промах помешал террористу отправить шефа жандармов на тот свет — следом за его предшественником Н. В. Мезенцовым.

Кстати, — о Мирском. Промахнувшись, он поскакал прочь. У Литейного проспекта лошадь его поскользнулась на повороте и упала... возле городового. Мирский успел ловко соскочить с нее и, не теряя самообладания, поднял лошадь, подвел ее к городовому со словами: «Подержи-ка, братец. Я пойду оправиться...» — и ушел за угол. Городовой так и стоял, держа под уздцы лошадь Мирского, пока на него не наскочила погоня во главе с Дрентельном. Мирского же и след простыл[86].

В землевольческом толковании «красного» террора отчетливо зазвучал политический протест. В отличие от брошюры «Смерть за смерть!» с ее перечнем «свирепостей» Мезенцова, прокламация о покушении на Дрентельна гласила: «Нам нет необходимости указывать здесь преступления Дрентельна. Он достоин смерти уже за одно то, что был *при существующих политических условиях* шефом жандармов»[87]. Таким образом, Дрентельн интересовал землевольцев не сам по себе как личность, а как проводник особого *политического* курса, ответственный за «белый» террор.

Кроме покушений на жизнь царских сатрапов или шпионов, другим проявлением «красного» террора были вооруженные сопротивления при аресте. В 1876 и 1877 гг. их не было. Зато с января 1878 г. (после выстрела Засулич) вооруженные сопротивления стали для народников как бы правилом чести. Вот их количество:

1875 — 2
1878 — 7
1879 — 9[88]

В условиях перехода от пропаганды к террору участились и побеги революционеров из заключения. М. Г. Седов верно заметил, что «один 1878 год дает столько примеров организации побегов, сколько не знала до этого вся революционная русская история». По моим подсчетам, в 1878 г.

---

[86] *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. М., 1947. Т. 2. С. 457–458. Л. Ф. Мирский был арестован полгода спустя в Таганроге и осужден на смертную казнь, замененную вечной каторгой. В Петропавловской крепости он «прославился» тем, что выдал тайну сношений С. Г. Нечаева с волей.

[87] РН. Т. 2. С. 81.

[88] Календарь «Народной воли» на 1898 г. Женева, [1898]. С. 155.

из тюрем и разных мест ссылки бежали 23 русских революционера[89] (в 1877 — 9, в 1876 — 4, а в предыдущие годы — и того менее, причем не каждый год)[90].

Разумеется, и покушения на власть имущих, и вооруженные сопротивления (как система), и побеги из тюрем, а также агентурная контрразведка требовали первоклассной организации дела. «Земля и воля» ее обеспечивала. Не зря В. И. Ленин считал «Землю и волю» «превосходной организацией» и ставил ее в *образец* русским марксистам[91]. «Образцовость» ее сказалась, между прочим, и в том, как «Земля и воля» ставила «дезорганизаторскую» (т. е. прямо нацеленную против правительства) отрасль своей деятельности.

Сами землевольцы в передовой статье своего центрального органа от 15 декабря 1878 г.[92] указывали на два главных преимущества «красного» террора в России перед террористическими актами жестянщика Макса Геделя и доктора Карла Нобилинга против императора Германии Вильгельма I, бочара Хуана Рамона Олива Монкаси против испанского короля Альфонса XII, повара Джованни Пассананте против короля Италии Умберто I. Во-первых, если покушения западных террористов представляли собой вспышки личной инициативы и воли, самопожертвование одиночек, то в России «красный» террор был делом рук революционной партии, которая не только несла ответственность за теракты, но также и назначала, мотивировала и даже анонсировала их, предупреждая намеченные жертвы об ожидающей их каре. Такие предупреждения отсылались, в частности, шефам жандармов Н. В. Мезенцову (доставил «почти что прямо лично» Петр Моисеенко[93]) и А. Р. Дрентельну. После каждого покушения землевольцы, как правило, выпускали специальные прокламации с объяснением причин и значения случившегося. Все это производило сильное впечатление как в демократических кругах, так и в стане карателей. «Решавшие одним росчерком пера вопрос о жизни и смерти человека с ужасом увидели, что и они подлежат смертной казни», — писала об этом «Земля и воля» 15 декабря 1878 г.[94].

С первым преимуществом «красного» террора народников тесно увязывалось и второе: если западные террористы действовали примитивно, без каких-либо шансов на спасение (Гедель выходил на монарха с револьвером, а Пассананте с ножом, тот и другой — без прикрытия), то землевольцы тщательно готовили и надлежаще обеспечивали каждое покушение, оставляя покушавшемуся возможность спастись. Именно так было организовано

---

[89] Не считая В. А. Малинки и Э И. Студзинского, которые в июне 1878 г. выбрались было из одесской тюрьмы, но не сумели скрыться и были пойманы. В числе народников, бежавших в 1878 г. из тюрем и ссылки, были такие знаменитости, как С. Л. Перовская, О. С. Любатович, А. В. Якимова, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович.

[90] До 1861 г. таких побегов в России вообще не было.

[91] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 135.

[92] Революционная журналистика 70-х годов. С. 172–176.

[93] *Моисеенко П. А.* Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 21.

[94] Революционная журналистика 70-х годов С. 171.

внешне безумно дерзкое покушение С. М. Кравчинского: группа сигнальщиков выследила особенности прогулок Н. В. Мезенцова (где, как и с кем он ходит) и в удобный момент дала Кравчинскому знак к нападению; напарник Кравчинского А. И. Баранников отвлек на себя внимание провожатого Мезенцова, а кучер А. Ф. Михайлов мастерски угнал пролетку с террористами по выверенному заранее маршруту. Точно так же и попытка освобождения П. И. Войнаральского была предпринята лишь после обеспечения необходимых условий (место и время, удобные для нападения, нужное число людей, экипаж с лошадьми, оружие, жандармская форма и конспиративная квартира для укрытия освобожденного).

Еще одно отличие народников от западных и восточных (прошлых и нынешних) террористов и от царских карателей: народники всегда старались — по возможности, конечно, — избегать в своих терактах посторонних, невинных жертв. И это им удавалось при *всех без исключения* покушениях до тех пор, пока «Народная воля» не начала охоту на царя. Что касается такого средства борьбы, как заложничество, столь «модное» сейчас у террористов всего мира, то его в террористическом арсенале русских народников (включая и народовольцев) вообще не было. Наконец, «Земля и воля» санкционировала экспроприацию на революционные нужды свыше 1,5 млн. рублей посредством подкопа из Херсонского государственного казначейства[95], но вообще держалась по отношению к экспроприациям того принципа, который позднее декларирует «Народная воля»: «партией допускается конфискация только казенного имущества. Всякий же грабеж имущества частных лиц, а тем более общественных филантропических учреждений, настолько же в корне противоречит нашим принципам, насколько составляет обыкновенное явление в сфере императорской бюрократии»[96].

«Красный» террор был главным, но не единственным проявлением политического направления в «Земле и воле». Другими, хотя и менее заметными, симптомами нового направления были, во-первых, устройство политических демонстраций студенчества; во-вторых, антиправительственная пропаганда и агитация среди рабочих, внесение политического смысла в рабочие «беспорядки»; в-третьих, элементарные опыты революционной пропаганды в армии. Однако, все эти симптомы в 1878—1879 гг. отступали перед террором на второй план и служили как бы вспомогательным дополнением к нему.

С начала 1879 г. деятельность землевольцев явно сосредоточивается в городах, а деревенские поселения теряют былую значимость. Свежий приток сил в деревню почти прекращается, а бесплодность агитации среди крестьян все чаще служит в «Земле и воле» мишенью для насмешек, вроде следующей:

---

[95] Экспроприацию провели Ф. Н. Юрковский и М. Ф. Фроленко с помощниками 3 июня 1879 г. Власти, однако, сумели вернуть почти все экспроприированное, недосчитались лишь 16 868 руб. Подробно см. об этом: *Юрковский Ф. Н.* Булгаков. Воспоминания и письма. М., 1933. С. 167—215.

[96] Литература партии «Народная воля». С. 147.

В народе мы сидим,
Дела великие творим:
Пьем, спим, едим
И о крестьянах говорим,
Что не мешает их посечь,
Чтоб в революцию вовлечь[97].

Начинается (с первых же месяцев 1879 г.) идейное оформление сторонников политической борьбы в особую фракцию внутри «Земли и воли».

«*Политики*», как стали называть людей нового направления в отличие от прочих землевольцев — «*деревенщиков*», пытались выступить с изложением своих взглядов в центральном органе «Земли и воли». «Деревенщики» противились этому. В редакции ЦО началась междоусобица: Плеханов выступал от «деревенщиков», Морозов — от «политиков», а Тихомиров колебался, склоняясь, однако, к Морозову. В результате, договорились об отдельном издании для «политиков». Таким изданием стал Листок «Земли и воли», первый номер которого вышел в свет 12 марта 1879 г.[98] Редактировал Листок Н. А. Морозов.

Программная статья Морозова в № 2—3 Листка «Земли и воли» от 22 марта 1879 г. открыто провозглашала курс на политическую борьбу с правительством, причем главным средством ее объявляла индивидуальный террор — оружие-де более страшное для правительства, чем «годы пропаганды» и «века недовольства во всей России»[99]. «Деревенщики» буквально восстали против такой позиции. Особенно резко возражал Плеханов: «На кончике кинжала нельзя утвердить здание парламента!»[100] Морозов упорствовал, ссылаясь на бесплодность иных, кроме террора, уже испробованных средств борьбы. Его поддержали немногие, но авторитетные землевольцы во главе с Александром Михайловым.

Вслед за идейным оформлением «политики» начали и организационное оформление своей фракции. Не позднее февраля 1879 г. они создали внутри «Земли и воли» новый *Исполнительный комитет социально-революционной партии*. В. А. Твардовская установила, что это наименование у землевольцев-«северян» впервые появилось в прокламации по поводу убийства Н. В. Рейнштейна от 1 марта 1879 г.[101]. К тому времени южный ИК В. А. Осинского был уже истреблен, и «северяне», принимая его название, тем самым подчеркивали свою преемственность от «южан». С Юга привезли в Петербург и вызывающую печать Осинского.

---

[97] *Засулич В. Н.* Письмо в редакцию //Свободная Россия. Geneve.1889. № 3. С. 23.

[98] А. Р. Дрентельн 13 марта (когда в него стрелял Л. Ф. Мирский) как раз ехал к царю с докладом о появлении террористической газеты. Пришлось докладывать не только о газете, но и о выстреле, который едва не сорвал доклад — за смертью докладчика.

[99] Революционная журналистика 70-х годов С. 498.

[100] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 307.

[101] *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969. С. 40.

Северный ИК, как и южный, не имел ни программы, ни устава, ни строго определенного состава. Под «фирмой» ИК группировались в «Земле и воле» все активные «политики»: А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, А. А. Квятковский, Л. А. Тихомиров, М. Ф. Фроленко, А. И. Баранников, А. И. Зунделевич, М. Н. Ошанина и др., «не более 15 человек на всю Россию»[102]. Их разлад с «деревенщиками» достиг предела, после того как в Петербург из Саратова приехал (к началу 1879 г.) Александр Константинович Соловьев — приехал и заявил, что он намерен убить царя. Вслед за ним объявились с таким же намерением «южане» Г. Д. Гольденберг и Л. А. Кобылянский. «Политики», к негодованию «деревенщиков», поддержали кандидатов в цареубийцы. До тех пор «Земля и воля» вела войну против наиболее вредных царских слуг, а не против самого царя. Но по мере того, как террор народников принимал все более осознанный политический характер, он фатально, «в силу централизованности правительственной машины и единого санкционирующего начала — неограниченной власти царя»[103] толкал террористов к цареубийству. «Становилось странным, — вспоминала Вера Фигнер, — бить слуг, творивших волю пославшего, и не трогать господина»[104].

Итак, 29 марта 1879 г. состоялось самое бурное в истории «Земли и воли» заседание ее Совета, на котором обсуждался умысел новых «каракозовых». Лидеры «деревенщиков» Плеханов, Аптекман, Попов резко осудили идею цареубийства. Плеханов упрекал «политиков» в том, что они подрывают основы программы «Земли и воли». «Под влиянием ваших затей, — говорил он, — наша организация вынуждена покидать одну за другой наши старые области деятельности, подобно тому как Рим покидал одну за другой свои провинции под напором варваров»[105]. «Мы легко можем совсем сойти с рельсов», — вторили Плеханову Аптекман и Попов. «Политики» стояли на своем. О том, как была накалена обстановка на заседании, говорит такой факт. «Господа! — воскликнул Попов. — Если среди вас найдется Каракозов, то не явится ли из нашей среды и новый Комиссаров?» В ответ на это лучший друг Попова Квятковский, вместе с ним ходивший «в народ», запальчиво пригрозил: «Если Комиссаровым будешь ты, то я и тебя убью!»[106]

Заседание 29 марта впервые ясно обнаружило угрозу раскола «Земли и воли». Перед лицом такой угрозы Совет принял компромиссное решение, больше удовлетворившее, однако, «политиков», чем «деревенщиков»: террорист волен покушаться на жизнь царя, но не от имени «Земли и воли», а как частное лицо, причем землевольцы вправе помогать ему, но каждый —

---

[102] *Морозов Н. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 502.

[103] Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906. С. 65 (объяснения А. Д. Михайлова).

[104] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 172.

[105] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 305.

[106] *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 180; *Попов М. Р.* Указ. соч. С. 202. Мещанин Осип Комиссаров, по официальной версии, 4 апреля 1866 г. толкнул под руку стрелявшего в царя Д. В. Каракозова и тем самым предотвратил цареубийство.

индивидуально[107]. Во избежание национальных осложнений кандидатуры еврея Гольденберга и поляка Кобылянского были отведены. На смерть пошел русский — Соловьев. Больше всех помогал ему и был очевидцем его покушения Александр Михайлов.

Утром 2 апреля 1879 г. на Дворцовой площади в Петербурге Соловьев улучил момент, когда царь, рискнувший прогуляться вокруг Зимнего дворца, опрометчиво отдалился от стражи. Террорист выстрелил. Промах! Александр II пустился бежать почему-то к Главному штабу, Соловьев — за ним, продолжая стрелять, а царские стражники — за Соловьевым. Царь, хоть и перетрусил в те минуты, наверное, как никогда в жизни, все же сообразил, что бежать надо зигзагами. Убегая от Соловьева, он потерял фуражку, споткнулся и упал, но и тут не потерял присутствия духа, а побежал дальше... на четвереньках. Соловьев же очень нервничал: яростно гонялся он за самодержцем по площади, расстрелял в него всю обойму из пяти патронов, но только продырявил царскую шинель[108]. Схваченный стражниками, он раскусил орех с ядом, но яд не подействовал. Судьба обрекла его пережить здесь же, на площади, зверское избиение, а затем допросы с пристрастием (и, по слухам, с пытками), суд и смерть на виселице.

Покушение Соловьева еще больше обособило «политиков» от «деревенщиков» и, таким образом, ускорило процесс высвобождения народничества из-под груза аполитизма. М. Г. Седов верно заметил, что значение случившегося 2 апреля «состояло отнюдь не в самом факте покушения», ибо такие факты уже имели место; теперь «менялась вся постановка революционной проблемы»[109]. Выстрелы Соловьева подтолкнули наролников к такому рубежу, когда сочетать терроризм и аполитизм становилось невозможным; землевольцам предстояло либо отказаться от террора, либо развивать его как чисто политическое средство борьбы с правительством, закономерно нацеленное против царя. Чтобы разрешить эту диалему и попытаться урегулировать разногласия между «политиками» и «деревенщиками», решено было созвать общий съезд землевольцев.

А пока, в мае 1879 г., «политики» сделали еще один шаг в организационном оформлении своей фракции. В качестве вспомогательного боевого отряда ИК они тайно от «деревенщиков» учредили группу под названием «Свобода или смерть»[110]. По совокупности мемуарных свидетельств[111], ее составили 14 человек: Н. А. Морозов (как представитель ИК), С. Г. Ширяев, Н. И. Кибальчич, А. В. Якимова, Г. П. Исаев, Л. Н. Гартман, С. А. Иванова, В. В. Зеге фон Лауренберг, А. Б. Арончик, Е. Д. Сергеева (жена

---

[107] См.: *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1 С. 180.

[108] Яркая картина покушения на царя в конце романа С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» списана с покушения А. К. Соловьева. Ср.: Революционная журналистика 70-х годов. С. 508—509; *Прибылева-Корба А. П.; Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 52, 198.

[109] *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 150.

[110] Подробно о ней см.: *Якимова А. В.* Группа «Свобода или смерть» // Каторга и ссылка. 1926. № 3.

[111] См. о них: *Седов М. Г.* Указ. соч. С. 156.

Л. А. Тихомирова)[112], Н. Н. Богородский (сын смотрителя Трубецкого бастиона Петропавловской крепости), Г. Д. Гольденберг, юные Н. С. Зацепина и В. М. Якимов. Двое последних вступили в фиктивный брак и полученные таким образом 20 тыс. рублей приданого отдали на нужды группы.

Группа выработала устав в духе строжайшей конспирации и дисциплины. Согласно уставу она должна была действовать «способом Вильгельма Телля» (любимое выражение Морозова), т. е. готовить акты индивидуального террора — только по указаниям ИК и без ведома «деревенщиков». Для большей эффективности действий группы при ней была организована динамитная мастерская. Ее возглавил Степан Григорьевич Ширяев — выходец из крепостных крестьян Саратовской губернии, бывший студент-ветеринар, искусный электротехник (учился в Париже у самого П. Н. Яблочкова, тоже, кстати, саратовца), позднее первый руководитель динамитной лаборатории «Народной воли», предшественник в этом качестве гениального изобретателя Н. И. Кибальчича, который в группе «Свобода или смерть» и в начале «Народной воли» был еще на вторых ролях.

Практически группа до раскола «Земли и воли» не успела себя проявить. Ее участники вместе с членами ИК из фракции «политиков» активно готовили съезд своей фракции, чтобы согласовать фракционную линию поведения перед общеорганизационным съездом.

8.3. Липецк — Воронеж: съезды «Земли и воли»

Главной задачей своего фракционного съезда «политики» считали изменение программы «Земли и воли». Они сохраняли верность основополагающим идеям народничества (в частности, идее «все для народа и посредством народа») и не отвергали землевольческую программу в принципе. Они намеревались только *дополнить* ее признанием необходимости политической борьбы, а затем выступить с обновленной программой на общеорганизационном съезде и добиться ее утверждения большинством общества. Иначе говоря, «политики» не хотели раскола «Земли и воли» (даже боялись его, резонно полагая, что раскол ослабит революционный лагерь). Их план состоял в том, чтобы завоевать общество изнутри, скорректировав его программу. Таким образом, «политики» не видели всей глубины противоречия между своими политическими задачами и аполитичной программой «Земли и воли». Они ведь считали, что их политическая борьба, даже в таком, крайнем ее выражении, как попытки цареубийства, тоже направлена на пробуждение революционного сознания народных масс, а в конечном счете на осуществление идеи «все для народа и посредством народа».

---

[112] Все перечисленные вскоре станут видными деятелями «Народной воли», членами и агентами ИК.

Поскольку общий съезд «Земли и воли» был назначен в Тамбове, «политики» предварительно собрались неподалеку от Тамбова — в Липецке. Здесь уже тогда был лечебный курорт (железный источник, открытый еще при Петре I), что привлекало на лето много приезжих. Среди них нелегалы (а таковыми были уже все «политики») могли легко затеряться.

Всего на Липецкий съезд прибыли 11 человек: семь — от Исполнительного комитета: А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, Л. А. Тихомиров, А. А. Квятковский, М. Ф. Фроленко, А. И. Баранников и М. Н. Ошинина; С. Г. Ширяев от группы «Свобода или смерть» и трое приглашенных «южан»: А. И. Желябов, Н. Н. Колодкевич, Г. Д. Гольденберг. Читатель видит, что среди участников съезда была только одна женщина, которая, однако, не уступала как революционерка и заговорщица своим товарищам-мужчинам.

Это была 26-летняя Мария Николаевна Ошанина, урожденная Оловенникова, по второму мужу Кошурникова (а фактически Баранникова, ибо по паспорту Кошурникова — из конспиративных соображений — венчался с Ошаниной Александр Баранников), партийные псевдонимы — «Марина Полонская», «мадам Якобсон». Женщина такого же склада ума и силы характера, как Софья Перовская и Вера Фигнер, хотя и менее цельная идейно и нравственно, очень эрудированная и светски воспитанная, изящная, красноречивая, властная и честолюбивая, Ошанина пользовалась в «Земле и воле», а затем и в «Народной воле» большим авторитетом и влиянием, репутацией *«торговца сердцами»*, как говорил Ф. Шиллер о своем Фиеско. Достоинства революционного вожака она соединяла с недостатками, характерными чуть ли не для всякой красивой женщины (вспомним Веру Фигнер и «Топни-Ножкой»), но достоинства Ошаниной были крупными, а недостатки мелкими. «Мария Николаевна была, несомненно, по-мужски умна, выражаясь банально, хотя и не без примеси того, что столь же банально называется женским лукавством, — вспоминал близко знавший ее Н. С. Русанов. — Когда она защищала свой взгляд, она прибегала не только к логике, но... повелительно молила, дружески-горячо упрашивала согласиться с ней, обнаруживая своеобразное, я готов почти сказать милое, упрямство хорошего, но избалованного ребенка, который повторяет все те же аргументы, чтобы настоять на своем, и в конце концов получает то, чего хочет»[113].

Сочетание мужского ума и женского лукавства (выражаясь банально) сказалось в том, что Ошанина была отличным конспиратором, часто рисковала, но с блеском выходила из самых затруднительных ситуаций и ни разу за всю свою жизнь не была арестована. Вот как, например, ускользнула она из Харькова после неудачной попытки освободить П. И. Войноральского — ускользнула с вокзала, где ее уже стерегли жандармы, которые знали Ошанину в лицо. «Мария Николаевна вышла к отходу поезда, изящно одетая и под густой вуалью, опираясь на руку какого-то генерала, знакомство с которым завязала тут же на вокзале и который настолько был ею очарован, что взялся все устроить по части билета и багажа и пришел за нею в

[113] *Русанов Н. С.* На родине. М., 1931. С. 105.

дамскую комнату, когда надо было садиться в поезд. Проехав несколько станций в обществе этого генерала и не доезжая до Орла (место назначения, где, кстати, Ошанину тоже поджидали жандармы. — *Н. Т.*), Мария Николаевна вышла на одной из станций под предлогом необходимости заехать к родственникам, поручив любезному спутнику отправить ее багаж в Орел по данному адресу. Багаж был аккуратно доставлен, а в нем находились кинжалы и револьверы, которые Мария Николаевна и А. Д. Михайлов увезли из харьковской квартиры»[114].

Вернемся к Липецкому съезду. Он работал три дня — с 15 по 17 июня 1879 г.[115]. Любопытным было открытие съезда. Делегаты приехали под видом гуляющих в загородный лес, нашли там уютную поляну, расселись, приготовили вина и закуску, наполнили стаканы и — начали... обсуждать проблему революционного переустройства России.

Протоколы и решения съезда до нас не дошли, но свидетельства его участников, сохранившиеся в их мемуарах и следственно-судебных показаниях, а также опубликованные лишь в 1982 г. тюремные записи А. Д. Михайлова, позволяют наглядно представить, как работал Липецкий съезд. Главным его делом было обсуждение проекта новой программы «Земли и воли». Проект составил Михайлов с участием Тихомирова, Морозова и Квятковского. Основная идея проекта формулировалась в первых же его фразах: «Мы видим, что в России никакая деятельность, направленная к благу народа, невозможна вследствие правительственного произвола и насилия. Ни свободного слова, ни свободной печати для действия путем убеждения в ней нет. Поэтому <...> необходимо прежде всего покончить с существующим у нас образом правления»[116].

Такой вывод все участники съезда поддержали единодушно. Но по вопросу о методах борьбы с царизмом голоса «политиков» разделились. Морозов и Гольденберг предлагали бороться исключительно «способом Вильгельма Телля». Все остальные склонялись к точке зрения, которую наиболее веско отстаивал на съезде Андрей Желябов, именно здесь впервые сделавший заявку на роль вождя нового направления в народничестве. Он выступал за «насильственный переворот путем заговора» при условии «организации революционных сил в самом широком смысле»[117]. Судя по разъяснениям Михайлова, Квятковского и Ширяева, террор при этом рассматривался лишь как одно из средств политического заговора, а самый заговор в конечном счете был бы поддержан народным восстанием[118]. В ходе дискуссии выяснилось, что Желябов, как никто другой, умел форму-

---

[114] *Чернявская-Боховановская Г. Ф.* М. Н. Оловеникова. М., 1930. С. 16–17.

[115] Даты Липецкого и Воронежского съездов в литературе называют по-разному. Я опираюсь на данные «Архива «Земли и воли» и «Народной воли» (редактор — С. Н. Валк при участии бывших делегатов обоих съездов Н. А. Морозова и М. Ф. Фроленко).

[116] *Морозов Н. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 512.

[117] Дело 1 марта 1881 г. С. 342.

[118] *Валк С. Н.* Автобиографическое заявление А. А. Квятковского // Красный архив. 1926. Т. 1. С. 170; Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 241.

лировать идеи, согласовывать мнения, регулировать разногласия, подытоживать прения. Он был выбран секретарем съезда, и в итоге съезд принял липецкую программу в формулировке Желябова, которого справедливо считают поэтому истинным автором программы[119].

Окончательный текст программы конспективно изложен в тюремных записях Александра Михайлова. «Общая цель» формулировалась так: «отнятие власти у правительства и передача народу для декретирования нового строя на социалистических началах». Для достижения этой цели «намечены несколько *главных средств*, между которыми было цареубийство, но непременно в связи с другими главными средствами». Далее следовал перечень этих средств, предусмотренных старой программой «Земли и воли». Здесь — и «организация тайных обществ, сплоченных вокруг одного центра», и «деятельность пропагаторская и агитационная», и «приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе» и т. д.[120].

Итак, липецкая декларация была не столько проектом новой программы, сколько поправкой к старой программе. Однако эта поправка настолько расходилась с анархистским началом старой программы, что фактически представляла собой новую программу. Смысл ее состоял в том, что она провозглашала необходимой и первоочередной задачей русских социалистов политическую борьбу с правительством. Это главным образом и определяет значение Липецкого съезда, его место в развитии русского освободительного движения.

Вместе с тем Липецкий съезд обозначил новый шаг вперед в организационном сплочении «политиков». Участники съезда объявили себя новым Исполнительным комитетом Социально-революционной партии и приняли устав своего ИК. То был уже третий народнический ИК и первый, вооруженный уставом. Авторами устава Тихомиров называл себя и Александра Михайлова[121], но редакция «Архива «Земли и воли» и «Народной воли»» по совокупности разных источников установила, что проект устава был выработан Морозовым и дополнен Желябовым, Квятковским, Михайловым и Тихомировым[122]. Устав обязывал членов ИК блюсти три главных принципа: централизм, дисциплину, конспирацию. В нем впервые была установлена иерархическая структура ИК, которую унаследует «Народная воля»: агент 1-й степени, агент 2-й степени, член Комитета. На вопрос Морозова, «почему агенты 1-й степени должны быть с самым малым доверием, тогда как с первого взгляда это кажется наоборот», Тихомиров ответил: «Для того,

---

[119] См.: *Фроленко М. Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 45; *Волк С. С.* «Народная воля» (1879—1882). М.;Л., 1966. С. 90.

[120] А. Д. Михайлов о Липецком съезде и программе Исполнительного комитета «Народной воли» (публ. Ю. А. Пелевина) // Советские архивы. 1982. № 5. С. 73.

[121] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

[122] Архив «Земли и воли» и «Народной воли» С. 154.

чтобы никакой агент не мог знать, сколько степеней еще остается ему пройти для того, чтобы достигнуть самому Комитета»[123].

Съезд избрал также Распорядительную комиссию для руководства текущими делами ИК (Михайлов, Фроленко, Тихомиров) и двух редакторов будущего органа — Морозова и Тихомирова[124]. На последнем заседании съезда с обвинительной речью против Александра II выступил Михайлов. «Это была, — вспоминал Морозов, — одна из самых сильных речей, какие мне приходилось слышать в своей жизни, хотя Михайлов по природе и не был оратором»[125]. Выслушав эту речь, участники съезда единогласно решили: «Ставящий себя выше закона тем самым ставит себя вне его. Если власть императора от Бога, то пусть Бог его и защищает»[126]. Однако смертного приговора царю здесь «политики» еще не выносили. По свидетельству Тихомирова, это «было решено условно, «если будут продолжаться смертные казни»[127].

Так закончился Липецкий съезд. Его участники предвидели два возможных исхода общеорганизационного съезда. В случае, если бы общий съезд согласился с липецкой программой, ИК должен был взять политическую борьбу (включая вероятные попытки цареубийства) на себя от имени «Земли и воли». В случае же раскола он становился самостоятельной организацией.

Тем временем «деревнщики» тоже готовились к общему съезду «Земли и воли», надеясь, по выражению Тихомирова, «искоренить самые ростки» нового направления. Наиболее решительно были настроены против «новаторов» Плеханов и Попов. Второй из них даже «предпринял окружное путешествие по всем местам, где жили-были землевольцы», чтобы сплотить их на позициях «деревенщиков»[128]. В Тамбове перед открытием съезда (в то время как «политики» заседали в Липецке) «деревенщики» тоже провели ряд предварительных совещаний. Плеханов, Попов, Аптекман пытались здесь организовать энергичный отпор «политикам», но без особого успеха. Землевольцы большей частью колебались: старый путь уже терял, а новый еще не обрел для них притягательности. Поэтому предсъездовские совещания отнюдь не настроили «деревенщиков» на боевой лад. Плеханов прямо говорил о своем настроении перед съездом: «Я был вполне готов к поражению»[129].

Общий съезд «Земли и воли» (*первый* революционный съезд всероссийского значения) открылся не в Тамбове, как было назначено (поскольку тамбовские совещания «деревенщиков» привлекли к себе внимание полиции), а в Воронеже. Там находился знаменитый Митрофаньевский монастырь, куда съезжались отовсюду на лето тысячи богомольцев и любопыт-

---

[123] *Морозов Н. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 514. Полный текст устава воспроизведен Морозовым там же. С. 513–514.

[124] Там же. С. 515–516.

[125] Там же. С. 516.

[126] АРАН. Ф. 543. Оп. 1. Д. 553. Л. 4.

[127] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 61. Л. 3 об.

[128] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 365.

[129] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 309.

ных. Среди них два десятка нелегалов терялись от недреманного ока карателей. Съезд работал четыре дня, с 18 по 21 июня 1879 г. В нем приняли участие 20 человек, а именно 10 делегатов Липецкого съезда (т. е. все, кроме Гольденберга) и 10 участников тамбовских совещаний: Г. В. Плеханов, М. Р. Попов, О. В. Аптекман, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, Ю. М. Тищенко, С. А. Харизоменов, О. Е. Николаев, Н. А. Короткевич, Е. Д. Сергеева[130]. Отсутствовавшие члены Основного кружка «Земли и воли», которые были приглашены на съезд, но почему-либо не смогли приехать (А. И. Зунделевич, В. Н. Игнатов, А. А. Хотинский и др.), поручили свои голоса особо доверенным единомышленникам из тех, кто приехал. По подсчетам Морозова, 19 участников съезда имели 37 голосов[131].

Съезд заседал в разных местах: в Ботаническом саду[132], в Архиерейской роще за городом и даже в лодках на р. Воронеж. Первым вопросом порядка дня стал прием новых членов. Именно здесь формально были приняты в «Землю и волю» «политики» Желябов, Колодкевич, Ширяев и (для равновесия сил) «деревенщики» Дейч, Стефанович, Засулич. Такое, внешне равнозначное, пополнение резко усилило фракцию «политиков», ибо кандидаты «деревенщиков» пребывали пока... за границей, а их «запасливые противники» (по выражению Плеханова) держали своих «новобранцев» в Липецке и сразу после избрания вызвали их в Воронеж.

Вслед за избранием новых членов Морозов огласил на съезде предсмертное письмо Валериана Осинского. «Последний раз в жизни приходится писать вам, и потому прежде всего самым задушевным образом обнимаю вас и прошу не поминать меня лихом, — обращался к друзьям Осинский. — <...> Мы ничуть не жалеем о том, что приходится умирать, ведь мы же умираем за идею, и если жалеем, то единственно о том, что пришлось погибнуть почти только для позора умирающего монархизма, а не ради чего-либо лучшего, и что перед смертью не сделали того, чего хотели <...>»[133]. Уходя из жизни, Осинский оставлял в этом письме политическое завещание землевольцам. Он доказывал необходимость в сложившейся обстановке «красного» террора («Ни за что более, по-нашему, партия физически не может взяться»). Оглашая его письмо на Воронежском съезде, «политики» не просто чтили память любимца, героя и мученика «Земли и воли». Они тем самым ставили перед съездом сакраментальный вопрос *«что делать?»* и давали свой ответ на него, подкрепленный авторитетом Осинского. Таким

---

[130] О составе съезда с учетом разных источников см.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 154; *Твардовская В. А.* Воронежский съезд землевольцев // Науч. доклады высш. школы. Ист. науки. 1959. № 2. В записях Н. А. Морозова о голосовании на съезде значатся 19 делегатов, вероятно, потому, что Плеханов ушел со съезда до голосования.

[131] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 153.

[132] На одном из столетних гигантов-дубов Ботанического сада Александр Квятковский вырезал тогда надпись «здесь заседал конгресс землевольцев» и дату «конгресса». «Этот дуб, — писал О. В. Аптекман полвека спустя, — вероятно, и теперь находится там, как немой свидетель...»

[133] Полный текст письма В. А. Осинского см.: Революционная журналистика 70-х годов. С. 483–484

образом, чтение письма Осинского явилось своеобразным прологом к обсуждению на съезде программных вопросов.

Именно обсуждение землевольческой программы было главной заботой съезда. Вся программа пересматривалась с начала до конца. Каждый ее параграф зачитывался отдельно, после чего обсуждались поправки к нему, и вопрос об изменении параграфа ставился на голосование. Позицию «деревенщиков» наиболее энергично и бескомпромиссно защищал Плеханов. Он выступил против самой постановки вопроса о политической борьбе, заявив, в частности, что «стремиться народному революционеру к конституции почти равносильно измене народному делу». Здесь налицо очевидная слабость его позиции. Вместе с тем Плеханов верно подметил и разоблачил несостоятельность террора как средства борьбы. Во-первых, он доказывал, что «красный» террор дезорганизует не столько правительство, сколько самих революционеров, истощая их силы, а во-вторых, предсказывал, что «даже полная удача самого главного дезорганизаторского плана приведет к перемене лица, но не политической системы»[134]. «Единственная перемена, которую можно с достоверностью предвидеть, — говорил он, — это вставка трех палочек, вместо двух, при имени «Александр»»[135].

К удивлению и раздражению Плеханова его филиппику против «красного» террора никто не поддержал. «Политики» горячо возражали ему, «деревенщики» угрюмо молчали. «В таком случае, господа, — заявил Плеханов, — здесь мне больше нечего делать. Прощайте!» — и он ушел со съезда (т. е. с лесной поляны, которая служила «залом» заседаний, — в глубь леса). Вера Фигнер бросилась было его удерживать — Михайлов остановил ее. Еще четверо «деревенщиков» вскочили со своих мест, чтобы последовать за Плехановым, но тут же снова сели, нервно переговариваясь между собой. Кто-то предложил считать Плеханова «добровольно выбывшим» из общества. Большинство согласилось. Этим печальным инцидентом закончился первый день работы Воронежского съезда[136]. А на следующий день к «политикам» прибыло подкрепление: Желябов, Колодкевич, Ширяев. Таким образом, проникшая в литературу и даже в кино (фильм «Софья Перовская») увлекательная версия о том, как на Воронежском съезде Плеханов и Желябов схватились друг с другом, лишена оснований: сам Плеханов со всей определенностью утверждал, что он покинул съезд раньше, чем появился там Желябов[137].

---

[134] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 144–145.

[135] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 370.

[136] См. о нем: *Морозов Н. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 520–521; *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 186–187. Мнение В. А. Твардовской, косвенно опирающееся на воспоминания О. В. Аптекмана и М. Р. Попова, будто Плеханов ушел с Воронежского съезда *в конце* его работы (*Твардовская В. А.* Указ. соч. С. 31), по-видимому, ошибочно. Судя по воронежским записям Н. А. Морозова, Желябов появился на съезде 19 июня (Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 153), но Плеханова уже не застал.

[137] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 138.

Тем не менее, именно Желябов столь же энергично и бескомпромиссно, как это делал Плеханов, отстаивал позицию своей фракции, призывая землевольцев «все силы и средства партии употребить исключительно на политическую борьбу». «Какие вы революционеры! — обращался он к «деревенщикам». — Вы просто культурники!»[138]

Плеханов и Желябов были единственными представителями обеих фракций, выступавшими на Воронежском съезде без околичностей, прямо, не боясь раскола «Земли и воли». Все остальные (и «деревенщики», и «политики») явно стремились избежать раскола, что и обусловило в целом сдержанный, дипломатичный тон прений. «На съезде царило общее желание — не разделяться», ибо «все боялись потери сил от разделения»[139]. Поэтому решения съезда обрели компромиссный характер.

Съезд сохранил старую программу общества, но записал в своем постановлении, что «находит необходимым дать особое развитие дезорганизаторской группе в смысле борьбы с правительством, продолжая в то же время и работу в народе»[140]. Показательно, что «борьба с правительством» объявлена здесь делом не всего общества, а его специальной (дезорганизаторской) группы. Такое решение не выходило за рамки старой землевольческой программы и не вносило в нее ничего принципиально нового. Борьба с правительством не имеет здесь политической нацеленности, а предусматривает лишь дезорганизацию власти на пути к социальному перевороту, средство самозащиты и мести. В этом смысле съезд признал даже возможность цареубийства. Однако резолюция сформулирована так, что она не мешала «политикам» трактовать их борьбу с правительством именно как политическую. По существу, резолюция признала законность политического направления в обществе, как бы легализовывала его и, значит, оставляла «политикам» возможность завоевания «Земли и воли» изнутри, не доводя дело до раскола. В этом состоял двойственный, компромиссный смысл важнейшего из решений Воронежского съезда.

Более того, съезд легализовал и существование ИК «политиков» как «боевого отряда» внутри «Земли и воли», определив ему даже особую смету расходов. Правда, и здесь «деревенщики» усматривали в ИК лишь орган, предназначенный для дезорганизаторской, но не политической борьбы. Однако ничто не мешало «политикам», со своей стороны, рассматривать ИК в «липецком» духе, т. е. как организацию, нацеленную на политическую борьбу с правительством. Дальше — больше: съезд укаконил издание Листка «Земли и воли» как самостоятельного органа ИК. В редакции же самой «Земли и воли» место выбывшего Плеханова занял Г. Н. Преображенский[141]. Соотношение сил в редакции осталось прежним: два «политика» (Морозов и Тихомиров) и один «деревенщик». Такое же соотношение сло-

---

[138] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 138.
[139] *Попов М. Р.* Указ соч. С. 219; *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 186.
[140] РН. Т. 2. С. 42.
[141] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 373.

жилось и в Администрации общества, куда были избраны Александр Михайлов, Фроленко и Тищенко[142].

Итак, вопреки ожиданиям, Воронежский съезд не стал «решающей битвой» между двумя фракциями «Земли и воли» и вообще «прошел бледно»[143]. Но при всей этой «бледности», он ярко продемонстрировал идейный кризис землевольчества. Достигнутый на нем компромисс не удовлетворил ни одну из сторон. Фактически съезд не только не устранил фракционную борьбу, но, напротив, усилил ее, поскольку он, с одной стороны, подтвердил старую программу и тактику, а с другой стороны, санкционировал внутри общества ядро новой организации со своей программой и тактикой, собственным руководством, печатным органом и материальными средствами.

Еще до окончания съезда, в кулуарах его, «политики» начали осуществлять свой план завоевания «Земли и воли», т. е. привлечения на свою сторону большинства землевольцев. С этой целью они занялись индивидуальной обработкой (в частных беседах) тех лиц, которые колебались между фракциями. Так, Желябов «особенно хлопотал» около Софьи Перовской, а Морозов с той же целью «делал всякие подходы» к Вере Фигнер[144]. В результате, к закрытию съезда выяснилось, что некоторые авторитетные «деревенщики», включая Перовскую и Фигнер, готовы примкнуть к «политикам».

После Воронежского съезда разногласия между «политиками» и «деревенщиками» обострялись буквально с каждым днем, и спустя полтора месяца обе фракции осознали, что сохранить единство «Земли и воли» (сочетать, как тогда говорили, «квас и спирт») нельзя. 15 августа 1879 г. в Петербурге на последнем собрании центра «Земли и воли» «деревенщики» и «политики» договорились разделить общество и назначили комиссию уполномоченных по оформлению раздела. В составе комиссии О. В. Аптекман называл четырех членов: Морозова, Тихомирова, Преображенского и себя[145], Л. Г. Дейч – шестерых: Тихомирова, Александра Михайлова, Зунделевича от «политиков», Преображенского, Попова, Стефановича от «деревенщиков»[146].

Раздел «Земли и воли» был оформлен в октябре 1879 г. весьма полюбовно. Все материальное достояние общества (деньги, типографское оборудование, явочные квартиры, динамитная лаборатория, «паспортное бюро», оружие и пр.) разделили по взаимному согласию. Решено было, что ни одна из фракций не воспользуется названием «Земля и воля», чрезвычайно популярным в революционных кругах. Только такое решение смогло примирить «деревенщиков» и «политиков», ибо и те и другие претендовали на старое название и не желали уступать друг другу. В итоге, «деревенщики»

---

[142] Там же; Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 154.

[143] *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 187.

[144] К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской // Былое. 1907. № 8. С 114; *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 187.

[145] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 375.

[146] Историко-революционный сб. Л., 1924. Т. 2. С. 309.

приняли название «Черный передел», а «политики» — «Народная воля»[147]. Таким образом, разделено было, по выражению Н. А. Морозова, само название общества: «деревенщики» взяли себе *землю*, «политики» — *волю*, и каждая фракция пошла своей дорогой.

8.4. Общество «Черный передел»

Итак, в составе «Черного передела» объединились землевольцы-«деревенщики», оставшиеся верными старой народнической программе. Официальное наименование организации — «Общество социалистов-федералистов» — не прижилось в литературе. Общество вошло в историю под неофициальным названием («Черный передел»), которое было принято с целью отразить в нем стремление крестьян к «черному», т. е. всеобщему переделу земли.

Признанными лидерами «Черного передела» были Плеханов, Аксельрод, Стефанович, Попов, Дейч, Аптекман, Засулич. Среди них первую роль, бесспорно, играл Георгий Валентинович Плеханов — главная интеллектуальная сила «Черного передела», его идеолог. Ближайшим соратником и самым преданным другом Плеханова была Вера Ивановна Засулич. Эта первая русская женщина-террористка, ставшая впоследствии первой русской женщиной-марксисткой, прошла все этапы народнического движения с конца 60-х годов, познала тюрьму и ссылку, скамью подсудимых и эмиграцию. При этом она сумела выделиться редкой ученостью, овладеть несколькими иностранными языками и стать едва ли не самой сведущей из русских женщин в области истории революций. Ее личное обаяние признавали даже недруги. «Я прямо не помню в ней недостатков, — вспоминал ренегат Л. А. Тихомиров. — Она была весьма умна, начитана, ее мнения были продуманы и хорошо защищены. Но она была в высшей степени скромна, даже как будто не замечала своего ума и не имела ни одной искры самомнения»[148]. Мягкая, деликатная, Засулич умела сглаживать полемическую резкость Плеханова, но когда ей этого не удавалось, она кротко, «с героизмом раба» несла «ярмо плехановщины»[149].

Третий лидер «Черного передела» Павел Борисович Аксельрод тоже был выдающимся деятелем революционного народничества. Ранее авторитетный

---

[147] Учредители «Народной воли», раздумывая, как назвать их организацию, «решили, что каждый подаст свое мнение в закрытом конверте». Название «Народная воля», всех удовлетворившее, предложил В. В. Зеге фон Лауренберг — член первого состава народовольческого ИК, умерший летом 1880 г. от туберкулеза на 23-м году жизни (Деятели СССР и революционного движения России. Энц. словарь Гранат. М., 1989. С. 312.) Название «Черный передел» придумал землеволец Н. П. Щедрин, в 1881 г. осужденный на бессрочную каторгу, где он потерял рассудок.

[148] *Тихомиров Л. А.* Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. Л., 1925. С. 38.

[149] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 347.

«чайковец», землеволец, теперь он стал правой рукой Плеханова в «Черном переделе». Широко образованный литератор, пропагандист и агитатор, он, благодаря природному уму и разносторонним знаниям, мог бы стать оригинальным мыслителем, но привык десятилетиями преимущественно вторить Плеханову, ибо, по наблюдению А. В. Луначарского, «был преисполнен благоговения и изумления перед Плехановым»[150].

Остальные лидеры «Черного передела» тяготели не столько к теории, сколько к практике революционного дела: все они были предприимчивы, изобретательны, житейски напористы, а Стефанович, к тому же, нравственно небрежен, что он и продемонстрировал в организации нашумевшего Чигиринского заговора 1877 г.[151]. Наряду с перечисленными, видную роль в обществе играли также Николай Щедрин, Елизавета Ковальская, Анатолий Буланов, Георгий Преображенский, Василий Игнатов. По воспоминаниям Аптекмана, в центральную петербургскую группу «Черного передела» входили 22 человека.

Кроме того, кружки чернопередельцев были созданы в Москве[152], Киеве, Одессе, Харькове, Минске, Казани, Самаре, Саратове, Ростове, Курске, Перми. Все они взаимодействовали на основе федерализма при полном равноправии и автономии каждого кружка. Всего «Черный передел» насчитывал несколько сот участников.

По некоторым данным, чернопередельцы обсуждали проект устава своей организации, причем Ковальская и Дейч решительно возражали «против всего, что напоминало централизм». Мнения разделились. В результате, устав не был принят[153].

Центральным органом «Черного передела» стал журнал под тем же названием: «Черный передел». В первоначальный состав редакции вошли Плеханов, Аксельрод, Стефанович, Дейч и Аптекман. Возглавлял редакцию Плеханов. Он был «главным, если не сказать правильно, фактически единственным редактором»[154]. Журнал выходил с января 1880 по декабрь 1881 г. (всего вышло 5 номеров). Одновременно, с декабря 1880 по ноябрь 1881 г. чернопередельцы издали 6 номеров нелегальной газеты для рабочих под названием «Зерно». Редактировали ее сначала Плеханов и Аксельрод, а после их эмиграции — Буланов.

---

[150] *Луначарский А. В.* Силуэты. М., 1965. С. 110.

[151] «Мне не приходилось встречать человека более некрасивого, — вспоминал о Стефановиче Кравчинский, — но это некрасивое лицо было привлекательно» (*Степняк-Кравчинский С. М.* Соч. Т. 1. С. 400). Таков же, как лицо его, — умен, но не без коварства, целеустремлен, но малоразборчив в средствах, энергичен, но с тягой к авантюризму; словом, некрасив, хотя и привлекателен, — был весь Стефанович как личность.

[152] В Москве одним из самых влиятельных чернопередельцев был студент Юлий Алексеевич Бунин (1857–1921) — родной брат писателя И. А. Бунина, позднее известный литератор и публицист. Там же представляли «Черный передел» супруги Я. К. Эфрон и Е. П. Дурново — родители С. Я. Эфрона, который в 1912 г. станет мужем Марины Цветаевой.

[153] *Ольховский Е. Р.* К истории «Черного передела» // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965. с. 130.

[154] *Дейч Л. Г.* Кто прав? // Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1926. Сб. 5. С. 261.

Программа «Черного передела» (автором которой был Плеханов при участии Аксельрода, Засулич, Дейча и Стефановича) покоилась на тех же основах, что и программа «Земли и воли». В частности, чернопередельцы восприняли от землевольцев их рациональную идею: «Освобождение народа должно быть делом самого народа»[155]. Конечно, под народом здесь традиционно-народнически разумелись крестьяне: «гордиев узел современной безурядицы будет разрублен топором крестьянина»[156]. Важнейшая задача формулировалась так: «аграрная революция», земельный передел, т. е. отобрание земли у высших сословий и передача ее в руки земледельцев»[157]. Поэтому «Черный передел» выступил за «сосредоточение главных сил общества в деревне с целью агитации на почве земельного передела», а «необходимым дополнением» к этому объявил «пропагандистскую, агитационную и организаторскую деятельность в среде промышленных рабочих». При этом, однако, в программе «Черного передела» признавалась и «необходимость т. н. террора политического», но лишь как вспомогательного средства.

Вообще, специфически-народнический аполитизм чернопередельцев не был таким последовательным, как у землевольцев. Взгляд «Черного передела» на политическую борьбу эволюционировал[158] от условного ее допущения к безоговорочному признанию, хотя и в подсобном качестве. В № 3 «Черного передела» (январь 1881 г.) Плеханов заявил, что «требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований» революционного подполья, а в письме к П. Л. Лаврову от 31 октября т. г. выразился еще энергичнее: «История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником»[159].

Практическая деятельность чернопередельцев, согласно их программе, должна была развиваться преимущественно в деревне. Но к тому времени, когда «Земля и воля» раскололась, почти все землевольцы, удрученные пассивностью крестьянства, ушли из деревни. О. В. Аптекман с грустью констатировал, что «деревня, очевидно, опротивела им хуже самого правительства». Землевольческие поселения распались. Поэтому чернопередельцам пришлось начинать все заново: подбирать людей, создавать новые поселения, налаживать в них работу. Они принялись было за это с подъемом и ... почти сразу опустили руки: людей, желающих работать в деревне, попросту не оказывалось. Это «безлюдье», вспоминал Аптекман, «подрезало тот на-

---

[155] «Черный передел». Орган социалистов-федералистов. М.;Пг., 1923. С. 239.

[156] Там же. С. 188.

[157] Здесь и далее программа «Черного передела» цит по: РН. Т. 2, С. 148–150.

[158] Подробно об этом см.: *Левин Ш. М.* «Черный передел» и проблема политической борьбы // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

[159] «Черный передел». С. 240; Письмо Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 86.

роднический сук, на котором мы сидели до сих пор. Деревня ушла от нас и, по-видимому, бесповоротно и надолго»[160].

Вот почему чернопередельцы («деревенщики» до мозга костей!) вынуждены были сосредоточить всю свою практическую деятельность в городах. Они заводили связи, в первую очередь, со студентами петербургских вузов, пытаясь увлечь их идеей нового «хождения в народ». Однако молодежь не проявляла к этой идее большого интереса. Ее увлекала чреватая опасностью романтика борьбы с правительством. «Конечно, — свидетельствовал Аптекман, — были в Петербурге и у нас сторонники, но их можно было счесть, самое большее, десятками, а к народовольцам шли непрерывно целые толпы молодежи»[161]. То же самое происходило в Москве и на периферии: в Киеве, Одессе, Харькове... Землеволец Э. А. Серебряков в разговоре с Плехановым так определил тогда настроение харьковской молодежи: «Теоретически вы правы, но психика у молодежи теперь иная; она, молодежь, не пойдет за вами, в деревню ее калачом не заманишь»[162].

Большего успеха чернопередельцы добились среди рабочих, но не в Петербурге, а в Киеве. Здесь весной 1880 г. Е. Н. Ковальская и Н. П. Щедрин создали на платформе «Черного передела» крупную (в несколько сот участников) рабочую организацию под названием «Южнорусский рабочий союз»[163]. Члены «Союза» допускали фабричный террор как средство борьбы за *экономические* права рабочих, но были против *политической* борьбы. После казни Александра II они обнародовали прокламацию, которая гласила: «десяток убитых царей не поможет народному горю, если этот самый народ не подымется дружно, как один человек, и не выскажет свою волю»[164]. «Союз» не без успеха пытался завести связи с рабочими других городов: Одессы, Ростова, Кременчуга. Он уцелел и продолжал действовать даже после ареста Ковальской и Щедрина в октябре 1880 г. Но к весне следующего года с помощью провокаторов власти разгромили «Союз». Ковальская, Щедрин и третий лидер «Союза» Г. Н. Преображенский были осуждены на вечную каторгу.

«Южнорусский рабочий союз» стоит особняком в практике «Черного передела» как серьезное достижение. В общем же, и «рабочее дело» чернопередельцам не удалось. Ни в Киеве, ни в других городах рабочие не проявляли желания идти с целью пропаганды в деревню, к крестьянам. Самый подход чернопередельцев к ним как всего лишь к посредникам между интеллигенцией и крестьянством (подход традиционно-народнический) не удовлетворял рабочих, которые все чаще задумывались над тем, что они могут играть самостоятельную и даже главную роль в борьбе за свободную Россию.

---

[160] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 386, 434.
[161] Там же. С. 387
[162] Там же. С. 389.
[163] См. о нем: *Ковальская Е. Н.* Южнорусский рабочий союз (1880–1881). М., 1926.
[164] Рабочее движение в России в XIX в. М., 1950. Т. 2. Ч. 2. С. 439.

Уже с начала 1880 г. «Черный передел» начал терять свои основные кадры и, по существу, медленно умирать, агонизировать как революционная организация. В январе т. г., спасаясь от царского сыска, эмигрировали сразу четыре его лидера — Плеханов, Стефанович, Дейч и Засулич. С их отъездом, грустил Аптекман, «душа отлетела от нашего общества, от осиротелого «Черного передела»[165]. Вскоре после этого в Москве был арестован рабочий-наборщик чернопередельческой типографии Александр Жарков. Струсив перед угрозами карателей, он выдал типографию и всех членов общества, о которых знал хоть что-либо[166]. По его указанию жандармы в ночь на 28 января 1880 г. арестовали типографию и оказавшихся в ней чернопередельцев, а 31 января схватили еще одного из лидеров «Черного передела» О. В. Аптекмана.

Кстати, — о судьбе Жаркова. Агент ИК «Народной воли» в III отделении Н. В. Клеточников раскрыл его предательство. ИК постановил казнить предателя. 5 февраля 1880 г. (в тот вечер, когда Степан Халтурин взрывал царскую столовую в Зимнем дворце) народоволец Андрей Пресняков на льду Малой Невы у Тучкова моста, как раз напротив Зимнего, убил Жаркова и скрылся. Это убийство осталось нераскрытым[167]. Но Пресняков 24 июля 1880 г. был арестован как давно разыскиваемый убийца провокатора Н. А.Шарашкина, оказал при аресте вооруженное сопротивление и за это был казнен.

Итак, в начале 1880 г. «Черный передел» был, что называется, при смерти. К концу т. г. он пережил (правда, ненадолго) как бы второе рождение. Павел Аксельрод, приехавший в Петербург из Одессы, заново организовал центральный кружок общества, в котором главную роль стал играть Анатолий Буланов, ибо Аксельрод вскоре уехал на время за границу, где и задержался... до 1917 г. Этот кружок «молодых чернопередельцев» насчитывал до 30 (по подсчетам О. К. Булановой-Трубниковой), а может быть, и до 40 человек, как полагает Е. Р. Ольховский[168]. Большей частью то были студенты и курсистки, к которым Буланов (воспитанник Морского училища в Петербурге) присоединил около 10-ти своих товарищей-моряков.

«Молодые чернопередельцы» попытались восстановить провинциальные связи общества, почти совершенно заглохшие с начала 1880 г. Они даже возобновили издание журнала «Черный передел», который, начиная с № 3, стал выходить в Минске под редакцией А. П. Буланова, К. Я. Загорского и М. И. Шефтеля. Там же, в Минске, были изданы № 3—6 газеты «Зерно». Однако «молодым» удалось лишь несколько продлить существование «Черного передела»; ни активизировать, ни расширить его деятельность они не

---

[165] *Аптекман О. В.* Указ. соч. С. 403.

[166] Свод предательских показаний А. Я. Жаркова см.: ГАРФ. Ф. III отд. Секр. архив. Оп. 1. Д. 1018.

[167] Дело «Об убийстве мещанина А. Я. Жаркова» см.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 78. Д. 8301.

[168] *Буланова-Трубникова О. К.* «Черный передел» // Группа «Освобождение труда». М., 1923. Сб. 1. С. 118; *Ольховский Е. Р.* Указ. соч. С . 140. О. К. Буланова-Трубникова — член центральной группы «Черного передела», жена А. П. Буланова

смогли. Дело не только в том что «Черный передел», в отличие от «Народной воли», не имел должного притока сил. Главное, его изнутри разъедали программно-тактические разногласия. Сами чернопередельцы все больше разочаровывались в собственной программе и тактике. Иначе говоря, внутри «Черного передела» продолжался начавшийся еще в «Земле и воле» процесс идейного распада старого, анархистского народничества.

Утратив веру в жизнеспособность «Черного передела», его лидеры (и «молодые», и «старые») летом 1881 г. вступили в переговоры с «Народной волей» о соединении обеих организаций. Такой шаг был отчасти уже подготовлен рядом *совместных* действий чернопередельцев и народовольцев. Так, в Киеве заявил о себе объединенный кружок тех и других во главе с одним из столпов «Черного передела» М. Р. Поповым и народовольцем Д. Т. Бучинским. Кружок был связан и с центром «Черного передела» и с ИК «Народной воли», действовал же в народовольческом духе, готовил даже покушение на киевского «аракчеева» М. И. Черткова. В феврале 1880 г. кружок был разгромлен, а его уцелевшие члены присоединились к «Народной воле»[169]. Объединить «Черный передел» и «Народную волю» не удалось, но поздней осенью 1881 г. еще несколько видных деятелей «Черного передела», в том числе вернувшийся из-за границы один из основателей общества Я. В. Стефанович и лидер «молодых чернопередельцев» А. П. Буланов, ушли к народовольцам. В то время Плеханов, Аксельрод, Дейч, Засулич, Игнатов уже стали эмигрантами, а Попов, Аптекман, Ковальская, Щедрин, Преображенский были арестованы. К концу 1881 г. Черный передел» растерял все свои основные кадры и фактически перестал существовать.

Революционная деятельность «Черного передела» в целом, особенно по сравнению с «Народной волей», оказалась малозначительной. «Все, что я видел и пережил с «Черным переделом», — признавался О. В. Аптекман, было серо, сонно, вяло в эмоциональном отношении, инертно, бездеятельно и неудачливо в волевом»[170]. Еще уничижительнее оценка В. К. Дебогория-Мокриевича: «Итак, «Черный передел» был мертвечиной»[171]. По совокупности всего им содеянного «Черный передел» представил собой как бы *агонизирующую «Землю и волю»*.

Тем не менее, в истории русского освободительного движения «Черный передел» занял важное место, главным образом потому, что идейная эволюция внутри чернопередельчества привела к выделению из его среды первых русских социал-демократов. Под воздействием кризиса анархистского народничества чернопередельцы не только переходили, подобно Стефановичу и Буланову, на позиции «Народной воли». Часть их вообще порвала с народничеством, разуверившись во всех его разновидностях, включая народовольчество. При этом одни чернопередельцы (даже такие видные, как С. А. Харизоменов, К. Я. Загорский, М. И. Шефтель) потеряли вместе с

---

[169] Подробно об этом кружке см. в «Записках землевольца» М. Р. Попова.

[170] «Черный передел». С. 102.

[171] *Дебогорий-Мокриевич В. К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Т. 2. С. 292.

народническими убеждениями всякую веру в возможность революции и отошли от революционного движения. Другие же, порвав с народничеством, не отказались от революционной борьбы и встали под знамя социал-демократии. В сентябре 1883 г. пять бывших вожаков «Черного передела» — Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов — основали первую русскую социал-демократическую организацию, группу «Освобождение труда». «О чернопередельцах принято говорить, что их направление было *мертворожденным*, — писал об этом Плеханов. — Но из него развилась русская социал-демократия. Оказывалось, что если чернопередельческая организация умерла, то умерла родами, произведя на свет такое направление, которого даже самый заклятый враг не решился бы назвать мертворожденным. *Подобная* смерть стоит продолжительной и, как говорят французы, хорошо наполненной жизни»[172].

Эта плехановская оценка нуждается в уточнении. Русская социал-демократия развилась не только из «Черного передела». Гораздо больше социал-демократов вышло из «Народной воли». Среди них — такие имена, как И. Ф. Дубровинский, А. А. Богданов (Малиновский), В. К. Курнатовский, М. С. Ольминский, В. Л. Шанцер (Марат), П. Н. Лепешинский, П. И. Стучка, Л. М. Книпович, А. П. Скляренко, О. А. Варенцова, С. И Мицкевич. Но подлинными основоположниками русской социал-демократии стали те пятеро чернопередельцев, которые создали группу «Освобождение труда».

Новая социал-демократическая доктрина, судя по тому, как она уже зарекомендовала себя в Европе, была более целесообразной и перспективной, чем народническая. К несчастью для России, здесь она приняла отличную от западной социал-демократии экстремистскую форму большевизма.

[172] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 152.

Глава IX

ПАРТИЯ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

9.1. Программа

«Народная воля» имела несколько программных документов. Первым из них по времени и значению стала «Программа Исполнительного комитета», опубликованная 1 января 1880 г. в 3-м номере центрального органа партии — газеты «Народная воля». Проекты ее подготовили в сентябре-октябре 1879 г. А. И. Желябов, Н. А. Морозов и А. И. Зунделевич. Обсуждение прошло бурно и безрезультатно. Ни один проект не был принят. Поэтому 1-й номер «Народной воли» вышел, против ожиданий, без программы.

По ходу дискуссии определилась позиция большинства, в согласии с которой Льву Тихомирову, отличавшемуся умением сводить воедино спорные взгляды, поручили составить новый проект. После вторичного обсуждения проект Тихомирова был скорректирован и утвержден Исполнительным комитетом, а затем разослан местным организациям «Народной воли». Таким образом, программа ИК представила собой плод коллективного творчества учредителей и лидеров партии.

Позднее, с весны 1880 до конца 1881 г., в дополнение к программе ИК народовольцы выработали еще пять программных документов. Это — «Подготовительная работа партии», «Программа рабочих, членов партии «Народная воля»», «Программа Военно-революционной организации», «Инструкция молодежи», письмо Исполнительного комитета к Александру III. Наконец, программный характер имеют и некоторые материалы газеты «Народная воля», из которых выделяется опубликованная в № 5 статья Н. И. Кибальчича «Политическая революция и экономический вопрос».

Первоочередной задачей «Народной воли» программа ИК[1] провозглашала «политический переворот» и свержение царизма: «наша цель — отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному соб-

[1] Текст ее см.: РН. Т. 2. С. 170–174.

ранию» (Земскому Собору), избранному «свободно, всеобщей подачей голосов». При этом народовольцы допускали, что Собрание восстановит только что свергнутый режим. На этот случай, они решили «признать даже царское правительство, если оно будет восстановлено Учредительным собранием, но сохранить за партией право пропаганды республиканской идеи и это право отстаивать всеми доступными партии средствами»[2]. В любом случае — и до переворота, и после него, на выборах в Учредительное собрание, и в самом Собрании, — «Народная воля» обязалась пропагандировать следующие требования своей программы[3]:

- постоянное народное представительство с законодательными функциями, что означало фактически установление парламентской республики;
- выборность всех должностей снизу доверху;
- всеобщее избирательное право для совершеннолетних россиян, без сословных и имущественных ограничений;
- свобода совести, слова, печати, собраний, объединений, избирательной агитации;
- переход земли, фабрик и заводов во всенародную собственность с передачей земли в пользование сельским, а заводов и фабрик — заводским и фабричным общинам;
- мирское самоуправление, т.е. самостоятельность крестьянской общины (мира) как экономической и административной единицы;
- замена постоянной армии территориальной (другими словами, вместо регулярной армии — народное ополчение: «все обязаны военной службой, обучаются военному делу, не отрываясь от работы и семьи, и созываются только в случае определенной законом надобности»).

В программе ИК почему-то не оказалось пункта о праве наций на самоопределение, который фигурировал даже в программе «Земли и воли». В. М. Хевролина усматривает в этом произвол Л. А. Тихомирова и недосмотр других членов ИК[4]. Но уже в «Программе рабочих...», а затем и в других документах ИК 1881–1882 гг. народовольцы подтвердили право всех национальностей России «на полную политическую независимость»

---

[2] *Прибылева-Корба А. П.* «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 56. В «Программе рабочих, членов партии «Народная воля» (ноябрь 1880 г.) появилось важное уточнение: сразу после победы народного восстания победители должны избрать Временное правительство, которое обеспечит переход власти, земли, фабрик и заводов в руки народа, а затем созовет Учредительное собрание, чтобы закрепить «народные завоевания» и установить в стране новый порядок (РН. Т. 2. С. 190–191).

[3] См.: РН. Т. 2. С. 172 (программа ИК), 188–189 («Программа рабочих, членов партии «Народная воля»»).

[4] *Хевролина В. М.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. М., 1986. С. 80.

вплоть до отделения, хотя и с оговоркой: до полной победы «нового строя» действовать сообща, а не «брести врозь»[5].

Итак, в отличие от «Земли и воли», которая объявляла своей программной целью анархию, программа народовольцев отрицала анархизм и признавала необходимым революционное государство в форме демократической республики, «народного самодержавия», как выражались народовольцы[6]. Вождь «Народной воли» А. И. Желябов в речи на суде подчеркнул: «Мы — государственники, не анархисты. Анархисты — это старое обвинение»[7]. Другой лидер партии А. А.Квятковский тоже со скамьи подсудимых разъяснял: «Мы отрицаем только данную форму государственной организации, как такую, которая блюдет интересы лишь незначительной части общества, интересы капиталистов, землевладельцев, чиновничества и проч.»[8]. Таким образом, в понимании государства народовольцы поднялись выше своих ближайших предшественников, освободились от присущего народникам 70-х годов анархистского нигилизма по отношению к государству.

С другой стороны, однако, народовольцы вслед за П. Н. Ткачевым, хотя и в менее резкой форме, отрицали наличие у царского самодержавия социальной опоры, полагая, что царизм должным образом не связан с российской действительностью ни экономическими, ни политическими корнями, чуть ли не «висит в воздухе», как говаривал Ткачев. «Русское правительство — железный колосс на глиняных ногах, — читаем в передовой статье первого же номера газеты «Народная воля», — оно не опирается ни на чьи интересы в стране, оно живет само для себя и потому не имеет поддержки ни в чем, кроме грубой силы»[9]. Народовольческие публицисты утверждали, что недостает «только сильного толчка», дабы от «подгнивших устоев» самодержавия «остался один прах»[10].

Разумеется, не все народовольцы были настроены так шапкозакидательски. Федор Юрковский, к примеру, мрачно иронизировал: «Оно, конечно, поболтать о гниении столпов можно, да гляди, как бы не пришлось еще поболтаться на этих столпах»[11]. Но это был голос меньшинства. Большинство же, по крайней мере в 1879—1881 гг., считало «одряхлевшее», «допотопное» самодержавие, этот «тысячелетний истукан деспотизма», обреченным на скорую гибель и лишь после 1 марта 1881 г., да и то не сразу, в условиях спада революционной волны отступило к более трезвой оценке сил революции и реакции. Правда, в отличие от Ткачева, народовольцы никогда не предполагали декретировать революционные преобразования сверху, от имени партии, захватившей власть, а всегда выступали за передачу власти Учредительному собранию, избранному снизу, свободно и всенародно.

---

[5] РН. Т. 2. С. 188, 320; Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 165—166.
[6] Литература партии «Народная воля». С. 93, 215.
[7] Дело 1 марта 1881г. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 333.
[8] Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906. С. 88.
[9] Литература партии «Народная воля». С. 4.
[10] Там же. С.92.
[11] *Юрковский Ф. Н.* Булгаков. Воспоминания и письма. М., 1933. С. 214.

Вместе с анархистским нигилизмом по отношению к государству народовольцы отбросили и характерный для 70-х годов специфически народнический аполитизм. Программа «Народной воли» декларировала необходимость политической борьбы с царизмом и завоевание политических свобод. Взяв курс на политическую борьбу, народовольцы преодолели «ходячий предрассудок, что будто бы, участвуя в ней, мы загребаем своими руками жар для других, что результатами победы воспользуется не народ и не социалисты. Мы думаем совершенно наоборот. Именно устранившись от политической деятельности, мы загребаем жар для других. Именно устранившись от политической борьбы, мы подготовляем победу для враждебных народу элементов, потому что при такой системе действий просто дарим им власть, которую обязаны были бы отстоять для народа»[12].

Как известно, еще декабристы, а позднее и революционеры начала 60-х годов признавали необходимой политическую борьбу и выдвигали в своих программах[13] политические требования. Но в середине 60-х годов народники отступили от политических традиций прошлого и вплоть до возникновения «Народной воли» сторонились «политики». Первый шаг к освобождению революционной России от анархистского отрицания политической борьбы сделали рабочие организации 70-х годов — «Южнороссийский союз рабочих» (1875 г.) и «Северный союз русских рабочих» (1878—1880 гг.). В программах этих союзов рабочие (большей частью учившиеся революционному делу у народников) обязались бороться за политические свободы, показав тем самым, что они в данном отношении переросли своих учителей. Это было важным достижением русской демократической мысли и, безусловно, наряду с другими обстоятельствами, повлияло на программу «Народной воли». Но рабочая струя в русском освободительном движении была еще слабой и малоавторитетной. Главными деятелями движения оставались тогда народники (интеллигенты, преимущественно разночинцы). Поэтому только решительный поворот народников (в лице народовольцев) к «политике» утвердил идею политической борьбы как определяющую в движении.

Шаг вперед к политической борьбе, сделанный народовольцами, недостаточно усматривать в том, что, как полагают иные исследователи, была восстановлена политическая традиция 60-х годов[14]. При таком подходе к вопросу само понятие «шаг вперед» теряет смысл, ибо предполагается, что народовольцы лишь возвратились к тому, что уже было достигнуто в 60-е годы. Между тем, надо учитывать, что аполитизм (заметный даже у Герцена, а с середины 60-х годов получивший всеобщее распространение) был одним из главных проявлений народнического анархизма, а этот народнический анархизм — во всех его проявлениях — органически вытекал из маги-

[12] Литература партии «Народная воля». С. 5.

[13] «Русская Правда» П. И. Пестеля и «Конституция» Н. М. Муравьева, прокламации 1861—1862 гг.(«К молодому поколению», «Великорусс», «Ответ «Великоруссу»», «Что нужно народу?», «Молодая Россия»), программа первой «Земли и воли» 1861—1864 гг.

[14] *Волк С. С.* «Народная воля» (1879—1882). М.;Л., 1966. С. 186; *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958. С. 311.

стральной, тоже герценовской, идеи народничества о возможности миновать капитализм, и потому его, как болезнь роста, *необходимо* было пережить, преодолеть. В преодолении же анархизма решающим стало то обстоятельство, что именно в 70-е годы он исчерпывающе проявил себя как руководство к революционному действию, до конца обнаружив свою несостоятельность. Таким образом, переход «Народной воли» к политической борьбе как *«отрицание отрицания»* политики был не просто возвратом к прошлому, а завоеванием нового, более высокого рубежа, определенным шагом вперед. Теперь и только теперь стало ясно, что анархизм к демократии и социализму не приведет, что к социалистической (в понимании народников, высшей) демократии нет другого пути, кроме как через политическую свободу. «Наш социалист, — писала газета «Народная воля», — ведет политическую борьбу так же естественно, как естественно говорит прозой человек, не имеющий даже никакого понятия о прозе и поэзии»[15].

В экономической области народовольцы программировали радикальные меры, вплоть до национализации земли, фабрик, заводов. Со страниц своего центрального органа они прямо заявили о своем намерении «уничтожить частную собственность на землю и на орудия крупного производства»[16]. При этом собственность на орудия мелкого производства, а с нею и мелкое товарное производство сохранялись.

Народовольцы, как и все вообще народники, были социалистами-утопистами, верившими в крестьянскую общину как зародыш социализма. Поэтому они считали, что национализация земли с передачей ее в пользование крестьянским общинам при мирском (т. е. опять-таки общинном) самоуправлении приведет Россию к социализму, минуя капитализм. Самый факт капиталистического развития в России народовольцы не отрицали. Напротив, они констатировали, что «в деревнях крестьянская земля постепенно переходит в руки кулаков и спекуляторов; в городах фабричные и заводские рабочие попадают все в большую кабалу к фабриканту; капиталисты становятся силой...»[17] Но в представлении народовольцев российский капитализм был «искусственным детищем деспотизма» («у нас не государство есть создание буржуазии, как в Европе, а наоборот, буржуазия создается государством»), и, стало быть, свержение царизма в результате *политического* переворота могло бы «подсечь в корне» его экономическое «детище»[18].

Все это представлялось народовольцам тем более реальным, что они отождествляли капитализм с крупной промышленностью. В мелком крестьянском хозяйстве корней капитализма они не усматривали. Напротив, мелкое крестьянское хозяйство народовольцы считали «народным общинно-социалистическим строем»[19]. Следовательно, опасность развития капитализма из такого типа хозяйства они исключали. Руководствуясь таким «ходом

[15] Литература партии «Народная воля». С. 25.
[16] Там же. С. 159.
[17] РН. Т. 2. С. 186.
[18] Литература партии «Народная воля». С. 23, 24
[19] Там же. С. 131.

идей», народовольцы и определили свою экономическую программу и вообще запланированную ими крестьянскую революцию как *социалистическую*, тогда как «ход вещей» (уровень производства материальных благ, степень его обобществления, расстановка социальных сил) указывал на то, что грядущая революция в России могла быть только *демократической*.

Впрочем, социализм народовольцы провозглашали теоретически и не ставили его в порядок дня практически. Он был для них «путеводной звездой», пока недостижимой, но они считали, что предусмотренные их программой «перемены в порядках должны приближать жизнь к социалистическому строю»[20]. Одно бесспорно: эти «перемены» совокупно (при всей утопичности отдельных, «общинно-социалистических» требований) отвечали жгучим потребностям национального развития России и уже тогда поставили бы нашу страну вровень с передовыми державами Запада.

Осуществить свои требования «Народная воля» предполагала «различными путями»[21], не обязательно связанными с революционным насилием, восстанием. Она допускала даже, что царизм, «не дожидаясь восстания, решится пойти на самые широкие уступки народу», или, «не сдаваясь вполне, даст, однако, настолько свободную конституцию, что для партии будет выгоднее отсрочить восстание с тем, чтобы, пользуясь свободой действий, возможно лучше организоваться и укрепиться». Но, учитывая, что «во-первых, всякие уступки, крупные или мелкие, мыслимы со стороны правительства только тогда, если оно будет к этому *вынуждено*; во-вторых, никаких существенных уступок со стороны правительства может очень легко и не быть (и гораздо вероятнее — не будет)», «Народная воля» заявила: «Партия должна подготовляться именно к восстанию; если же оно, паче чаяния, окажется излишним, то тем лучше: собранные силы пойдут тогда на мирную работу»[22].

Восстание, по мысли народовольцев, должно было быть *народным*. «Принцип указывает нам вообще, что главная созидательная сила революции в народе», — гласит передовая статья № 4 «Народной воли»[23]. Поднять на революцию предполагалось «весь народ — городских рабочих и крестьянство», но при этом «городским рабочим» внушалось, что «главная народная сила не в них, а в крестьянстве»[24]. Здесь налицо традиционно народническая паозиция. Однако далее следует уже принципиально новый, специфически народовольческий тезис: «Ввиду придавленности народа <...> партия должна взять на себя *почин* самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее»[25].

Видимое противоречие между новым тезисом и старой позицией разрешалось в программе «Народной воли» логично. С одной стороны, программа

---

[20] РН. Т. 2. С. 186, 187.
[21] Там же. С. 175.
[22] Там же. С. 175—176.
[23] Литература партии «Народная воля». С. 93.
[24] РН. Т. 2. С. 189.
[25] Там же. С. 174. Курсив мой. — *Н. Т.*

обязывала народовольцев вести пропагандистскую, агитационную и организаторскую работу *«во всех слоях населения»* страны от крестьянских «низов» до чиновных «верхов», чтобы мобилизовать против царизма всех недовольных. «Народная воля» стремилась к максимальному расширению своей социальной базы, требуя от революционеров готовить себе опору среди крестьян и рабочих, заводить связи в администрации, войске, обществе, «сходиться с либералами» и даже обеспечивать «сочувствие народов» Европы (особый раздел «Подготовительной работы партии» так и назывался «Европа»)[26]. Самым благоприятным моментом для восстания «Народная воля» считала массовые «возмущения» в городах или деревнях, которые партия могла бы объединить, возглавить и «расширить на всю Россию»[27].

С другой стороны, на случай «неблагоприятный», когда «партии придется самой начинать восстание, а не присоединиться к народному движению», она должна была «создать сама себе благоприятный момент действия», который позволил бы по ее сигналу « всем недовольным подняться и произвести повсеместный переворот»[28]. В качестве одного из средств подготовки такого переворота «Народная воля» рассматривала «красный террор».

«Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек, столпов современного правительства, — читаем в «Подготовительной работе партии», — приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т.е. создаст удобный момент для нападения»[29]. Здесь четко сформулирована *вспомогательная*, причем двоякая функция «красного» террора: с одной стороны, дезорганизовать правительство, а с другой — возбудить народные массы, чтобы затем поднять возбужденный народ против дезорганизованного правительства. Иначе говоря, террор рассматривался как прелюдия и ускоритель народной революции. «История движется ужасно тихо, — говорил А. И. Желябов, — надо ее подталкивать»[30].

Даже в такой, официально закрепленной программными документами трактовке террора заметно отступление от ортодоксально-народнического принципа «освобождение народа — дело самого народа», поскольку народовольцы сочли необходимым искусственно возбудить революционную активность масс силами партии и посредством террора. Но среди народовольцев (даже внутри ИК) были люди, считавшие террор вообще главным средством политической борьбы. Это, в первую очередь, — Н. А. Морозов, который еще в «Земле и воле» считал приоритетным террористический «способ Вильгельма Телля», «теллизм». Теперь он как «теллист» вступил в оппозицию к программе ИК и демонстративно опубликовал за границей брошюру «Террористическая борьба»[31]. В ИК его поддержали лишь О. С. Любатович

---

[26] РН. Т. 2. С. 173, 179—183.
[27] Там же. С. 190.
[28] Там же. С. 176, 181, 190.
[29] Там же. С. 176.
[30] *Семенюта П. П.* Из воспоминаний об А. И. Желябове // Былое. 1906. № 4. С. 219.
[31] См.: *Морозов Н.* Террористическая борьба. Лондон [Женева], 1880.

(жена Морозова) и Г. Г. Романенко. В феврале 1880 г. ИК отправил супругов Морозовых в «бессрочный отпуск», который сами «отпускники» расценили как «отставку»[32]. На процессе по делу 1 марта 1881 г. Желябов решительно отмежевался от «теллизма». Упомянув о брошюре Морозова, он заявил: «к ней, как партия, мы относимся отрицательно». И далее: «Нас делают ответственными за взгляды Морозова, служащие отголоском прежнего направления, когда действительно некоторые из членов партии, узко смотревшие на вещи, вроде Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоит в расчищении пути через частые политические убийства. Для нас в настоящее время отдельные террористические факты занимают только одно из мест в ряду других задач, намечаемых ходом русской жизни»[33]. Вера Фигнер и полвека спустя, в письме к Морозову от 27 мая 1933 г., подчеркивала: «пропасть разделяла тебя, узкого теллиста, от народовольцев»[34].

Были в «Народной воле» и в самом ИК также бланкисты или, как иначе их называют, «якобинцы», последователи П. Н. Ткачева, которые держались бланкистской идеи захвата власти революционной партией с последующим декретированием сверху, от ее имени, демократических преобразований. В ИК таких людей было трое-четверо: Л. А. Тихомиров, его жена Е. Д. Сергеева, М. Н. Ошанина и, возможно, ее муж А. И. Баранников[35]. До 1 марта 1881 г., т.е. в самое продуктивное для «Народной воли» время, бланкисты не оказывали ни на стратегию, ни на тактику партии сколько-нибудь серьезного влияния. Только в послемартовский период, с конца 1881 г., их взгляды получили распространение, хотя и едва ли повальное, как это представлялось Ошаниной[36]. Сама Ошанина, кстати, считала, что «сто решительных офицеров, при условии нахождения среди них начальника дворцового караула, могли бы арестовать царскую семью и захватить в свои руки власть»[37]. Во всяком случае, программные документы «Народной воли» конца 1881 – начала 1882 гг., а именно «Программа Военно-революционной организации» и «Письмо ИК заграничным товарищам», содержат бланкистский пункт о «захвате власти»[38], которого не было в ранних, основополагающих документах партии.

Итак, ни «теллисты», ни «якобинцы»[39] не могли столкнуть «Народную волю» с ее многовариантного политического курса на узко заговорщическую

---

[32] *Твардовская В. А.* Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 107.

[33] Дело 1 марта 1881 г. С. 336.

[34] АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1967. Л. 36 об.

[35] См.: *Волк С. С.* Указ. соч. С. 241, 242.

[36] К истории партии «Народной воли» («Показания» М. Н. Полонской)// Былое. 1907. № 6. С. 6.

[37] *Иохельсон В. И.* Первые дни «Народной воли». Пб., 1922. С. 17.

[38] РН. Т. 2. С. 196, 316.

[39] Был в составе ИК «Народной воли» и убежденный социал-демократ «в европейском духе» А. И. Зунделевич. В русских условиях он не нашел применения своему социал-демократизму и боролся против царизма как народоволец (*Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 203).

и террористическую позицию. Г. В. Плеханов, конечно, ошибался, когда говорил, что «народовольцы были народниками, изверившимися в народе»[40]. Верить в народ как главную силу грядущего преобразования в России народовольцы не переставали. Но в революционную инициативу народа они действительно уже не верили.

9.2. Организация

Свои организационные принципы «Народная воля» унаследовала от «Земли и воли», из недр которой она вышла. Народовольцы, однако, ушли вперед в равитии централизма, конспирации и дисциплины, выработав более совершенный тип нелегальной организации, по сравнению со всеми своими предшественниками от декабристов до землевольцев.

Самый характер деятельности «Народной воли» определил ее сугубое внимание к организационному порядку. Политическая борьба с правительством, концентрация сил в городах, террор, антиправительственная пропаганда и агитация требовали гораздо большего укрепления и расширения организации, чем в предыдущий, анархистский период народнического движения. Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к заграничным товарищам гласило: «Наша цель — государственный переворот. Его нужно сделать. Отсюда вытекает вопрос организационный, самый важный из всех, без которого народовольство — фарс»[41].

Поэтому, естественно, «политики» с первых же своих шагов еще внутри «Земли и воли» так заботились об организационной стороне дела. Организация народовольцев начала складываться , прежде чем выделилась из «Земли и воли». В период ее «утробного развития» были созданы два исполнительных комитета — петербургский (март) и липецкий (июнь 1879 г.) Из липецкого ИК и вырос в августе-сентябре новый, четвертый за 70-е годы комитет, который стал ядром организационного развития партии, ее «самочинным центром»[42]. Исполнительному комитету подчинялась широко разветвленная — по всей России, включая ее национальные окраины, — сеть местных и специальных (студенческих, рабочих, военных) организаций плюс контрразведка в чреве царского сыска и постоянное заграничное представительство. О самом Комитете речь пойдет особо, в следующем разделе; здесь же рассмотрим всю организационную структуру «Народной воли», подведомственную ИК.

Местные группы (кружки) «Народной воли» имели разные разряды и назначения. Создавались они, как правило, сверху, по инициативе и поручению ИК — его членами и агентами. Так, ранней осенью 1879 г.

---

[40] *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1927. Т. 24. С. 147.
[41] РН. Т. 2. С. 316.
[42] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 206.

А. Д. Михайлов организовал местную народовольческую группу в Москве, А. И. Желябов — в Харькове, а летом 1880 г. М. Н. Тригони — в Одессе, В. А. Жебунев — в Саратове и Казани. Всего, по «самым осторожным подсчетам» С. С. Волка, местных групп «Народной воли» было 80-90[43].

Если в одной местности создавалось несколько таких групп (2—3 и более), то одна из них получала статус центральной местной группы с подчинением непосредственно Исполнительному комитету, тогда как прочие, рядовые местные группы подчинялись центральной местной группе. Каждая из местных групп имела свой устав, подлежавший утверждению ИК. Л. А. Тихомиров вспоминал, что ИК требовал от местных групп «слепого повиновения»[44]. Это не совсем верно. Групповые уставы и «Общие начала организации», т.е. основной документ, регулировавший взаимоотношения ИК с местными группами, предоставляли группам самостоятельность «в ведении своих дел»[45]. Но в то же время все местные группы обязаны были «связываться с Исполнительным комитетом, как с общим центром», и следовать «общему плану, намеченному Комитетом»[46].

Центральных местных групп «Народной воли» было пять: в Москве, Киеве, Харькове, Одессе и Саратове. Самой крупной из них по численности и масштабам деятельности была московская группа. После отъезда в Петербург ее основателя Михайлова руководили группой В. В. Зеге фон Лауренберг (до своей смерти 31 июля 1880 г.), а затем М. Н. Ошанина и П. А. Теллалов. После февральско-мартовских арестов 1881 г., обескровивших ИК, именно в Москву переместился центр дел и связей «Народной воли», причем активные участники московской группы В. С. Лебедев и С. В. Мартынов стали членами, а Г. Ф. Чернявская — агентом ИК.

В составе других центральных групп «Народной воли» на местах тоже были энергичные и авторитетные деятели: в Киеве — А. И. Богданович (впоследствии один из организаторов партии «Народного права», видный литературовед, публицист) и братья А. И. и В. И. Бычковы;[47] в Харькове — бывший участник кружка долгушинцев В. А. Тихоцкий, А. О. Сыцянко[48] и Е. Г. Легкий[49]; в Одессе — бывший лидер кружка «сен-жебунистов» и будущий член ИК «Народной воли» В. А. Жебунев; в Саратове — энтузиаст

---

[43] *Волк С. С.* Указ соч. С. 276.

[44] *Тихомиров Л. А.* Воспаоминания. М., Л., 1927. С. 321.

[45] РН. Т. 2. С. 207, 209.

[46] Там же. С. 205.

[47] Владимир Бычков 18 августа 1883 г., когда жандармы попытались схватить его, расстрелял в них все патроны и последнюю пулю пустил в себя.

[48] Повесился 7 марта 1898 г. в Воронежской тюрьме, после того, как жандармы с целью провокации сочинили и подбросили ему, якобы от имени его товарищей, записку, в которой он объявлялся предателем.

[49] Повешен 19 июля 1882 г. в Иркутской тюрьме по судебному приговору.

«хождения в народ» 1874 г. и студенческих акций «Земли и воли» П. С. Поливанов[50].

По мере роста числа местных организаций «Народной воли» после 1 марта 1881 г. возникла новая иерархическая ступень в структуре партии — т.н. *региональные* группы[51]: Великороссийская, объединявшая народовольческие кружки десяти центральных губерний; Северо-западная, в сфере деятельности которой были шесть губерний Белоруссии и Литвы; Юго-западная на Украине и, возможно, другие. В конце 1881 г. предполагалось создать и Сибирскую районную группу.

При всех местных группах «Народной воли» (а в Петербурге — непосредственно при ИК) создавались и действовали особые рабочие группы. Здесь важно учесть, что народовольцы меньше, чем их предшественники, занимались крестьянами. Хотя программа «Народной воли» требовала «защищать интересы» крестьян и добиваться их «активного содействия»[52], а некоторые члены ИК, в том числе Желябов, осенью 1880 г. предполагали даже создать, наряду с военной, рабочей и студенческой , также сельскую организацию[53], все же после 1 марта народовольцы признали революционную работу среди крестьян пока бесперспективной из-за недостатка сил. «Для того, чтобы крестьянскую скалу низвергнуть на правительство, — читаем в письме ИК заграничным товарищам, — нужны пуды пороха, а у нас его только несколько фунтов. Это вышел бы не взрыв, а фейерверк»[54]. В начале 1882 г. центральный орган партии официально заявил: «организация крестьянских сил не входит в наши расчеты»[55]. Здесь «Народная воля» сделала шаг назад от «Земли и воли», вызванный не столько недостатком сил, как объясняли сами народовольцы, сколько постепенной утратой их веры в крестьянскую революцию. Зато рабочим «Народная воля» уделила больше внимания, чем кто-либо из ее предшественников.

Народовольцы скорректировали ортодоксально-народнический взгляд на рабочих и усматривали в них уже не посредников между интеллигенцией и крестьянством, а самостоятельную (не главную, но самостоятельную), причем на первом этапе революции ударную силу.

Восстание «легко может увенчаться успехом, — гласит «Подготовительная работа партии», — если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам (т.е. студентам и военным, — *Н. Т.*) сколько-нибудь значительные массы рабочих», еще до того, как поднимется многомиллионная масса крестьянства[56].

---

[50] Отсидев 20 лет в одиночных склепах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, Поливанов вышел на волю, уехал во Францию и там, в отчаянии от упадка физических и духовных сил, 17 августа 1903 г. покончил с собой.

[51] См. о них: Волк С. С. Указ. соч. С. 267–269.

[52] РН. Т. 2. С. 174, 179.

[53] См.: *Волк С. С.* Указ. соч. С. 368.

[54] РН. Т. 2. С. 319.

[55] Литература партии «Народная воля». С. 159.

[56] РН. Т. 2. С. 176, 181.

Готовясь к восстанию, «Народная воля» впервые в России создала специальную Рабочую организацию всероссийского масштаба с центром в Петербурге и с филиалами практически во всех фабрично-заводских регионах страны. Всего, по подсчетам С. С. Волка, народовольцы организовали 100–120 рабочих групп, разных по численности и влиянию. Самыми крупными были три группы: московская охватывала больше 100 рабочих, одесская – до 300, петербургская – несколько сот. В общей сложности, «Народная воля» имела до 2 тыс. распропагандированных и организованных рабочих[57].

Все местные рабочие группы подчинялись Исполнительному комитету и действовали по его указаниям. Петербургская группа была центральной и формировалась иерархически сложно. Ее возглавляли члены ИК (первыми были Желябов и Перовская). Вокруг нее сложилась сеть кружков трех разрядов: 1) общеобразовательных, 2) политических, 3) агитационных (из рабочих, которые прошли два первых разряда). Кроме того, при ней создавались «Боевые дружины рабочих», которые должны были, по словам Желябова, в случае необходимости «принять на себя инициативу инсуррекционного движения», а пока «устранять шпионов, действующих в рабочей среде»[58]. В состав «Боевых дружин» входили самые надежные рабочие.

Вообще, среди рабочих–народовольцев в Петербурге были незаурядные личности: токарь Андрей Пресняков, еще в «Земле и воле» заслуживший репутацию «истребителя шпионов»[59]; котельщик Тимофей Михайлов, которого адвокат К. Ф. Хартулари на суде по делу 1 марта 1881 г. назвал «апостолом» петербургских рабочих[60]; слесарь Макар Тетерка, заклеймивший пощечиной рабочего предателя Меркулова в зале суда по делу «20-ти»; ткач Яков Тихонов, который заявил со скамьи подсудимых на процессе «16-ти»: «Я знаю, мне и другим товарищам осталось всего несколько часов до смерти, но я ожидаю ее спокойно, потому что идея, за которую я боролся и умираю, со мною не погибнет. Ее нельзя бросить, как нас, в тюрьмы, ее нельзя повесить!»[61] Все они были осуждены по разным процессам на смертную казнь (Тихонову и Тетерке виселицу заменили вечной каторгой в таких условиях, что первый их них после этого прожил два года, а второй – один год).

Столь же преданные революционной идее рабочие действовали и в других группах «Народной воли», особенно в московской группе, где выделялись, в первую очередь, бывший лидер «Северного союза русских рабочих», принятый после 1 марта 1881 г. в народовольческий ИК Степан Халтурин, а также Феофан Крылов – один из организаторов т. н. «Христианского братства» с целью революционной пропаганды среди раскольников, и Васи-

[57] История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 1. С. 58.

[58] Показания и заявления А. И. Желябова // Былое. 1918. № 4–5. С. 280.

[59] Именно Пресняков казнил известных в 70-е годы полицейских шпионов Н. А. Шарашкина и А. Я. Жаркова.

[60] Дело 1 марта 1881 г. С. 306.

[61] Процесс 16-ти террористов. С. 228

лий Панкратов — впоследствии видный эсер, а при Временном правительстве 1917 г. комиссар «по охране бывшего царя»

Считая, что в грядущей революции «успех первого нападения всецело зависит от рабочих и войска»[62], народовольцы создали, наряду с Рабочей, свою Военную организацию, более мощную, чем вся совокупность организаций декабристов к 1825 г. Должным образом Военная организация «Народной воли» поныне еще не исследована[63]. Даже посвященная ей кандидатская диссертация Л. Н. Годуновой[64] оставляет открытыми ряд вопросов, касающихся масштабов, сил, планов и деятельности организации. Во всяком случае, Годунова установила, что военных кружков «Народной воли» было не 20—25, как полагает С. С. Волк, а не менее 50-ти в 41 (как минимум) городе[65].

Военные (исключительно офицерские) кружки были тщательно законспирированы. Первый из них по времени возникновения — морской кружок в Кронштадте — стал ядром Центрального (петербургского) военного кружка. Все кружки, и Центральный и местные, возглавил Военно-революционный центр, непосредственно подчиненный Исполнительному комитету. В состав Центра входили 5 человек: двое — от ИК и трое — от Центрального кружка. Первыми его членами были А. И. Желябов и Н. Н. Колодкевич, а также лейтенанты флота Н. Е. Суханов (тоже принятый в ИК) и барон А. П. Штромберг, артиллерийский поручик Н. М. Рогачев (родной брат героя «хождения в народ» Д. М. Рогачева)[66].

Всего Военная организация «Народной воли» насчитывала до 400 офицеров[67]. Каждый из них был интересен и многого стоил. Подполковник М. Ю. Ашенбреннер, кавалер пяти орденов, имел отличную боевую репутацию и широкие связи в армейских кругах. Служивший под его начальством в Туркестане А. Н. Куропаткин в 1901 г., уже как военный министр, ходатайствуя о смягчении участи шлиссельбургского узника Ашенбреннера, под-

---

[62] РН. Т. 2. С. 181.

[63] Как историографический курьез, свидетельствующий о малом знакомстве с Военной организацией «Народной воли», отмечу «наблюдение» одного из ее исследователей: «В. И. Ленин, говоря о народовольческой борьбе, обратил внимание на Суханова, который занимал в Военной организации «Народной воли» выдающееся место. Он писал: «Часть тяготеет к марксизму (Н. Суханов, — хотя у него путаницы еще тьма)» (*Корягин Б. Г.* Некоторые страницы истории Военной организации «Народной воли» // Из истории Красноярской партийной организации. Красноярск, 1973. Вып. 5. С. 131.) В действительности, Ленин писал здесь (Полн. собр. соч. Т. 22. С. 306) об эсере Н. Н. Суханове (Гиммере), который только родился в год, когда был расстрелян народоволец Н. Е. Суханов.

[64] *Годунова Л. Н.* Военная организация партии «Народная воля» (1880 — 1884) Автореф. канд. дисс. М., 1971.

[65] *Годунова Л. Н.* Военная организация народовольцев // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 123. Все города здесь перечислены. Ср.: Волк С. С. Указ. соч. С. 276, 329.

[66] Все пятеро в 1881—1884 гг. были приговорены царским судом к смертной казни, причем Желябов повешен, Суханов, Штромберг и Рогачев расстреляны, а Колодкевич после замены ему виселицы пожизненной каторгой прожил лишь два года.

[67] *Ашенбреннер М. Ю.* Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860—1904 гг). М., 1924. С. 101.

черкнул, что «Ашенбреннер был очень начитанный, добрый, ласковый и в делах с неприятелем вел себя доблестно. В делах денежных и товарищеских отличался честностью и благородством. Пользовался общей любовью»[68].

Другой народоволец, гусарский майор Н. А. Тихоцкий, был, по его словам, «старым товарищем» начальника дворцовой охраны генерала Е. Н. Ширинкина[69], а по сообщению В. Л. Перовского, дружил с самим Александром III в бытность его великим князем[70]. Как великосветский жуир, блиставший на придворных балах, Тихоцкий был вхож в самые верхи военной аристократии и заводил таким образом полезные для «Народной воли» знакомства. Оберфейерверкер Н. Н. Богородский был сыном смотрителя Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Он помог народовольцам — узникам крепости наладить письменную связь с волей. В Рижском военном кружке «Народной воли» участвовал прапорщик Андрей Пумпур — будущий создатель латышского народного эпоса «Лачплесис» (членом вспомогательного, «спортивного» общества при этом кружке был и юный Ян Райнис)[71], а в личных связях с участниками Тифлисского кружка офицеров-народовольцев был уличен и за это подчинен негласному надзору полиции великий сын Грузии Илья Чавчавадзе[72].

Многие офицеры-народовольцы, избежав репрессий, смогли впоследствии ярко, с большой пользой для России, проявить себя на воинской службе. Капитаны 1 ранга Н. В. Юнг, П. О. Серебренников, В. Н. Миклухо-Маклай (родной брат великого путешественника) командовали первоклассными броненосцами: соответственно — «Орел», «Бородино», «Адмирал Ушаков». Все они погибли в Цусимском бою[73].

Сражался под Цусимой и капитан 1 ранга Л. Ф. Добротворский — командир крейсера «Олег», а генерал А. И. Вершинин был к 1905 г. градоначальником Порт-Артура. Знаменитый руководитель восстания 1905 г. на крейсере «Очаков» лейтенант П. П. Шмидт тоже участвовал в военно-революционном кружке «Народной воли», правда уже «второго призыва» (1884–1886 гг.)[74]

Самыми выдающимися из участников Военной организации народовольцев были ее руководители — Николай Евгеньевич Суханов и заменивший его Александр Викентьевич Буцевич. Первый из них, самоотверженный, благородный и обаятельный, «чистый, как прозрачный хрусталь», стал одним из самых авторитетных членов ИК; его «душевные качества были так высоки, что можно сказать: счастлива та партия, к которой пристают

---

[68] ГАРФ. Ф. 102. 5 д-во. 1901. Д. 5288. Ч. 10. Л. 25, 48.

[69] Там же. 7 д-во. 1883. Д. 42. Т. 2. Л. 71 об. – 72.

[70] Там же. В. 533. Д. 1254. Л. 112.

[71] История Латвийской ССР. Рига, 1954. Т. 2. С. 135–139

[72] ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1884. Д. 208. Л. 15, 25; Д. 1168. Л. 1 об.–2.

[73] Подробно о них см.: Троицкий Н. А. Народовольцы — герои Цусимы // Освободительное движение в России. Саратов, 1989. Вып. 13.

[74] *Шмидт-Очаковский Е. П.* Лейтенант Шмидт. Воспоминания сына. Прага, 1926. С. 13; Самолис Г. В. Лейтенант Шмидт. М., 1982. С. 120. Широко известный как «лейтенант» Шмидт в действительности был к 1905 г. капитаном 2 ранга в отставке.

Сухановы!»[75] Не зря Софья Перовская перед смертью, из тюрьмы завещала товарищам «беречь Наума (псевдоним Суханова. — *Н. Т.*) и Верочку»[76] (Фигнер). Достойно заменил Суханова и в Военно-революционном центре и в Исполнительном комитете Буцевич, тоже лейтенант флота, «блестящий по уму и образованию»[77] (окончил Морское училище, Морскую академию, Институт путей сообщения), искусный, зажигательно темпераментный пропагандист, агитатор и организатор.

По косвенным данным, ИК «Народной воли» пытался не без успеха привлечь к себе некоторых «лиц высшей военной иерархии»[78], включая самого популярного из российских военачальников второй половины XIX века, легендарного «белого генерала» М. Д. Скобелева и самого образованного из них, начальника Академии Генерального штаба М. И. Драгомирова. Скобелев, известный своим фрондерством против трона[79], в марте 1881 г. в Петербурге будто бы предлагал графам М. Т. Лорис-Меликову и Н. П. Игнатьеву «арестовать Александра III и заставить его подписать манифест о конституции»[80], а в начале 1882 г. в Париже присылал своего адъютанта к П. Л. Лаврову с просьбой о свидании инкогнито «для переговоров о некоторых важных вопросах», но Лавров от свидания уклонился[81]. Что касается Драгомирова, то с ним, по данным народовольца С. А. Иванова, вел прямые переговоры Н. А. Тихоцкий, причем Драгомиров заявил Тихоцкому: «Что же, господа!» Если вы будете иметь успех, я — ваш!»[82]. Возможность таких переговоров подтверждают воспоминания М. А. Тихоцкой (Балавенской) о том, что ее брат был близок к Драгомирову и ввел в круг своих «больших и сильных связей» М. Ф. Грачевского, фактически возглавлявшего в первой половине 1882 г. всю деятельность «Народной воли»[83].

Наибольшее внимание «Народная воля» уделяла интеллигентной молодежи. Именно в ней (особенно, в студенчестве), а не в крестьянстве и не в рабочих или военных народовольцы усматривали главный источник пополнения сил для своей партии. Наблюдательный директор Департамента полиции В. К. Плеве в 1881 г. верно подметил: «крамола производит во время студенческих беспорядков рекрутский набор»[84]. Партия крестьянской демократии, выражавшая и отстаивавшая прежде всего интересы крестьян-

---

[75] *Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 237, 238–239.

[76] Там же. С. 157.

[77] Там же. С. 242.

[78] РН. Т. 2. С. 296; *Валуев П. А.* Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 238.; *Серебряков Э. А.* Революционеры во флоте. Пг., 1920. С. 59.

[79] Подробно об этом см.: *Вилинбахов В. Б.* Генерал «от пронунсименто» // Прометей. М., 1969. Т. 7.

[80] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966. С. 394 (Кропоткин ссылается здесь на «сообщения Лорис-Меликова»).

[81] *Иванов С. А.* К характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов //Былое. 1907. № 9. С. 198–199 (со слов П. Л. Лаврова).

[82] Там же. С. 199.

[83] ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 648. Л. 1–2.

[84] *Выдрин Р. И.* Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908. С. 27.

ства, «Народная воля» по составу и методам борьбы «была в основном партией интеллигенции, преимущественно молодой»[85]. Естественно поэтому, организационная структура партии строилась с расчетом главным образом на интеллигентские и, в первую очередь, студенческие силы.

Деловые связи «Народной воли» с учащейся молодежью страны были централизованы так же, как и ее рабочие и военные связи[86].

В Петербурге действовала Центральная университетская группа, организаторами и первыми руководителями которой были вездесущий Желябов и Перовская. Группа объединяла и направляла усилия народовольческих кружков не только в самом университете, но и в других (во всех без исключения) вузах столицы. В университетских кружках выделялись активностью Л. М. Коган-Бернштейн и П. П. Подбельский — герои и жертвы всемирно известной Якутской трагедии 1889 г., а также В. Г. Богораз-Тан, Л. Я. Штернберг, С. С. Салазкин — впоследствии выдающиеся ученые(Салазкин, кроме того, стал видным государственным деятелем, последним министром просвещения досоветской России)[87]. В одном из университетских кружков «Народной воли» участвовал и В. И. Вернадский — будущий академик. Студенческим кружком «Народной воли» в Технологическом институте руководил И. И. Гриневицкий — тот, кто 1 марта 1881 г. взорвал бомбой Александра II и себя самого. Народовольческий кружок в Институте путей сообщения возглавлял агент ИК А. Б. Арончик, приговоренный в 1882 г. по делу «20-ти» к пожизненной каторге, потерявший рассудок и умерший в Шлиссельбургском застенке весной 1888 г. На медицинских курсах такой кружок организовали две сестры члена ИК М. Н. Ошаниной, Елизавета и Наталия Оловениковы.

Центральные группы, подобные петербургской, координировали деятельность многочисленных студенческих кружков в Москве, Казани, Киеве. Кстати, в Киевскую центральную группу, наряду со студентами университета, входили даже воспитанники духовной академии и кадетского корпуса. Возглавляли группу в 1881 г. А. И. Бычков, а с осени 1882 г. — А. Н. Бах (будущий академик) и др. Позднее в одном из киевских народовольческих кружков участвовал Н. П. Василенко[88] — будущий президент Академии наук Украины (в 1918 г. — и. о. председателя Совета министров при гетмане П. П. Скоропадском).

Отдельные студенческие кружки создавались при местных организациях «Народной воли» во всех городах, где были высшие учебные заведения (Одесса, Харьков, Вильно, Дерпт, Ярославль). В одном из одесских кружков участвовал студент А. А. Мануйлов[89] — впоследствии крупный ученый-

---

[85] *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 243.

[86] Подробно см.: Волк С. С. Указ. соч. Гл. 11; *Твардовская В. А.* Организационные основы «Народной воли» //Исторические записки. 1960. Т. 67.

[87] Жандармское дознание о народовольце С. С. Салазкине см.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 419. Л. 271–272 об., 284–284 об.

[88] См.: *Мошинский И. Н.* На путях к I съезду РСДРП. М., 1928. С. 16.

[89] См.: ГАРФ. Ф. 533. Д. 1240. Л. 45.

экономист, ректор Московского университета и министр просвещения, в другом — студент В. А. Хавкин[90], будущий бактериолог и эпидемиолог с мировым именем, первооткрыватель вакцин против чумы и холеры, национальный герой Индии, у нас, россиян, полузабытый. В контакте со студенческими кружками действовали гимназические и семинарские кружки тех же и многих других (где не было высших учебных заведений) городов. Например, в Иркутске народоволец К. Г. Неустроев (вскоре арестованный и казненный) руководил кружком молодежи, в котором участвовал юный гимназист Д. Н. Прянишников — еще один будущий академик[91]. Всего, по данным С. С. Волка, которые, конечно же, нельзя считать исчерпывающими, студенческих кружков «Народной воли» было 30—40, гимназических — до 25[92].

Здесь самое время сказать, что среди народовольцев и, вообще, народников 70-х годов очень много было высокоодаренных, культурных людей. Десятки из них стали (иные — после долголетней тюрьмы, ссылки, каторги) выдающимися учеными: трое — почетными академиками (Н. А. Морозов, Э. К. Пекарский, Д. Н. Овсянико-Куликовский), десять — академиками (М. М. Ковалевский, В. И. Вернадский, С. Ф. Платонов[93], Д. Н. Прянишников, Е. С. Федоров, А. Н. Бах, Д. П. Коновалов, М. А. Павлов, Д. К. Заболотный, Н. П. Василенко), пятеро — членами-корреспондентами Российской академии, в том числе великий ученый, третий по значению — после И. М. Сеченова и И. П. Павлова — русский физиолог Н. Е. Введенский[94]. Яркий след в отечественной науке оставили, хотя и не получив академических регалий, почвовед П. А. Костычев, юрист П. И. Стучка, элктротехник Н. Г. Славянов, химик П. А. Лачинов, биохимик С. С. Салазкин, экономисты А. А. Мануйлов и М. И. Туган-Барановский[95], историк И. М. Гревс, этнограф В. Г. Богораз-Тан, литературовед С. А. Венгеров, медики В. К. Анреп и Д. Д. Бекарюков, геолог П. Я. Армашевский и многие другие. Никак не титулованы в науке, но внесли в нее всемирно значимый вклад географ П. А. Кропоткин, бактериолог В. А. Хавкин, этнограф В. И. Иохельсон, археолог Д. А. Клеменц, библиограф Н. А. Рубакин, статистик В. Е. Варзар, изобретатель Н. И. Кибальчич.

К числу специальных организаций «Народной воли» можно отнести и Общество «Красного Креста». В уставе общества было прямо записано, что оно «есть специальный отдел общей организации партии «Народной воли»», основанный с целью материальной помощи жертвам царских репрессий и

---

[90] См.: ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 682. Л. 5—6, 14 об.

[91] См.: *Прянишников Д. Н.* Мои воспоминания.М., 1961. С. 66.

[92] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 276.

[93] Жандармское досье о С. Ф. Платонове и его революционно-народническом прошлом см.: ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1894. Д. 172.

[94] Членами-корреспондентами РАН стали также Н. Л. Мещеряков, П. О. Морозов, Л. Я. Штернберг, Ф. А. Щербина.

[95] О связях М. И. Туган-Барановского с народовольческой группой А. И. Ульянова — П. Я. Шевырева и с харьковской организацией «Народной воли» см.: ГАРФ. Ф. 533. Д. 1254. Л. 216-а.

организации побегов политических заключенных[96].Основали общество летом 1881 г. член Исполнительного комитета Ю. Н. Богданович и агент Комитета И. В. Калюжный. Они же подготовили в Сибири цепь убежищ для ссыльно-каторжных беглецов («сибирский путь»). По «сибирскому пути», в некоторых поволжских городах и в обеих столицах были созданы местные группы (отделы) «Красного Креста». Представители местных групп и один представитель ИК (первым был Богданович) составляли Центральное управление общества, которое руководило местными группами, но отчитывалось перед ИК. В конце 1881 г. «Народная воля» создала и заграничный отдел своего «Красного Креста». Его возглавили П. Л. Лавров и В. И. Засулич, сотрудничал с ним П. А. Кропоткин.

После того, как ИК летом 1881 г. был разгромлен, народовольческий «Красный Крест» принял межпартийный характер и под разными названиями и в различных формах существовал в начале XX века.

Кроме специальных *организаций* «Народная воля» имела еще специальных *агентов*, которые действовали по ее указаниям как бы в тылу противника — в чиновных канцеляриях, полицейских участках и даже в самом сердце русского сыска. Засланный в III отделение агент «Земли и воли» Н. В. Клеточников присоединился к «Народной воле» при самом ее возникновении и прослужил ей почти полтора года из двух лет своей контрразведывательной службы. Начал он эту службу простым «чиновником для письма», с декабря 1880 г. уже заведовал секретной частью 3-го делопроизводства Департамента полиции, а с 1 января 1881 г. был младшим помощником делопроизводителя всего Департамента[97]. Он доставлял народовольцам данные секретной статистики по государственным преступлениям, уведомлял о предательских показаниях арестантов (Г. Д. Гольденберга, В. А. Швецова, В. В. Дриго, А. Я. Жаркова), называл имена тех, кто разыскивался жандармами, кому грозил обыск, за кем начали слежку. Главное же, Клеточников обезвреживал тайных агентов сыска и всякого рода ловушки, провокации против нелегалов[98]. Некоторых шпионов народовольцы печатно разоблачали (так, в № 1 «Народной воли» был «пропечатан» П. И. Рачковский — впоследствии шеф заграничной агентуры царизма), других, особо опасных, как Н. В. Рейнштейн и А. Я. Жарков, уничтожали, но чаще всего шпиона, названного Клеточниковым, брали на учет, сами остерегались его, а за ним следили и таким образом иной раз выявляли новых шпионов, о которых не знал даже Клеточников. «Агент», как просто (без имени) называли в ИК Клеточникова, был феноменально законспирирован и до по-

---

[96] Документы для истории Общества «Красного Креста» партии «Народная воля» //Былое. 1906. № 3. С. 290.

[97] Жандармский формуляр Клеточникова см.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 504. Ч. 2. Л. 354–355, 368 об.

[98] По подсчетам В. И. Савченко, Клеточников обезвредил больше 300 агентов (Смена. 1978. № 1. С. 19.) Знаменитые «тетради Клеточникова», т.е. записи с его слов жандармских тайн (сам он никогда это не записывал, чтобы не оставить следов своего почерка), опубликованы в кн.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 160–234.

следнего дня своей службы в Департаменте полиции пользовался доверием властей. 20 апреля 1880 г. за «отлично-усердную и ревностную службу» Александр II наградил его орденом св. Станислава 3 степени[99].

В роли специальных агентов «Народной воли» выступали также ее заграничные представители. В разное время таковыми были Л. Н. Гартман (с 1880 г. в Лондоне), П. Л. Лавров, Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина (с 1882 г. в Париже). В самом ИК была учреждена должность секретаря для заграничных сношений. С осени 1880 г. ее занимала Вера Фигнер.

Такова была организационная структура «Народной воли». Итак, по самым осторожным подсчетам, Исполнительный комитет, 5 центральных местных групп, 80—90 местных, 100—120 рабочих, 30—40 студенческих, 20—25 гимназических и 50 военных по всей стране объединялись в организацию, которая мощностью и размахом далеко превзошла все русские революционные организации прошлого. Численность «Народной воли» определить трудно. Оформленных членов организации было, как полагают, примерно 500[100], но ее участников и соучастников — в десятки раз больше. Ежегодные «обзоры» Департамента полиции свидетельствуют: с 1 июля 1881 по 31 декабря 1890 г. жандармские управления довели до конца 11 704 дознания по делам о государственных преступлениях против 16 476 человек, причем, как явствует из содержания «Обзоров», абсолютное большинство этих людей обвинялось в принадлежности к «Народной воле» или в пособничестве ей[101]. Подчеркну, что здесь не отражены первая половина 1881-го и весь 1880 г., когда преследования «Народной воли» были не меньшими (если не большими), чем во второй половине 1881 или в 1882 г. С учетом тех лет (жандармские «обзоры» тогда не составлялись) число обвиняемых по политическим делам, вероятно, превысило бы к 1891 г. 20 тысяч.

«Народная воля» — первая по времени революционная организация в России, которую принято называть *партией*. Само понятие «партия», в отличие , например, от общества (тем более группы, кружка и пр.) предполагает наличие по крайней мере трех обязательных критериев — *идеологически* развитой платформы, столь же развитых *уставных* принципов и *организационной* структуры плюс *национальный* масштаб. В «Народной воле» все эти три критерия были налицо.

Разумеется, надо учитывать, что в 70—80-х (как и в 60-х[102]) годах понятия «партия» и «организация» на совпадали. Афористически емко и точно

---

[99] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 686. Л. 70—70 об.

[100] См.: *Волк С. С.* Указ. соч. С. 277.

[101] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 201. «Обзоры» жандармских дознаний за 1881 г. (С. 3), 1882 (Л. 140, 158, 175), 1883 (Л. 126), 1884 (Л. 143), 1885 (С. 3), 1886 (Л. 72), 1887 (С. 3), 1888 (С. 3—4), 1889 (Л. 81), 1890 (Л. 89).

[102] Один из лидеров кружка «ишутинцев» И. А. Худяков в 1866 г. говорил: «Собрание людей, организованных в известном порядке, — вот что составляет общество (т. е. революционную организацию.— *Н. Т.*) А партия есть просто собрание людей, думающих известным образом» (Покушение Каракозова. М., 1928. Т. 1. С. 41).

разграничил эти понятия Александр Михайлов: «Партия заключает в себе организацию, но последняя определенно ограничена в себе самой. Партия — это солидарность мысли, организация — солидарность действия»[103]. Называть партией в современном смысле можно лишь организацию «Народной воли», тогда как в 1870—1880-е годы под «партией Народной воли» разумелись не только участники народовольческой организации, но и все их единомышленники. Организация «Народной воли» опиралась не на массы народа, не на класс, а на узкий слой россиян, на партию единомышленников, которую она сама создавала. В этом заключалась слабость организационных основ «Народной воли», унаследованная от ее предшественников, ибо в 70-е годы, «существовал хорошо организованный и прекрасно дисциплинированный центр, существовали вокруг него созданные им организации разных разрядов, а что было вне этих организаций, было хаосом, анархией. Составные элементы этого хаоса называли себя членами партии, но дело не выигрывало, а теряло от этого»[104].

9.3. Исполнительный комитет

Итак, «самочинным центром» и своего рода становым хребтом «Народной воли» был ее Исполнительный комитет. Он вырос из Липецкого ИК и стал уже четвертым в народничестве 70-х годов Исполнительным комитетом[105].

Учредителями ИК «Народной воли» были 10 членов Липецкого ИК (все участники Липецкого съезда, кроме Г. Д. Гольденберга): А. Д. Михайлов, А. И. Желябов, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, Л. А. Тихомиров, Н. Н. Колодкевич, С. Г. Ширяев, А. А. Квятковский, А. И. Баранников, М. Н. Ошанина. К ним сразу после раскола «Земли и воли», уже в августе-сентябре 1879 г., присоединились С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, А. И. Зунделевич, С. А. Иванова, А. В. Якимова, Т. И. Лебедева, С. С. Златопольский, Г. П. Исаев, Н. К. Бух, В. В. Зеге фон Лауренберг; несколько позднее, но еще до конца 1879 г. — М. Ф. Грачевский, П. А. Теллалов, Е. Д. Сергеева, О. С. Любатович, М. Н. Тригони; в 1880 г. — А. П. Корба, Ю. Н. Богданович, М. В. Ланганс, Н. Е. Суханов, А. А. Франжоли, Е. Ф. Завадская. Это и есть изначальный (до 1 марта 1881 г.) и основной состав членов ИК, который сами народовольцы впоследствии называли «Великим»: 31 человек, не считая агентов Комитета (о них речь пойдет особо).

После 1 марта 1881 г. на смену выбывшим (арестованным, расстрелянным, повешенным) в члены ИК были приняты С. Н. Халтурин, А. В. Бу-

---

[103] Литература партии «Народная воля». С. 185.

[104] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 12. С. 427.

[105] Списки членов народовольческого ИК публиковались (с разночтениями) в различных источниках. Критический пересмотр их см.: *Твардовская В. А.* Организационные основы «Народной воли» // Исторические записки. 1960. Т. 67. С. 135—137.

цевич, Я. В. Стефанович, В. А. Жебунев, В. С. Лебедев, С. В. Мартынов и Г. Г. Романенко. С. С. Волк считает, что в 1882 г. Вера Фигнер «единолично» приняла в ИК еще С. П. Дегаева и А. А. Спандони[106]. Это неверно. Фигнер осенью 1882 г., т.е. уже после гибели ИК, создавала новый революционный «центр» (с участием Дегаева, Спандони, М. Ю. Ашенбреннера и Н. М. Рогачева), который должен был наследовать «исчезнувшему Комитету»[107]. Никого из членов этого «центра» ни сама Фигнер, ни другие составители списков ИК (Л. А. Тихомиров, А. П. Корба, редакторы 3–го сборника «Народовольцы») не включали в свои списки. Зато, по свидетельству Г. А. Лопатина, на январском 1884 г. съезде народовольцев в Париже новыми («парижского помазания») членами ИК были избраны сам Лопатин, Н. М. Салова, В. И. Сухомлин (составившие Распорядительную комиссию), В. А. Караулов и А. Н. Кашинцев. Последние двое вскоре по прибытии в Россию были арестованы, и вместо них Распорядительная комиссия, с ведома Л. А. Тихомирова и М. Н. Ошаниной (оставшихся в Париже), кооптировала в ИК А. Н. Баха и С. А. Иванова[108]. Таким образом, можно считать, что после 1 марта 1881 г. в ИК были приняты 14, а всего за время своего существования ИК насчитывал 45 членов, но, ввиду текучести состава из-за частых арестов, одновременно их никогда не было больше 20-ти.

ИК «Народной воли» имел свой устав, составленный в результате доработки Липецкого устава. Подлинник его до нас не дошел. Сохранилась лишь жандармская (возможно, не вполне точная) копия, впервые опубликованная в 1924 и переизданная в 1965 г[109]. Первый же параграф устава гласит: «Исполнительный комитет должен быть центром и руководителем партии в достижении целей, поставленных в программе». Согласно этому и другим параграфам (их в уставе – 77), ИК руководил всеми сферами деятельности и всеми – местными и специальными – организациями партии, выбирал Администрацию и редколлегию печатного органа, назначал и смещал должностных лиц, заключал договора с «посторонними группами». Кроме обычных, ИК по уставу (§ 13) осуществлял и «чрезвычайные функции» (только на общих собраниях большинством в 2/3 действующих членов Комитета): «составление и изменение программы; составление и изменение устава; исключение членов и смертный для них приговор».

Вся деятельность и самый подбор кадров ИК регулировались по принципу «выборной централизации» (§ 9), т.е. при сочетании выборности всех должностей с «безусловным подчинением» личности Комитету, меньшинства – большинству. В члены ИК могли быть приняты только люди, уже доказавшие свою способность к революционной работе (как правило, бывшие «чайковцы», «москвичи», землевольцы), по рекомендации для каждого кандидата 5 членов-поручителей, лично знающих его. Мало того, каждый та-

---

[106] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 96.

[107] *Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 347–349.

[108] РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 272. Л. 2–2 об. (письмо Г. А. Лопатина к В. Я. Богучарскому от 13 октября 1910 г.).

[109] См.: Устав Исполнительного комитета // РН. Т. 2. С. 200–209.

кой кандидат до вступления в члены ИК должен был «некоторое время пробыть агентом 2-й степени» (§ 44).

Агенты ИК «Народной воли» представляли собой ближайших кандидатов в ИК и различались по степеням доверия. Агент 1-й степени являлся личным помощником того или иного члена ИК и не имел по отношению к Комитету ни прав, ни обязанностей. Агент же 2-й степени обязывался в течение года выполнять любые поручения Комитета, после чего был вправе баллотироваться в члены ИК. Среди агентов ИК 2-й степени были такие выдающиеся народовольцы, как Н. И. Кибальчич, Н. В. Клеточников, С. Н. Халтурин, А. К. Пресняков, Г. М. Гельфман, Н. А. Саблин, П. С. Ивановская, Л. Н. Гартман.

Примечательно, что все члены ИК в сношениях с посторонними, а также в показаниях после ареста называли себя не членами Комитета, а только его агентами. Так они держались правила, которое было закреплено еще в Липецком уставе («Комитет должен быть невидим и недосягаем»[110]), а затем и в уставе народовольческого ИК (§ 56). Признанный вождь «Народной воли» Андрей Желябов на процессе 1 марта 1881 г. тоже называл себя агентом ИК 3-й степени[111]. Это, по справедливому замечанию Г. В. Плеханова, « не умаляло, а увеличивало обаяние знаменитого Комитета»[112], ибо все думали, что если такая личность, как Желябов, — всего лишь агент ИК 3-й (т.е. на взгляд со стороны, низкой) степени доверия, то каковы же должны быть члены этого Комитета! «Когда мы (ярославские лицеисты.— *Н. Т.*) прочли заявление Желябова о том, что он является в организации «Народной воли» только агентом 3-ей степени, — вспоминал, например, А. В. Гедеоновский, — то мы решили, что при такой силе революционной партии не может быть и речи о длительном существовании самодержавия»[113]. Между тем Желябов здесь следовал не только духу, но и букве устава ИК, ибо агент 3-й (высшей!) степени доверия — это и был член Комитета.

Общие (по особо важным вопросам) и частные собрания членов ИК были высшим органом «Народной воли». На общем собрании избиралась Администрация[114], которая руководила всеми делами партии между собраниями. По уставу (§ 21) она должна была состоять из 5-ти членов и 3 кандидатов, но практически едва ли когда-нибудь включала в себя больше трех человек. Судя по воспоминаниям В. Н. Фигнер[115], первыми ее членами были А. Д. Михайлов, Л. А. Тихомиров и (до своего ареста 24 ноября

---

[110] *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. М., 1947. Т. 2. С. 513.

[111] Дело 1 марта 1881 г. С. 49.

[112] *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 12. С. 427.

[113] *Гедеоновский А. В.* Ярославский революционный кружок 1881—1886 гг. // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 96.

[114] Термин «Администрация» заимствован из устава «Земли и воли». Сами народовольцы чаще называли этот орган Распорядительной комиссией, как она значилась в Липецком уставе.

[115] *Фигнер В. Н.* Указ соч. С. 209, 255.

1879 г.) А. А. Квятковский, которого заменил М. Ф. Фроленко, уже избиравшийся членом донародовольческого (липецкого) состава Распорядительной комиссии.

Исполнительный комитет издавал центральный орган «Народной воли», газету «Народная воля» (более похожую на журнал), — этот «Правительственный вестник» партии», как выразился Г. А. Лопатин. Газета выходила с октября 1879 г. по октябрь 1885 г. (всего — 12 номеров) и оказалась самым долговечным из подпольных изданий в России XIX в. В редколлегию 1—9 номеров бессменно входил Л. А. Тихомиров, а вместе с ним редактировали № 1,2 и 3 — Н. А. Морозов и А. И. Иванчин-Писарев, № 4 и 5 — А. П. Корба, № 6,7,8 и 9 — В. С. Лебедев; № 10 вышел под редакцией Г. А. Лопатина и П. Ф. Якубовича, № 11—12 — В. Г. Богораза, Б. Д. Оржиха и Л. Я. Штернберга. Литературным консультантом редакции всех номеров, кроме посленего, был Н. К. Михайловский.

В качестве приложения к газете «Народная воля» ИК издавал с июня 1880 по ноябрь 1885 г. Листок «Народной воли» (вышло 7 номеров) и, кроме того, — специально для пропаганды среди рабочих — «Рабочую газету» (всего — 3 номера: 15 декабря 1880, 27 января 1881 и 8 декабря 1881 г.) Основателем и фактически главным редактором «Рабочей газеты» был до своего ареста А. И. Желябов, которому помогал энтузиаст «рабочего дела» ИК студент И. П. Каковский (умер от туберкулеза весной 1881 г., так и не разысканный карателями). После ареста Желябова и смерти Каковского № 3 «Рабочей газеты» редактировал П. А. Теллалов.

Еще два печатных органа ИК издавал за границей. С 1883 по 1886 гг. в Женеве вышли 5 номеров Вестника «Народной воли» (редакция, которую составляли П. Л. Лавров и Л. А. Тихомиров при участии М. Н. Ошаниной, находилась в Париже). В 1883 же году в Женеве ИК начал издание Календаря «Народной воли» (редакторы — Л. А. Тихомиров и В. И. Иохельсон), но этот «революционный месяцеслов» после выхода первой книги не возобновлялся.

Итак, всего «Народная воля» сумела наладить выпуск 5-ти периодических изданий. Напомню, что ранее только вторая «Земля и воля» имела в России и нечаевская «Народная расправа» — за границей по одному такому изданию, а все другие нелегальные организации довольствовались печатанием лишь отдельных прокламаций. В связи с этим впечатляет размах типографских возможностей «Народной воли». Если прежние организации революционеров в России имели (далеко не все) по одной, самое большее — по две, типографии, то народовольцы содержали, хотя и разновременно, пять типографий в Петербурге (самая ранняя из них была основана 22 августа 1879 г.), по две в Одессе и Харькове, по одной в Москве, Киеве, Туле, Таганроге, Новочеркасске и Дерпте (Тарту), итого — 15 типографий в самой России. Кроме того, с начала 1882 г. функционировала «Заграничная типография «Народной воли»» в Женеве.

ИК «Народной воли» имел при себе и уникальный отдел — динамитную лабораторию, унаследованную от группы «Свобода или смерть». Первым ее

руководителем был С. Г. Ширяев, а после его ареста, 3 декабря 1879 г., лабораторию возглавил Н. И. Кибальчич. Он создал новую, сильнее прежней (нобелевской), разновидность динамита в виде желе («гремучий студень») и сконструировал на этой основе бомбы, перед секретом устройства которых встали в тупик царские эксперты, заключившие на процессе 1 марта 1881 г., что динамит Кибальчича доставлен из-за границы. Кибальчич тогда из чувства патриотизма не стерпел: «Я должен возразить против мнения экспертизы о том, что гремучий студень заграничного приготовления. Он сделан нами»[116]. После ареста и казни Кибальчича динамитной лабораторией руководил еще один саратовец (как и Ширяев) М. Ф. Грачевский, арест которого 5 июня 1882 г. стал концом лаборатории.

Возглавляя все сферы деятельности «Народной воли» от сочинения программно-теоретических опусов до производства бомб, Исполнительный комитет неустанно изыскивал на все это денежные средства. Расходовал он много (только с октября 1879 до конца 1880 г. — больше 60 тыс. руб.[117]), но все-таки «гораздо ниже его планов и предположений», так что «безденежье неожиданно стучалось в двери конспиративных квартир и переступало их пороги»[118]. Начальный капитал ИК составили остатки средств Д. А. Лизогуба и приданое молодоженов Н. С. Зацепиной и В. М. Якимова — всего 31 тыс. руб. В дальнейшем касса «Народной воли» (т.е. фактически Исполнительного комитета как финансового распорядителя партии) пополнялась почти исключительно за счет добровольных пожертвований. О пожертвованиях сообщалось в каждом номере газеты «Народная воля» (иные из них складывались в крупные суммы: с марта по ноябрь 1881 г. — около 30 тыс. руб., с ноября 1881 по 1 февраля 1882 г. — еще почти 25 тыс[119]. При этом самые крупные пожертвования печатно не объявлялись, чтобы не навести царский сыск на след жертвователей. Сами жертвователи подписывались условно: «Доброжелатель», «Весьма сочувствующий», «Уверовавший», «Раскаявшийся консерватор», «Александр не III» и даже «Приближенный Александра III». Жандармский департамент завел о них специальное дело, разослав запросы во все ГЖУ, на что все начальники отвечали: «во вверенных им управлениях» оные «прозвища» неизвестны. Только начальник Киевского ГЖУ сообразительно разъяснил: «Я полагаю, что оных прозвищ не существует в преступной среде, а употреблены они лишь при посылке денег для того, чтобы знать, что деньги дошли по назначению»[120]. «Источник, откуда черпают свои денежные средства наши революционеры, остается загадкой», — досадовал М. Н. Катков[121].

---

[116] Дело 1 марта 1881 г. С. 170.

[117] Прибылева-Корба А. П. Указ соч. С. 190. Для сравнения: месячный заработок ткачей на механических станках в начале 1880-х гг. составлял 12—18 руб. (*Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938. Т. 1. С. 349.)

[118] *Прибылева-Корба А. П.* Указ. соч. С. 191.

[119] Литература партии «Народная воля». С. 145—146, 155—156, 180.

[120] ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1880 Д. 631. Л. 15.

[121] Московские ведомости. 1881. 21 марта.

Одного (может быть, самого крупного) жертвователя «голубые мундиры» все-таки вычислили. Им оказался золотопромышленник Константин Михайлович Сибиряков[122], получавший ежегодно по 1,5 млн. руб. дохода. В жандармском досье о нем за 1880 г. отмечено, что он «постоянно окружен» людьми «вредного направления» (среди них назван А. К. Соловьев), что «многие социалисты у него просто живут», и «можно предполагать», что он «тратит свои громадные доходы на распространение вредной правительству пропаганды»[123].

С начала и до конца «Народной воли» ее Исполнительный комитет как «самочинный центр» партии «стоял вне отчетности и вне контроля»[124]. «Он никогда не был исполнительным, а всегда был распорядительным», — подчеркивала М. Н. Ошанина[125]. Так же, как и первый ИК Валериана Осинского, народовольческий Исполнительный комитет не исполнял ничьих решений, кроме его собственных. Такая авторитарность, шокирующая демократически настроенных историков, вредила самому ИК, ибо не только возвышала его над партией, но и отдаляла от нее и даже противопоставляла ей. Но в условиях подполья, где приходилось действовать «Народной воле», ИК вынужден был идти на это ради собственной и всей партии безопасности. К тому же уникальный по совокупности достоинств состав доперовомартовского, «Великого» ИК гарантировал его от злоупотреблений властью, как и от чванства, карьеризма и прочей корысти.

Вопреки ходячему — от М. Н. Покровского до А. А. Левандовского — мнению, будто «Народная воля» преемственно связана с нечаевщиной так, что «нечаевщина переселилась в «Народную волю»»[126], в действительности у «Народной воли» при чисто внешнем сходстве отдельных признаков не было ничего общего с нечаевщиной. Принцип «цель оправдывает средства» ИК допускал только «по отношению к правительству, как врагу», подчеркнув при этом в своей программе: «лица и общественные группы, стоящие вне нашей борьбы с правительством, признаются нейтральными; их личность и имущество неприкосновенны»[127]. Внутри самой партии устав ИК провозглашал: «Все члены Исполнительного комитета равноправны <...>Все за каждого и каждый за всех», а устав низовой ячейки (дружины) народовольцев предписывал им «такое личное поведение, которое не вредило бы ни репутации партии, ни интересам самой дружины»[128].

---

[122] Родной брат Александра Михайловича Сибирякова (1849–1893) — исследователя Сибири, имя которого носит остров в Карском море.

[123] ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1880. Д. 460. Л. 1 об., 3 об., 36.

[124] *Седов М. Г.* Указ соч. С. 205.

[125] Былое. 1906. № 4. С. 5.

[126] *Покровский М. Н.* Избр. произв.: В 4 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 463; *Лурье Ф. М.* Созидатель разрушения. СПб., 1994. С. 352; *Левандовский А. А.* Бомбисты // Родина. 1996. № 4. С. 56.

[127] РН. Т. 2. С. 174.

[128] Там же. С. 200, 212.

Нравственная сторона революционного дела всегда была предметом особой заботы ИК и всей партии. «Только строгое соблюдение высокого нравственного ценза дает нам возможность создавать революционную организацию», — писала газета «Народная воля»[129]. В предсмертном «Завещании» Александра Михайлова есть такие строки: «Завещаю вам, братья, заботиться о нравственной удовлетворенности каждого члена организации. Это сохранит между вами мир и любовь»[130].

Софья Перовская на процессе цареубийц вела себя сдержанно (хотя и с таким самообладанием и достоинством, что государственный секретарь Е. А. Перетц, наблюдавший за ней в дни суда, заключил: «Она должна владеть замечательной силой воли и влиянием на других»[131].) Во всяком случае, на политические выпады прокурора она не отвечала. Но попытка выставить народовольцев жестокими и безнравственными отщепенцами так ее возмутила, что она все свое — очень краткое «последнее слово» целиком употребила на отповедь этой попытке. «Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвинений я не буду ничего говорить, — я все их подтвердила на дознании, — но относительно обвинения меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости»[132].

«В истории русской мысли, — резонно заметил ее известный знаток, — возможно, не было другого течения, представители которого приписывали бы столь великое значение «нравственному фактору», как революционные народники»[133].

Конечно, в семье — не без урода: встречались среди народовольцев (иногда и в самом ИК) как исключения авантюрист Г. Г. Романенко, ренегат Л. А. Тихомиров, предатель Н. И. Рысаков, провокатор С. П. Дегаев. Но истинные герои «Народной воли», корифеи ее «Великого ИК», большей частью загубленные на эшафоте и в застенках царизма, отличались и в нравственном, и в деловом, и в прочих отношениях столь выдающимися достоинствами, что в любой цивилизованной стране были бы национальной гордостью. Это, в первую очередь, — блистательный самородок из крепостных крестьян, великолепный агитатор, трибун и организатор с интеллектом первоклассного государственного деятеля, прирожденный лидер Андрей Иванович Желябов[134]. Это — и бывший главный администратор «Земли и

---

[129] Литература партии «Народная воля». С. 216.

[130] Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933. С. 240.

[131] *Перетц Е. А.* Дневник (1880–1883). М., Л., 1927. С. 54.

[132] Дело 1 марта 1881 г. С. 349.

[133] *Малинин В. А.* Философия революционного народничества. М., 1972. С. 153.

[134] Недаром В. И. Ленин ставил Желябова в ряд таких «великих революционеров», как М. Робеспьер и Д. Гарибальди (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 226.) Подробнее о Желябове см. далее, в § 5 главы X.

воли», ее «Катон-Цензор», несравненный классик революционной конспирации Александр Дмитриевич Михайлов, который и в новой организации играл прежнюю роль вездесущего и всеведущего стража ее безопасности. Это, конечно же, — и Софья Львовна Перовская.

Активная участница трех самых крупных революционных организаций 70-х годов (Большого общества пропаганды, «Земли и воли» и «Народной воли»), пожалуй, самая обаятельная личность в народническом движении, его, по словам С. М. Кравчинского, «нравственный диктатор», Перовская именно в «Народной воле» обрела необычайную, только для нее характерную силу воздействия на окружающих. «Когда, — вспоминал о ней Кравчинский, — устремив на человека свой пытливый взгляд, проникавший, казалось, в самую глубину души, она говорила со своим серьезным видом: «Пойдем!» — кто мог ответить ей: «Не пойду»?»[135]. Все, кто знал Перовскую-народоволку, восхищались обаянием ее личности. В. Д. Лебедева (двоюродная сестра члена ИК «Народной воли» Т. И. Лебедевой) рассказывала о ней Льву Толстому: «Хрупкая, нежная, она оставила у меня впечатление яркого светлого метеора»[136]. «В ней, — вспоминал о Перовской Г. А. Лопатин, — было пропасть доброты, сердечности, скромности и всяческой женственности»[137]. Вместе с тем Софья Львовна «была требовательна и строга по отношению к товарищам-единомышленникам, а к политическим врагам — к правительству — могла быть беспощадной»[138]. О таких людях на Востоке говорят: «человек тверже камня, но нежнее розы». Личность с исключительно развитым чувством долга, Перовская превыше всего ставила верность — делу, товарищам, собственным убеждениям. Ее предсмертное письмо к матери (многократно опубликованное на разных языках мира) английский журнал «Атенеум» назвал «самым замечательным и трогательным из всех известных миру произведений эпистолярной литературы»[139]. «Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения, — написала перед казнью Перовская, — Поступать же против них я была не в состоянии, поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне»[140].

Рядом с трехзвездием Желябов — Перовская — Михайлов в составе Исполнительного комитета «Народной воли» действовали столь же выдающие-

---

[135] *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. М., 1972. С. 467. Не случайно Л. Н. Толстой воспринимал Перовскую, как «идейную Жанну д'Арк» (Современник. 1912. № 4. С. 179.)

[136] Современник. 1912. № 4. С. 179.

[137] Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 г. Л., 1977. С. 144.

[138] *Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 277.

[139] Atheneum. 1883. № 2893 (Цит. по: *Тарапута Е. Л.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 308).

[140] 1 марта 1881 г. Документы и воспоминания. Л., 1991. С. 295. Имя Перовской носит открытая советскими астрономами малая планета. Сегодня же наши «демократы» взапуски переиздают «роман» гитлеровского прислужника П. Н. Краснова «Цареубийцы», где Перовская изображена чудищем с «безобразными губами» и «выпученными глазами», которые смотрят «тупо», но горят «неистовой, лютой злобой». Этот монстр ползает в одной рубашке под землей, роет подкоп.

ся, хотя, кроме двух-трех, менее известные организаторы и практики революционного дела[141]. В числе организаторов (да и практиков) одно из первых мест занимал Николай Александрович Морозов — бывший «чайковец» и землеволец, заговорщик, террорист, публицист, автор ценнейшего 3-томника мемуаров, ученый-энциклопедист с тернистой судьбой (был осужден в 1882 г. по делу «20-ти» на вечную каторгу, провел 23 года в одиночных склепах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, после чего, освобожденный революцией 1905 г., плодотворно трудился еще больше 40 лет, стал почетным членом Академии наук СССР и умер 30 июля 1946 г. на 93-м году жизни *последним* из революционеров-народников)[142].

Замечательными организаторами были также герои «хождения в народ» и зачинатели политического направления в «Земле и воле» Александр Александрович Квятковский и Степан Григорьевич Ширяев. Оба они стали центральными фигурами процесса «16-ти» (1880 г.) — первого суда над партией «Народная воля», — и оба были приговорены к смертной казни: Квятковского повесили, а Ширяеву заменили казнь вечной каторгой, столь убийственной, что он не прожил там и одного года. Далее, в первом ряду народовольцев-организаторов блистали: руководитель московской группы «Народной воли», «народовольческий московский генерал-губернатор», по выражению В. Я. Богучарского, Петр Абрамович Теллалов (грек по национальности), тоже осужденный на смертную казнь — по процессу «17-ти» в 1883 г.[143]; главы Военной организации «Народной воли» Николай Евгеньевич Суханов и Александр Викентьевич Буцевич (речь о них шла в предыдущем разделе) и две замечательные женщины, о которых тоже подробно говорилось ранее, — Вера Николаевна Фигнер и Мария Николаевна Ошанина. Из них Суханов, Буцевич и Фигнер были приговорены на разных процесах к смертной казни[144], Ошанина эмигрировала.

Среди практиков выделялись в ИК четверо: Михаил Федорович Фроленко — революционный удалец, сумевший десять лет кряду, находясь при этом на первом плане и ни разу не подвергнувшись аресту, инициативно участвовать во множестве рискованных актов на всех этапах движения[145] и лишь в марте 1881 г. был арестован и приговорен по делу «20-ти» к смертной казни («милостью» царя казнь была заменена вечной каторгой, кото-

---

[141] Специальных теоретиков среди народовольцев не было (о Л. А. Тихомирове речь пойдет особо). Вопросами революционной теории занимались многие члены и агенты ИК: А. И. Желябов, Н. А. Морозов, А. И. Зунделевич, В. С. Лебедев, Г. А. Лопатин и даже «техник» Н. И. Кибальчич.

[142] Имя Н. А. Морозова носят малая планета-астероид Морозовия и кратер на обратной стороне Луны.

[143] После замены виселицы пожизненной каторгой Теллалов, как и Ширяев, прожил меньше года.

[144] Фигнер и Буцевичу смертный приговор был заменен вечнокаторжным, после чего Буцевич прожил два года. Фигнер вышла на свободу через 20 лет.

[145] Увез из жандармских казарм в Одессе арестованного «чайковца» В. Ф. Костюрина, вывел из Киевской тюрьмы узников — «чигиринцев» Я. В. Стефановича со товарищи, экспроприировал из Херсонского казначейства 1,5 млн. руб. на революционные нужды и т. д.

рую Фроленко отбывал больше 23 лет — до революции 1905 г.); Михаил Федорович Грачевский — фанатически целеустремленный герой и мученик «Народной воли», «человек-факел», который осенью 1887 г. в Шлиссельбургской крепости — после того, как за три года в ней погибли 22 узника, — покончил с собою мучительным, но символическим для революционера способом (сжег себя!) и ценой такого самопожертвования заставил царизм смягчить шлиссельбургский режим, что позволило некоторым узникам (среди них — Морозову, Фигнер, Герману Лопатину, Фроленко) в конце концов выйти на волю; Николай Николаевич Колодкевич — один их самых авторитетных (ныне забытых) корифеев «Народной воли» и «самых выдающихся по своей нравственной чистоте», «совершенно идеальных людей» с «особым, чарующим обаянием»[146], известный в то время всем революционерам и жандармам империи под кличкой «Кот-Мурлыка»; Арон Исаевич Зунделевич, который и в «Народной воле» выполнял прежние, «землевольческие» обязанности своеобразного «министра иностранных дел» и, кроме того, вникал в каждое практическое дело ИК как исполнитель или даже инициатор.

Что касается Льва Александровича Тихомирова, то его совершенно особая судьба требует и особого разговора. В российской истории, столь богатой идейными перевертышами, все-таки мало примеров такого жизненного кульбита: поборник, отчасти даже разработчик самой антицаристской идеологии перешел на службу к царизму и написал книгу, которую поныне считают «основой монархического мышления»[147]; редактор подпольных, самых революционных в России газет «Земля и воля» и «Народная воля» стал редактировать черносотенную газету «Московские ведомости». Политическое ренегатство Тихомирова 1888 г. современники восприняли как сенсацию, но вскоре осознали его закономерность. Сказалась и религиозная закваска Тихомирова (в роду его со времен Павла I насчитано больше 200 попов, дьячков и прочего церковного люда)[148], а главное, зыбкость его идейного и душевного склада. Вера Фигнер свидетельствовала, что он был «человек безвольный и бесхарактерный: он поддавался влияниям, которые могли поднимать его на высоты или спускать в низины»[149]. Здесь, что называется, и «собака зарыта»: пока революционное народничество шло в гору, Тихомиров оставался вместе с ним на высоте, но когда оно было разгромлено, у Тихомирова не нашлось сил для дальнейшей борьбы, и он скатился в низину реакции.

Роль Тихомирова в «Народной воле» обычно недооценивается, поскольку (вольно или невольно) рассматривается сквозь призму его последующего ренегатства. В. Н. Фигнер и В. А. Твардовская называли его «рупором», а

---

[146] Фигнер В. Н. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 1. С. 240; Т. 4. С. 150; Т. 5. С. 128.
[147] От издательства // Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 3.
[148] *Бах А. Н.* Записки народовольца. М., 1931.С. 204.
[149] *Тихомиров Л. А.* Воспоминания. С. XXXVI.

Н. С. Русанов — даже «громкоговорителем» Исполнительного комитета[150]. Думается, более точно выразилась А. П. Корба: Тихомиров в ИК «исполнял роль статс-секретаря»[151]. Конечно, он не был генератором идей ИК, но не был и просто рупором. Тихомиров творчески участвовал в коллективном труде над программой «Народной воли», вполне разделял ортодоксально-народовольческие идеи и талантливо формулировал их в программных документах партии.

После 1 марта 1881 г. состав ИК и его роль как руководящего центра «Народной воли» существенно изменились — в худшую сторону. В послемартовском его пополнении (когда уже выбыли из строя Желябов, Перовская, Михайлов, Колодкевич, Морозов, Фроленко, Ширяев, Квятковский, Зунделевич, Суханов...) не оказалось равноценной замены кому-либо из выбывших. Единственное исключение — желябовского масштаба — представил собой член созданного в январе 1884 г. нового ИК Герман Александрович Лопатин. Он ненадолго (до своего ареста 6 октября 1884 г.) возглавил не только ИК, но и всю партию. Поэтому весь этот короткий период в истории «Народной воли» называют «лопатинским».

Герман Лопатин — один из самых замечательных россиян XIX в. Щедро одаренный от природы, энциклопедически образованный (бегло говорил на многих языках), с философским и государственным складом ума, заслуживший блеском и разнообразием своих талантов восхищение таких людей, как К.Маркс, И. С. Тургенев, Г. И. Успенский, А. М. Горький[152], он отличался невероятной энергией, предприимчивостью, магическим дарованием пропагандиста, агитатора и организатора. «Прирожденный вождь революции, второй Желябов», — говорили о нем современники[153].

До сих пор речь шла о наиболее выдающихся *членах* ИК Из агентов же Комитета особенно выделялись двое, каждый из которых в своей области был гениален: это — общепризнанный технический гений Николай Иванович Кибальчич и поныне недооцененный гений разведки Николай Васильевич Клеточников. Кибальчич стал провозвестником космической эры, первым в мире (за 15 лет до К. Э. Циолковского) разработав — в камере смертника! — проект летательного аппарата с реактивным двигателем. «Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении, — писал Кибальчич о своем проекте перед казнью. — Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную

---

[150] *Теодорович И. А.* Постскриптум // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 102; Твардовская В. А. Н. А. Морозов в русском освободительном движении. С. 97.

[151] *Прибылева-Корба А. П.* Указ. соч. С. 57.

[152] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. С. 403; *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1965. Т. 10. С. 331; *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 13. С. 207–208; Т. 14. С. 587–589; Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 9. С. 80.

[153] *Мельгунов С. П.* Встречи // Былое. 1920– 1921. С. 95.

услугу родине и человечеству»[154]. Царизм, однако, казнив Кибальчича, проект его схоронил в архиве, откуда он был извлечен лишь в 1917 г. и признан «исполнимым». Что касается Клеточникова, то он был «ангелом-хранителем» не только для революционеров, но и для всех вообще «неблагонадежных», предупреждая их о доносах, грозящих обысках и арестах, и потому имел право заявить на суде перед вынесением ему смертного приговора: «Я служил русскому обществу, всей благомыслящей России»[155].

Таковы были деятели Исполнительного комитета «Народной воли». «Что за красочные, сильные индивидуальности! — восклицал их идейный противник чернопередел О. В. Аптекман. — Все смелые, стойкие, волевые, самоотверженные <...> Лучшие силы революционной среды, отбор самых испытанных»[156]. Повторю сказанное: в любой цивилизованной стране такие люди были бы гордостью нации. В царской России они стали «государственными преступниками» и подверглись жесточайшим репрессиям. Из 57 членов и агентов ИК (45 членов и 12 агентов 2-й степени[157]) 30 человек были осуждены на смертную казнь[158] и 12 — на каторгу от 4-летней до пожизненной, а избежали репрессий только 10: 8 из них эмигрировали, В. В. Зеге фон Лауренберг умер своей смертью, Н. А. Саблин застрелился. Еще 5 членов ИК «отделались» ссылкой в Сибирь.

---

[154] Былое. 1918. № 4–5. С. 115. Сегодня имя Кибальчича, как и Н. А. Морозова, носит кратер на обратной стороне Луны.

[155] Литература партии «Народная воля». С. 183.

[156] «Черный передел». Орган социалистов-федералистов (1880–1881). М., Пг., 1923. С. 7.

[157] Кибальчич, Клеточников, Г. М. Гельфман, А. К. Пресняков, Н. А. Саблин, Т. М. Михайлов, Л. Н. Гартман, П. С. Ивановская, А. Б. Арончик, Н. А. Желваков, Н. М. Рогачев, А. П. Штромберг.

[158] 15-ти из них виселица была заменена пожизненной каторгой, где почти все они погибли.

Глава X

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» ПРОТИВ САМОДЕРЖАВИЯ

10.1. Пропаганда, агитация, мобилизация

В полном согласии со своей программой «Народная воля» развернула главным образом *пропагандистскую, агитационную* и *организаторскую* деятельность во всех слоях населения России, включая ее национальные окраины. При этом народовольцы, хотя и держались общенароднического тезиса о крестьянстве как «главной народной силе», уже не верили в революционную инициативу крестьянства и потому, не желая «биться около народа, как рыба об лед»[1], сместили акцент в своей революционной практике с крестьян на рабочих, военных, учащуюся молодежь. Это не значило, что они вообще свернули работу среди крестьян, как полагают авторы даже серьезных исследований[2]. Просто теперь «Народная воля» уделяла крестьянам меньше внимания, чем ее предшественники в 1874—1878 гг., но все же часть своих сил и средств (неизмеримо больших по сравнению с предшественниками) направляла в деревню. Она считала, что, с одной стороны, «первая удача в городе может подать сигнал к бунту миллионов голодного крестьянства» и что, с другой стороны, «даже временный успех восстания в городах не окончится победой, если крестьянство сочувственным встречным восстанием не поддержит дела городов»[3].

Поэтому газета «Народная воля» (центральный орган партии) в каждом номере, с первого до последнего, писала о положении и настроении крестьянства. Исполнительный комитет и местные организации «Народной воли»

---

[1] Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 4.

[2] См.: *Антонов В. Ф.* Революционное народничество.М., 1965. С. 240; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1983. С. 273; *Карпачев М. Д.* Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е — нач. 80-х гг.) Воронеж, 1985. С. 204—205.

[3] Литература партии «Народная воля». С. 109.

в специальных листовках разъясняли крестьянам, что «черный передел сделается самим народом, а на царей надеяться нечего»[4], призывали «собираться всем миром» и посылать к царю ходоков со своими требованиями, а если царь их не «уважит», идти «на смертный бой против злодеев народных»[5]. Такие листовки распространялись «пудами» и «тюками» (из рук в руки, по почте, расклейкой на заборах и стенах домов, в селах, на полях, огородах, постоялых дворах, в «питейных заведениях») среди крестьян Петербургской, Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Нижегородской, Казанской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Тульской, Уфимской, Киевской, Харьковской, Одесской, Полтавской, Черниговской, Таврической, Эстляндской губерний и Области войска Донского[6].

Для пропаганды среди крестьян-старообрядцев и сектантов «Народная воля» учредила т.н. «Христианское братство», целью которого провозглашалась «борьба с нынешним правительством и низвержение нынешних порядков». От имени этого «братства» народовольцы пытались поднять на борьбу против «сатанинской силы» царизма сектантов и старообрядцев Тверской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерний[7].

Судя по документам и «Народной воли» и царского сыска, народовольческая пропаганда находила среди крестьян сочувственный отзвук, вызывая (или усиливая начавшееся ранее) брожение. Так, в Петровском и Сердобском уездах Саратовской губернии крестьяне собирали сельские сходы для чтения прокламаций «Народной воли», а в одном селе, «когда волостной писарь, чтобы предотвратить чтение прокламации на сходе, изорвал ее, то его сильно избили»[8]. Волновались под впечатлением народовольческих прокламаций также крестьяне Воронежской, Тамбовской, Орловской и других губерний, причем, как это констатировал в конце 1881 г. Департамент полиции, «во многих местах»[9]. Под влиянием и, видимо, не без участия народовольцев вспыхнуло в марте 1881 г. самое крупное за 1870–1880-е годы возмущение крестьян Бежецкого и Весьегонского уездов Тверской губернии. Это восстание, участники которого (не менее 3 тыс. только в Бежецком уезде) избивали помещиков, чиновников, полицейских, было подавлено лишь с применением регулярных войск[10].

---

[4] *Эвенчик С. Л.* Из истории народовольческой пропаганды среди крестьянства после 1 марта 1881 г. //Общественное движение в пореформенной России. М., 1965. С. 108.

[5] РН. Т. 2. С. 234, 240.

[6] См.: *Эвенчик С. Л.* Указ. соч. С. 108; Волк С. С. «Народная воля» (1879–1882). М., 1966. С. 369–373; *Серебренникова В. Г.* О народовольческих листовках «социалистов черноземной полосы» //Из истории общественно-политического движения в России XIX в. М., 1967.

[7] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 378–380.

[8] Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг. М., 1960. С. 70.

[9] *Эвенчик С. Л.* Указ. соч. С. 116–119.

[10] См. о нем: *Виноградов В. А.* К вопросу о влиянии борьбы народовольцев на крестьянские настроения в губерниях Верхневолжья // Освободительное движение в России. Саратов, 1981 Вып. 10. В. А. Виноградов выявил только по четырем губерниям Верхневолжья

В ряде мест народовольческие прокламации «разносились из городов самими же мужиками»[11]. Случалось даже, что крестьяне подавали *официальные прошения* на имя ИК «Народной воли»[12]. Но все эти сочувственные отклики на борьбу народовольцев затрагивали лишь очень малую часть «глуховолнующихся» (по выражению народовольца В. Г. Иванова) крестьянских масс.

Исполнительный комитет заботился и об организационной стороне своего «крестьянского дела». Хотя создать особую *сельскую* организацию «Народной воли», по примеру рабочей, военной и студенческой, не удалось (у ИК не хватило на это ни сил, ни времени), дело к этому шло. Например, из Петербурга периодически засылались в деревню как «проводники революционных идей» наиболее сознательные рабочие, а в Москве П. А. Теллалов готовил специальную группу для агитации среди крестьян[13].

Так выглядела самая слабая сторона революционной практики «Народной воли». Во много раз масштабнее и плодотворнее была ее деятельность в городах. Здесь народовольцы энергично занимались рабочими. С. С. Волк полагает, что «Народная воля» вначале не придавала значения «рабочему делу», прервав таким образом традицию «чайковцев», «москвичей», землевольцев, и лишь под впечатлением неудач «красного» террора обратилась к рабочим[14]. С. Л. Эвенчик опровергла эту точку зрения, доказав, что и в теории и на практике народовольцы с первых своих шагов рассматривали участие рабочих в революции как одно их главных условий победы[15]. Отводя военным и студентам роль застрельщиков, а рабочим — ударной силы на первом этапе революции, «Народная воля» считала, что рядом с пропагандой и агитацией среди рабочих «должна идти организация рабочих масс, имеющая целью сплотить их, развить в них сознание единства и солидарности интересов»[16]. Именно так и строилась вся деятельность Рабочей организации народовольцев. Придавая особое значение этой деятельности, ИК принял даже специальную «Программу рабочих, членов партии «Народная воля»», автором которой был А. И. Желябов.

В Петербурге «Народная воля» создавала рабочие кружки фактически на всех промышленных предприятиях: в частности, на заводах Обуховском, Семянниковском, Балтийском, Чугунолитейном, Патронном, Вагонном, Нобеля, Фридланда, Голубева, Лесснера, Берда и др[17]. В Москве народовольческой пропагандой были охвачены примерно 30 предприятий, включая

больше 1000 не учтенных ранее крестьянских волнений 1870–1880-х (главным образом 1879–1881) гг.

[11] Литература партии «Народная воля». С. 145.

[12] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 382.

[13] См. там же. С. 368–370.

[14] См. там же. С. 278–279.

[15] *Эвенчик С. Л.* Вопрос о рабочих в «Народной воле» // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1970. № 359. С. 216–219.

[16] РН. Т. 2. С. 181.

[17] См.: *Панкратов В. С.* Из деятельности среди рабочих в 1880–1884 гг. // Былое. 1906. № 3. С. 239.

заводы Бромлея, Доброва, Липгарта, Гоппера, Прохоровскую мануфактуру и мастерские Московско-Смоленской железной дороги[18]. Широко по тому времени развертывалась пропаганда среди рабочих в Киеве (с охватом почти всех железнодорожных пунктов от Киева до Одессы) и в Одессе (с воздействием на рабочие кружки Херсона, Севастополя, Симферополя). Заводились связи с рабочими не только в крупных фабрично-заводских центрах, как Рига, Нижний Новгород, Ростов на Дону, но и в малых городах — в Елизаветграде, Кременчуге, Тагиле[19].

Испытанным оружием пропаганды и агитации служила народовольцам, прежде всего, их собственная печать — прокламации и «Рабочая газета». Например, в деревнях Казанской, Саратовской и других губерний жандармы находили у крестьян напечатанную 24 августа 1881 г. в Петербурге прокламацию ИК «Русскому рабочему народу». В ней говорилось: «Итак, рабочие, вы производите все богатства на свете, а сами живете без копейки за душой. Вашим трудом держатся и царь, и чиновник, и купец с барином, и они же вас презирают. Неужели это справедливо, неужели такой порядок век стоять будет? Русские рабочие! Все зло происходит оттого, что правительство наше никуда не годится <...> Мы решили теперешнее правительство низвергнуть, а на место его устроить другое, из выборных от крестьян, от рабочих, от всего народа»[20]. Так же доходчиво разъясняла идеи «Народной воли» «Рабочая газета». В ней под рубрикой «Рабочее житье-бытье» печатались материалы о жизни «низов» («полиция, хоть и высылает нищих тысячами из города [Петербурга], все же не может очистить улиц от них») в сравнении с жизнью «верхов» («подданные мрут голодной смертью, а повелитель их Александр II покупает для любовницы своей, княгини Долгорукой, Михайловский дворец за миллион рублей слишком»). Вывод звучал набатом: «Товарищи рабочие! Пора взяться за ум, пора призвать к ответу своих притеснителей, разорителей, пора русскому народу взять управление делами в свои руки!»[21]

В пропагандистских беседах с рабочими народовольцы затрагивали любые темы: «и вращение Земли вокруг Солнца, и происхождение видов, и Французская революция, и община, и артель, и ассоциация, и Оуэн и многое другое»[22]. Но, безусловно, главной была революционная тема. Так, судя по данным царского сыска, на занятиях в рабочих кружках по истории «рекомендовалось выставлять возможно ярче темные стороны правительственного строя и клонить дело к отрицанию власти монарха и к утверждению народного самоуправления, причем обращать внимание на те эпохи, которые ознаменовались сильным поднятием народного духа, как то: эпоха

---

[18] См.: *Волков Н. [Майнов И. И.]* Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г. // Былое . 1906. № 2. С. 179.

[19] Подробно об этом см.: *Волк. С. С.* Указ. соч. С. 295–299.

[20] РН. Т. 2. С. 238, 239.

[21] Литература партии «Народная воля». С. 285, 287, 295.

[22] *Дрей М. И.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энц. словарь Гранат. М., 1989. С. 83.

смутного времени, бунтов Стеньки Разина и Пугачева и т. п.»[23] Народовольцы знакомили рабочих с историей Французской революции XVIII в. и Парижской Коммуны 1871 г., изучали с ними «Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля» Н. Г. Чернышевского и трактат Ф. Лассаля «Труд и капитал», давали им читать историко-революционные романы «1793 год» В. Гюго, «История одного крестьянина» Э. Эркмана — А. Шатриана, «Один в поле не воин» Ф. Шпильгагена, с 1882 г. приступили к распространению «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса в русском переводе Г. В. Плеханова[24]. Все это просвещало рабочих, революционизировало их, помогало народовольцам разрушать в рабочем состоянии, как выразилась С. Л. Перовская, «въевшуюся идею царского авторитета»[25].

Что касается *организации* рабочих, то народовольцы не довольствовались созданием кружков, боевых дружин и касс взаимопомощи. Они участвовали и в рабочих стачках. Вождь «Народной воли» Андрей Желябов хорошо понимал, что в России «стачка есть факт политический»[26]. Народовольцы очень старались (хотя и не всегда успешно) возглавить стихийно вспыхнувшие или даже организовать стачки, помогали стачечникам формулировать требования, обеспечивать материальную взаимопомощь. Главным образом это происходило, конечно же, в Петербурге — на Семянниковском, Балтийском, Александровском заводах, судостроительном заводе Голубева и др. Но, по данным, которые еще к 1912 г. собрал В. Я. Богучарский, народовольцы участвовали в стачках рабочих Москвы (фабрики Шредера, Каверина, Бровкина), Московского уезда (фабрика Диля), Коломенского уезда (фабрика Щербаковых), Иваново-Вознесенска (фабрика Зубкова), Серпухова, Воронежа, Киева, железнодорожных станций Шахной, Гуслиц, Дрезна[27]. Саратовская рабочая группа «Народной воли» в конце 1880 г. попыталась организовать даже демонстрацию «трудового населения»[28]. Все это должно было, по расчетам народовольцев, вовлечь рабочих в массовое революционное движение, укрепив при этом их профессиональную солидарность и боевой дух.

У советских историков принято было упрекать народовольцев в том, что они недооценивали историческую роль пролетариата. «Решающего вывода марксизма о революционном предназначении пролетариата, о его созидательной роли как строителя коммунизма, они не признавали, — констатировал С. С. Волк. — Классовых задач перед пролетариатом они не выдвига-

---

[23] РН. Т. 2. С. 274.

[24] См.: *Волк С. С.* Указ. соч. С. 301–302.

[25] *Ивановская П. С.* Первые типографии «Народной воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 50.

[26] *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1927. Т. 24. С. 137.

[27] *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. М., 1912. С. 128.

[28] Исторические записки. 1960. Т. 67. С. 126–127.

ли, об организации рабочей партии не думали. Они допускали рабочих на роль военного авангарда революции, но не на роль ее гегемона»[29].

Здесь важно иметь в виду, что народовольцы поставили перед Россией *общедемократическую* задачу борьбы против самодержавия. В решении этой задачи был заинтересован весь российский народ. Народовольцы не были марксистами и потому не ставили перед соотечественниками классовых задач. Они выступали от имени *народа*, а рабочий класс понимали как более восприимчивую к революционным идеям, развитую и активную, но небольшую и, в целом, менее значимую, чем крестьянство, *часть* народа. В российской действительности 1870-х годов, когда рабочий класс только формировался, такой взгляд на его предназначение был оправдан.

Не меньшую, чем рабочим, а пожалуй даже большую роль в момент революционного переворота народовольцы отводили армии. Программный документ «Подготовительная работа партии» (весна 1880 г.) гласил: «Можно сказать, что, имея за себя армию, можно низвергнуть правительство даже без помощи народа, а имея армию против себя, ничего, пожалуй, не достигнешь и с поддержкой народа»[30]. До возникновения «Народной воли» народники почти не занимались военными связями. В отчетном докладе царю за 1879 г. военный министр Д. А. Милютин еще имел основания заявить, что среди государственных преступников «военнослужащие составляют едва заметное исключение»[31]. «Народная воля» признала революционную работу в армии одной из главных своих забот. Оно и понятно. Выдвинув на первый план политическую борьбу с царизмом, народовольцы должны были рассудить, что победа в этой борьбе без использования армии невозможна.

С. С. Волк почему-то считает, что «к созданию Военной организации народовольцы приступили лишь осенью 1880 г.» после «целого года безуспешных террористических попыток»[32]. Между тем, в широко известных (использованных кстати, и в монографии Волка) воспоминаниях Э. А. Серебрякова подробно рассказано о том, как А. И. Желябов, Н. Н. Колодкевич, Н. Е. Суханов вели пропаганду среди морских офицеров и вовлекали их в антиправительственные конспирации с осени 1879 г., т.е. с первых же шагов «Народной воли» и независимо от ее «террористических попыток»[33]. Вот как, в частности, вспоминал Серебряков о впечатлении, которое произвел на офицеров впервые выступивший перед ними Желябов: «Первый раз мне пришлось увидеть, что может сделать талантливый оратор со своими слушателями. Позови в тот вечер Желябов все присутствовавшее офицерство на какое угодно предприятие — все пошли бы»[34].

Вообще народовольческая пропаганда встречала среди офицерства гораздо большее сочувствие, чем это могло быть каких-нибудь три-четыре

---

[29] *Волк. С. С.* Указ. соч. С. 310–311.
[30] РН. Т. 2. С. 181.
[31] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 30. Л. 49.
[32] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 315.
[33] *Серебряков Э. А.* Революционеры во флоте. Пг., 1924. С. 34–37.
[34] Там же. С. 34–35.

года назад. Дело в том, что обычные тяготы жизни русских офицеров (гнет самовластия, материальная нужда, подневольное выполнение карательных функций внутри страны) стали вдвойне нетерпимыми после войны 1877–1878 гг. с Турцией. «Я с восторгом отправился на войну ради освобождения славян, – говорил на процессе «14-ти» член Военной организации «Народной воли» штабс-капитан Н. Д. Похитонов[35].– < > Вернувшись в Россию из освобожденной Болгарии, что я встретил? Полнейшее бесправие, произвол и казни, словом – страшный контраст. Я решил, что всему причиною существующий строй, и поэтому вступил на путь революции»[36]. К такому решению тем же путем приходили тогда многие русские офицеры[37].

Как и для рабочих, «Народная воля» подготовила специальную «Программу Военно-революционной организации» (конец 1881 – начало 1882 г.) Программа нацеливала организацию на один из двух возможных вариантов ее участия в революции: либо присоединение к народному восстанию, либо военная «инсуррекция» как пролог и начало восстания масс[38]. Организация, согласно программе, формировалась исключительно из офицеров и вела революционную пропаганду только среди них, ибо «та тяжелая, господствующая в нашей армии дисциплина, которая уничтожает в солдате во время официального и даже частного разговора его с офицером самый человеческий образ, лишает офицеров возможности деятельной пропаганды между нижними чинами»[39]. Впрочем, здесь же сказано, что «пропаганду между солдатами могут с успехом вести» рабочие, а офицеры должны приобретать «популярность и уважение среди солдат, что легко достигается гуманным отношением с ними».

Военная организация «Народной воли» пережила гибель «Великого ИК» и закат партии. Деятельность ее была многообразной. Обычно народовольцы начинали пропаганду среди офицеров той или иной части или учреждения, а затем сами офицеры приобщались к пропаганде в собственной среде. Самым действенным оружием пропаганды среди военных (как и среди рабочих) были в руках народовольцев их прокламации. Наибольший успех из них имела прокламация ИК «Офицерам русской армии» от 24 августа 1881 г. с такими строками: «Перед вами только два пути: вы можете стать освободителями своего народа, или же его палачами»[40]. Эта главным образом, а также другие прокламации «Народной воли» летом и осенью 1881 г. распространялись, по розыскным данным, в гарнизонах более 20-ти городов

---

[35] Николай Данилович Похитонов (1857–1897) был другом семьи академика Владимира Ивановича Вернадского. «Я не знал лучше личности, глубже ума, добрее сердца, – вспоминал о Похитонове Вернадский, – и не было человека, более на меня имевшего влияние, исключая моего дяди да отца» (Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 296.)

[36] ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во. 1884. Д. 747. Ч. 21. Л. 30 об., 31.

[37] См. об этом: *Ашенбреннер М. Ю.* Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860–1904). М., 1924. С. 65–66, 71.

[38] РН. Т. 2. С. 196.

[39] Там же. С. 197.

[40] Там же. С. 243.

и в трех военных академиях (Николаевской Генерального штаба, Михайловской артиллерийской и Военно-юридической)[41].

Наряду с прокламациями офицеры получали от народовольцев, читали и распространяли обычную в пропагандистском арсенале народников литературу — от К. Маркса и П. Прудона до В. В. Берви-Флеровского и Н. Г. Чернышевского. Все это они развозили под видом служебных командировок и отпусков буквально по всей стране, пользуясь тем, что военный мундир был тогда еще вне подозрений. Те же командировки офицеры использовали и для дела, еще более важного и трудного, чем пропаганда, — для организации и проверки революционных кружков в армии. Так, член Военно-революционного центра «Народной воли» поручик Н. М. Рогачев в начале 1882 г. был командирован из Петербурга в Москву, Орел, Смоленск, Витебск, Динабург, Ригу, Митаву, Либаву, Вильно и Минск и «почти во всех указанных городах» организовал кружки[42]. Подполковник М. Ю. Ашенбреннер в 1882 г. объединил ряд офицерских кружков на Юге России в т.н. Южный областной военный центр, а в начале 1883 г. предпринял за счет отпускного времени инспекционную поездку по Северо-Западу (Рига, Псков, Минск, Вилькомир, Усть-Двинск, Смоленск), проверяя дееспособность местных кружков.

Судя по числу офицерских кружков (напомню: не меньше 50-ти в 41, как минимум, городе) и по количеству их участников (до 400), Военная организация «Народной воли» вовлекла в революционное движение небывало значительную для России часть офицерства. Н. М. Рогачев смело говорил на следствии по делу «14-ти» об «огромных размерах» организации: «я, вероятно, не ошибусь, если скажу, что во всяком большом городе есть один (а в некоторых и несколько) военный кружок, что во всех частях войска есть масса офицеров, готовых немедленно вступить в партию <...>»[43] Другой член Военной организации В. В. Луцкий в марте 1882 г. писал П. Л. Лаврову: «Агитация в войсках идет особенно успешно — настолько, что партия считает возможным даже теперь произвести захват власти; «стоит только нажать пружину», говорят они и откладывают этот акт лишь для того, чтобы еще укрепиться и подготовиться»[44].

Власть предержащие столь неожиданным явлением армейской «крамолы» были озадачены и напуганы. Вел. кн. Константин Николаевич (брат Александра II) в письме к своему биографу А. В. Головнину от 28 июня 1882 г. панически недоумевал по поводу «списка морских офицеров, замешанных в политических делах»: «Что же это значит, что это за поветрие такое? И откуда это взялось, откуда этот дух между моряками, чего никогда не бывало? Несказанно грустно и совершенно для меня непонятно»[45].

---

[41] См.: ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881 . Д. 950.

[42] РН. Т. 2. С. 298 (показание Н. М. Рогачева по делу «14-ти»)

[43] Там же. С. 292.

[44] Цит. по: *Годунова Л. Н.* Военная организация народовольцев // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 124.

[45] РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 52. Л. 57.

Спустя два года М. Н. Катков в своей газете (которую современники называли «русской литературной полицией») нагнетал охранительную истерию: «Особенно возмутительно появление более или менее значительных военных чинов в этой шайке. Не поведут ли дальнейшие розыски, боже сохрани, еще повыше?! Возмутительное, потрясающее дело!»[46]

В революционной практике Военная организация «Народной воли» не проявила себя адекватно ее масштабам и силе. Террором она вообще не занималась, если не считать личного участия Н. Е. Суханова в приготовлениях к цареубийству 1 марта 1881 г. Главной ее заботой было накопление сил, в ходе которого она строила настолько крупные планы, что по ним можно судить, сколь велики были ее возможности. Так, по словам А. В. Буцевича, реальным, «основанным на точном расчете, на знании военных порядков и умении выбрать слабое место для удара» был внешне фантастический план Военно-революционного центра, по которому предполагалось «обезоружить приблизительно в один и тот же час всю русскую армию»: то был час пасхальной заутрени, когда воинские казармы оставались почти без охраны, а солдат уводили в церкви[47]. Впрочем, этот план показался народовольцам недостаточно радикальным, и они перешли к вариантам, связанным с арестом царской семьи и захватом столицы.

В январе 1881 г. ИК обсуждал вариант ареста всей царской фамилии, когда она соберется на церковную службу в Петропавловском соборе. «Выяснилось, — вспоминал Л. А. Тихомиров, — что у нас в караулах [Петропавловской] крепости бывало иногда большинство своих офицеров. План казался не невозможным и, конечно, обещал в тысячу раз больше, чем убийство Александра II, однако был все-таки отклонен»[48]. Почему ИК отклонил этот план, Тихомиров не объяснил. Может быть, дело не только в том, что народовольцы тогда увлеклись форсированной подготовкой цареубийства, но и в том, что их Военно-революционный центр предлагал новые планы, из которых каждый следующий казался выигрышнее предыдущего. Так, майор Н. А. Тихоцкий с группой офицеров готовил арест царской семьи на только что отстроенной императорской яхте «Александрия». «Государь с великими князьями должны были ее (яхту. — *Н. Т.*) осматривать, — вспоминала об этом со слов Тихоцкого его сестра, — и в это время находившиеся там военные и почетный караул арестовали бы государя и великих князей, тут же заставили бы его подписать отречение от престола, затем назначили бы временное правительство. Государя должны были судить судом народным»[49].

Еще более дерзкие замыслы предлагали А. И. Желябов и А. В. Буцевич. Желябов первым, еще до марта 1881 г. (он был арестован 27 февраля), выступил на заседании Военно-революционного центра с планом вос-

[46] Московские ведомости. 1884. 14 октября. С. 3.
[47] *Ашенбреннер М. Ю.* Указ. соч. С. 95—96.
[48] Цит. по: *Годунова Л. Н.* Указ. соч. С. 122.
[49] ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 649. Л. 2 об.

стания и захвата столицы: военные суда во главе с офицерами-народовольцами должны были атаковать Петербург с моря, в то время как рабочие, студенты и «прочий люд», заранее подготовленные и вооруженные, восстали бы в самом городе. По данным царского сыска, одни члены Центра сомневались в осуществлении такого плана, другие говорили о «полной возможности исполнить» его[50]. Буцевич уже после ареста Желябова развил этот план. Весной 1882 г. только в Кронштадте он «рассчитывал на два морских экипажа (около 8 тысяч человек) и на два небольших броненосца, а также на гарнизон девяти крепостных фортов»[51]. Вероятно, периферийные кружки Военной организации тоже рассчитывали на местные гарнизоны. По свидетельству Н. М. Рогачева, в конце 1881 г. организация решила распространить свои действия «на все части войска, расположенные в европейской России»[52]. Располагая такими возможностями, Военно-революционный центр одобрил план Буцевича в двух вариантах. Вот как излагал их, со слов Буцевича, М. Ю. Ашенбреннер[53].

«Предполагалось, во-первых, захватить кронштадтскую крепость с фортами и попытаться привлечь к восстанию гарнизон в несколько десятков тысяч и значительную часть броненосного флота, хотя бы не сразу, выкинуть красное знамя и атаковать Петербург; или, во- вторых, в день майского парада (на Марсовом поле. — *Н. Т.*) арестовать в виду всей гвардии царя, Николая Николаевича, Владимира Александровича и др. и всю царскую свиту и, если будет возможно, отвести их к двум миноносцам, которые к этому моменту подплывут поближе к Марсову полю, а затем заключить их в кронштадтских фортах; если же будет невозможно отступить с пленными под прикрытие боевых рабочих и студенческих дружин с бомбами, вследствие вмешательства гвардии, то истребить царя со свитой и погибнуть[54]. Разумеется, таковое выступление обусловливалось разрешением и содействием Исполнительного комитета, который составил бы Временное правительство и повел бы переговоры».

Арест (4 июня 1882 г.) «главнокомандующего» Буцевича затруднил, но не остановил работу офицеров-народовольцев над его планом. Однако еще через полгода последовала грандиозная провокация С. П. Дегаева, «и в то время, когда разрабатывали детально этот план, мы все чуть не поголовно были преданы Дегаевым»[55].

---

[50] Цит. по: *Годунова Л. Н.* Указ. соч. С. 121.

[51] *Ашенбреннер М. Ю.* Указ. соч. С. 97.

[52] РН. Т. 2. С. 291.

[53] Далее цит.: *Ашенбреннер М. Ю.* Указ. соч. С. 97. Другие подробности того же плана см. в неопубликованном письме Ашенбреннера к В. Я. Богучарскому (РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 260. Л. 1) и в его автобиографии (Деятели СССР и революционного движения России. Энц. словарь Гранат. М., 1989. С. 23.)

[54] В указанном письме Ашенбреннера к Богучарскому читаем: повстанцы «должны были окружить и арестовать царя со свитою, провозгласив, что вслед за попыткой отбить пленных пленники будут истреблены».

[55] *Ашенбреннер М. Ю.* Автобиография. С. 23.

О *дегаевщине* речь пойдет особо, в § 5. Здесь же необходимо уточнить вывод С. С.Волка о том, что «перед Военной организацией в послемартовский период была поставлена мало реальная задача подготовки государственного переворота»[56]. Исполнительный комитет «Народной воли» предполагал готовить и действительно готовил государственный переворот силами всей партии при совокупном взаимодействии ее специальных организаций — Военной, Рабочей и Студенческой.

Именно среди учащейся (в первую очередь студенческой) молодежи пропагандистская, агитационная и организаторская деятельность «Народной воли» приняла наибольший размах. Правда, студенческая организация не была столь конспиративно-стройной, как Рабочая и Военная, зато отличалась большей активностью. Не имела она, в отличие от Военной и Рабочей организаций, и особой программы — ее заменяли инструкции («Провинциальная деятельность учащейся молодежи», «Агентам партии при землячествах»), целенаправленные и конкретные.

Вся широко разветвленная сеть вузовских, гимназических, семинаристских кружков «Народной воли» действовала энергично. Она вносила организующее и политическое начало в стихийные волнения учащейся молодежи. Для этого использовались не только общепартийные документы, но и специально обращенные к студентам издания (гектографированные журналы «Студенчество» и «Свободное слово», газета «Борьба»), многочисленные прокламации. Одна из них, «От студентов к студентам» (январь 1880 г.) призывала не дожидаться от борцов за свободу просьб о помощи: «Каждый из нас должен сам спешить со своею посильною лептою»[57]. Кстати, либералов-постепеновцев народовольческие прокламации шокировали своей революционностью. «Прокламации сыплются градом. И какие? — ужасался, например, проф. А. Ф. Кистяковский. — Прокламации 60-х годов в сравнении с нынешними — верх смирения и невинной риторики»[58].

Распространяли прокламации — смело, зачастую дерзко, не боясь репрессий, — сами народовольцы и добровольные их помощники. В знаменитом длинном коридоре и в шинельной Петербургского университета, по воспоминаниям акад. С. Ф. Платонова, прокламации тайно передавались из рук в руки, а то и пачками лежали на подоконниках и продавались открыто. Их распространители попадали в руки жандармов с поличным, которое влекло за собой арест и ссылку, вплоть до Сибири. Так, у студента-москвича Н. И. Диоманди были изъяты несколько десятков, а у петербургского народовольца С. А. Иванова — больше 400 экземпляров прокламаций[59]. Оба они пошли в Сибирь, откуда Иванов вскоре бежал, был вновь

---

[56] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 335, 336.

[57] РН. Т. 2. С. 223.

[58] Цит. по: Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964. С. 195.

[59] См.: *Щепкина Г. И.* Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М., 1987. С. 48, 49.

арестован и по делу «21-го» приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой.

Наряду с прокламациями распространялась среди молодежи, а главное, изучалась в кружках серьезная литература по философии, истории, социологии, экономике: публицистика Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова, монографии Н. И. Кареева и М. М. Ковалевского, «Программа работников» Ф. Лассаля и «Сущность социализма» А. Шеффле, «Капитал» и «Гражданская война во Франции» К. Маркса[60]. Столь широкий и социально заостренный круг чтения был рассчитан на то, чтобы подготовить из молодежи не просто решительных, а сознательных, убежденных борцов за народовластие.

Ряд антиправительственных выступлений студентов, организованных народовольцами, заставил говорить о себе всю мыслящую Россию. Наибольшее впечатление произвела демонстрация против министра просвещения А. А. Сабурова на университетском акте в Петербурге 8 февраля 1881 г., в присутствии самого министра и 4 тысяч студентов, преподавателей, почетных гостей (среди которых, к примеру, были светлейший князь А. А. Ливен и знаменитейший из русских путешественников Н. М. Пржевальский)[61]. Организовали демонстрацию члены ИК А. И. Желябов, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер и Н. Е. Суханов. Они подготовили две группы студентов — одну внизу, во главе с П. П. Подбельским; другую на хорах, во главе с Л. М. Коганом-Бернштейном. В составе групп различные источники называют П. Ф. Якубовича, К. Г. Неустроева, В. Г. Богораза, чернопередельца К. Я. Загорского. Среди очевидцев события были студенты С. Ф. Платонов (будущий академик), М. М. Филиппов (впоследствии известный ученый—энциклопедист), В. А. Караулов (позднее народоволец, кадет, депутат I Государственной Думы).

Едва ректор университета проф. А. Н. Бекетов закончил отчетный доклад, Коган—Бернштейн с хор произнес короткую и яркую речь, бросая в оцепеневший зал резкие фразы: «Вместе с насилием нас хотят подавить хитростью! Но мы понимаем лживую политику правительства <...> Мы не позволим издеваться над собой: лживый и подлый Сабуров найдет в рядах интеллигенции своего мстителя!»[62]. Вслед за словами оратора в зал полетели «кипы прокламаций»[63], которые, как фиксирует агентурное донесение, «все тотчас же были расхватаны»[64]. По словам очевидицы, «вся зала моментально превратилась в крутящийся вихрь: крик, рев, смятенье»[65]. «Неделя

---

[60] *Щепинина Г. И.* Студенчество и революционное движение в России. С. 59–61.

[61] Официальные материалы об этой демонстрации см.: ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881. Д. 59. Здесь подсчитано: «публики было до 4000 чел». (Л. 8 об.), а не 2 тыс., как сообщает С. С. Волк в его указ. соч. (С. 343).

[62] Текст речи Когана-Бернштейна, подготовленный с участием Желябова, см.: Литература партии «Народная воля». С. 117.

[63] *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 125.

[64] ГАРФ. Ф. 102. 3 д—во. 1881. Д. 59. Л. 8 об.

[65] *Дмитриева В. И.* Так было (Путь моей жизни). М.;Л., 1930. С. 193.

(надзиратели) кинулись на хоры, — вспоминал В. Г. Богораз, — но мы их оттеснили и сбросили с лестницы вниз»[66]. Тем временем Подбельский, шагнув в президиум, заклеймил восседавшего там министра Сабурова пощечиной. В невероятной суматохе и Подбельский и Коган под защитой их «групп поддержки» благополучно скрылись.

Все это вызвало в разных кругах бурю откликов. «Всем было ясно, — справедливо заключает С. С. Волк, — что пощечина была нанесена не Сабурову, а всему правительству»[67]. Царь раздраженно запрашивал «полуимператора» М. Т. Лорис-Меликова: «Был ли кто арестован? Кто и сколько?»[68] Кончилось тем, что 270 студентов были преданы университетскому суду, который санкционировал исключение из университета четырех и арест на разные сроки еще 70-ти демонстрантов.

Что касается Подбельского и Когана-Бернштейна, то судьба связала их отныне и навсегда трагически. Оба они были арестованы в апреле 1881 г. и сосланы в Сибирь, где весной 1889 г. приняли участие в нашумевшей на весь мир Якутской трагедии, т.е. в коллективном сопротивлении политических ссыльных отряду солдат[69]. За это Паппий Павлович Подбельский (отец первого советского наркома связи В. Н. Подбельского) был без суда расстрелян, а Лев Матвеевич Коган-Бернштейн по приговору суда повешен (тяжело раненый, он был внесен на эшафот прямо в кровати, поднят с нее и вдет в петлю, а затем кровать из-под него выдернули). Сохранилось предсмертное письмо Льва Матвеевича к жене и малолетнему сыну: «Живите друг для друга, любите друг друга, цените и утешайте друг друга!» Сын народовольца Матвей Львович Коган-Бернштейн тоже стал революционером, членом ЦК партии эсеров. Осенью 1918 г. он был расстрелян по приговору советского суда. В 1920 г. В. И. Ленин признал его расстрел «печальной ошибкой» и разрешил издать сборник материалов памяти расстрелянного (издан в 1922 г.)[70]

Демонстрации, сходки, воззвания были делом рук студентов, уже идейно подготовленных и организованных в политизированные кружки. К участию же в этих кружках народовольцы привлекали молодежь через объединения промежуточного типа: землячества, общество «Красного Креста», «Подготовительную группу» автономных по отношению к «Народной воле» пропагандистов. Отдельные студенты привлекались со временем и к подготовке террористических предприятий. Так, в роли наблюдателей за выездами Александра II в Петербурге осенью 1880 г. были задействованы А. В. Тырков, Е. М. Сидоренко, П. Н. Тычинин, Е. Н. Оловенникова, Н. И. Рысаков.

---

[66] Памяти В. Г. Богораза. М.;Л., 1937. С. XVII.

[67] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 344.

[68] ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881. Д. 59. Л. 3.

[69] Подробно см.: Якутская трагедия. Сб. воспоминаний и материалов. М., 1925.

[70] *Малышева С. Ю.* Две казни. Судьба М. Л. Когана-Бернштейна // Отечественная история. 1994. № 3. С. 177.

В Москве и провинции народовольцы действовали среди молодежи так же, как и в столице, но с меньшим размахом. Впрочем, некоторые акции студентов здесь тоже обретали всероссийский резонанс. 12 марта 1881 г. многолюдная (700 участников) сходка студентов Московского университета приняла народовольческую резолюцию — венков на гроб казненного революционерами самодержца не посылать! К. П. Победоносцев доложил об этом Александру III. Тот был вне себя: «Если это действительно так, то это непростительное безобразие и оставить это дело так невозможно»[71]. В результате, больше 300 студентов были исключены из университета (среди них оказался и будущий ученый—историк, лидер партии кадетов, министр иностранных дел П. Н. Милюков), а разгневанный царь после этого долго еще, когда бывал в Москве, даже одного вида Университета не выносил[72].

Подобные же волнения охватили в марте 1881 г. Казанский университет — здесь студенты отказывались присягать Александру III. На общеуниверситетской сходке 2 марта студент—медик 5 курса П. И. Никольский выступил с речью о том, что «монархическое правление в России отжило свой век и в настоящее время нужно позаботиться о другом общественном строе»[73]. Той же весной антицаристские выступления студентов по инициативе и под руководством народовольцев прошли в Киевском и Харьковском университетах, в Рижском политехническом институте (здесь, вместе с другими, был исключен из института будущий ученый-электротехник М. О. Доливо-Добровольский). В Ярославле летом 1881 г., когда приехал туда Александр III, народовольчески возбужденных студентов местного Демидовского лицея «продержали взаперти вплоть до отъезда царя»[74].

Студенты, гимназисты, семинаристы использовались для пропаганды, агитации, организаторской работы не только в их собственной среде, но и среди крестьян, рабочих, служащих, солдат, как в центре страны, так и на окраинах. Верная своему программному курсу на мобилизацию против царизма «всех недовольных», «Народная воля» стремилась революционизировать все национальности Российской империи. Провозгласив в своей программе их равенство и право на самоопределение, она разъясняла: «Народовольство как социалистическая партия чуждо каких бы то ни было национальных пристрастий и считает своими братьями и товарищами всех угнетенных и обездоленных, без различия происхождения»[75].

Исходя отсюда и не отвлекаясь на «препирательства с праздно болтающими педантами-автономистами»[76], народовольцы создавали свои организации на Украине (которая была вся покрыта сетью их рабочих, военных, студенческих, гимназических, семинаристских кружков), в Белоруссии (Минск, Витебск, Могилев, Гродно, Белосток), Литве (Вильно, Ковно), Латвии (Ри-

---

[71] Цит. по: *Волк С. С.* Указ. соч. С. 355.
[72] Народовольцы после 1 марта 1881 г. М., 1928. С. 28.
[73] *Флоринский В. М.* Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. № 6. С. 613—614.
[74] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 358.
[75] Литература партии «Народная воля». С. 165—166.
[76] Там же. С. 166.

га, Двинск, Митава, Либава), Эстонии (Ревель, Дерпт), Молдавии (Кишинев, Аккерман), Грузии (Тифлис, Гори), Казахстане (Уральск)[77]. Все эти организации с ведома и по указаниям Исполнительного комитета объединяли вокруг себя демократические элементы национальных меньшинств, поднимая их на борьбу против самодержавия.

При этом, естественно, «Народная воля» стремилась взаимодействоать с другими, кроме нее, революционными силами. Таковых в Российской империи до возникновения социал-демократии было две: собственно в России — общество народников «Черный передел» и в Польше — социалистическая партия «Пролетариат». С «Черным переделом» народовольцы вели долгие переговоры о союзе и возможном объединении, не удавшиеся главным образом потому, что «Народная воля» претендовала в этом союзе на гегемонию[78]. Тем не менее, в ряде мест, включая Петербург, Москву, Киев, Харьков, Одессу, Саратов и даже эмигрантскую колонию в Женеве, народовольцы и чернопередельцы, хотя и вели идейные споры, помогали друг другу в революционных делах[79]. Что касается «Пролетариата», то еще до его создания (1882 г.) «Народная воля» поддерживала деловые связи с его предшественницами — польскими гминами (землячествами) в Петербурге, Москве, Киеве, Вильно; с самим же «Пролетариатом» в 1882—1883 гг. она сотрудничала, а в начале 1884 г. заключила договор о революционном союзе, причем лидер «Пролетариата» Станислав Куницкий представлял в ИК «Народной воли» «Пролетариат», а в ЦК «Пролетариата» — «Народную волю»[80].

Очень помогали «Народной воле» в натиске на царизм ее более обширные, чем у какой-либо другой из русских революциооных организаций XIX в., международные связи — с английскими, французскими, немецкими, итальянскими, чешскими, румынскими, болгарскими, сербскими, венгерскими, американскими и другими социалистами и демократами[81]. «Политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие народов», — таково было одно из программных требований «На-

---

[77] См. об этом специальные исследования Н. П. Рудько и А. Н. Катренко (Украина), С. М. Самбук (Белоруссия), В. Ю. Меркиса (Литва), С. А. Исакова (Эстония), З. Л. Швелидзе (Грузия), В. З. Галиева (Казахстан), соответствующие главы в истории Латвийской ССР (Рига, 1954. Т. 2) и Молдавской ССР (Кишинев, 1965. Т. 1).

[78] См.: *Волк С. С.* Указ. соч. С. 392—401.

[79] См. там же. С. 388—391.

[80] Подробно см.: *Кон. Ф. Я.* Союз «Пролетариата» с «Народной волей» // Каторга и ссылка. 1926. № 3.

[81] См.: *Мерінг Ф.* История германской социал-демократии М.;Пг., [б. г.]. Т. 4. С. 158—160; *Раджоньери Э.* Итало-русские общественные связи (1860—1900). М., 1968; *Иванова Н. В.* Из истории русско-английских общественных связей в 80—90-х гг. XIX в. // Учен. зап. Курского пед. ин-та. 1969. Т. 60; *Гросул В. Я.* Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980; *Corbet Ch.* A l'ére des nationalismes l'opinion française face á l'inconnue Russie (1799—1894). Paris, 1967; *Měchýr J.* Ohlasy narodnictvi v českem delnickém hnuti v 80—ch letech minulého stoleti // Acta Universitatis Carolinae. 1964. Philosophica et Historica. 3; *Hollingsworth B.* The Society of Friends of Russian Freedom // Oxford Slavonic papers. New Series, 1970. V. 3.

родной воли»[82]. Следуя ему, народовольцы держали мировую общественность в курсе своих революционных дел, при случае обращались к ней с воззваниями о поддержке («Исполнительный комитет европейскому обществу», «Французскому народу», послание Карлу Марксу), опирались на ее сочувствие и солидарность. Многое сделали в привлечении международных симпатий к «Народной воле» ее постоянные представители за границей (П. Л. Лавров, Л. Н. Гартман, Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина), вся ее авторитетная революционная эмиграция, в составе которой временно перебывали Н. А. Морозов, О. С. Любатович, Г. А. Лопатин, А. А. Франжоли, Е. Ф. Завадская, А. Н. Бах, Е. Д. Сергеева, В. И. Иохельсон, Г. Ф. Чернявская.

Такова в общих чертах картина пропагандистской, агитационной и организаторской, т.е. нетеррористической деятельности «Народной воли». Даже самый краткий обзор ее показывает, сколь несостоятельны были дилетантские суждения в нашей литературе о том, что народовольцы «работой в деревне не занимались вовсе», их «деятельность в рабочей среде была весьма ограниченной», «не получила широкого развития и работа в армии», а вся (или почти вся) революционная практика «Народной воли» сводилась к террору[83]. Тем удивительнее выглядит сегодня пассаж новейшего критика «Народной воли» с ученой степенью кандидата исторических наук: дескать, о народовольцах, кроме как о террористах, вообще «писать почти нечего», ибо, мол, они суть всего лишь «бомбисты»[84].

10.2. «Красный» террор против «белого» террора

Итак, революционная деятельность «Народной воли» была главным образом пропагандистской, агитационной, организаторской. Характерно, что в монографии С. С. Волка — самой подробной из всех посвященных «Народной воле» — описанию этой стороны народовольческой практики отведены шесть глав (9—15), тогда как террору — два параграфа в 3-й главе плюс еще несколько фраз в главе 4-й. С. С. Волк при этом справедливо заметил, что число актов «красного» террора «за два—три года, предшествующих образованию «Народной воли», не только не ниже, но даже выше, чем за три—четыре года действия народовольческого ИК»[85]. Этот вывод подтверждается фактами. За четыре года, с 1876 по 1879, народники (землеволь-

[82] РН. Т. 2. С. 183.

[83] Очерки истории СССР (1861—1904). М., 1960. С. 200; Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма. М., 1966. С. 73; *Кузнецов И. В.* История СССР. Эпоха капитализма (1861—1917). М., 1971. С. 185; *Нечкина М. В.* Декабристы и проблема трех революций // История СССР. 1976. № 2. С. 59.

[84] *Левандовский А. А.* Бомбисты // Родина. 1996.№ 4. С. 56.

[85] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 227.

цы) осуществили 9 политических убийств[86] и еще 6 покушений на 5 лиц[87], а народовольцы за пять лет, с 1880 по 1884, — 6 политических убийств[88] и тоже еще 6 покушений, но на 4 лица[89]. Впрочем, С. С. Волк счел возможным все-таки заключить, вопреки данным собственной книги, что террор для «Народной воли» «стал главнейшим и всепоглощающим средством для борьбы»[90].

Царизм намеренно выставлял террор главным из средств борьбы народовольцев для вящего обвинения их как злодеев, бомбистов, убийц. Обывательское же представление о народовольцах как террористах основывалось частично на официальной (усиленно внедрявшейся в массовое сознание) версии, а так же на распространенной тогда иллюзии, ибо террор как борьба вооруженная, как своего рода боеголовка революционного заряда «Народной воли» был на виду, заслоняя собой прочую, глубоко законспирированную деятельность партии. Что касается историков (царских, советских, посткоммунистических), повторяющих донынс тезис о «главнейшем и всепоглощающем» месте террора у «Народной воли», то они сочетают в своем отношении к народовольцам обывательское неведение и охранительное пристрастие.

Разумеется, народовольческий террор был в глазах и карателей и обывателей тем чудовищнее, что он был нацелен против царя. Всего народовольцы подготовили 8 покушений на Александра II (включая пять несостоявшихся). А ведь ранее в царя уже стреляли Д. В. Каракозов, А. И. Березовский, А. К. Соловьев. Таким образом, революционеры казнили самодержца всея Руси лишь с 11-й попытки. Но в каждой из них были задействованы буквально единицы из тысяч и тысяч народников. Так, в подготовке и осуществлении восьми народовольческих покушений на царя, вместе взятых, участвовали — кроме членов и ближайших агентов ИК, занимавшихся, как мы видели, отнюдь не только и не столько террором, — в общей сложности лишь 12 рядовых народовольцев (техников, метальщиков, наблюдателей), известных нам поименно[91].

Здесь важно подчеркнуть, что «красный» террор народников (землевольцев и народовольцев) был исторически обусловлен, навязан им как

---

[86] Казнили шефа жандармов Н. В. Мезенцова, харьковского военного генерал-губернатора Д. Н. Кропоткина, жандармского офицера Г. Э. Гейкинга и 6 шпионов (В. Тавлеева, Н. Шарашкина, А. Никонова, Н. Рейнштейна, Т. Курилова и В. Барановского).

[87] На шефа жандармов А. Р. Дрентельна, петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, киевского военного прокурора М. М. Котляревского, предателя Н. Е. Гориновича и дважды на царя Александра II.

[88] Казнили Александра II, проконсула Юга России В. С. Стрельникова, шефа тайной полиции Г. П. Судейкина, предателя А. Я. Жаркова и двух шпионов (С. Прейма и Ф. Шкрябу).

[89] На «полуимператора» М. Т. Лорис-Меликова, забайкальского военного губернатора Л. И. Ильяшевича, шпиона Л. Забрамского и трижды на царя.

[90] Волк. С. С. Указ. соч. С. 234.

[91] Г. Д. Гольденберг, И. И. Гриневицкий, И. П. Емельянов, В. А. Меркулов, Т. М. Михайлов, И. Ф. Окладский, Н. И. Рысаков, Е. М. Сидоренко, М. В. Тетерка, Я. Т. Тихонов, А. В. Тырков, П. Н. Тычинин.

ответ на «белый» террор царизма. А. И. Желябов со скамьи подсудимых по делу о цареубийстве 1881 г. резонно напоминал судьям: «Русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами. В нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною»[92]. Смерч репрессий против мирных пропагандистов 1874 г. вызвал у народников стремление к отпору. «Боритесь же, если вы люди!» — этот клич с тех пор стал в народничестве всеобщим[93]. Но после 1874 г. бороться против царизма мирными средствами было уже нельзя. Вспомним, что сказал о реакции народников на расправу с «хождением в народ» Александр Михайлов: «Когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки». Естественно, что на многочисленных судебных процессах «Народной воли» обвиняемые вновь и вновь повторяли мысль, которую афористически сформулировал на первом из этих процессов (по делу «16-ти») член ИК С. Г. Ширяев: «Красный террор Исполнительного комитета был лишь ответом на белый террор правительства. Не будь последнего, не было бы и первого»[94].

Сами народовольцы веско оговаривали преходящую обусловленность своего террора. ИК официально заявил протест против покушения анархиста Ш. Гито на жизнь президента США Дж. Гарфилда. «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, — разъяснял ИК 10(22) сентября 1881 г., — в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей»[95]. Сознавая политическую и нравственную ущербность террора, народовольцы допускали его лишь как вынужденное крайнее средство. «Террор — ужасная вещь, — говорил С. М. Кравчинский. — Есть только одна вещь хуже террора: это — безропотно сносить насилия»[96]. Всю ответственность за ужас террора народовольцы возлагали на царизм, который своими разнузданными преследованиями заставлял прибегать к насилию, хотя бы в целях самозащиты, даже людей, казалось бы органически неспособных по своим душевным качествам на какое-либо насилие[97]. Замечательно сказал об этом со скамьи подсудимых перед оглашением ему смертного приговора член ИК А. А. Квятковский: «Чтобы сделаться тигром, не надо быть им по природе. Бывают такие общественные состояния, когда агнцы становятся ими»[98]. Не зря великий гуманист В. Г. Короленко, лично знакомый с очень многими

---

[92] Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 337.

[93] *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. М.,1972. С. 298.

[94] Процесс 16-ти террористов (1880). СПб., 1906. С. 227.

[95] Литература партии «Народная воля». С. 127.

[96] Цит. по: *Тарапута Е. А.* С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 168.

[97] Именно этот тип людей чуть ли не преобладал в столь страшном для царизма «Великом ИК». Назову для примера Морозова, Перовскую, Тихомирова, Колодкевича, Кибальчича, Богдановича, Лебедеву, Зунделевича, Савелия Златопольского, Клеточникова.

[98] Процесс 16-ти террористов. С. 226.

народниками, говорил летом 1881 г. пермскому губернатору В. А. Енакиеву: «Знаю, что стали террористами люди, раньше не помышлявшие о терроре, и считаю людей, гибнущих теперь на виселицах, одними из лучших русских людей. Очевидно, правительство, обратившее против себя такое отчаяние и такое самоотвержение, идет ложным и гибельным путем»[99].

Итак, для России конца 1870-х годов «красный» террор «Народной воли» не был ни случайным, ни чужеродным явлением. Он был тогда исторически обусловлен. В том фазисе, которого достигло к 80-м годам русское освободительное движение, террор нельзя было просто отбросить, его можно было только преодолеть. Он оказывался тогда единственно возможным, еще не испытанным в масштабах всего движения способом борьбы, т.е. как бы собирательным примером таких действий, о которых хорошо сказал А. И. Герцен: «Как только человек видит возможность действовать, действие становится для него физиологической необходимостью. Оно может быть преждевременно, необдуманно, даже ложно, но не может не быть. Никакая религия, никакая общественная теория не доходит до полноты сознания прежде начала осуществления. В приложении она узнает свои односторонности, восполняет их, отрекается от них»[100].

Враги и критики «Народной воли» много (особенно в наши дни) говорят о том, что она злодейски преследовала и умертвила царя — Освободителя[101]. При этом замалчивается неоспоримый, кричащий факт: к концу 70-х годов царь, в свое время освободивший от крепостной неволи крестьян (хотя и ограбив их), снискал себе уже новое титло: Вешатель. Это он утопил в крови крестьянское возмущение реформой 1861 г., когда сотни крестьян были расстреляны и тысячи биты кнутами, шпицрутенами, палками (многие — насмерть), после чего выжившие разосланы на каторгу и в ссылку[102]. С еще большей кровью Александр II подавил национально-освободительные восстания в Белоруссии, Литве, Польше 1863–1864 гг (только в Польше — 25 тыс. осужденных[103], не считая погибших в боях и расстрелянных без суда). В 1856–1864 гг. царь-«Освободитель» огнем и мечом загнал к себе под ярмо народы Северного Кавказа, а в 1863–1880 гг. — Средней Азии. Почти 20 лет гноил он за инакомыслие в тюрьме, на каторге и в якутской ссылке «российского Прометея» Н. Г. Чернышевского, а с 70-х годов, как мы видели, сотнями отправлял в ссылку и на каторгу народников за их «хождение» с пропагандистскими книжками «в народ».

Когда же некоторые из народников в ответ на «белый» террор царизма начали прибегать с 1878 г. к отдельным актам «красного» террора, Александр II повелел судить их *всех* по законам военного времени. Только за

---

[99] *Короленко В. Г.* История моего современника. М., 1965. С. 660.

[100] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 17. С. 108.

[101] См., напр.: *Лурье Ф. М.* Созидатель разрушения. СПб., 1994. С. 352; *Левандовский А. А.* Бомбисты. С. 49.

[102] Подробно см.: Революционная ситуация в России в середине XIX в. Коллективная монография. М., 1978. С. 225–238, 244–247.

[103] См.: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1961. Т. 2. С. 535.

1879 г. он санкционировал повешение 16-ти народников. К 1881 г. число казненных выросло до 21. Среди них И. И. Логовенко и С. Я. Виттенберг были казнены за «умысел» на цареубийство, И. И. Розовский и М. П. Лозинский — за «имение у себя» революционных прокламаций, а Д. А. Лизогуб — за то, что он по-своему распорядился собственными деньгами, отдав их в революционную казну[104].

Характерно для Александра II, что он требовал (для вящего унижения осужденных) именно виселицы даже в тех случаях, когда военный суд приговаривал народников (В. А. Осинского, Л. К. Брандтнера, В. А. Свириденко) к расстрелу[105]. Смертные приговоры народникам царь воспринимал с удовлетворением, а помилование — с недовольством. Стоило петербургскому военному генерал-губернатору И. В. Гурко помиловать террориста Л. Ф. Мирского (вечной каторгой вместо виселицы), как царь кольнул его презрительным отзывом: «Действовал под влиянием баб и литераторов»[106].

Все это ИК «Народной воли» учитывал, вынося смертный приговор царю. Лев Толстой, который знал об этом меньше, чем знали народовольцы, и тот восклицал: «Как же после этого не быть 1-му марта?»[107] Действительно, за всю историю России после Петра I до Николая II не было столь жестокого, более того, — столь кровавого самодержца, как Александр II Освободитель.

26 августа 1879 г. Исполнительный комитет «Народной воли» на специальном заседании в поселке Лесном под Петербургом вынес смертный приговор Александру II. С этого дня и началась беспримерная в истории 18-месячная охота на царя.

По ходу этой «охоты» народовольцы проявили невероятную изобретательность и энергию. Только в ноябре 1879 г. они трижды чуть не взорвали царя. Сначала ИК попытался это сделать под Одессой. Техническую сторону покушения обеспечил Н. И. Кибальчич. Осуществить взрыв должны были члены ИК супруги Михаил Фроленко и Татьяна Лебедева. Оба они устроились в качестве железнодорожного будочника и его жены возле Одессы на линии железной дороги Одесса—Москва, поскольку народовольцы выведали через посредство Н. В. Клеточникова, что царь, находившийся тогда на отдыхе в Крыму, намерен посетить Одессу и возвратиться в Петербург из Одессы через Москву поездом.

Фроленко и Лебедева повели подкоп из своей будки под рельсы с целью заложить мину и взорвать царский поезд по пути его следования из Одессы. Однако в тот момент, когда все было готово к взрыву, ИК узнал, что царь из-за дурной погоды не поедет в Одессу, а направится в Москву прямо из Крыма.

---

[104] Подробно об этом см.: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Саратов, 1976. С. 230, 234—235; он же. Безумство храбрых. М., 1978. С. 195, 198—200.

[105] *Венедиктов Д. Г.* Палач Иван Фролов и его жертвы. М., 1930. С. 27.

[106] ГАРФ. Ф. III отд. Секр. архив. Оп. 1. Д. 977. Л. 10 об.

[107] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 90. С. 308.

Такую возможность ИК предусмотрел. Одновременно с одесским взрывом народовольцы готовили взрыв царского поезда в другом месте, под ст. Александровск Екатеринославской губернии, на линии железной дороги Симферополь — Москва. Организатором и главным участником этого, второго по счету народовольческого покушения на Александра II был А. И. Желябов.

В Александровске Желябов поселился под видом купца Черемисова якобы для того, чтобы устроить здесь кожевенный завод. Роль супруги «купца» сыграла член ИК Анна Якимова. Помогали Желябову также двое рабочих — Иван Окладский и Яков Тихонов. Желябов купил лошадей и телегу, распустил на весь Александровск слух о том, что он вскоре займется устройством завода, а сам втихомолку устраивал подкоп и закладку мины под железнодорожное полотно на четвертой версте от станции и с постоянным риском для жизни перевозил туда на телеге динамит.

Царский поезд проходил через Александровск 18 ноября. Народовольцы узнали об этом заблаговременно — от того же Клеточникова. В момент, когда поезд подошел к месту, где была заложена мина, Желябов по сигналу Окладского («Жарь!») сомкнул провода, ведшие к заряду, но... взрыва не последовало. Оказалось, как это позднее установила следственная комиссия ИК, кто-то из железнодорожных рабочих, которые чинили здесь рельсы, нечаянно перерезал желябовский провод. Это и спасло царя[108].

Но путь до Москвы был еще долог. А под Москвой, на третьей версте от станции, народовольцы готовили одновременно с подкопами под Одессой и Александровском третий подкоп на случай, если царь минует два предыдущих. В организации этого, третьего народовольческого покушения на Александра II участвовали члены ИК А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, А. И. Баранников, агент Комитета Л. Н. Гартман. Главными же исполнителями, подрывниками были С. Л. Перовская и С. Г. Ширяев, под видом супружеской четы «Сухоруковых».

Царский поезд подходил к Москве вечером 19 ноября. Первый состав, в котором обычно размещалась свита царя, народовольцы пропустили. Когда же с минированным участком поравнялся второй состав, где для большей безопасности ехал царь с чадами и домочадцами, Ширяев по сигналу Перовской замкнул цепь. Раздался взрыв. Поезд потерпел крушение. Но, как выяснилось, в Симферополь к поезду царь прибыл, когда свитский состав еще не был готов, и министр двора гр. А. В. Адлерберг, чтобы не терять времени, предложил отправить царский поезд первым по расписанию свитского, а свитский — по расписанию царского. Так и сделали, что и спасло царя[109].

---

[108] Таково авторитетное свидетельство Л. А. Тихомирова: ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 61. Л. 6. Есть и другие версии: Н. А. Морозов в 1926 г. вспоминал, будто Желябов неправильно соединил провода (РГАЛИ. Ф. 1185. Оп.1. Д. 604. Л. 154—155), что маловероятно, а по словам И. Ф. Окладского, «были плохо изготовлены» запалы (*Волк С. С.* Указ. соч. С. 101).

[109] Наброски из воспоминаний кн. Д. Д. Оболенского //Русский архив. 1894. № 10. С. 270. О том же: *Милютин Д. А.* Дневник. М., 1950. Т. 3. С. 179—180.

Позднее в руки властей попала телеграмма «Сухорукову» из Симферополя: «Цена пшенице — 2 руб., наша цена — 4», что означало: 2-й поезд, 4-й вагон, в котором должен был ехать царь. Ширяев и взорвал 4-й вагон 2-го поезда, но он оказался багажным с крымскими фруктами; этот вагон оторвался от других и перевернулся. «Будь это с пассажирским вагоном, — вспоминал сопровождавший тогда царя кн. Д. Д. Оболенский, — прямотаки мармелад человеческий вышел бы». Но жертв не было: «вышел в самом деле мармелад, только яблочный, а не человеческий»[110].

Таким образом царь опять миновал неизбежную, казалось бы, смерть и смог благополучно завершить свое многотрудное путешествие. Всю эту цепь покушений Г. В. Плеханов назвал «облавой на медведя».

ИК «Народной воли» 28 ноября обнародовал специальную прокламацию по поводу московского взрыва. В ней говорилось: «Мы уверены, что наши агенты и вся наша партия не будут обескуражены неудачей, а почерпнут из настоящего случая только новую опытность, урок осмотрительности, а вместе с тем уверенность в своих силах и в возможность успешной борьбы»[111]. Действительно, не успели «верхи» оправиться от испуга перед событием 19 ноября, как народовольцы устроили новое, еще более дерзкое покушение на царя.

Еще до ноябрьской «облавы» к народовольцам обратился с предложением услуг по осуществлению цареубийства (указав при этом на способ его: взрыв в Зимнем дворце!) выдающийся рабочий-революционер, организатор знаменитого «Северного союза русских рабочих» Степан Николаевич Халтурин. По свидетельству Л. А. Тихомирова, он загорелся тогда idée fixe: «Александр II должен пасть от руки рабочего»[112]. ИК принял его предложение и взял организацию покушения в свои руки. Непосредственное руководство акцией Халтурина было поручено А. А. Квятковскому. Через Квятковского Халтурин был постоянно связан с ИК.

Первоклассный столяр-полировщик, который так отшлифовывал изделия, что о них говорили: «блоха не вскочит» (поскользнется, мол), Халтурин уже работал прежде на царской яхте, получил отличные рекомендации и сумел устроиться на работу столяром в Зимний дворец. 5 сентября 1879 г. он был зачислен в штат дворцовых рабочих по подложному паспорту на имя олонецкого крестьянина Степана Николаевича (имя и отчество подлинные) Батышкова[113] и поселен вместе с двумя другими рабочими в подвале дворца. Там он как человек в высшей степени симпатичный и, что тогда в простонародье было еще большей редкостью, чем теперь, непьющий, расположил к себе дворцового охранника, который наметил Халтурина в женихи для своей дочери (благо, Халтурин, судя по его фотографии 1879 г., был и на вид хоть куда).

---

[110] Наброски из воспоминаний кн. Д. Д. Оболенского. С. 271.
[111] РН. Т. 2. С. 221.
[112] *Тихомиров Л. А.* Заговорщики и полиция. М., 1930. С. 170.
[113] *Полевой Ю. З.* Степан Халтурин. М., 1979. С. 83.

Освоившись со своим положением и вычислив план дворца, Халтурин избрал объектом взрыва царскую столовую и начал осторожно, малыми дозами, проносить к себе в подвал динамит, который он получал от Квятковского. Динамит Халтурин складывал в сундучок из дерева, служивший ему подушкой.

Как лучшему дворцовому столяру Халтурину случалось работать и в царских покоях. Однажды он даже столкнулся там лицом к лицу с императором. Тот был один. Вокруг — никого. В руках у Халтурина — молоток...

Конечно же, Халтурин подумал тогда, не кончить ли всю его грандиозную акцию одним ударом молотка. При этом он мог бы еще спастись. Но, во-первых, рука его (23-летнего атлета) не поднялась на монарха, показавшегося ему очень старым и жалким, а главное, он понимал, что цареубийство только ради убийства царя (тихое, тайное) революционерам не нужно. Для них важно было казнить самодержца так, чтобы всем было ясно, чьих рук эта казнь. Тем самым они надеялись дезорганизовать правительство, взбудоражить общественное мнение, а возможно и всколыхнуть массы. Вот почему Халтурин с молотком в руке поклонился царю и пропустил его мимо себя[114]...

24 ноября 1879 г. был арестован Квятковский. Руководство акцией Халтурина взял на себя А. И. Желябов. К началу февраля Халтурин перенес к себе в дворцовый подвал около 2,5 пудов динамита. Желябов решил, что дальше рисковать с накоплением динамита нельзя, и предложил Халтурину действовать. В первые дни февраля Халтурин встречался с Желябовым ежедневно, но всякий раз, проходя мимо, бросал на ходу: «нельзя было», «ничего не вышло». Вечером 5 февраля при встрече с Желябовым он сказал: «Готово».

Оказалось, Халтурин подготовил взрыв царской столовой к тому времени, когда вся августейшая фамилия должна была обедать со своим гостем принцем Александром Гессенским — братом императрицы Марии Александровны (жены Александра II) и отцом Алисы Гессенской, т.е. будущей российской императрицы Александры Федоровны, жены Николая II. За несколько часов до взрыва Халтурин увел своих соседей по комнате в трактир под предлогом празднования его именин, а сам вернулся во дворец, запалил шнур и ушел из дворца навсегда. Взрыв был рассчитан верно по цели и по мощности. Но царя и на этот раз спасла игра случая. Встречая принца, он опоздал к обеду. Взрыв застал его на пути в столовую. «Это произошло как раз в тот момент, когда церемониймейстер появился на пороге столовой и объявил: «Его величество!»»[115]. «Таким образом, — констатировал ИК «Народной воли» в прокламации от 7 февраля 1880 г., — к несчастью родины, царь уцелел»[116].

---

[114] См. об этом: *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т.1. С. 209.

[115] Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 41.

[116] РН. Т. 2. С. 223.

Впрочем, спасла царя не столько его встреча с принцем, сколько оплошность террориста. Халтурин не предусмотрел, что между подвальным этажом и столовой была антресольная камера, где находились солдаты царского караула. Они и стали жертвами взрыва (по официальным данным, — 11 убитых и 56 раненых[117]). Что касается семьи и свиты царя, то они отделались шоком, хотя и столовая пострадала от взрыва: по свидетельству очевидца, военного министра Д. А. Милютина, в столовой поднялся пол, треснула стена, были разбиты все окна и перебита посуда на обеденном столе; даже в соседних залах и коридорах дворца погасло газовое освещение, дворец погрузился во тьму[118].

Напомню здесь, что до возникновения «Народной воли» все террористические акты народников обходились без посторонних невинных жертв. И народовольцы следовали этому правилу: именно так они казнили В. С. Стрельникова, Г. П. Судейкина, А. Я. Жаркова, С. И. Прейма, Ф. П. Шкрябу. Народоволец Н. А. Желваков даже осведомился у самого Стрельникова, точно ли он генерал Стрельников, прежде чем застрелить его. Словом, *все* народовольческие и вообще народнические теракты, кроме покушений на царя, обошлись без лишних жертв. Казнить царя таким же образом было почти невозможно, ибо царь появлялся на людях только с охраной и свитой. Поэтому народовольцы могли лишь свести число жертв цареубийства к минимуму.

Они и старались это делать: тщательно планировали каждое покушение, выбирали для нападений на царя самые малолюдные места — Малую Садовую улицу, Каменный мост, Екатерининский канал в Петербурге[119]. Чреватый наибольшими жертвами план взрыва в Зимнем дворце все же исходил не из самой «Народной воли», а был предложен ей со стороны. Но, конечно же, «облава» на царский поезд в ноябре 1879 г. тоже сулила лишние жертвы. Все это нравственно роняет народовольцев в наших глазах. К чести ИК, он публично выразил сожаление по поводу жертв взрыва в Зимнем 5 февраля 1880 г. «С глубоким прискорбием смотрим мы на погибель несчастных солдат царского караула, этих подневольных хранителей венчанного злодея, — гласит прокламация ИК от 7 февраля. — Но пока армия будет оплотом царского произвола, пока она не поймет, что в интересах родины ее священный долг стать за народ против царя[120], такие трагические столкновения неизбежны. Еще раз напоминаем всей России, что мы начали вооруженную борьбу, будучи вынуждены к этому самим правительством,

---

[117] Процесс 16-ти террористов. С. 32.

[118] *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3. С. 211–212.

[119] Кстати, взрывами двух бомб на Екатерининском канале 1 марта 1881 г. кроме царя и цареубийцы И. И. Гриневицкого были ранены еще 20 человек, из которых двое умерли (Дело 1 марта 1881 г. С. 17). В советской и посткоммунистической литературе эти *официальные* данные преувеличиваются без каких бы то ни было оснований.

[120] Долго, еще 37 лет, до Февральской революции 1917 г. пришлось ждать борцам против царизма, пока армия не исполнила этот «священный долг».

его тиранническим и насильственным подавлением всякой деятельности, направленной к народному благу»[121].

Взрыв в Зимнем дворце произвел на власть, общество и народ потрясающее впечатление. Каждый россиянин мог понять, что цареубийство не удалось лишь по счастливой случайности, «а если бы удалось, то жертвой его стал бы не только император Александр, но и вся царская фамилия, и получилось бы, что уничтожены были бы вместе с императором и все законные наследники государя, и таким образом, в сущности говоря, по произволу кучки людей мог бы возникнуть вопрос, совершенно неожиданно для всей страны, или об избрании новой династии или, как мечтали революционеры, о полной перемене формы правления»[122].

Правительство, двор, царская семья после взрыва в Зимнем потеряли ощущение безопасности. «Каждый истопник, входящий к нам, чтобы вычистить камин, — вспоминал племянник царя вел. кн. Александр Михайлович, — казался нам носителем адской машины»[123]. «Верхи» с тревогой ждали новых, еще более жутких покушений. «Город полон слухов, — сообщал из Петербурга корреспондент лондонской газеты «Таймс» в номере от 25 февраля 1880 г., — и если бы я захотел вам их пересказывать, мне не хватило бы всех ваших столбцов, и слава фантастических арабских сказок померкла бы перед ними». Так, в гостиных столицы получил хождение устрашающий акростих по первым буквам имен царских сыновей в строгом порядке от старшего к младшему (Николай, Александр, Владимир, Алексей, Сергей): сверху вниз — *на вас*, снизу вверх — *саван*[124].

Впечатление от акций «красного» террора «Народной воли» было тем сильнее, что ИК сопровождал их разъяснениями, полными уверенности в конечном успехе. Показателен новогодний спич Александру II в передовой статье № 3 газеты «Народная воля» от 1 января 1880 г.: «Смерть Александра II — дело решенное, и вопрос тут может быть только во времени, в способах, вообще в подробностях».

Все это радикализировало оппозиционные настроения в различных слоях россиян. «Чем больше были инертность и забитость общества, — вспоминала Вера Фигнер, — тем изумительнее казались ему энергия, изобретательность и решительность революционеров <...> Вокруг нас росла слава [Исполнительного] комитета, эффект его действий ослеплял всех и кружил головы молодежи. Общий говор был, что теперь для Комитета нет ничего невозможного»[125]. Молодежь была буквально наэлектризована слухами о деяниях «неуловимого и всемогущего» Комитета, как настоящих, так и мнимых: « с восторгом передавали друг другу, например, что литература «Народной воли» массами развозится повсеместно царскими поездами, что

---

[121] РН. Т. 2. С. 223–224.

[122] *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX в., М., 1993. С. 368.

[123] Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 49.

[124] *Тихомиров Л. А.* Тени прошлого // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 92–93.

[125] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 220–221.

под крылом митрополита в Александро-Невской лавре сохраняются наиболее важные документы Исполнительного комитета, что все тайны охранной полиции всегда известны партии и т.д.»[126]

Восхищались отвагой народовольцев и демократические круги Запада. Карл Маркс в беседе с членом ИК «Народной воли» Н. А. Морозовым в феврале 1880 г. заявил, что борьба народовольцев против самодержавия представляется ему и всем европейцам «чем-то совершенно сказочным, возможным только в фантастических романах»[127]. Венгерская оппозиционная газета «Будапешт» 20 февраля 1880 г. фигурально констатировала, что центр мирового революционного движения переместился из Западной Европы в Россию: «Не было здания, упоминаемого чаще, чем Тауэр в XVII в., Бастилия в XVIII в. и Зимний дворец в наши дни». «Остановить на себе зрачок мира — разве не значит уже победить?» — писал народовольцам из-за границы после 5 февраля 1880 г. их идейный недруг Г. В. Плеханов[128].

Однако самим народовольцам их «красный» террор стоил многих жертв, восполнять которые становилось все труднее. Правда, в 1880 г. ИК подготовил еще два покушения на царя, но ни одно из них не осуществилось. В апреле-мае С. Л. Перовская и Н. А. Саблин с помощью В. Н. Фигнер, Г. П. Исаева, А. В. Якимовой, Льва Златопольского и рабочего В. А. Меркулова занялись устройством минной галереи под Большую Итальянскую улицу в Одессе, куда ожидался приезд Александра II. Здесь народовольцам не хватило времени: царь приехал раньше, чем они закончили галерею. В июле-августе А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, А. И. Баранников и двое рабочих (тот же Меркулов и М. В. Тетерка) сумели заложить динамитную подушку под Каменный мост через Екатерининский канал в Петербурге к тому времени, когда царь должен был проследовать по мосту из Зимнего дворца на Царскосельский железнодорожный вокзал. На этот раз царя спасла оплошность подрывника Макара Тетерки: он опоздал, и царь успел миновать подготовленное место взрыва...

Между тем, все звенья карательной системы царизма по всей стране были мобилизованы на борьбу с «Народной волей». Аресты вырывали из ее рядов одного бойца за другим, включая членов и агентов ИК. Первым из них — 28 октября 1879 г. — был арестован Аарон Зунделевич, которого землевольцы и народовольцы не в шутку считали своим «министром иностранных дел». Спустя месяц в жандармскую западню попал Александр Квятковский — организатор взрыва в Зимнем дворце. При обыске у него нашли листок с наброском какого-то плана, одно место в котором было помечено крестом. После того как в Зимнем произошел взрыв, выяснилось, что на листке был набросан план Зимнего, а крест обозначал место взрыва. Эта улика погубила Квятковского. Наконец, 3 декабря 1879 г. был аресто-

[126] *Прибылев А. В.* Записки народовольца. М., 1930. С. 18.
[127] *Морозов Н. А.* Повести моей жизни. М., 1947. Т. 3. С. 264.
[128] *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 221.

ван еще один член ИК Степан Ширяев. В те же декабрьские дни эмигрировал агент ИК Лев Гартман.

Новый 1880 год сразу же принес новые потери. В ночь на 18 января была разгромлена типография «Народной воли» в Петербурге, причем жандармы арестовали членов ИК Николая Буха и Софью Иванову, а 24 августа после вооруженного сопротивления был схвачен на одной из петербургских улиц агент ИК, «истребитель шпионов» Андрей Пресняков.

На смену погибшим бойцам ИК выдвигал новых, а это влекло за собой (в Петербурге, по крайней мере) ослабление пропагандистской, агитационной и организаторской работы. Террор отвлекал от нее и поглощал лучшие силы партии. «Мы проживаем капитал», — с тревогой говорил Желябов[129]. В середине 1880 г. решено было приостановить «красный» террор, но к концу того же года усилившиеся репрессии и казни заставили ИК форсировать подготовку цареубийства.

С 25 по 30 октября в Петербургском военно-окружном суде проходил первый из судебных процессов по делу партии «Народная воля» — т. н. «процесс 16-ти». Центральными фигурами процесса были члены ИК Квятковский и Ширяев. Оба они выступили со скамьи подсудимых с яркими революционными речами. Ширяев, в частности, заявил: «Я не касался и не буду касаться вопроса о своей виновности, потому что у нас с вами нет общего мерила для решения этого вопроса. Вы стоите на точке зрения существующих законов, мы — на точке зрения исторической необходимости <...> Как член партии я действовал в ее интересах и лишь от нее, да от суда потомства жду себе оправдания. В лице многих своих членов наша партия сумела доказать свою преданность идее, решимость и готовность принимать на себя ответственность за все свои поступки. Я надеюсь доказать это еще раз своею смертью»[130]. Квятковский перед смертным приговором написал матери: «Даже самую смерть я приму спокойно (не потому, что жизнь мне надоела, нет, жить еще хочется, даже ах, как хочется!) — в том меня поддерживает сознание, что я действовал честно, по своим убеждениям»[131].

Суд вынес обвиняемым суровый приговор: Квятковскому, Ширяеву и Преснякову — смертная казнь, Зунделевичу и Тихонову — вечная, а Ивановой и Буху — срочная каторга. Ширяеву казнь была заменена пожизненным заточением в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где он уже через 10 месяцев был умерщвлен. Квятковский и Пресняков 4 ноября 1880 г. героически приняли смерть на виселице.

5 ноября ИК выступил с прокламацией по поводу казни Квятковского и Преснякова, в которой объявил, что «судный час недалеко!»[132]. Члены ИК

---

[129] *Тихомиров Л. А.* «Начала и концы» (либералы и террористы). М., 1890. С. 46.
[130] Процесс 16-ти террористов. С. 227–228.
[131] Предсмертные письма Александра Квятковского //Каторга и ссылка. 1927. № 2. С. 208.
[132] «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930. С. 97.

решили во что бы то ни стало исполнить смертный приговор Александру II. «Теперь мы с ним покончим!» — сказал в те дни Александр Михайлов[133].

Новый план цареубийства был трехвариантным. Во-первых, на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы в Петербурге была снята лавка, где устроились под видом супругов—торговцев сыром члены ИК Юрий Богданович и Анна Якимова. Отсюда народовольцы вели подкоп под Малую Садовую, по которой царь нередко (практически каждое воскресенье) проезжал из Зимнего дворца в Михайловский манеж и обратно. В подкоп предполагалось заложить мину. Мнимые сыроторговцы вызвали подозрение у полиции, и генерал К. И. Мравинский с помощниками проверил «лавку», но не обнаружил в ней следов подкопа. Впоследствии, уже после цареубийства, генерал за такой надосмотр был предан суду и сослан на Север[134].

Одновременно с подкопом в динамитной мастерской народовольцы под руководством Н. И. Кибальчича изготовляли по последнему слову техники метательные бомбы. Четверо метальщиков должны были замкнуть Малую Садовую улицу (по двое с разных концов) и в случае, если бы не сработала мина, взорвать царя бомбами.

Наконец, если бы и бомбы не достигли цели, Желябов вызвался сам (разумеется, жертвуя собой) напасть на царя с кинжалом...

В конце 1880— начале 1881 г. ИК сосредоточил внимание на подготовке цареубийства, отложив ряд прочих дел. Желябов даже сказал в те дни: «Мы затерроризировались»[135]. Среди отложенных дел была и попытка освобождения из Петропавловской крепости С. Г. Нечаева. Этот скандально знаменитый узник сумел распропагандировать крепостную стражу и готов был бежать с ее помощью и при содействии «Народной воли». ИК обсудил такую возможность и решил не заниматься ею до цареубийства[136]. Ссылаясь на этот факт, некоторые историки и публицисты усматривают в «Народной воле» некий поворот к нечаевщине. С. Г. Пушкарев выразился даже так, что «Народная воля» «посвятила свои силы» освобождению Нечаева[137]. В действительности дальше разового обсуждения дело не пошло. Главное же, сам этот факт значил не более, чем готовность ряда членов ИК задействовать в интересах партии личность Нечаева, чуждого «Народной воле» идейно и нравственно, но полезного по своим деловым качествам, вроде Ф. Н. Юрковского (по кличке «Сашка—инженер»), о котором Вера Фигнер говорила: «Быть может, одного Сашку—инженера в партии иметь должно, двух можно, но терпеть трех невозможно»[138].

---

[133] *Тырков А. В.* К событию 1 марта 1881 г. Ростов н/Д., 1907. С. 15.

[134] О суде над ним см.: Спасович В. Д. Семь судебных речей по уголовным делам. Берлин, 1900. С. 24—85. Генерал К. И. Мравинский — отец примадонны Петербургской оперы Е. К. Мравиной и дед народного артиста СССР дирижера Е. А. Мравинского.

[135] *Русанов Н. С.* Идейные основы «Народной воли» // Былое. 1907. № 9. С. 76.

[136] См.: *Волк С. С.* Указ. соч. С. 107.

[137] *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. Ставрополь, 1993. С. 351.

[138] *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 216.

Тем временем, именно с конца 1880 г., на «Народную волю» обрушился шквал полицейских репрессий. Рабочий Иван Окладский — участник покушения на Александра II под Александровском, который лично знал многих членов и агентов ИК, — был приговорен по делу «16-ти» за борьбу против царизма к смертной казни, но купил себе жизнь ценою предательства. Завербованный в секретную агентуру Департамента полиции, он начал выдавать бывших своих товарищей. Как агент-провокатор Окладский прослужил до Февральской революции 1917 г., т. е. почти 37 лет (всероссийский рекорд продолжительности шпионского стажа!), затем скрылся и лишь в 1924 г. был разоблачен, судим теперь уже советским судом и вновь приговорен к смертной казни — на этот раз как царский прислужник[139]. Предательство Окладского позволило карателям напасть на след ИК и нанести ему тягчайшие потери.

28 ноября 1880 г. был арестован неоценимый страж безопасности «Народной воли» Александр Михайлов, когда он, вопреки собственным правилам конспирации, пришел в фотоателье на Невском проспекте взять заказанные там снимки казненных товарищей — Квятковского и Преснякова. Когда личность Михайлова, давно разыскиваемого по всей империи, была установлена, жандарм уязвил его: «Видно, на всякого мудреца довольно простоты!»[140].

Рана, нанесенная Исполнительному комитету арестом Михайлова, еще кровоточила, когда на Комитет обрушились новые удары. 25 января 1881 г. по указанию Окладского жандармам удалось схватить Александра Баранникова, который, кстати, был соседом по квартире Ф. М. Достоевского и арест которого, как предполагают авторитетные исследователи (В. Б. Шкловский, И. Л. Волгин), стал причиной болезненного припадка и скорой (через два дня) смерти писателя[141]. На следующий день с помощью Окладского в квартире Баранникова был арестован Николай Колодкевич, а 28 января в квартире Колодкевича — Николай Клеточников и в тот же день — Николай Морозов. Колодкевич, Баранников и Морозов принадлежали к числу наиболее влиятельных членов ИК, а что касается Клеточникова, то он был уникальным стражем безопасности «Народной воли» извне, как Михайлов оберегал ее внутри.

Но самый тяжелый удар был нанесен Исполнительному комитету 27 февраля 1881 г. и опять-таки по «наводке» Окладского. В тот день в квартире члена ИК М. Н. Тригони (дом № 66 по Невскому проспекту возле Аничкова моста, сохранившийся поныне) вместе с хозяином был арестован навестивший его Андрей Желябов — вождь «Народной воли» и главный

---

[139] См.: Процесс предателя—провокатора Окладского-Петровского в Верховном суде. Л., 1925. За давностью преступлений и ввиду преклонного возраста Окладского Верховный уголовный суд РСФСР заменил ему смертную казнь тюремным заключением на 10 лет.

[140] *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* Народоволец А. Д. Михайлов. М.;Л., 1925. С. 52—53.

[141] См.: *Волгин И. Л.* Последний год Достоевского. Исторические записки. М., 1986. С. 436—472.

организатор подготовлявшегося цареубийства. Арест Желябова очень обрадовал и успокоил правящие «верхи». Царь 28 февраля записал в своей памятной книжке: «3 важ[ных] ареста, в том числе Желябов», и еще 1 марта делился с окружающими этой радостью[142]. Бывший у него с докладом Н. К. Гирс (управляющий министерством иностранных дел) засвидетельствовал, что 28 февраля Александр II «был особенно весел и доволен, предполагая, что с арестом Желябова открыта нигилистическая гидра»[143].

ИК, напротив, пережил в те дни сильнейшее потрясение. Но ничто уже не могло помешать ему привести смертный приговор Александру II в исполнение.

10.3. Кризис «верхов»

«В России в те времена, — писал в 1894 г. один из самых проницательных умов Европы Фридрих Энгельс о рубеже 70–80-х годов, — было два правительства: правительство царя и правительство тайного Исполнительного комитета (Ispolnitel'nyj Komitet) заговорщиков-террористов. Власть этого второго, тайного правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким»[144].

Горсть храбрых на тьмы ополчилась врагов.
Шатались могучего трона ступени... —

так вспоминал о том времени поэт–народоволец П. Ф. Якубович.

Кризис самодержавия в России, который подспудно нарастал с весны 1878 г., в 1879 г. проявился со всей очевидностью. В стране сложилась вторая после 1859–1861 гг. революционная ситуация, все основные признаки которой (кризис «верхов», кризис «низов», экстраординарная активность масс) были налицо, хотя и с разной степенью проявления.

Начнем с «низов». Крестьяне к концу 70-х годов были доведены до отчаяния, страдая от безземелья, поборов и повинностей. Достаточно сказать, что сумма выкупных платежей по ряду губерний в несколько раз превышала оброки бывших государственных крестьян, а недоимки в иных губерниях к началу 1880-х годов «превышали годовую сумму платежей в два и даже в три раза»[145]. К постоянным бедствиям добавились временные: неурожай 1879 и голод 1880 г., разорительные последствия русско–турецкой войны 1877–1878 гг. В результате терпение крестьян истощалось. Из года в год росло число их волнений: 1877 г. — 9, 1878 — 31, 1879 — 46[146].

---

[142] *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. М., 1964. С. 302.
[143] *Ламздорф В. Н.* Дневник.1886–1890.М., Л., 1926. С. 215.
[144] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 449.
[145] *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978. С. 80.
[146] *Зайончковский А. А.* Указ. соч. С. 10.

Правда, теперь крестьянское движение было гораздо слабее, чем в годы первой революционной ситуации (1859–1861), когда число волнений крестьян выражалось в сотнях и даже (в 1861 г.) тысячах. Но ведь дело не только и не столько в количестве волнений, хотя среди них к концу 70-х годов вспыхивали и очень крупные (как в 19-ти волостях Чигиринского и Черкасского уездов Киевской губернии с участием 40–50 тыс. человек), а 22 из них только за 1878–1880 гг. царизм подавил лишь с помощью войск[147]. Дело еще в том, что вся крестьянская Россия полнилась на рубеже 70–80-х годов слухами о скором и всеобщем переделе земли, которые создавали в деревне угрозу восстания. «Казалось, можно было ожидать с часу на час взрыва, перед которым померкли бы ужасы Французской революции», — вспоминал М. Н. Катков[148]. Главное же, теперь, в отличие от 1859–1861 гг., в стране действовала общероссийская революционная организация, которая выражала интересы крестьян и пыталась поднять их на восстание. Поэтому для царизма крестьянское движение 1879–1881 гг. представляло собой едва ли меньшую, если не большую, опасность, чем в 1859–1861 гг. Мало того, в массовом движении 1879–1881 гг. появилось, наряду с крестьянским, новое — пролетарское — слагаемое, которого фактически не было в 1859–1861 гг.

Рабочий класс в России к концу 70-х годов был в положении, не менее бедственном, чем крестьяне. При отсутствии трудового законодательства их заставляли выполнять нормы, каких «не в состоянии выработать лошадь», а жили они большей частью в бараках, мало пригодных «даже для стойла коровы»[149]. Немудрено, что рабочее движение в конце 70-х годов тоже нарастает: 1877 г. — 16 выступлений, 1878 — 44, 1879 — 54 (для сравнения: за все 60-е годы насчитано 51 выступление рабочих)[150]. Впрочем, размах и воздействие рабочего движения на политику «верхов» до середины 80-х годов тоже оставались еще слабыми.

Своеобразие второй революционной ситуации заключалось в том, что ее решающим фактором было не массовое движение, как в 1859–1861 гг., а революционно-демократическое, народническое, выражавшее интересы масс. За 20 лет между 1861 и 1881 гг. революционно-демократический лагерь буквально приумножил себя. Главной силой этого лагеря в 1879–1881 гг. являлась «Народная воля», которая тогда вела, как выразился жандармский генерал П. А. Черевин, «querre á mort» (войну не на жизнь, а на смерть)[151] с царизмом. Именно натиск народовольцев, этот «нож деятелей, приставленный к горлу правительства» (выражение Ф. Энгельса), главным образом и обусловил новый после 1859–1861 гг. кризис «верхов» в России. Разумеется, здесь надо иметь в виду не один террор, а всю совокупность революционных действий «Народной воли». Более того, борьба

[147] Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. Сб. документов. М., 1968. С. 529.
[148] Московские ведомости. 1885. 17 сентября (передовая статья).
[149] *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса в России. Л., 1924. Т. 2. С. 107, 108.
[150] Рабочее движение в России в XIX в. М., 1950. Т. 2. Ч. 2. С. 644–676.
[151] РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 11. Л. 153.

«Народной воли» была вдвойне опасна для царизма ввиду угрозы ее соединения с массовым (прежде всего крестьянским) движением, ибо стихийный подъем крестьянских масс служил социальной базой народничества, питал собою его революционную энергию.

В отчетном докладе за 1878 г. шеф жандармов еще мог утешать царя: «Общее положение дел, относящихся до распространения пропаганды в России, отменно серьезно, но не безвыходно»[152]. Доклады шефа жандармов за 1879 и 1880 гг. были уже безутешными. Кризис «верхов» год от году разрастался.

С конца 1879 г. «верхи» стали уступать революционному натиску. После ноябрьской «облавы» народовольцев на Александра II при дворе забили тревогу, громче прежнего заговорили о конституции, а два конституционных проекта — П. А. Валуева и вел. кн. Константина Николаевича — в январе 1880 г. даже подверглись обсуждению (безрезультатному) у царя[153]. Когда же народовольцы чуть не взорвали Александра II в Зимнем дворце, правительственный лагерь пришел в смятение. Придворная знать кликушествовала от страха[154]. «Льво-яростный (по выражению Н. С. Лескова) кормчий» реакции М. Н. Катков хныкал: «Бог охраняет своего помазанника. Только Бог и охраняет его»[155]. Царь и министры боялись, что 19 февраля (по случаю очередной годовщины падения крепостного права) революционеры поднимут восстание. Из-за этого были даже отменены национальные торжества, назначенные на 19—20 февраля в честь 25-летия царствования Александра II[156]. Сам царь между 5 и 19 февраля никуда не выходил из дворца. Класс имущих со дня на день ждал новых взрывов и всеобщей «резни». «Люди состоятельные выезжали за границу, ценные вещи в домах зарывали в подвалы», — свидетельствовали современники[157]. «Только во время уже разгоревшегося вооруженного восстания бывает такая паника, какая овладела всеми в России (т. е. в «верхах». — *Н. Т.*) в конце 70-х годов и в 80-м, — вспоминал действительный статский советник А. А. Плансон. — все ждали чего-то неизвестного, но ужасного. Никто не был уверен в завтрашнем дне»[158]. «Всеобщую панику» в правящих сферах констатировали после февральского взрыва 1880 г. придворный генерал А. А. Киреев, генеральша А. В. Богданович, послы Германии (Ф. Швейниц) и Франции

---

[152] *Богучарский В. Я.* В 1878 г. // Голос минувшего. 1917. № 7—8. С. 161.

[153] *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919. С. 40, 47, 48, 50—55; *Милюпин Д. А.* Дневник. Т. 3. С. 184, 186—187.

[154] «Нервы так настроены, что поминутно рассчитываешь взлететь на воздух», — записывал 6 февраля 1880 г. в дневнике вел. кн. Константин Константинович (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 16. Л. 101.)

[155] Московские ведомости. 1880. 6 февраля (передовая статья «А»).

[156] *Воейков В. В.* Последние дни императора Александра II и воцарение императора Александра III // Изв. Тамбовской ученой археографической комиссии. Тамбов, 1911. Вып. 54. С. 67.

[157] Граф М. Т. Лорис-Меликов // Русская старина. 1889. № 1. С. 69. Ср.: *Де-Волан Г. А.* Очерки прошлого //Голос минувшего. 1914. № 4. С. 139.

[158] *Плансон А. А.* Былое и настоящее. СПб., 1905. С. 261—262.

(М. Палеолог)[159]. «Страшное чувство овладело нами, — плакался наследник престола, будущий Александр III. — Что нам делать?!»[160]

Решено было искать спасения от революции в диктатуре. Через неделю после взрыва в Зимнем дворце, 12 февраля 1880 г., царизм учредил Верховную распорядительную комиссию из десяти самых хитроумных и находчивых (как сочли при дворе) сановников[161] — орган беспрецедентный в российской истории. Главным начальником комиссии был назначен гр. Михаил Тариелович Лорис-Меликов.

Это был, бесспорно, самый находчивый и хитроумный из царских вельмож той поры. Его таланты и заслуги впечатляли и числом и разнообразием. В русско-турецкой войне 1877—1878 гг. он штурмом взял Карс, считавшийся неприступным, а затем управился с эпидемией чумы в Поволжье, когда казалось, что уже никто не сможет с нею справиться, причем удивил всю Россию, вернув казне недорасходованные средства. Наконец, будучи харьковским военным генерал-губернатором, Лорис-Меликов действовал достаточно энергично, чтобы заслужить одобрение правительства, и достаточно осмотрительно, чтобы не вызвать к себе сугубой ненависти революционеров; словом, изловчился стать единственным из генерал-губернаторов, кого ИК «Народной воли» не включил в список приговоренных к смерти.

В феврале 1880 г. Лорис-Меликов заявил себя при дворе чуть не Христом-Спасителем. Он был наделен почти неограниченными полномочиями. «Ни один временщик — ни Меншиков, ни Бирон, ни Аракчеев, — никогда не имели такой всеобъемлющей власти», — вспоминал он позднее сам о себе[162]. Высочайший указ от 12 февраля доверял ему «делать все распоряжения и принимать вообще все меры, которые он признает необходимыми для охранения государственного порядка и общественного спокойствия как в С.-Петербурге, так и в других местностях империи»[163]. Временных военных генерал-губернаторов («шесть Аракчеевых!») Лорис-Меликов подмял под себя. На какое-то время перед ним стушевался даже самодержец Всея Руси. Таким образом, если институт «шести Аракчеевых» в 1879 г. означал заметную *децентрализацию* власти в империи, то с учреждением Верховной распорядительной комиссии царизм ударился в другую крайность — чрезмерной *централизации* власти в руках некоронованной особы. Разумеется, обе крайности ущемляли принцип самодержавия и служили показателями его кризиса.

Став «полуимператором», Лорис-Меликов, естественно, позаботился об усиленной охране императора. 2 августа 1880 г. Верховная распорядитель-

---

[159] РГБ РО. Ф. 126. Карт. 2. Д. 8. Л. 112; *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 40—41; *Палеолог М.* Александр II и Екатерина Юрьевская. Пг.; М., 1924. С. 130.

[160] ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 79. Л. 320.

[161] Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, и.о. шефа жандармов П. А. Черевин, обер-прокурор Сената П. А. Марков и др.

[162] *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 5. С. 195.

[163] ПСЗ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 2. С. 450—451.

ная комиссия специально обсудила вопрос о том, как обеспечить «благополучное проследование государя на Юг России», и выработала целую программу мер, «удостоившихся высочайшего одобрения». Так, вдоль всей линии железной дороги от Петербурга до Симферополя решено было выставить, кроме войск, полиции и железнодорожной стражи, по 10 «самых благонадежных» обывателей на каждую версту, а в извилистых местах — больше, чтобы каждый из них видел соседей и справа и слева[164].

Главное же, Лорис-Меликов усматривал смысл своей диктатуры в том, чтобы создать благоприятные условия для победы над «крамолой» путем комбинирования репрессий против революционеров с послаблениями по отношению к либералам, дабы привлечь либералов на сторону реакции и таким образом изолировать революционный лагерь. В этом смысле он и действовал — расчетливо и ловко. С одной стороны, втихомолку расправлялся с революционерами: за 14 месяцев его диктатуры власти наскоро устроили 32 судебных процесса (почти все — в закрытом порядке) с 18 смертными приговорами. С другой стороны, Лорис-Меликов шумно творил либеральные послабления. Понимая, что «у него не отвалится язык от лишней либеральной фразы»[165], он обещал расширить права земства (хотя обещанием дело и ограничилось); назначил сенатские ревизии для расследования чиновничьих злоупотреблений (хотя все злоупотребления сохранились); с помпой упразднил III отделение (хотя его функции не менее рьяно стал выполнять учрежденный без всякой помпы Департамент полиции); сместил с поста министра просвещения самого ненавистного из царских министров Д. А. Толстого (хотя заменивший Толстого А. А. Сабуров продолжал толстовскую политику) и т.д[166].

Либералы пришли в восторг от нового правительственного курса. Они и прежде старались не раздражать правительство, облекая свои требования в лояльные формы, ибо российская буржуазия росла под опекой царизма, привыкла бояться его и нуждаться в нем[167]. Либералы хотели бы не ликвидировать самодержавие, а лишь выторговать у него какую-нибудь конституцию, «хоть такую, — иронизировали народники, — какую имеют от царя зубры в Беловежской пуще»[168], только бы оградить себя от крайностей деспотизма и произвола. Они сочувствовали, а иные из них даже содействовали народовольцам в борьбе против самодержавия: информацией[169], деньга-

---

[164] ГАРФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 13. Л 43–44.

[165] Литература партии «Народная воля». С. 71.

[166] Подробно о диктатуре Лорис-Меликова см.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. Гл. 2–3.

[167] «Европейской буржуазии самодержавие — помеха, нашей буржуазии оно — опора», — писал Н. К. Михайловский в № 2 газеты «Народная воля» (Литература партии «Народная воля». С. 29.

[168] Революционная журналистика 70-х годов. Спб., 1907. С. 80.

[169] «У партии было несколько близких юристов, советы и знания которых всегда находились к услугам партии» (*Прибылева-Корба А. П.* «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880 гг. М., 1926. С. 192.)

ми[170], укрывательством[171], ходатайствами перед властями. Так, почетный академик П. П. Семенов-Тян-Шанский постоянно хлопотал об освобождении или смягчении участи политических арестантов: «в Департаменте полиции <...> его называли официальным предстателем за интересы государственных преступников и прибавляли, что за многочисленные знакомства с преступниками его самого давно пора сослать»[172]. Но террористический способ борьбы «Народной воли» либералы отвергали, как безрассудную крайность, лишь озлоблявшую царизм.

Сами они предпочитали действовать посредством унаследованных от 50–60-х годов адресных кампаний, причем адреса, которые подносились правительству, даже либерал И. И. Петрункевич сокрушенно называл «пошлыми, униженными, вполне ничтожными»[173]. Лишь в редких случаях либеральные оппозиционеры дерзали публично осудить «произвол и самоуправство» царских властей[174] и декларировали, что «Россия хочет жить, как правовое государство, а не как полицейский участок»[175].

По сути дела буржуазный либерализм противостоял в 70–80-е годы не только реакции, но и революции. Либералы вымогали у правительства уступки, во-первых, конечно, чтобы защитить свои интересы, а во-вторых, чтобы предотвратить революцию. М. Н. Катков точно определил принципиальную разницу в позиции революционера и либерала тех лет: «Революционер говорит правительству: «Уступи, или я буду стрелять!», а либерал говорит правительству: «Уступи, или *он* будет стрелять!»»[176]. Но, как бы то ни было, давление либеральной оппозиции дополняло революционный натиск на самодержавие и усугубляло кризис «верхов».

Итак, либералы обрадовались слову и делу Лорис-Меликова, уверовали в то, что правительство отныне пойдет по пути уступок общественному мнению, и настроились на почтительное ожидание этих уступок. Правление Лорис-Меликова они окрестили «диктатурой сердца». Сам Лорис-Меликов слыл «бархатным диктатором». Харьковские толстосумы воздвигли в его честь триумфальную арку с надписью: «Победителю Карса, чумы и всех сердец»[177].

---

[170] По данным царского сыска, жертвовали деньги в казну «Народной воли» графиня А. С. Панина, профессор-историк А. С. Трачевский, профессор-геолог А. А. Иностранцев (ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881 Д. 628. Л. 6; Д. 1109. Л. 2–2об.)

[171] Квартиры для конспиративных встреч предоставляли народовольцам литератор С. А. Венгеров, вокальный педагог С. Г. Рубинштейн (сестра композиторов Антона и Николая), подполковник М. Г. Леер (сын начальника Академии Генштаба, члена-корр. Академии наук России и почетного члена Шведской академии военных наук Г. А. Леера): *Лион С. Е.* От пропаганды к террору. М., 1925. С. 47–49; *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Л., 1924. Ч. 1. С. 104.

[172] *Попов И. И.* Указ. соч. Ч. 2. С. 251.

[173] Юбилейный земский сб-к (1864–1914). СПб., 1914. С. 430.

[174] РНБ РО. Ф. 587. Д. 27 (записка Б. Н. Чичерина).

[175] РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д.531. Л. 1 об. (письмо Г. К. Градовского к П. А. Валуеву).

[176] Цит. по: *Веселовский Б. Б.* Земские либералы. СПб., [1906]. С. 9.

[177] *Клейнмихель М. Э.* Из потонувшего мира. Воспоминания. Пг.; М., 1923. С. 39.

Однако революционеры не были обмануты новым курсом. Газета «Народная воля» нашла для режима Лорис-Меликова меткое определение: «лисий хвост — волчья пасть»[178]. В радикальных кругах ходила по рукам эпиграмма:

Мягко стелет — жестко спать:
Лорис-Меликовым звать[179].

Диктатура Лорис-Меликова не остановила революционной борьбы. 20 февраля 1880 г. террорист-одиночка Ипполит Млодецкий стрелял в самого диктатора, но промахнулся и был схвачен, а 22 февраля публично казнен. На казнь Млодецкий шел с улыбкой. Поднявшись на эшафот, он крикнул толпе народа, которая собралась поглазеть на него: «Я умираю за вас!»[180].

Исполнительный комитет «Народной воли» в специальной прокламации о деле Млодецкого отметил, что Млодецкий покушался на диктатора « не только без пособия, но даже без ведома ИК». «Исполнительный комитет, без всякого сомнения, — говорилось в прокламации, — изыскал бы более верные средства совершения казни Меликова, если бы над ним состоялся смертный приговор»[181]. Тем временем «Народная воля» усилила антиправительственную пропаганду, агитацию и мобилизацию. Кризис «верхов» продолжался...

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил Александру II проект реформ, с помощью которых диктатор намеревался вызволить правительство из кризиса. В литературе этот проект фигурирует под названием «Конституция Лорис-Меликова». Суть проекта сводилась к образованию в лице «Временных комиссий» (из чиновников и выборных от «общества») совещательного органа при Государственном совете, который сам был совещательным органом при царе[182]. Иначе говоря, т. н. «Конституция Лорис-Меликова» вовсе не являлась конституцией, а лишь могла бы стать шагом к ней при удачном для оппозиции соотношении сил. «Все зависело от того, — резонно заключал В. И.Ленин, — что пересилит: давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие партии непреклонных сторонников самодержавия»[183].

Сначала все будто бы шло к тому, что лорис-меликовский проект будет шагом к конституции. Царизм вынужден был уступать силе демократического натиска. Люди, близкие к трону (вел. кн. Константин Николаевич, Д. А. Милютин, Е. А. Перетц, А. А. Сабуров, П. П. Шувалов), предлагали ради «спасения России» проекты новых реформ. Иные из них в течение

---

[178] Литература партии «Народная воля». С. 79.

[179] *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 94.

[180] *Энгельмейер А. К.* Казнь Млодецкого // Голос минувшего. 1917. № 7—8.

[181] «Народная волл» в документах и воспоминаниях. С. 95. Млодецкий вышел на Лорис-Меликова (когда тот подъезжал в экипаже к своему дому) с револьвером «возле двух стоявших у подъезда часовых, вблизи двух верховых казаков, конвоировавших экипаж, и торчавших тут же городовых» (Милютин Д. А. Дневник. Т. 3. С. 223).

[182] Проект был опубликован через 36 лет: Русский архив. 1916. № 1. С. 5—12.

[183] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 43.

1880 и первых месяцев 1881 г. обсуждались с тревогой, но без толку на совещаниях при царе[184]. В записке к очередному совещанию Д. А. Милютин констатировал: «У нас постоянное осадное положение»[185].

Сам царь был удручен таким положением, признавался своей морганатической супруге кн. Е. М. Юрьевской (если верить ее рассказу) в желании отречься от престола и удалиться в Каир, к «теплому климату»[186], а на уступки «крамоле» смотрел как на зло, столь же пагубное, сколь и неизбежное. «Да ведь это Генеральные штаты!» — возмутился он, прочитав «конституцию» Лорис-Меликова, но... одобрил ее «основную мысль» и 1 марта 1881 г., за считанные часы до смерти, повелел созвать на 4 марта Совет министров для того, чтобы обсудить вопрос о предстоящей реформе[187]. Дальнейший ход событий круто изменил соотношение сил.

10.4. 1 марта

На следующий день после ареста А. И. Желябова, 28 февраля 1881 г., в квартире Веры Фигнер у Вознесенского моста в Петербурге (ныне: просп. Майорова, 25/78, кв. 3) Исполнительный комитет «Народной воли» созвал экстренное заседание всех своих членов, которые оставались тогда на свободе (кроме откомандированных по делам Комитета из столицы). Собрались лишь 8—9 человек: В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, Н. Е. Суханов, М. Ф. Фроленко, М. Ф. Грачевский, Т. И. Лебедева, А. П. Корба, Г. П. Исаев и, возможно, М. В. Ланганс. Некоторые историки называют еще Л. А. Тихомирова, но это — ошибка. Сам Тихомиров свидетельствовал: «Я был в отъезде и приехал только 1 марта»[188].

На заседании обсуждался один вопрос. Его поставила Перовская: если завтра, 1 марта, еще не будет заложена мина или царь не поедет по Малой Садовой, не действовать ли одними метательными снарядами? «Все присутствовавшие, — вспоминала Фигнер, — единогласно ответили: «Действовать! Завтра во что бы то ни стало действовать!»»[189].

Руководство покушением взяла на себя Перовская. Она после ареста Желябова фактически возглавила «Народную волю». Впервые в истории русского освободительного движения на первый план вышла женщина. Кстати, Перовская была гражданской женой Желябова. Их любовь — сюжет, достойный высочайшей трагедии: оба они погибли вместе на виселице.

---

[184] См.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 40—42, 131—146, 192—203.

[185] РГБ РО. Ф. 169. ОП. 1. Карт. 39. Д. 33. Л. 1.

[186] *Laferté V.* Alexandre II. Details inedits sur sa vie intime et sa mort. Paris, 1882. P. 59.

[187] См. об этом рассказ П. А. Валуева (в записи М. И. Семевского): ИРЛИ РО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 553 об.—554.

[188] ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 63. Л. 4 об.

[189] *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 232.

«Она была сильна, как жизнь, и крепка, как смерть», — сказал о любви Желябова и Перовской советский писатель Илья Бражнин.

В руководстве цареубийством Перовская проявила необыкновенную выдержку, распорядительность и энергию. Всю ночь с 28 февраля на 1 марта она помогала Кибальчичу, Грачевскому и Суханову изготовить четыре метательные бомбы, секрет устройства которых так озадачит царских экспертов. Той же ночью была заложена мина под Малую Садовую улицу. Утром 1 марта Перовская расставила четырех бомбометальщиков (Тимофея Михайлова, Игнатия Гриневицкого, Ивана Емельянова и Николая Рысакова) на Малой Садовой, т.е. на обычном пути царя из Зимнего дворца в Михайловский манеж и обратно. Царь, однако, проехал в манеж и оттуда в Михайловский дворец другими улицами. Тогда Перовская, сообразив, что из Михайловского дворца в Зимний царь поедет не иначе, как по Инженерной улице и Екатерининскому каналу, перевела метальщиков на Екатерининский канал и закрыла царю обратный путь.

Около 2 часов 30 минут пополудни царская карета под охраной казачьего эскорта выехала с Инженерной улицы на Екатерининский канал. В том месте, где теперь стоит храм Спаса на крови, карету ждали три метальщика (Михайлов почувствовал себя неуверенно и ушел со своего поста). Первым бросил бомбу Рысаков. Бросил метко. Бомба разбила карету и ранила несколько казаков, но Александр II вылез из разбитой кареты цел и невредим. «Слава Богу, я уцелел!» — обрадовался он. Это были его последние слова. «Еще слава ли Богу?» — откликнулся Рысаков. В следующее мгновение Гриневицкий бросил свою бомбу оземь между собой и царем: бомба поразила обоих...[190]

Таким образом смертный приговор Александру II от 26 августа 1879 г. был приведен в исполнение. Цареубийство, дерзко анонсированное народовольцами, дважды (19 ноября 1879 г. и 5 февраля 1880 г.) лишь чудом не удавшееся и, наконец, совершенное, как ужасался М. Н. Катков, в столице империи, «на публичном проезде, среди дня, в средоточии всех властей»[191], повергло в транс правительственный лагерь. «Верхи» на время потеряли ориентацию и в первые дни действовали по принципу «Спасайся, кто может!» 3 марта председатель Комитета министров П. А. Валуев предложил новому царю Александру III назначить регента на случай, если его тоже убьют. Царь обиделся и десять дней делал вид, что не согласится на такое самоунижение, но 14 марта все-таки назначил регента (вел. кн. Владимира Александровича)[192], а сам, будучи не в силах более превозмочь страх перед вездесущими террористами, сбежал из Петербурга в Гатчину.

---

[190] Подробно см.: 1 марта 1881 г. Казнь императора Александра II. Документы и воспоминания. Л., 1991 . 382 с. Царь и цареубийца, смертельно раненые, скончались в тот же день. Гриневицкий умер неопознанным. Когда он перед смертью ненадолго пришел в себя, стороживший его следователь спросил: «Как ваше имя?» Ответ был: «Не знаю».

[191] Московские ведомости. 1882. 1 марта (передовая).

[192] *Милюпин Д. А.* Дневник. Т. 4. С. 28, 41.

Там, в Гатчине, «самодержец Всея Великия, Малыя и Белыя Руси» обрек себя на положение «военнопленного революции», как назвали его К. Маркс и Ф. Энгельс[193]. Ничто, даже необходимость коронации, не могло заставить царя отлучиться из гатчинского бомбоубежища — два года он правил некоронованным. Генерал А. А. Киреев 7 апреля записывал в дневнике: «Царь сидит в Гатчине безвыездно, ничего не говорит, ничем о себе не заявляет»[194]. Между тем аристократический Петербург был в панике. «Положение, как ни взгляни, страшное», — сокрушался официозный литератор Б. М. Маркевич[195]. Кн. С. М. Воронцов и редактор газеты «Русь» И. С. Аксаков просили нового царя перенести столицу в Москву. Околодворцовые круги поговаривали «о том, что с нигилистами не справишься и что действительно уж пусть лучше будет по-ихнему, пусть дадут конституцию» («одна конституция может спасти ныне Россию!» — восклицал петербургский губернский предводитель дворянства, родственник царя, внук внебрачного сына Екатерины Великой А. Г. Бобринского, А. А. Бобринский)[196]. «Наше правительство теряет голову», — писал в те дни адмирал И. А. Шестаков[197]. К. П. Победоносцев и М. Н. Катков с прискорбием констатировали «маразм власти»[198].

Действительно, такой паники в «верхах», как в 1881 г., когда вся страна была объявлена на осадном положении, придворная знать жила в пароксизме страха, министры лихорадочно искали рецепты «спасения» империи, один царь был убит, а другой бросил столицу и укрылся в предместном замке, где и прозябал, словно в одиночном заключении, — такого Россия не знала за все время правления династии Романовых ни раньше, ни позже, вплоть до 1905 г. Другое дело, что в 1861 г. царизм пошел на бóльшие уступки. Ведь в 1881 г., через 20 лет после отмены крепостного права, самодержавию в сущности нечего было уступать, кроме... самодержавия. Теперь ему приходилось, как заметил Ф. Энгельс, « уже подумывать о возможности капитуляции и об ее условиях»[199]. Если в 1859—1861 гг. царизм решал задачу «уступить и остаться», то теперь оказался перед вопросом *«быть или не быть»*.

Итак, одна из двух главных функций «красного» террора, а именно дезорганизация правительства, «Народной воле» удалась. Момент был удобен для того, чтобы ударить по самодержавию и если не свергнуть его, то для начала вырвать у «верхов» уступки, более выгодные «низам», чем ублюдочная «конституция» Лорис-Меликова. Но в этот выигрышный момент у на-

---

[193] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 305. Россияне тоже говорили тогда, «будто царь содержится в плену» (*Милютин Д. А.* Дневник. Т. 4. С. 55.)

[194] РГБ РО. Ф. 126. Карт. 2. Д. 8. Л. 227.

[195] РГБ РО. Ф. 120. Карт. 28. Д. 2. Л. 45.

[196] РГБ РО. Ф. 126. Карт. 2. Д. 8. Л. 210; *Бобринский А. А.* Воспоминания // Каторга и ссылка. 1931. № 3. С. 105.

[197] РНБ РО. Ф. 856. Д. 7. Л. 1.

[198] Московские ведомости. 1881. 16 апреля (передовая). Ср.: Русский архив. 1907. № 5. С. 90.

[199] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 451.

родовольцев не оказалось сил, которые можно было бы бросить в бой. Вопреки их ожиданиям, народные массы не всколыхнулись.

Революционное брожение в «низах» после цареубийства стало сильнее. Рабочие и крестьяне начали сознавать неустойчивость власти и авторитета царя. Только за восемь месяцев 1881 г. (с 1 марта по 1 ноября) власти рассмотрели до 4 тыс. дел об «оскорблении величества», т.е. в три раза больше обычного[200]. В архивах царского сыска хранятся сотни откликов на цареубийство крестьян Петербургской, Московской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Харьковской, Одесской, Минской и многих других губерний: «собаке — собачья смерть», «того государя убили и этого надо убить», «нехай убивают царей; одного убили, другого убьют, всех побьют, тогда будут цари из нашего брата», «во имя Отца убили отца, во имя Святого духа — чтоб не было Романовых и духа» и т. д.[201] Но все это затронуло лишь ничтожно малую часть многомиллионных рабоче-крестьянских масс. Возбудить в них революционный подъем (что составляло вторую из двух главных функций «красного» террора) народовольцам не удалось. Крестьянское и рабочее движение в целом с 1880 г. уже шло на убыль. «Больше ничего не было — ни баррикад, ни революции», — с грустью вспоминала народоволка В. И. Дмитриева[202].

Не проявила тогда должной активности и либеральная оппозиция. Одни ее корифеи, напуганные цареубийством, отпрянули вправо, как например, Б. Н. Чичерин, призвавший в записке на имя царя под названием «Задачи нового царствования» истреблять террористов (это «отребье человеческого рода»), не считаясь с законностью[203]. Другие (Н. К. Михайловский, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский), напротив, радовались тому, что «на этот раз (после цареубийства. — *Н. Т.*) на нас идет революция»[204]. Большей частью либеральная общественность пассивно пребывала « в уверенности какого-то близкого переворота, в близости тем или иным путем конституции»[205]. По подсчетам Д. Л. Мордовцева, в первые мартовские недели 1881 г. из 288 органов российской печати только 8 (3 — в Москве, 2 — в Петербурге, 3 — в провинции) занимали охранительно-реакционные позиции, а 280 — просили реформ[206]. Но дальше верноподданнических просьб российские либералы даже в условиях послемартовского «маразма власти» не пошли.

---

[200] Литература партии «Народная воля». с. 145, 170.

[201] РГИА. Ф. 1405. Оп. 540. Д. 8 Л. 16.; Д. 30. Л. 200; Д. 33. Л. 297; Д. 62. Л. 8, 42, 206 и др.; ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Дела об «одобрительных высказываниях» по поводу цареубийства: 231, 244, 246, 247, 257, 258, 262 и др.

[202] *Дмитриева В. И.* Так было. С. 201.

[203] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1. Ч. 1. С. 108–109, 113–114.

[204] *Русанов Н. С.* Событие 1 марта и Н. В. Шелгунов // Былое. 1906. № 3. С. 44.

[205] *Тихомиров Л. А.* Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 97. О том же: *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 118.

[206] Неделя. 1881. № 16. С. 559–561. Нельзя принять всерьез голословный тезис В. В. Леонтовича о том, что российская общественность была тогда охвачена «глубоким чувством

ИК мог учесть в то время и реакцию международной общественности на содеянное им 1 марта. Эхо от взрывов на Екатерининском канале «града петрова» прокатилось по всему миру. Русская политическая эмиграция почти единодушно приветствовала цареубийство. П. А. Кропоткин в № 2 своей газеты «La Révolté» от 18 марта 1881 г. заявил: «Теперь цари будут знать, что нельзя безнаказанно угнетать народ, нельзя безнаказанно попирать народные права <...>. Событие 1 марта — это огромный шаг к грядущей революции в России <...>»[207]. В поддержку цареубийц выступили социалисты и Старого и Нового света — в частности, Луиза Мишель во Франции, Иоганн Мост в Англии, Захар Стоянов в Болгарии, Хоакин Миллер в США, Карл Маркс и Фридрих Энгельс[208].

Тогда еще радикально настроенный и очень авторитетный во Франции публицист Анри Рошфор в газете «L'Intransigeant» расценил казнь Александра II как начало освобождения России: «Бомба Орсини[209] <...> сделала для России то, что стрела Вильгельма Телля сделала для Швейцарии, эшафот Карла I — для Англии и эшафот Людовика XVI — для нас. Свобода всех народов процвела на крови угнетателей»[210].

Даже правая, враждебная ко всем и всяческим революционерам, европейская пресса признавала их силу в России. Агент ИК в Лондоне Л. Н. Гартман 1 мая 1881 г. писал о влиятельных английских газетах «Standart», «Daily Telegraph» и «Globe»: « В них каждый день и по сей час — огромные корреспонденции из России, переданные по телеграфу (в 2—3 тысячи строк), и передовые статьи, выставляющие нигилистов и Исполнительный комитет чем-то *всемогущим в России*»[211]. Император Германии Вильгельм I (дядя Александра III) и тот советовал своему племяннику откупиться от «нигилистов» конституцией — лишь, по возможности, самой куцей[212]. Все это совокупно подтверждало, сколь выигрышным был момент после цареубийства для решающего удара по самодержавию.

Рядовые народовольцы в те мартовские дни были настроены по-боевому, готовились действовать и ждали сигнала из центра. Член ИК Ольга Любатович, находившаяся тогда в Минске, вспоминала, что местные революционеры расспрашивали ее: «Почему молчит Россия? Что делать? Не устроить ли какую-нибудь демонстрацию» или даже «вооруженное нападение»?[213] В Москве точно так же, «со всех сторон требовали объяснений» у М. Н. Ошаниной, возглавлявшей тогда московскую организацию «Народной

стыда (? — *Н. Т.*) и печали», и поэтому ей «казалось невозможным ожидать от царя продолжения реформ» (*Леонтович В. В.* История либерализма в России. М., 1995. С. 333.)

[207] 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 124.

[208] См.: *Волк С. С.* Указ. соч. С. 131—132.

[209] Орсини Феличе (1819—1858) — итальянский революционер, террорист. Для Рошфора «бомба Орсини» — символ оружия террористов.

[210] Красный архив. 1931. Т. 2. С. 149.

[211] Там же С. 147. Курсив мой. — *Н. Т.*

[212] Конституция гр. Лорис-Меликова и его частные письма. Берлин, 1904. С. 68—70.

[213] *Любатович О. С.* Далекое и недавнее. М., 1930. С. 93.

воли»: что будет дальше и «чем можно быть полезным?»[214] В Петербурге особенно возбуждены были распропагандированные рабочие. «Что нам теперь делать? Веди нас куда хочешь!» — обращались они к Софье Перовской[215]. В ряде мест народовольцы действовали, не дожидаясь указаний ИК: в Москве[216], Казани, Нижнем Новгороде, Перми разбрасывались революционные прокламации[217]. Власти боялись, что с такими прокламациями народовольцы пойдут «в народ», ибо, как писал тогда Александру III К. П. Победоносцев, «народ возбужден, озлоблен, и если еще продлится неизвестность, можно ожидать бунтов и кровавой расправы»[218].

Как же повел себя в этой взрывоопасной ситуации Исполнительный комитет? Он ограничился распространением прокламаций. Первая из них была напечатана уже 1 марта. В ней говорилось: «Напоминаем Александру III, что всякий насилователь воли народа есть народный враг и тиран. Смерть Александра II показала, какого возмездия достойна такая роль»[219]. В следующие дни ИК выступил с прокламациями «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому», «От рабочих, членов партии «Народная воля»», «Европейскому обществу», а 10 марта обнародовал историческое «Письмо Исполнительного комитета Александру III».

Обратиться к новому царю с письмом-ультиматумом ИК решил сразу же после цареубийства. Проекты письма подготовили Л. А. Тихомиров и М. Ф. Грачевский. На заседании 7 и 8 марта ИК их обсудил[220]. За основу был принят проект Тихомирова, в который внесли ряд поправок — главным образом от Перовской и Суханова. Здесь же поручили Тихомирову ознакомить с текстом письма Н. К. Михайловского (как «внештатного» редактора «Народной воли»), который, по словам Тихомирова, «дал лестный отзыв о рукописи и сделал в ней лишь одну или две стилистические поправки». 10 марта окончательный вариант письма был утвержден на очередном заседании ИК[221] и в тот же день напечатан. Один экземпляр его, отпечатанный на веленевой бумаге, народовольцы вложили в конверт с титлами Александра III и опустили в почтовый ящик у здания Городской Думы на Невском проспекте[222]. Остальные распространялись и по России и за границей. Всего, по данным Календаря «Народной воли», «Письмо ИК Александру III»

---

[214] К истории партии «Народной воли». «Показания» М. Н.Полонской // Былое. 1907. № 6. С. 8–9.

[215] *Тырков А. В.* Указ. соч. С. 20.

[216] См.: ГИАМО. Ф. 16. Оп. 113. Д. 251. Л. 2, 15.

[217] См.: Волк С. С. Указ. соч. С. 126–127.

[218] Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 316–317.

[219] РН. Т. 2. С. 233.

[220] Участвовали в обсуждении, кроме Тихомирова и Грачевского, С. Л. Перовская, Н. Е. Суханов, М. Ф. Фроленко, Т. И. Лебедева, А. П. Корба, Г. П. Исаев и С. С. Златопольский.

[221] Здесь, по сравнению с предыдущим заседанием, присутствовала В. Н. Фигнер, но уже не было Перовской, арестованной утром 10 марта.

[222] *Прибылева-Корба А. П.* Указ. соч. С. 59.

выдержало три издания общим тиражом в 13 тыс. экземпляров. Летом 1881 г. «полиция находила его повсеместно»[223].

В этом обращении к новому царю[224] ИК вновь заявил о своей готовности прекратить «вооруженную борьбу», как он это делал ранее, в прокламациях от 22 ноября 1879 г. и 7 февраля 1880 г., обращаясь к Александру II после очередных покушений на него[225]. Повторил ИК и главное условие своего «разоружения» — отказ самодержца от власти в пользу Учредительного собрания. «Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в Вас сознания своих обязанностей, — гласит «Письмо ИК Александру III». — Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от Вас». ИК убеждал царя в тщетности любых попыток искоренить революционное движение: «революционеров создают обстоятельства, всеобщее недовольство народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя <...> Поэтому на смену истребленным постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные». ИК ставил царя перед дилеммой: «или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или *добровольное обращение верховной власти к народу* (курсив мой — *Н. Т.*) В интересах родной страны, <...> во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к Вашему Величеству с советом избрать второй путь».

К несчастью для России, Александр III, который даже «конституцию» Лорис-Меликова считал «фантастической» и «преступной»[226], избрал первый путь, в конце которого ждала царизм расплата, точно предсказанная в «Письме ИК»: «страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России»[227]...

Сдержанный, полный достоинства и силы тон «Письма ИК Александру III», а главное, его политический анализ и прогноз ситуации в России произвели большое впечатление не только на революционный лагерь[228], но также и на российскую и зарубежную общественность. Ф. Энгельс говорил Г. А. Лопатину: «И я, и Маркс находим, что письмо Комитета к Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государст-

---

[223] *Елпатьевский С. Я.* Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 128–129.

[224] Текст его см.: РН. Т. 2. С. 191–195.

[225] См.: РН. Т. 2. С. 222, 224.

[226] Помета Александра III на первой странице лорис-меликовского проекта // Былое. 1918. № 4–5. С. 162.

[227] РН Т. 2. С. 193.

[228] Александр Михайлов, к тому времени уже арестованный, назвал «Письмо» «венцом Исполнительного комитета и в литературном, и в практически-программном смысле» (Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933. С. 216.)

венным складом ума»[229]. Даже консервативный «Таймс» не без уважения назвал «Письмо ИК» «самой смелой и страшной «петицией о правах»»[230], уподобив его той «Петиции о правах», которую парламент Англии навязал королю Карлу I в преддверии революции 1640—1649 гг. Казалось, партия, обратившаяся к самодержцу с такой «петицией» и в таком тоне, очень сильна и способна на дела, адекватные ее слову. Но таких дел не последовало. Сами народовольцы упрекали тогда ИК в нерешительности. Однако, Комитет был, по-своему, прав, воздерживаясь от боевых акций. Еще в феврале 1881 г. он обсуждал возможность антиправительственного восстания и, посчитав свои силы, признал, что такой возможности пока нет[231]. После 1 марта пассивность «низов» и либеральной оппозиции не прибавила ему оптимизма. Поэтому ИК и действовал в те дни осмотрительно, по ситуации.

Тем временем правительственный лагерь оправился от первомартовской контузии. С удвоенной энергией заработали все звенья царского сыска, в котором уже не было Клеточникова. Арестованный в момент цареубийства Николай Рысаков дал предательские показания, которые навели карателей на след вожаков «крамолы». Уже 2 марта была арестована хозяйка конспиративной квартиры ИК Геся Гельфман, 3 марта — бомбометальщик Тимофей Михайлов, а 10 марта на Невском проспекте возле памятника Екатерине II была схвачена Софья Перовская. 17 марта жандармы задержали и главного техника «Народной воли» Николая Кибальчича. В те же и следующие дни были арестованы члены ИК Михаил Фроленко, Григорий Исаев, Николай Суханов. ИК, уже потерявший ранее Желябова, Александра Михайлова, Квятковского, Ширяева, Морозова, Колодкевича, Баранникова, Зунделевича, Клеточникова, теперь — после череды новых арестов — был обескровлен и почти обезглавлен.

Таким образом цареубийство оказалось для «Народной воли» пирровой победой. «Революционеры исчерпали себя 1-ым марта»[232]. Эту ленинскую сентенцию нельзя понимать буквально, но в принципе она верна. Конечно, «Народная воля» и после 1 марта сохранила часть сил, а затем пополняла их и, как мы увидим далее, еще долго продолжала борьбу. Но возместить и материальные (гибель «Великого ИК»), и моральные потери (крах расчетов на то, что цареубийство повлечет за собой взрыв революционной активности масс) она уже не могла.

---

[229] Письмо Г. А. Лопатина о беседе с Ф. Энгельсом о России // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 148. Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 35. С. 147—148.

[230] 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 250.

[231] См. об этом: *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 260—261.

[232] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 44.

10.5. Закат и гибель «Народной воли»

1 марта 1881 г. В России начал царствовать новый, предпоследний самодержец Александр III. Идеалом правителя он считал не отца своего, Александра II — реформатора и «Освободителя», а деда, Николая I. Как и Николай, Александр III полагался на палаческий способ правления и (символичная деталь!) ознаменовал свое воцарение — точно по примеру деда — пятью виселицами.

Шесть первомартовцев (А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, Г. М. Гельфман, Т. М. Михайлов и, несмотря на свое предательство Н. И. Рысаков) были преданы суду ОППС по обвинению в цареубийстве. Прокурором на суде выступал Н. В. Муравьев (позднее, при Николае II, министр юстиции) — друг детства Софьи Перовской[233]. Теперь он именно Перовскую требовал повесить в первую очередь как распорядительницу цареубийства, хотя понимал, что главным «злодеем», «великим организатором» покушений на царя, как выражались жандармские хроникеры, был «страшный Желябов»[234].

Андрей Иванович Желябов действительно стал центральной фигурой процесса по делу 1 марта 1881 г. — самого громкого политического процесса в XIX в. и одного из самых выдающихся процессов вообще. Арестованный еще до цареубийства, он мог бы избежать участи первомартовцев, но 2 марта письменно потребовал от властей «приобщения себя» к делу о цареубийстве. Опасаясь отказа и как бы подзадоривая карателей принять его заявление, Желябов приписал в постскриптуме: «Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две»[235]. Это заявление он написал, узнав об аресте Рысакова и заключив, что для столь ответственного процесса «Народной воли», как процесс о цареубийстве, Рысаков — фигура слишком мелкая и ненадежная. ИК, по-видимому, отлично понял смысл заявления Желябова. Во всяком случае, Перовская, как только узнала о нем, определила: «Иначе нельзя было. Процесс против одного Рысакова вышел бы слишком бледным»[236].

На суде Желябов использовал как подсудимый все свои процессуальные права (делать заявления суду, участвовать в допросе свидетелей, оспаривать выводы прокурора, выступать с защитительной речью и последним словом) исключительно в интересах своего дела, нисколько не заботясь о себе лично. Он начал свою защитительную речь с такой преамбулы: «Гг. судьи, дело всякого убежденного деятеля ему дороже жизни. Дело наше здесь было

---

[233] Однажды маленькая Соня с помощью брата Васи и сестры Маши даже спасла жизнь своему будущему обвинителю, вытащив его из пруда, в котором он чуть было не утонул (см.: *Перовский В. Л.* Воспоминания о сестре. М.; Л., 1927. С. 13.).

[234] Ср.: Дело 1 марта 1881 г. С. 274, 277–278; Хроника социалистического движения в России 1878–1887 гг. М., 1906. С. 160.

[235] Былое. 1918. № 4–5. С. 279.

[236] *Степняк-Кравчинский С. М.* Соч. М., 1958. Т. 1. С. 512 (из рассказа Анны Эпштейн, встречавшейся с Перовской в мартовские дни 1881 г).

представлено в более извращенном виде, чем наши личные свойства. На нас, подсудимых, лежит обязанность, по возможности, представить цель и средства партии в настоящем их виде»[237]. Вся речь Желябова и была образцом защиты не его «личных свойств», а «цели и средств партии», образцом, который тем не менее раскрывает перед нами и его, Желябова, великолепные «личные свойства» «убежденного деятеля». В ответ на постоянные окрики председательствующего («Вы опять говорите о партии!») Желябов подчеркнул: «Моя личная задача, цель моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только затем был вынужден перейти к насилию. По своим убеждениям я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников».

Сознание правоты того дела, которое он отстаивал, придавало Желябову на суде избыток сил, так удивлявший (а то и восхищавший) очевидцев даже из враждебного лагеря. Держался он гордо, выступал красноречиво и с такой уверенностью в себе, какой недоставало ни прокурору, ни судьям[238]. Зная, что его ждет виселица, он был полон неиссякаемого оптимизма, который сквозил и в том, как оживленно он переговаривался с товарищами, — особенно с Перовской, сидевшей рядом[239], и в том, как деловито вмешивался в допрос свидетелей и как последовательно вел свою программную речь, невзирая на окрики главного судьи[240], и в том, с каким достоинством одернул он взглядом сановную публику, когда она зашикала на его слова «я русский человек»[241]

Демократическая общественность России и Запада (в частности, Лев Толстой, Владимир Соловьев, Виктор Гюго) пыталась спасти первомартовцев[242]. Но реакция жаждала крови. Обер-прокурор Синода («русский папа», как звали его на Западе) К. П. Победоносцев написал Александру III, что его «приводит в ужас» мысль о возможном помиловании Желябова и Пе-

---

[237] Полный текст речи Желябова см.: РН. Т. 2. С. 252–259.

[238] Враги по неразумению видели в этой уверенности Желябова «рисовку», «наглость» и «нахальство» (*Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг. С. 159; *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1881. М., 1898. С. 162, 163). Зато «Желябов заполнял все сердца молодежи, имя его было полно обаяния и восторга» (*Каллистратова-Райс О. Б.* Воспоминания. Цит. по: Волк С. С. Указ. соч. С. 119.)

[239] К. П. Победоносцев в дни суда уведомлял царя: «Желябова оставили сидеть рядом с Перовской, так как уже считают их за отпетых людей» (Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 324.)

[240] Председатель суда Э. Я. Фукс, выслушав в почтительном молчании речь прокурора, придирчиво (19 раз!) прерывал Желябова, требовал «не впадать в изложение теории», т. е. революционной программы.

[241] Очевидец этой сцены гр. фон-Пфейль навсегда запомнил, как Желябов «выпрямился и почти угрожающе глядел на публику, пока опять не водворилась тишина» (Новый журнал литературы, искусства и науки. 1908. № 4. С. 56).

[242] Подробно об этом см.: *Троицкий Н. А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979. С. 134–136, 256–257.

ровской. «Будьте спокойны, — утешил «русского папу» царь. — Что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь»[243].

Разумеется, все шестеро и были приговорены к повешению. Гесе Гельфман ввиду ее беременности[244] казнь отсрочили до рождения ребенка, а затем под давлением мировой общественности заменили пожизненным заключением, но заточили ее в такие условия, что она через 3,5 месяца после родов умерла в тюрьме. Остальных первомартовцев казнили 3 апреля 1881 г. в Петербурге, на Семеновском плацу, где 32 года назад была инсценирована казнь над Ф. М. Достоевским и его товарищами-петрашевцами. К виселицам «цареубийц» провезли по городу на позорных дрогах: каждый из них был привязан за руки к скамье и у каждого на груди висела доска с надписью «Цареубийца»[245]. Официальный хроникер засвидетельствовал, что осужденные встретили смерть с достоинством[246]. Великая актриса М. Г. Савина, видевшая с балкона своей квартиры, как первомартовцев везли к месту казни, рассказывала друзьям, что «кроме одного из приговоренных, Рысакова, лица остальных, влекомых на казнь, были светлее и радостнее лиц их окружавших. Софья Перовская зарделась и просто сияла на темном фоне мрачной процессии»[247].

Казнь 3 апреля 1881 г. стала последней в России публичной казнью. Проделана она была варварски. Тимофея Михайлова за какие-нибудь четверть часа повесили три раза, так как дважды, уже повешенный, он срывался с виселицы. Всю Европу обошла тогда фраза немецкого корреспондента: «Я присутствовал на дюжине казней на Востоке, но никогда не видел подобной живодерни»[248]. Проникновенно сказал о казни первомартовцев советский публицист Андрей Меркулов: «Их душили под бой барабанов, которыми уже десятки лет трамбовали Россию. Повесили способность народа самому управлять собой. Повесили науку. Повесили идеал высокой и нежной женской души. Повесили любовь и дружбу. И с ними же вместе — предательство»[249].

После казни «цареубийц» истекла неделя, другая, третья. Революционный лагерь не предпринимал каких-либо решительных акций. ИК подготовил было дерзкий план освобождения первомартовцев по пути их к месту казни силами трех боевых групп из 200 рабочих во главе с 40, примерно,

---

[243] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Ч. 1. С. 43, 47.

[244] Г. М. Гельфман была женой члена ИК «Народной воли» Н. Н. Колодкевича. Подробно о ней см.: *Иохельсон В. И., Кантор Р. М.* Геся Гельфман. Материалы для биографии и характеристики. Пг.; М., 1922.

[245] Общепринятое по отношению к осужденным первомартовцам понятие «цареубийцы», строго говоря, условно. Никто из шестерых не убивал Александра II. Даже Рысаков его не убил. Непосредственным «цареубийцей» был Гриневицкий, который вместе с царем убил и себя.

[246] Суд и казнь первомартовцев // Былое. 1918. № 4–5. С. 320—322.

[247] *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 33.

[248] Kölnische Zeitung. 1881. 16 april. S. 2.

[249] *Меркулов А. А.* Ветераны мечты и бессмертия // Молодой коммунист. 1962. № 9. С. 102.

офицерами-народовольцами[250]. Но от этого плана пришлось отказаться, как только выяснилось, какой невиданно громадный конвой снарядили власти для пяти осужденных. Колесницы «цареубийц» конвоировали два эскадрона кавалерии и две роты пехоты, жандармы, околоточные, городовые; на всех перекрестках вдоль пути следования колесниц дежурили еще четыре роты войск, усиленные наряды конной жандармерии и местная полиция; всего на Семеновском плацу корреспондент «Таймс» насчитал тысяч 10—12 солдат и жандармов[251]. «Не было только артиллерии», — вспоминала А. В. Якимова...

К концу апреля Александр III несколько воспрянул духом и внял уговорам К. П. Победоносцева декларировать особым манифестом курс на «твердую власть». 29 апреля царь подписал составленный Победоносцевым манифест, котолрый перечеркивал все надежды «благомыслящей» оппозиции на конституцию и объявлял волю царизма «утверждать и охранять» самодержавную власть «от всяких на нее поползновений»[252], т. е. провозглашал сакраментальный принцип самовластия, формулированный сатирическим героем Глеба Успенского будочником Мымрецовым как «тащить и не пущать!»

Вслед за обнародованием манифеста М. Т. Лорис-Меликов и солидарные с ним министры-либералы (в том числе Д. А. Милютин) были уволены в отставку. Правительство возглавил гр. Николай Павлович Игнатьев — бывший посол в Турции, «лгун-паша», как называли его не без почтения в Константинополе, виртуоз политического камуфляжа. Он был призван для начала снять кризисную напряженность в «верхах» и мобилизовать карательные ресурсы царизма, чтобы потом «тащить и не пущать» наверняка. Именно при нем, под его редакцией, было выработано «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (иначе — «Положение об охране»)[253]. Принятая 14 августа 1881 г. на три года как чрезвычайная мера, эта своего рода карательная «конституция» затем каждый раз по истечении срока возобновлялась — вплоть до крушения царизма. Она открывала простор для безудержного произвола властей в борьбе с «крамолой», чем не замедлил воспользоваться режим Александра III, особенно после того как 30 мая 1882 г. «подготовителя» Игнатьева сменил во главе правительства «делатель» мстительной реакции гр. Дмитрий Андреевич Толстой — личность, самая ненавидимая в России XIX в. после Аракчеева, гонитель освободительного движения, демократической мысли, просвещения и культуры. Впрочем, Толстой был, по крайней мере, сильной личностью. Его же заместитель И. Н. Дурново и другие министры его кабинета — военный (П. С. Ванновский), иностранных дел (Н. К. Гирс), юстиции (Н. А. Манасеин), просвещения (И. Д. Делянов), государственных имуществ (М. Н. Островский) — совокупно иллюстрируют афоризм Б. Франклина: «В реках и плохих правительствах наверху плавает самое легковесное».

---

[250] Подробно об этом см.: *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. С. 260—261.

[251] 1 марта 1881 г. М., 1933. С. 251.

[252] ПСЗ. Собр. 3. Т. 1. С. 54.

[253] Текст его см.: Там же. Т.1. № 350.

Годы царствования Александра III (1881–1894) В. И. Ленин не без оснований назвал временем «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской» реакции[254]. Для «Народной воли» то было время ее заката и гибели. Наибольший урон нанесли ей правительства Игнатьева и, в особенности, Толстого. Сменивший Толстого в 1889 г. И. Н. Дурново мог уже почивать на лаврах своих предшественников.

Расправа с народовольцами вершилась и в судебном и в административном порядке. Всего за 1880–1894 гг. царизм провел против «Народной воли» 80 судебных процессов[255]. На них были преданы суду 440 человек и вынесены 89 смертных приговоров. Из 89 смертников 26 были казнены, а 63 «помилованы» вечной и (в редких случаях) срочной каторгой. Почти все «помилованные» погибли в каторжных норах (18 из них, в том числе член ИК М. Ф. Грачевский, видные народовольцы С. М. Гинсбург, К. А. Иванайнен, М. Ф. Клименко, Н. К. Сигида, И. В. и М. В. Калюжные, покончили с собой)[256]. В тюрьмы и ссылку шли сотни народовольцев по суду и тысячи — административным порядком.

В борьбе против «крамолы» царизм давно уже использовал все способы подавления, изыскивая и придумывая все новые и новые. При Александре III началом всех начал карательного террора оставался неусыпный полицейский надзор. Он удивлял и пугал современников своими масштабами, точно определить которые едва ли возможно. Генеральша А. В. Богданович в 1880 г. свидетельствовала (ссылаясь на члена Верховной распорядительной комиссии М. И. Батьянова!): «Теперь во всей России находятся 400 тыс. человек под надзором полиции»[257]. Разнузданный надзор влек за собой эпидемию доносов. Н. В. Клеточников, прослуживший 734 дня в недрах царского сыска, заявил на суде: «Я возьму громадный процент, если скажу, что из ста доносов один оказывается верным. А между тем, почти все эти доносы влекли за собой арест, а потом и ссылку»[258]. Среди них были и абсурдные и курьезные. Так, в женской гимназии г. Владимира после заупокойной молитвы об Александре II девочка-подросток полюбопытствовала: «А когда же повесят нового царя?» Доносчик был тут как тут. «Начались допросы. В результате выяснилось, что девочка интересовалась, когда будет повешен портрет» Александра III[259].

---

[254] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 295. Щедрин увековечил александровскую реакцию в образе «торжествующей свиньи», которая «кобенится» перед Правдой и «чавкает» ее (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч.. М., 1940. Т 14. С. 245–247).

[255] Подробно см.: *Троицкий Н. А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2 изд. Саратов, 1983. Приложение (С. 358–408.)

[256] Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, Г. А. Лопатин, С. А. Иванов, Н. П. Стародворский, П. Л. Антонов (а также черноперелец М. Р. Попов) отсидели в казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей по 20–24 года и были освобождены лишь революцией 1905–1907 гг. Годом раньше, после 20 лет заточения, вышли на свободу В. Н. Фигнер и М. Ю. Ашенбреннер.

[257] *Богданович А. В.* Указ. соч. С. 45.

[258] Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906. С. 63.

[259] *Шестернин С. П.* Пережитое. Иваново, 1940. С. 16.

Наряду с разнузданием старых опробовались новые способы борьбы с «крамолой». Среди них — создание одиозно знаменитой «Святой (или *«Священной»*, как ее иначе называют) дружины», т.е. *тайного* общества по искоренению «крамолы» с видимым расчетом вышибать клин клином. «Дружина» сформировалась летом 1881 г. из 729 персон с громадным фондом в 300 тыс. руб. на агентурные нужды. Специально для «наружной охраны священной особы государя императора» она завела вспомогательную лигу под названием «Добровольная охрана», члены которой только в Москве составляли целую армию — 14 915 человек[260]. Более того, судя по заявлению т.н. «Всенародного русского союза» (с подзаголовком: «Объединенная организация противуреволюционных обществ»)[261], уже в 1881 г. создавался, хотя и почему-то не был достроен, охранительный монстр, предвосхитивший черносотенные союзы 1905 г. Программные цели «Союза» 1881 г. вполне укладывались в идею «тащить и не пущать»: «1) Русское государство должно составлять одно нераздельное целое под властью самодержавного русского царя. 2) Ни под каким наименованием не должен быть допущен созыв учредительного собрания для начертания новых законов Российской империи».

Новым словом в борьбе послемартовской реакции с «Народной волей» можно считать и невиданный прежде в России расцвет шпионажа и провокации. В 1879—1881 гг. царизм пользовался этим оружием плохо — в немалой степени потому, что тогда царских шпионов и провокаторов систематически разоблачал Н. В. Клеточников. После ареста Клеточникова «Народная воля» уже не могла обезвреживать провокации царизма с прежним успехом. Зато царизм стал действовать в этой сфере гораздо успешнее. Напуганный феноменом Клеточникова[262], он ревизовал, укрепил и расширил свой сыскной цех. Появилась фаланга мастеров сыска, вокруг которых кишели рядовые сыщики, подмастерья. Центральной фигурой этого сыскного полчища стал Георгий Порфирьевич Судейкин, который затмевал своими успехами всех прочих сыщиков, вместе взятых, а из успехов Судейкина все прочие затмила *дегаевщина*.

Умный, предприимчивый, честолюбивый и беспринципный Судейкин с начала 70-х годов служил в Киевском ГЖУ, отличился (с помощью провокаций) в раскрытии революционных кружков Юга, был приглашен в столицу и весной 1882 г. стал заведовать агентурой петербургской охранки. До конца 1882 г. он успел причинить большой урон «Народной воле». Самым

---

[260] Подробно см. в неопубликованной монографии М. К. Лемке «Святая дружина»: ИРЛИ РО. Ф. 661. Д. 16. См. также: ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1881 Д. 1574 (памятная записка о «Святой дружине»); *Сенчакова Л. Т.* «Священная дружина» и ее состав // Вестник МГУ. Сер. 9. История. 1967. № 2.

[261] Этот документ сохранился в архиве гр. И. П. Игнатьева: ГАРФ. Ф. 730. ОП. 1. Д. 1520. Л. 1—1 об.

[262] «Некто из жандармов, — читаем в письме Б. М. Маркевича к М. Н. Каткову от 23 апреля 1883 г., — говорил моему знакомому, что там (в Департаменте полиции — *Н. Т.*) целых 12 чиновников, состоящих как *Клетчаткин*, в ближайших связях с террористами...» (РГБ РО. Ф. 120. Папка 34. Л. 66 об.)

крупным его успехом той поры была облава, устроенная в Петербурге с 4 на 5 июня 1882 г., после того как его агенты выследили динамитную лабораторию ИК. В ту ночь жандармы арестовали сразу 120 человек, в числе которых оказались два члена ИК — М. Ф. Грачевский и А. П. Корба, — а также десятки рядовых народовольцев[263]. Но Судейкин метил на большее. Он искусно плел сеть провокации вокруг «Народной воли», рассчитывая проникнуть в центр партии и развалить ее изнутри до основания. Для этого требовался не петербургский только, а всероссийский масштаб сыска. В конце 1882 г. таковой был доверен Судейкину.

3 декабря 1882 г. Александр III утвердил «Положение об устройстве секретной полиции в империи». Оно вводило должность инспектора секретной полиции для руководства политическим розыском по всей России[264]. Первым инспектором и был назначен Судейкин. Именно в этой роли он содеял самую грандиозную в России XIX в. (а может быть, и в истории царского сыска вообще[265]) провокацию, известную как «дегаевщина», хотя точнее было бы называть ее «судейкинщиной»[266].

Сергей Петрович Дегаев — отставной артиллерийский штабс-капитан, весьма образованный (учился в Артиллерийской академии и в институте путей сообщения), из хорошей семьи (внук видного историка и журналиста Н. А. Полевого) — был членом Военного центра «Народной воли» с осени 1880 г. До 1 марта 1881 г., пока «Народную волю» возглавлял «Великий ИК», Дегаев оставался в тени, причем иные члены ИК (Перовская, Суханов) и Военного центра (Э. А. Серебряков, Н. М. Рогачев) относились к нему недоверчиво. На энергичного Рогачева личность Дегаева производила «впечатление какой-то вываренной тряпки»[267]. Тем не менее, после 1 марта, когда вожаки «Народной воли» гибли один за другим и на смену погибшим требовались новые люди, а людей, достойных заменить корифеев «Великого ИК», больше не было, Дегаеев стал выдвигаться на первый план. К моменту ареста (20 декабря 1882 г.) он вместе с Верой Фигнер, Рогачевым и М. Ю. Ашенбреннером фактически стоял у руля «Народной воли» и уже как один из лидеров партии попал в руки Судейкина.

Проницательный сыщик смекнул, что по натуре Дегаев — такой же, как и он, Судейкин, «беспринципный честолюбец, готовый служить и Робеспьеру, и Бонапарту, и Людовику XVIII»[268] (не зря французы говорят: «Chague

---

[263] См.: *Прибылев А. В.* Записки народовольца. М., 1930. С. 47—48.

[264] ГАРФ. Ф. 102. 3 д-во. 1882. Д. 977. Л. 9—12 («Положение об устройстве секретной полиции в империи» и «Инструкция инспектору секретной полиции»).

[265] Еще более сенсационная «азефовщина» 1902—1908 гг. по размерам вреда, причиненного революционному движению, думается, уступает дегаевщине. С. П. Дегаев вызвал опустошение в рядах партии, которая была главной (фактически даже единственной) силой движения, тогда как Е. Ф. Азеф опустошал ряды партии эсеров, действовавшей одновременно с не менее влиятельной партией социал-демократов.

[266] Подробно см.: *Трощкий Н. А.* Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3.

[267] РН. Т. 2. С. 296.

[268] *Ашенбреннер М. Ю.* Военная организация «Народной воли». С. 100.

vilain trouve sa vilain»[269]). Играя на слабостях Дегаева и козыряя перед ним своей силой, Судейкин морально выпотрошил его и прельстил поистине сатанинским планом: Дегаев должен был при содействии жандармской охранки устранить старых революционеров и заново скомплектовать террористическое подполье, в котором стал бы диктатором; затем Судейкин и Дегаев вдвоем, чередуя то убийства правителей России (руками террористов), то раскрытие заговоров и расправу с убийцами (руками охранки), возглавили бы страну, приводя в повиновение правительство террором, а террористов — охранкой.

14 января 1883 г. Судейкин устроил Дегаеву фиктивный побег из-под стражи. Дело было в Одессе. Дегаева везли на вокзал в дрожках два унтерофицера из агентуры Судейкина. Подъехали к вокзалу. «Вдруг» Дегаев столкнул с дрожек одного конвоира, бросил горсть табака в глаза другому и бесследно «скрылся в здании» вокзала[270].

После этого Дегаев четыре месяца авторитетно вращался в «Народной воле» и выдавал Судейкину ее планы, связи, кадры. Прежде всего провокатор выдал Военный центр партии, а вслед за ним все местные военные группы. Военная организация «Народной воли» была превосходно законспирирована. Агент ИК предатель Н. И. Рысаков, который знал и выдал много членов ИК, его агентов, участников студенческих и рабочих групп, о Военной организации вынужден был заявить на дознании: «эта организация мне совершенно незнакома»[271]. Дегаев же как член Военного центра со дня его основания знал структуру и состав Военной организации досконально и все, что знал, выдал. Арестованы были 200 офицеров. Те же, кто уцелел, потеряли веру в жизнеспособность народовольчества и отошли от него. В результате от Военной организации «Народной воли» не осталось камня на камне.

10 февраля 1883 г. по указанию Дегаева в Харькове была арестована Вера Фигнер — последний член ИК, еще остававшийся в России на свободе. Арест был обставлен как дело рук известного предателя Василия Меркулова, которого Дегаев изловчился столкнуть лицом к лицу с Фигнер на улице, после чего она тотчас и была схвачена. Чтобы еще более заслонить Дегаева от возможных подозрений со стороны Фигнер и ее товарищей Меркуловым, начальник Харьковского ГЖУ И. К. Турцевич, едва Веру Фигнер сразу после ареста ввели к нему в кабинет и она в ответ на его требование назвать себя заявила: «Генерал, вам это скажет тот, кто указал меня арестовать», распорядился позвать Меркулова. Тот подтвердил, что неизвестная арестована по его указанию и что она не кто иная, как Вера

[269] Пословица, близкая к русской: «Рыбак рыбака видит издалека».
[270] *Валк С. Н.* Побег Сергея Дегаева // Красный архив. 1928. Т. 6.
[271] *Валк С. Н.* Из показаний Н. И. Рысакова // Красный архив. 1926. Т. 6. С. 182.

Филиппова[272]. Услышав это, Фигнер резко повернулась к Меркулову и, воскликнув: «Подлец! Шпион!», плюнула ему в лицо[273].

С арестом Фигнер Исполнительный комитет «Народной воли» был полностью уничтожен. Осталось лишь его заграничное представительство в Париже: Л. А. Тихомиров и М. Н. Ошанина. Рядовые народовольцы были деморализованы. Казалось, все идет по плану Судейкина и Дегаева. Но Дегаев уже понял, что, кроме незавидной роли жандармской ищейки, ему на поводу у Судейкина рассчитывать не на что. Между тем его стал мучить страх перед возможным разоблачением и местью со стороны народовольцев, которые, как он хорошо знал об этом, умели расправляться с предателями. Поэтому в мае 1883 г., будучи по делам охранки (на ее средства, конечно) вместе с женой в Париже, он покаялся там перед Тихомировым. Тот счел возможным гарантировать провокатору жизнь, если он организует убийство Судейкина. Обрадованный Дегаев оставил в залог свою жену, вернулся к Судейкину теперь уже как агент ИК и 16 декабря 1883 г. заманил шефа охранки к себе в квартиру, где его прикончили народовольцы Н. П. Стародворский и В. П. Конашевич[274].

Убийство Судейкина царизм оплакал как невосполнимую утрату. Царь на докладе об этом пометил: «Я страшно поражен и огорчен <...> Потеря положительно *незаменимая*. Кто пойдет теперь на подобную должность?»[275] Действительно, на судейкинскую должность никто больше не пошел, пришлось ее упразднить.

Но Судейкин свое дело сделал. Оправиться от последствий дегаевщины «Народная воля» уже не смогла, хотя она героически продолжала бороться и даже восстанавливала вновь и вновь (увы, лишь отчасти) свои силы и связи. К осени 1884 г., благодаря титаническим усилиям Г. А. Лопатина, деятельность «Народной воли» обрела размах, близкий к прежнему, всероссийскому. Был заново воссоздан и ее ИК — правда, далеко уступавший «Великому» и в количественном, и в качественном отношении[276]. Но «лопатинский период» в истории «Народной воли» оказался скоротечным. Конспиративные записки, отнятые при обысках в октябре 1884 г. у Лопатина, Н. М. Саловой и Н. П. Стародворского, дали властям нити к массовым аре-

---

[272] Жандармы всей России давно разыскивали Веру Фигнер по фамилии мужа (Филиппова).

[273] ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во. 1884. Д. 747. Ч. 4. Л. 11 (донесение И. К. Турцевича в Департамент полиции). Кстати, В. А. Меркулов — тот самый, кого на процессе «20-ти» (февраль 1882 г.) подсудимый М. В. Тетерка уже бил по лицу за предательство.

[274] Символично, что сеятель нравственного разврата и грязи пал под ударами лома в отхожем месте!.. Древние латиняне в таких случаях говорили: «Qualis vita, et mors ita!» (Какова жизнь, такова и смерть). Дегаев же сразу после убийства Судейкина как в воду канул. Позднее выяснилось, что он уехал в США, где сделал по-американски сенсационную карьеру от грузчика до профессора математики (под именем Александра Пелла). Там и умер в 1920 г. (*Генкин И. И.* Предатель С. П. Дегаев в Америке // Каторга и ссылка. 1933. № 9).

[275] *Поляков А. С.* Царь-миротворец (из резолюций Александра III) // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 227. Курсив мой. — *Н. Т.*

[276] Подробно об этом см.: *Сайкин О. А.* Первый русский переводчик «Капитала». М., 1983. Гл. 10.

стам народовольцев в 31 городе (включая Петербург, Москву, Киев, Минск, Тифлис, Воронеж, Саратов, Дерпт, Ярославль, Екатеринбург, Томск), а также в станице Урюпинской на Хопре, с привлечением к дознанию 300 человек[277]. Это был разгром революционных сил, почти равный дегаевскому.

«Народная воля», однако, вновь, что называется, восстала из пепла. Пока готовился с 1884 до 1887 г. знаменитый «лопатинский» процесс («21-го»), Б. Д. Оржих, В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг и др. воссоздали сильную Южно-русскую организацию «Народной воли» с центрами в Екатеринославе, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Таганроге и Новочеркасске, а в Петербурге сложилась т.н. «Террористическая фракция партии «Народная воля»» во главе с А. И. Ульяновым (старшим братом В. И. Ленина) и П. Я. Шевыревым. Ульянов и Шевырев с товарищами попытались даже (неудачно) осуществить новое цареубийство — в тот же день 1 марта, и опять в воскресенье, только уже 1887 г. (т. н. «Второе 1 марта»)[278].

Гибель организаций Б. Д. Оржиха и А. И. Ульянова тоже еще не означала конца «Народной воли». В 1888—1889 гг. усилиями народовольцев, среди которых первую роль играла С. М. Гинсбург, был восстановлен петербургский центр партии[279], а в 1889—1890 гг. М. В. Сабунаев и другие образовали многолюдную сеть народовольческих кружков в Поволжье (Кострома, Ярославль, Нижний Новгород, Казань)[280]. В начале 90-х годов прямыми наследниками «Народной воли» выступили петербургская «Группа народовольцев» (1891—1896 гг) и партия «Народного права» (1893—1894 гг)[281]. Но все это, увы, представляло собой лишь тени старой «Народной воли» с ее «Великим ИК».

Отступая и погибая под ударами реакции, «Народная воля» тем не менее сохраняла революционную традицию в России. Идейная и нравственная сила, героизм и самоотверженность народовольцев неизменно привлекали к ним общественные симпатии и даже в стане врагов пробуждали чувства, близкие к уважению. Такие зубры реакции, как генерал Р. А. Фадеев, удивлялись «безумной отваге русских крамольников»[282]. Верный слуга престола адмирал И. А. Шестаков с тревогой задумывался над тем, каковы должны быть обаяние, живучесть и перспективы революционного дела в России, если такие люди, как Желябов, ради него «шли на смерть с восторгом, как было в первую французскую революцию»[283]. Сам царь Александр II, по свидетельству жандармского генерала П. А. Черевина, как-то при-

---

[277] РГВИА. Ф. 1351. Оп. 4. Д. 298. Т. 1. Ч. 2. Л. 33—41 (жандармская копия записок Г. А. Лопатина).

[278] См.: 1 марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова и др. М.; Л., 1927.

[279] *Фрейфельд Л. В.* Из жизни народовольческих организаций конца 80-х годов // Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1929.

[280] К истории сабунаевской революционной организации 1889—1890 гг. // Народовольцы. Сб. 3. М., 1931.

[281] См.: *Широкова В. В.* Партия «Народного права». Саратов, 1972.

[282] ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 58. Л. 8.

[283] РНБ РО. Ф. 856. Д. 6. Л. 577.

знал: «Да, странные эти люди, в них есть нечто рыцарское»[284]. Не зря председатель Петербургского военно-окружного суда генерал В. И. Цемиров на процессе «14-ти», в явное нарушение судебного этикета, вместо положенного «подсудимая Фигнер» вдруг раза два сказал «Вера Николаевна»[285], а генерал Н. А. Середа, назначенный расследовать пропаганду в войсках по всей империи, при встрече с Верой Фигнер в ее тюремной камере почтительно поцеловал ей руку[286].

Особое впечатление на современников производила вера народовольцев в *историческую справедливость* их дела — вера, которая так поразила наблюдательного генерала А. А. Киреева своей «страшной силой» на процессе 1 марта 1881 г.[287] Впрочем, и на последнем из семи крупнейших судебных процессов «Народной воли» (по делу «21-го» в 1887 г.)[288], Герман Лопатин апеллировал к суду истории точно так же, как это сделал на первом из тех процессов Степан Ширяев: «Вы представители заинтересованной стороны и не вам судить меня трезво и беспристрастно. Но я верю — и это моя единственная вера, утешающая меня во все горькие минуты жизни, — что над всеми нами и над вами в том числе есть суд высший, который произнесет со временем свой правдивый и честный приговор. Этот суд — история»[289].

Итак, даже в годы торжества реакции «Народная воля» не без успеха старалась представить революционную идею в глазах россиян исторически оправданной и неодолимой. Тем временем в самом революционном движении с 1883 г. начался поворот от народничества к социал-демократии. Идейно перевооружаясь, русские революционеры продолжали борьбу с царизмом, и на первый план этой борьбы постепенно, но неуклонно, выдвигались социал-демократы. Однако царизм долго еще продолжал считать врагом № 1 именно «Народную волю» и против нее главным образом нацеливал свою карательную политику. «Полиция, власти, — вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова (сестра В. И. Ленина), — считали тогда опаснее представителей народовольчества, идущих на насилие, несущих смерть для других и ставящих на карту и свою жизнь. По сравнению с ними социал-демократы, ставящие себе целью мирную пропаганду среди рабочих, казались мало опасными»[290]. Поэтому царизм и преследовал их вполсилы, наказывал умеренно. В результате, как свидетельствовал об этом один из первых в России авторитетов социал-демократии М. С. Ольминский, революционная пропаганда и агитация стала требовать неизмеримо меньших жертв: «За что раньше платили десятками лет каторги и даже жизнью,

---

[284] РГАЛИ. Ф. 1744. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

[285] Народовольцы. Сб. 3. С. 200.

[286] *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 364.

[287] *[Киреев А. А.]* Избавимся ли мы от нигилизма? СПб., 1882. С. 28.

[288] Шесть предыдущих: «16-ти» (1880 г.), 1 марта 1881 г., «20-ти» (1882 г.), «17-ти» (1883 г.), «14-ти» (1884 г.), 1 марта 1887 г.

[289] Процесс «21-го». Женева, 1888. С. 37.

[290] Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1956. Т. 1. С. 27.

за то с 80-х годов стали расплачиваться немногими годами ссылки»[291]. На скамье подсудимых ни один социал-демократ[292] до конца XIX в. не побывал.

Таким образом, народовольцы, как бы принимая огонь на себя, отвлекали внимание царских карателей от социал-демократического подполья и невольно доставляли тем самым русской социал-демократии возможность развиваться в условиях, более благоприятных, чем те, в которых действовала «Народная воля».

[291] *Ольминский М. С.* Из прошлого. М., 1919. С. 75.

[292] Кроме Л. Г. Дейча, который в 1884 г. был осужден за участие в *народническом* движении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, русские революционеры-народники 1870-х — начала 1880-х годов, деятели «хождения в народ», «Земли и воли», «Черного передела», «Народной воли» боролись против царского самовластия, против социального, политического, экономического, духовного и национального гнета, стремясь утвердить в России свободу, равенство, демократию, совокупным и высшим проявлением которых они считали социализм.

Сегодня новоявленные хулители народников обвиняют их в том, что они-де рвались «на вершину власти» ради собственного блага и славы, а «более всего пугало революционеров благополучие народа, тогда они оставались ни с чем»[1]. Такие обвинения столь же абсурдны, сколь кощунственны. Масса свидетельств, живых голосов истории удостоверяет, что каждый из революционеров-народников (за исключением буквально единиц) готов был душу свою положить за народ, о собственной же славе думал «так же мало, как о том, чтобы сделаться китайским богдыханом»[2]. А. И. Желябов на вопрос царских судей об его занятиях ответил гордо: «Служил делу освобождения народа. Это мое единственное занятие, которому я много лет служу всем моим существом»[3]. Соратники Желябова вправе были сказать то же самое. При этом они знали, что начинают борьбу, в которой им самим не дожить до победы. Софья Бардина и Петр Алексеев на процессе «50-ти», Ипполит Мышкин на процессе «193-х» потрясали слушателей революционными речами, зная, что это ведет их не на «вершину власти», а в «каторжные норы». А разве о собственном благе и власти думал Андрей Желябов, когда требовал приобщить его к делу о цареубийстве?

Предсмертные письма Валериана Осинского и Дмитрия Лизогуба, Софьи Перовской и Александра Квятковского, Николая Суханова и Александ-

---

[1] *Лурье Ф. М.* Созидатель разрушения. СПб., 1994. С. 20; «Дело» молодых историков // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 111; История России с начала XVIII до конца XIX в. / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2000. С. 434.

[2] *Прибылева-Корба А. П.* «Народная воля». Воспоминания о 1870—1880-х гг. М., 1926. С. 51.

[3] Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 7.

ра Михайлова свидетельствуют, что эти люди поднимались на смертельную борьбу за «освобождение народа» готовыми погибнуть, но с верой в *грядущий* успех дела, ради которого они жертвовали своей жизнью. «Я знаю, за что погибаю, — написал перед казнью Д. А. Лизогуб, — знаю, сколько еще осталось моих товарищей; я знаю, что, несмотря на все преследования, число их увеличивается с каждым днем; наконец, я знаю, что самая правота дела говорит за его успех. Зная все это, я спокойно жду своего конца»[4]. «Наше дело не может никогда погибнуть, — вторил Лизогубу В. А. Осинский. — Эта уверенность и заставляет нас с таким презрением относиться к смерти»[5]. О своей судьбе они не жалели. «Насчет себя, — читаем в перехваченной записке Н. Е. Суханова из тюрьмы к товарищу, — я совершенно спокоен. Тут праздников уже не приходится ждать никаких: повесят и все тут, да на то и пошел»[6]. О том же писали перед казнью на волю С. Л. Перовская и А. А. Квятковский[7]. А. Д. Михайлов выразился еще энергичнее: «Прекрасна смерть в сражении!»[8]. Поколение Желябова и Михайлова жертвовало собой, завещая бороться и побеждать следующему поколению, как это сделал в предсмертном письме народоволец Александр Баранников: «Живите и торжествуйте! Мы торжествуем и умираем»[9]. О каждом из таких людей можно сказать словами народной мудрости: «Он как свеча, которая сжигает себя, но светит другим».

Тем и прекрасен тип русского народовольца, что он «соединяет в себе оба высочайших типа человеческого величия: мученика и героя»[10]. Такое соединение всегда было свойственно *истинным* (т.е. бескорыстным) революционерам и противопоказано любым властолюбцам. Хорошо понимала это Марина Цветаева: «Властолюбцы не бывают революционерами, как революционеры, в большинстве, не бывают властолюбцами»[11].

Разумеется, эти герои и мученики не были безупречны — ни в идейном, ни в деловом, ни даже в нравственном отношении, ибо вполне безупречных героев вообще не бывает. Они заблуждались идейно: с наивностью предвестников верили в утопию «русского социализма», идеализировали «коммунистические инстинкты» крестьянства и, в результате, переоценивали готовность России к революции. Однако сами их заблуждения не только извинительны, но и (отчасти) разумны как отправные шаги на пути к истине. Восточная мудрость гласит: «Река истины протекает через каналы заблуждений». Вспомним здесь и сентенцию русского мудреца: «Историче-

---

[4] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 107.

[5] Революционная журналистика 70-х годов. Ростов н/Д., 1907. С. 304–305.

[6] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 9124. Л. 5–5 об. Суханов был расстрелян 19 марта 1882 г. Морской министр адм. И. А. Шестаков в тот же день записал в дневнике: «Суханов вел себя с достоинством. «Мертвые сраму не имут»» (РГАВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1. Л. 17).

[7] 1 марта 1881 г. Казнь императора Александра II Л., 1991. С. 295; Предсмертные письма Александра Квятковского //Каторга и ссылка. 1927. № 2. С. 208.

[8] Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933. С. 199.

[9] Народоволец А. И. Баранников в его письмах. М., 1935. С. 133.

[10] *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. М., 1972. С. 404.

[11] *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 61.

ски почти все истины открывались путем ломаным, кривым, фантастическим...»[12]

Далее, на практике революционеры-народники не всегда находили рациональные средства борьбы, прибегая то к массово-анархистской, политически холостой агитации среди крестьян, то к индивидуальному террору против власти, политически действенному, но предосудительному морально. Здесь, однако, мы должны учитывать, что эти средства не выбирались по доброй воле народников, а были навязаны им силою обстоятельств (прежде всего правительственными репрессиями), причем их «красный» террор, хотя и вынужденный, как противовес «белому» террору правительства, никогда не занимал у них ни в программе, ни на практике главного места.

Советские историки нередко осуждали «Народную волю» за то, что она обратилась к террору, вместо того, чтобы заняться «организацией классовой борьбы пролетариата»[13]. Эмиль Кроткий как-то сказал: «Суд потомства плох тем, что рассматривает дело в отсутствие потерпевшего». В данном случае «потерпевшие» народовольцы как бы в назидание своим будущим «судьям» заблаговременно разъяснили: «Пропаганда идеально полезных способов действия на практике может быть крайне вредна, если они в настоящее время совершенно немыслимы»[14].

Сами народовольцы признавали, что они не считают всех вообще русских революционеров «безусловно нравственными». «Этого нельзя утверждать, — читаем в их обращении к «литературным и иным охранителям», — уже по одному тому, что они плоть от плоти вашей и кость от костей ваших, что они выросли и воспитались в вашей семье и школе, которые систематически притупляли и развращали их нравственное чувство»[15].

При всех своих заблуждениях, тактических и нравственных издержках революционеры-народники внесли выдающийся вклад в русское освободительное движение, придав ему небывалые ранее энергию, размах, организованность и силу. Борьба «Народной воли» стала решающим фактором второй революционной ситуации в России 1879—1881 гг.[16] Правда, революционная ситуация не переросла тогда в революцию — по ряду причин: с одной стороны, еще слабым было массовое движение, отсутствовал *класс*, способный

---

[12] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 18. С. 275.

[13] *Волк С. С.* «Народная воля» (1879—1882). М.; Л., 1966. С. 248—249; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX вв. Л., 1969. С. 218—220; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 80.

[14] Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 3.

[15] Там же. С. 30.

[16] Как историографический курьез отмечу здесь выдвинутый академиком И. Д. Ковальченко своеобразный тезис, первая часть которого заведомо исключает вторую: «Деятельность народовольцев представляла собой уже нисходящий этап в истории революционного народничества. Но это, разумеется, не означало спада общего накала революционного движения» (В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. С. 81.) Слабый накал крестьянского и рабочего движения 70—80-х годов общепризнан. По мнению И. Д. Ковальченко, и народовольческое движение было ущербным. Спрашивается, откуда же, за чей счет рос тогда «общий накал» революционной борьбы?

поднять массы, возглавить их и повести за собой (*партия* «Народная воля» взяла на себя роль, посильную только для целого класса, взяла и — не осилила); с другой стороны, теоретически несостоятельной оказалась доктрина, которую исповедовали народники, включая народовольцев (революция мыслилась как социалистическая, хотя она в то время могла быть только демократической, причем вершителями ее считались крестьяне, которые на это не были способны); к тому же «красный» террор народовольцев не только не возбудил, вопреки их расчетам, рабоче-крестьянские массы, но и отшатнул от них часть либерального общества. Это сузило социальную базу «Народной воли» и ускорило ее гибель.

Однако об итогах второй революционной ситуации нельзя судить только по тому, что после нее наступила реакция. Некоторые наши историки полагают: если первая революционная ситуация «завершилась крестьянской реформой», то вторая «закончилась победой реакции»[17]. Такой взгляд не оправдан ни логически (следуя этой логике, нельзя понять смысла революции 1905—1907 гг., поскольку она тоже «закончилась победой реакции»), ни конкретно-исторически. Вторая революционная ситуация вырвала у царизма много уступок в различных областях политики, экономики, культуры. Наиболее крупными из них были уступки в крестьянском вопросе: упразднение временнообязанного состояния крестьян, отмена подушной подати, понижение (примерно на 30% по стране) выкупных платежей, одновременное сложение 14 млн. рублей недоимок, учреждение Крестьянского банка[18]. В рабочем вопросе царизм вынужден был положить начало фабричному законодательству (1 июня 1882 г вышел закон об ограничении детского труда и введении фабричной инспекции). Из политических уступок, вырванных революционным натиском, царизм одни взял обратно (например, «конституцию» М. Т. Лорис-Меликова), но другие оставил: было ликвидировано III отделение, освобожден из сибирской ссылки Н. Г. Чернышевский. В области культуры примечательны отставка весной 1880 г. министра просвещения Д. А. Толстого и начавшийся пересмотр реакционнейших толстовских школьных правил[19], отмена 24 марта 1882 г. монополии императорских театров, воссоздание (с 1879 г.) грузинского и начало (с 1882 г.) украинского профессионального театра.

Но главное не в этих конкретных (разумеется, весьма ограниченных) уступках. Главное в том, что революционная ситуация 1879—1881 гг., хотя

---

[17] *Кузнецов И. В.* История СССР. Эпоха капитализма (1861—1917). М., 1971. С. 192; К вопросу о смене общественно-экономических формаций и типах социальных революций. М., 1975. С. 186. О том же: *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в. М., 1958. С. 507.

[18] «Уступки, вырванные у самодержавия в период второй революционной ситуации, при всей их ограниченности, послужили рубежом между первым пореформенным двадцатилетием, этим тягчайшим периодом в жизни русской деревни, и периодом дальнейшего развития новой социально-экномической формации». — *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе. М., 1978. С. 265).

[19] См. об этом: *Ганелин Ш. И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. М., 1954. Ч. 1. § 3.

и не переросла в революцию, непоправимо расшатала самодержавно-полукрепостнические устои. Отбив революционный натиск, реакция не смогла повернуть вспять начавшийся после 1861 г. глубинный процесс экономического и социального обновления страны, процесс изживания крепостничества во всех его формах, включая самодержавие. Выбравшись из острого *политического* кризиса, царизм оказался беспомощным перед *общим* кризисом всей социально-экономической системы, частное проявление которого (и только) означал преодоленный с таким трудом политический кризис. Тринадцать лет Александр III, по выражению Г. В. Плеханова, «сеял ветер»[20]. Его преемнику — Николаю II — выпало на долю пожать бурю...

В заключение вспомним еще раз[21] имена великих гуманистов, корифеев отечественной и мировой культуры, которые выражали сочувствие и симпатии, а то и содействовали русским народникам и народовольцам в их революционной борьбе. Это — И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, Г. И. Успенский, В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, С. Я. Надсон, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. В. Стасов, И Е. Репин, И. Н. Крамской, В. И. Суриков, Н. А. Ярошенко, В. Е. Маковский, А. П. Бородин, А. Г. Рубинштейн, М. Н. Ермолова, М. Г. Савина, П. А. Стрепетова, позднее А. П. Чехов, К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, А. И. Куприн, Л. В. Собинов; на Украине — Иван Франко, Леся Украинка, Михаил Старицкий, Панас Мирный, Михаил Коцюбинский; в Грузии — Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела; в Латвии — Ян Райнис и Андрей Пумпур; на Западе — Виктор Гюго, Эмиль Золя, Альфонс Доде, Ги де Мопассан, Жюль Верн, Сара Бернар, Герберт Спенсер, Оскар Уайльд, Джон Голсуорси, Артур Конан Дойл, Бернард Шоу, Элеонора Дузе, Чезаре Ломброзо, Герхарт Гауптман, Генрих Ибсен, Август Стриндберг, Иван Вазов[22]. Никто из них не одобрял террора — ни «белого», ни «красного». Но все они понимали, что «Народная воля» борется (*вынужденно* прибегая и к жестоким средствам) против самодержавного деспотизма за свободную и демократическую Россию.

Отношение мировой демократии к героям русского революционного народничества проникновенно выразил великий американец Марк Твен. Вот его слова— последние в моей книге: «Я думаю, только жестокий русский деспотизм мог породить таких людей. По доброй воле пойти на жизнь, полную мучений, и в конце концов на смерть только ради блага *других* — такого мученичества, я думаю, не знала ни одна страна, кроме России. История изобилует мучениками, но, кроме русских, я не знаю таких, которые,

[20] *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1927. Т. 24. С. 168.

[21] См. гл. 1. §4.

[22] Любое из этих имен стократ авторитетнее для нас, чем современные хулители народничества: поэт-пародист Александр Иванов, объявивший, что ему «стыдно быть соотечественником Чернышевского и народовольцев»; публицист Феликс Лурье, воспринимающий народничество как «шабаш вредоносной бесовщины»; историки Александр Боханов, считающий всех вообще народников «выродками», и Андрей Левандовский, вновь — после царских карателей — «открывший», что Желябов и Перовская всего лишь «бомбисты» (звучит столь же всско, как если бы Левандовский «открыл», что Пушкин и Лермонтов — не поэты, а дуэлянты).

отдавая все, совсем ничего не получали бы взамен. Во всех других случаях, которые я могу припомнить, есть намек на сделку. Я не говорю о *кратком* мученичестве, о внезапном самопожертвовании во имя высокого идеала в минуту восторженного порыва, почти безумия, — я говорю лишь о героизме совсем иного рода: об этом поразительном, *сверхчеловеческом* героизме, что прямо смотрит вперед, через годы, в ту даль, где на горизонте ждет виселица, и упрямо идет к ней сквозь адское пламя, не трепеща, не бледнея, не малодушествуя, и твердо зная, что на его долю достанется *одна только виселица*»[23].

[23] *Твен М.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 12. С. 614.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аверкиев А. Н. 183
Авсеенко В. Г. 48
Аганов С. И. 175, 176, 180–182
Адлерберг А. В. 311
Адмони В. Г. 65
Азеф Е. Ф. 341
Аитов Д. А. 127, 132
Аксаков И. С. 68, 72, 73
Аксельрод П. Б. 36, 137, 141, 188, 253–255, 257–259
Алданов М. А. 49
Александр I 87
Александр II 7, 9, 25, 26, 29, 38, 39, 49, 53, 55, 57, 78, 96–99, 101, 108–111, 114, 116, 156, 164, 187, 196, 202, 212, 216, 219, 223, 229–232, 243, 256, 278, 298, 299, 303, 307, 309–316, 318–320, 322, 326, 328, 332, 333, 335, 337, 339, 348
Александр III 41, 51, 52, 57, 158, 161, 216, 224, 233, 260, 300, 304, 322, 323, 331–333, 335, 336, 338, 339, 341, 343, 351
Александр Михайлович, вел. кн. 313, 315
Александрин А. И. 43
Александров В. М. 108, 120, 136
Александров Г. А. 160, 181
Александров П. А. 161, 162, 215
Александрова В. И. 173
Алексеев П. А. 55, 141, 175–177, 180–184, 210, 347
Алексеева Г. Д. 6
Алексеева О. Г. 146, 147, 151, 161
Альфонс XII 239
Альшванг А. А. 58
Андреев Н. А. 56, 57
Аничков И. В. 100
Анохин Ю. Н. 55
Анреп В. К. 276
Антонов В. С. 162, 163
Антонов В. Ф. 17, 19, 21, 23, 79, 80, 110, 138, 291
Антонов П. Л. 339
Аптекман Д. И. 173, 174
Аптекман О. В. 32, 33, 67, 71, 88, 102, 110, 124, 125, 127, 135, 144, 145, 154, 165, 169, 171, 186–189, 192, 196–198, 201, 203, 204, 208, 211, 235, 242, 248–252, 258, 259, 290
Аракчеев А. А. 87, 323
Аргунов А. А (Макаров А.) 11
Армашевский П. Я. 276
Армфельд Н. А. 119, 198
Арнаудо Д. 39
Арнштам Л. О. 61
Арончик А. Б. 243, 275, 290
Арсеньев К. К. 113
Архангельский А. И. 47, 57
Архипов А. Е. 54
Арцыбушев В. П. 131
Ахундов М. Ф. 121
Ашенбреннер М. Ю. 36, 82, 272, 273, 280, 297–300, 339, 341
Ашкинази М. О. 62, 64
Базанов В. Г. 138, 162, 168
Базилевский Б. см. Богучарский В.
Базылев Л. 28, 29, 110
Бакунин М. А. 15, 23, 27, 56, 83–94, 103–108, 117, 120, 125, 129, 130, 139, 144, 172, 203
Бальмонт К. Д. 45, 351
Баранников А. И. 3, 37, 169, 188, 189, 213, 220, 221, 240, 242, 245, 267, 279, 311, 316, 319, 348
Бардина С. И. 47, 172–177, 180–184, 347
Бардовский Г. В. 161, 179, 230

Бардовский П. В. 161
Баренбойм Л. А. 58
Баринов И. В. 176, 177
Барриве Л. Е. 9
Барыкова А. П. 45
Батьянов М. И. 339
Батюшкова В. Н. 119, 151, 178
Баум Я. Д. 116, 219
Баумгартен Л. 29
Бах А. Н. 36, 275, 276, 280, 288, 306
Бахметев П. А. 105
Бачин И. А. 141
Бебель А. 87
Бейдеман М. С. 49
Бекарюков Д. Д. 276
Бекетов А. Н. 302
Белинский В. Г. 195
Белов К. М. 50
Белоконский И. П. 147
Белоусов П. П. 56
Берви-Флеровский В. В. 71, 126, 139, 298
Бердяев Н. А. 26, 72, 93
Березовский А. И. 99, 307
Беренштам В. Л. 207
Берлин И. 26
Бернар С. 65, 351
Биллингтон Д. 127
Бильчанский О. И. 220, 237
Бисмарк фон О. 215
Благосветлов Г. Е. 102
Блан Л. 83, 139, 210
Бланки О. 90
Блок А. А. 45, 83, 351
Блюм Р. Н. 76, 80
Бобков К. Н. 57
Боборыкин П. Д. 70
Бобринский А. А. 38, 329
Бобринский А. Г. 329
Бобринский В. А. 101
Богаевская О. Б. 56
Богданович А. В. 38, 322, 323, 339
Богданович А. И. 269
Богданович Е. В. 233
Богданович Ю. Н. 134, 186, 190, 198–200, 277, 279, 308, 318
Богина С. Л. 155
Боголюбов А. И. см. Емельянов А. С.
Богораз-Тан В. Г. 47, 275, 276, 282, 302, 303, 344
Богородский Н. Н. 244, 273
Богучарский В. (Базилевский Б.; наст. фам. Яковлев В. Я.) 9, 10, 30, 31, 32, 72, 109, 280, 287, 295, 300, 322
Богушевич Ф. 46
Божко-Божинский Г. Г. 129, 138
Боровиковский А. Л. 43, 161, 179, 184
Бородин А. П. 351
Борщов Г. Г. 197
Ботев Х. 122
Боханов А. Н. 351
Бохановский И. В. 202, 203, 218
Бражнин И. Я. 49, 328
Брандтнер Л. К. 217, 219, 220, 310
Брешко-Брешковская Е. К. 61, 121, 129
Брюсов В. Я. 45
Буланов А. П. 254, 257, 259
Буланова-Трубникова О. К. 187, 214, 257
Булатов Г. П. 19
Булгарин Ф. В. 70
Бунин И. А. 35, 49, 254
Бунин Ю. А. 254
Бурцев В. Л. 30
Бугурлин А. С. 119, 130
Бух Л. К. 119, 207
Бух Н. К. 36, 119, 130, 138, 146, 149, 279, 317
Буцевич А. В. 273, 274, 279, 287, 299, 300
Буцинский Д. Т. 259
Быков В. М. 65
Бычков А. И. 32, 269
Бычков В. И. 269
Бьеншток Ж. 25
Ваврыкова М. 28, 29
Вагнер Р. 83
Вада Х. 28, 129
Вазов И. 64, 351
Валк С. Н. 34, 246, 342
Валуев П. А. 37, 70, 96, 100–102, 167, 179, 184, 223–227, 233, 274, 322, 325, 327, 328, 336
Ванновский П. С. 338
Варенцова О. А. 259
Варзар В. Е. 121, 130, 152, 208, 276
Василенко Н. П. 275, 276
Васильев А. В. 126, 128, 154
Васильев Н. В. 175–177, 183
Васнецов В. М. 52, 54
Вахрушев И. С. 19, 22, 88
Вашингтон Д. 93
Введенский Н. Е. 276
Венгеров С. А. 68, 276, 325
Веневитинов Д. В. 70
Венедиктов Д. Г. 310
Вентури Ф. 27, 28
Венюков М. И. 101, 116, 157
Вересаев В. В. 200
Верещагин В. В. 52, 53, 55, 66
Верлин У. 27
Верн Ж. 63, 351

Вернадский В. И. 38, 275, 276, 297
Вершинин А. И. 273
Веселовский Б. Б. 225, 325
Вестфаль Ш. 64
Вилепкин Н. М. см. Минский Н. М.
Виленская Э. С. 19, 23
Вилинбахов В. Б. 274
Вильгельм I 239, 331
Виноградов В. А. 19, 168, 292
Виноградов В. Н. 122
Виноградов С. И. 141
Виттер (Любатович) К. С. 173
Витте С. Ю. 36, 74
Виттенберг С. Я. 213, 220, 310
Владимир Александрович, вел. кн. 300, 328
Воейков В. В. 322
Войнаровская Ц. 64
Войнич Э. Л. 64
Войнаральский П. И. 23, 155, 156, 159, 164, 220, 221, 240, 245
Волгин И. Л. 51, 319
Волк С. С. 18–20, 22, 23, 32, 38, 247, 263, 267, 269–272, 275, 276, 278, 280, 292–296, 301–307, 311, 318, 331, 332, 336, 349
Волкенштейн Л. А. 207
Володин А. И. 87
Волошенко И. Ф. 213, 217
Волховский Ф. В. 47, 103, 104, 108, 121, 136
Вольпов В. И. 43
Воронихин А. В. 199
Воронский А. К. 16
Воронцов С. М. 329
Воронцова М. П. 46
Врубель М. А. 173
Выдрин Р. И. 274
Габель О. М. 213
Габрилович Е. И. 61
Гагарин П. П. 98
Гаевский В. П. 38
Галиев В. З. 19, 305
Гамбаров А. И. 110
Гамов Д. А. 126, 128
Ганелин Ш. И. 350
Гарибальди Д. 39, 66, 83, 285
Гарин-Михайловский Н. Г. 42
Гартман Л. Н. 39, 243, 278, 281, 290, 306, 311, 317, 331
Гарфилд Д. 308
Гаршин В. М. 37, 42, 48, 351
Гауптман Г. 64, 351
Ге З. Г. 52
Ге Н. Н. 52
Гед Ж. 87
Гедель М. 239
Гедеоновский А. В. 281
Гейкинг Г. Э. 218, 307
Гейштор М. Э. 160
Геллер С. Л. 213
Гельфман Г. М. 11, 52, 63, 281, 290, 334, 335, 337
Генкин И. И. 343
Генкина Э. Б. 14
Георгиевский А. И. 96
Герард В. Н. 113, 161, 179
Герасимов В. Г. 36
Гербель-Эрмбах фон К. Н. 24
Гервег Г. 76
Гернет М. Н. 164, 309
Герцен А. И. 5, 6, 16, 17, 19, 21, 23, 27, 31, 32, 37, 40, 56, 57, 61, 71, 74–83, 85, 98, 99, 101–103, 105, 107, 108, 140, 143, 161, 173, 187, 195, 211, 309, 349
Гзовская О. В. 60
Гиляров Ф. А. 7
Гиляровский В. А. 58
Гинев В. Н. 23, 38
Гинзбург Л. С. 118, 130
Гинсбург С. М. 339, 344
Гинцбург И. Я. 57
Гирс Н. К. 320, 338
Гито Ш. 308
Глинский Б. Б. 9, 10
Гнедич П. П. 36
Гобет А. Я. 213, 217, 220
Говоруха-Отрок Ю. Н. 123
Годунова Л. Н. 272, 298–300
Голиков Л. И. 108
Голицын Н. Н. 6, 7
Головачинский С. Е. 51
Головачев А. А. 207
Головин К. Ф. 36, 48
Головнин А. В. 100, 298
Голоушев С. С. 119
Голсуорси Д. 64, 351
Гольденберг Г. Д. 218, 219, 242–245, 267, 277, 307
Гольденберг Л. Б. 104, 107, 112, 120
Гольдштейн Г. П. 55
Гольцев В. А. 132, 236
Горев Б. И. 16
Горинович Н. Е. 123, 129, 307
Городецкий Л. С. 130
Горский П. Г. 220, 238
Горчаков А. М. 184, 215
Горький А. М. 42, 48, 200, 289
Гофштеттер А. П. 197

Грабовский П. А. 47, 50
Градовский А. Д. 106
Градовский Г. К. 36, 216, 325
Грановский Т. Н. 227
Грачевский М. Ф. 134, 141, 228, 274, 279, 283, 288, 327, 328, 332, 339, 341
Гребницкая Е. И. 136
Гревс И. М. 276
Грейг С. А. 101
Греч Н. И. 70
Грибоедов Н. А. 213
Григорович С. см. Житловский Х. О.
Григорьев П. В. 131
Григорьева Е. А. 23
Гризелли О. 56
Гриневицкий И. И. 275, 307, 314, 328, 337
Гроссман Л. П. 49
Гросул В. Я. 23, 122, 213, 214, 305
Гуальтьери Л. 59
Гуревич П. М. 102
Гурко И. В. 231, 310
Гусев Н. Н. 31, 44
Гьеллеруп К. 64
Гюго В. 33, 39, 62, 63, 295,336, 351
Давиденко И. Я. 220
Давыдов Ю. В. 50, 60
Даниельсон Н. Ф. 120
Данилевич Л. В. 66
Данилов В. А. 215
Дантон Ж. 27, 93
Дворжицкий А. И. 36
Дебогорий-Мокриевич В. К. 30, 110, 117, 129, 154, 201, 206, 207, 217, 259
Дегаев С. П. 280, 285, 300, 341–343
Дейер П. А. 115
Дейч Л. Г. 8, 11, 36, 71, 91, 188, 201–203, 218, 219, 239, 249, 252–255, 257–259, 346
Делянов И. Д. 338
Демченко А. А. 23, 79
Джабадари И. С. 121, 172–177, 180, 181, 184
Дженерале А. 65
Джордано У. 65
Джордж Г. 25
Дмитриева В. И. 36, 302, 330
Дмитриева Е. Л. 119, 120
Дмоховский Л. А. 121, 125, 128
Добржинский А. Ф. 218
Добровольский И. И. 38
Добролюбов Н. А. 82, 126, 140
Добротворский Л. Ф. 273
Доде А. 63, 351
Долгоруков В. А. 99, 231
Долгоруков П. В. 101
Долгорукова Е. М. 39, 167, 327
Долгушин А. В. 29, 125, 126, 128
Доливо-Добровольский М. О. 304
Доризо Н. К. 51
Достоевский Ф. М. 37, 41, 48, 105, 205, 216, 231, 319, 337
Драго Н. И. 186
Драгоманов М. П. 10
Драгомиров М. И. 274
Дрезен А. К. 213
Дрей М. И. 32, 294
Дрентельн А. Р. 221, 224, 226, 230, 238, 239, 241, 307
Дриго В. В. 277
Дробыш-Дробышевский А. А. 129
Дружинин В. П. 213
Дружинин Н. М. 54, 320, 350
Дубровин В. Д. 213
Дубровинский И. Ф. 259
Дузе Э. 65, 351
Дундук П. Ф. 56
Дурново Е. П. 119, 254
Дурново И. Н. 338, 339
Дурылин С. Н. 59
Евстигнеев Е. А. 60
Евтушенко Е. А. 51
Егоров Ф. Е. 175, 176, 181, 182
Елизавета Петровна, имп. 99
Елпатьевский С. Я. 36, 333
Емельянов А. С. 215, 216
Емельянов И. П. 317, 328
Енакиев В. А. 309
Енкуватов Д. А. 113
Енкуватов П. А. 213
Ермолова М. Н. 58, 59, 122, 351
Есипович Я. Г. 38
Ефремов О. Н. 60
Ефремов П. А. 7
Жарков А. Я. 257, 271, 277, 307
Жданов А. И. 214
Жданов В. В. 191
Жебунев В. А. 131, 161, 269, 280
Жебунев Л. Н. 131
Жебунев Н. А. 131
Жебунев С. А. 131
Желваков Н. А. 290, 314
Желеховский В. А. 159, 163
Желябов А. И. 3, 6, 23, 26, 27, 30, 41, 51, 53, 56, 60, 61, 115, 137, 141, 170, 188, 200, 208, 219, 235, 245–247, 249–252, 260, 262, 266, 267, 269–272, 275, 279, 281, 282, 285, 287, 289, 293, 295, 296, 299, 300, 302, 308, 311, 313, 316–320, 327, 328, 334–336, 344, 347, 348, 351

Жемчужников А. А. 207
Жеромский С. 64
Житловский Х. О. (Григорович С.) 11
Жихарев С. С. 157
Жуков К. Н. 73, 178
Жуковский Н. И. 105, 120
Журбин А. Б. 60
Заболотный Д. К. 276
Забрамский Л. И. 307
Завадская Е. Ф. 279, 306
Загорский К. Я. 257, 258, 302
Заичневский П. Г. 91, 93, 96, 131, 195
Зайончковский П. А. 18, 19, 223–227, 320, 324, 327
Залыкали Т. Э. 56
Замятнин Д. П. 100
Зардаби Г. 121
Заречная С. А. 50
Зарубаев С. П. 141
Заславский Е. О. 209
Засодимский П. В. 43
Засулич В. И. 11, 28, 32, 36, 39, 40, 43, 50, 58, 60, 64, 65, 107–110, 166, 188, 201, 204, 205, 215, 216, 223, 230, 234, 241, 249, 253, 255, 257–259, 277
Захарина В. Ф. 18
Защенина Н. С. 244, 283
Зданович Г. Ф. 121, 170, 177, 180–183
Зевин В. Я. 79
Зеге фон Лауренберг В. В. 243, 253, 269, 279, 290
Златовратский Н. Н. 43, 68
Златопольский Л. С. 316
Златопольский С. С. 279, 308, 332
Золя Э. 63, 351
Зосимский С. В. 112
Зубку-Кодряну М. П. 121
Зубов П. А. 99
Зунделевич А. И. 40, 121, 134, 141, 186, 188, 211, 219, 242, 249, 252, 260, 267, 279, 287–289, 308, 316, 317, 334
Зуров А. Е. 208
Зырянов П. Н. 24
Ибсен Г. 64, 65, 351
Иван IV Грозный 52, 54
Ивайнен К. А. 121, 141, 339
Иванов В. Г. 293
Иванов И. И. 108, 113
Иванов С. А. 274, 280, 301, 339
Иванов С. В. 52–54
Иванова С. А. 243, 279, 317
Ивановская Е. С. 119, 130
Ивановская П. С. 119, 130, 281, 290, 295
Ивановский А. В. 61
Ивановский В. С. 118, 130, 187
Ивановский Г. В. 55
Иванчин-Писарев А. И. 36, 151, 186, 198–200, 282
Игнатов В. Н. 195, 249, 254, 258, 259
Игнатьев Н. П. 274, 338–340
Иконников Н. Н. 57
Ильинский И. В. 60
Ильяшевич Л. И. 307
Иностранцев А. А. 325
Иовчук М. Т. 20
Иохельсон В. И. 267, 276, 282, 306, 337
Исаев Г. П. 243, 279, 316, 327, 332, 334
Исаков С. А. 305
Итенберг Б. С. 17–21, 23, 38, 87, 109, 120, 121, 126, 127, 149, 171, 208
Ишутин Н. А. 32, 51, 97, 155
Каблиц И. И. 118, 121, 128, 129, 145, 148, 195
Кавелин К. Д. 82, 227
Каковский И. П. 282
Каллистратова-Райс О. Б. 336
Калюжная М. В. 339
Калюжный А. А. 213
Калюжный И. В. 277, 339
Каляев И. П. 115
Каминская Б. А. 173, 176, 178
Кампанелла Т. 75, 173
Кан Г. С. 24
Кантор Р. М. 110, 337
Карабчевский Н. П. 36, 161, 337
Каравелов Л. 122
Каракозов Д. В. 29, 32, 51, 52, 57, 61, 97–99, 101, 127, 130, 155, 221, 225, 242, 278, 307
Караулов В. А. 280, 302
Карданов С. М. 121
Кардовский Д. Н. 55
Карсев Н. И. 87, 302
Карл I 331, 334
Карлович Н см. Гербель-Эрмбах фон К. Н.
Карначев М. Д. 19, 22, 27, 138, 291
Карпович М. М. 26, 93
Карр Э. 27
Каррель А. 140
Карузо Э. 66
Карякин Ю. Ф. 109
Касаткин Н. А. 54, 55
Каспрович Я. 64
Кастеляр Э. 25
Катенин П. А. 39

Катков М. Н. 45, 52, 70, 74, 84, 106, 113, 206, 216, 224, 299, 321, 322, 325, 328, 329, 336, 340
Катренко А. Н. 305
Кашинцев А. Н. 280
Квятковский А. А. 37, 83, 188, 189, 220, 237, 242, 245–247, 249, 262, 279, 282, 287, 289, 308, 312, 313, 316, 317, 319, 334, 347, 348
Келли А. 27
Кеннан Д. 24, 66, 200
Кепинов Г. И. 57
Кибальников А. П. 57
Кибальчич Н. И. 23, 49–51, 56, 57, 115, 169, 243, 244, 260, 276, 281, 283, 287, 289, 290, 308, 310, 318, 328, 334, 335
Кизеветтер А. А. 36, 326
Киперман А. Я. 23, 122
Киреев А. А. 322, 329, 345
Кириллов Г. Г. 225, 230, 233
Кириченко Т. М. 155
Киров С. М. 15
Кирхнер А. В. 208
Кистяковский А. Ф. 301
Клейнмихель М. Э. 325
Клемансо Ж. 87
Клеменц Д. А. 11, 36, 47, 85, 91, 134, 141, 151, 165, 166, 188, 191, 206, 210, 213, 276
Клеточников Н. В. 35, 50, 51, 214, 230, 237, 257, 277, 281, 289, 290, 308, 310, 311, 319, 334, 339, 340
Клименко М. Ф. 339
Ключевский В. О. 70, 152
Клячко С. Л. 136
Кобылянский Л. А. 242, 243
Ковалевская С. В. 43, 87
Ковалевский М. М. 87, 122, 124, 236, 276, 302
Ковалик С. Ф. 73, 89, 117, 118, 121, 128, 129, 145, 146, 148, 153, 155, 159, 164, 220
Ковальская Е. Н. 36, 124, 209, 254, 256, 259
Ковальский И. М. 216, 218, 221, 222, 234
Ковальский Я. И. 124
Ковальченко И. Д. 21, 349
Коган-Бернштейн Л. М. 275, 302, 303
Коган-Бернштейн М. Л. 303
Козлинина Е. И. 36
Козьмин Б. П. 14, 16, 17, 33, 67, 86, 104, 109, 172
Колодкевич Н. Н. 137, 141, 188, 209, 245, 249, 250, 272, 279, 288, 289, 296, 308, 319, 334, 337
Колосов Е. Е. 14, 16, 211
Колчак А. В. 25
Кон Ф. Я. 305
Конан-Дойл А. 64, 351
Конашевич В. П. 343
Кони А. Ф. 36, 44, 65, 99, 111, 112, 157, 159, 167, 215, 323
Коннел Д. 63
Коновалов Д. П. 276
Конопницкая М. 64
Конрад Д. 64, 65
Константин Николаевич, вел. кн. 298, 322, 326
Конт О. 89
Конфино М. 106
Корба А. П. см. Прибылева-Корба А. П.
Корвин-Круковская А. В. 119, 120
Корнилов А. А. 9, 97, 100, 148, 157, 315
Корнилов В. Н. 51
Корнилова-Мороз А. И. 36
Коровин К. А. 173
Коровин С. А. 52, 54
Королев Б. Д. 56
Короленко В. Г. 37, 42, 54, 64, 122, 130, 155, 162–164, 166, 167, 180, 216, 217, 228, 229, 231, 308, 309, 351
Короткевич Н. А. 249
Корф М. А. 100
Корш Е. В. 179
Корье П. 139
Корягин Б. Г. 272
Косач Е. А. 46
Костычев П. А. 276
Костюрин В. Ф. 287
Котляревский М. М. 217, 307
Коцебу П. Е. 231
Кошкин П. М. 112
Краевский А. А. 106
Кравчинский С. М. см. Степняк-Кравчинский С. М.
Крамской И. Н. 52, 53, 55, 351
Краснов П. Н. 49, 286
Краснопевцев Л. Н. 23
Крахт Ф. Ф. 151
Крикунов В. П. 19
Кропоткин А. А. 157, 166
Кропоткин Д. Н. 206, 218, 307
Кропоткин П. А. 10, 11, 23, 31, 34, 38, 57, 63, 72, 73, 117, 119, 120, 123, 133–135, 138, 139, 150, 153, 154, 156, 186, 191, 218, 274, 276, 277, 331

Крупская Н. К. 133, 186
Крылов И. А. 42
Крылов Ф. В. 271
Кузнецов А. К. 104, 107, 108
Кузнецов И. В. 306, 350
Кузьмин Д. см. Колосов Е. Е.
Кульчицкий Л. 25
Купанбаев А. 121
Куницкий С. 305
Кушель А. А. 14, 86, 128, 154
Куперник Л. А. 115, 231
Куплеваасский Н. О. 125
Куприянов М. В. 134, 136
Куприн А. И. 351
Курбатов Ю. А. 56
Курицын Ф. Е. 218, 219, 229
Курпатовский В. К. 259
Куропаткин А. Н. 272
Кухаржевский Я. 27
Кушева Е. Н. 131
Кюхельбекер В. К. 39
Лаведе Э. 83
Лавинь Э. 39
Лавров П. Л. 10, 15, 23, 27, 30, 39, 40, 47, 52, 56, 72, 84, 86–94, 102, 110, 117, 120,123, 125, 127, 130, 139, 140, 144, 145, 149, 157, 166, 171–174, 183, 216, 255, 274, 277, 278, 282, 298, 306
Ламартин А. 82
Ламздорф В. Н. 320
Ламперт Е. 27
Ланганс М. В. 137, 150, 151, 279, 327
Ланглуа Ш. 13
Ланжоле П. 139
Ларионов П. Ф. 129
Лассаль Ф. 140, 155, 302
Лафарг П. 87
Лачинов П. А. 276
Лебедев В. С. 269, 280, 282, 287
Лебедева В. Д. 286
Лебедева Т. И. 190, 279, 286, 308, 310, 327, 332
Левандовский А. А. 24, 284, 306, 309, 351
Леванов Н. В. 100
Левин Ш. М. 10, 17, 18, 20, 21, 109, 164, 201, 205, 255, 263, 350
Левитан И. И. 52, 53
Левицкий В. О. 14, 16
Левский В. 122
Легкий Е. Г. 269
Леер Г. А. 325
Леер М. Г. 325
Лейкина-Свирская В. Р. 69, 70, 97
Лелевель И. 83
Лемешев С. Я. 61
Лемке М. К. 340
Ленин В. И. 12–15, 20, 23, 26, 47, 56, 68–70, 78, 85, 93, 94, 97, 123, 133, 182, 186, 192, 195, 234, 239, 253, 285, 303, 326, 334, 339, 344, 345
Леонтович В. В. 330, 331
Леонтьев К. Н. 236
Лепешинский В. П. 213
Лепешинский П. П. 5, 259
Лермонтов М. Ю. 39, 351
Лермонтов Ф. Н. 118, 128, 129, 136, 145, 146, 148, 160
Леруа-Болье А. 24, 25, 80
Лесевич В. В. 207
Лесков Н. С. 37, 45, 48, 322
Леткова Е. П. 53
Лешерн фон Герцфельдт М. П. 186
Лешерн фон Герцфельдт С. А. 119, 155, 207
Либер Г. 26
Либкнехт В. 87
Ливанов А. И. 132
Ливанов Б. Н. 61
Ливен А. А. 302
Лизогуб Д. А. 11, 37, 41, 50, 60, 121, 137, 141, 186, 188, 190, 191, 217, 220, 283, 310, 347, 348
Линдфорс А. Ф. 207
Лион С. Е. 32, 325
Лист Ф. 57
Лифшиц Г. М. 171
Липцев В. В. 57
Ломброзо Ч. 351
Ломоносов М. А. 155
Лондон Д. 65
Лопатин Г. А. 23, 30, 47, 50, 52, 57, 70, 87, 103, 108, 110, 120, 280, 282, 286–289, 306, 333, 334, 339, 343–345
Лорис-Меликов М. Т. 49, 231, 274, 303, 307, 322–327, 329, 331, 333, 338, 350
Луканина А. Н. 43
Лукашевич А. О. 121, 151
Луначарский А. В. 56, 195, 254
Лупгин С. Л. 60
Лунин В. И. 113
Лурье Г. И. 196
Лурье Ф. М. 24, 106, 107, 110, 133, 284, 309, 347, 351
Лу Синь 65
Луцкий В. В. 298
Лысенко Н. В. 57
Любатович А. С. 173
Любатович В. С. 119, 173

Любатович К. С. см. Винтер (Любатович) К. С.
Любатович О. С. 36, 93, 119, 173, 174, 176, 183, 188, 239, 266, 279, 306, 331
Любатович Т. С. 173
Любимов Л. Д. 74
Любимов-Ланской Е. О. 59
Любомирский Я. 39
Людовик XVI 331
Люстиг В. О. 161, 179
Люстиг Ф. О. 161
Ляшенко К. Г. 38
Ляшенко Л. М. 133
Лященко П. И. 71
Мадзини Д. 83
Майнов И. И. 208, 294
Макаревич А. М. 137, 201, 230
Макаров А. см. Аргунов А. А.
Маков Л. С. 226
Маковицкий Д. П. 34
Маковский В. Е. 52–54, 351
Маковский К. Е. 52, 53
Макьявелли Н. 94
Малиа М. 27
Маликов А. К. 127, 137
Малинин В. А. 19, 123, 138, 285
Малинка В. А. 239
Малиновская А. Н. 191, 213
Малышева С. Ю. 303
Мальшинский А. П. 6–8
Малютин В. И. 124
Мамин-Сибиряк Д. Н. 42, 351
Мамонтов С. И. 173
Манасеин Н. А. 338
Мануйлов А. А. 275, 276
Мария Александровна, имп. 313
Мария Николаевна, вел. кн. 96
Маркевич Б. М. 48, 329, 340
Маркович С. 122
Маркс К. 6, 11, 14, 20, 28, 57, 78, 83, 87, 93, 106, 120, 121, 126, 136, 139, 140, 172, 173, 208, 289, 295, 298, 302, 306, 316, 320, 329, 331, 333, 334
Мартов Ю. О. 16
Мартынов С. В. 269, 280
Мачтет Г. А. 47, 195
Медведев А. Н. 60
Медведев А. Ф. 217
Мезенцов Н. В. 167, 187, 211, 212, 221, 222, 225, 226, 230, 238–240, 307
Мейербер Д. 58
Мекк фон Н. Ф. 58
Меламед Е. И. 24
Мельгунов С. П. 289
Менерт К. 26
Меншиков А. Д. 54, 323
Меринг Ф. 305
Меркис В. Ю. 305
Меркулов А. А. 337
Меркулов В. А. 271, 307, 316, 342, 343
Мечников И. И. 111
Мещерский В. П. 36, 70, 157, 216, 221, 226
Мещеряков Н. Л. 276
Миклухо-Маклай В. Н. 119, 273
Миклухо-Маклай М. Н. 119
Миклухо-Маклай Н. Н. 119
Милле К. 64
Миллер Д. 65, 331
Милль Д. С. 201, 295
Милюков П. Н. 304, 330
Милютин Д. А. 37, 95, 99–101, 104–106, 116, 124, 221, 224, 225, 227, 231, 233, 296, 311, 314, 322, 326–329, 338
Минаев Д. Д. 73
Минаков Е. И. 64
Минский Н. М. 44
Минье Ф. 140
Мирный Панас 351
Мирский Л. Ф. 109, 238, 241, 310
Михаил Николаевич, вел. кн. 53
Михайдов А. Д. 23, 27, 37, 50, 51, 67, 135, 140, 141, 170, 187–189, 193, 195, 196, 198, 211, 214, 219–221, 237, 241, 243, 245–248, 250, 252, 269, 279, 281, 285, 286, 289, 308, 311, 316, 318, 319, 333, 334, 348
Михайлов А. Ф. 220, 240
Михайлов Б. Г. 19
Михайлов М. И. 82, 96
Михайлов О. Н. 51
Михайлов Т. М. 271, 290, 307, 328, 334, 335, 337
Михайловский Н. К. 23, 72, 73, 109, 282, 324, 330, 332
Мицкевич С. И. 259
Мишель Л. 331
Млодецкий И. О. 326
Мозжухин И. И. 60
Моиссенко П. А. 36, 195, 210, 216, 239
Мопассан де Ги 63, 351
Мор Т. 75, 173
Мордовцев Д. Л. 330
Морозов Н. А. 13, 23, 32, 33, 35, 47, 52, 57, 119, 120, 133, 137, 138, 141, 146, 147, 151, 188, 190, 197, 198, 211, 219, 221, 238, 241–253, 260, 266, 267, 276, 279, 281, 282, 287–290, 306, 308, 311, 316, 319, 334, 339
Морозов П. О. 276

Мост И. 331
Мотли Д. 140
Мошелес Ф. 66
Мошинский И. Н. 275
Мравина Е. К. 318
Мравинский Е. А. 318
Мравинский К. И. 318
Муравский М. Д. 148, 164, 169
Муравьев А. Н. 97
Муравьев М. Н. («Вешатель») 97, 98, 100, 232
Муравьев Н. В. 6, 7, 73, 335
Муравьев П. М. 83, 263
Муравьев-Амурский Н. Н. 83
Муравьев-Апостол С. И. 83, 97
Мышкин И. П. 155, 158, 161–164, 170, 183, 217, 220, 347
Мясоедов Г. Г. 52, 54
Набоков В. В. 226
Набоков Д. Н. 115, 226
Навроцкий А. А. 152
Надсон С. Я. 44, 48, 351
Назаренко Т. Г. 55
Налбандян М. 121
Наполеон III 99
Натансон М. А. 108, 132, 133, 141, 185–188, 192, 195, 193
Натансон О. А. см. Шлейснер О. А.
Неврев Н. В. 52–54
Невский В. И. 14, 16, 30
Некрасов Н. А. 43, 71, 102, 103, 191, 205, 211, 234, 351
Нестеров М. В. 173
Неустроев К. Г. 276, 302
Нечаев С. Г. 23, 61, 109–117, 120, 121, 124, 125, 164, 178, 183, 238, 318
Нечкина М. В. 20–22, 79, 306
Низовкин А. В. 118, 136
Никитенко А. В. 38, 70
Николадзе Н. 121
Николай I 116
Николай II 52, 74, 310, 313, 335, 351
Николай Николаевич, вел. кн. 300
Никольский П. И. 304
Никонов С. А. 161
Нобилинг К. 239
Нобль Э. 24
Новикова Н. Н. 79
Новицкий В. Д. 36, 123, 157, 226, 230
Новорусский М. В. 36
Нусинов И. И. 60
Обер Д. 58
Обнорский В. П. 141, 209, 210
Ободовская А. Я. 143, 146, 149, 161, 165
Оболенский В. В. 220
Оболенский Д. Д. 311, 312
Оболешев А. Д. 188
Обручев В. А. 96
Овсянико-Куликовский Д. Н. 70, 168, 276
Огарев Н. П. 71, 74, 77, 103, 105–108, 111, 113, 115
Одоевский А. И. 39
Одоевский В. Ф. 67, 70
Окладский И. Ф. 307, 311, 319
Олейник Б. И. 51
Олейник Е. А. 202, 203
Оловенникова Е. Н. 131, 275, 303
Оловенникова М. Н. см. Ошанина М. П.
Оловенникова П. П. 131, 275
Ольминский М. С. 259, 345, 346
Ольхин А. А. 179, 228
Ольховский Е. Р. 18, 254, 257
Оржеховский И. В. 101, 102, 116
Оржих Б. Д. 282, 344
Орсини Ф. 331
Осинский В. А. 11, 25, 37, 187–189, 191, 195, 203, 206, 207, 209, 217–220, 223, 229, 236, 237, 241, 249, 250, 284, 310, 347, 348
Осипович-Новодворский А. О. 43
Островский А. П. 56, 216
Островский М. П. 216, 338
Остроградский М. В. 87
Осьмаков П. В. 19
Оуэн Р. 75, 124
Ошанина М. П. 188, 220, 242, 245, 246, 267, 269, 275, 278–280, 282, 284, 287, 306, 331, 343
Павленков Ф. Ф. 97
Павлов И. П. 276
Павлов М. А. 276
Пасевский Н. И. 146, 155
Пажитнов К. А. 321
Пайпс Р. 26
Пален К. И. 100, 110, 111, 114, 156, 158, 167, 184, 205, 211, 226
Палеолог М. 39, 323
Палицына О. В. 118, 132
Пальмин Л. И. 59
Панин В. П. 95
Панина А. С. 325
Панкратов В. С. 210, 272, 293
Пантин И. К. 23, 109, 149
Панухина Н. Б. 174–176, 181
Панютина В. Н. 120
Папин И. И. 126, 128
Партридж М. 27
Пассананте Д. 239
Пашук А. И. 19
Пейрс Б. 25, 26

Пекарский Э. К. 276
Пелевин Ю. А. 247
Пелл А. см. Дегаев С. П.
Пельконен И. И. 121, 146, 155, 157
Перетц Е. А. 38, 285, 326
Перлашкевич Н. Л. 43
Перов В. Г. 52–54
Перовская С. Л. 11, 26, 30, 36, 37, 41, 44, 45, 49, 51, 54, 56, 57, 59–65, 100, 115, 119, 132–135, 138, 141, 143, 188, 200, 219, 220, 239, 245, 249, 252, 271, 274, 275, 279, 285, 286, 289, 295, 302, 308, 311, 316, 327, 328, 332, 334–337, 341, 347, 348, 351
Перовский В. Л. 36, 273, 335
Перовский Л. Н. 100
Першина З. В. 19
Пестель П. И. 26, 94, 263
Петерс К. К. 115, 159, 160, 178, 181
Петр I 310
Петрункевич И. И. 151, 207, 236, 325
Пионтковский С. А. 14
Пирумова Н. М. 23, 106, 236
Писарев Д. И. 96, 136, 140, 302
Плансон А. А. 322
Платонов С. Ф. 276, 301, 302
Плевако Ф. Н. 132
Плеве В. К. 6, 7, 74, 274
Плеханов Г. В. 6, 8, 9, 11, 12, 14, 24, 32, 52, 56, 57, 62, 67, 68, 72, 82, 86, 88, 141, 147, 148, 165, 168, 176, 188, 191, 192, 195, 196, 198, 203, 205, 207, 208, 210, 211, 219, 234, 235, 241, 242, 248–251, 253–259, 268, 279, 281, 312, 316, 323, 351
Плимак Е. Г. 23, 109, 149
Плотников Н. А. 126, 128
Победоносцев К. П. 52, 74, 158, 161, 216, 224, 304, 329, 330, 332, 336–338
Поглубко К. А. 122
Погодин М. П. 70, 106
Подбельский В. Н. 303
Подбельский П. П. 275, 302, 303
Подлевский А. А. 205, 234
Познер И. М. 47, 57
Покровский М. Н. 14, 90, 93, 106, 107, 157, 181, 284
Покрышкин Ф. С. 169
Полевой Н. А. 341
Полевой Ю. З. 16, 312
Полежаев А. И. 39
Поливанов П. С. 270
Половцов А. А. 38, 77, 98, 100
Полонский Я. П. 43, 58
Польгейм И. О. 123, 129
Поляков А. С. 343
Помпер Ф. 27, 110, 127
Попко Г. А. 217, 218
Попов И. И. 35, 42, 135, 325
Попов М. Р. 36, 187, 188, 190, 208, 209, 235, 237, 242, 248–253, 259, 339
Порох И. В. 19, 81
Посьет К. Н. 225, 233
Потапов А. Л. 109, 137, 167
Потапов Я. С. 196
Поташ М. А. 14
Потехин Н. А. 59
Похвиснев М. Н. 184
Похитонов Н. Д. 297
Правдин М. 26, 110
Праотцев В. С. 197, 199
Прейм С. И. 307, 314
Прейсман В. 121, 141
Преображенский Г. Н. 251, 252, 254, 256
Пресняков А. Е. 102
Пресняков А. К. 37, 187, 215, 257, 271, 281, 290, 317, 319
Пржевальский Н. М. 302
Прибылев А. В. 36, 316, 341
Прибылева-Корба А. П. 36, 67, 135, 140, 141, 170, 187, 189, 196, 198, 237, 243, 261, 279, 280, 282, 283, 289, 319, 324, 327, 332, 341, 347
Протазанов Я. А. 60, 61
Прудон П. 33, 140, 298
Прыжов И. Г. 108
Прянишников Д. Н. 36, 276
Прянишников И. М. 52, 53
Пугачев Е. И. 54, 147, 195, 197, 295
Пумпур А. 273, 351
Пурцеладзе А. 121
Пустовойтова А. Т. 120
Пуччини Д. 66
Пушкарев С. Г. 318
Пушкин А. С. 39, 58, 351
Пшавела В. 351
Пыпин А. Н. 68
Рабинович М. А. 146, 163
Раджоньери Э. 305
Радищев А. Н. 140
Разин С. Т. 86, 147, 195, 197, 295
Райнис Я. 46, 273, 351
Ралли-Арборе З. К. 120
Рахманов И. Ф. 56
Рачковский П. И. 229, 277
Рашевский И. Ф. 155
Рейнгардт В. В. 112
Рейнштейн Н. В. 214, 229, 237, 241, 277, 307

Рейсер С. А. 105
Рейтерн М. Х. 101
Репин И. Е. 44, 52, 54, 55, 351
Римский-Корсаков Н. А. 58
Рихтер Д. И. 130
Робеспьер М. 27, 53, 93, 285, 341
Рогачев Д. М. 84, 126, 132, 134, 143, 153, 155, 159, 163, 164, 168, 169, 272
Рогачев Н. М. 134, 272, 280, 290, 298, 300, 341
Рожков Н. А. 14
Розенштейн А. М. см. Макаревич А. М.
Розовский И. И. 310
Романенко Г. Г. 267, 280, 285
Романова Е. А. 56
Россини Д. 58
Ронфор А. 39, 331
Рощевская Л. П. 19
Рубакин Н. А. 276
Рубинштейн А. Г. 57, 58, 351
Рубинштейн Н. Г. 325
Рубинштейн С. Г. 325
Рудницкая Е. Л. 23, 90, 91, 93, 94, 131, 133
Рудько Н. П. 150, 305
Ружевский В. П. 112
Русанов Н. С. 40, 88, 216, 218, 245, 289, 318, 330
Руссель Н. К. см. Судзиловский-Руссель Н. К.
Рылеев К. Ф. 39
Рысаков Н. И. 285, 303, 307, 328, 334, 335, 337, 342
Рэндел Ф. 27
Саблин Н. А. 47, 120, 281, 290, 316
Сабуров А. А. 302, 303, 324, 326
Сабунаев М. В. 344
Савина М. Г. 59, 337, 351
Савинов Г. А. 55
Савицкий К. А. 52, 54
Савченко В. И. 51, 214, 277
Сажин М. П. 13, 84, 117, 120
Сайкин О. А. 343
Салазкин С. С. 275, 276
Салов И. А. 43
Салова П. М. 280, 343
Салтыков-Щедрин М. Е. 13, 37, 41, 42, 45, 102, 109, 161, 228, 230, 339, 351
Самбук С. М. 305
Самолис Г. В. 273
Санд Ж. 83
Сапир Б. М. 39, 138
Сарду В. 62, 65
Сахаров А. П. 347
Сахарова Т. П. 128
Светлов Б. Н. 61
Свириденко В. А. 217, 219, 220, 310
Свитыч В. С. 29
Свободин А. П. 60, 62
Святополк-Мирский Д. И. 233
Сегал Е. А. 49
Седов М. Г. 8, 18–21, 238, 243, 275
Секлюцкий В. В. 53
Селиванов В. И. 213
Селиванов И. Ф. 155
Селиверстов Н. Д. 211, 221, 226
Семанова М. Л. 43
Семевский М. И. 327
Семенов-Тян-Шанский П. П. 325
Семенюта П. П. 266
Семяновский А. С. 130
Семяновский Е. С. 130, 164
Сен-Симон А. 76, 77, 124
Сентянин А. Е. 217
Сенчакова Л. Т. 340
Сераковский З. 161
Сергеев Н. И. 82
Сергеев С. И. 169
Сергеева Е. Д. 131, 243, 249, 267, 279, 306
Сердюков А. И. 108
Серебренников П. О. 273
Серебренникова В. Г. 292
Серебряков Э. А. 67, 256, 274, 296, 341
Середа Н. А. 345
Серно-Соловьевич Н. А. 100
Серов В. А. 52, 54
Сеченов И. М. 276
Сибиряков А. М. 284
Сибиряков К. М. 284
Сигида Н. К. 55, 339
Сидоренко Е. М. 303, 307
Сидоров М. И. 19
Сидоров Н. И. 119
Синегуб С. С. 36, 47, 62, 141, 143
Скалдин Ф. П. 71
Скляренко А. П. 259
Скобелев М. Д. 274
Скорняков М. Г. 213
Скоропадский П. П. 275
Славянов П. Г. 276
Слезкин И. Л. 137, 157
Смирнов А. Ф. 20–22, 79
Смирнов В. П. 138
Смирнов Д. Н. 36, 141
Смирнов И. Т. 141
Смирнов-Сокольский Н. П. 32
Смит А. 201, 208, 210
Спытко Т. Г. 121
Собинов Л. В. 58, 351
Соколов М. Е. 164

Соколов О. Д. 21
Соколовский А. А. 49
Солнцева Е. Н. см. Ковальская Е. Н.
Соловцов А. А. 58
Соловьев А. К. 46, 55, 190, 198–200, 224, 228, 231, 242, 243, 284, 307
Соловьев В. С. 336
Соловьев Н. Я. 59
Союзов И. О. 141
Спандони А. А. 280
Спасович В. Д. 107, 113, 114, 161, 179, 182, 184
Спенсер Г. 201, 351
Сталин И. В. 15, 22
Станюкович К. М. 42, 330
Старевич В. А. 61
Старицкий М. П. 46, 207, 351
Стародворский Н. П. 339, 343
Стасов В. В. 351
Стасов Д. В. 36, 113, 161, 162
Стеклов Ю. М. 14
Степняк-Кравчинский С. М. 10, 11, 23, 29, 30, 36, 38, 40, 45, 46, 50, 55, 60, 61, 63, 65, 66, 92, 108, 115, 116, 133–135, 141, 143, 145, 149, 152, 153, 162–166, 170, 184, 187–189, 191, 197, 202, 210, 211, 213, 217, 219, 221, 222, 228, 230, 232, 235, 240, 243, 254, 286, 308, 335, 348
Стефанович Я. В. 11, 137, 141, 188, 191, 201–203, 218, 239, 249, 252, 254, 255, 257, 258, 280, 287
Столпянский П. Н. 16
Стольберг К.-А. 122
Стоянов З. 122, 331
Стрельников В. С. 219, 307, 314
Стрепетова П. А. 351
Стриндберг А. 64, 351
Строковский Н. М. 50
Струве П. Б. 12, 68, 69
Студзинский Э. И. 239
Стучка П. И. 259, 276
Субботина Е. Д. 173
Субботина М. Д. 119, 173
Субботина Н. Д. 119, 173
Субботина С. А. 120
Суворин А. С. 38, 41, 68
Суворов А. А. 100
Суворов А. В. 22
Судейкин Г. П. 59, 307, 314, 340–343
Судзиловская Е. К. 121, 161
Судзиловский-Руссель Н. К. 23, 28, 121, 129
Суинберн Ч. 63
Суриков В. И. 52, 54, 55, 351
Суханов Н. Е. 118, 272–274, 279, 287, 289, 296, 299, 302, 327, 328, 332, 334, 341, 347, 348
Сухотина Л. Г. 19
Сыцянко А. О. 269
Таганцев Н. С. 36, 157, 158
Танеев В. И. 94, 113, 120
Таратута Е. А. 11, 23, 63–65, 134, 210, 286, 308
Тарич Ю. В. 59
Тарле Е. В. 14, 83
Тарсаидзе А. 26
Татищев С. С. 6, 7, 156, 158, 229, 232
Твардовская В. А. 20, 21, 121, 241, 249, 250, 267, 275, 279, 288, 289
Твен М. 39, 65, 351, 352
Теллалов П. А. 269, 279, 282, 287, 293
Теодорович И. А. 14, 16, 33, 289
Теплов Н. Н. 127
Тетерка М. В. 271, 307, 316, 343
Тизенгаузен Н. О. 115
Тимашев А. Е. 100, 225, 226
Тихомиров Л. А. 10, 30, 36, 67, 105, 110, 117, 118, 126, 131, 137, 140, 141, 152, 162, 188, 189, 211, 214, 218, 241, 242, 244–248, 252, 253, 260, 261, 267, 269, 278–282, 285, 288, 289, 299, 306, 308, 311, 312, 315, 317, 327, 330, 332, 343
Тихонов Я. Т. 271, 307, 311, 317
Тихоцкий В. А. 126, 269
Тихоцкий Н. А. 273, 274, 299
Ткачев П. Н. 15, 23, 27, 30, 90–94, 103, 104, 117, 125, 131, 139, 172, 262, 267
Ткаченко П. С. 16, 18, 19, 70, 118, 149, 188, 192, 208
Толстой А. К. 45
Толстой Д. А. 100, 102, 167, 226, 324, 338, 339, 350
Толстой Л. Н. 31, 33, 34, 37, 41, 44, 45, 48, 54, 130, 224, 286, 310, 336, 351
Томсон Д. 63
Тотлебен Э. И. 231, 232
Трачевский А. С. 325
Трепов А. Ф. 215
Трепов Д. Ф. 215
Трепов Ф. Ф. 28, 58, 100, 106, 166, 204, 215, 216, 307
Трефолев Л. Н. 44
Тригони М. Н. 42, 269, 279, 319
Трифонов Ю. В. 51, 60
Тростянский Н. С. 132
Трощанский В. Ф. 197
Туган-Барановский М. И. 276, 283

Тун А. 8–10, 25, 168
Турати Ф. 64, 137
Тургенев И. С. 27, 40, 41, 48, 62, 73, 84, 87, 136, 153, 178, 215, 227, 289, 351
Турский Г. М. 131
Турцевич И. К. 342, 343
Тырков А. В. 303, 307, 318, 332
Тычинин П. П. 303, 307
Тютчев Н. С. 32, 36, 188, 190
Тютчев Ф. И. 37, 99
Тютчева А. Ф. 38
Уайльд О. 62, 351
Уикс А. 93
Украинка Л. 46, 351
Улам А. 26
Ульяновская О. Л. 42
Ульянов А. И. 23, 32, 51, 56, 61, 115, 276, 344
Ульянов И. Н. 97
Ульянова-Елизарова А. И. 345
Умберто I 239
Унковский А. М. 113, 207
Уолкер Ф. 27
Уоллес М. 25
Уросва А. В. 181, 183
Урусов А. И. 113
Урусов С. Н. 100
Усатов Д. А. 58
Успенский Г. И. 42, 68, 289, 330, 351
Успенский П. Г. 107, 114
Утин Е. И. 113, 161
Утин Н. И. 120, 161
Фадеев Р. А. 344
Фаресов А. И. 155
Федоров Е. С. 276
Федосов И. А. 138
Феоктистов Е. М. 36
Фесенко И. Ф. 118
Фигнер В. Н. 13, 35, 47, 52, 61, 67, 76, 110, 135, 137, 140, 144, 170–174, 179, 181–185, 187–190, 195, 196, 198–200, 237, 242, 243, 245, 249–252, 267, 268, 274, 278–281, 286–288, 302, 313, 315, 316, 318, 319, 327, 332, 334, 339, 341–343, 345
Фигнер Е. Н. 195, 198, 199
Фигнер Л. Н. 43, 173, 176, 179
Филатова Е. М. 20
Филиппеус К. Ф. 114
Филиппов М. М. 302
Филиппов Р. В. 17–19, 21, 109, 133, 138, 139, 149, 157, 166, 193
Филиппова Т. А. 167
Филиппович Г. 122
Философова А. П. 229
Фишер В. Ф. 129
Флавицкий К. Д. 53
Флеровский Н. см. Берви-Флеровский В. В.
Флоринский В. М. 304
Фомичев Г. И. 213
Форш О. Д. 49, 61
Фофанов К. М. 44
Франжоли А. А. 137, 151, 279, 306
Франклин Б. 338
Франко И. Я. 45, 57, 351
Фрейфельд Л. В. 344
Фридланд Ц. С. 16
Фриш Э. В. 115
Фроленко М. Ф. 13, 23, 33–35, 89, 110, 127, 133, 137, 141, 144, 147, 183, 188, 201, 203, 204, 209, 217, 218, 220, 232, 240, 242, 245–248, 252, 279, 282, 287–289, 310, 327, 332, 334, 339
Фролов Иван 50, 310
Фукс Э. Я. 115, 336
Фурье Ш. 75, 124
Футмен Д. 27
Хавкин В. И. 276
Халтурин С. Н. 23, 56, 61, 195, 209, 257, 271, 279, 281, 312–314
Харди Д. 27, 93
Харизоменов С. А. 192, 198, 249, 258
Хартулари К. Ф. 179, 271
Хвостов Б. Н. 115
Хевролина В. М. 193, 261
Хейфец М. И. 18, 19, 232
Хейфец М. Р. 50
Хингли Р. 26
Ходько И. М. 213
Хоржевская А. С. 173
Хорос В. Г. 23, 73, 109, 149
Хотинский А. А. 213, 249
Худяков И. А. 32, 98, 278
Цветаева М. И. 254, 348
Цвиленев Н. Ф. 178
Цебрикова М. К. 152
Цемиров В. М. 345
Церетели А. Р. 46, 351
Циллиакус К. 25
Циолковский К. Э. 289
Цицианов А. К. 119, 174, 181, 183, 217
Чавчавадзе И. Г. 273, 351
Чайковский Н. В. 38, 108, 127, 133
Чайковский П. И. 58, 161
Чардынин П. И. 60
Чарушин Н. А. 36, 71, 82, 110, 132, 133, 144, 145, 162
Чебышев П. Л. 87
Чекоидзе М. П. 121, 174, 176, 180, 181

Чемоданова Л. В. 143
Черевин П. А 36, 321, 323, 344
Чернов В. М. 133
Чернуха В. Г. 95, 96, 167
Чернышев И. Я. 118
Чернышев П. Ф. 234
Чернышев П. Я. 130
Чернышевский Н. Г. 5, 6, 16, 17, 19, 20, 21, 23, 27, 40, 41, 50, 52, 53, 56, 74, 77–82, 87, 96, 97, 140, 161, 162, 167, 295, 298, 302, 309, 350
Чернявская (Бохановская) Г. Ф. 246, 269, 306
Чернявский И. Н. 160
Чернявский М. М. 127
Чертков М. И. 231, 259
Чех С. 64
Чехов А. П. 43, 48, 351
Чихачева Е. В. 38
Чичерин Б. Н. 36, 82, 100, 227, 325, 330
Чубаров С. Ф. 220
Чудновский С. Л. 36, 104, 134
Чуковский К. И. 70, 71, 98
Чупров А. И. 236
Шаляпин Ф. И. 58
Шанцер (Марат) В. Л. 259
Шаповаленко Н. Н. 59
Шарашкин Н. А. 215, 257, 271, 307
Шатриан А. 152, 155, 295
Шахматов Б. М. 23
Швейниц Ф. 322
Швелидзе З. Л. 19, 121, 305
Швецов В. А. 230
Шебалин М. П. 32, 36
Шебеко Н. И. 6, 7
Шевелев Н. А. 120, 164
Шевырев П. Я. 32, 276, 344
Шевырев С. П. 70
Шелгунов Н. В. 71, 82, 302, 330
Шервуд Л. В. 57
Шестаков И. А. 229, 233, 344, 348
Шестернин С. П. 339
Шестопалов Н. И. 55
Шефтель М. И. 257, 258
Шеффле А. 302
Шиллер Ф. 160, 245
Шилов А. А. 97, 98
Шильдер Н. К. 231
Ширинкин Е. Н. 273
Ширмер Р. А. 155
Широкова В. В. 17, 19, 344
Ширяев С. Г. 188, 243–246, 249, 250, 279, 283, 287, 289, 308, 311, 317, 334, 345
Шишко Л. Э. 8, 29, 108, 134, 135, 152, 155, 191, 235
Шкваркин В. В. 59
Шкловский В. Б. 319
Шкряба Ф. П. 307, 314
Шлейснер О. А. 141, 186, 188, 191, 192, 197
Шмидт П. П. 273
Шостакович Б. П. 130
Шостакович Д. Д. 61, 130
Шоу Б. 351
Шпильгаген Ф. 295
Штакеншнейдер Е. А. 38, 191
Штернберг Л. Я. 275, 276, 282, 344
Штромберг А. П. 272, 290
Шувалов П. А. 99–101, 106, 110–112, 114–116, 167, 225, 326
Шульгин В. Н. 79
Шумахер П. В. 111, 152
Щеголев П. Е. 61, 110
Щедрин Н. П. 253, 254, 256, 259
Щербина Ф. А. 276
Щетинина Г. И. 70, 71, 301, 302
Эвенчик С. Л. 292, 293
Эйдельман Н. Я. 62, 105
Эллис Г. 63
Элпидин М. К. 120
Энгельмейер А. К. 326
Энгельс Ф. 6, 11, 28, 87, 93, 106, 120, 289, 295, 320, 321, 329, 333, 334
Эркман Э. 152, 155, 295
Эртель А. И. 42
Эссен О. В. 114
Эфрон С. Я. 254
Эфрон Я. К. 254
Эшпай А. Я. 60
Ювачев И. П. 43
Ювенальев И. П. 207
Южакова Е. Н. 131
Юнг Н. В. 273
Юргенсон Н. А. 156
Юрковский Ф. Н. 46, 47, 118, 147, 148, 240, 262, 318
Юрьевская Е. М. см. Долгорукова Е. М.
Яблонский А. Н. 111
Яблочков П. Н. 244
Язвицкий В. И. 49
Якимов В. М. 244, 283
Якимова А. В. 13, 23, 239, 243, 279, 311, 316, 318, 338

Якоби В. И. 52, 53
Яковлев В. Я. см. Богучарский В.
Яковлев И. А. 74
Якубович В. Ф. 30
Якубович П. Ф. 30, 40, 47, 57, 282, 302, 320
Янсон Ю. Э. 71
Ярославский Е. М. 14
Яроценко П. А. 52, 54, 55, 351
Ясинский И. И. 37
Cellamare D. 66
Corbet Ch. 305
Hollingsworth B. 305
Hopkins J. 24
Laferté V. 327
Leroy-Beaulieu A. 78
Měchyr J. 305
Meijer J. 122
Schiavi A. 137

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВПР –	Архив внешней политики России (Москва)
АРАН –	Архив Российской Академии наук (Москва)
ГАОО –	Государственный архив Одесской области
ГАРФ –	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАСО –	Государственный архив Саратовской области
ГИАЛО –	Государственный исторический архив Ленинградской области
ГИАМО –	Государственный исторический архив Московской области
ГИМ ОПИ –	Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ИРЛИ РО –	Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Санкт-Петербург)
РГА ВМФ –	Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГБ РО –	Рукописный отдел Российской Государственной Библиотеки (Москва)
РГВИА –	Российский Государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА –	Российский Государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РНБ РО –	Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
ФЦГИА Украины –	Филиал Центрального Государственного исторического архива Украины (Харьков)
ЦГИА Украины –	Центральный Государственный исторический архив Украины (Киев)
ЦТМ –	Центральный Театральный музей (Москва)
ББС –	Био-библиографический словарь «Деятели революционного движения в России». М., 1927–1934. Т. 1–3.
ГЖУ –	Губернское жандармское управление
ОППС –	Особое присутствиеПравительст вующего Сената
ПСЗ –	Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 41 –55. СПб., 1868–1884; Собр. 3. Т. 1–2. СПб., 1885–1886.
РН –	Революционное народничество 70-х годов. Сборник документов и материалов. М., 1964–1965. Т. 1–2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. История темы 5
1.1. Тема 5
1.2. Исследования 6
а) русские дореволюционные 6
б) советские исследования 13
в) зарубежные исследования 24
1.3. Источники 29
1.4. Художественное отражение темы 39
а) литература 39
б) искусство 51
в) зарубежные отклики 62

Глава II. Происхождение, теория и тактика народничества 67
2.1. Что такое народничество? 67
2.2. Доктрина А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского 74
2.3. Бакунизм 83
2.4. Лавризм 87
2.5. Русский бланкизм 90

Глава III. Предвестие 95
3.1. Распростертая Россия 95
3.2. Нечаевщина 102
3.3. Шуваловщина 110

Глава IV. Накопление сил 117
4.1. Феномен кружковщины 117
4.2. Кружки бакунистов, лавристов, бланкистов 125
4.3. Большое общество пропаганды (т. н. «чайковцы») 132

Глава V. «Хождение в народ» 1874 г. 143
5.1. Подготовка 143
5.2. В народ! 148
5.3. Процесс «193-х» 158
5.4. Итоги 165

Глава VI. Перепутье 169
6.1. Уроки 1874 года 169
6.2. «Всероссийская социально-революционная организация» 1874–1875 гг. («Кружок москвичей») 172
6.3. Процесс «50-ти» 178

Глава VII. Общество «Земля и воля» 185
7.1. Начало 185
7.2. Организаторская деятельность 196
7.3. Дезорганизаторская деятельность 212

Глава VIII. Кризис и раскол «Земли и воли» 223
8.1. Россия в осадном положении 223
8.2. «Деревенщики» и «политики» 234
8.3. Липецк – Воронеж: съезды «Земли и воли» 244
8.4. Общество «Черный передел» 253

Глава IX. Партия «Народная воля» 260
9.1. Программа 260
9.2. Организация 268
9.3. Исполнительный комитет 279

Глава X. «Народная воля» против самодержавия 291
10.1. Пропаганда, агитация, мобилизация 291
10.2. «Красный» террор против «белого» террора 306
10.3. Кризис «верхов» 320
10.4. 1 марта 327
10.5. Закат и гибель «Народной воли» 335

Заключение 347

Указатель имен 353

Условные сокращения 368

А. И. Герцен. Гравюра А. Леммеля.
1850-е гг.

Н. Г. Чернышевский. Фото 1857 г.

П. Л. Лавров. Фото. 1870-е гг.

М. А. Бакунин. Фото 1874 г.

П. Н. Ткачев. Фото. 1870-е гг.

Д. В. Каракозов перед казнью.
Рис. И. Е. Репина. 1866 г.

С. Г. Нечаев

П. А. Шувалов

М. Н. Муравьев (“Вешатель”). Фото 1866 г.

Александр II. Портрет работы И. Н. Крамского. 1870 г.

Софья Перовская (вверху) и ее сестра Маша. Портрет работы И. К. Макарова. 1859 г.

П. А. Кропоткин. Фото 1873 г.

М. В. Куприянов. Фото. 1870-е гг.

Н. А. Морозов. Фото. Нач. 1870-х гг.

А. М. Розенштейн (Макаревич, Коста, Турати). Фото. 1870-е гг.

П. И. Войнoральский

И. Н. Мышкин

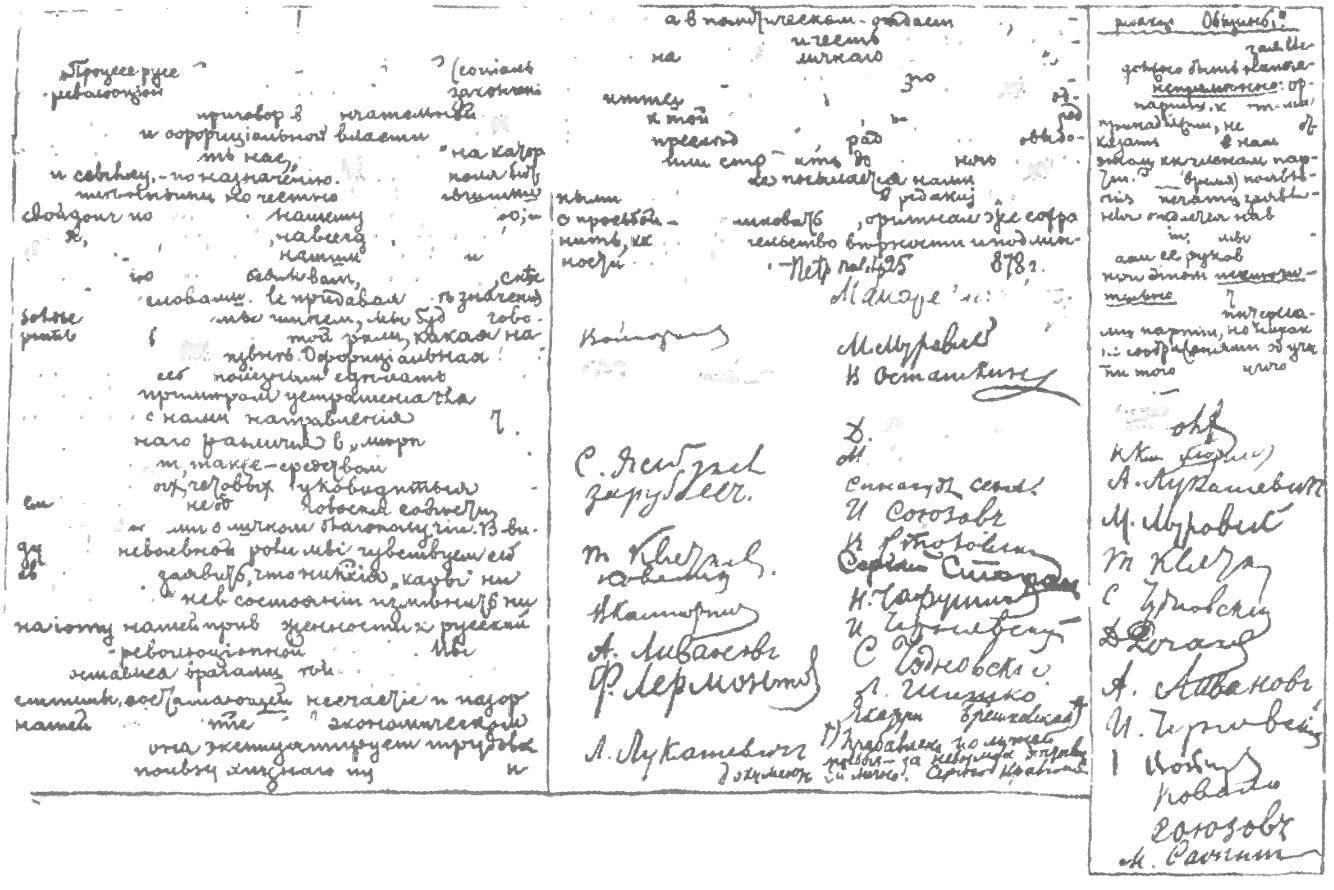

С. И. Бардина

Дом в Саратове по ул. Царицынской № 88, где помещалась мастерская И. И. Пельконена. Фото 1980-х гг.

Речь Петра Алексеева на процесе “50-ти”. Худ. Г. В. Ивановский 1952 г.

Завещание осужденных по делу “193-х”. Фотокопия

М. А. Натансон

А. Д. Михайлов.
Фото из альбома Александра III. 1880 г.

Г. В. Плеханов

В. Н. Фигнер.
Фото из альбома Александра III. 1883 г.

Я. В. Стефанович

В. И. Засулич. Фото 1877 г.

В. А. Осинский

С. М. Кравчинский (Степняк). Фото 1878 г.

Убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцова С. М. Кравчинским. Рис. Д. Н. Кардовского. 1931 г.

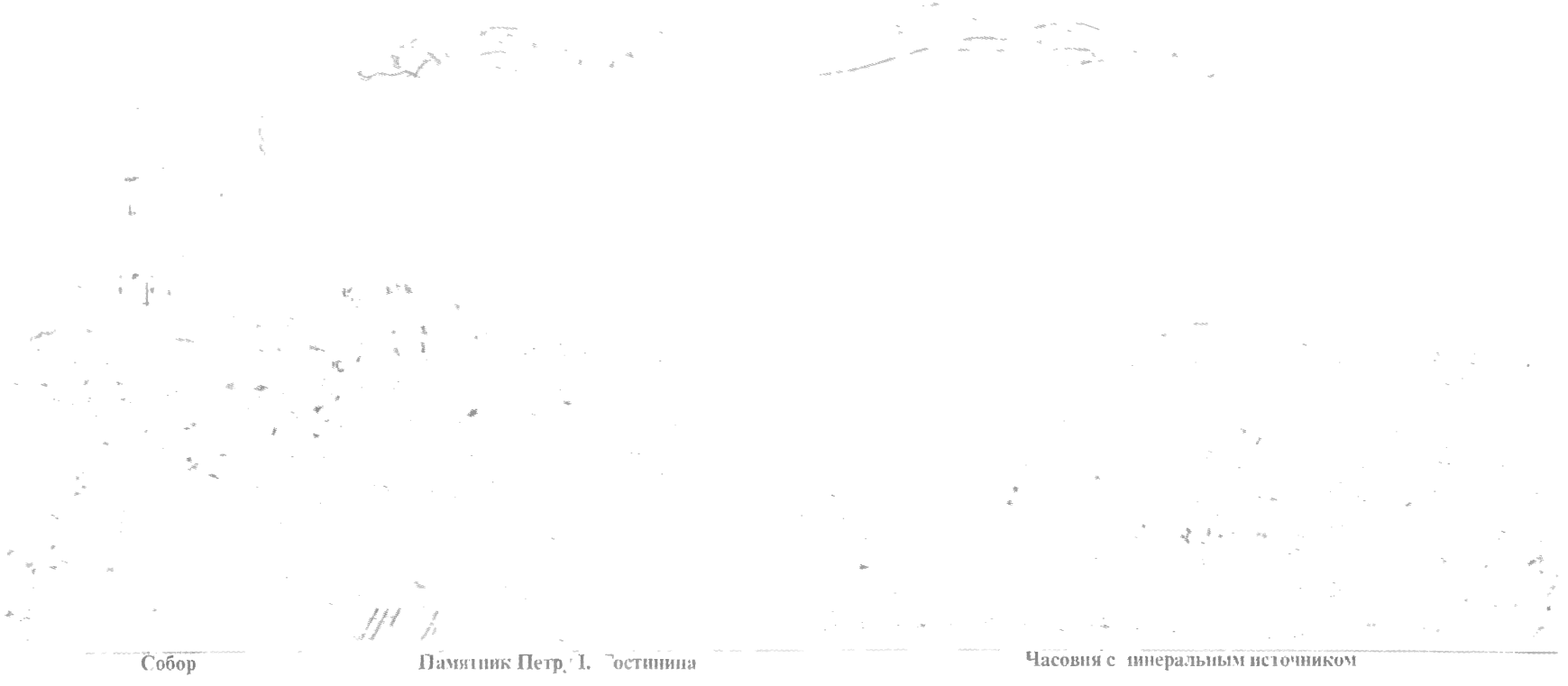

А. К. Соловьев после его покушения на Александра II. Фото 1879 г.

Покушение А. К. Соловьева на Александра II. Рис. Д. Н. Кардовского. 1931 г.

Казнь А. К. Соловьева. Рис. очевидца – корр. журнала “Illustration” (Париж). 1879 г.

Вид г. Липецка. XIX в.

Видны гостиница, где жили участники Липецкого съезда, и загородный лес, где они проводили свои заседания

А. А. Квятковский. Фото 1880 г. (?)

М. Ф. Фроленко. Фото из альбома
Александра III. 1881 гг.

М. Н. Оловенникова
(Ошанина, Кошурникова, Баранникова,
Полонская, “мадам Якобсон”).
Фото из альбома Александра III. 1880-е гг.

А. И. Желябов на суде по делу 1 марта 1881 г. Рис. с натуры К. Е. Маковского. 1881 г.

С. Л. Перовская. Фото 10 марта 1881 г. (в день ареста, за 24 дня до казни)

Н. Н. Колодкевич

Л. А. Тихомиров

Н. В. Клеточников

Н. Е. Суханов. Фото 1881 г.

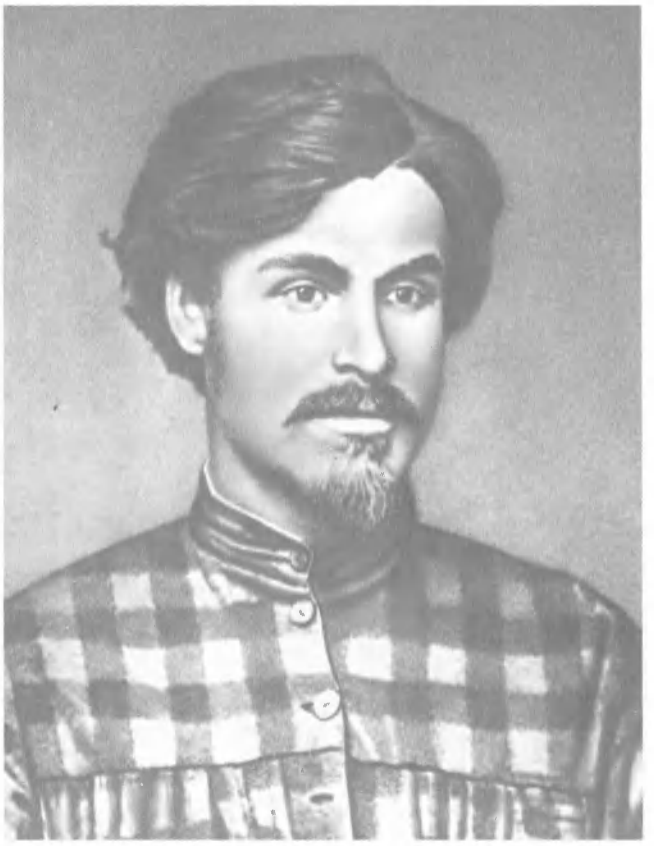
А. В. Буцевич

Н. М. Рогачев.
Фото из альбома Александра III. 1883 г.

В. Н. Миклухо-Маклай. Фото 1905 г.

С. Н. Халтурин

Н. И. Кибальчич

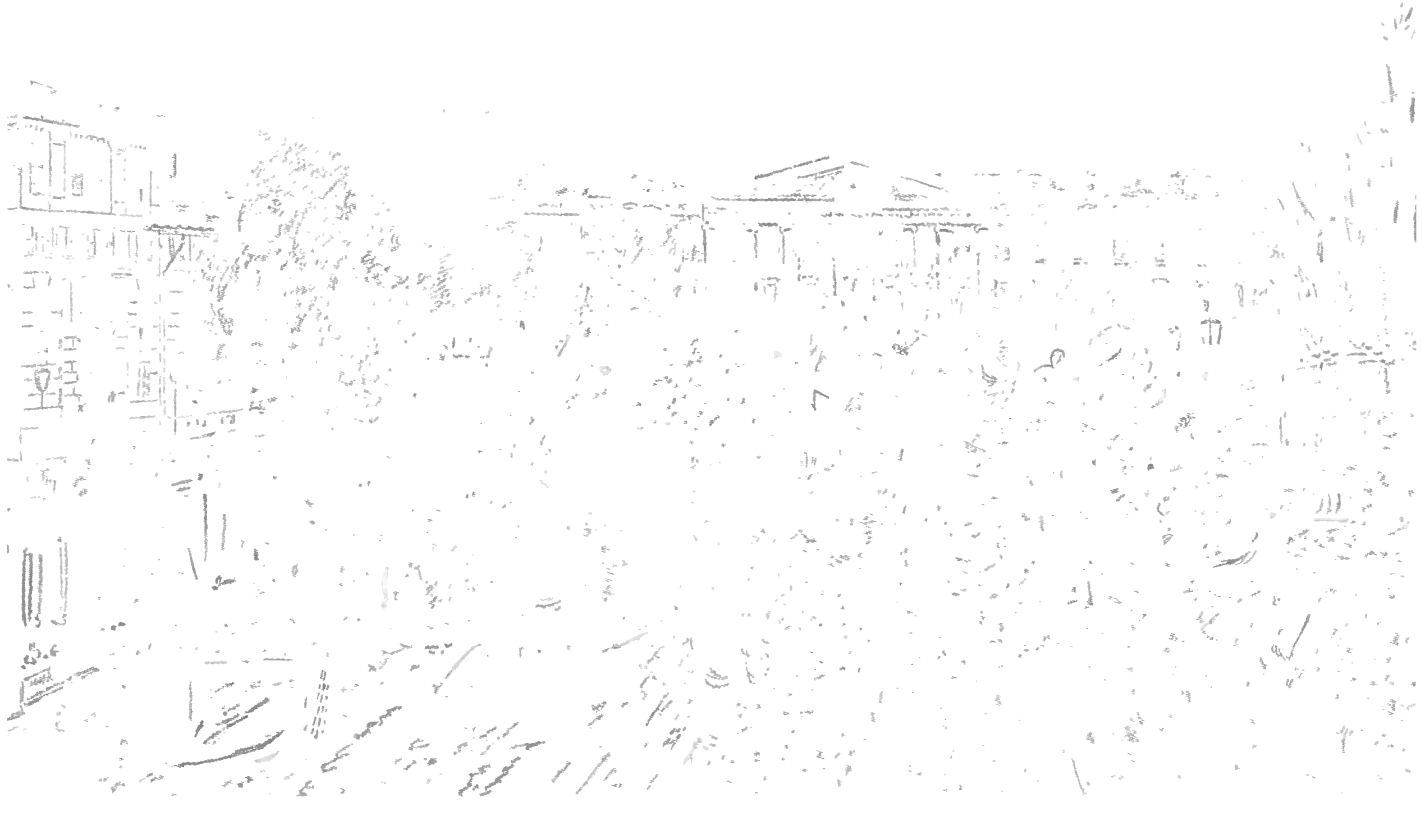
М. Ф. Грачевский.
Фото из альбома Александра III. 1882 г.

Г. М. Гельфман

М. Т. Лорис-Меликов

Цареубийство 1 марта 1881 г. Рис. из журнала “The Graphic” (Лондон)

Судебный процесс по делу 1 марта 1881 г. Рис. очевидца – корр. журнала “The Graphic” (Лондон).
На скамье подсудимых справа налево: А. И. Желябов, С. Л. Перовская,
Н. И. Кибальчич, Г. М. Гельфман, Т. М. Михайлов, Н. И. Рысаков

Карикатура на К. П. Победоносцева

Н. П. Игнатьев. Фото

Н. В. Муравьев. Фото

Александр III. Портрет работы И. Н. Крамского. 1886 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТСТАВНОЙ ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

СЕРГѢЙ ПЕТРОВЪ ДЕГАЕВЪ

Приметы: Маленькаго роста, худощавый, темный блондинъ.

обвиняется въ убійствѣ 16-го Декабря 1883 года Подполковника Судейкина.

5,000 РУБЛЕЙ

назначено за сообщеніе полиціи свѣдѣній, которыя, давъ возможность опредѣлить мѣстонахожденіе Дегаева, поведутъ къ его задержанію.

10,000 РУБЛЕЙ

будутъ выданы тому, кто, указавъ полиціи мѣстопребываніе Дегаева, окажетъ содѣйствіе къ задержанію преступника.

Объявление о розыске С. П. Дегаева. 1883 г.

Г. А. Лопатин. Фото. 1884 г.

Научное издание

Троицкий Николай Алексеевич

КРЕСТОНОСЦЫ СОЦИАЛИЗМА

Ответственный за выпуск *Д. Е. Луконин*
Технический редактор *Л. В. Агальцова*
Оригинал-макет подготовил *Д. Е. Луконин*

Подписано в печать 8.02.2002. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Бодони. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 30,0 (23,25+1 вкл.). Уч.-изд. л. 26,0. Тираж 500 экз.

Издательство Саратовского университета.
410026, Саратов, Астраханская, 83.

Н. А. Троицкий КРЕСТОНОСЦЫ СОЦИАЛИЗМА

Николай Алексеевич Троицкий - академик МАНВШ, профессор кафедры истории России Саратовского государственного университета, руководитель проекта Поддержка и развитие кафедры истории России в сотрудничестве с Санкт-Петербургским Институтом истории РАН. (Мегапроект "Развитие высшего образования в России". Институт "Открытое Общество". Фонда Сороса. Россия)

